

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ШКОЛЫ.

СОСТАВИЛЪ

В. В. ГРИГОРЬЕВЪ.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ МАМОНТОВА.
1900.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимаясь исторіей педагогики съ воспитанниками Новинской и Поливановской учительскихъ семинарій и Московскаго учительскаго института, я обратилъ вниманіе на тотъ интересъ, съ какимъ они относились къ изложенію историческаго хода русскихъ училищъ. Для удовлетворенія любознательности моихъ слушателей, я пополнялъ излагаемые имъ уроки свѣдѣніями изъ имѣвшихся у меня спеціальныхъ книгъ и журнальныхъ статей по этому предмету. По приведеніи въ систему изложенныхъ замѣтокъ, я составилъ настоящую книгу компилятивнаго характера, обнимающую собою низшія, среднія и спеціально-педагогическія училища, начиная со времени перваго возникновенія училищъ на Руси и включительно до царствованія Императора Александра II-го.

Цѣль книги чисто педагогическая: познакомить учащихся съ духомъ, направленіемъ и устройствомъ русскихъ училищъ, а также дать собранный по-возможности въ одно цѣлое очеркъ русской школы тѣмъ изъ читателей, которые интересуются этимъ предметомъ. Въ историческомъ очеркѣ училищъ XIX вѣка, съ эпохи царствованія Императора Николая I-го, я преимущественно имѣлъ въ виду описаніе училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, а съ царствованія Императора Александра II-го, я исключительно ставилъ своей задачей описаніе училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Такъ какъ высшія учрежденія, какъ, напр., Императорская Академія Наукъ, Императорская Публичная библіотека и др., преслѣдуя свои собственныя, предназначенныя имъ цѣли, оказываютъ также вліяніе на общее состояніе народнаго образованія, то я дѣлалъ краткія описанія и вышеназванныхъ учрежденій; съ такою же цѣлью я касался университетовъ, лицеевъ и другихъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, въ историческомъ очеркѣ мною помѣщены краткія свѣдѣнія о библіотекахъ, ученыхъ обществахъ, музеяхъ, съѣздахъ, выставкахъ, преміяхъ и пожертвованіяхъ на учрежденіе училищъ и на стипендіи учащимся.

Представляемый историческій очеркъ распредѣленъ по главамъ, соотвѣтственно преобладающему характеру училищъ того или другого времени или соотвѣтственно тѣмъ царствованіямъ, во время которыхъ осуществлялись главнѣйшія училищныя реформы. При историческомъ описаніи училищъ я дѣлалъ краткія указанія на состояніе образованія въ нашемъ отечествѣ въ описываемую эпоху.

Главнѣйшими источниками и пособіями служили слѣдующія сочиненія, изъ которыхъ и были сдѣланы мною требуемыя извлеченія и выдержки: Н. А. Астафьевъ (Опытъ исторіи библіи въ Россіи), А. Бобынинъ (Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи). А. Висковатовъ (Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса), А. Вороновъ (Ѳеодоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа), Владимирскій-Будановъ (Госуд. и народ. обр. въ XVIII вѣкѣ), С. Голубевъ (Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Исторія Кіевской Духовной Академіи), Голубинскій (Исторія христіанской церкви), Н. В. Губерти (Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія), И. Забѣлинъ (Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ), Знаменскій (Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года), Н. А. Лавровскій (О древне-русскихъ училищахъ. О педагогическомъ значеніи сочиненій

ГЛАВА I.

Труды славянскихъ апостоловъ и первоучителей святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія.

Просвѣщеніе славянскихъ племенъ христіанскою вѣрою начинается въ IX вѣкѣ по Р. Х. Первыми озаряются свѣтомъ христіанскаго ученія изъ западныхъ славянъ — моравы, панноны и чехи, жившіе по сосѣдству съ нѣмцами, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Венгрія и Богемія, а изъ южныхъ—болгары, жившіе по берегамъ Дуная, на границѣ съ Византіей. Эти славянскія племена, находясь еще въ язычествѣ, приходили въ частыя столкновенія съ своими сосѣдями христіанами: западные славяне—съ сосѣдними имъ нѣмцами, а болгары—съ греками. Вслѣдствіе этихъ столкновеній христіанская вѣра стала прокладывать себѣ путь и въ среду славянскихъ народовъ, при чемъ сами христіанскія государства, сосѣднія съ славянами, старались распространять между ними христіанство. Греки старались о распространеніи христіанства между болгарами съ цѣлью смягчить ихъ нравы и этимъ удерживать отъ вторженія въ свои владѣнія, нѣмцы же вводили христіанство у сосѣднихъ съ ними западныхъ славянъ, чтобы содѣйствовать уже проявившемуся въ то же время стремленію папъ къ главенству во Вселенской Церкви: ограничиваясь лишь выполненіемъ одной внѣшней стороны христіанства, они ставили своихъ нѣмецкихъ епископовъ, совершали богослуженіе на непонятномъ для славянъ латинскомъ языкѣ и, главнымъ образомъ, стремились къ тому, чтобы превратить славянъ въ нѣмцевъ, подчиненныхъ по своей религіи папскому престолу. Но, при такихъ условіяхъ, а также вслѣдствіе неимѣнія у славянъ своей письменности, священныхъ и богослужебныхъ книгъ, на родномъ ихъ славянскомъ языкѣ, дѣло распространенія

христіанства между славянами крайне затруднялось, и большинство изъ нихъ упорно продолжало отстаивать свою старую языческую вѣру. Въ такомъ состояніи славяне оставались до тѣхъ поръ, пока не озарились истинами христіанской вѣры, предоставленными имъ въ полной чистотѣ, на родномъ для нихъ славянскомъ языкѣ, во второй половинѣ IX вѣка, славянскими апостолами и первоучителями свв. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Приготовляясь къ предстоявшему имъ проповѣдническому подвигу, къ просвѣщенію западныхъ и южныхъ славянъ, свв. братья предприняли переводъ священныхъ и церковныхъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ, хорошо имъ знакомый, потому что они сами были родомъ изъ греческаго города (Солуни) съ многочисленнымъ славянскимъ населеніемъ. Такъ какъ въ то время славяне еще не имѣли своей письменности, то и потребовалось сначала изобрѣсти письменные знаки и составить изъ нихъ славянскую азбуку. Это дѣло было совершено св. Кирилломъ, по имени котораго составленная имъ азбука называется „Кириллицею“. Для составленія славянской азбуки большая часть буквъ взята цѣликомъ изъ греческой съ сохраненіемъ ихъ звукового значенія, при чемъ и самое начертаніе буквъ было удержано въ томъ видѣ, какъ онѣ изображались въ греческомъ алфавитѣ IX вѣка; остальныя же буквы, служащія для выраженія звуковъ, присущихъ особенностямъ славянскаго языка того времени, были отчасти придуманы самимъ составителемъ, а отчасти заимствованы изъ другихъ алфавитовъ. Къ древнѣйшимъ памятникамъ древне-русской письменности въ первоначальномъ видѣ Кирилловской азбуки принадлежитъ „Остромирово Евангеліе“, писанное въ 1056 и 1057 гг. дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира. Эта же азбука употребляется и въ наше время въ книгахъ церковнославянской печати, лишь съ выпускомъ нѣкоторыхъ буквъ соотвѣтственно измѣнившимся требованіямъ церковно-славянскаго языка. Составленная св. Кирилломъ азбука дала возможность свв. братьямъ перевести съ греческаго на славянскій языкъ священныя и богослужебныя книги, и первымъ ихъ переводомъ были избранныя мѣста изъ Евангелія и Апостола, читаемыя при богослуженіи.

Прибывъ въ славянскія земли съ цѣлью распространенія и утвержденія тамъ христіанскаго православнаго вѣроученія, свв. братья особенно потрудились на пользу духовную славянъ, жившихъ въ Болгаріи, Панноніи и Моравіи. Проповѣдуя слово Божіе

и совершая церковную службу на понятномъ для народа славянскомъ языкѣ, продолжая свои труды по переводу священныхъ и церковныхъ книгъ, свв. братья въ посѣщаемыхъ ими славянскихъ земляхъ строили церкви, заводили школы и обучали славянской грамотѣ, чтенію и пѣнію. Труды ихъ имѣли такой успѣхъ, что славяне толпами стекались къ нимъ, поучались слову Божію и, уразумѣвъ истины православной вѣры, принимали святое крещеніе. По кончинѣ св. Кирилла, послѣдовавшей въ Римѣ 14-го февраля 869 г., братъ его св. Меѳодій ревностно продолжалъ начатое ими дѣло просвѣщенія славянъ, а равно и переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Съ твердостью преодолѣвая всякія препятствія, съ терпѣніемъ и кротостью перенося клеветы и оскорбленія со стороны враговъ православія, подвергаясь лишеніямъ и страданіямъ, св. Меѳодій не оставлялъ своей просвѣтительной дѣятельности до самой своей кончины, послѣдовавшей въ гор. Велеградѣ (въ Моравіи) 6-го апрѣля 885 г. Тогда ученики и послѣдователи св. Меѳодія продолжали проповѣдническое дѣло между славянами, но, преслѣдуемые нѣмецкими епископами, подвергаемые униженіямъ и страданіямъ, они были изгнаны своими врагами изъ Моравіи и Панноніи и устремились въ другія славянскія земли, гдѣ и продолжали дѣло своего учителя: такъ, они проповѣдывали у чеховъ, сербовъ и болгаръ, вездѣ распространяя слово Божіе, священныя и богослужебныя книги и славянскую грамоту.

Нѣкоторыя изъ славянскихъ народовъ, просвѣщенныхъ Христовой вѣрой, усердно предались книжному дѣлу и ревностно заботились о распространеніи духовнаго просвѣщенія. Особенно успѣла въ этомъ отношеніи Болгарія, письменность которой, обогащенная многими переводами съ греческаго, отличалась богатствомъ своей богословской литературы, не уступавшей литературамъ греческой и латинской того времени; самыми цвѣтущими эпохами болгарской книжной дѣятельности были IX и X вѣка, а изъ царей болѣе всего содѣйствовалъ успѣху просвѣщенія болгарскій царь „Книголюбецъ“ Симеонъ, собиравшій вокругъ себя многихъ писателей и переводчиковъ. Кромѣ болгаръ, и другіе славянскіе народы, удержавшіе у себя православную вѣру, какъ напримѣръ, сербы, занимались также переводами божественныхъ и религіозныхъ книгъ и этимъ, съ своей стороны, содѣйствовали умноженію и обогащенію славянской письменности.

Книги, переведенныя и составленныя свв. славянскими первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками и послѣдователями, уже въ первую эпоху государственнаго устройства Руси, по мѣрѣ возникавшихъ съ Болгаріею сношеній, стали проникать и къ намъ. Со времени же крещенія Руси равноапостольнымъ княземъ Владимиромъ Святымъ, эти книги становятся сокровищницею того духовнаго достоянія, которое легло въ основу всей религіозно-нравственной и культурной жизни русскаго народа. Уразумѣвая основы и истины православной вѣры изъ тѣхъ же книгъ, чрезъ посредство которыхъ озарилась Русь свѣтомъ христіанства, русскій народъ и теперь смотритъ на нихъ, какъ на главный источникъ своего просвѣщенія и образованія. Выработанный свв. первоучителями церковно-славянскій языкъ, который столько вѣковъ былъ нашимъ книжнымъ языкомъ, и понынѣ остался языкомъ нашей церкви. Составленная нашими свв. первоучителями славянская азбука, сохранившаяся теперь въ нашей церковной печати, служила средствомъ для увѣковѣченія тѣхъ памятниковъ древней письменности, религіозно-нравственной, исторической и литературной, путемъ которой и теперь утверждается въ русскомъ народѣ духъ православія и народности. Полученныя нами отъ западныхъ славянъ богослужебныя книги, кромѣ своего религіозно-нравственнаго значенія, сдѣлались въ то же время главнымъ источникомъ нашего древняго образованія, нашей древней книжной мудрости. Съ водвореніемъ на Руси грамотности и первой школы, эти же божественныя книги были единственными книгами, чрезъ посредство которыхъ учащіеся получали свое религіозно-нравственное развитіе и тѣ истинныя знанія, которыя составляютъ главную и существенную основу начальнаго народнаго образованія; онѣ опредѣлили характеръ и направленіе послѣдующаго образованія русскаго народа и вызвали въ немъ любовь ко всему божественному, къ чтенію, изученію и переписыванію божественныхъ книгъ, любимымъ занятіямъ грамотныхъ русскихъ людей.

Та цѣль, ради которой прибыли наши свв. первоучители къ призвавшимъ ихъ западнымъ славянамъ, какъ говоритъ преподобный Несторъ въ своей лѣтописи, чтобы „сказати книжныя словеса и разумъ ихъ“, чтобы „протолковати святыя книги“, сдѣлалась цѣлью и нашего древне-русскаго образованія. Первыя русскія школы, со временъ своего основателя великаго князя Владимира Святого, имѣвшія главною цѣлью приготовленіе священно и

церковно-служителей, наставляли учащихся уразумѣнію истинъ православной вѣры; всегда находясь въ тѣсной и неразрывной связи съ церковью и заимствуя свой свѣтъ отъ церкви, русская школа чрезъ посредство тѣхъ же книгъ усвоила себѣ характеръ церковности, и грамотность, съ перваго своего водворенія, получила для народа исключительное значеніе, какъ средство къ уразумѣнію слова Божія. Эта связь православной церкви со школою всегда поддерживалась какъ самимъ русскимъ народомъ и его учителями — православнымъ духовенствомъ, такъ и правителями государства, зорко ограждавшими ее отъ всего иноземнаго и чуждаго православію.

Получая, какъ свою незыблемую основу, слово Божіе, переданное на родномъ, понятномъ для всѣхъ церковно-славянскомъ языкѣ, будучи доступною для народа и имѣя своими учителями православное русское духовенство, тоже вышедшее изъ среды народа, русская школа вмѣстѣ съ тѣмъ, съ перваго своего водворенія усвоила себѣ духъ народности. На этихъ началахъ—православіи и народности, наша школа незыблемо и стойко просуществовала во всѣ эпохи жизни русскаго государства, и въ наше время, одухотворяемая этими же неизмѣнными началами, продолжаетъ свою воспитательно-образовательную дѣятельность.

Такимъ образомъ, просвѣтительная дѣятельность свв. славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія отразилась своимъ благодатнымъ свѣтомъ и на внутренней духовной жизни русской школы, утвердившейся чрезъ посредство переведенныхъ ими божественныхъ книгъ, на основахъ православія и народности. Поэтому-то и исторія нашей народной школы должна считать своимъ началомъ труды свв. первоучителей по составленію ими церковно-славянской азбуки и переводу на церковно-славянскій языкъ божественныхъ и церковныхъ книгъ.

ГЛАВА II.

Училища въ эпоху великаго князя Владимира Святого и его преемниковъ.

Заботы великаго князя Владимира Святого и его преемниковъ объ образованіи. — Духовенство. — Монастыри. — Міряне. — Устное поученіе. — Училища. — Обученіе чтенію. — Обученіе письму. — Обученіе пѣнію. — Дисциплинарныя средства. — Характеръ училищъ. — Книги. — Распространеніе образованія.

Заботы великаго князя Владимира Святого и его преемниковъ объ образованіи. Чтобы ознакомить свой народъ съ истинами христіанской вѣры и приготовить священно-служителей, великій князь Владимиръ Святой заимствовалъ изъ Греціи тѣ образовательныя средства, которыя соотвѣтствовали предстоявшему для русскаго народа великому подвигу, принятію св. крещенія—обученіе грамотѣ и изученіе божественныхъ и церковныхъ книгъ. По своемъ возвращеніи въ Кіевъ изъ похода на Корсунь, вмѣстѣ съ повелѣніемъ крестить народъ (988) по всѣмъ городамъ и селамъ и вездѣ строить церкви, Владимиръ Святой повелѣваетъ и обучать дѣтей ученію книжному, для чего и заводитъ школы по образцу греческихъ. Первыя школы возникаютъ въ Кіевѣ; первыми учителями служатъ греки, привезенные великимъ княземъ изъ Греціи, и болгарскіе славяне, съ которыми русскіе были въ сношеніяхъ еще до своего крещенія, когда у болгарскихъ славянъ уже значительно процвѣтали и христіанская вѣра, и христіанское просвѣщеніе. Первыми книгами, посредствомъ которыхъ началось и распространялось образованіе на Руси, были перешедшія изъ Болгаріи и привезенныя изъ Греціи книги священнаго писанія и богослужебныя, переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ свв. славянскими первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками. Обученіе началось съ дѣтей и членовъ великокняжеской семьи, а также, по повелѣнію великаго князя, должны были обучаться и дѣти бояръ и лицъ высшаго сословія, приближенныхъ къ великому князю. Такъ какъ въ это время, для распространенія и утвержденія христіанства, была существенная потребность въ священникахъ, то въ школахъ обучались, главнымъ образомъ, тѣ изъ народа, которые подготовляли себя къ священству. Обучившіеся книжному знанію священники, въ свою очередь, должны были открывать школы при своихъ домахъ и обучать дѣтей гра-

мотѣ и этимъ содѣйствовать распространенію образованія. Такимъ образомъ, съ перваго водворенія на Руси грамотности и школы, въ основу русскаго образованія было положено слово Божіе, изученіе котораго чрезъ посредство божественныхъ книгъ, переданныхъ намъ на родномъ церковно-славянскомъ языкѣ, сдѣлалось главнымъ и единственнымъ воспитательно-образовательнымъ средствомъ для русскаго народа.

Слѣдуя примѣру великаго князя Владимира Святого, преемники его и приближенныя къ нимъ лица высшихъ сословій, а также и православное духовенство, въ томъ же духѣ продолжаютъ распространеніе и утвержденіе на Руси образованія и содѣйствуютъ возникновенію училищъ. Великій князь Ярославъ (1019 — 1054), по примѣру своего родителя, ревностно заботился о книжномъ образованіи своей семьи и своего народа. Будучи самъ образованнымъ человѣкомъ, онъ любилъ читать книги, самъ дѣлалъ переводы съ греческаго языка на славянскій и окружалъ себя учеными, которые по его приказанію переводили многія книги съ греческаго на славянскій и дѣлали списки съ нихъ. Собравъ много книгъ и положивъ ихъ при Кіево-Софійскомъ соборѣ, Ярославъ далъ начало первой русской библіотекѣ, черезъ что грамотные люди получили новое средство для своего просвѣщенія. Поставляя по городамъ и селеніямъ церковно-служителей, онъ опредѣлялъ имъ изъ своего имѣнія жалованье, а посѣтивъ въ 1030 г. Новгородъ, основалъ въ немъ большое училище, въ которомъ съ перваго раза начали обучаться триста дѣтей старостъ и пресвитеровъ. Объ его ревностномъ усердіи къ дѣлу образованія лѣтописецъ говоритъ, что „онъ насѣялъ книжными словесы сердца вѣрныхъ людей“. Сынъ Ярослава Всеволодъ († 1093), отличаясь образованіемъ и знаніемъ пяти языковъ, также давалъ подаянія на училища. Внукъ Ярослава, Владимиръ Мономахъ (1113 — 1125), въ составленномъ имъ и дошедшемъ до насъ „Поученіи“ даетъ своимъ дѣтямъ, а также и „инымъ“ людямъ, кто прочтетъ и „приметъ въ сердце свое“ его „грамотицю“, тѣ мудрые совѣты, которые, свидѣтельствуя объ его благочестіи, начитанности и умѣ, вполнѣ приложимы и въ наше время; такъ, между прочимъ, онъ наставляетъ своихъ дѣтей имѣть болѣе всего страхъ Божій и не поддаваться лѣни, что знаютъ, того чтобы не позабывали, и чего не знаютъ, чтобы тому учились, при чемъ ставитъ въ примѣръ своего отца, говоря: „отецъ мой и дома сидя, научился пяти язы-

камъ, въ этомъ бываетъ честь отъ другихъ земель". Смоленскій князь Романъ Ростиславовичъ († 1180), будучи самъ весьма ученымъ, истощалъ всѣ свои доходы на устройство училищъ и на содержаніе учителей. Галицкій князь Ярославъ Владимировичъ († 1188) вмѣнялъ черноризцамъ въ обязанность — обучать дѣтей и удѣлять на то часть монастырскихъ доходовъ. Великій князь владимирскій, Константинъ Всеволодовичъ († 1218), образованнѣйшій и благочестивѣйшій мужъ своего времени, зналъ многіе языки, собиралъ книги, держалъ при себѣ ученыхъ людей, дѣлавшихъ переводы съ греческаго языка на славянскій, устроилъ училище во Владимирѣ и по смерти своей отказалъ свой домъ и книги училищу. Имѣются свѣдѣнія, что въ концѣ XI столѣтія (1086) было основано въ Кіевѣ при Андреевскомъ монастырѣ княгинею Анною (Янкой), дочерью Всеволода Ярославича, училище на 300 дѣвицъ, гдѣ онѣ обучались не только грамотѣ, но и пѣнію, шитью и другимъ ремесламъ; слѣдовательно, въ это время водворяется на Руси и женское образованіе.

Такимъ образомъ, князья русскіе, вмѣстѣ съ своими приближенными изъ лицъ высшаго сословія, слѣдуя примѣру великаго князя Владимира Святого, ревностно заботятся о распространеніи грамотности какъ въ своихъ семьяхъ, такъ и въ своемъ государствѣ, являются первыми водворителями образованія на Руси и главными его двигателями: они повелѣваютъ открывать школы, собираютъ книги, покупаютъ ихъ дорогою цѣною, окружаютъ себя образованными людьми, дѣлаютъ переводы книгъ, составляютъ книгохранилища, удѣляютъ свои доходы на училища и пр.

Духовенство. Уже съ перваго водворенія образованія на Руси, православное духовенство является тѣмъ сословіемъ, на которое падаютъ по преимуществу всѣ заботы о народномъ воспитаніи и обученіи. Лица высшей духовной іерархіи, подкрѣпляя великихъ князей въ ихъ стремленіяхъ къ просвѣщенію своего народа, подаютъ имъ совѣты, дѣлаютъ указанія относительно постановки книжнаго дѣла, даютъ наставленія учителямъ, содѣйствуютъ открытію училищъ и своими поученіями и проповѣдями возбуждаютъ и развиваютъ духовныя силы народа для религіозно-нравственной и умственной жизни. Дошедшіе до насъ отъ этой эпохи литературные памятники переводной и оригинальной духовной письменности свидѣтельствуютъ о той высокой степени образованности, которой достигли многія изъ лицъ русскаго духовенства; къ та-

кимъ памятникамъ принадлежатъ сочиненія митрополита Иларіона, игумена печерскаго Өеодосія, епископа новгородскаго Луки Жидяты, перваго лѣтописца Нестора, св. Кирилла, епископа туровскаго и другихъ. Эти подвижники вѣры и пастыри церкви, обладая высокимъ умомъ, глубокими и обширными знаніями и мудростью, почерпнутою изъ св. писанія и святоотческихъ твореній, внесли тотъ цѣнный вкладъ въ нашу письменность, который продолжаетъ служитъ источникомъ и для нашего назиданія, и для научныхъ изслѣдованій.

Предпринимавшіяся съ давняго времени нѣкоторыми духовными лицами путешествія ко святымъ мѣстамъ, въ Іерусалимъ и на Аөонъ, оказывали также свое образовательное вліяніе на народную массу: по возвращеніи на родину, они составляли описаніе своего паломничества и передавали разсказы о всемъ ими видѣнномъ, и, такимъ образомъ, знакомили своихъ соотечественниковъ съ чужими странами и народами. Изъ такихъ паломническихъ описаній извѣстны, напримѣръ, „Хожденіе“ игумена Даніила, бывшаго въ Іерусалимѣ при крестоносцахъ, „Путешествіе“ паломника архіепископа Антонія, посѣтившаго въ свое путешествіе и Константинополь, и др.

Главными же проводниками образованія въ народную массу являются православные священники, которые, обучившись книжному знанію, по приказанію великихъ князей, должны были открывать при церквахъ школы и знакомить дѣтей съ ученіемъ книжнымъ. Такимъ образомъ, кромѣ своихъ непосредственныхъ обязанностей, какъ пастырей церкви, наставляющихъ народъ христіанской вѣрѣ, русскому духовенству, съ перваго его возникновенія, поручается учрежденіе школъ и учительство въ нихъ: приготовляя въ своихъ школахъ будущихъ служителей церкви, обучая также и всѣхъ желающихъ изъ народа грамотности и слову Божію, священно- и церковно-служители являются первыми русскими народными учителями.

Монастыри. Монастыри, получившіе свое начало въ эту же эпоху, вскорѣ становятся также главными разсадниками книжнаго образованія и письменности. Упражняясь въ подвижничествѣ и дѣлахъ благочестія, иноки наставляли и всѣхъ приходящихъ въ истинахъ вѣры и въ христіанской добродѣтели; для этой цѣли, между прочими средствами, они сами занимались книжнымъ дѣломъ и обучали другихъ грамотности. Такое образовательное зна-

ченіе монастыри получили со времени игумена Кіево-Печерскаго монастыря Ѳеодосія († 1074), который, устроивъ правильное монастырское общежитіе, вмѣнялъ инокамъ „быть бодрымъ на пѣніе церковное, на преданія отеческія и на почитаніе книжное". Кіево-Печерскій монастырь какъ при своемъ возникновеніи, такъ и въ послѣдующее время всегда оставался средоточіемъ духовной и умственной народной жизни и всегда былъ „живымъ свѣтомъ знанія и науки..... живою душой просвѣщенія общественнаго". По примѣру Кіево-Печерскаго, и прочіе древне-русскіе монастыри въ каждой области, гдѣ они существовали, составляли тѣ средоточія, изъ которыхъ по всему ея пространству и по всѣмъ направленіямъ распространялось религіозно-нравственное и книжное образованіе. При монастыряхъ устраивались школы, между монахами были книжные люди, занимавшіеся составленіемъ списковъ съ книгъ, переводами и оригинальными письменными трудами. Книги, составлявшія сначала частную собственность нѣкоторыхъ монаховъ, послѣ ихъ смерти отказывались монастырю, и такимъ образомъ полагалось основаніе монастырской библіотекѣ; постоянно пополняясь и увеличиваясь, многія изъ этихъ монастырскихъ книгохранилищъ становятся цѣнными сокровищницами и хранительницами памятниковъ духовной и исторической жизни русскаго народа. Такимъ же образовательнымъ направленіемъ отличались и нѣкоторые женскіе монастыри: такъ, св. Евфросинія Полоцкая († 1173), наученная книжному писанію, устроивъ монастырь, сдѣлала обученіе грамотѣ одною изъ главныхъ обязанностей инокинь.

Міряне. По крещеніи Руси, великій князь Владиміръ Святой, какъ говоритъ лѣтописецъ, „нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученіе книжное". Слѣдовательно, боярскія дѣти—нарочитое чади дѣти—были изъ первыхъ, съ которыхъ началось книжное обученіе, и бояре должны были представлять на Руси самое просвѣщенное сословіе, получающее высшее образованіе. Послѣ учителей изъ грековъ, начавшихъ обученіе боярскихъ дѣтей, эта обязанность пала на лицъ изъ русскаго духовенства, а изъ среды образованныхъ бояръ выбирались кормильцы или дядьки къ юнымъ княжичамъ. Такъ какъ въ школы, учреждаемыя какъ греками, такъ и русскимъ духовенствомъ, могли поступать всѣ, міряне и духовные, то, кромѣ высшаго сословія, вѣроятно, и многіе изъ гражданъ были также людьми грамотными; въ житіяхъ русскихъ святыхъ нерѣдки примѣры, что русскіе юноши, подъ вліяніемъ

чтенія духовныхъ книгъ, оставляютъ мірскую суету и уходятъ въ монастыри. Дошедшее до насъ „Слово Даніила Заточника“, (XII в.), написанное мiряниномъ, свидѣтельствуетъ, что грамотность была доступна въ эту эпоху и простымъ людямъ мірского званія. Нѣкоторые изъ мірянъ, ознакомившись въ школѣ съ книжнымъ дѣломъ, сами становились учителями, открывали подобныя же школы, въ которыхъ обучали грамотности. Такіе учителя изъ мірянъ получили впослѣдствіи названіе „мастеровъ“; они учили преимущественно по селамъ и принимали къ себѣ на выучку даже дѣтей несвободнаго и рабскаго происхожденія.

Кромѣ церковнаго богослуженія, совершавшагося въ храмахъ на понятномъ для всѣхъ родномъ церковно-славянскомъ языкѣ, изъ другихъ средствъ, содѣйствовавшихъ духовно-нравственному образованію народа, первое мѣсто занимали—устное поученіе, училища и книги.

Устное поученіе, обыкновенно въ формѣ церковной проповѣди, было однимъ изъ главныхъ средствъ для проведенія въ народную массу тѣхъ истинъ православнаго вѣроученія и правилъ религіозной нравственности, которыя легли въ основу духовной жизни русскаго народа. Дошедшіе до насъ письменные памятники того времени свидѣтельствуютъ какъ о силѣ и красотѣ слова, такъ и о высокомъ образованіи нашихъ первыхъ проповѣдниковъ. Такъ, Кириллъ Туровскій (XII в.), названный современниками русскимъ Златоустомъ, кромѣ составленныхъ имъ многихъ пастырскихъ и обличительныхъ посланій, каноновъ и молитвъ, снискалъ себѣ славу своими проповѣдями, или поученіями, обращенными къ паствѣ въ большіе или Господскіе праздники. Своими поученіями и любовью къ книжному дѣлу не меньшею извѣстностью пользовался ростовскій епископъ Кириллъ II (1231—1262). По словамъ лѣтописи, князья, вельможи, жители Ростова и окружныхъ городовъ приходили въ соборную церковь Богородицы послушать поученія его „отъ святыхъ книгъ“. Дошедшія до насъ два сочиненія митрополита Иларіона: „Исповѣданіе вѣры“ и „Слово о благодати и истинѣ съ похвалою князю Владиміру“, которое онъ говорилъ передъ людьми „преизлиха насытившимися сладости книжныя“, свидѣтельствуютъ о высокой степени ораторскаго искусства нашихъ проповѣдниковъ того времени.

Училища. Главною цѣлью первыхъ училищъ было водвореніе между новообращенными христіанами слова Божія и приготовленіе

священниковъ и причетниковъ для приходскихъ церквей; затѣмъ дѣятельность школы расширяется, и она становится вообще мѣстомъ, въ которомъ всѣ желающіе получали религіозно-нравственное образованіе. Предметы обученія въ школахъ были немногочисленны и обнимали собою лишь тѣ знанія, которыя содѣйствуютъ религіозно-нравственному развитію учащихся, а именно: слово Божіе, славянская грамота и письмо, пѣніе и греческій языкъ, какъ необходимый для пастырей по дѣламъ вѣры.

Обученіе чтенію. Такъ какъ главнымъ предметомъ было чтеніе и изученіе слова Божія, то ученіе начиналось съ обученія чтенію. Обученіе это производилось тѣмъ же буквослагательнымъ способомъ, который, будучи единственнымъ и всеобщимъ въ нашемъ отечествѣ до конца прошлаго столѣтія, еще и теперь, съ появленіемъ новыхъ методовъ, не вездѣ считается отжившимъ. Способъ этотъ былъ заимствованъ нами также отъ грековъ, нашихъ первыхъ учителей, перенесшихъ его изъ Греціи. Обученіе начиналось съ азбуки и состояло въ затверживаніи на память названій буквъ и въ запоминаніи ихъ очертаній. Буквы повторялись сначала учителемъ въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ ученикъ слѣдилъ и повторялъ за нимъ, пока не затвердитъ на память названій ихъ и не освоится съ очертаніемъ каждой отдѣльной буквы. Затѣмъ переходили къ складыванію слоговъ, къ складамъ, и когда они были всѣ прочитаны, то слѣдовало складываніе слоговъ въ слова. Научившись этимъ способомъ чтенію, ученикъ получалъ книгу религіозно-нравственнаго содержанія, надъ которой и производилось дальнѣйшее его обученіе и усовершенствованіе въ чтеніи. Такою книгою съ древнѣйшихъ временъ былъ псалтырь, который и понынѣ принадлежитъ къ самымъ излюбленнымъ книгамъ русскаго народа. Псалтырь даже съ толкованіемъ былъ у насъ въ переводѣ въ самое отдаленное время, списки съ него сохранились отъ XI и XII вѣковъ. Это была любимая книга народа и князей, сопровождавшая ихъ повсюду, къ которой они обращались особенно въ минуты горести и грусти. Лѣтописецъ говоритъ, что св. Борисъ, будучи окруженъ убійцами „вставъ, нача пѣти, глаголя: Господи! что ся умножиша стужающіи мнѣ“; когда братья угрожали Владиміру Мономаху, онъ „вземъ псалтырю въ печали“. Иноки знали даже наизусть весь псалтырь, такъ, св. Спиридонъ „изучи всю псалтырю изустъ“. Въ одномъ изъ своихъ поученій преподобный Ѳеодосій игуменъ печерскій совѣтуетъ инокамъ „имѣть

въ устахъ псалтырь Давидову“. Быть можетъ, изученіе псалтыря было хоровое, такъ какъ псалмы обыкновенно пѣлись, или читались нараспѣвъ.

Обученіе письму. Относительно способа обученія письму можно заключить изъ словъ митрополита Петра: „елика написоваше ему учитель его, малымъ проученіемъ изучеваше“; слѣдовательно, первоначальный способъ обученія письму былъ показывательный. Прописныхъ буквъ въ то время еще не было, и письменность состояла въ копированіи буквъ оригинала. Извѣстно, что съ древнѣйшаго времени въ письмѣ обращали вниманіе на то, чтобы писали прямо, красиво и правильно; послѣднее условіе касалось, главнымъ образомъ, правильнаго употребленія буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ. Вообще видно, что письмо составляло отдѣльное искусство, которое усвоивалось съ большимъ трудомъ, особенно когда требовалась точность и тщательность. Поэтому многіе писцы на послѣднемъ листѣ, послѣсловіи, высказываютъ свою радость по случаю окончанія своей работы, сравнивая себя съ женихомъ, радующимся о своей невѣстѣ, или съ зайцемъ, избѣжавшимъ тенетъ и пр.

Обученіе пѣнію. Обученіе пѣнію имѣло мѣсто съ самаго перваго существованія училищъ на Руси. Еще въ XI вѣкѣ въ лѣтописи упоминается о званіи демественника, который былъ уставщикомъ пѣнія. Изъ лѣтописей же видно, что предки наши особенно любили церковное пѣніе, которымъ занимались не только приготовлявшіеся къ духовному званію, но и свѣтскія лица, а также и князья; еще въ XI вѣкѣ у насъ уже были свои пѣснопѣвцы и слагатели духовныхъ пѣсенъ (Георгій—творецъ каноновъ въ 1095 г., Кириллъ Туровскій и пр.). Учителями пѣнія или демественниками въ древнѣйшую пору у насъ были болгарскіе пѣвцы, и напѣвъ болгарскій извѣстенъ и доселѣ. Со времени Ярослава въ обученіи пѣнію принимаютъ участіе и греки, отъ которыхъ мы также приняли особый родъ пѣнія. Ноты назывались въ старину знаменіями и сначала изображались буквами, подобными греческимъ; потомъ ихъ замѣнили крюковыя ноты, употребляющіяся и до сихъ поръ у старообрядцевъ.

Дисциплинарныя средства. Въ наставленіи первосвятителя митрополита Михаила, бывшаго также совѣтникомъ и помощникомъ великаго князя Владиміра Святого въ дѣлѣ распространенія образованія, ясно указывается на примѣнявшіяся въ первыхъ учили-

щахъ дисциплинарныя мѣры. Первосвятитель Михаилъ самъ призывалъ къ себѣ учителей и объяснялъ имъ ихъ обязанности и наставлялъ тѣмъ правиламъ, которыми они должны руководствоваться при обученіи и воспитаніи дѣтей. Онъ требовалъ, чтобы училищная дисциплина была основана на евангельской кротости и любви, съ положительнымъ запрещеніемъ дѣйствовать строгими мѣрами или жестокостью. Онъ повелѣвалъ не только учить, но и воспитывать дѣтей на началахъ религіозной нравственности, учить ихъ благонравію, правдѣ и любви и „зачялу премудрости—страху Божію, чистотѣ и смиреномудрію"; учителя должны предлагать дѣтямъ ученіе „отъ закона Господня на пользу души и тѣлу" и благоразумно приспособляться въ своихъ урокахъ къ силамъ и понятіямъ каждаго.

Характеръ училищъ. Что касается устройства первыхъ школъ, то въ этомъ отношеніи, вѣроятно, онѣ представляли сходство съ греческими. Привезенные Владимиромъ Святымъ ученые греки организовали и русскія училища по образцу элементарныхъ греческихъ школъ, которыя въ это время были частными училищами; именно, приходскіе священники содержали при церквахъ частныя школы грамотности, въ которыя родители отдавали своихъ дѣтей за плату, смотря по своимъ средствамъ и усердію. Хотя первыя наши училища и открывались по повелѣнію великихъ князей и лицъ высшихъ сословій и иногда получали отъ нихъ содержаніе, но большинство училищъ возникало по частному почину и носило характеръ частныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, находившихся на полномъ попеченіи священниковъ, состоявшихъ въ нихъ и учителями. Такъ какъ въ это же время въ Греціи было много и благотворительныхъ заведеній (орфанотробіи и брефотробіи), то и въ учрежденныхъ на Руси училищахъ дѣти бѣдныхъ родителей содержались, вѣроятно, на церковный счетъ. Изъ словъ лѣтописца, что матери, отдавая дѣтей на ученіе „аки по мертвецы плакахуся", можно заключить, что онѣ надолго разлучались съ своими дѣтьми, отдавая своихъ дѣтей въ училище, въ которомъ, можетъ быть, дѣти оставались постоянно. При этомъ преслѣдовалась та цѣль, чтобы дѣти, воспитываясь въ христіанской нравственности, не оставались въ средѣ своихъ семей, бывшихъ еще въ язычествѣ или еще не твердыхъ въ христіанскомъ вѣроученіи. Обученіе начиналось, вѣроятно, съ того возраста, который полагается для первой исповѣди, т. е. съ семи лѣтъ, на что указываетъ цѣлый

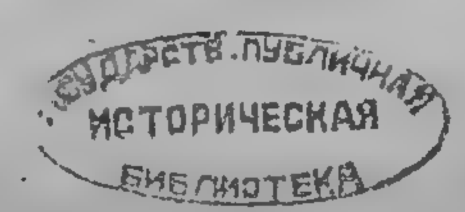
рядъ житій святыхъ. Занятія открывались съ 1-го ноября, въ день Косьмы и Даміана, считавшихся у грековъ ближайшими помощниками въ обученіи, или же съ 1-го декабря въ день пророка Наума. Передъ началомъ ученія уже искони заведенъ обычай — совершать молебенъ. Всѣ школы были одного типа и служили лишь для начальнаго образованія; болѣе же высшимъ образованіемъ, можно предположить, отличалась Новгородская школа, въ которой знакомили не только съ грамотою, но и „учили книгамъ“ дѣтей старостъ и поповыхъ, изъ которыхъ набирали „охочихъ къ ученью“.

Такъ какъ первыя русскія училища имѣли главною цѣлью— приготовлять пастырей и служителей церкви и наставлять слову Божію всѣхъ желающихъ изъ народа, то для достиженія этого школа должна была прежде всего воспитывать своихъ учениковъ въ правилахъ и согласно требованіямъ православной церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ, она давала своимъ ученикамъ и соотвѣтствующее религіозно-нравственное образованіе; поэтому-то русская школа съ перваго своего возникновенія является учебно-воспитательнымъ заведеніемъ съ православно-церковнымъ характеромъ. Руководимая православнымъ русскимъ духовенствомъ, обучающимъ на родномъ церковно-славянскомъ языкѣ, преслѣдуя лишь цѣли, указываемыя требованіями русской жизни, русская школа, по своему духу и внутреннему строю, является учрежденіемъ вполнѣ народнымъ, національно-русскимъ; будучи же доступна для всѣхъ сословій и для каждаго, желавшаго получить книжное образованіе, она въ то же время получаетъ характеръ всесословности. Слѣдовательно, школы этой эпохи представляются начальными учебно-воспитательными заведеніями съ православно-церковнымъ и національно-русскимъ характеромъ, доступными для учащихся всѣхъ сословій.

Книги. Съ перваго водворенія христіанства появляются на Руси рукописныя книги священнаго писанія и богослужебныя, полученныя нами отъ южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ. Изученіе книгъ св. писанія и духовно-нравственныхъ, при первомъ ихъ появленіи въ Россію, сдѣлалось главнымъ двигателемъ умственнаго и нравственнаго развитія русскаго народа; въ нихъ находили подкрѣпленіе лица, принявшія христіанство, съ нихъ начинали учиться и по нимъ продолжали свое ученье какъ готовящіеся къ духовному званію, такъ и міряне; эти же книги были предметомъ изученія и изслѣдованія людей, стремящихся къ высшему образованію, и по степени знакомства съ ними измѣрялась и степень образованности—

человѣкъ книжный, книжникъ, философъ означало того, кто изучалъ книги священнаго писанія. Чтеніе священныхъ книгъ и переводъ ихъ были любимыми занятіями великихъ князей, ихъ семьи, лицъ приближенныхъ къ нимъ и народа. Изученіе книгъ божественныхъ и составленіе съ нихъ списковъ было главнымъ занятіемъ грамотныхъ монаховъ. Все что было книжнаго у болгаръ, то было заимствовано у нихъ при Владимирѣ Святомъ, особенно же при Ярославѣ, и въ послѣдующее время все вновь появляющееся переходило и въ Русь. Такъ появились и распространились духовныя книги, которыя состояли исключительно изъ переводовъ съ греческаго, сдѣланныхъ въ Болгаріи, а затѣмъ число ихъ увеличилось переводами, сдѣланными уже самостоятельно на Руси. Въ эту эпоху уже имѣлись у насъ: переводъ Библіи, сочиненія Іоанна Дамаскина, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, житія святыхъ и пр. Дошедшія до насъ отъ этой эпохи оригинальныя, самостоятельныя сочиненія свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ самый ранній періодъ нашего образованія были просвѣщенные книжные люди, творенія которыхъ имѣютъ высокую цѣнность и въ наше время; таковы: „Сказанія“ лѣтописца монаха Іакова, лѣтописца преподобнаго Нестора, „Слово“ Кирилла Туровскаго, „Путешествіе“ паломника игумена Даніила, паломника архіепископа Антонія и пр. Такъ какъ въ этотъ періодъ установились на Руси свои праздники въ честь своихъ явившихся святыхъ и новыя молитвы, то у насъ уже были и свои писатели по отдѣлу богослужебному, каковы митрополитъ Іоаннъ, Григорій, монахъ печерскій, Кириллъ Туровскій, митрополитъ Иларіонъ и др. Изъ свѣтской литературы этой эпохи общеизвѣстны—„Слово о полку Игоревѣ“ и „Слово Даніила Заточника“. Въ этотъ періодъ были также распространены рукописные сборники (изборники), содержавшіе въ себѣ статьи различнаго характера: богословскаго, философскаго, повѣствовательнаго и пр., переведенные на славянскій съ греческаго. Смотря по содержанію, такіе сборники носили разныя названія. „Златоструй“ составленъ въ IX вѣкѣ болгарскимъ царемъ Симеономъ. Это сборникъ, состоящій изъ словъ, выбранныхъ изъ разныхъ бесѣдъ Златоуста на книгу Бытія, на посланія ап. Павла и другихъ его твореній. „Шестодневъ“ Іоанна, экзарха болгарскаго, содержитъ въ себѣ объясненіе первыхъ главъ книги Бытія. Главнымъ пособіемъ при составленіи его служили бесѣды Василія Великаго о шестидневномъ твореніи міра, а потомъ сочиненія Се-

веріана Гевальскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ отцовъ и писателей. Кромѣ того, въ немъ приводятся мѣста изъ греческихъ философовъ. „Златоустъ“ представляетъ собраніе поучительныхъ словъ и бесѣдъ, преимущественно св. Златоуста, расположенное по недѣлямъ. „Маргаритъ“—другой особый сборникъ словъ Златоуста, напечатанный въ первый разъ въ Острогѣ въ 1596 году. „Измарагдомъ“ называется сборникъ разныхъ словъ и поученій, помѣщаемыхъ подъ именами св. Златоуста, Василія Великаго, Григорія Двоеслова и др.; но многія изъ нихъ не принадлежатъ этимъ писателямъ и, судя по складу и содержанію, могутъ быть приписаны русскимъ сочинителямъ. На этомъ основаніи думаютъ, что и самый сборникъ этотъ славянскаго происхожденія. „Златая цѣпь“ есть сборникъ разныхъ словъ и нравственныхъ поученій, наставленій о молитвѣ, милостынѣ, послушаніи и другихъ добродѣтеляхъ, составленный изъ сочиненій разныхъ отцовъ и учителей Церкви. Основаніемъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Пчелъ“, послужили сочиненія Максима Исповѣдника и инока Антонія. Сборникъ этотъ состоитъ изъ разныхъ, большею частью краткихъ, мѣстъ и изреченій св. писанія, отцовъ и учителей Церкви, древнихъ мудрецовъ, историковъ, поэтовъ, философовъ и ораторовъ о предметахъ преимущественно нравственной, а иногда и обыденной жизни. „Патериками“ назывались сборники, заключавшіе въ себѣ житія святыхъ. „Прологи“—сборники краткихъ житій святыхъ. Первый „Изборникъ Святослава“ относится къ 1073 году; онъ переведенъ съ греческаго сборника въ Болгаріи для царя Симеона, а съ болгарской рукописи онъ уже переписанъ для русскаго великаго князя черниговскаго Святослава Ярославича. Въ этомъ сборникѣ встрѣчаются разнообразныя статьи и отрывки изъ отцовъ Церкви и другихъ писателей. Къ сборнику приложены изображенія кн. Святослава съ супругой и сыновьями,—памятникъ древней нашей книжной живописи. Второй „Изборникъ Святослава“ списанъ въ 1076 году; всѣ статьи въ немъ религіозно-нравоучительнаго содержанія. Въ составъ его вошли два „Поученія дѣтямъ“ — Ксенофонта и Ѳеодоры, послужившія, быть можетъ, образцами для оригинальнаго сочиненія нашего великаго князя Владиміра Мономаха. „Палея“ заключала въ себѣ ветхозавѣтныя сказанія, къ которымъ часто присоединялись апокрифическія статьи. „Хронографы“ представляли сборъ отрывочныхъ историческихъ свѣдѣній, подведенныхъ въ возможный хронологическій порядокъ; послѣ библейскихъ событій

шли отдѣльныя повѣствованія о древнихъ народахъ, а затѣмъ слѣдовало описаніе событій изъ византійской и русской исторіи, съ приложеніемъ свѣдѣній о южныхъ славянахъ. „Апокрифы“ содержали въ себѣ повѣствованія, не утвержденныя Церковью и дѣйствовавшія на воображеніе, которыми какъ бы старались дополнить свѣдѣнія изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта.

Такимъ образомъ, съ перваго водворенія образованія на Руси, появляются у насъ книги различнаго содержанія, но всѣ съ направленіемъ исключительно религіозно-нравственнымъ, чѣмъ отчасти также опредѣляется и устанавливается характеръ и направленіе самого образованія. Даже книги свѣтскаго содержанія имѣли религіозно-нравственный отпечатокъ, и самый слогъ, какъ напр., лѣтописца Нестора, походилъ на библейскій. Изученіемъ книгъ св. писанія занимались безъ различія сословій, положенія и пола. Такъ какъ книги въ то время составляли цѣнный предметъ, то онѣ и находились по преимуществу у великихъ князей, ихъ приближенныхъ и вообще у людей богатыхъ и достаточныхъ, а также и у тѣхъ, которые посвящали себя книжному дѣлу; особенно усердно занимались книжнымъ дѣломъ въ монастыряхъ; такъ, по словамъ Нестора, иноки Кіево-Печерскаго монастыря днемъ и ночью читали книги и списывали ихъ. Благодаря новымъ переводамъ и самостоятельнымъ сочиненіямъ, число книгъ со временемъ увеличивается; составляемыя князьями и въ монастыряхъ собранія книгъ, первыя библіотеки, доставляютъ книжнымъ людямъ возможность научнаго обогащенія и самообразованія. Въ Кіевѣ же полагается начало лѣтописному дѣлу, и въ Выдубецкомъ монастырѣ составляется при Владимирѣ Мономахѣ первая полная лѣтопись: „Повѣсть временныхъ лѣтъ“. Несмотря на то, что письмо того времени было дѣломъ не легкимъ и требовало особаго искусства, нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ древнихъ рукописей отличаются изяществомъ своего письма („Остромирово Евангеліе“, „Святославовъ сборникъ“); писцы гордились своимъ дѣломъ и нерѣдко подписывали свое имя подъ своимъ трудомъ, обозначая и срокъ написанія книги. По цѣнности матеріала (пергаменъ), на которомъ писали книги, и по трудности самой работы, книги были очень дороги, часто украшались дорогими переплетами и составляли цѣнную собственность, переходившую отъ отца къ дѣтямъ.

Распространеніе образованія. Первымъ русскимъ городомъ, съ котораго началось образованіе, былъ Кіевъ, откуда оно стало

распространяться и по другимъ столичнымъ княжескимъ городамъ, гдѣ находились епископскія каѳедры, или гдѣ имѣли свое мѣстопребываніе удѣльные князья. Уже при Владимирѣ Святомъ образованіе стало распространяться и по другимъ мѣстамъ русскаго государства, такъ какъ онъ повелѣлъ, чтобы священники по всѣмъ городамъ и селамъ приводили людей къ крещенію и дѣтей учили грамотѣ. Вслѣдствіе этого повелѣнія, поддерживаемаго и послѣдующими князьями, распространяются частныя школы, открываемыя священниками при ихъ приходахъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Уже въ XI вѣкѣ въ Курскѣ были учителя, принимавшіе къ себѣ дѣтей на ученіе, и у одного изъ нихъ обучался отрокъ Ѳеодосій, впослѣдствіи знаменитый игуменъ кіево-печерскій. Въ Новгородѣ также очень рано явилось почитаніе книжное, и первая школа здѣсь извѣстна съ XI вѣка. О новгородскомъ архіепископѣ Моисеѣ (1360) говорится, что онъ собралъ много писцовъ и списалъ много книгъ. Многіе изъ удѣльныхъ князей, будучи сами преданы книжному дѣлу, заботились о распространеніи образованія въ своихъ областяхъ, и черезъ ихъ содѣйствіе возникаютъ школы въ Смоленскѣ, Владимирѣ и другихъ городахъ, гдѣ, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, существовала также письменность. Начавшись въ Кіевѣ, который сталъ средоточіемъ древняго русскаго образованія, послѣднее постепенно распространялось по другимъ главнѣйшимъ городамъ, изъ которыхъ, какъ изъ центровъ книжнаго ученія, грамотность стала проникать и по второстепеннымъ городамъ и по селамъ русскаго государства. Уже въ эту эпоху число школъ было настолько значительно, что отцы собора 1551 года, обсуждая мѣры къ поднятію упавшаго въ ихъ время школьнаго образованія, указывая на эту эпоху, свидѣтельствовали: „прежде сего въ Россійскомъ царствѣ, на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ, многія училища бывали, грамотѣ и писать, и пѣть, и читать учили“.

ГЛАВА III.

Состояніе образованія на Руси во время владычества монголовъ и по его сверженіи до XVII вѣка.

Упадокъ образованія во время владычества монголовъ. — Монастыри. — Заботы объ образованіи. — Архіепископъ Геннадій. — Стоглавый соборъ. — Переписываніе книгъ. — Первая типографія. — Способы обученія. — Борисъ Годуновъ. — Попытки къ водворенію иностранной культуры. — Главнѣйшіе памятники письменности. — Образованность Московской Руси въ XV — XVII столѣтіяхъ.

Послѣдовавшія историческія событія—владычество монголовъ, а затѣмъ раздѣленіе Руси на сѣверо-восточную и юго-западную—существенно повліяли на дальнѣйшій ходъ русскаго образованія, столь успѣшно начавшагося при великомъ князѣ Владимирѣ Святомъ и такъ быстро распространявшагося при его преемникахъ. Монгольское иго надолго задержало успѣхи народнаго образованія на Руси и во многихъ мѣстахъ нашего отечества ослабило и даже остановило развитіе школъ и грамотности. Раздѣленіе же Руси на сѣверо-восточную и юго-западную вызвало и обусловило два различныхъ направленія, отразившихся на характерѣ послѣдующаго образованія, когда, по сверженіи ига, умственныя силы народа снова стали проявлять свою жизненность. Сѣверо-восточная Русь, средоточіемъ которой сдѣлалась Москва, хотя и была вынуждена остановиться въ своемъ умственномъ движеніи и не имѣла возможности продолжать своей культурной жизни, тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ испытанія и бѣдствія, удержала прежнія начала, положенныя въ основу русскаго образованія—православіе и народность; стойко отстраняя все чуждое и иноземное, она тщательно оберегала и сохраняла эти начала во всей ихъ силѣ и чистотѣ, и впослѣдствіи, при измѣнившихся историческихъ условіяхъ, снова возсоздала на нихъ свое образованіе и свою школу; юго-западная же Русь, подчинившись западно-европейскому вліянію, проложившему путь и въ школы, отразила это вліяніе и на характерѣ народнаго образованія.

Упадокъ образованія на Руси во время владычества монголовъ. То угнетенное положеніе нашего отечества, въ которомъ оно находилось въ эпоху владычества монголовъ, направило всѣ

силы русскаго народа къ одной главной цѣли — освобожденію отъ рабскаго ига. Но эта цѣль, поглотившая собою всѣ другія, была достигнута лишь черезъ три столѣтія, въ теченіе которыхъ умственныя силы народа, возбужденныя къ жизни лишь такъ недавно, оставались бездѣятельными, безъ пищи и безъ развитія, постепенно утрачивались сдѣланныя прежде умственныя пріобрѣтенія, погасалъ тотъ свѣтъ образованія, который такъ ярко озарилъ русскую землю въ предыдущую эпоху. Всѣ условія, благопріятствовавшія умственному движенію, и образовательныя средства, которыя установились въ предыдущую эпоху, теперь, уже не имѣя своего прежняго значенія, постепенно утрачивали свою примѣнимость въ жизни народа, порабощеннаго дикими варварами. Князья и приближенныя къ нимъ лица, поглощенные государственными заботами, не имѣли возможности преслѣдовать свои образовательныя намѣренія, и уже въ началѣ XIII столѣтія лѣтописи не свидѣтельствуютъ о дѣятельности князей на пользу народнаго образованія; впослѣдствіи на нѣкоторыхъ даже указываютъ какъ на людей „некнижныхъ и неграмотныхъ". Хотя лица высшей духовной іерархіи и сподвижники вѣры (святитель Алексій, преподобный Сергій, святитель Іона и др.) представляютъ и въ эту эпоху рядъ просвѣщенныхъ божественною мудростью и высокимъ книжнымъ образованіемъ святителей и пастырей, свято чтимыхъ русскою Церковью и русскимъ народомъ, но и они въ силу условій, должны были направлять свою дѣятельность преимущественно на государственную сторону жизни своего отечества. На нихъ лежала болѣе высокая забота, чѣмъ заботы объ образованіи, это — сохраненіе въ русскомъ народѣ священнѣйшаго его достоянія — православной вѣры, которая и „исторгла Россію изъ-подъ ига". Что же касается тѣхъ слоевъ духовенства, которые въ предшествующую эпоху были проводниками образованія въ народную массу, священниковъ и церковно-служителей, то, подъ гнетомъ бѣдствій, они не могли съ прежнимъ успѣхомъ исполнять свои обязанности по школѣ и книжному обученію; вліяніе общаго бѣдствія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ такою силой отразилось на духовенствѣ, что оно было вынуждено оставить заботы о своемъ собственномъ книжномъ образованіи и не могло даже получить требуемой для своего пастырскаго дѣла подготовки. Точно также въ лѣтописяхъ этого періода ничего не говорится объ училищахъ. Во время опустошительныхъ разгромовъ и пожаровъ,

сопровождавшихъ вторженіе монголовъ въ русскіе города, были сожжены многія драгоцѣнныя книгохранилища, и многія изъ существовавшихъ школъ, очевидно, пали сами собой. Прежнія сношенія съ образованными государствами, наприм., съ Византіею, прекратились; греки и западные иноземцы, пріѣзжавшіе въ русскіе города въ качествѣ купцовъ, ремесленниковъ и художниковъ, удалились изъ Россіи; міряне и монахи уже прекратили свои паломническіе подвиги, во время которыхъ они сближались съ культурною жизнью Константинополя; Русь разобщилась отъ всего культурнаго, и, имѣя передъ собою грубое варварство своихъ поработителей, отступила назадъ въ своемъ образованіи. Безграмотность и умственный застой проникли во всѣ слои общества, никто не побуждалъ учиться; „намъ было не до просвѣщенія" — такъ говоритъ про это время нашъ исторіографъ. Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находились въ эту эпоху только немногія области, которыя не подвергались монгольскому опустошенію, какъ наприм., Новгородъ, Галичъ съ Волынью и пр., въ нихъ сохранились въ прежнемъ видѣ и школы и библіотеки, и продолжалась грамотность. Такъ, лѣтописецъ говоритъ о новгородскомъ святителѣ Моисеѣ († 1360), что онъ „многи писцы изыскавъ и книгы многы исписавъ.... много писаніе оставилъ"; Владиміръ же Галичскій († 1289) „повѣстивъ со епископомъ много отъ книгъ, зане бысть книжникъ и философъ, яко же не бысть по всей земли". Но эта грамотность была только мѣстная, не выходившая далѣе предѣловъ своей области и оставалась безъ всякаго вліянія на порабощенную Русь.

Монастыри. Среди такого общаго упадка грамотности одни только монастыри въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они уцѣлѣли и не подверглись разрушенію, сохраняли и поддерживали любовь къ книжному дѣлу и къ ученью. Кромѣ того, что при такихъ монастыряхъ продолжали существовать школы, чтеніе и переписываніе книгъ составляло любимое занятіе монаховъ, и XV и XVI столѣтія особенно отличаются многочисленными письменными памятниками, вышедшими изъ монастырей. Наши просвѣщенные архипастыри въ своихъ заботахъ о возмѣщеніи недостатка въ книгахъ священнаго писанія, который явился послѣдствіемъ монгольскаго разгрома, когда цѣлыя библіотеки были истреблены пожарами— сами усиленно списываютъ св. книги, даютъ списывать другимъ, переводятъ вновь или исправляютъ переводы по греческому подлин-

нику. Такъ, въ бытность московскаго святителя Алексѣя въ 1355 г. въ Константинополѣ, имъ собственноручно списанъ Новый Завѣтъ, хранящійся въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ. Святой Кириллъ, основатель и игуменъ Бѣлозерскаго монастыря, заставляетъ своихъ иноковъ списывать книги св. писанія, изъ коихъ доселѣ хранятся въ его монастырѣ семь Евангелій, Апостолъ и Псалтырь; митрополитъ св. Кипріянъ († 1406) „много святая книги съ греческаго на русскій преложи“. Московскій святитель Іона († 1461) собственноручно списываетъ „Евангеліе Келейное“, хранящееся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, и др.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ монастыряхъ же вводится трудъ книжнаго собиранія, которое съ конца XV вѣка принимаетъ особенно усиленные размѣры, выразившіеся потомъ предпріятіемъ митрополита Макарія „собрать всѣ книги въ русской землѣ чтомыя“. Такимъ образомъ, въ монастыряхъ составляются библіотеки, изъ которыхъ многія отличаются богатствомъ собранныхъ книгъ и памятниковъ древне-русской письменности. Такъ, наприм., изъ описи библіотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря, составленной въ 1573 г., видно, что въ ней находилось 1150 книгъ, между которыми печатныхъ было только 15; великокняжеская же библіотека содержала въ себѣ такія сокровища, которымъ изумлялись и иностранцы: такъ, когда она была показана Максиму Греку, прибывшему въ Россію, то онъ съ изумленіемъ сказалъ государю: „такого книжнаго богатства нѣтъ ни въ Греціи, ни въ Италіи“.

Въ монастыряхъ же получали свое образованіе и тѣ лица изъ духовной іерархіи, которыя извѣстны, какъ замѣчательные дѣятели въ исторіи нашего древняго просвѣщенія. Въ монастыряхъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ иностранцы, были и низшія школы, даже, по ихъ словамъ „въ Московіи нѣтъ другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ“. Такимъ образомъ, центромъ просвѣщенія, особенно же религіозно - нравственной письменности, этой эпохи были монастыри. Но и это монастырское образованіе было не высоко и по большей части состояло въ одной только начитанности, въ умѣньи только читать и переписывать книги; и тѣ ученые монахи, которые достигали большого умственнаго превосходства путемъ самообразованія, являются, какъ замѣчательныя и рѣдкія исключенія.

Хотя изъ сдѣланнаго очерка видно, что во время владычества монголовъ всѣ средства, содѣйствовавшія культурнымъ успѣхамъ

предшествовавшаго времени, значительно ослабѣли, но тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, чтобы русскіе въ это время не имѣли никакихъ школъ, ни другихъ какихъ-либо образовательныхъ средствъ. Митр. Макарій, описывая состояніе духовнаго просвѣщенія и училища въ древней Россіи до XVII в., между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Во время своихъ нашествій, такъ часто повторявшихся, монголы, истребляя города и села, церкви и монастыри, неизбѣжно истребляли и школы, какія гдѣ встрѣчались, и истребляли множество книгъ. Но въ мирное время монголы не препятствовали русскимъ учиться грамотѣ и поддерживать или вновь открывать школы, какъ не препятствовали строить и возобновлять церкви и монастыри, какъ не вмѣшивались вообще во внутренніе порядки нашей общественной и особенно церковной жизни. А ограждая духовенство отъ всякихъ притѣсненій, подтверждая его права и льготы, они предоставляли ему полную возможность попрежнему заниматься науками и распространеніемъ грамотности въ народѣ. И мы не видимъ никакого основанія утверждать, чтобы просвѣщеніе угасло въ русской Церкви при монголахъ или даже ослабѣло; напротивъ, кажется, что оно оставалось все на той же степени, правда, очень невысокой, на какой было и до монголовъ, хотя, быть можетъ, находило менѣе сочувствія со стороны народа, постоянно бѣдствовавшаго подъ тяжелымъ игомъ. И теперь, какъ и прежде, въ Россіи существовали по мѣстамъ училища, разумѣется, первоначальныя. Напримѣръ, во второй половинѣ XIII в. была школа на Волыни, гдѣ обучался святитель Петръ; въ XIV в. были школы: въ Кіевѣ, гдѣ обучался преп. Стефанъ Махрицкій; въ Москвѣ, гдѣ обучался святитель Алексій; въ Твери, гдѣ обучался св. Арсеній Тверской; въ Ростовѣ, гдѣ обучался преп. Сергій Радонежскій со своими братьями; въ Устюгѣ, гдѣ учился св. Стефанъ Пермскій; въ первой половинѣ XV в. были школы въ Кашинѣ, гдѣ учился грамотѣ преп. Макарій Калязинскій, и въ Новгородѣ, гдѣ учились свв. Евѳимій и Іона, впослѣдствіи новгородскіе архіепископы. Въ Ростовѣ какъ при соборной церкви Пресв. Богородицы, такъ и въ епископскомъ монастырѣ св. Георгія существовали даже библіотеки, заключавшія въ себѣ много книгъ“. Что касается духовной литературы монгольскаго періода, то она, по словамъ митрополита Макарія, нисколько не ниже прежней. Самые роды письменныхъ произведеній оставались тѣ же, какъ и прежде, а именно: проповѣди, посланія, житія, повѣсти и описанія путешествій. Что же касается

до литературы переводной, то она оказывается теперь даже богаче, чѣмъ прежде.... Сохранились также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ нашихъ библіотекахъ, изъ которыхъ важнѣйшая — великокняжеская — оставалась безъ всякаго употребленія. Были извѣстны и многія библіотеки монастырскія, наприм., библіотека Корельскаго Николаевскаго монастыря, Троицко-Сергіева и Кирилло-Бѣлозерскаго монастырей, Іосифова Волоколамскаго монастыря, въ которой, кромѣ богослужебныхъ и церковныхъ книгъ и житій святыхъ, были многіе безыменные сборники, содержавшіе въ себѣ разныя статьи, переводныя и русскія, и извѣстные подъ именами: „Пчелы“, „Златой Чепи“, „Зерцала“ и пр. Нельзя не сознаться, что если и въ другихъ сосѣднихъ монастыряхъ были такія же или подобныя библіотеки, то наши иноки не могли жаловаться на недостатокъ книгъ для чтенія и нравственнаго назиданія. Слѣдовательно, съ половины XV вѣка и въ теченіе всего XVI русскіе не имѣли другихъ средствъ къ своему просвѣщенію, кромѣ тѣхъ, которыми пользовались и въ прежнее время. Въ школахъ они могли научиться только чтенію и письму, но не получали никакого разсудочнаго образованія, никакого развитія мыслительныхъ силъ. Изъ рукописныхъ книгъ, хотя и весьма умножившихся по числу, но зато и болѣе повредившихся, могли пріобрѣтать разнородныя познанія, но смѣшанныя съ заблужденіями, къ которымъ не въ состояніи были относиться критически.

Заботы объ образованіи. Архіепископъ Геннадій. Мысль о крайнемъ вредѣ невѣжества въ отношеніи къ различнымъ сторонамъ народной жизни и о необходимости школъ давно уже была сознаваема на Руси тѣми ея просвѣщенными дѣятелями, которые, понимая важность образованія, изыскивали средства для его распространенія въ массѣ; таковы были: архіепископъ новгородскій Геннадій, царь Іоаннъ Грозный, кн. Курбскій и другіе.

Архіепископъ новгородскій Геннадій особенно негодуетъ на вольнонаемныхъ „мастеровъ“, которые за извѣстную плату брались за выучку чтенію божественныхъ книгъ, и жалуется, что эти мастера учатъ небрежно и только заботятся о поборахъ съ учениковъ, что ученикъ, „какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава ничего не знаетъ“. Въ 1500 г. архіепископъ Геннадій бьетъ челомъ великому князю, чтобы онъ велѣлъ завести училища, и проситъ митрополита Симеона, чтобы онъ „печаловался о томъ предъ Государемъ“.

Главною его заботой при этомъ было удовлетвореніе насущной потребности — имѣть грамотныхъ священно-служителей, во избѣжаніе крайности ставить на священно-служительскія должности неучей. Въ предполагаемыхъ новыхъ училищахъ онъ предлагаетъ учить: сначала азбукѣ сполна и потомъ слѣдованной псалтири „накрѣпко“, и когда дѣти изучатъ все это, то уже будутъ въ состояніи и канонархать и читать всякія книги.

Стоглавый соборъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, при своей умственной даровитости, отличавшійся книжнымъ образованіемъ и начитанностью, писавшій посланія изъ области духовной литературы, по своему краснорѣчію и витіеватости слога не уступавшій другимъ представителямъ краснорѣчія тогдашняго времени, принималъ также мѣры къ поднятію просвѣщенія, особенно въ средѣ духовенства. Такъ, на Стоглавомъ соборѣ было заявлено, что „ученики учатся грамотѣ небрегомо“, т. е. что ихъ обучаютъ небрежно. Отцы собора, въ свою очередь, засвидѣтельствовали, что „ставленники, хотящіе ставиться въ діаконы и попы, грамотѣ мало умѣютъ; когда же святители спрашиваютъ ставленниковъ—почему они мало умѣютъ грамотѣ, они даютъ отвѣтъ: мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ негдѣ учиться: сколько они знаютъ, тому же учатъ и насъ. А отцы ихъ и мастера сами также мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ. А прежде въ Россійскомъ царствѣ, на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ, многія училища бывали, грамотѣ и писать, и пѣть, и читать учили, и потому много было тогда гораздыхъ грамотѣ и писать, и пѣть, и читать, и были пѣвцы, чтецы, и добрые писцы, которые славились по всей землѣ и до днесь“. Вслѣдствіе сего соборъ постановилъ: „чтобы въ Москвѣ и другихъ городахъ мѣстное духовенство, съ благословенія своего святителя избрало достойныхъ священниковъ, діаконовъ и женатыхъ дьячковъ, способныхъ обучать грамотѣ и письму, и въ домахъ ихъ открыло училища; чтобы въ эти училища не только мѣстное духовенство, но и всѣ православные христіане въ каждомъ городѣ отдавали своихъ дѣтей для обученія грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію и чтенію налойному; чтобы избранные учители учили дѣтей страху Божію, соблюдали ихъ нравственную чистоту и цѣломудріе, пріучали ихъ въ церквахъ ко всякому пѣнію, чтенію и канонарханію, и вообще обучали ихъ грамотѣ, пѣнію и письму столько, сколько сами умѣ-

ютъ, ничего не скрывая и сказывая имъ силу писанія". Но эти постановленія, несмотря на всю свою цѣлесоотвѣтственность, не получили полнаго осуществленія.

Переписываніе книгъ. Такъ какъ на Руси не было типографіи до половины XVI столѣтія, то всѣ наши книги, за исключеніемъ попадавшихъ изъ иноземныхъ государствъ, были рукописныя. Главными переписчиками были монахи; но и міряне, даже высшіе государственные люди, занимались этимъ „богоугоднымъ и святымъ дѣломъ", какъ тогда смотрѣли на книжное дѣло. На многихъ рукописяхъ значатся не только подписи духовныхъ лицъ, но и свѣтскихъ, также царей, царицъ, бояръ, дьяковъ, ремесленниковъ. Прилежанію нашихъ предковъ въ переписываніи книгъ дивились и иностранцы, даже и тогда, когда уже явились типографіи. Особеннымъ же обиліемъ рукописей отличались XV и XVI столѣтія, при чемъ эти рукописи были самаго разнообразнаго содержанія— учительнаго, нравственнаго, историческаго и смѣшаннаго.

Когда, по сверженіи монгольскаго ига, стала чувствоваться потребность въ книгахъ, то на помощь монахамъ и книжнымъ людямъ явились наемные люди, занимавшіеся перепискою книгъ и писцы — промышленники, переписывавшіе по найму. На переписку смотрѣли, какъ на дѣло благое: „отъ своихъ трудовъ питаешися, празднаго бѣса изгониши и съ Богомъ бесѣдовати имаши".

Переписываніе книгъ и по введеніи книгопечатанія продолжалось съ прежнею неутомимостью и служило средствомъ для распространенія книжнаго просвѣщенія. Но это средство представляло и свои невыгодныя стороны, вызывавшія печальныя послѣдствія: съ переписываніемъ религіозно-нравственныхъ и церковныхъ книгъ вкрадывались или даже намѣренно вставлялись неточности и погрѣшности, которыя вводили читателя въ заблужденіе, сообщали ему ложныя познанія и служили, такимъ образомъ, средствомъ къ распространенію и возникновенію еретическихъ, противоправославныхъ ученій.

Первая типографія. Въ царствованіе Іоанна Грознаго возникаетъ въ сѣверо-восточной Руси первая русская типографія, и такимъ образомъ у насъ водворяется книгопечатаніе, благодаря чему дѣло образованія пріобрѣтаетъ новое средство для своего распространенія.

Когда царь Иванъ Васильевичъ задумалъ ввести печатное дѣло въ Россіи, онъ обратился сначала къ посредству иностранцевъ; но

попытки эти оказались неудачными, и въ 1553 году, по его повелѣнію и благословенію митрополита Макарія, это дѣло было поручено дьякону церкви Николы Гостунскаго Ивану Ѳедорову и Петру Тимоѳееву Мстиславцу. Царь велѣлъ построить на свой счетъ домъ для типографіи и не щадилъ своихъ сокровищъ для этого дѣла. Но устройство типографіи подвигалось очень медленно и въ теченіе десяти лѣтъ состояло, главнымъ образомъ, въ подготовленіи и пріисканіи помощниковъ и въ вырѣзкѣ буквъ. Для ускоренія дѣла былъ выписанъ печатный станокъ и буквы изъ Польши, и 1-го марта 1564 года вышла изъ типографіи (друкарни) первая напечатанная въ ней книга—Апостолъ, затѣмъ Часословъ и Евангеліе. Несмотря на благоволеніе государя къ нашимъ первымъ типографщикамъ, имъ пришлось много терпѣть „отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ, и учитель, которые, зависти ради, умышляли на нихъ многія ереси, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити“. Вскорѣ печатный домъ былъ подожженъ, и станокъ съ буквами сгорѣлъ; тогда діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и его товарищъ оставили Москву и удалились въ Вильну, гдѣ уже существовала типографія съ 1525 года. Черезъ три года, по волѣ государя, возобновилось книгопечатаніе въ Москвѣ, а потомъ оно было перенесено въ Александровскую слободу.

Способы обученія. Книгопечатаніе на Руси еще не скоро сдѣлалось тѣмъ средствомъ для распространенія образованія, какимъ оно оказалось въ западной Европѣ. Печатаніе книгъ производилось очень медленно или даже надолго прерывалось и останавливалось, при чемъ печатались только книги священнаго писанія, и то въ небольшомъ количествѣ; точно также и обученіе грамотѣ, за неимѣніемъ печатныхъ книгъ, производилось по рукописному. При этомъ для учащихся представляла большія затрудненія самая графика письма того времени, съ неровнымъ и неотчетливымъ почеркомъ подтительныхъ словъ и разныхъ надстрочныхъ и междустрочныхъ знаковъ, испещрявшихъ писаное. Обученіе чтенію велось буквослагательнымъ способомъ съ постояннымъ повтореніемъ нараспѣвъ того, что было прочитано или показано, при чемъ, ограничиваясь одною механическою стороной, при чтеніи постоянно повторяли зады, чтобы „потихоньку простираться въ предняя“. Въ курсъ обученія входила азбука граница, подтительныя слова и псалтырь съ послѣдованіемъ.

Еще болѣе трудностей представляло изученіе церковнаго пѣнія,

вслѣдствіе многихъ названій и терминовъ (громогласная, двоестрочная, перескоки, перевертки и пр.), мелочно затруднявшихъ учащихся. Изъ дошедшей до насъ статьи (XVI или начала XVII вѣка): „Откуда и отъ коего времени начася быти въ нашей Рустѣй земли осмогласное пѣніе, и отъ коего времени, и отъ кого пошло на оба лика пѣти въ церкви“, мы видимъ, что въ XVI вѣкѣ обученіемъ пѣнію занимались особые мастера „пѣти зѣло гораздые“, *распѣвщики* (т. е. перелагавшіе на ноты уже готовыя пѣсни) и *творцы* (т. е. сочинители самыхъ пѣсней съ нотами), которые смотрѣли на свое занятіе, какъ на ремесло, ходили по городамъ, собирали къ себѣ и обучали пѣнію учениковъ. Послѣдніе, достаточно научившись тогдашнему церковному пѣнію, сами, въ свою очередь, становились учителями и передавали свое искусство слѣдующему поколѣнію. Такъ сохранялась преемственность занятій этого рода.

Кромѣ духовно-религіозныхъ книгъ, въ концѣ этой эпохи распространяются также рукописныя книги разнообразнаго содержанія — хронографы, сборники, цвѣтники, космографіи, въ которыхъ хотя и встрѣчались нѣкоторыя научныя свѣдѣнія, но весьма скудныя, большею частью далекія отъ истины, вымышленныя; эти книги не только не содѣйствовали выясненію того или другого вопроса, но еще болѣе сбивали и спутывали читающаго и направляли его въ область суевѣрій, вымысловъ и предразсудковъ. Такія книги стали появляться преимущественно изъ западной Европы и Польши, особенно же число ихъ начинаетъ возрастать въ послѣдующую эпоху.

Борисъ Годуновъ. Еще до своего воцаренія Борисъ Годуновъ сознавалъ необходимость распространить просвѣщеніе въ народѣ; средствомъ къ этому онъ считалъ сближеніе съ Западомъ, и даже при Грозномъ и еще болѣе при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ благопріятствовалъ иноземцамъ и привлекалъ ихъ въ Россію на разныя должности; такъ, онъ позволилъ нѣмцамъ, жившимъ въ Нѣмецкой слободѣ, построить свою церковь, приглашалъ изъ-за границы опытныхъ рудознатцевъ, часовщиковъ, врачей и пр. Имѣя въ виду открыть школы въ Московскомъ государствѣ—для изученія разныхъ языковъ, онъ намѣревался выписать изъ западной Европы учителей и наставниковъ для этихъ школъ. Когда же онъ сталъ совѣтоваться по этому дѣлу съ свѣтскими сановниками и съ духовенствомъ, то духовенство энергично воспротивилось этой мѣрѣ, и

Годуновъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Тогда онъ послалъ за границу 18 молодыхъ дворянъ для изученія наукъ и языковъ, но изъ нихъ возвратился только одинъ. Насколько высоко цѣнилъ Годуновъ просвѣщеніе, это видно изъ тѣхъ его попеченій, которыя онъ прилагалъ для образованія своихъ дѣтей; такъ, о сынѣ его Ѳеодорѣ говорится въ лѣтописи, что „хотя онъ и юнъ годами, но да смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами совершенныхъ, бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякаго философскаго естественнословія“. Памятникомъ образованія Ѳеодора осталась начертанная имъ карта Россіи, напечатанная въ Германіи въ 1614 году. О дочери Бориса Ксеніи, также говорится, что она „была научена писанію книжному и любила духовное пѣніе“.

Попытки къ водворенію иноземной культуры. Пользуясь возникшими уже въ это время сношеніями русскаго государства съ западною Европой, нѣкоторые изъ представителей иноземной культуры стремятся, ради своихъ политическихъ цѣлей, водворить на Руси иноземное западно-европейское образованіе. Такъ, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ нунціемъ папы, іезуитомъ Поссевинымъ, былъ составленъ цѣлый планъ воспитанія русскихъ въ духѣ католичества, предполагалось устроить для русскихъ семинарію въ Римѣ, іезуитскія училища въ Вильнѣ и Полоцкѣ,—но всѣ старанія оказались безуспѣшными. Точно также, когда польскій король Сигизмундъ III, руководимый іезуитами, просилъ у Годунова позволенія завести въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ костелы для поляковъ, все это осталось безъ выполненія, встрѣтивъ главный отпоръ въ русскомъ обществѣ и особенно въ православномъ духовенствѣ.

Такимъ образомъ, всѣ эти попытки водворенія иноземной культуры въ Москвѣ оказались неосуществимыми—и сѣверо-восточная Русь удержала свои прежнія черты и направленіе, свой православно-народный характеръ, при чемъ тщательно оберегала себя отъ всего иноземнаго и противнаго ея духу.

Главнѣйшіе памятники письменности. Многіе памятники письменности этого періода свидѣтельствуютъ о тѣхъ заботахъ и усиліяхъ русскихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, которыя прилагались ими, главнымъ образомъ, съ цѣлію поднятія и поддержки религіозно-нравственной жизни русскаго народа. Такъ, по сверженіи монгольскаго ига, просвѣщенные святители и архипастыри, а также и обра-

зованные ревнители всего православнаго, въ своихъ письменныхъ трудахъ отстаиваютъ чистоту и неприкосновенность православной вѣры, ограждаютъ ее отъ всего иноземнаго, отстраняютъ возникающія противоправославныя лжеученія, заботятся объ очищеніи нравовъ и уничтоженіи невѣжества. Многочисленныя посланія нашихъ святителей, имѣютъ цѣлью предохранить православныхъ отъ совращенія къ папизму и наставляютъ покоряться своимъ архипастырямъ; появленіе ереси жидовствующихъ вызвало въ духовной литературѣ новые труды, имѣвшіе цѣлью опроверженіе ереси (Архіепископа новгородскаго Геннадія, Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго). Творенія Максима Грека (1480 — 1556), бывшаго аѳонскаго инока, получившаго образованіе въ Италіи, которая считалась въ то время центромъ умственнаго движенія, внесли въ нашу духовную литературу новый элементъ научнаго и многосторонняго образованія. Въ его сочиненіяхъ, отражающихъ современную Русь, преслѣдуются ересь, латинство, апокрифы, суевѣріе, грубые нравы, пороки народа и духовенства. Самое почетное мѣсто въ исторіи духовной литературы этой эпохи принадлежитъ Макарію, сперва новгородскому архіепископу, а потомъ митрополиту всероссійскому (1542 — 1564); онъ потрудился собрать воедино, по возможности, всѣ памятники нашей прежней письменности переводной и оригинальной, а также сумѣлъ возбудить вокругъ себя литературное движеніе и чрезъ то способствовалъ къ обогащенію нашей словесности множествомъ новыхъ произведеній. Кромѣ многихъ сочиненій, имъ же составлены „Минеи-Четіи“, надъ которыми онъ трудился около 20 лѣтъ. Во времена же Макарія явилось и сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „Домостроя“, приписываемое благовѣщенскому попу Сильвестру. Правила, изложенныя въ „Домостроѣ“, были господствующими у насъ въ XVI вѣкѣ и представляли собою какъ бы идеалъ, которому старались слѣдовать тогда лучшіе люди, а нѣкоторыя взяты цѣликомъ изъ тогдашняго строя русской жизни и касаются всѣхъ ея сторонъ: религіозной, семейной и экономической (о домовомъ строеніи). Хотя въ этомъ сочиненіи ничего не говорится объ обязанностяхъ родителей заботиться о грамотности своихъ дѣтей, но вмѣняется, чтобы отецъ и мать имѣли попеченіе о дѣтяхъ, — „они должны снабдѣвать ихъ и воспитывать въ добромъ попеченіи, учить ихъ страху Божію, вѣжеству и всякому благочинію, а въ свое время, смотря по возрасту, учить и рукодѣлію, кто къ чему способенъ, кому какой далъ Богъ смыслъ;

любить ихъ, и беречь, и спасать страхомъ, и возлагать на нихъ раны: наказывай сына въ юности его, да возрадуешься о немъ въ мужествѣ его; если бьешь его лозою, онъ не умретъ, а будетъ здоровѣе".

Образованность Московской Руси XV — XVII в. Лица, занимавшіяся изслѣдованіемъ вопроса о состояніи образованія и школъ въ эпоху владычества монголовъ и въ послѣдующее время, ссылаясь на грамоту новгородскаго архіепископа Геннадія (самаго конца XV вѣка), на постановленія Стоглаваго собора, на сочиненія Посошкова и особенно на разсказы иностранцевъ, установили мнѣніе, что среди русскихъ этого времени было очень немного грамотныхъ, что духовенство было отчасти малограмотно, отчасти безграмотно, что въ высшемъ свѣтскомъ сословіи грамотность была слабо распространена, что низшій классъ представлялъ безграмотную массу. Но, благодаря новѣйшимъ трудамъ русскихъ ученыхъ по этому вопросу, оказывается, что состояніе образованія въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII в. далеко не было въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи, и проф. Соболевскій говоритъ, что мы должны принимать указанныя ссылки на жалобы арх. Геннадія, на постановленія Стоглаваго собора и т. д. съ большими ограниченіями. Въ доказательство своего взгляда, онъ приводитъ рядъ изслѣдованій, представляемыхъ нами въ извлеченіи. „Взглянемъ", говоритъ проф. Соболевскій, „на количество дошедшихъ до насъ всякаго рода книгъ и документовъ XV, XVI, XVII вв., сохраняющихся въ нашихъ библіотекахъ и архивахъ. Число ихъ (особенно за XVI и XVII вѣка) такъ велико, несмотря на пожары и разныя невзгоды, постигавшіе наши города и села, что мы затрудняемся даже приблизительно опредѣлить ихъ число въ тысячахъ. Они написаны въ разныхъ мѣстностяхъ Московскаго государства, начиная съ его столицы Москвы и кончая пустынными окраинами нашего сѣвера и Сибири. Надъ ними должны были трудиться цѣлыя тысячи писцовъ и подьячихъ. Нѣкоторые изъ нихъ содержатъ въ себѣ такія данныя, при помощи которыхъ можно составить нѣкоторое понятіе о числѣ грамотныхъ среди разныхъ классовъ московскаго общества. Это, съ одной стороны, документы разнаго наименованія, по преимуществу XVI и XVII вѣковъ, на которыхъ находятся рукоприкладства челобитчиковъ, поручителей, свидѣтелей, съ другой— житія русскихъ святыхъ, подвизавшихся въ Московской Руси въ XV, XVI, XVII вѣкахъ".

Изъ сдѣланныхъ изысканій слѣдуетъ, что „бѣлые священники въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вѣковъ были поголовно грамотны. Священники всегда расписывались, какъ „отцы духовные“, за посадскихъ и крестьянъ, если они оказывались не грамотными. Также мы не имѣемъ вовсе указаній на существованіе неграмотныхъ бѣлыхъ дьяконовъ и дьячковъ; черное духовенство хотя и представляло нѣкоторый процентъ неграмотныхъ, который, по скудости данныхъ, мы не въ состояніи точно опредѣлить, но процентъ старшей братіи Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, на основаніи челобитной 1582—1583 года, превышалъ 70, а процентъ грамотныхъ изъ числа монаховъ-священниковъ превышалъ 75. Житія русскихъ угодниковъ въ XV, XVI, XVII вѣкахъ свидѣтельствуютъ объ очень значительномъ процентѣ грамотныхъ въ средѣ монастырской братіи.

Если мы обратимся къ высшему свѣтскому классу, къ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, то и въ немъ для XVI и XVII вѣковъ найдемъ грамотныхъ, и правительство требовало, чтобы разныя выборныя должности занимались грамотными. Многіе документы подписаны князьями и другими именитыми личностями, и процентъ грамотныхъ между помѣщиками сѣвера этого времени выше 65. Грамота объ избраніи на царство Бориса Годунова показываетъ, что процентъ грамотныхъ при дворѣ въ концѣ XVI вѣка былъ выше 78. Изъ житій святыхъ XVI вѣка видно, что среди бояръ этого времени было въ обычаѣ учить дѣтей грамотѣ: свв. Филиппъ, митрополитъ, и Гурій, епископъ казанскій, были еще въ дѣтствѣ обучены грамотѣ. Переходя къ купечеству и обосновывая свои воззрѣнія на точномъ вычисленіи процента грамотныхъ купцовъ, должно признать, что между торговыми людьми XV—XVII вѣковъ, грамотность была обычнымъ явленіемъ. Среди посадскихъ и крестьянъ, низшаго свѣтскаго сословія, въ XV—XVII вѣкахъ также часть была грамотною. Правительство постоянно предполагаетъ между ними существованіе грамотныхъ, какая бы мѣстность ни имѣлась въ виду. Въ документѣ 1561 года оно велитъ въ извѣстныхъ случаяхъ „прикладывать руки“ „лучшимъ“ крестьянамъ, „которые грамотѣ умѣютъ“. Въ документѣ 1606 года оно предписываетъ посадскимъ людямъ прислать въ Москву „выборы“ „за своими и за отцовъ ихъ духовныхъ руками“. Въ общемъ процентъ грамотныхъ между посадскими конца XVI и XVII вѣка едва ли можетъ быть опредѣленъ ниже 20. Грамотные крестьяне въ XV—

XVII вѣкахъ не могли быть исключительнымъ явленіемъ: ихъ процентъ въ XVII вѣкѣ едва ли былъ ниже 15.

То количество грамотныхъ, какое было въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкахъ, казалось людямъ того времени вполнѣ достаточнымъ, и совершенно не слышно ни отъ правительства, ни отъ частныхъ лицъ жалобъ на недостатокъ въ нихъ, даже можно сказать, что въ Москвѣ этого времени людей просто „грамотѣ гораздыхъ", такихъ, которые отлично читали и писали, не высоко цѣнили, и значеніе придавалось тогда лишь людямъ, вполнѣ изучившимъ священное писаніе и святоотеческія творенія и свободно владѣвшимъ церковно-славянскимъ языкомъ. Такъ, изъ дѣятелей XVI вѣка Максимъ Грекъ былъ хвалимъ за то, что былъ „словенскаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ"; одинъ изъ его современниковъ митрополитъ Спиридонъ, — за то, что былъ „мудръ" и „добрѣ умѣлъ писанія ветхая и новая". Особенно сильно начало расти число ученыхъ съ конца XV вѣка, съ эпохи свв. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Рядомъ съ учеными изъ духовныхъ является немало ученыхъ изъ свѣтскихъ, пользующихся большимъ уваженіемъ и славою у современниковъ. Это — царь Иванъ Грозный, его старшій сынъ Иванъ, князь Курбскій, бояринъ Тучковъ, князь Токмаковъ (XVI вѣкъ), князь Шаховской, князь Катыревъ-Ростовскій, муромскій губной староста Дружина Осорьинъ (начало XVII вѣка).

Москва этого времени не имѣла никакихъ ни правительственныхъ, ни общественныхъ школъ. Но зато въ ней было много мелкихъ частныхъ училищъ, такъ много, что желавшему обучить своего сына грамотѣ не нужно было ихъ разыскивать. Въ XV вѣкѣ св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ новгородскій, научился грамотѣ, повидимому, въ своей родной деревнѣ близъ Москвы; для св. Александра Свирскаго нашлось училище въ родной деревнѣ въ Обонежьѣ, для св. Зосимы Соловецкаго — въ родномъ селѣ тоже въ Обонежьѣ, для св. Антонія Сійскаго — въ селѣ близъ Бѣлаго моря, для св. Александра Ошевенскаго — въ деревнѣ близъ Бѣлаго озера; св. Мартиніанъ Бѣлозерскій былъ отданъ въ училище, находившееся „близъ" Кириллова монастыря. Слѣдовательно, въ этомъ вѣкѣ не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, какъ поселенія нашего далекаго сѣвера, не было недостатка въ училищахъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно послѣ

предписаній Стоглаваго собора, число училищъ должно было значительно увеличиться. Эти училища содержались „учителями“ (житія) или „мастерами“ (Геннадій) изъ среды духовенства. Стоглавъ предписываетъ открывать въ городахъ училища священникамъ, дьяконамъ и дьячкамъ. Сверхъ учителей духовныхъ, кажется, были учителя и изъ свѣтскихъ людей. По крайней мѣрѣ дьякъ, учитель св. Мартиніана Бѣлозерскаго, въ житіи его называется „мірскимъ“, и архіепископъ Геннадій упоминаетъ объ учителяхъ „мужикахъ“.

Число учениковъ въ училищахъ было, конечно, разнообразно. По возрасту главная часть учениковъ были дѣти, и обычный возрастъ начинающихъ учиться грамотѣ указывается въ житіяхъ, безъ различія сословій, семилѣтній. Время обученія грамотѣ въ массѣ случаевъ не могло быть продолжительнымъ. Способные мальчики, вѣроятно, выучивались ей скоро, приблизительно въ два года.

Относительно предметовъ обученія житія святыхъ XV — XVII вѣковъ говорятъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: святой „наученъ бысть грамотѣ и всякому благочестивому обычаю“, „извыче книжное ученіе“, „извыче божественное писаніе“. Стоглавъ опредѣляетъ тоже очень обще: по Стоглаву ученики должны были учиться чтенію, письму и церковному пѣнію. Несомнѣнно, что большинство училищъ были простыми школами грамотности, въ которыхъ учили только читать и писать. Въ нихъ сначала преподавалась азбука, потомъ читались часословъ или псалтырь, а иногда, сверхъ того, апостолъ. Въ XV — XVI вѣкахъ пользовались рукописными тетрадями и книгами, а въ XVII обыкновенно обращались уже къ печатнымъ изданіямъ. Въ какомъ количествѣ экземпляровъ азбуки, часослова и псалтыря требовалось для училищъ, можно видѣть, изъ того, что св. Гурій Казанскій (въ началѣ XVI вѣка) добывалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что „писаше книжицы малыя, иже въ наученіе бываютъ малымъ дѣтемъ“, т. е. азбуки. По книгамъ Московскаго печатнаго двора видно, что въ половинѣ XVII вѣка азбука—въ теченіе четырехъ лѣтъ — была отпечатана трижды въ количествѣ 9600 экземпляровъ, учебный часословъ — въ теченіе семи лѣтъ — восемь разъ, учебная псалтырь—въ теченіе шести лѣтъ—девять разъ. Со второй половины XVI вѣка, благодаря Максиму Греку и его ученикамъ, въ нѣкоторыхъ училищахъ стала проходиться „книга философская“, или общая грамматика (будто бы) Іоанна Дамаскина, а

съ половины XVII вѣка вошла въ употребленіе славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, а также ороографія и статьи разнаго рода, помѣщавшіяся въ азбуковникахъ. Кромѣ училищъ грамотности, вѣроятно, всегда въ соединеніи съ ними, Московская Русь XV—XVII вѣковъ имѣла еще особыя училища, спеціально для тѣхъ, которые предназначались въ священники и въ дьяконы. Другихъ школъ, которыя бы были высшими, Московская Русь до второй половины XVII вѣка не знала. Ученость въ то время могла быть пріобрѣтена исключительно при помощи личнаго, самостоятельнаго труда и при внимательномъ и продолжительномъ изученіи книгъ. Такъ, Стефанъ Пермскій сдѣлался ученымъ благодаря тому, что „прилежно имяше обычай почитати почитаніе книжное".

Эти данныя показываютъ, что въ Московской Руси XV—XVII вѣковъ образованность для всѣхъ сословій во всѣхъ отношеніяхъ была одна и та же: и княжескій сынъ, и поповскій, и крестьянскій учились въ одни и тѣ же годы одному и тому же по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, и достигали въ школьномъ образованіи приблизительно одного и того же—умѣнья читать и писать. Точно также и княжескій сынъ, и поповичъ, и крестьянскій сынъ могли сами, каждый отдѣльно, набираться учености, изучая книги".

ГЛАВА IV.

Училища въ юго-западной Руси въ XV—XVII столѣтіяхъ.

Стремленія іезуитовъ.—Острожское училище.—Братства.—Братскія школы, ихъ организація.—Обученіе въ братскихъ школахъ и связь ихъ съ приходскими.—Типографіи.—Учебники.—Кіевское братство.—Кіево-братская школа.—Кіево-могилянская коллегія, ея организація. Состояніе коллегіи по смерти Петра Могилы.—Школы для элементарнаго образованія въ Малороссіи.—Мандрованные дяки.

Стремленія іезуитовъ. Первое время по присоединеніи юго-западной Руси къ Литвѣ (при Гедиминѣ, 1315—1340), русское вліяніе было преобладающимъ, и ему подчинялись литовскіе элементы; русскіе обычаи, языкъ, вѣра были господствующими, и въ православныхъ храмахъ богослуженіе совершалось на церковно-

славянскомъ языкѣ. По мѣрѣ же болѣе тѣснаго соединенія Литвы съ Польшею, которое особенно стало выступать съ тѣхъ поръ, какъ Ягайло (1377—1434), принявъ католическую вѣру, женился на польской королевѣ Ядвигѣ и крестилъ по католическому обряду большую часть ливонскаго народа, русское вліяніе начинаетъ ослабѣвать; когда же на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году польскій король Сигизмундъ II Августъ окончательно соединилъ великое княжество Литовско - Русское въ одно государство съ Польшею, тогда совершенно вытѣсняется русское вліяніе, и западно-русскія области подчиняются полонизаціи: поляки начинаютъ занимать высшія должности, пріобрѣтать земли, распространяются польскій языкъ, польскіе нравы и католическая вѣра; вмѣстѣ съ тѣмъ и западное католическое просвѣщеніе, проникшее въ юго-западную Русь, дѣлается могучимъ средствомъ какъ для распространенія польскаго вліянія, такъ и для разрушенія и подавленія національности въ западно-русскомъ обществѣ, и это достигается тѣмъ успѣшнѣе, что орудіемъ латинства являются іезуиты, которые пользуются воспитаніемъ юношества, какъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиже-женія своихъ цѣлей — подчинить русскую Церковь папскому престолу. Съ этою цѣлью они всюду заводятъ свои школы, семинаріи, коллегіи, вводятъ въ нихъ тотъ языкъ и тотъ методъ воспитанія и обученія, который, отчуждая юношество отъ всего родного, православнаго, легче всего подчинялъ его католичеству. Мѣсто того простого, сроднаго православному человѣку, книжнаго ученія божественныхъ книгъ на своемъ родномъ церковно - славянскомъ языкѣ, заступила латинская схоластика, церковно-славянскій языкъ подвергается изгнанію, а латинскій, знаніе котораго считалось признакомъ европейской образованности, сталъ центромъ обученія, весь интересъ котораго былъ только во внѣшней сторонѣ дѣла: заучиваніе наизусть огромной латинской грамматики, заучиваніе типическихъ и риторическихъ правилъ, составленіе хвалебныхъ рѣчей вельможнымъ особамъ, словопренія о предметахъ вѣры, составляли сущность образованія. Молодое просвѣщенное поколѣніе, воспитывавшееся въ такихъ школахъ, отчуждалось отъ всего близкаго и родного для него, пропитывалось любовью къ католичеству и даже пріучалось смотрѣть на униженное православіе, какъ на холопскую, недостойную дворянства вѣру. Со времени же введенія церковной уніи и быстраго окатоличенія дворянства—православію и русской національности нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, и

русская школа стала утрачивать тѣ свои труды и тѣ основы, на которыхъ она была создана.

Острожское училище. Когда многіе лучшіе русскіе люди, проникнутые любовью къ своей родинѣ и соблюдавшіе интересы своей народности, убѣдились, что для противодѣйствія господствованію латинства, для поддержки своей религіи и національности единственнымъ орудіемъ является усиленіе въ народѣ образованія, тогда богатые князья К. Острожскій и Юр. Слуцкій откликнулись на призывъ къ удовлетворенію этой необходимой потребности. Первоначально князь Острожскій ограничивался поддержкой и распространеніемъ элементарныхъ школъ въ своихъ владѣніяхъ. Но около 1580 года была основана имъ Острожская академія, въ чемъ видятъ намѣреніе князя создать высшее учебное заведеніе. Что во всякомъ случаѣ академія не имѣла уже характера элементарной школы, это видно и изъ другого ея названія: „школа грецкая (греческая) у Острогу“. О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и установленный для нея курсъ наукъ. Острожское училище было первою на Руси греко-славянскою школой для преподаванія „вызволеныхъ“, или вольныхъ наукъ; въ немъ съ самаго основанія преподавался языкъ греческій. Учителемъ и ректоромъ его былъ весьма образованный человѣкъ, посѣщавшій европейскіе университеты, экзархъ александрійскій Кириллъ Лукарь. По нѣкоторымъ основательнымъ догадкамъ въ Острожскомъ училищѣ преподавались и языки польскій и латинскій. Въ Острожскую школу стекалось во множествѣ юношество не только изъ низшихъ классовъ народа, но и изъ высшихъ.

Князь Острожскій завелъ при училищѣ типографію, въ которой было напечатано много книгъ богоугодныхъ и учительныхъ. При немъ же была издана (1581) первая полная славянская Библія. Кромѣ учрежденія училищъ и заведенія типографій, князь К. Острожскій „стяжалъ себѣ славу, какъ великій поборникъ православія, какъ защитникъ и утѣшитель православнаго западно-русскаго народа, когда настало гоненіе на православіе со стороны латинства“.

Подобно Острожскому училищу открылъ у себя школу и родственникъ его князь Юр. Слуцкій, при которой была также типографія.

Братства. Въ эту же пору поднялись на борьбу за вѣру и народность церковныя братства западной Руси, первоначальныя извѣстія о которыхъ восходятъ къ первой половинѣ XV столѣтія;

древнѣйшими изъ братствъ были—одно въ Галиціи, въ главномъ ея городѣ Львовѣ, а другое въ столицѣ литовскаго княжества, въ Вильнѣ; затѣмъ они возникали въ другихъ городахъ и въ XVII столѣтіи въ Кіевѣ. Особенными услугами для защиты православія и распространенія русской школы были братства: Виленское (1458), Львовское (1439) и Кіевское (1615). Эти братскіе союзы возникали прежде всего въ большихъ городахъ, имѣвшихъ развитое церковное устройство и значительное обиліе церквей, непосредственно подлежащихъ вѣдѣнію многочисленныхъ прихожанъ. Главною цѣлію братства была религіозно-благотворительная дѣятельность, которая выражалась въ заботахъ о благолѣпіи церквей, объ ихъ вещественныхъ потребностяхъ, о контролѣ надъ церковными дѣлами, вспоможеніи обѣднѣвшимъ членамъ, содержаніи „шпиталя" для убогихъ, въ присутствованіи при торжественныхъ богослуженіяхъ, при погребеніи умершихъ братчиковъ и ихъ поминовеніи. Въ концѣ же XVI столѣтія братства становятся исключительно религіозно-нравственными союзами, имѣвшими главною цѣлью защищать и ограждать православную Церковь и свою народность отъ латинско-польской пропаганды. Эта исключительная цѣль братствъ была вызвана тѣмъ положеніемъ юго-западной русской Церкви, въ какомъ она очутилась въ концѣ XVI столѣтія. Въ это время религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, преимущественно же съ католицизмомъ и уніею, достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ, и вотъ на защиту своей вѣры и народности выступаютъ братства, избирающія главнымъ средствомъ для охраны православной вѣры и для борьбы противъ враговъ ея — школу, науку, просвѣщеніе: братствами заводятся школы для обученія дѣтей въ духѣ православія и типографіи для распространенія книгъ духовнаго и учебнаго содержанія, приглашаются извѣстныя своимъ просвѣщеніемъ лица, православные призываются къ единодушію и твердости въ вѣрѣ, заносятся передъ королями и сеймами прошенія объ охранѣ вѣры и православія.

Организація братскихъ школъ. Всѣ братскія школы имѣли цѣлью, кромѣ просвѣщенія русскихъ—юношества и дѣтей въ духѣ своей народности, возвысить религіозно-нравственное значеніе православной Церкви и служить твердою опорой противъ иновѣрной пропаганды. Къ этой цѣли были направлены всѣ воспитательныя и учебныя средства школъ. Изъ дошедшихъ свѣдѣній видно, что братства особенно прилагали большія старанія при выборѣ въ

своихъ школахъ главныхъ начальниковъ — ректоровъ и наставниковъ, которымъ ввѣрялась религіозно-нравственная жизнь воспитанниковъ; съ этою цѣлью братства нерѣдко обращались къ греческимъ іерархамъ, которые и оказывали имъ свое содѣйствіе присылкою знающихъ наставниковъ. Учебный годъ начинался съ осени, и доступъ въ школу былъ открытъ для всѣхъ сословій, свѣтскихъ и духовныхъ, знатныхъ и простыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ. Прежде отдачи сына въ школу, родители должны были присмотрѣться къ школьнымъ порядкамъ, чтобы впослѣдствіи не раскаиваться и не отрывать ученика отъ науки. Плата за ученіе зависѣла отъ соглашенія. Ученики приходили въ школу и уходили изъ нея въ опредѣленное время, и предъ началомъ ученія читались положенныя молитвы. Каждое утро учитель дѣлалъ перекличку, а относительно отсутствовавшихъ немедленно же разслѣдовалъ причину ихъ неявки въ школу. Всѣ ученики по очереди должны были исполнять разныя обязанности по школѣ — мести, топить печи, записывать тѣхъ, которые не учились или шалили. Въ классахъ сначала спрашивались уроки, заданные съ вечера, а потомъ уже шло дальнѣйшее обученіе. Въ праздничные и воскресные дни объяснялось ученикамъ значеніе праздниковъ и положенныхъ на тѣ дни чтеній евангельскихъ и апостольскихъ. Въ субботу послѣ вечерни учили дѣтей страху Божію и строгой нравственности; именно, внушалось неопустительно посѣщать въ праздники и воскресные дни богослуженіе, стоять тамъ со страхомъ Божіимъ, съ всевозможною тишиной, слушать все читаемое и поемое; также вмѣнялось въ обязанность исполнять христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія, питать уваженіе къ мѣстамъ посвященнымъ Богу, какъ-то: церквамъ, монастырямъ, училищамъ, оказывать родителямъ и учителямъ послушаніе и покорность и пр. По субботамъ же производилась повѣрка всего пройденнаго въ теченіе недѣли, и наказывались за лѣность нерадивые ученики, которымъ приходилось „и памятнаго по чашѣ школьной испити“. Вообще къ тѣлесному наказанію прибѣгали нерѣдко, какъ видно даже изъ того, что въ издававшихся въ то время букваряхъ помѣщались картины, на которыхъ представлены ученики, подвергаемые наказанію, да и въ самомъ текстѣ часто встрѣчались изреченія и стихи съ цѣлью вкоренить въ ушахъ родителей и дѣтей пользу, приносимую розгой: „иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего, а любяй и, прилежно наказуетъ“.

Обученіе въ братскихъ школахъ и связь ихъ съ приходскими. Такъ какъ въ братскія школы принимались нерѣдко дѣти совершенно неподготовленныя, то обученіе начиналось съ азбуки, затѣмъ слѣдовало чтеніе часослова и псалтыря, въ связи съ изученіемъ церковныхъ службъ и пѣнія. По усвоеніи чтенія и письма, изучались книги св. писанія, (Евангеліе и книги апостольскія), творенія св. отцовъ, а также и грамматика, риторика, діалектика, музыка, пасхалія и церковное пѣніе. Изъ языковъ первенствующее мѣсто занималъ славянскій языкъ, такъ какъ ревнители православія ясно понимали, что сохраненіе своей вѣры и народности стоитъ въ тѣсной связи съ храненіемъ родного славяно-русскаго языка, и что пренебреженіе имъ можетъ повлечь печальныя послѣдствія. Греческій языкъ занималъ также въ братскихъ школахъ видное мѣсто, какъ языкъ, на которомъ написаны творенія свв. отцовъ Церкви; къ тому же многіе изъ наставниковъ были греки, приглашенные братствами по указанію греческихъ іерарховъ. Насколько этотъ языкъ пользовался значеніемъ, свидѣтельствуютъ многіе дошедшіе до насъ памятники на греческомъ языкѣ, принадлежащіе перу наставниковъ и воспитанниковъ южнорусскихъ школъ. Самое названіе учителей — „дидаскалы“ и учениковъ — „спудеи“ свидѣтельствуетъ о преобладаніи въ школахъ греческаго элемента. Латинскій языкъ, противъ котораго возставали многіе ревнители православія, не пользовался особымъ значеніемъ и если включался въ школьную программу, то для того, чтобы юго-западныя русскія школы не принимали приниженнаго положенія сравнительно съ польскими учебными заведеніями, въ которыхъ этотъ языкъ занималъ первенствующее мѣсто. Включеніе же въ школьную программу польскаго языка было вызвано потребностями времени, когда онъ былъ господствующимъ языкомъ въ литовско-русскихъ областяхъ какъ въ обыденной жизни, такъ и въ литературѣ того времени. Вмѣстѣ съ польскимъ языкомъ впослѣдствіи проникло отчасти въ нѣкоторыя школы схоластическое направленіе при обученіи, особенно въ риторическихъ предметахъ: напыщенность и витіеватость, безжизненность, составленіе хвалебныхъ виршей, имѣвшихъ въ виду только подборъ высокопарныхъ словъ и фразъ — характеризуютъ многія произведеніи наставниковъ и учениковъ этихъ школъ. Что же касается самаго духа преподаванія, то оно всецѣло оставалось всегда неприкосновеннымъ, на началахъ православія и русской національности.

Приведенныя братскія школы отличались характеромъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изъ числа же братскихъ школъ, носившихъ характеръ элементарныхъ училищъ, упомянемъ о Луцкой школѣ XVII в. въ городѣ Луцкѣ (уставъ ея отчасти приведенъ нами въ гл. V послѣ азбуковниковъ), которая, начавъ съ элементарнаго курса, возвысилась до средняго учебнаго заведенія.

Элементарныя братскія школы, по словамъ г. Владимирскаго-Буданова, стоятъ въ самой тѣсной связи съ приходскими школами. Связь братскихъ школъ съ приходскими, по его мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію; учебный ихъ курсъ различался, смотря по положенію братства, но въ каждой школѣ лежало въ основѣ его начальное обученіе—азбука, часословъ и псалтырь.

Судя по одному мѣсту Луцкаго устава, все образованіе въ школѣ, повидимому, ограничивается чтеніемъ и усвоеніемъ прочитаннаго: „дѣти въ школѣ должны быть раздѣлены на трое,—одни, которыя будутъ учиться распознавать буквы и складывать; другія, которыя будутъ учиться читать и выучивать наизусть разные уроки; третьи будутъ пріучаться объяснять читанное, разсуждать и понимать". Но въ другомъ мѣстѣ того же устава учебный курсъ опредѣленъ совершенно иначе: „школы словенской ученіе начинается такъ: сперва научатся складывать буквы, потомъ обучаются грамматикѣ, чтенію и пѣнію. Также пріучаютъ ежедневно, чтобы дѣти одинъ другого спрашивали по-гречески, а отвѣчали бы по-словенски, а также, чтобы спрашивали по-словенски, а отвѣчали на греческомъ языкѣ. Но вообще они не должны между собою разговаривать на одномъ простомъ языкѣ, но на словенскомъ и греческомъ. И такимъ образомъ нынѣ тому учатся (т. е. во время составленія устава), приступая къ высшимъ наукамъ—къ діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по-словенски. На русскомъ языкѣ написаны діалектика и риторика и другія философскія сочиненія, принадлежащія къ школѣ". Эта статья, очевидно, прибавлена къ уставу уже позднѣе (самый уставъ составленъ еще въ то время, когда Луцкая школа была элементарною). Приписка, содержащая въ себѣ и отчетъ о тогдашнемъ состояніи школы, указываетъ, что школа эта возвысилась до средняго учебнаго заведенія, а въ будущемъ даже можетъ получить значеніе высшаго училища.

Такимъ образомъ, предъ читателемъ раскрывается постепенный ростъ заведенія изъ низшаго въ среднее, а изъ средняго въ

высшее... Изъ предыдущихъ замѣчаній видно, что не только среднее и высшее образованіе естественно развивалось изъ элементарнаго, но что братскія училища суть тѣ же самыя приходскія школы въ ихъ дальнѣйшемъ преуспѣяніи.

Дѣйствительно, братства не изобрѣтали новой учебной системы; вся дѣятельность ихъ состояла въ усовершенствованіи школъ приходскихъ. „Въ г. Луцкѣ устроилась греческая и русская школа *по стародавнимъ обычаямъ* и правиламъ св. отцовъ исповѣданія греческаго". Кіевское братское училище было ничѣмъ инымъ, какъ приходскою Богоявленскою школою; братство „рѣшилось всѣми мѣрами содѣйствовать успѣхамъ и процвѣтанію лучшей изъ Кіевскихъ приходскихъ школъ, находившейся при Богоявленской церкви". Оно „на обратномъ пути патріарха Іереміи II изъ Москвы въ Константинополь, испросило у него благословеніе преобразовать свою школу въ высшее православное училище".

Такъ, по словамъ г. Владимирскаго-Буданова, возникаетъ среднее образованіе изъ національной системы приходскаго, а не заимствуется въ готовомъ видѣ извнѣ. Но само собою очевидно, что образованіе, выходя изъ элементарной формы, перестаетъ быть узко-національнымъ и получаетъ общечеловѣческія основы. Внѣшнимъ выраженіемъ этого, а вмѣстѣ и отличіемъ среднихъ школъ отъ низшихъ служитъ изученіе иностранныхъ языковъ въ среднихъ училищахъ. Изъ свѣдѣній объ учебномъ курсѣ въ братскихъ школахъ, продолжаетъ г. Владимирскій - Будановъ, оказывается, съ одной стороны, что внѣшнею отличительною чертой его служитъ преподаваніе иностранныхъ языковъ, именно классическихъ, что и составляетъ отличительный признакъ средняго образованія; съ другой, что братства держались слѣдующаго принципа: для пріобрѣтенія научныхъ знаній классическіе языки служатъ столь же необходимымъ средствомъ, какъ для пріобрѣтенія элементарныхъ знаній—грамотность; развитіе научныхъ знаній въ народѣ невозможно безъ общенія съ умственною жизнью другихъ народовъ, болѣе двинувшихся въ просвѣщеніи. Языкознаніе сдѣлалось единственною цѣлью братскихъ школъ уже тогда, когда братства утратили свое вліяніе на нихъ, при чемъ обнаружилось то же самое, что и въ элементарныхъ приходскихъ школахъ XVIII вѣка, когда въ этихъ послѣднихъ грамотность отошла на задній планъ. Что въ братскихъ школахъ подъ изученіемъ классическихъ языковъ подразумѣвалось именно изученіе наукъ, это видно изъ той

осторожности, съ которою допускали онѣ латинскій языкъ. Въ большинствѣ школъ основой образованія былъ лишь языкъ греческій. Учебный курсъ въ братскихъ школахъ, безспорно классическій, имѣлъ цѣлью освободить народное образованіе отъ его вѣковой замкнутости; но не меньшая важность придавалась въ упомянутомъ курсѣ и изученію родного языка, которое считалось главнымъ средствомъ для возбужденія національнаго сознанія въ борьбѣ съ чуждыми народностями. Братскія школы оказали славянской филологіи до сихъ поръ незабвенныя услуги (первыя грамматики, лексиконъ Памвы Берынды и проч.). Такъ въ образованіи братскихъ школъ отразились обѣ его стороны—общечеловѣческая и національная.

Типографіи. Одновременно съ этимъ возникаетъ какъ русская литература на пользу родной Церкви, такъ и учебная на пользу русской школы, и появляются печатные учебники по разнымъ предметамъ; этому много содѣйствовали открывшіяся при братствахъ типографіи и тѣ русскіе люди, которые, понимая пользу истиннаго просвѣщенія, не щадили ни средствъ, ни трудовъ для изданія такихъ книгъ, въ какихъ наиболѣе нуждалась мѣстная православная церковь и школа. Такою первою книгой было „Евангеліе учительное“ напечатанное (1569) въ Заблудовѣ, имѣніи гетмана Ходкевича, тѣми же московскими печатниками, діакономъ Иваномъ Өедоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ, которые, по удаленіи изъ Москвы, водворились у этого литовско-русскаго православнаго вельможи. Послѣ того Иванъ Өедоровъ перешелъ во Львовъ, гдѣ открылъ типографію и напечаталъ книгу: „Апостолъ“ (1574); его типографія черезъ нѣсколько лѣтъ перешла во Львовское братство и послужила впослѣдствіи основаніемъ для знаменитой „типографіи Львовскаго братства“. Сотрудникъ же его Петръ Мстиславецъ перешелъ въ Вильну, гдѣ, открывъ типографію, напечаталъ двѣ книги: „Евангеліе напрестольное“ и „Псалтырь“. Когда Иванъ Өедоровъ лишился своей типографіи во Львовѣ, то, по приглашенію князя Острожскаго, онъ перешелъ въ Острогъ, гдѣ князь завелъ собственную типографію; благочестивый князь, знаменитый защитникъ національности и „столпъ православія“, какъ его называли современники, задумалъ издать для своихъ единовѣрцевъ полную славянскую Библію. Въ 1581 году появились первые труды его типографіи—отпечатанная на славянскомъ языкѣ Библія. По отпечатаніи еще нѣсколькихъ книгъ, Иванъ Өедоровъ умеръ въ

1583 году и погребенъ во Львовѣ, гдѣ на могилѣ его лежитъ простая плита съ надписями: „упокоенья и воскресенья изъ мертвыхъ чаю“, а внизу—„друкарь книгъ предтымъ невиданныхъ“. Въ 1883 году вся образованная Русь праздновала трехсотлѣтіе русскаго первопечатника, такъ много потрудившагося и пострадавшаго для пользы русскаго просвѣщенія.

Учебники. Въ это же время стали распространяться и учебники, составленные учителями братскихъ школъ, иногда при содѣйствіи лучшихъ учениковъ; братства, находясь въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ, обмѣнивались и своими изданіями. Такъ, появляются буквари, представлявшіе родъ дѣтскихъ энциклопедій, которыя имѣли въ виду, кромѣ обученія, сообщать и первоначальныя религіозныя истины. Они начинались славянскою азбукой, затѣмъ слѣдовали склады, отдѣльныя слова и изреченія для упражненія въ чтеніи, при чемъ слова и фразы были приспособлены къ тому, чтобы дать элементарныя свѣдѣнія о грамматическихъ формахъ и орѳографіи (напр., буки, буди онъ, будеши ты, будетъ той, будива мы два; будимо со много мнози). Далѣе слѣдовали общеупотребительныя молитвы, исповѣданіе вѣры и нравственныя изреченія, преимущественно изъ притчей Соломона. Въ концѣ помѣщались статьи болѣе обширныя; такъ, наприм., въ азбукѣ 1596 года, изданной въ Вильнѣ, находятся изложенія о православной вѣрѣ, о вочеловѣченіи Господа, о значеніи крестномъ. Въ этихъ трактатахъ, изложенныхъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, сообщаются основныя понятія объ истинахъ христіанской религіи, при чемъ обращалось преимущественно вниманіе, чтобы вкоренить въ умы питомцевъ убѣжденіе въ истинности православія сравнительно съ другими вѣроисповѣданіями и научить ихъ пріемамъ религіозной полемики.

Греческая грамматика, изданная въ 1591 году во Львовѣ, напечатана на двухъ языкахъ — греческомъ и, параллельно съ нимъ, славянскомъ, вслѣдствіе того, что изученіе обоихъ языковъ велось въ школѣ одновременно. Учебникъ содержитъ въ себѣ о раздѣленіи писемъ (гласныя, долгія, краткія, двое-временныя), о слогѣ, о реченіи и словѣ. Затѣмъ слѣдуетъ дѣленіе слова на восемь частей: различіе (членъ), имя, мѣстоимя, глаголъ, причастіе, предлогъ, нарѣчіе и союзъ; далѣе идетъ рѣчь о каждой части въ отдѣльности. Въ концѣ приложенъ длинный списокъ строптивыхъ глаголовъ, т. е. не подходящихъ подъ вышеизложенныя правила, и

сдѣланы краткія замѣчанія о просодіи. На послѣднемъ листкѣ помѣщенъ Символъ Вѣры.

Славянская грамматика Лаврентія Зизанія 1596 г., изданная въ Вильнѣ, представляетъ сходство съ греческою Львовскою грамматикой, но изложеніе полнѣе и представлено въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Грамматика раздѣляется на четыре части: ороографію, просодію, этимологію и синтаксисъ; также даются краткія указанія относительно сложенія стиховъ, примѣнительно къ греческому стихосложенію. Въ концѣ учебника приложены: толкованіе молитвы, которой научилъ Господь Іисусъ Христосъ своихъ учениковъ и „Лексисъ“ — славянскія изреченія, истолкованныя простымъ русскимъ языкомъ.

Грамматика славянская Мелетія Смотрицкаго 1619 г.,—болѣе полная, чѣмъ учебникъ Зизанія, и ближе стоящая къ духу славянскаго языка, имѣетъ еще ту особенность, что здѣсь впервые сдѣлана попытка ко введенію тоническаго стопосложенія.

Кіевское братство. Самое важное значеніе какъ средство для огражденія отъ иновѣрія, такъ и по своему вліянію на послѣдующую культурную жизнь русскаго народа, оказало Кіевское братство. Кіевъ, бывшій религіознымъ центромъ въ древній періодъ русской исторіи, со времени Батыева разгрома утратилъ свое прежнее церковное значеніе. Хотя главная святыня города, Кіево-Печерская обитель, привлекая къ себѣ богомольцевъ и щедрыхъ дателей, быстро поправлялась отъ постигшихъ ее въ XV столѣтіи непріятельскихъ разореній, но тѣмъ не менѣе она долго не могла пользоваться надлежащимъ образомъ своими громадными средствами вслѣдствіе многочисленныхъ неурядицъ, происходившихъ почти въ теченіе всего XVI столѣтія. Поэтому, несмотря на свои громадныя матеріальныя средства, эта обитель даже къ концу XVI столѣтія не имѣла еще ни типографіи, ни школы, ни хорошей библіотеки, ни больницы, ни богадѣльни, и во всемъ Кіевѣ не было въ это время никакихъ религіозно-нравственныхъ учрежденій. Съ начала же XVII столѣтія въ исторіи Кіева и его святыни Кіево-Печерской обители происходитъ переворотъ, и Кіевъ съ своею обителью примыкаетъ къ религіозному движенію въ юго-западной Руси, вызванному усилившеюся пропагандой иновѣрія; тогда и въ Кіевѣ принимаются мѣры для борьбы съ враждебными православію католическими началами и для защиты своей праотцевской вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаются и тѣ религіозно - нравственныя

средства, которыя оказываются необходимыми для этой цѣли—благотворительныя учрежденія, школы, типографіи, изданія книгъ, ученыя корпораціи и пр. Результатомъ такого пробудившагося направленія является возникшее въ 1615 году Кіевское братство, уставъ котораго однороденъ съ уставами другихъ церковныхъ братствъ, существовавшихъ до того времени въ юго-западной Руси; при этомъ также главною цѣлью его было возвысить религіозно-нравственное значеніе православія и оградить его отъ враждебнаго натиска проповѣдниковъ иновѣрія.

Кіево-братская школа. Для достиженія этой цѣли Кіевское братство, подобно другимъ церковнымъ братствамъ, одновременно съ своимъ возникновеніемъ, учреждаетъ Кіево-братскую школу, которая почти сразу стала въ уровень съ другими братскими школами и уже на первыхъ порахъ своего существованія представляла надежный оплотъ для православія. Кіево-братская школа, называемая также по монастырю, при которомъ она находилась, Кіево-Богоявленскою, а по преподаваемымъ въ ней языкамъ—школою „еллино-словенскаго и латино-польскаго письма", имѣла уставъ вполнѣ сходный со школами другихъ братствъ, вслѣдствіе чего школьные порядки, курсъ и методъ обученія были вполнѣ одинаковы. Всесторонне выполняя свое назначеніе—служить оплотомъ противъ иновѣрія, утверждать православіе и содѣйствовать распространенію образованія въ средѣ южно-русскаго населенія, Кіево-братская школа въ научномъ отношеніи все-таки уступала латино-польскимъ коллегіямъ; послѣднія, находясь въ умственномъ общеніи съ западною Европой, постоянно совершенствовали свое школьное дѣло, такъ что воспитанники братскихъ школъ иногда для завершенія своего образованія поступали въ латино-польскія коллегіи. Такъ какъ подобное явленіе — переходить въ чужую школу съ совершенно противоположнымъ направленіемъ, случавшееся хотя и рѣдко, противорѣчило дѣятельности братскихъ школъ и могло парализовать ихъ главную цѣль, то явленіе это не осталось незамѣченнымъ, а, напротивъ, побудило искать мѣры устранить это зло. Тогда пришли къ убѣжденію въ необходимости организаціи такого высшаго училища, которое, удовлетворяя требованіямъ братскихъ школъ, стояло бы на уровнѣ съ современнымъ образованіемъ и своимъ курсомъ было бы не ниже латино-польскихъ коллегій.

Кіево-Могилянская коллегія. Въ осуществленіи этого самое

дѣятельное участіе оказалъ архимандритъ Кіево-Печерской лавры, а впослѣдствіи утвержденный въ санѣ кіевскаго митрополита, Петръ Могила.

Петръ Могила, сынъ молдавскаго воеводы, былъ человѣкъ высокаго ума и образованія, посвятившій всѣ свои силы на борьбу за православіе и на распространеніе дѣла русскаго просвѣщенія. Озабочиваясь открытіемъ въ Кіевѣ новыхъ училищъ, которыя бы давали южно-русскому молодому поколѣнію полное научное удовлетвореніе и сдѣлали бы ненужными латино-польскія коллегіи, онъ посылаетъ за границу нѣсколько южно-русцевъ изъ мірянъ и монаховъ съ научною цѣлью и для приготовленія къ наставнической дѣятельности, а затѣмъ открываетъ въ лаврѣ школу. Кіево-Богоявленское братство, предвидя подрывъ своей школѣ, вслѣдствіе возникновенія новой, и считая болѣе цѣлесоотвѣтственнымъ соединить всѣ научныя силы въ одномъ мѣстѣ, заявило объ этомъ Петру Могилѣ и просило его помѣстить профессоровъ учрежденной имъ коллегіи въ лаврѣ въ братскую школу, расширивъ въ ней курсъ предметовъ. Петръ Могила былъ вынужденъ (1631) согласиться на соединеніе устроенной имъ въ лаврѣ высшей коллегіи съ Кіево-Богоявленскимъ братскимъ училищемъ, выговоривъ себѣ инициативу въ этомъ дѣлѣ, главное опекунство и надзоръ надъ соединенными школами.

Учреждаемая Петромъ Могилою коллегія (1633) вскорѣ подъ его управленіемъ пришла въ цвѣтущее состояніе: щедро обезпечивая ее въ матеріальномъ отношеніи, онъ водворилъ въ ней науки и довелъ ихъ преподаваніе до той степени, которая вполнѣ соотвѣтствовала высшимъ училищамъ того времени; вмѣстѣ съ тѣмъ заведена была при коллегіи и библіотека. Хотя коллегія и получила устройство по образцу высшихъ польскихъ и западно-европейскихъ училищъ, такъ какъ основатель ея и избранные имъ наставники сами получили образованіе въ такихъ училищахъ, тѣмъ не менѣе главными предметами въ коллегіи были богословскія науки, а главною цѣлью было противодѣйствовать уніи, оградить и защищать православіе. Устроивши коллегію по образцу западныхъ высшихъ училищъ, Петръ Могила водворилъ въ ней тѣ порядки, науки, и тѣ схоластическіе пріемы, которые въ это время были господствующими на Западѣ. Коллегія состояла изъ восьми классовъ, и ученики старшихъ классовъ назывались студентами. Главное начальствующее лицо былъ ректоръ; ближайшее наблюде-

новенія школъ, вытекала изъ историческихъ основъ отношенія общества къ семьѣ и не имѣетъ ничего общаго съ обязательностью, установляемою закономъ. Всѣ требованія относительно образованія дѣтей предъявлялись къ общинамъ и элементарному обученію, которое, разумѣется, не въ состояніи было удовлетворить имъ. Между семьею и общиною не стояло никакихъ принудительныхъ предписаній закона. Дѣятельность общины относительно народнаго образованія выражалась въ сообщеніи прихожанамъ условій, облегчающихъ доступъ къ элементарному образованію, а именно, прежде всего, въ пріобрѣтеніи учителей.

Должность учителя соединялась въ одномъ лицѣ съ другими должностями по приходу—общиннаго секретаря (дьяка) и церковнаго дьячка. Такъ какъ обѣ онѣ необходимо существовали въ каждой общинѣ, то присутствіе учителя въ приходѣ было явленіемъ нормальнымъ и постояннымъ. Г. Сухомлиновъ пишетъ: „испоконъ вѣка учительствомъ промышляли дьячки, и званіе дьячка до того слилось въ понятіи народа съ учительствомъ, что самыя крутыя мѣры не въ состояніи были подорвать довѣрія къ дьяковскимъ школамъ. Дома, гдѣ живутъ дьячки, народъ въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи до сихъ поръ называетъ школами“. Въ школахъ учили дьячки, гдѣ они и жили.

Дьячки, по званію школьныхъ учителей, назывались „бакалярами“ и „дирехтурами“—какъ распорядители школы. Эти учители-дьяки избирались приходами, которые заключали съ каждымъ изъ нихъ словесный или формальный договоръ. Дьякъ—школьный учитель—занимаетъ обыкновенно второе мѣсто послѣ лица, облеченнаго общинною властью. Иногда, впрочемъ, учительство довѣрялось другимъ духовнымъ лицамъ, исправлявшимъ штатныя обязанности; такъ распоряжался Стоглавый соборъ, такъ существовало это и на дѣлѣ во многихъ случаяхъ. Жены заштатныхъ священниковъ и дьяконовъ обучали дѣвочекъ въ тѣхъ же школахъ.

Лицо, соединявшее земскую или церковную должность съ должностью учителя, не обязано было обучать дѣтей общины безплатно. Элементарное образованіе ни для кого не было мнимо даровымъ, т. е., общинная власть не собирала школьнаго налога и не платила учителямъ жалованья. Каждый родитель заключалъ съ учителемъ сдѣлку совершенно въ такихъ же формахъ, въ какихъ совершались прочія гражданскія сдѣлки въ эпоху господства обычнаго права, т. е. приглашалъ одного или двухъ свидѣтелей, въ присут-

ствіи коихъ и заключалъ условіе; затѣмъ, на окончательномъ экзаменѣ присутствуютъ тѣ же самые свидѣтели и рѣшаютъ—честно ли выполненъ договоръ со стороны наставника. Сами уставы приравниваютъ этотъ порядокъ одному изъ видовъ договора личнаго найма: „такой порядокъ соблюдаютъ *и всѣ другіе ремесленники*, ибо не только сына, но и слугу поручаютъ мастеру при людяхъ и порядкомъ...“ Содержаніемъ договора служили условія о томъ, чему учить, и въ какой срокъ; упоминалось о могарычѣ (договорная плата), поминкѣ (добавочная плата за исполненіе части условій). Общинная власть вовсе не оставалась чуждою этимъ сдѣлкамъ. Свидѣтелями при заключеніи упомянутыхъ договоровъ были „сосѣди“—вся мѣстная община. Когда приглашались они на окончательный экзаменъ, то и общество въ состояніи было судить—правильно ли поступаетъ наставникъ, находя безполезнымъ дальнѣйшее пребываніе ученика въ школѣ.

Въ значительной части случаевъ этотъ надзоръ общины за дѣятельностью школы проявлялся въ формахъ контроля общественнаго мнѣнія. Старинные учебники содержатъ множество образцовъ привѣтствій лицамъ, посѣщавшимъ школу. Это были „благодѣтели“, вліятельные люди общины. Азбуковникъ наставляетъ: когда входитъ постороннее лицо, всѣ должны встать при его появленіи, и одинъ изъ прилежнѣйшихъ учениковъ, поклонившись посѣтителю, говоритъ рѣчь, приличную мѣсту и времени. Не даромъ наставникъ, поощряя учениковъ къ чистоплотности и благонравію, постоянно ставитъ имъ на видъ: „что скажутъ о школьной чистотѣ посѣтившіе школу, что подумаютъ прихожане о школѣ, когда ученики въ церкви будутъ шалить и проч.“.

Впослѣдствіи, когда правительство стало преслѣдовать прямыми и косвенными мѣрами приходскія школы, всѣ учителя-мастера превратились просто въ мастеровъ, вольнонаемныхъ слугъ; но это явленіе позднѣйшее, оно принадлежитъ XVIII и XIX вѣкамъ.

Учителей приготовляла та же самая школа, въ которой впослѣдствіи они сами преподавали. Отсюда традиціонная передача свѣдѣній въ томъ же объемѣ, въ какомъ издавна укоренились они на Руси вліяніемъ греческихъ миссіонеровъ.

Старшимъ и болѣе практичнымъ, болѣе честнымъ изъ школяровъ давались названія подьячихъ, т. е. помощниковъ дьячка, другимъ—псаломщиковъ, клиросниковъ и т. п. Инымъ долго не счастливилось; они доживали до 30-лѣтняго и долѣе возраста въ

званіи школяровъ все въ качествѣ кандидата на должность дьячка-учителя.

Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: какъ станешь учителемъ, учи такъ, чтобы не отбилъ школы. „Учимся у мастеровъ", говорятъ будущіе пастыри и учители: „намъ больше учиться негдѣ", какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ. Вслѣдствіе этого: а) элементарное обученіе не растетъ вмѣстѣ съ историческимъ ростомъ общества; кромѣ элементарныхъ, не было другихъ учебныхъ заведеній, которыя постоянно распространяли бы новыя и высшія свѣдѣнія; б) существовала опасность постояннаго, хотя и медленнаго регрессивнаго движенія. „Учи такъ, чтобы не отбилъ школы", т. е., не открывай своему ученику всего, чтобы ученикъ не сѣлъ на твое мѣсто. Вотъ этого-то всего и добивались ученики разными хитростями у своихъ учителей. Что такія именно стремленія замѣчались у наставниковъ - мастеровъ того времени, на это намекаетъ самъ Стоглавъ, настаивая съ особеннымъ удареніемъ на томъ: „также бы учили своихъ учениковъ... сколько сами умѣютъ, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе". Этимъ наиболѣе объясняется упадокъ элементарныхъ знаній въ Московской Руси, несомнѣнно замѣчаемый съ XVI вѣка.

При автономической разрозненности общинъ въ дѣлѣ народнаго образованія, единство его является лишь единствомъ задачъ, взглядовъ на него всего народа, а не единствомъ исполненія: школа, случайно попавшая въ хорошія руки стояла много выше сосѣднихъ, но не обнаруживала на нихъ никакого вліянія. Противъ этого зла существовало съ древнѣйшихъ временъ одно средство — это переходъ учителей съ мѣста на мѣсто. Мы знаемъ, что въ XVI вѣкѣ обученіемъ пѣнію занимались особые мастера, „пѣти зѣло гораздые", распѣвщики и творцы, которые смотрѣли на свое занятіе, какъ на ремесло, ходили по городамъ, собирали къ себѣ учениковъ и обучали ихъ пѣнію. Въ Украйнѣ возникло даже весьма характерное названіе „мандрованный дякъ", то-есть странствующій учитель (см. гл. IV, школы Малороссіи). Подобные странствующіе учителя были и въ Москвѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ. „Въ 1745 г. вышелъ въ Москву и имѣлся праздно, питаясь ученіемъ господскимъ и прочихъ дѣтей", показывалъ о себѣ въ 1755 году дьяконъ Василій Анисимовъ въ Московской консисторіи. Дьячокъ Петровъ на допросѣ показалъ, что ему отъ роду 38

лѣтъ, при той Воскресенской церкви находился по 1758 годъ и отъ церкви отошелъ для лучшаго пропитанія себя и дѣтей своихъ „въ разныхъ господскихъ домахъ обучая людей ихъ грамотѣ, писать и пѣть изъ подлежащей платы“.

Когда впослѣдствіи училища, основанныя корпораціями и частными лицами, возвысились до степени среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, наступила другая эпоха для элементарныхъ школъ. Тогда эти послѣднія могли заимствовать, и дѣйствительно заимствовали, учителей изъ первыхъ. „Іовъ Борецкій — воспитанникъ и ректоръ Львовскаго училища, поступивъ во священники въ Кіевскую Воскресенскую церковь, преобразовалъ приходскую школу этой церкви такъ, что она вскорѣ заслужила уваженіе образованныхъ людей“.

Только этимъ же путемъ могли попасть въ села Московскаго государства попы, знающіе грамматику и риторику. Въ ноябрѣ 1616 года была выдана слѣдующая царская грамота: „По нашему указу взяты были къ намъ въ Москву изъ Троицкаго Сергіевскаго монастыря канонархистъ—старецъ Арсеній, да села Клементьева попъ Иванъ для исправленія книгъ печатныхъ и Потребника. И мы указали исправленіе Потребника поручить тебѣ архимандриту Діонисію, и съ тобою Арсенію и Ивану и другимъ духовнымъ разумнымъ старцамъ, которымъ подлинно извѣстно книжное ученіе, грамматику и риторику знаютъ“. Уже въ началѣ XVII вѣка были въ Москвѣ епископы изъ Малороссіи, которые старались назначать священниковъ своею властью, а не по выбору прихожанъ. Въ XVIII вѣкѣ, когда въ Харьковѣ существовалъ уже коллегіумъ, между нимъ и этими народными школами не могла не возникнуть нѣкоторая связь. Учителями въ нихъ иногда появляются воспитанники коллегіума. Но такая солидарность между низшими и высшими училищами существовала не вездѣ и недолго; солидарность господствовала лишь въ училищахъ, основанныхъ корпораціями и частными лицами; что же касается до основанныхъ правительствомъ, то они подчиняли своихъ воспитанниковъ такимъ условіямъ, которыя не позволяли имъ быть попрежнему единственными и сносными народными учителями. Учительство въ народной школѣ не было уже приготовленіемъ къ священству: лучшіе воспитанники семинарій прямо посвящались во священники; негодные вербовались въ военную службу или поступали въ дьячки, при чемъ, промышляя попрежнему учительствомъ, довели приходское образованіе до совер-

шеннаго упадка, а званіе учителя - мастера до заслуженнаго презрѣнія. Хотя по свѣдѣніямъ своимъ они все - таки были выше прежнихъ наставниковъ, учившихся лишь въ народныхъ школахъ, но свѣдѣнія эти оказывались совершенно непригодными.

Что касается до содержанія учителей, то оно было двоякое: во-первыхъ, оно было общественное, какъ должностного лица общины, во-вторыхъ, какъ вознагражденіе собственно за учительскую дѣятельность, состояло изъ платы за обученіе каждаго мальчика по частному условію съ родителями. Народъ, какъ извѣстно, предпочитаетъ до сихъ поръ платить за ученіе и мало цѣнитъ ученіе безплатное. Вознагражденіе это, въ своихъ формахъ, уцѣлѣло съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ. Уже по словамъ Геннадія, „первое (учитель) изучитъ ему (ученику) вечерню; ино то мастеру принести каша, да гривна денегъ; а завтрени тоже, а и свыше того; а часы особно; да тѣ поминки опроче могарца, что рядилъ отъ него“. Въ такомъ же видѣ изображается эта плата и во второй половинѣ XVIII вѣка Крестининымъ: „слѣдующій учителямъ грамоты за школьные труды платежъ производится отъ родителей ихъ учениковъ, по старинному обыкновенію, покнижно, а не помѣсячно. Въ прежніе годы платили имъ за азбуку по 10 к. за часословъ по 60 к. и по 70 к., за псалтырь по 1 р., за письмо также по 1 р. Въ нынѣшнее время таковые платежи возвысились вдвое и больше за каждую книгу. Но симъ платежомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ самый исправный и прилежный учитель грамоты содержать себя не можетъ, за дороговизною съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей, къ содержанію человѣческой жизни необходимыхъ“. Вслѣдствіе сего учительство и перешло въ руки полуграмотныхъ женщинъ. „Плата за обученіе въ XVIII вѣкѣ, по словамъ г. Воронова, была самая ничтожная: въ столицѣ брали по 1 руб. въ мѣсяцъ и менѣе, или за выучку, за чтеніе отъ 4 до 6 руб., а за правила ариѳметики 3 рубля“.

То же самое существовало и въ Малороссіи какъ въ старое время, такъ и въ концѣ XVIII вѣка. Жалованье учителю выдавалось также въ видѣ подарковъ, припасовъ натурою. Упомянутое явленіе отличалось одинаковымъ характеромъ какъ въ юго-западной, такъ и въ восточной Руси.

Содержаніе народныхъ учителей сдѣлалось со временемъ крайне недостаточнымъ, и самое обученіе совершенно неудовлетворительнымъ и даже уродливымъ (по свидѣтельству Крестинина), когда

народное учительство отдѣлилось отъ другихъ общественныхъ должностей, когда оно попало въ руки малограмотныхъ стариковъ и старицъ — частныхъ лицъ. Но этотъ переворотъ (хотя неповсемѣстный и неполный) совершился рядомъ правительственныхъ мѣръ въ XVIII вѣкѣ.

Въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства общины перешли сначала въ полузависимое, а потомъ совершенно несвободное отношеніе къ землевладѣльцамъ. Въ XVII вѣкѣ и даже въ первой половинѣ XVIII мѣстные обыватели еще пользовались нѣкоторымъ самоуправленіемъ, но съ того времени, когда въ общинахъ водворяются частные землевладѣльцы, начинаютъ существенно измѣняться не только частныя, но и общественныя права общины. Съ переходомъ правъ общины къ землевладѣльцу переходятъ на него и всѣ тѣ обязанности по народному призрѣнію и образованію, которыя прежде лежали на общинѣ. Въ перечнѣ школъ Малороссіи не разъ упоминается о школахъ приходскихъ во владѣльческихъ имѣніяхъ. Владѣлецъ поддерживалъ общинныя учрежденія въ ихъ прежнемъ видѣ; онъ оставлялъ школы въ домахъ причетниковъ и даже лично пользовался этими школами, посылая въ нихъ своихъ дѣтей.

Учителя нанимаются для нихъ самимъ владѣльцемъ, школы помѣщаются въ его дворѣ, обученіе становится домашнимъ. На все это ясно указываютъ административные акты XVIII вѣка: „Отъ церкви отошелъ (говоритъ дьячекъ Петровъ) и пребывалъ въ разныхъ господскихъ домахъ, обучая людей ихъ грамотѣ, писать и пѣть изъ подлежащей платы“... Цѣль образованія при этомъ должна была существенно измѣниться: грамотные люди прежде всего нужны помѣщику для его собственныхъ потребностей. Онъ желаетъ имѣть грамотныхъ управляющихъ и конторщиковъ, искусныхъ ремесленниковъ и т. д. Къ этому присоединяется и необходимость дать образованіе своимъ дѣтямъ. Узко-утилитарныя цѣли стоятъ тутъ на первомъ планѣ. Школы этого рода, не будучи домашними въ точномъ смыслѣ слова, не могутъ считаться и общественными. Онѣ существуютъ преимущественно для дворовой прислуги, однако, болѣе благоразумные и состоятельные помѣщики допускаютъ въ нихъ и дѣтей своихъ крестьянъ. Для такихъ школъ владѣльцу выгоднѣе имѣть не вольнонаемнаго, а крѣпостного слугу въ качествѣ учителя. Однако, нерѣдко землевладѣльцы принуждены были обращаться и къ вольному найму учителей, какъ это видно

изъ актовъ Московскаго епархіальнаго управленія. Изъ отношеній землевладѣльца къ приходской школѣ возникъ принципъ, долго державшійся и въ обычаяхъ и въ законодательствѣ новыхъ европейскихъ народовъ, по которому въ бывшихъ частныхъ имѣніяхъ обязанность содержать школу дѣлится между землевладѣльцами и общинами.

Что касается воспитанія въ элементарныхъ школахъ въ описываемую эпоху, то г. Владимирскій-Будановъ говоритъ, что судя по школьнымъ уставамъ XVII в. воспитаніе съ элементарнымъ образованіемъ, какъ и семья со школою не прерывали тѣсной связи. Для приходскихъ школъ юго-западной Руси указаніями служатъ уставы низшихъ братскихъ школъ, которыя стоятъ въ самой тѣсной связи съ приходскими, и черты относительно воспитательныхъ мѣръ, находимыя въ братскихъ школахъ, должны быть въ высшей мѣрѣ приписаны и приходскимъ.

Общія воспитательныя требованія школы заключаются въ слѣдующемъ: внѣ училища ученикъ обязанъ „не ходить въ неприличныя собранія и пирушки, не имѣть обращенія и товарищества съ тѣми, которые тому преданы“, быть учтивыми при встрѣчѣ съ людьми достойными какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, открывая предъ ними голову и отдавая поклонъ. Равно и къ мѣстамъ посвященнымъ Богу, какъ то: монастырямъ, кладбищамъ, училищамъ, преимущественно предъ другими мѣстами, должны имѣть почтеніе. Внутри школы требовалось отъ учителей такихъ отношеній къ ученикамъ, которыя бы напоминали отношенія родителей къ дѣтямъ,—„учитель долженъ учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ, убогихъ и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія, учить—сколько кто по силамъ научиться можетъ“.

При надлежащихъ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ, школьный порядокъ возникаетъ самъ собою, ученикъ долженъ каждый день приходить въ школу, потому что если онъ перестаетъ ходитъ, то увольняется изъ школы, какъ тратящій понапрасну время. Ученики должны приходить во-время и вести себя тихо, потому что „должны слушать, уразумѣвать и замѣчать все, что будетъ читано, сказываемо и диктуемо учителемъ, стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное могли выразить подобно учителю“. Ученики должны сидѣть на мѣстахъ, назначенныхъ учителемъ, по успѣху каждаго. „Кто будетъ больше знать долженъ сидѣть выше,

хотя бы и весьма былъ бѣденъ“. „Богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою, а по внѣшности равны всѣ, ибо всѣ мы братья о Христѣ“.

Къ надзору за соблюденіемъ педагогическихъ правилъ привлечены сами ученики. По уставу Луцкой школы для наблюденія избираются каждую недѣлю по два или по четыре мальчика, „отъ чего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь“; они вовсе не привилегированныя лица; на ихъ обязанность возлагается „пораньше приходить въ школу, подмести ее, затопить въ печкѣ и сидѣть у дверей“. Это временные хозяева школы, сызмала пріучающіеся къ домоводству и чистоплотности; они, какъ хозяева, „должны знать обо всѣхъ кто выходитъ, они должны записывать и доносить о тѣхъ, которые не учились, шалили, или въ церкви безчинно стояли, или домой идучи вели себя непристойно“.

Конечно, ни духъ времени, ни цѣль школы не позволяли обойтись безъ наказанія. Мы не знаемъ характера и мѣры наказаній; уставъ говоритъ, однако, что учитель долженъ „за непослушаніе наказывать не тирански, а наставнически, не сверхъ мѣры, а по силамъ, не съ буйствомъ, а кротко и тихо, не только мірски, но и выше мірского“, т. е. не по формальному соотвѣтствію проступка съ наказаніемъ, а по нравственной мѣркѣ. Особенныя воспитательныя мѣры заключались въ обращеніи преподаванія въ орудіе воспитанія. Какъ книги для чтенія, такъ и отрывки для письма избирались съ цѣлями нравственнаго наставленія. Наконецъ, нравственныя наставленія составляли особый спеціальный предметъ въ кругѣ школьныхъ занятій: „послѣ обѣда въ субботу учитель обязанъ не мало время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви передъ Богомъ, въ домѣ передъ родными своими и какъ имъ вездѣ сохранять добродѣтель и цѣломудріе, т. е. передъ Богомъ и святыми его, почитаніе и страхъ передъ всѣми вообще, покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель. И сіи наставленія должны быть заново внушаемы дѣтямъ, для чего не будетъ имъ мѣшать и памятнаго по школьной чашѣ испивать“. Изъ этого учрежденія, не имѣвшаго въ своемъ началѣ ничего нераціональнаго, впослѣдствіи въ великорусскихъ духовныхъ школахъ выработали возмутительные субботники, т. е. весьма не педаго-

гическую мѣру наказывать или за проступокъ, давно уже совершенный, о которомъ самъ шалунъ забылъ, или даже наказывать впередъ въ запасъ.

Утро воскресенья посвящалось также религіозно-нравственному наставленію. Предъ литургіею въ воскресенье и праздничные дни „учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ въ томъ праздникѣ или святомъ днѣ и учить ихъ волѣ Божіей, а послѣ обѣда должно всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ“.

Руководясь тѣми же азбуковниками, которые послужили для опредѣленія круга элементарнаго образованія, мы можемъ опредѣлить и связь его съ воспитаніемъ въ великорусскихъ приходскихъ школахъ.

Согласно съ постановленіями Стоглава, въ училищахъ того времени дѣло воспитанія сливалось съ дѣломъ обученія и даже преобладало надъ нимъ. Сами азбуковники—эти энциклопедіи школьнаго ученія—были столько же учебниками, сколько книгами нравственно-назидательнаго содержанія практически-житейскихъ наставленій. Школьная дисциплина была далека отъ форменныхъ, безсодержательныхъ требованій послѣдующихъ временъ; ея цѣль—пріученіе дѣтей къ опрятности и благопристойности, какъ относительно себя самихъ, такъ и относительно школы. Работы въ школьномъ домѣ возлагались на самихъ учениковъ и простирались на всѣхъ равно и всѣхъ пріучали къ физическому труду. Книги, по которымъ учились въ школѣ, составляли предметъ особой заботливости: онѣ не брались учениками домой, но оставлялись по окончаніи урока въ школѣ, — сдавались школьному старостѣ, который полагалъ ихъ на особомъ „стольцѣ“ и на утро опять выдавалъ школьникамъ.

Школьные порядки того времени были проникнуты религіозною обрядностью и отчасти монастырскою строгою важностью. Тутъ ничто не считалось мелочнымъ. Если излишнее уваженіе къ мелочной обрядности въ жизни привело древнюю Русь къ извѣстнымъ, довольно грустнымъ послѣдствіямъ, то относительно школы этого сказать нельзя; здѣсь, дѣйствительно, слѣдовало принять за принципъ, что для воспитывающагося не должно быть мелочей; иначе дѣло воспитанія въ глазахъ дитяти теряетъ всякій авторитетъ.

Обращаясь къ нравственному воспитанію, мы находимъ въ азбуковникахъ свидѣтельство о томъ, что практика исполняла предписанія Стоглава, который обратилъ главное вниманіе на страш-

ный порокъ—недугъ, такъ, однако, нерѣдкій въ дѣтскомъ возрастѣ. Но и пороки болѣе тонкіе, свойственныя молодости, не ускользали отъ вниманія педагоговъ того времени. Г. Мордовцевъ выражается такъ: „по нѣкоторымъ отрывкамъ азбуковниковъ можно видѣть, что между юношествомъ училищъ допетровской Руси товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наушничествомъ и подлостію никто не осмѣливался. Зато былъ учрежденъ открытый надзоръ между товарищами. Цѣль его—не поддержаніе внѣшней тишины въ школѣ, а помощь учителю въ его нелегкой задачѣ блюсти учениковъ и „хранити ихъ, яко зѣницу ока".

Болѣе подробное изложеніе правилъ школьнаго воспитанія и обученія смотри въ статьѣ объ „Азбуковникахъ".

Патріархъ Филаретъ Никитичъ. Когда заботы объ образованіи начинаютъ проникать и въ народное сознаніе, а возникшія въ это время сношенія съ западною Европой наглядно показали выгоды и превосходство образованныхъ народовъ, тогда возникъ вопросъ объ учителяхъ и новыхъ школахъ.

Первыми сочувственно отозвались на эти стремленія лица высшей духовной іерархіи, и именно патріархъ Филаретъ Никитичъ, который около 1633 года учредилъ въ Москвѣ при Чудовскомъ монастырѣ школу со стариннымъ церковно-образовательнымъ характеромъ, вмѣстѣ съ языкознаніемъ.

Это училище называлось также школою Арсенія Грека, прибывшаго въ Россію вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ. Въ это же время и епархіальные архіереи приглашаются къ устроенію училищъ при своихъ архіерейскихъ домахъ.

Чудовское училище. Епифаній Славинецкій. Болѣе же точныя и опредѣленныя свѣдѣнія имѣются о школѣ, открытой въ 1649 году, благодаря почину частнаго лица „милостиваго мужа", какъ его называли современники, любимца царя Алексѣя Михайловича, боярина Ртищева. Эта школа помѣщалась сначала въ построенномъ Ртищевымъ загородномъ Андреевскомъ монастырѣ, а затѣмъ была переведена въ Чудовъ монастырь и извѣстна подъ именемъ Чудовского училища. Учителями въ новоучрежденную школу, а также съ цѣлью перевода Библіи съ греческаго на славянскій языкъ, и вообще для книжнаго исправленія, были вызваны изъ Кіева ученые; изъ числа послѣднихъ особенно выдается, какъ философъ и ученѣйшій богословъ, Епифаній Славинецкій, бывшій

ученикъ Кіево-братской школы до ея преобразованія Петромъ Могилою, когда первенствующее мѣсто въ ней еще занимало изученіе греческаго и славянскаго языка. Изученіе греческаго языка, основанное на практическомъ знакомствѣ съ греческимъ текстомъ св. писанія и съ сочиненіями греческихъ отцовъ и учителей Церкви, легло въ основу образованія Епифанія и сдѣлало его поклонникомъ греческаго ученія и ревностнымъ защитникомъ православія. Такое же направленіе было придано имъ и обученію въ Чудовской школѣ, гдѣ все преподаваніе велось въ строго-православномъ духѣ, на греческомъ и славянскомъ языкахъ, и самая школа, какъ удовлетворяющая требованіямъ и духу русскаго народа, стала средоточіемъ умственной и литературной дѣятельности того времени. Кромѣ того, трудами Епифанія Славинецкаго и его соучастниковъ по школѣ, изъ которыхъ пользовался особенною извѣстностью Евѳимій, являются дѣятельность по типографіи, переводы священныхъ и духовныхъ книгъ, замѣтки въ книгахъ и рукописяхъ, составленіе библіотекъ и проч.

Симеонъ Полоцкій. Въ это время, когда съ учрежденіемъ поименованныхъ школъ, стало водворяться въ Москвѣ образованіе въ строго-православномъ русско-народномъ духѣ, начинаетъ прокладывать себѣ путь и другое ученіе, съ характеромъ иноземнымъ и отчасти чуждымъ исконному направленію нашей школы. Именно въ это время стали появляться въ Великороссіи кіевскіе ученые, рядъ которыхъ былъ открытъ Симеономъ Полоцкимъ (род. 1629), старавшимся и въ московскихъ училищахъ того времени ввести обученіе, порядки и вообще весь строй учебнаго заведенія по образцу юго-западной Руси, гдѣ во многомъ отразилось латино-польское вліяніе. Симеонъ Полоцкій воспитывался въ Кіево-Могилянской коллегіи. Полученное имъ блестящее образованіе, соединявшее въ себѣ западно-русскій и польскій элементы, вмѣстѣ съ современнымъ знаніемъ латинскаго и польскаго языковъ, положило на всю его умственную дѣятельность отпечатокъ того схоластическаго метода, которымъ было проникнуто на Западѣ въ это время все научное обученіе. По поступленіи въ монашество, Симеонъ Полоцкій служилъ дидаскаломъ въ братскомъ училищѣ Полоцкаго-Богоявленскаго монастыря, а по пріѣздѣ на жительство въ Москву (1664), поступилъ учителемъ въ открывшуюся въ то время Спасскую школу, за Иконнымъ рядомъ.

Спасская школа. Въ этой школѣ, имѣвшей, между прочимъ,

цѣлью приготовленіе людей грамотныхъ для дѣлъ гражданскихъ и для государственнаго управленія, Симеонъ Полоцкій вводитъ тѣ особенности схоластическаго образованія, которыя были имъ пріобрѣтены въ Кіевской коллегіи и въ польскихъ школахъ: латынь, риторика, піитика, составленіе виршей и орацій — были главными предметами въ школѣ, а латынь первенствующимъ языкомъ, тогда какъ греческій языкъ, совершенно незнакомый Полоцкому, не изучался. Такимъ образомъ, Спасская школа, своимъ схоластическимъ направленіемъ, своею первенствующею латынью, стала прокладывать путь новому направленію, совершенно отличному отъ Чудовской школы, гдѣ преимущественно учились по-гречески. Слѣдовательно, съ перваго же возникновенія училищъ этой эпохи, въ нихъ рѣзко выражаются два направленія: Чудовская школа, во главѣ Епифанія Славинецкаго и ученика его, инока Евѳимія, ведетъ свое дѣло на началахъ славяно-національныхъ съ первенствующимъ греческимъ и славянскимъ языкомъ; все же иноземное, особенно отличающееся латино-польскимъ характеромъ, считается дѣятелями Чудовской школы несогласнымъ, враждебнымъ и вреднымъ своей школѣ. Спасская же школа, во главѣ Симеона Полоцкаго, учреждается на основахъ западнаго ученія, съ преобладающимъ латино-польскимъ характеромъ, съ совершеннымъ исключеніемъ греческаго языка. Такое различіе характера этихъ школъ, бывшихъ въ это время главными и почти единственными просвѣтительными учрежденіями, вызвало вскорѣ рознь между ихъ представителями, причемъ, какъ одна, такъ и другая сторона съ упорствомъ отстаивала свое направленіе. На сторонѣ Епифанія Славинецкаго было исконное довѣріе русскаго народа къ греческому ученью и полное удовлетвореніе его школы требованіямъ православной Церкви и русской народности. За школу же Симеона Полоцкаго говорило то новое западническое направленіе, которое въ это время стало распространяться какъ при дворѣ, такъ и въ высшихъ кругахъ московскаго общества, а также и то значеніе, которымъ пользовался Полоцкій, какъ ученый, заявившій себя разнообразною широкою дѣятельностью, и какъ лицо, близко стоявшее ко Двору. Хотя поименованныя школы—Арсенія Грека, Чудовская (о которыхъ съ 1650 г. уже нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій) и Спасская (прекратившаяся около 1672 г.)—существовали недолго, но и съ закрытіемъ ихъ, потребность къ образованію, потребность въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ сознавались еще съ большею силою рус-

скими гражданами, особенно въ виду совершавшихся въ то время церковныхъ преобразованій и происходившихъ изъ-за нихъ смятеній (книжныя исправленія, осужденіе Никона, расколъ). Дѣло устройства въ Москвѣ училищъ, съ цѣлью противодѣйствовать невѣжеству, составляло заботу всего тогдашняго образованнаго общества, а главными дѣятелями въ этомъ отношеніи продолжаютъ быть Симеонъ Полоцкій и послѣдователи Епифанія Славинецкаго. Симеонъ Полоцкій стремился къ устройству въ Москвѣ высшаго образовательнаго центра, въ надеждѣ стать самому во главѣ его и осуществить свои педагогическія воззрѣнія; послѣдователи же Епифанія Славинецкаго, особенно же ученикъ его, инокъ Евѳимій, принимаютъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы отстранить это латино-польское направленіе кіевской учености.

Верхняя типографія. Сочиненія Полоцкаго. Когда Симеонъ Полоцкій не имѣлъ средствъ удовлетворять своимъ педагогическимъ стремленіямъ путемъ школы, а задуманное имъ высшее училище не могло скоро осуществиться, то, пользуясь особою благосклонностью государя, онъ заводитъ въ 1678 году свою типографію и путемъ печати распространяетъ свои многочисленныя сочиненія. Его типографія, открытая въ „Государевомъ верху“, называлась „типографіей верхней“ и имѣла весьма важное значеніе въ общемъ просвѣтительномъ движеніи патріаршаго періода. До сего времени существовала въ Москвѣ лишь одна типографія, зависѣвшая отъ патріарха, которая была исключительно занята печатаніемъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Съ открытіемъ же верхней типографіи, Полоцкій получилъ возможность вполнѣ удовлетворять своей педагогической дѣятельности. Изъ числа книгъ, изданныхъ Полоцкимъ, обращаетъ на себя вниманіе его „Букварь“, представляющій не просто азбуку, но родъ учебнаго руководства для первоначальнаго возраста. Характеризуя собою педагогическія воззрѣнія и пріемы Полоцкаго, этотъ букварь интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что по немъ, вѣроятно, учился Петръ Великій, которому, при выходѣ букваря, было семь лѣтъ. Кромѣ букваря, Симеонъ Полоцкій издавалъ и другія сочиненія, имѣвшія цѣлью также начальное образованіе юношества; убѣждая путемъ печатнаго слова родителей и дѣтей въ необходимости стремиться къ ученію, онъ излагаетъ и свои идеи о первоначальномъ воспитаніи—о необходимости начинать его съ самаго ранняго возраста, и прежде всего въ духѣ православной Церкви, при чемъ

высшимъ идеаломъ должно быть пріобрѣтеніе чрезъ воспитаніе доброй нравственности (Часословъ, многія сочиненія, разсѣянныя въ изданномъ имъ „Вертоградѣ Многоцвѣтномъ"). Чтобы дать учащимся полезное и назидательное чтеніе, онъ готовитъ къ изданію соотвѣтствующія для этой цѣли книги (Тестаментъ, или Завѣтъ Василья, царя греческаго, и повѣсть объ Іосафѣ и Варлаамѣ).

Типографское греческое училище. Заботясь о распространеніи первоначальнаго образованія въ Москвѣ, Полоцкій прилагаетъ не меньшія попеченія и относительно образованія высшаго, и лишь только вступилъ на престолъ ученикъ его, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, онъ усиливаетъ свои заботы объ устройствѣ въ Москвѣ высшаго училища и, по порученію царя, составляетъ планъ этого училища. Хотя въ первые годы царствованія Ѳеодора Алексѣевича вопросы внутренней жизни государства, въ томъ числѣ вопросъ и объ образованіи, по случаю войны съ турками, отошелъ на задній планъ, но лишь начались мирные переговоры, заботы о просвѣщеніи получаютъ постепенно опять свое значеніе. Когда государь узналъ, что православіе на Востокѣ находилось въ угнетенномъ состояніи, главнымъ образомъ, вслѣдствіе оскудненія просвѣщенія, онъ обращается къ московскому патріарху, бывшему сторонникомъ греческаго образованія, объ учрежденіи въ Москвѣ училища съ цѣлью поддержать православіе на Востокѣ. Патріархъ съ особою ревностью взялся за это дѣло и въ 1679 году открываетъ въ трехъ верхнихъ палатахъ своей типографіи типографское греческое училище, въ которое собралъ для начала 30 учениковъ „изъ малыхъ дѣтей" разныхъ сословій; обученіе имѣло церковный характеръ, и первенствующимъ языкомъ былъ греческій. Училище это пользовалось большимъ вниманіемъ царя и патріарха, которые еженедѣльно и вмѣстѣ и порознь посѣщали училище, „чтобы утѣшаться новымъ и неслыханнымъ дѣломъ", и дѣлали щедрыя приношенія для него и для учащихся.

Планъ высшаго училища. Но открытое типографское училище далеко еще не было высшимъ и въ этомъ отношеніи оно не удовлетворяло ни патріарха, ни государя, ни іерусалимскаго патріарха, желавшаго обновить и возвысить греческое просвѣщеніе на Руси, пришедшее въ упадокъ на его родинѣ. По приказанію государя, Симеонъ Полоцкій составилъ планъ этого высшаго училища, при чемъ онъ во многомъ руководился образцами подобныхъ учрежденій на Западѣ. Составленіемъ плана или привилегій бу-

дущаго высшаго училища, будущей академіи, завершилась многотрудная дѣятельность Симеона Полоцкаго, умершаго 25 августа 1680 года, въ Москвѣ. Насколько серьезно смотрѣли и правительство, и общество на дѣло открытія въ Москвѣ высшаго училища, видно уже изъ того, что оно осуществилось не вдругъ, но потребовалось значительное время для приготовленій къ его открытію, для выработки и изысканія лучшихъ средствъ для его осуществленія. Съ открытіемъ высшаго училища долженъ былъ рѣшиться и существенный вопросъ: какое направленіе образованія приметъ Москва — славяно-греческое или латино-польское, тѣмъ болѣе, что сторонники того и другого направленія и теперь съ особою настойчивостью и энергіею проводили свои взгляды и принимали всѣ мѣры, чтобы стать во главѣ этого новаго учрежденія. Рѣшеніе этого вопроса зависѣло какъ отъ устава, которымъ долженъ былъ опредѣлиться весь строй заведенія, такъ и отъ направленія тѣхъ лицъ, которыя будутъ выбраны въ качествѣ учителей.

Согласно заготовленной грамотѣ или привилегіи, которою царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ намѣренъ пожаловать устраиваемое будущее высшее училище „въ вѣчную онаго дѣла крѣпость и утвержденіе“, это высшее училище объявляется „общимъ“ училищемъ для людей всякаго чина, сана и возраста; всѣ требующіе ума, приглашались туда „ѣсть хлѣбъ слова Божія и пить вино разсужденія, безъ всякаго сребродаянія“. Въ академіи должны были преподаваться науки гражданскія и духовныя. Блюститель и учителя академіи могли быть только „духовнаго и мірского чина“, отъ благочестивыхъ родителей рожденные и воспитанные въ православной христіанской вѣрѣ изъ россійскаго и греческаго народа. Ученые изъ Малороссіи и Литвы могли быть допускаемы на службу въ академіи съ большою осторожностью и по предварительномъ строгомъ испытаніи ихъ; другихъ же вѣръ, а также новообращенные въ академію вовсе не допускаются. Будущему высшему училищу предоставляются обширныя права самостоятельнаго учрежденія, подлежащаго собственному управленію и суду во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ. Тѣ изъ служащихъ, которые заявили себя долговременными и полезными трудами, въ случаѣ ихъ увольненія, награждаются отъ государя особою пенсіей. Всѣ преступленія учениковъ, кромѣ уголовныхъ, также разсматриваются судомъ академическимъ. Наиболѣе прилежные и выдающіеся изъ учениковъ удостоиваются во время самаго ученія особыхъ поощритель-

ныхъ наградъ отъ государя, и по окончаніи курса жалуются „въ приличные ихъ разуму чины“. Въ этомъ случаѣ они по служебнымъ правамъ своимъ сравниваются съ лицами благороднаго сословія, — преимущество, котораго нельзя получить „ни за какія дѣла, кромѣ ученья“. Особенно обширныя права предоставлялись академіи по наблюденію за неприкосновенностью православія какъ во внутренней жизни академіи, такъ и въ современномъ русскомъ обществѣ. Представляя собою высшую носительницу православія, она должна явиться вмѣстѣ съ тѣмъ и его главною внѣшнею охранительницею. Академія строго наблюдаетъ, чтобы между православными русскими не было въ обращеніи какихъ - либо волшебныхъ, гадательныхъ и вообще богохульныхъ или еретическихъ книгъ; строгому преслѣдованію подвергаются тѣ изъ русскихъ и иностранцевъ, которые будутъ уличены въ хуленіи церковныхъ преданій, въ отрицаніи призыванія святыхъ, поклоненія святымъ и почитанія святыхъ мощей. Всѣ ученые иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію для поступленія на царскую службу, должны быть испытываемы въ академіи, которая и наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы, живя въ Россіи, они не привозили никакихъ противностей въ вѣрѣ. Ни въ Москвѣ, ни въ другихъ городахъ, безъ вѣдома блюстителя и учителей академіи, не дозволяется имѣть частныхъ учителей, въ особенности изъ иностранцевъ, чтобы не было внесено въ православную вѣру что-либо чуждое ей. Для помѣщенія академіи было предположено соорудить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ Китай-городѣ, особыя приличныя зданія на счетъ государевой казны. Расходы по содержанію академіи принимало на себя государство и Церковь, съ каковою цѣлью приписывались къ академіи, кромѣ Спасскаго монастыря, шесть другихъ монастырей и одна пустынь со всѣми ихъ угодьями и вотчинами; кромѣ того, государь пожаловалъ отъ себя въ пользу академіи цѣлую дворцовую волость и восемь дворцовыхъ пустошей. Точно также и общество могло дѣлать свои приношенія и вклады на пропитаніе и одежду учениковъ. Но, вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ, привилегія эта не осуществилась и возникшая академія сохранила характеръ, приданный ей первыми учителями, братьями Лихудами.

Выборъ учителей для академіи. Такъ какъ въ то время нельзя было найти между русскими людьми настолько образованныхъ, чтобы они могли занять учительскія мѣста въ академіи, то, по составленіи привилегій для будущаго училища, правительство при-

нимаетъ мѣры для прiисканiя людей, достойныхъ занять учительскiя мѣста въ академiи. Посылать своихъ за границу считалось опаснымъ, „чтобы они, узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычай, (не) начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращенiи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченiя не имѣли и не мыслили“. Точно также правительство не рѣшалось вызывать и иностранныхъ учителей, такъ какъ они могли ввести разноязычiе и разновѣрiе, почему и были отвергнуты польскiе дѣятели, явившiеся было въ это время съ предложенiемъ своихъ услугъ, какъ, напримѣръ, Янъ Бѣлободскiй. Также было поколеблено и довѣрiе къ юго - западнымъ школамъ, какъ несвойственнымъ русскому духу. Вслѣдствiе такихъ соображенiй и рѣшено было прибѣгнуть за помощью къ грекамъ, которые уже выказали себя въ этомъ дѣлѣ согласными съ направленiемъ русскаго народа и за которыхъ говорилъ авторитетъ восточныхъ патрiарховъ. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, подписавшiй грамоту для академiи (въ началѣ 1682 г.), скончался, не успѣвъ осуществить своей мысли; затѣмъ, открытiю ея помѣшали бунтъ стрѣлецкiй и волненiя раскольниковъ, случившiеся тотчасъ послѣ смерти царя. Въ правленiе Софiи Алексѣевны ученики Епифанiя ходатайствуютъ передъ нею объ осуществленiи проекта, утвержденнаго покойнымъ государемъ; въ свою очередь, и латино-польская партiя, разсчитывая на сочувствiе царевны, какъ бывшей ученицы Симеона Полоцкаго, возобновляетъ свои притязанiя на дѣло русскаго образованiя; опять возобновляется у обѣихъ сторонъ старанiе, чтобы утвердить за собою академiю и придать образованiю тотъ или другой характеръ. Но, вѣроятно, вслѣдствiе влiянiя тогдашняго патрiарха Iоакима, который неблагосклонно смотрѣлъ на поборниковъ латинства и ограждалъ поэтому будущую академiю отъ ихъ влiянiй, привилегiи академiи не были утверждены.

Братья Лихуды. Когда царь Θеодоръ Алексѣевичъ, въ виду предполагаемой къ открытiю академiи, обратился къ восточнымъ патрiархамъ съ просьбою о присылкѣ въ Москву учителей, въ это время прибыли въ Константинополь два ученые брата, Iоанникiй и Софронiй Лихуды. Они происходили отъ древняго и знаменитаго рода; предки ихъ, князья Лихуды, (въ XI столѣтiи) были первыми сенаторами въ Константинополѣ, а одинъ изъ нихъ Константинъ Лихудъ былъ даже нѣкоторое время владѣтелемъ Болгарiи (1042 г.). У

одного изъ потомковъ Константина, жившаго въ Кефалоніи, родились 2 сына, Иванъ и Спиридонъ. Получивъ начальное образованіе въ Кефалоніи, они отправились въ Венецію, а затѣмъ въ Падуанскій университетъ, гдѣ, изучивъ философію, богословіе, греческій и латинскій языки, получили докторскіе дипломы. Возвратившись на родину, Лихуды были посвящены въ іерейскій санъ, затѣмъ Іоаннъ скоро постригся въ монашество подъ именемъ Іоанникія, а братъ его Спиридонъ принялъ монашество еще ранѣе, подъ именемъ Софронія. Отрѣшившись отъ міра, Лихуды посвятили себя наукѣ, и вскорѣ имъ было предоставлено завѣдываніе и начальство надъ училищами нѣкоторыхъ греческихъ городовъ. Въ бытность Лихудовъ въ Константинополѣ въ 1683 г., когда уже пришла просьба царя Ѳеодора Алексѣевича, патріархъ Діонисій, испытавъ ихъ въ ученіи православной вѣры и въ наукахъ, а также убѣдившись въ ихъ знаніи и опытности въ дѣлѣ учительства и проповѣди, рекомендовалъ ихъ русскому царю и патріарху. Въ 1683 году Лихуды отправились въ Россію и послѣ многихъ перенесенныхъ ими трудностей и задержекъ, особенно въ Польшѣ, гдѣ іезуиты пытались оставить ихъ у себя, они прибыли въ Москву въ 1685 году.

Открытіе славяно-греко-латинской академіи и дѣятельность братьевъ Лихудовъ. По указу царя были выстроены при Богоявленскомъ монастырѣ особыя деревянныя кельи, гдѣ Лихуды и открыли свое училище. Такъ какъ для осуществленія академіи, ради чего Лихуды и прибыли въ Москву, помѣщеніе ихъ училища было тѣсно, то требовалось его расширеніе. Одинъ изъ земляковъ Лихудовъ, іеродіаконъ Мелетій, завѣщалъ для этой цѣли двѣ тысячи рублей, на каковыя деньги, при поддержкѣ князя Голицына, Лихуды устроили для академіи каменное зданіе въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. По окончаніи постройки въ 1686 году, самъ патріархъ Іоакимъ съ соборомъ присутствовалъ при открытіи славяно-греко-латинской академіи — перваго въ Москвѣ высшаго духовно-учебнаго заведенія — и благословилъ перейти туда Лихудамъ съ учениками изъ Богоявленскаго монастыря. Въ исторіи сѣверовосточнаго образованія Московская славяно-греко-латинская академія получила такое же значеніе, какое въ исторіи юго-западной Руси имѣла Кіевская академія. Сперва это училище называлось еллино-греческимъ (1685—1700), потомъ славяно-латинскою академіей (1700 — 1775), наконецъ, славяно-греко-латинскою академіей (1775 — 1814). Сначала въ академію были переведены уче-

ники типографской школы, а затѣмъ стали поступать въ нее лица разнаго званія и возраста; открылся полный, но постепенный курсъ ученія на двухъ языкахъ—латинскомъ и греческомъ, при чемъ первенствующимъ значеніемъ пользовался греческій языкъ, на которомъ преподавались грамматика и піитика; риторика, логика и физика—на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Во вновь учрежденной академіи братья Лихуды показали себя способными и полезными наставниками и старались согласовать свою дѣятельность съ общимъ направленіемъ умственнаго движенія Москвы,—строго поддерживая православіе и примѣняя преподаваніе къ національному характеру учениковъ академіи. Такъ какъ программа академіи была очень обширна, то осуществленіе ея въ виду неимѣнія книгъ и учебниковъ казалось весьма затруднительнымъ. Лихуды принялись за пополненіе этого недостатка и составили учебники почти по каждому предмету. Одни изъ этихъ учебныхъ руководствъ писаны на греческомъ языкѣ, другія на латинскомъ, а иныя на обоихъ языкахъ. Каждая книга начинается призываніемъ помощи Божіей и оканчивается славословіемъ—признаки глубокаго благочестія въ наставникахъ. При неутомимой ревности Лихудовъ, „мудрѣйшихъ учителей“, какъ ихъ называли современники, успѣхи учениковъ были такъ блистательны, что они въ три года изучили требуемыя науки, могли свободно говорить на греческомъ и латинскомъ языкахъ и даже перевели съ нихъ нѣсколько книгъ на славянскій языкъ. Труды Лихудовъ были оцѣнены правительствомъ, которое щедро наградило ихъ жалованьемъ и утвердило за ними титулъ князей болгарскихъ.

Изъ написанныхъ Лихудами многихъ учебниковъ видно, что методъ ихъ преподаванія отличался тѣмъ же схоластическимъ характеромъ, какой господствовалъ тогда въ Кіево - Могилянской коллегіи и въ западной Европѣ; какъ получившіе свое образованіе въ западно-европейскихъ университетахъ, Лихуды, естественно, освоились съ этимъ методомъ и перенесли его въ Москву. Такъ, они считали главнымъ авторитетомъ въ риторикѣ, логикѣ, психологіи, физикѣ—Аристотеля и передавали его ученіе со всѣми пріемами схоластическаго искусства; они излагали правила для діалектическихъ преній, назначали диспуты, которые велись по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Слѣдуя въ общемъ схоластическимъ пріемамъ, тѣмъ не менѣе Лихуды стремились къ самостоятельной обработкѣ учебныхъ предметовъ и старались поставить

преподаванiе въ академiи иначе, чѣмъ какъ оно велось въ латинскихъ школахъ того времени. Такъ, изъ ихъ же учебниковъ видно, что они остерегались „всякаго мудрованiя, несогласнаго съ нашею религiею и православiемъ"; обширные Аристотельскiе трактаты, для облегченiя учениковъ, изложены кратко и сжато, избѣгались излишнiя отвлеченности, при стремленiи выразить просто и удобопонятно; не обращаясь къ господствующей въ то время свѣтской мудрости древнихъ, для объясненiя древнихъ писателей, они брали примѣры изъ св. писанiя, отцовъ Церкви и церковной исторiи, стараясь при всякомъ случаѣ выставить на видъ высоту религiозныхъ и нацiональныхъ потребностей русскаго человѣка — поучая благочестiю, они въ то же время развивали въ питомцахъ преданность и любовь къ своему монарху и къ своему отечеству. Изъ обозрѣнiя учебниковъ, написанныхъ Лихудами, видно, что они получили широкое многостороннее образованiе и сообщили этому образованiю религiозное направленiе. Хотя и у нихъ наука была связана формами схоластики, но они уже стремятся освободить ее отъ послѣдней и дѣлаютъ въ этомъ отношенiи значительные успѣхи, опускаютъ множество вопросовъ, которые составляли предметъ безплодныхъ споровъ въ средне вѣка и, приноровляясь къ потребностямъ православнаго русскаго народа, ведутъ обученiе на началахъ православiя и русской нацiональности.

Такимъ образомъ, академiя получила то направленiе, которое болѣе всего соотвѣтствовало требованiямъ русской жизни и которое стремились придать ей послѣдователи Епифанiя Славинецкаго.

Академiя по удаленiи изъ нея Лихудовъ. Оставалось только поставить академiю въ условiя, предначертанныя ей царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, но новое „злоключенiе" постигло академiю — Лихуды нажили себѣ многихъ враговъ по поводу богословскихъ споровъ; они должны были удалиться изъ академiи въ 1694 году, оставивъ послѣ себя преподавателями своихъ слушателей, учениковъ академiи (Поликарповъ, Головинъ). Направленiе, сообщенное академiи Лихудами, продолжалось, къ сожалѣнiю, недолго: непрестанная смѣна наставниковъ послѣ Лихудовъ, дошедшая до того, что некому было учить; смерть послѣдняго патрiарха московскаго, стоявшаго за идеи царя Θеодора и заботившагося о вызовѣ ученыхъ изъ грековъ,—все это было причиною открытаго гоненiя на греческiй языкъ,—и съ начала XVIII столѣтiя въ исторiи академiи происходитъ значительная перемѣна: греческое об-

разованіе стѣсняется латинскимъ, наставниковъ беретъ академія не изъ Греціи, но изъ юго-западной Руси, ученые которой наполняютъ собою академію.

Оставивъ академію, Лихуды получили приказъ выселиться изъ типографіи, и въ это время учили желающихъ латинскому и итальянскому языкамъ. Такъ какъ тогда предполагался союзъ Россіи съ Венеціей противъ турокъ, а для сношенія съ союзниками потребовалось знаніе итальянскаго языка, то Петръ I назначилъ Лихудамъ казенное жалованье и выдалъ указъ, чтобы бояре и другихъ чиновъ люди отдавали дѣтей своихъ къ нимъ для обученія итальянскому языку. Такимъ образомъ, здѣсь впервые является распоряженіе правительства объ обученіи русскихъ иностранному языку. Происками своихъ враговъ, въ числѣ которыхъ находился и іерусалимскій патріархъ Досиѳей, старавшихся ихъ выжить изъ Москвы, Лихуды были снова оклеветаны въ государственной измѣнѣ, за что и были сосланы около 1702 г. въ Костромской Ипатьевскій монастырь, гдѣ и оставались до 1706 года.

Дѣятельность Лихудовъ въ Новгородѣ. Когда митрополитъ новгородскій Іовъ задумалъ завести у себя училище, онъ, съ позволенія государя, вызвалъ Лихудовъ изъ Ипатьевскаго монастыря и при ихъ содѣйствіи учредилъ въ Новгородѣ училище славяно-греко-латинское. Порядокъ и учебные предметы въ новоучрежденномъ училищѣ были ими введены тѣ же, что и въ академіи, съ языками славянскимъ, греческимъ, а впослѣдствіи и латинскимъ, при чемъ ученики одного класса помогали ученикамъ другого отдѣленія. И здѣсь Лихуды выказали свою дѣятельность съ полнымъ успѣхомъ, и митрополитъ Іовъ не могъ нахвалиться ими и ихъ учениками. Новгородская школа процвѣтала, и по ея примѣру и при ихъ содѣйствіи стали заводиться школы и въ другихъ мѣстахъ Новгородской епархіи, такъ что въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка число учениковъ этихъ школъ простиралось до 1000 челов. Въ 1708 году Софроній былъ посланъ въ Москву съ порученіемъ пріобрѣсть типографскіе станки для учрежденія типографіи въ Новгородѣ. Распоряженіемъ правительства онъ былъ оставленъ въ Москвѣ для преподаванія въ школѣ, открытой на Казанскомъ подворьѣ, а черезъ нѣсколько времени былъ переведенъ въ Москву и братъ его Іоанникій, который по пріѣздѣ туда скоро скончался. Софронію же выпалъ жребій быть опять наставникомъ въ академіи. Въ 1723 году онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и сдѣланъ

настоятелемъ Рязанскаго Солотчина монастыря, гдѣ и скончался въ 1730 году.

Азбуковники. Въ первоначальномъ своемъ видѣ азбуковникъ представляетъ списокъ иностранныхъ и славянскихъ словъ съ объясненіемъ ихъ. Такіе списки, безъ алфавитнаго порядка, извѣстны въ рукописяхъ XIII и XV столѣтій. Въ XVI вѣкѣ списки словъ увеличиваются въ количествѣ, располагаются по алфавиту и въ этомъ видѣ получаютъ названіе азбуковниковъ. Со временемъ къ объясненію словъ въ азбуковникѣ присоединяются объясненія понятій изъ разныхъ отдѣловъ знаній—языковѣдѣнія, исторіи, географіи, миѳологіи, естествовѣдѣнія, и пр., и, такимъ образомъ, азбуковникъ пріобрѣтаетъ характеръ энциклопедическаго словаря. Въ азбуковникахъ встрѣчаются выписки и указанія почти на всѣ сочиненія, какія находились въ обращеніи у нашихъ предковъ. Переводныхъ сочиненій, было много; сочиненія эти съ теченіемъ времени должны были представлять многія трудности; въ нихъ было много словъ еврейскихъ, греческихъ, сербскихъ, болгарскихъ и др., которыя требовали объясненія; кромѣ того, при переписываніи различныхъ сочиненій, рукописи часто наполнялись ошибками, которыя вредили ясному пониманію текста и бывали причиною произвольныхъ толкованій,—все это побуждало древнихъ учителей къ составленію объяснительныхъ словарей. Въ Новгородской Кормчей 1282 г. мы уже встрѣчаемъ словарь подъ названіемъ: „Рѣчь жидовствующаго языка, преложена на русскую“, заключающій объясненіе собственныхъ именъ и нѣкоторыхъ словъ, взятыхъ изъ разныхъ языковъ; въ спискѣ сочиненій Іоанна Лѣствичника 1431 г. находится также краткій словарь однихъ славяно-русскихъ словъ. На юго-западѣ, въ концѣ XVI и XVII в., составлены словари Лаврентія Зизанія и Памвы Берынды.

Подобные словари, составлявшіеся съ цѣлію объясненія темныхъ словъ въ древнихъ книгахъ, послужили основаніемъ для составленія азбуковниковъ, или алфавитовъ. Указаніе на эту связь азбуковниковъ съ словарями мы находимъ и въ самыхъ заглавіяхъ азбуковниковъ и въ предисловіяхъ къ нимъ. Въ заглавіи одного азбуковника XVI в. написано: „Сказаніе неудобь познаваемымъ рѣчамъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ русскаго языка, ихъ же древніе преводницы не удоволишася на русскій языкъ преложити, понеже ова обрѣтаются Еврейски, ова же Сирски, ина же Римски, ина же Еллински, ина Египетски, ина Сербски и инѣхъ

многихъ языкъ". Въ предисловіи къ другому азбуковнику составитель говоритъ: „Въ книгахъ славянскихъ многи рѣчи неудобь разумѣваемы обрѣтаются, яко же се есть въ канонѣ покрову Пресвятыя Богородицы: свѣтяшеся, Владычице, омофоръ твой паче илектра; а невѣдущѣи силѣ слова тую рѣчь пишутъ сице: паче алектора, а не хотятъ разумѣти, яко ино есть илектръ, и ино алекторъ, алекторъ бо есть пѣтелъ"... Затѣмъ, сказавъ, что неискусные писцы пишутъ вмѣсто кедръ — китръ, вмѣсто ересь—ересива, онъ говоритъ: „Тако и ины многи рѣчи во святыхъ книзѣхъ обрѣтая написаны неискусно, вельми о семъ сжалихся; и того ради елика сила и елико мощно ми бысть понудихся таковыя рѣчи во святыхъ книгахъ обрѣтая толкованы изобрѣсти отъ многихъ различныхъ повѣстей и главъ толковыхъ, едино по единому собирая и собравъ во единое совокупивъ и вси книги по алфавиту написахъ".

Въ началѣ XVI вѣка азбуковникъ еще черпаетъ свои свѣдѣнія изъ старо-русскаго, т. е. изъ византійскаго литературнаго запаса. Онъ ссылается на Толковую Палею и Козьму Индикоплова, на Шестодневъ Іоанна Болгарскаго, на Дамаскина и Григорія Богослова, — словомъ, на всѣ признанные авторитеты византійской науки. Изъ свободныхъ наукъ онъ содержитъ только грамматику. Высшій курсъ свободныхъ знаній (т. е. quadrivium): ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію этотъ азбуковникъ безусловно считаетъ запрещенными („отреченными") науками.

Во второй половинѣ XVII вѣка содержаніе азбуковника совершенно обновляется. Стремясь поспѣть за расширеніемъ научныхъ знаній, онъ начинаетъ черпать свои свѣдѣнія изъ польскихъ хроникъ, изъ космографій, лѣчебниковъ и ссылается на классическіе и средне-вѣковые авторитеты: на Плинія, на Авицену, на Альберта Великаго и т. д. Наиболѣе развитою частью азбуковника остаются и въ это время свѣдѣнія грамматическія: онъ обстоятельно знакомитъ своихъ читателей съ восемью частями рѣчи, съ „супружествами" глаголовъ и „паденіями" существительныхъ. Но, помимо грамматики, азбуковникъ старается дать общее понятіе и о другихъ „свободныхъ мудростяхъ". Грамматика, діалектита, риторика, музыка, ариѳметика, географія, астрономія—всѣ эти науки поочередно выводятся въ лицахъ, разсказываютъ читателю свое содержаніе и восхваляютъ приносимую ими пользу. Кромѣ грамматики, отчасти риторики и діалектики, остальныя науки не идутъ въ азбуковникѣ дальше своихъ предисловій. Азбуковникъ второй поло-

вины XVII в. не только пропагандируетъ свободныя науки среди публики, онъ стремится провести ихъ и въ школу, и для этого принимаетъ форму школьной хрестоматіи для чтенія. Къ энциклопедіи свободныхъ знаній онъ присоединяетъ также и правила школьной дисциплины.

Нижеслѣдующій очеркъ объ азбуковникахъ представляетъ извлеченіе изъ статей г. Мордовцева, автора: „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.“.

„Благодаря азбуковникамъ“, говоритъ г. Мордовцевъ, „можно пользоваться въ настоящее время нѣсколькими драгоцѣнными памятниками нашей письменности XVII вѣка, объясняющими многія стороны древней русской педагогики. Матеріалы эти заключаются въ пространной рукописи, носящей названіе „Азбуковника“ и вмѣщающей въ себѣ нѣсколько разныхъ учебниковъ того времени, сочиненныхъ какимъ-то „первостранникомъ“, на самомъ дальнемъ сѣверѣ Великороссіи, въ Соловецкой обители (1660), и отчасти списанныхъ имъ съ другихъ тогдашнихъ изданій, которыя всѣ озаглавлены тѣмъ же именемъ, хотя и различны по содержанію и имѣютъ особенный счетъ листовъ. Въ нихъ нѣтъ собственно азбукъ, букварей, тѣхъ первоначальныхъ учебниковъ, въ которыхъ помѣщались — весь алфавитъ, потомъ склады и слова поучительныя съ чтеніемъ молитвъ; но азбуковники эти заключаютъ въ себѣ, повидимому, руководства къ чтенію для дѣтей, уже отчасти грамотныхъ, и руководства для самихъ учителей. Въ нихъ находятся даже правила для учащихъ и учащихся; затѣмъ въ нихъ помѣщены въ образцы сочиненія писемъ, посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ.

Одна половина этого азбуковника имѣетъ и свое предисловіе и оглавленіе статей, въ ней помѣщенныхъ. Предисловіе заключаетъ въ себѣ панегирикъ розгѣ, написанный стихами. Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ, чтобы, съ одной стороны, пріохотить дѣтей къ ученію, а съ другой — вложить въ сердце ихъ страхъ наказанія за лѣность и нерадѣніе, и рѣдкое предисловіе учебной книги оставалось безъ этой обыкновенной угрозы, хотя самое обученіе не было такъ сурово и жестоко, какъ нѣкоторые предполагаютъ, основываясь на однихъ этихъ увѣщаніяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ дѣтямъ, также въ видѣ стихотворнаго наставленія.

Содержаніе самихъ азбуковниковъ соотвѣтствуетъ характеру

тогдашняго образованія, нося на себѣ печать нравственно-религіознаго направленія ума нашихъ предковъ. Но это содержаніе само по себѣ драгоцѣнно для насъ многими указаніями на способъ обученія юношества, на школьную дисциплину, на порядки, какіе были заведены въ тогдашнихъ русскихъ училищахъ; въ немъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ, и, наконецъ, указанія на тѣ школьные обычаи, которые существовали у нашихъ предковъ, а нѣкоторые сохранились и до настоящаго времени. Въ этихъ азбуковникахъ разсѣяны указанія на тотъ порядокъ, которому слѣдовали педагоги тогдашняго времени въ наученіи дѣтей книжному разумѣнію, и на правила, которыми руководствовались они, слѣдуя больше принятому обычаю и примѣру своихъ предшественниковъ и не имѣя законныхъ постановленій, на которыхъ бы могли основать школьную дисциплину.

Самое первое, что мы видимъ при чтеніи азбуковниковъ, это существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось русское юношество для наученія „книжному дѣлу". Многими мѣстами азбуковниковъ достовѣрно доказывается, что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера или до вечеренъ, потомъ расходились по домамъ. Въ азбуковникахъ находятся подтвержденія того, что въ XVII вѣкѣ существовали и такія училища, въ которыхъ дѣти не жили постоянно, какъ въ пансіонахъ, а приходили изъ дома утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ.

Весь день, по правиламъ азбуковниковъ, распредѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ дому своемъ, отъ сна воставъ, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ добрѣ утрися;
Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися,
Въ школу тщательно иди,
И товарища своего веди,
Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи".

Собравшись въ школу и сказавъ учителю прежде выученные уроки, юношество начинало учиться; при этомъ, конечно, произ-

носились всѣмъ классомъ молитвы за успѣхъ ученія, съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, которыя помѣщены въ азбуковникахъ:

„Молитвы ваши со умѣреннымъ гласомъ купно да бываютъ,
Кричаніе же и верескаціе ползы и умиленія отнюдь не подаваютъ“.

Каждый ученикъ потомъ занималъ назначенное ему мѣсто, при чемъ, какъ видно, садились по достоинству, т. е. каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидаскаломъ. Относительно поведенія во время классовъ въ азбуковникахъ находимъ слѣдующія правила и увѣщанія:

„Малии въ васъ и велицыи вси равни,
Ученій же ради вящшихъ мѣстомъ да будутъ знатни“.

Далѣе въ другомъ мѣстѣ:

„Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарища своего“.

Или:

„Тѣснотою другъ ко другу не согнѣтайтеся,
Колѣнями и лядвіями не присвояйтеся“.

По нѣкоторымъ отрывкамъ, разсѣяннымъ безъ всякой связи въ этихъ учебникахъ, можно видѣть, какъ строго наблюдалось, чтобы ученики вели себя благопристойно и въ школѣ и внѣ школы; правила благопристойности и простого приличія мѣшаются здѣсь съ правилами нравственности. Касательно поведенія учениковъ въ школѣ и вообще наблюденія за ихъ поступками и нравственностью находимъ слѣдующія увѣщанія:

„Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи;
Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи“.

Насчетъ обращенія съ книгами въ риѳмованномъ азбуковникѣ говорится къ ученикамъ, чтобы они, „замкнувъ“ книгу, всегда клали ее печатью кверху и не оставляли бы въ ней указки, которая называется здѣсь „указательнымъ древцомъ“; чтобъ книгъ не бросали на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ „старостѣ“ (старшій), который долженъ класть ихъ въ назначенное мѣсто; чтобъ

ученики не очень разгибали книги и безъ дѣла не перелистывали бы ихъ; чтобъ не забавлялись книжными украшеніями „паволоками“, а старались бы понять написанное въ нихъ.

Азбуковники велятъ ученикамъ бережно обращаться съ школьной посудой; на ихъ обязанности возложено было попеченіе, чтобы приносить въ школу свѣжую воду и выносить вонъ лахань съ водою настоялой; они должны были мыть столъ и лавки своей школы и проч.

Строго запрещается шумъ и крикъ, чтобы, де, сосѣди не подумали о насъ дурно; шапки должно класть на грядку; велѣно мести школу и выносить „соръ“, только не „словесный“; на обязанности учениковъ лежало поочередно топить школу, и „школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристрояетъ“. Затѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ „дружиной“, т. е. съ товарищами; запрещается класть руки на книгу; „ради нужды гдѣ кому отходити“—позволено только четырежды на день, и не иначе, какъ съ позволенія старосты; затѣмъ велѣно вымыть руки и садиться за ученіе. Пить позволялось три раза на день, и позволеніе это зависѣло также отъ старосты.

Наконецъ, относительно наказанія лѣнивыхъ въ древнихъ учебникахъ находимъ довольно много указаній, потому что лоза, розга и жезлъ были любимыми темами, надъ которыми изощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ случаѣ предки; ни одна статья школьныхъ уставовъ допетровской Россіи не развита такъ подробно и не изукрашена всѣми хитрословесными вымыслами, какъ статья о наказаніяхъ. Въ числѣ наказаній, бывшихъ въ употребленіи у нашихъ предковъ, упоминается и обыкновенный въ настоящее время способъ оставлять лѣниваго безъ обѣда:

„Егда кто урока даннаго не изъучитъ,
Таковый изъ школы свободнаго отпуста не получитъ“.

Въ азбуковникахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы школьные фискалы пользовались почетомъ: но если товарищамъ и приходилось выдавать проступокъ одного какого-либо шалуна, то это дѣлалось сообща и такъ, что самъ учитель находилъ виновнаго. По нѣкоторымъ отрывкамъ азбуковниковъ можно видѣть, что между юношествомъ училищъ допетровской Руси товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ и возстановить противъ себя товарищей наушничествомъ и подлостью

никто не осмѣливался. Зато изъ числа самихъ учениковъ учитель избиралъ надсмотрщиковъ за нравственностью и поведеніемъ товарищей; надсмотрщики эти назывались старостами (старшій). Старосты избирались изъ воспитанниковъ прилежныхъ и самой безукоризненной нравственности. Правила требовали, чтобы старосты „не были къ яденію любосластны: таковіи бываютъ и къ воззрѣнію любострастни". Учителю подобаетъ блюсти учениковъ и „хранити ихъ, яко зѣницу ока": „имѣй у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебе оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ..." О количествѣ старостъ можно предполагать различно. Есть указанія на то, что староста былъ одинъ; но вѣроятнѣе всего, что ихъ избиралось трое, какъ говорятъ многія мѣста азбуковниковъ: „тріехъ старостъ вамъ устрояю, коемуждо особное приказаніе уставляю". Касательно обязанности старостъ есть много указаній въ азбуковникахъ. Прежде всего и главнѣе всего обязанность ихъ была наблюдать за нравственностью товарищей во время отсутствія учителя, почему они имѣли право даже наказывать виновныхъ по своему усмотрѣнію; старосты должны были прослушивать уроки прочихъ учениковъ, слѣдовательно, исполняли должность нынѣшнихъ авдиторовъ; они должны были смотрѣть за книгами учащихся, отпускать учениковъ пить и для другихъ нуждъ, должны были наблюдать, есть ли въ школѣ вода для питья, вытоплена ли печь, подметена ли комната, для чего назначался одинъ изъ учениковъ поочередно.

Еще надо прибавить къ этому, что правила тогдашнихъ училищъ строго слѣдили за религіознымъ направленіемъ учащихся, и училищная дисциплина тѣсно была связана съ ученіемъ о вѣрѣ, съ уваженіемъ догматовъ православной религіи; хожденіе въ церковь для слушанія божественной литургіи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность обучающемуся юношеству, и нерадѣніе къ догматамъ вѣры наказывалось въ юношахъ гораздо строже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ. Можно думать, что ученики обязаны были непремѣнно ходить въ церковь не только въ воскресенье и въ праздничные дни, но и въ простые дни слушать вечернюю службу. Звонъ къ церковной службѣ былъ знакомъ окончанія классовъ; ученики должны были итти къ вечернѣ, и учитель въ этомъ случаѣ предостерегаетъ ихъ, чтобы они стояли въ церкви благопристойно, „потому что", прибавляетъ онъ, „всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ!". Не только въ церкви ученики должны были

вести себя пристойно своему званію, но училищныя правила требовали, чтобы и по улицамъ они ходили тихо и прилично: „Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите; шутокъ и кощунствъ, пханіа же другъ друга и біеніа, и рѣзваго бѣганіа, и каменоверженіа, и всякихъ неподобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ... И егда минуете святую церковь и узритъ кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися со изреченіемъ симъ: „Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благій“, и ту стоя, или идя, точію скончай... Такожде и Пресвятыя Богородицы образу помолишися со изреченіемъ: „Подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородице Дѣво“. Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ по какому-либо случаю собирается народъ. Въ воскресные и праздничные дни ученики собирались утромъ въ школу, но уже не учились, а должны были „точію выученное изговорити и настоящій стихъ трижды“, и до начатія литургіи слушали разныя поученія и объясненія праздниковъ, затѣмъ отходили въ церковь.

Совѣтовалось учителю не возноситься борзоучащимися учениками и не оскорбляться грубоучащимися; онъ долженъ заставлять тѣхъ и другихъ ежедневно прославлять мудрость, призывать на помощь Бога. Если который-нибудь изъ учениковъ лѣнится или, какъ говоритъ азбуковникъ, „болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго“, то учитель долженъ призвать священника и прочитать молитвы, какія обыкновенно читаются надъ неудобоучащимися грамотѣ; но, кромѣ молитвы, онъ долженъ читать ему разныя полезныя наставленія „отъ писаній“, или разсказывать „просторѣчнымъ сказаніемъ“ о тѣхъ лѣнивыхъ, о которыхъ говорится въ житіяхъ святыхъ, какъ, напр., у Сергія Радонежскаго, Александра Свирскаго и другихъ; преимущественно же онъ долженъ разсказывать ему о томъ отрокѣ, который каждый день читалъ молитву Пресвятой Богородицѣ, прося ее о дарованіи ему памяти, вниманія и способностей къ ученію, и которому она явилась и сказала: „Не точію грамотѣ отсюда будеши умѣти, но и главу твою скорбную улѣчу“.

Святые, покровительствующіе книжному наученію, считались у насъ Косьма и Даміанъ, пророкъ Наумъ и тотъ святой, въ честь котораго дано имя учащемуся при крещеніи. Въ нашихъ азбуковникахъ прямо говорится, что „есть обычай многимъ (учащимся)

совершати любезная святымъ Безсребренникомъ Косьмѣ и Даміану, и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать". Изъ азбуковника видно, что въ древней Россіи учащіеся призывали на помощь пророка Наума, какъ покровителя наукъ, чѣмъ и объясняется существующее даже до сихъ поръ обыкновеніе у нашего простонародія и въ среднихъ сословіяхъ передъ началомъ ученія молиться пророку Науму.

Наконецъ, одинъ изъ школьныхъ обычаевъ, это—обычай кормить учителя, показываетъ зависимость его въ матеріальномъ отношеніи отъ тѣхъ сословій, которыя вручали ему дѣтей своихъ для наученія книжному разумѣнію. Такъ, изъ азбуковниковъ мы видимъ, что учителя нуждались иногда въ самыхъ необходимыхъ предметахъ жизни, и ученики должны были по праздникамъ приносить своему дидаскалу съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ, какъ говоритъ къ нимъ самъ учитель:

„Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите,
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питіа ему приносите".

Или:

„Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питіа ему приношайте".

Эти приношенія натурой, впрочемъ, очень естественны въ такомъ обществѣ, которое еще не имѣло низшихъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ на общественный счетъ, и потому между учителемъ и учениками, по необходимости, должны были дѣлаться договоры относительно платы за ученіе, и эта плата была отчасти натурой, отчасти деньгами; приношеніе же съѣстныхъ припасовъ въ праздничные дни было, вѣроятно, школьнымъ обычаемъ, который и записанъ въ правилахъ училищъ.

Такими правилами руководствовались педагоги допетровской Руси въ отношеніи нравственнаго наставленія своихъ питомцевъ и въ отношеніи школьныхъ обычаевъ.

Въ азбуковникѣ, который въ сборникѣ слѣдуетъ за вторымъ, имѣются статьи, относящіяся до обученія юношества каллиграфіи, что у насъ принято теперь называть прописями, и что въ азбуковникѣ названо „надписями". Въ то время, конечно, прописи существовали рукописныя, за неимѣніемъ литографированныхъ, и состояли изъ краткихъ двустишій нравственно-религіознаго содержанія. Это руководство каллиграфіи носитъ особое названіе: „Аз-

буковника наказательнаго, и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, или „наказаній“; въ каждомъ такомъ наказаніи заключается по четырнадцати сентенцій или двустишій, по два двустишія на каждую букву алфавита. Передъ началомъ этого алфавита помѣщенъ родъ предисловія, изъ котораго можно видѣть, что прописи писались для образца учителями, и что онѣ располагались въ алфавитномъ порядкѣ, и даже очень часто состояли изъ стихотворныхъ сентенцій (писались виршею), а ученики уже списывали съ нихъ, примѣняясь къ его почерку.

Въ общемъ сборникѣ есть одинъ полный азбуковникъ, благодаря которому проясняется нашъ взглядъ на объемъ и способъ обученія въ допетровскихъ школахъ. Этотъ азбуковникъ носитъ названіе: „Азбуковникъ полный, имущій въ себѣ увѣщанія ученія, наказанія ученикомъ отъ многихъ книгъ, множае же отъ грамматики“. Азбуковникъ полный называется еще иначе—на первомъ листѣ его значится: „Азбуковникъ его же должно есть добрымъ учителемъ повседневно прочитывати въ наказаніе ученикомъ“. Значитъ, учитель обязанъ былъ ежедневно читать этотъ азбуковникъ для своихъ учениковъ. Весь азбуковникъ состоитъ изъ главъ, число которыхъ соотвѣтствуетъ числу буквъ славянскаго алфавита, кромѣ тѣхъ, коими не можетъ начинаться слово, какъ *ъ*, *ь*, и др. Надъ каждой главой выставлена большая киноварская буква алфавита: надъ первой *а*, надъ второй *б* и т. д. Каждая глава снабжена чѣмъ-то въ родѣ стихотворнаго предисловія, состоящаго изъ четырехъ двустишій, въ которыхъ сокращенно излагается содержаніе главы; самыя же главы писаны прозою, изукрашенною всѣми риторическими хитростями и вычурною до крайности. Азбуковникъ написанъ такъ, что въ немъ говоритъ отъ своего лица сама мудрость, называя себя „Софіею“ и „Словесницею“.

Азбуковникъ начинается стихотворнымъ предисловіемъ къ тому содержанію, которое находится въ главѣ подъ буквою *а*. Рѣчь обращена здѣсь къ ученикамъ, собравшимся въ школу для ученія. Затѣмъ изображено большое *А*, а подъ нимъ начинается самый азбуковникъ. Вся глава представляетъ великолѣпный панегирикъ мудрости. Мудрость здѣсь на первомъ планѣ, и нѣтъ ничего больше, какъ желаніе видѣть учениковъ мудрыми. Всѣ похвалы мудрости взяты больше изъ священнаго писанія: „Премудрому глава въ народѣхъ и честь предъ старцы, юноша остръ обрящется въ судѣ и вѣщающему внимаютъ; сею Царіе царствуютъ“ и пр. Свѣ-

дѣній здѣсь не передано никакихъ; въ слѣдующихъ трехъ главахъ опять то же, опять похвала мудрости, но уже сочиненная у насъ на Руси, нашими учеными предками; во второй главѣ приложена и молитва, которую ученики должны были почаще прочитывать, прося у Бога мудрости.

Въ четвертой главѣ, подъ буквою *Г*, ученики якобы обращаются къ мудрости и просятъ ее объяснить имъ свое начало. Она объясняетъ имъ свое начало и источникъ въ Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви; затѣмъ развиваетъ эту мысль подробнѣе. Послѣ объясненія началъ мудрости и ея источника, вниманіе дѣтей обращается на важность первоначальнаго обученія и послѣдствія, могущія произойти отъ пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ знаній. Все это пока можно назвать, нѣкоторымъ образомъ, введеніемъ въ науку, по крайней мѣрѣ, въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимали ее наши предки; это ни больше, ни меньше, какъ введеніе, приспособленное притомъ къ понятіямъ дѣтей и писанное лицомъ духовнаго сана. Здѣсь же говорится, что за изученіемъ азбуки слѣдуетъ изученіе часослова и псалтири, „безъ знанія которыхъ и ученія не бываетъ"; потомъ учащемуся представляется все богатство свѣдѣній и книгъ; затѣмъ—все относящееся до царской власти, все, что касается службы гражданской и судебныхъ дѣлъ; все, что относится до дѣлъ духовнаго вѣдомства, до народа и „до поселянъ"; всѣ „дѣла и крѣпости", ихъ порядокъ и производство.

Достойно замѣчанія, что въ это же самое время, когда открывали передъ юношествомъ то широкое поле дѣятельности, которое предстоитъ имъ въ общественной жизни, если они будутъ образованы, ихъ предостерегали различать въ ученіи и во всѣхъ книгахъ пшеницу отъ плевелъ, истину отъ лжи и раскола. Въ азбуковникахъ говорится, что въ книгахъ „посреди доброй духовной пшеницы насѣянъ непотребный плевелъ, какъ куколь въ пшеницѣ. Для обучающейся молодежи это было необходимое предостереженіе, особенно въ то смутное время, когда дѣло исправленія священныхъ книгъ, начатое Никономъ, произвело такой разладъ между мнѣніями приверженцевъ старыхъ книгъ и книгъ исправленныхъ.

Въ настоящемъ азбуковникѣ помѣщены и училищныя правила, которыя вполнѣ соотвѣтствовали тому времени, когда училища еще не имѣли своихъ уставовъ, а руководствовались своими правилами, которыя состоятъ изъ простого обычая руководимаго здравымъ смысломъ нашихъ доморощенныхъ педагоговъ. Выучивъ

школьныя правила, дѣти начинали знакомиться, хотя энциклопедически, съ тѣмъ, что вообще отличаетъ образованнаго человѣка отъ негра. Имъ объяснялось происхожденіе и значеніе недѣли, было истолковано дѣтямъ, что значитъ у евреевъ „во едину отъ субботъ“, какъ назывались дни недѣли. Съ этими объясненіями были связаны первыя начала священной исторіи; дѣтямъ разсказывалось изъ книги Бытія сотвореніе міра и человѣка. Объясненіе дней недѣльныхъ влекло за собою знакомство съ происхожденіемъ календаря и исторіей лѣтосчисленія. Разсказывая исторію перемѣны названій, какія имѣли прежде дни недѣли, учитель убѣдительно проситъ воспитанниковъ слушать его съ любовью и усердно внимать, „да добрѣ навыкнувъ, доволни будете, и въ домѣхъ вашихъ рождшимъ васъ и прочимъ всѣмъ знаемымъ и незнаемымъ разумно сказати“.

Въ нѣсколькихъ послѣдующихъ главахъ азбуковника объясняются ученикамъ разные предметы относительно мудрости и знанія, но все это разсѣяно безъ всякой системы. Затѣмъ дѣлается переходъ къ грамматикѣ родного языка или, вѣрнѣе, церковнаго: преподавалась ли въ школахъ допетровскихъ грамматика и въ какой мѣрѣ, и что дѣти узнавали на школьныхъ скамьяхъ? Прежде всего надо замѣтить, говоритъ Мордовцевъ, что системы въ преподаваніи грамматики почти не было, или очень мало; правила излагались такъ, какъ казалось удобнѣе для учителя, и потому объясненіе значенія и важности грамматики помѣщалось послѣ правилъ правописанія; склоненія и падежи очень сбивчивы; прочія части рѣчи почти вовсе не принимались въ соображеніе. Зато въ другихъ азбуковникахъ есть довольно большой трактатъ о силлогизмахъ, потомъ о правописаніи, гдѣ разобраны подробно всѣ буквы алфавита и употребленіе каждой изъ нихъ; затѣмъ большой отрывокъ о стихосложеніи съ объясненіемъ стопъ, метровъ, родовъ стихотворныхъ, начиная отъ ироическаго и ироэлегійскаго до ямвійскаго и сафійскаго съ приведеніемъ примѣровъ изъ тогдашнихъ русскихъ книгъ.

Въ главѣ подъ буквою *М* описываемаго букваря находятся фонетическія объясненія славянской азбуки, объяснено значеніе буквъ, письменъ и ихъ значеніе. Вся эта глава состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ: ученикъ спрашиваетъ, а учитель объясняетъ. На вопросъ ученика: сколько „изложеній въ слогинѣ“, учитель отвѣчаетъ, что четыре: „звательство, полузвательство, возрази-

тельство и накончаніе“, и объясняетъ смыслъ этихъ четырехъ названій. Но это не что иное, какъ раздѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и полугласныя; въ азбуковникѣ очень мудреное объясненіе звательства и полузвательства, т. е. гласныхъ и согласныхъ. Послѣ правилъ фонетики слѣдуетъ передача дѣтямъ свѣдѣній касательно исторіи изобрѣтенія письменъ, какъ, напримѣръ: „нашу же христіанскую и словено - россійскую азбуку сочини и сложи..... Константинъ“. Далѣе дѣтямъ разсказывается объ изобрѣтеніи у насъ другой азбуки — пермской, для пермскаго языка, изобрѣтенной Стефаномъ, епископомъ пермскимъ. Въ слѣдующей главѣ рѣчь снова идетъ о правописаніи, объ удареніяхъ и проч. Особенно требовалось знаніе, какъ „ять съ естемъ различати“, чтобы никакъ не писать вмѣсто пѣніе — пеніе, сѣсти — сести и проч. Потомъ отъ учителя требовалось, чтобы научалъ своихъ воспитанниковъ, гдѣ и какія ставить ударенія: гдѣ оксія, или острая, гдѣ варія, или тяжкая, гдѣ камора, или облеченная; затѣмъ еще два знака: краткая и исо. Въ азбуковникѣ истолковано, когда употребляется каждый изъ этихъ знаковъ, и приведены примѣры, но тутъ же прибавлено, что объ этомъ говорится и въ грамматикѣ. Значитъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, помѣщенныхъ въ азбуковникѣ, ученикамъ были извѣстны, хотя отчасти, самыя грамматики. Между этими грамматическими толкованіями опять вставлена цѣлая глава, уже изъ русской исторіи, которая передаетъ дѣтямъ свѣдѣнія о томъ, что до крещенія Руси имена давались у насъ по произволу, т. е. какъ хотѣли родители назвать свое дитя, такъ и называли. Потомъ в. к. Владиміръ принялъ христіанскую вѣру и крестилъ свой народъ, и съ тѣхъ поръ имена у насъ давались въ честь угодниковъ. Затѣмъ слѣдуютъ объясненія многихъ собственныхъ именъ, взятыхъ съ греческаго и съ еврейскаго языковъ. Послѣ этой главы — снова переходъ къ грамматикѣ, и снова объясняются дѣтямъ особенности языка славянскаго. Содержаніе послѣдующей главы взято изъ печатной азбуки.

Изъ всего того, что находилось въ печатныхъ азбукахъ и другихъ „тисненыхъ“ книгахъ, напримѣръ, относительно знаковъ строчныхъ и надстрочныхъ, дѣлался краткій сводъ, и имъ-то руководствовались воспитанники, при помощи учителя. Замѣтно, что на знаки, и вообще на правописаніе, было обращаемо большое вниманіе. Что касается другихъ частей грамматики, то, какъ оказывается изъ азбуковника, ихъ передавали довольно кратко, больше практи-

чески объясняя грамматическія особенности, нежели уча грамматикѣ теоретически. Такъ, въ азбуковникѣ дѣлали разборъ фразъ, и по этому разбору воспитанники привыкали къ грамматическимъ правиламъ. Падежи назывались паденіями, которыя были: именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное, употреблявшееся съ предлогомъ *отъ* и *о*. Средній родъ назывался среднимъ, мѣстоименія назывались проименіями, къ которымъ, кажется, причислялись и прилагательныя; спряженія поименованы супружествами. Склоненія въ азбуковникѣ состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, и на каждый родъ приведены особые примѣры.

Изъ сказаннаго видно, что грамматику въ нашихъ допетровскихъ школахъ изучали, и что ученикамъ ставилось въ непремѣнную обязанность—знать составъ и строй своего языка, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ смотрѣли на него въ свое время.

Въ главѣ подъ буквою *X* учитель, обращаясь къ ученикамъ, говоритъ, что намѣренъ показать имъ истиннаго и совершеннаго философа, именно Максима Грека, „иже бѣ у насъ въ Россіи пресловущій философъ и изящный преводникъ Божественнымъ книгамъ“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе его заслугъ, какъ совершеннаго философа и какъ знатока русскаго языка.

Далѣе, въ концѣ азбуковника, въ семи отдѣльныхъ главахъ слѣдуетъ толкованіе семи свободныхъ мудростей, такъ называемыхъ septem artes liberales, которыя въ школахъ западной Европы и въ ея университетахъ входили въ кругъ ихъ знаменитыхъ наукъ (trivium и quadrivium). Это не что иное, какъ предисловія къ каждой мудрости, но предисловія такія, въ которыхъ кратко излагается сущность и значеніе самаго предмета. По обыкновенію, все это написано въ высшей степени высокопарно, потому что каждая изъ семи мудростей старается выказать ученикамъ свои достоинства и хвалитъ обширность своихъ примѣненій, т. е. гдѣ, и какъ, и почему каждая мудрость полезна и необходима.

1. Первая изъ семи свободныхъ мудростей—грамматика. Всякій, желающій быть мудрымъ и ученымъ, долженъ знать грамматику: „кто книжная писмена устраяетъ, или стихи соплетаетъ, или повѣсти изъясняетъ, или посланіа посылаетъ, или что таковыхъ составляетъ: то все мною, Грамматикою, снискаетъ. Понеже на времена развожду и на числа разочту, и на лица роскажу, и на паденіа уклоню (то-есть просклоняю) и на супружества сведу (то есть проспрягаю), степени разсужду и роды разберу“ и проч.

2. Вторая изъ семи мудростей—діалектика. Назначеніе діалектики, по ея собственнымъ словамъ, очень важное; ни одна высокая мысль, ни убѣжденіе, ни совѣтъ, ничто не можетъ имѣть настоящей силы безъ участія діалектики: „Мудрый отъ Еллинъ Омиръ и Платонъ, и похвальный во вратѣхъ Аристотель, и прочіи вси о мнѣ Діалектицѣ познашася въ мірѣ“. Въ жизни практической, и преимущественно въ кругу общественной дѣятельности, діалектика едва ли не важнѣе всѣхъ прочихъ семи мудростей: она необходима въ народныхъ собраніяхъ „на соборѣхъ людскихъ“ и прочее. Вотъ почти таковы всѣ фразы въ діалектикѣ. Дѣти узнавали только, что есть какая-то діалектика, и что учитъ она такимъ-то и такимъ-то хитростямъ, но какъ учитъ, какъ пріобрѣтается знаніе этой мудрости, того они не вѣдали.

3. Риторика объясняетъ свое значеніе еще болѣе высокими словами: „Есмь бо отъ седми честная и великая свободная мудрость, Риторика нарицаюся, сирѣчь хитрорѣчія источникъ....“. Далѣе риторика говоритъ о себѣ такъ: „селеніе и удобное совокупленіе имамъ съ Діалектикою; похвальная же и златострунная Грамматика съ нами же и начало намъ“. Всѣ эти фразы кажутся до того высокопарными, что какъ будто въ нихъ одно только разглагольствованіе; но смыслъ есть, и очень понятный.

4. Четвертое свободное художество—музыка. Къ предисловію о музыкѣ прибавлено почти двѣ страницы объясненій о значеніи и происхожденіи музыки. Это вступленіе начинается такъ: „Щедраго и Преблагаго Бога, давшаго намъ разумъ, познаніе своея истины, восхвалимъ вси не въ варганы, и тимпаны, и мусикіи, въ нихъ же беззаконный онъ папа Петръ Гугнивый повелѣ въ церкви играти и есть начальникъ богомерзкому сему гуденію и игранію; мусику же и азъ предлагаю, но не руками человѣческими, ниже теслы и ножами устроени (у?), но гласомъ изъ гортани нерукотворенныя происходящимъ восхвалимъ Господа, и поемъ Ему разумно во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ...“ Послѣ такого предварительнаго вступленія начинается предисловіе, которое тоже довольно пространно и занимательно по тѣмъ понятіямъ о музыкѣ, какія господствовали между нашими предками, хотя бы, напримѣръ, о пѣніи неуставнымъ гласомъ невѣждъ и поселянъ.

5. Ариѳметика имѣетъ такое же пространное предисловіе, въ которомъ перечислены случаи, гдѣ знаніе ариѳметики необходимо, и чему собственно научаетъ эта мудрость. О своемъ имени она

говоритъ, что „Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюся, сладчайшимъ же мнѣ, рекши Русскимъ языкомъ, Числительница“. Она исчисляетъ широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, управляетъ всѣми дѣлами, царскими и боярскими, уставляетъ всему правильную мѣру и всѣ чиновныя числа, и мѣры, и вѣсы соединяетъ и раздѣляетъ, слагаетъ, вычитаетъ, на доли раздѣляетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все въ дроби раздробляетъ; она имѣетъ неразрывную связь съ геометріей и астрономіей, а въ музыкѣ устанавливаетъ степени, стоянія, стопы и движенія; она необходима для грамматики, риторики и діалектики. Изобрѣлъ ее „отъ Еллинъ мудрый Пиѳагоръ“. Цѣль ея—счисленіе всѣхъ возможныхъ величинъ и измѣреній: пространства она считаетъ локтями, пшеницу мѣрами, вино чашами, полки тысячами и сотнями. Важность ариѳметики очень хорошо понимали наши предки, знали ее довольно основательно и дѣлали вычисленія, почти невозможныя для того времени. Это подтверждаютъ громадныя вычисленія Кирика еще въ XII в. Послѣ того странно думать, чтобъ въ нашихъ школахъ не преподавалась ариѳметика въ XVII в., когда въ XII вѣкѣ мы могли похвалиться знатоками этого предмета, и когда знаемъ, что уже въ XVI вѣкѣ были у насъ свои руководства по этому предмету.

6. Геометрія, шестое изъ свободныхъ художествъ, имѣетъ въ нашемъ азбуковникѣ то значеніе, какого уже въ настоящее время не имѣетъ: въ объясненіи ея сбиваются то на космографію, то на математическую географію, то на географію политическую, — однимъ словомъ, здѣсь понимаютъ буквально, что геометрія есть землемѣріе во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ предварительнаго вступленія раскрывалось самое значеніе геометріи, ея важность и предметъ, т. е. польза и цѣль ея знанія. Дѣтямъ, конечно, преподавались только понятія объ этой мудрости, какъ мы и видимъ изъ азбуковника.

7. „Послѣдняя мѣстомъ, первая же дѣйствомъ“ свободная мудрость есть астрономія „по Еллинѣхъ, Звѣздозаконіе же по Словянехъ“. Въ предисловіи ея поверхностно и съ своей точки зрѣнія показана цѣль астрономіи и опредѣлена ея важность. Хотя все это очень недостаточно и поверхностно, но для дѣтской книги, для школьнаго учебника XVII вѣка и этого довольно: азбуковникъ не преподаетъ дѣтямъ астрономіи, а только говоритъ о ней и возбу-

ждаетъ желаніе заняться этой высокой мудростью; астрономія сама сознается, что не здѣсь, не въ азбуковникѣ, можно найти ея содержаніе, но гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ какой-то „въ книзѣ своей шестьвіемъ и дѣйствомъ явлюся всяко". Что это за книга, рѣшить трудно; можетъ быть, здѣсь намекаютъ о какой-нибудь астрономіи, о руководствѣ, или просто объ астрономическомъ сочиненіи, изъ котораго взято содержаніе предисловія.

Здѣсь оканчиваются объясненія семи свободныхъ художествъ и, послѣ небольшой главы, въ которой находится обращеніе къ дѣтямъ и желаніе пользы отъ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній, оканчивается самый азбуковникъ.

Какъ видно, содержаніе этого учебника довольно разнообразно и имѣетъ свои достоинства, которыя выигрываютъ еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что азбуковникъ этотъ служилъ вспомогательной книгой при другихъ руководствахъ, преподававшихся въ школахъ; что свѣдѣнія, собранныя въ немъ, не были окончательными итогами обученія юношества, а оно пріобрѣтало познанія болѣе обширныя, училось еще многому, чего нѣтъ въ азбуковникѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста его. Азбуковникъ этотъ читался ученикамъ, что называется, между дѣломъ, какъ читались и другія книги разнообразнаго содержанія, и читались во всякое свободное отъ ученія время, читался и учителемъ, и старостами, за отсутствіемъ учителя. А ученіе шло своимъ чередомъ, и юношество въ урочные часы училось письму, славянской грамматикѣ, риторикѣ и стихотворному искусству; занималось силлогизмами со всѣми хитростями тогдашняго обученія; знакомилось съ нововведеннымъ тогда риѳмомъ, находя его у Симеона Полоцкаго; узнавало „степени стихотворныя мѣры" и „единъ на десять родовъ стиха" и иройскій, и ямвійскій, и сафійскій, и гликонскій и пр.; наконецъ, какъ надо полагать, училось сочинять сначала сентенціи и двустишія, потомъ „привѣтства", преимущественно же посланія въ стихахъ и въ прозѣ, что все подтверждается разнообразными статьями сборника и находящимися въ немъ азбуковниками, которыхъ можно насчитать до десяти.

Въ нашихъ допетровскихъ школахъ, говоритъ г. Мордовцевъ, преимущественное вниманіе обращалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на изученіе правилъ и свойствъ славянскаго языка и вообще на то, что мы называемъ словесностью въ обширномъ смыслѣ; конечно, на первомъ планѣ были божественныя книги; но и знаніе грамматики

сильно занимало умы. Съ изученіемъ грамматики наши предки соединяли и риторику, и стилистику, и даже піитику. Между разными азбуковниками и руководствами попадается очень много грамматическихъ отдѣловъ, и притомъ очень различнаго содержанія. Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ тотъ же авторъ, что объемъ преподаванія въ нашихъ допетровскихъ школахъ очень достаточенъ для того времени. По азбуковникамъ нельзя рѣшить положительно, преподавались ли еще какіе-либо другіе предметы; но для школъ, имѣвшихъ цѣлью первоначальное обученіе юношества, довольно очень и того, что преподавалось, т. е. что отыскали мы въ азбуковникахъ. Наше юношество возвращалось изъ школъ въ домъ родительскій съ такими познаніями, которыя дѣлаютъ честь имъ самимъ, ихъ педагогамъ и школамъ, въ которыхъ они воспитывались; а это лучшее мѣрило степени нашего развитія въ періодъ, предшествовавшій Петровымъ преобразованіямъ".

Уставъ Луцкой школы. Въ заключеніе объ азбуковникахъ для сравненія съ ихъ статьями, касающимися воспитанія и обученія, приводимъ нѣкоторыя положенія устава Луцкой школы, возникшей въ XVII вѣкѣ при Крестовоздвиженской церкви въ г. Луцкѣ.

Г. Мордовцевъ, приводя уставъ Луцкой школы, говоритъ, что несмотря на неодинаковость состоянія училищъ въ Великой Россіи и училищъ въ южной ея части и на Волыни, все же эти послѣднія были отчасти наши училища, русскія, и потому само по себѣ интересно знать ихъ устройство, которое, можетъ быть, нѣсколько объяснитъ намъ состояніе нашихъ великорусскихъ школъ и покажетъ новыя стороны, еще неизвѣстныя изслѣдователямъ старинной русской педагогики. Такъ какъ Луцкая школа была заведеніемъ не частнымъ, а общественнымъ, то потому и правила ея имѣли особыя статьи, не могущія итти въ сравненіе съ правилами частныхъ школъ, какія были въ то время въ Великороссіи. Вслѣдствіе этого въ азбуковникахъ нѣтъ статьи относительно пріема воспитанниковъ, что въ южно-русскихъ училищахъ дѣлалось съ разными предварительными условіями. Уставъ Луцкой школы говоритъ: „Каждый, кто поступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись *ректору*, съ его дозволенія, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный (въ подлинникѣ: „нищій") и къ содержанію, не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ предпріятія: ибо каждый долженъ хо-

дить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ наукъ: и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ“. Присмотрѣвшись, если не захочетъ вступить въ школу, то отходитъ съ благословеніемъ; а если согласится, то долженъ объявить *старшему* и, внесши въ школьную кружку четыре гроша, зачисляемъ былъ отъ *пенитарха* въ число учениковъ и вносился въ большой школьный списокъ.

Какъ въ нашихъ азбуковникахъ, такъ и здѣсь, есть *старшіе*, которымъ воспитанники обязаны были повиноваться, какъ и самому *учителю*, потому что, прибавляетъ уставъ, „если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ, даже самыхъ низкихъ, имѣетъ мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе *въ наукахъ свободныхъ* („вызволеныхъ“), которыя всѣ прочія науки, искусства и ремесла далеко превышаютъ“.

Но такъ какъ въ школѣ обучали „разнымъ діалектамъ“, и опредѣлены были особые часы, въ какіе чему должно учиться, то воспитанникъ, поступивши въ школу и „не могучи и наукъ, которыи ся тутъ традуютъ, и себе до которои есть способенъ рыхло зрозумѣти“, долженъ посовѣтоваться съ начальникомъ школы, „за якую науку взятися маетъ“. И что присовѣтуетъ ему начальникъ (сообразивши его лѣта, наклонности и способности), за то онъ и долженъ приняться съ охотою, если только сами родители не назначили уже его къ извѣстной отрасли науки; да и тѣмъ, говоритъ, нужно совѣтовать полезнѣйшее.

Вотъ предварительныя условія, которыхъ мы не встрѣчали въ правилахъ великорусскихъ школъ. Затѣмъ всѣ другія статьи устава болѣе или менѣе сходны съ правилами, помѣщенными въ азбуковникахъ. Въ числѣ самыхъ первыхъ статей находятся правила о наказаніяхъ, которыя такъ подробно изображены въ азбуковникахъ; здѣсь они написаны болѣе спокойнымъ тономъ: за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически; не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не только мірски, но и выше мірскаго. Въ другой статьѣ добавлено, что для внушенія дѣтямъ хорошихъ правилъ,

„И памятного маетъ не боронити,
По чаши школнои испити“.

Это было, вѣроятно, нѣчто въ родѣ извѣстныхъ въ малороссійскихъ школахъ *субитокъ*,—когда каждую субботу сѣкли школь-

никовъ, что называется, въ запасъ, чтобы они были умны и на будущее время; вѣроятно, *памятное* и было въ этомъ случаѣ запаснымъ предостереженіемъ отъ дурныхъ поступковъ.

Слѣдующія за симъ статьи имѣютъ также много общаго съ правилами „Школьнаго благочинія“ азбуковниковъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы знаемъ, что ни богатство, ни знатность происхожденія не давали воспитанникамъ правъ на предпочтеніе их передъ дѣтьми бѣдныхъ родителей; что ученики сидѣли въ классахъ по достоинству, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ. Въ уставѣ Луцкой школы выражено то же самое: „.... богатый надъ убогихъ у школѣ нѣчимъ вышшіи не маютъ быти, толко самою наукою: плотію же равно вси“. Учителю же вмѣнялось въ обязанность одинаково заботиться о своихъ воспитанникахъ, какого бы званія и состоянія ни были они, и каждому удѣлять своихъ трудовъ поровну: „учити *даскалъ* и любити маетъ дѣти всѣ за ровно, якъ сыновъ богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и *которые ходятъ по улицамъ живности просечи*“.

Собираться въ школу положено было къ 9-му часу. Каждое утро учитель обязанъ былъ наблюдать, чтобы собирались всѣ воспитанники; а если который изъ нихъ не приходилъ, то посылали узнать о причинѣ: или „забавилъ ся инде игранемъ, или дома ся облѣнилъ, или надъ потребу спалъ“. Обязанность смотрѣть за приходящими возложена была на тѣхъ изъ учениковъ, которые въ азбуковникѣ называются „старостами“. Собравшись въ классъ, ученики до тѣхъ поръ не начинали учиться, пока не были прочтены *молитвы и предисловіе обычны*. То же самое мы видѣли въ азбуковникахъ. Мы знаемъ, что въ великорусскихъ училищахъ положено было прослушивать уроки утромъ, въ противность обычаямъ заграничныхъ школъ; въ Славенороссіи заграничная школьная дисциплина считалась *зазорною*. Въ южной Россіи это дѣлалось такъ же, какъ и въ Великороссіи, именно: прочитавъ обычныя молитвы, ученики прослушивались, показывали затѣмъ свое писанье, что каждый успѣлъ написать дома, и *дѣлали выкладъ науки своей*, т. е., вѣроятно, истолковывали то, что было имъ задано. Потомъ, конечно, должны были учиться по частямъ псалтири или грамматикѣ съ разборами и *инымъ многимъ потребнымъ наукамъ*. Послѣ обѣда каждый долженъ списывать для себя *на таблицу* свой урокъ, а малолѣтнымъ обязанъ былъ писать самъ учитель. Выучивъ въ школѣ „трудныя слова“, ученики должны были другъ друга спрашивать, отходя

домой, или собираясь въ школу; дома же обязаны были говорить свои уроки или родителямъ, или хозяину, у кого живутъ на квартирѣ. По уставу Луцкой школы можно догадываться, что уроки, по крайней мѣрѣ, въ южной Россіи, диктовались учителемъ и записывались учениками *на табличкахъ*; *малолѣтнымъ же писалъ самъ* учитель. Можетъ быть, то же самое было и въ великорусскихъ школахъ, за неимѣніемъ печатныхъ руководствъ.

Въ правилахъ азбуковниковъ строго запрещалось ученикамъ разсказывать то, что происходило въ школѣ, т. е. *не выносить сору изъ избы*, или, какъ сказано въ азбуковникѣ, „не выносить за порогъ школы словеснаго сору". То же самое помѣщено и въ Луцкомъ уставѣ.

Что запрещалось азбуковниками въ отношеніи правилъ благопристойности, то же самое видимъ мы и въ Луцкомъ уставѣ: сидѣть въ классѣ смирно, „безъ розмовъ и шептовъ, миговъ, и до себе прехажокъ" и проч.

Въ великорусскихъ школахъ назначалось поочередно нѣсколько учениковъ, на которыхъ возлагали обязанность мести школу, топить печь, носить воду и проч.; воспитанники южно - русскихъ школъ также не были избавлены отъ подобныхъ обязанностей. Въ уставѣ Луцкой школы поставлено избирать по очереди двухъ или четырехъ мальчиковъ въ слѣдующія должности: „дѣло ихъ будетъ *ранѣй до школы прійти, школу помести, въ печи запалити и у дверей сидѣти*; а которые выходятъ и входятъ, о всѣхъ вѣдати, и которые бы ся не учили, пустовали, или въ церкви не рядне стояли, или до дому идучи обычайне бы ся не заховали, написовати и оповѣдати ихъ маютъ".

По правиламъ азбуковниковъ полагалось въ субботу заниматься повтореніемъ всего выученнаго въ продолженіе недѣли; въ этотъ же день учитель читалъ въ школѣ разныя поучительныя наставленія о благопристойности, о почитаніи родителей, о праздникахъ и проч.; въ воскресенье утромъ воспитанники собирались снова въ школу и слушали толкованіе литургіи, евангелія и проч. до той поры, пока звонъ колокола не призывалъ ихъ къ слушанію Божественной службы. Тѣ же самыя правила изложены и въ уставѣ Луцкой школы.

„Не вдаваясь въ излишнія подробности о школьныхъ порядкахъ и сходствѣ ихъ, замѣчу", говоритъ Мордовцевъ, „что объемъ обученія въ Луцкой школѣ былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ

великорусскихъ школахъ, какъ мы знаемъ о нихъ изъ азбуковниковъ и другихъ памятниковъ старины. Это снова доказываетъ, что элементарныя южно-русскія школы стояли гораздо на высшей степени развитія, чѣмъ школы въ Великой Россіи. Составъ наукъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ, былъ слѣдующій: такъ какъ школа носила названіе греко-латино-словенской, то, конечно, воспитанники ея не были чужды знанія этихъ языковъ; но, кромѣ языковъ, преподавались и другіе предметы, о чемъ говоритъ самъ уставъ: „Напервѣй, научившися складовъ, литеръ, потомъ грамматики учатъ, притомъ же и церковному чину учатъ, читаню, спѣваню; также учатъ на каждый день, абы дѣти единъ другаго пыталъ по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, и ты жъ пытаются по словенску, абы имъ отповѣдали по простой мовѣ. И ты жъ не маютъ зъ собою мовити простою мовою, ено словенскою и грецкою, а такъ нынѣ тому учатся, до болшихъ приступаючи, *къ діалектице и реторице, которые науки по словенску переведенные, русскимъ языкомъ списано, діалектику и реторику и иные философъскіе писма школѣ належачіе*“. Въ другомъ мѣстѣ устава говорится о предметахъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ: „повиненъ будетъ даскалъ учити и на писмѣ подавати отъ святого Евангеліа, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ Пророковъ всѣхъ, отъ Отецъ Святыхъ ученія, *отъ философовъ, отъ поэтовъ, отъ гисториковъ и прочая*“. Затѣмъ учились пасхаліи, лунному теченію личбѣ (т. е. счисленію), рахованю (почти то же счисленіе: не ариѳметика ли?) и мусикѣ церковнаго пѣнія.

Какъ видимъ составъ школьнаго образованія въ элементарномъ училищѣ южной Россіи былъ далеко не бѣденъ, и если прочія школы хоть сколько-нибудь были похожи на Луцкую, то юношество того края было довольно хорошо образовано по своему времени. Не смѣю утверждать, говоритъ тотъ же авторъ, что такое же образованіе давалось и въ великорусскихъ школахъ допетровскаго времени: этого не видно изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ; но всего вѣроятнѣе, что Великая Россія и въ этомъ отношеніи далеко уступала Малороссіи“.

Буквари. По мѣрѣ возникновенія училищъ и расширенія дѣятельности типографій, въ Москвѣ стали появляться и печатныя книги, не только исключительно церковно - религіознаго содержанія, но и преслѣдовавшія педагогическія цѣли. Такъ, въ XVII столѣтіи въ Москвѣ появляются печатные буквари, при посред-

ствѣ которыхъ, естественно, подвинулось и самое обученіе грамотѣ. Хотя способъ обученія чтенію оставался тотъ же, буквослагательный, и обращалось преимущественное вниманіе на механизмъ чтенія, но во всякомъ случаѣ самый процессъ изученія сдѣлался болѣе легкимъ и не такимъ медленнымъ, какъ прежде: вмѣсто чтенія по рукописному, часто съ неяснымъ и неразборчивымъ шрифтомъ, различнымъ въ разныхъ книгахъ, съ появленіемъ печатной азбуки, учащійся пользовался ясною и опредѣленною формою буквъ. О томъ, какъ производилось обученіе чтенію по старо-букварному способу, Епифаній Славинецкій говоритъ слѣдующее: „внятно требствуетъ учити: сице, первое сложи два писмена, гласное съ согласнымъ и рцы: *буки-азъ;* таже сотвори препятіе гласомъ, или отдохновеніе, и рцы слогъ *ба*; паки и на два писмена совокупи, сице *вѣди - азъ*, и паки содѣлай препинанье гласа, таже рцы слогъ *ва*; сице и триписменные слоги слагай: *слово*, *люди*, *азъ*, и отдохнувъ, рцы слогъ *сла*; паки слагай *вѣди, люди*, *ю*, и отдохнувъ, рцы слогъ *влю*. По сему глаголи все реченіе купно: *славлю*, тако и прочая по сему учи". Слѣдовательно, способъ обученія чтенію былъ совершенно тотъ же, какой употребляется еще иногда и понынѣ при обученіи церковно - славянской грамотѣ. Обучаясь по букварю, учащійся получалъ возможность познакомиться и съ нѣкоторыми, хотя и весьма скудными, грамматическими свѣдѣніями, помѣщавшимися въ букваряхъ. Что же касается содержанія этихъ букварей, то оно вполнѣ соотвѣтствовало общему направленію школы, и подборъ матеріала свидѣтельствуетъ, что главная цѣль, имѣвшаяся въ виду при обученіи грамотѣ въ допетровской Руси, было исключительно — религіозно-православное воспитаніе: міряне знакомились по букварю съ молитвами, церковною службою и нравственными требованіями, а для учащихся изъ духовнаго званія букварь служилъ первою ступенью для приготовленія къ церковно-служебной должности.

Букварь Бурцева. Первые печатные буквари появились въ юго-западной Руси въ концѣ XVI столѣтія (въ 1596 году, въ Вильнѣ), въ Москвѣ же первый печатный букварь былъ изданъ въ 1634 году, приписываемый патріаршему дьячку и справщику печатнаго двора, Василію Бурцеву и прочимъ сработникамъ. Этотъ букварь, составленный по образцу юго-западныхъ алфавитарій, содержитъ въ себѣ буквы, склады, названія буквъ, числа, знаки надстрочные и препинанія и нѣкоторыя грамматическія правила

(измѣненія глаголовъ и склоненія именъ); затѣмъ шли изреченія, относящіяся къ жизни и ученію Іисуса Христа, заповѣди, ученіе о вѣрѣ, притчи, наставленія къ дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а потомъ къ родителямъ; въ обращеніи къ послѣднимъ рекомендуются наказанія: „къ вамъ же, отцы и учители, тако глаголемъ: не отымай отъ дѣтища твоего казнее: безуміе бо есть привязано въ сердцы отрочате. Жезломъ же наказанія изжениши его; дѣтищу, иже даютъ волю его, напослѣдокъ посрамитъ матерь свою, аще ли накажите жезломъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ біеши его, душу же его отъ ада избавиши". Въ заключеніе, сказаніе — „како св. Кириллъ Философъ состави азбуку". Въ послѣсловіи Бурцевъ объясняетъ, почему у насъ было презрѣніе къ иноземцамъ: „невѣрніи языцы... отъ праваго пути отступиша и св. Крещенія и апостольскаго ученія не пріяша, но вослѣдъ чюждихъ боговъ поидоше, и сами себѣ законы, и обычаи, и грамоты изложиша; иніи же отъ еретикъ научени быша, и божественное писаніе развратиша, того ради и до днесь, яко во тмѣ невѣдѣнія, ходятъ. Нашъ же христіанскій родъ помилова Господь своею милостью и почте насъ славою и честію, паче всѣхъ языкъ, аще прежде и языцы бѣхомъ, но Его, Творца нашего и Владыки всѣхъ, паки помиловани быхомъ и сподобихомся отъ Него истинному богоразумію и пріяхомъ сѣмя благочестія". По мѣрѣ же возраставшей потребности въ образованіи и устройствѣ школъ, и буквари появляются чаще и получаютъ большее распространеніе. Такъ, во второй половинѣ XVII столѣтія у насъ распространяются буквари, изданные въ Вильнѣ, Львовѣ и Кіевѣ, а также появляются буквари московскаго изданія, какъ напримѣръ, Букварь 1664 года, изданный по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и московскій букварь Симеона Полоцкаго, изданный въ 1679 году, по повелѣнію царя Ѳеодора Алесѣевича, которые по своему духу и направленію сходны съ юго-западными алфавитаріями и, кромѣ азбуки и складовъ, содержатъ въ себѣ статьи религіозно-нравоучительнаго содержанія.

Букварь Полоцкаго. Букварь Полоцкаго, согласно обычаю, усвоенному имъ въ Кіевской коллегіи, начинается стихами, обращенными къ юношамъ „учитися хотящимъ". Въ этомъ стихотвореніи Симеонъ, убѣждая къ ученію, говоритъ:

„Отроча юный отъ дѣтства учися,
Письмена знати и разумъ, потщися:

Не возлѣнися трудовъ положити...
Аще ся видитъ досадно, труждати,
Но сладко плоды трудовъ собирати".

За предисловіемъ слѣдуетъ „благословеніе отрокомъ во училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ", гдѣ предписывается, чтобы: „родителіе, чада своя ученію божественныхъ писаній хотящіи вдати, должны суть отъ церковныхъ молитвъ начинати", почему передъ началомъ ученія дитя должно быть приведено въ церковь, гдѣ священникъ совершаетъ надъ нимъ особую службу. Затѣмъ уже слѣдуетъ самый букварь, общее содержаніе котораго раздѣляется на три части. Первая составлена изъ статей, излагающихъ основныя начала христіанской вѣры (Символъ Никео-Цареградскій, Символъ преосвященнаго Аѳанасія, Бесѣда о православной вѣрѣ и проч.). Вторая часть, нравоучительная, содержитъ въ себѣ правила христіанской жизни (Десятисловіе, Заповѣди Христа о любви къ Богу и ближнимъ, Девять блаженствъ, Молитвы повседневныя и проч.). Наконецъ, третью часть составляютъ статьи, имѣющія практическое значеніе: — „Просодія верхняя, или ударенія гласа, яже употребляютъ славяне", строчныя препинанія, числа и привѣтства „къ родителю и благодѣтелю на важнѣйшіе праздники". Въ стихотворномъ „увѣщаніи", помѣщенномъ въ заключеніи, даются наставленія букваря относительно средствъ старинной системы воспитанія—розги, бича и жезла:

„Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ,
И волю злую ко благу прелагаетъ".

Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ, и рѣдкое предисловіе или послѣсловіе учебной книги оставалось безъ этой угрозы, и лоза, розга и жезлъ были любимыми темами, надъ которыми изощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ отношеніи предки. Но изъ этого мы не въ правѣ заключать, что въ древне-русскомъ обученіи преобладала жестокость и неумѣренно суровое обращеніе съ учениками: суровость выражалась искусносплетенными виршами, и каждый „списатель" учебника фантазировалъ на эту тему; однако это было простое словесное устрашеніе. Насколько позволяетъ судить литература по этому предмету, суровость въ школахъ водворилась съ XVIII вѣка, въ свѣтскихъ школахъ благодаря учителямъ нѣмцамъ

и другимъ иностранцамъ, равно и составителямъ регламентовъ, а въ духовныхъ благодаря малороссамъ, на которыхъ также вліялъ Западъ.

Букварь Истомина. Въ концѣ XVII вѣка іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ издалъ нѣсколько букварей, довольно полно обнимающихъ начальный курсъ обученія. Одинъ изъ этихъ букварей (1692 г.) состоитъ, главнымъ образомъ, изъ различныхъ выгравированныхъ изображеній (куншты, почему и азбука съ картинами называлась кунштованною), заимствованныхъ, вѣроятно, изъ западныхъ изданій и представляющихъ случайный подборъ изображеній предметовъ, названія которыхъ напоминали собою звукъ извѣстной буквы. Картины эти имѣли цѣлью наглядность обученія: „подъ всякимъ же писменемъ", говоритъ Истоминъ, ради любезнаго созерцанія, отрочамъ учащимся предложены виды во удобное званіе въ складѣ: да что видитъ, сіе и назоветъ слогомъ писмене достолѣпнаго начертанія тѣхъ, яко А—Адамъ, алекторъ, аспидъ и т. д.". Слѣдовательно, наглядность получаетъ у насъ свое педагогическое значеніе при обученіи уже въ XVII столѣтіи.

Хотя смѣсь и разнохарактерность картинъ, безсвязный наборъ виршъ, затѣйливое изображеніе буквъ различныхъ шрифтовъ и отсутствіе всякаго матеріала для чтенія подводятъ буквари Истомина подъ общій типъ букварей этой эпохи, но они во всякомъ случаѣ обращаютъ на себя вниманіе, какъ содержащіе въ себѣ грамматическія объясненія и вводящіе наглядность въ обученіи.

Букварь Лихудовъ. Отъ конца же этого вѣка извѣстенъ рукописный букварь подъ заглавіемъ: „Преднаказаніе дѣтей", приписываемый Лихудамъ, который выдѣляется изъ ряда тогдашнихъ букварей своею раціональною постановкою обученія. Въ немъ указывается на звуковое обученіе чтенію: „подобаетъ коеждо писмя глаголати, яко оно гласъ свой творитъ, и якоже гласъ его есть, сице и звати тое, по гласу его... ѣ, гласное же мягко, глаголати достоитъ, яко іе, а не ять, и учити глаголати тое, яко гласъ свой творитъ, не прилагая писменъ, согласнаго т и припряжно гласнаго ь, ниже гласъ его измѣняя во инъ гласъ". Особенно разработана въ этомъ букварѣ фонетика и графика, правила и формы славянской рѣчи, разумно понята авторомъ цѣль обученія грамотѣ—какъ подготовка дѣтей къ самостоятельному и дальнѣйшему образованію; для упражненія дѣтей въ чтеніи предлагаются складно и толково обработанные нравоучительные стихи, замѣнявшіе собою

начальную учебную книжку послѣ букваря; для учителя же предлагались многіе, уясненные примѣрами, дидактическіе совѣты. Главное достоинство этого букваря то, что авторъ не увлекался южно-русскими букварями, подборъ матеріала сдѣланъ самостоятельно, и вездѣ проявляется самостоятельное воззрѣніе автора на школьное дѣло. Хотя и этотъ букварь не изъятъ многихъ недостатковъ, хотя и въ немъ наказаніе и розга считаются однимъ изъ главныхъ средствъ для возбужденія охоты къ ученію, но во многихъ отношеніяхъ, особенно же по указанію на звуковой методъ—этотъ букварь могъ значительно подвинуть дѣло обученія грамотѣ, если бы только продолжали слѣдовать сдѣланнымъ въ немъ указаніямъ.

Свѣдѣнія изъ грамматики. Познанія грамматическія въ допетровской Руси были довольно скудны; Максимъ Грекъ, занимавшійся исправленіемъ въ нашихъ книгахъ ошибокъ, вкравшихся, главнымъ образомъ, отъ незнанія грамматики, говоритъ о ней, какъ о наукѣ, уразумѣваемой съ величайшимъ трудомъ. За свою попытку исправлять грамматическія неправильности, Максимъ Грекъ подвергся преслѣдованію и тяжкимъ испытаніямъ. Первыя грамматики приходятъ къ намъ съ юго-запада (Зизанія и Смотрицкаго), и въ 1648 году перепечатывается въ Москвѣ грамматика Мелетія Смотрицкаго съ прибавленіемъ особаго введенія и слова Максима Грека о пользѣ ея, а также извлеченія изъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Съ появленіемъ азбуковниковъ и букварей въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, дѣлаются и грамматическія поясненія, но все это были еще зачатки, грамматическія правила не всегда примѣнялись къ дѣлу.

Относительно обученія грамматикѣ г. Мордовцевъ говоритъ слѣдующее: „Въ нашихъ допетровскихъ школахъ преимущественное вниманіе обращалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на изученіе правилъ и свойствъ славянскаго языка, и вообще на то, что мы называемъ словесностью въ обширномъ смыслѣ, т. е. собственно какъ понимали это слово въ нашей старой Руси; конечно, на первомъ планѣ были божественныя книги; но и знаніе грамматики сильно занимало умы. Не надо забывать при этомъ, что объемъ грамматики былъ гораздо обширнѣе того, въ какомъ принято понимать ее въ настоящее время: извѣстно, что чѣмъ больше развивается какая-либо наука, тѣмъ болѣе дробится она на отдѣльныя части, и каждая часть, въ свою очередь, становится почти само-

стоятельной наукой. Изъ семи свободныхъ искусствъ, изъ семи, если можно такъ выразиться, наукъ, которыя были въ древности достоянiемъ человѣческаго разума, развилось теперь столько отдѣльныхъ отраслей, столько независимыхъ наукъ, что число ихъ становится даже невѣроятнымъ. Наши отцы подъ словомъ „грамматика" разумѣли очень многое и требовали отъ грамматики всего, чему учитъ теперь вся теорiя словесныхъ наукъ; и потому съ изученiемъ грамматики соединяли они и риторику, и стилистику, и даже пiитику.

По всей вѣроятности, на грамматику обращали преимущественное вниманiе,—и это очень естественно, оттого въ нашемъ сборникѣ, между разными азбуковниками и руководствами, попадается очень много грамматическихъ отдѣловъ, и притомъ очень различнаго содержанiя. Въ числѣ ихъ видимъ мы большiя выписки изъ грамматики Смотрицкаго съ означенiемъ на поляхъ листовъ ея изданiя; на основанiи этихъ выписокъ можно полагать, что руководство грамматики Смотрицкаго не было чуждо и нашимъ великороссiйскимъ школамъ. Что же касается до училищъ юго-западной Россiи, то тамъ, конечно, грамматика Смотрицкаго была на своемъ мѣстѣ, потому что тамъ и ея родина. Кромѣ Смотрицкаго, въ азбуковникахъ находятся отдѣлы изъ грамматикъ неизвѣстныхъ сочинителей".

Математическiя познанiя. Хотя уже въ XII столѣтiи упоминается о „числолюбцахъ" и позже имѣются извѣстiя (Олеарiй) о томъ, что и между русскими были люди, знакомые съ математическими науками, но эти математическiя знанiя черпались не изъ школы, а отъ другихъ знающихъ людей или изъ письменныхъ книгъ. Математическiя вычисленiя производились, главнымъ образомъ, лишь примѣнительно къ церковнымъ потребностямъ для вычисленiя переходящихъ праздниковъ, и въ этомъ отношенiи исторiя представляетъ примѣры знатоковъ пасхалiи и счетной мудрости. Первые примѣры вычисленiй въ нашей старой письменности находятся въ сочиненiи монаха Кирика, жившаго въ первой половинѣ XII вѣка. Онъ былъ дiакономъ и уставщикомъ Новгородскаго Антонiевскаго монастыря. Въ его сочиненiи: „Ученiе имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ" находятся вычисленiя числа „вѣковъ мiра" отъ Адама, ученiе объ индиктѣ, о солнечномъ и лунномъ кругѣ, опредѣленiе числа високосныхъ годовъ, обозначенiе дня Пасхи, продолжительность Петрова поста и проч. Затѣмъ памятникомъ развитiя мате-

матическихъ знаній на Руси служатъ нѣкоторыя статьи изъ „Русской Правды“, предметъ которыхъ составляютъ различныя хозяйственно-экономическія вычисленія. За все время владычества монголовъ не имѣется ни одного сочиненія, хоть сколько-нибудь соприкасающагося съ математикою. Лишь съ конца XV столѣтія встрѣчаются вычисленія пасхаліи, сдѣланныя митрополитомъ Зосимою и въ особенности новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ. Многіе изъ послѣдующихъ духовныхъ лицъ продолжали таблицы Геннадія на слѣдующіе годы. Съ XVI столѣтія проникаютъ къ намъ нѣкоторыя математическія сочиненія западныхъ, но уже устарѣлыхъ для того времени, писателей, какъ, напримѣръ, въ одномъ Новгородскомъ Сборникѣ приводятся вычисленія Исидора Севельскаго, жившаго въ VII столѣтіи. Въ теченіе XVII столѣтія въ Россіи издано было математическое сочиненіе, напечатанное въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Считаніе удобное, которымъ всякій человѣкъ купующій или продающій зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи“. Сочиненіе это, какъ указываетъ самое заглавіе, имѣло чисто практическую цѣль для счетныхъ и торговыхъ дѣлъ. Въ рукописяхъ же XVII столѣтія впервые встрѣчается курсъ математики, содержащій въ себѣ первыя четыре ариѳметическія правила, именованныя числа, примѣры изъ тройного правила и товарищества; курсъ этотъ, вѣроятно, переведенъ или передѣланъ изъ какого-либо западнаго руководства. Одинъ экземпляръ этого рукописнаго руководства подъ заглавіемъ: „Книга, глаголемая ариѳметика, пятая изъ седми мудростей науки“, отличается тѣмъ, что въ началѣ имѣется увѣщаніе и предисловіе переписчика, написанныя стихами. Многія статьи этого руководства были впослѣдствіи заимствованы математикомъ Магницкимъ для составленной имъ извѣстной ариѳметики. Такъ какъ труды Кирика и „Русская Правда“—новгородскаго происхожденія, то можно сказать, что развитіе и распространеніе математическихъ знаній на Руси началось съ Новгорода. Для большинства русскихъ людей эти знанія не представляли самостоятельнаго интереса, но имѣли значеніе лишь по своей приложимости къ цѣлямъ церковнымъ, юридическимъ и торговымъ. Въ элементарныхъ училищахъ допетровской Руси математическія познанія ограничивались счисленіемъ. Судя же по упомянутымъ учебникамъ должно заключить, что у насъ нѣкоторые изучали тройное правило и правило товарищества. Со введеніемъ грамотности, письмо чиселъ совершалось по греческому образцу славян-

скими буквами, и это продолжалось до временъ Петра Великаго. Такъ какъ количества буквъ въ славянскомъ алфавитѣ хватило на изображеніе единицъ (отъ *а* до *и* съ прибавленіемъ *ѳ)*, десятковъ (отъ *і* до *п* съ прибавленіемъ *ч)* и сотенъ (отъ *р* до *ѡ* съ прибавленіемъ *ц)*, а дальше уже приходилось прибѣгать къ условнымъ знакамъ, то для обозначенія тысячъ прибавляли къ каждой буквѣ знакъ ҂, для десятковъ тысячъ ставили тѣ же буквы въ кругѣ, для сотенъ тысячъ—въ кругѣ изъ точекъ, для милліоновъ—въ кругѣ изъ черточекъ и т. д. Пользованіе особыми знаками для большихъ чиселъ представляло большое затрудненіе. Ближайшими практическими нуждами опредѣлился и составъ дальнѣйшихъ математическихъ знаній. Изъ четырехъ правилъ ариѳметики употреблялись на практикѣ преимущественно сложеніе и вычитаніе. Единственными употребительными на практикѣ дробями были: половина, четверть и треть, пол-четверти и пол-трети, пол-пол-четверти и пол-пол-трети и т. д. Всякую другую дробь старались выразить приблизительно путемъ механическаго сопоставленія перечисленныхъ дробей. Хотя уже арабскія цифры стали появляться въ славянскихъ книгахъ, напечатанныхъ за границею, въ Венеціи и въ Римѣ, съ 1611 г. а въ 1647 году издана была первая книга съ арабскими цифрами въ московской типографіи, но въ общее употребленіе арабскія цифры у насъ вошли только съ эпохи Петра Великаго.

Свѣдѣнія изъ географіи, космографіи и естествознанія. Физіологъ. Свѣдѣнія изъ географіи, космографіи и естествознанія не входили въ кругъ образовательныхъ предметовъ въ допетровской школѣ. Хотя любознательные и любопытные грамотеи иногда и стремились найти разъясненіе того или другого интересовавшаго ихъ вопроса изъ области этихъ наукъ, но за неимѣніемъ сочиненій по этой части сколько-нибудь съ современнымъ научнымъ характеромъ, получаемыя ими свѣдѣнія отличались скудостію, отсталостью, часто вымысломъ съ присоединеніемъ легендарныхъ и измышленныхъ разсказовъ, нерѣдко возбуждавшихъ даже суевѣріе; къ подобнымъ книгамъ, распространявшимъ такія знанія, принадлежатъ и переведенные съ греческаго книги подъ заглавіемъ: „Хронографы“, „Апокрифы“, „Пчела“, „Травники“, „Зелейники“ и проч.

Когда въ XVII столѣтіи чрезъ посредство юго-западной Руси начинаетъ проникать къ намъ западное просвѣщеніе, тогда появляются переводы нѣкоторыхъ западныхъ космографій. Космографіи,

предлагавшія преимущественно географическія свѣдѣнія, переводятся съ латинскаго и польскаго языка и извѣстны только въ спискахъ. Такъ какъ подлинники, съ которыхъ дѣлались переводы, представляли неточныя и часто уже отжившія относительно того времени свѣдѣнія, то естественно, что географическія познанія нашихъ предковъ были весьма далеки отъ дѣйствительности; тѣмъ болѣе, что русскіе никогда не предпринимали путешествій на Западъ, за исключеніемъ только отдѣльныхъ официальныхъ лицъ, отправлявшихся въ качествѣ пословъ по политическимъ цѣлямъ. Изъ восточныхъ странъ наши предки знали только святыя мѣста, куда издревле нерѣдко предпринимались путешествія съ паломническою цѣлью; при этомъ грамотные паломники, чтобы сохранить въ памяти все видѣнное и прочувствованное и передать это потомству—тщательно вели подробныя записи, изъ которыхъ нѣкоторыя и въ наше время пользуются значеніемъ. Что же касается другихъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ, то объ нихъ наши предки не имѣли точныхъ свѣдѣній. Хотя отдѣльныя личности изъ русскихъ и отваживались пускаться въ дальнія путешествія на востокъ и на сѣверъ, даже проникали впервые туда, куда не доходилъ еще ни одинъ изъ европейцевъ, но имена ихъ утратились для науки, и честь открытія посѣщенныхъ ими земель и проложенныхъ путей пала на долю иноземцевъ, умѣвшихъ придать своимъ путешествіямъ научное и практическое значеніе. По астрономіи точно такъ же, какъ и по космографіи, наши предки тоже не имѣли научныхъ познаній. Лишь въ XVII столѣтіи въ одной изъ космографій, переведенной Епифаніемъ Славинецкимъ и его сотрудниками, находится впервые вѣрное изложеніе системъ Птоломея и Коперника.

Тотъ запасъ естественно-историческихъ свѣдѣній, который существовалъ до кіевскаго вліянія, пришелъ на Русь изъ Византіи въ томъ видѣ, въ какомъ сложился въ первые вѣка христіанства. Уже въ III вѣкѣ по Р. Х. былъ извѣстенъ сборникъ свѣдѣній о звѣряхъ и каменьяхъ, получившій позже названіе „Физіолога“. Въ основѣ этого сборника лежатъ наблюденія, сдѣланныя еще классическими авторами. Но выборка этихъ наблюденій составляется христіанскими писателями съ спеціальной цѣлью—сопоставить ихъ съ текстами изъ священнаго писанія и подготовить такимъ образомъ матеріалъ для христіанской литературы и искусства. При такомъ сопоставленіи образы звѣрей, часто и сами по себѣ

фантастическіе (напримѣръ, единорогъ), получаютъ символическое значеніе. Благодаря такому характеру „Физіолога“, его сказанія съ самаго ранняго времени нашли обширное примѣненіе въ христіанскомъ творчествѣ. Отцы Церкви употребляли ихъ въ своихъ описаніяхъ сотворенія міра; воспользовался этими сказаніями и сокращенный разсказъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ, извѣстный подъ названіемъ Толковой Палеи. И Шестодневы и Палея—все это были глубоко уважавшіяся на Руси произведенія греческой религіозной литературы; въ ихъ сообществѣ перешелъ къ намъ и „Физіологъ“, но судьба „Физіолога“ у насъ и на Западѣ была совершенно разная. У насъ физіологъ раздѣлилъ судьбу многихъ другихъ произведеній, перешедшихъ изъ Византіи.

Перенесенный къ намъ, вѣроятно, въ готовомъ переводѣ, черезъ посредство южныхъ славянъ, „Физіологъ“ до XVI вѣка пролежалъ безъ движенія, извѣстный очень немногимъ. Поэтому онъ и сохранился всего въ трехъ полныхъ экземплярахъ и не оказалъ никакого вліянія ни на богословскую, ни на проповѣдническую литературу. Южно - русскіе ученые, наѣхавшіе въ Москву въ XVII вѣкѣ, пользовались уже не старымъ „Физіологомъ“, а той новой формой „Физіолога“, которую принялъ этотъ сборникъ на Западѣ—формой средневѣкового „Бестіарія“. Но и византійскій „Физіологъ“ не отбрасывается просто въ сторону; за него продолжала крѣпко держаться партія національной старины—старовѣры; но, кромѣ того, является среднее теченіе, которое стремится удовлетворить новымъ запросамъ, не обращаясь къ новымъ источникамъ. Это среднее направленіе беретъ „Физіологъ“, какъ онъ былъ, но выбрасываетъ изъ него всѣ символическія толкованія, сохраняя только часть зоологическую и минералогическую. Само собою разумѣется, что ни это исправленное изданіе „Физіолога“, ни даже западный „Бестіарій“ не могли вернуть естественно - историческихъ знаній на тотъ путь реализма, на которомъ когда-то стояла классическая наука, и на который стремилась стать наука новой Европы. Достаточно пересчитать животныхъ, вошедшихъ въ „Физіологъ“, чтобы увидать, что элементъ чудеснаго, баснословнаго былъ уже въ самомъ выборѣ ихъ, а не только въ нравоучительныхъ толкованіяхъ ихъ „естества“.

Историческія свѣдѣнія. Лѣтопись. Степенныя книги. Разрядныя записки. Куранты. Хроника Софоновича. Синопсисъ. До XVII столѣтія у насъ не было другихъ источниковъ для изу-

ченія исторіи своего отечества, кромѣ лѣтописей, которыя велись въ монастыряхъ книжными монахами, отмѣчавшими погодно событія своего отечества. Первая наша лѣтопись, древнѣйшій памятникъ которой восходитъ къ XI столѣтію, приписывается иноку черноризцу Кіевскаго Печерскаго Ѳеодосіева монастыря преподобному Нестору. Состоя изъ погодныхъ записей, городскихъ и монастырскихъ, изъ отдѣльныхъ историческихъ сказаній, офиціальныхъ документовъ и изъ древнихъ греческихъ хронистовъ, лѣтопись Нестора послужила основаніемъ для всѣхъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, которые стали составляться и въ другихъ русскихъ городахъ; каждый центръ русской земли имѣлъ свои мѣстныя лѣтописи, въ которыхъ, начиная Несторомъ, продолжались записи о событіяхъ своего края; каждый городъ имѣлъ свой сборникъ лѣтописи, въ основу котораго полагался „Временникъ" Нестора. Такимъ образомъ, кромѣ древнѣйшей Кіевской лѣтописи, возникли лѣтописи: Новгородская, Ростовская, Суздальская, Тверская, Московская и др. Продолжатели Нестора вели лѣтописное дѣло въ томъ же духѣ и направленіи, какъ его началъ Несторъ. Съ возвышеніемъ Москвы, мѣстная Московская лѣтопись превращается въ обще-государственную всероссійскую и получаетъ офиціальный складъ.

Иногда изъ лѣтописей дѣлались выписки по княженіямъ и царствованіямъ, такъ называемыя — „степенныя книги". Въ XVII вѣкѣ лѣтопись начинаютъ замѣнять „разрядныя записки", которыя велись дьяками, отмѣчавшими придворныя событія и служебную дѣятельность бояръ. Иногда изъ лѣтописей, для историческихъ справокъ, дѣлались сокращенія и выборки, къ которымъ прибавлялись генеалогическія таблицы съ „персонами", т. е. съ портретами государей, съ ихъ родословною, гербами и проч. Въ XVII в. появились и первыя русскія газеты — „куранты", въ которыхъ помѣщались извѣстія изъ иностранныхъ газетъ объ европейскихъ событіяхъ; эти куранты были рукописные и предназначались только для Двора.

Въ XVII столѣтіи появилась Хроника Софоновича, представляющая сокращенныя лѣтописи, съ риторическими прикрасами и дополненіями изъ другихъ источниковъ. Позже въ 1674 г., напечатанъ въ Кіевѣ сборникъ изъ разныхъ сказаній по русской исторіи, подъ названіемъ „Синопсиса". Этотъ сборникъ, выходившій нѣсколькими изданіями съ новыми прибавленіями, былъ весьма рас-

пространенъ, и до появленія „Краткаго Лѣтописца“ (въ 1760 г.) Ломоносова, былъ единственнымъ печатнымъ руководствомъ по русской исторіи. Кромѣ того, въ старой письменности существовало значительное число сказаній въ видѣ историческихъ записокъ современниковъ; къ таковымъ относятся: сочиненіе князя Курбскаго о царствованіи Іоанна Грознаго (въ XVI в.), „Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ“ Авраамія Палицына, записка о Россіи Котошихина, бывшаго подьячаго Посольскаго приказа и бѣжавшаго потомъ въ Швецію, и др.

Царственныя книги. Въ царскомъ быту обученіе картинками имѣло свой правильный составъ; оно заключалось въ „царственныхъ“ и „потѣшныхъ“ книгахъ. Отечественную исторію дѣти узнавали изъ царственныхъ книгъ, которыя заключали въ себѣ изложеніе отечественныхъ лѣтописей, составленное преимущественно для картинокъ и украшенное ими во множествѣ, такъ что самый текстъ царственныхъ книгъ въ сущности составлялъ только подписи къ рисованнымъ изображеніямъ. Царственныя книги, хотя и не вполнѣ, сохранились до нашего времени и были изданы въ прошедшемъ столѣтіи княземъ Щербатовымъ подъ названіемъ собственно „Царственной книги“ (1769), „Царственнаго лѣтописца“ (1772) и „Древняго лѣтописца“, въ двухъ частяхъ (1774). Все это составляло нѣкогда одно цѣлое и служило, какъ „Книга Царственная“, превосходнымъ руководствомъ для дѣтей, которыя по картинкамъ наглядно изучали здѣсь русскую исторію, знакомились съ замѣчательными событіями, съ лицами нашей древности.

Вообще нужно замѣтить, говоритъ г. Забѣлинъ, что обученіе посредствомъ картинокъ было весьма обыкновеннымъ пріемомъ нашей древней педагогіи. Такой методъ, какъ извѣстно, былъ употребленъ и въ первоначальномъ обученіи Петра Великаго. Крекшинъ пишетъ, что „Зотовъ доносилъ великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ, что государь царевичъ одаренъ отъ Бога разумомъ и охотою ученія и въ праздное время имѣетъ забаву къ слушанію исторіи, и часто изволилъ смотрѣть книги съ кунштами зданій и взятіе городовъ и боевъ и прочихъ наукъ, чтобы соблаговолила искусныхъ мастеровъ и знающихъ истину опредѣлить, а государь царевичъ одаренъ отъ Бога разумомъ и охотою ученія и въ праздные часы вмѣсто забавъ, по природной своей остротѣ разума, охотою можетъ обучиться“.

Такія царственныя книги упоминаются еще въ 1639 году во

время ученія царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ году изъ Казеннаго приказа отдано было въ Оружейный приказъ „пять книгъ царственныхъ, знаменные въ лицахъ". Можетъ быть книги эти отданы были для возобновленія иконописцамъ, которые находились въ вѣдомствѣ Оружейнаго приказа. Къ этому же отдѣлу живописныхъ книгъ должно отнести и нѣкоторыя сочиненія духовнаго и церковно-историческаго содержанія, которыя также великолѣпно украшались картинками, безъ сомнѣнія, для назидательнаго чтенія какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ. Такъ, въ 1663 году царевичу Θеодору Алексѣевичу была написана книга, „а въ ней писаны житія Алексѣя человѣка Божія, да Маріи Египетскіе, да житіе царевича Іосафа въ лицахъ, въ десть". Въ числѣ книгъ первоначальнаго чтенія находимъ также и библейскія притчи. Такъ, въ 1693 г. иконописецъ Тихонъ Ивановъ писалъ для царевича Алексѣя Петровича въ тетрадехъ, въ полдести, притчи изъ Библіи о царѣ Давыдѣ и Версавіи, да о Едемѣ сладости.

Потѣшныя книги. Но еще болѣе любопытны такъ называемыя „Книги потѣшныя", которыя были двухъ родовъ. Такъ, однѣ потѣшныя книги представляли нѣчто похожее на живописную энциклопедію, содержаніе которой условливалось небогатыми средствами тогдашняго образованія; но по своему практическому здравому направленію эти книги занимаютъ, по мнѣнію Забѣлина, первое мѣсто въ кругу тѣхъ скудныхъ пріемовъ древней педагогіи, которые употреблялись въ первоначальномъ обученіи. Изъ этихъ книгъ малолѣтные царевичи почерпали простыя, но въ высшей степени полезныя свѣдѣнія о самыхъ простыхъ, ежедневныхъ предметахъ, даже о такихъ, которые, можетъ быть, не всегда могли бы и встрѣтиться имъ въ жизни. Напримѣръ, о томъ, какъ пашутъ, боронуютъ, сѣютъ, жнутъ, какъ мѣсятъ и въ печь сажаютъ хлѣбы и т. п. Разумѣется, духъ тогдашняго образованія отражался и здѣсь и вносилъ въ эти книги, вмѣстѣ съ изображеніями морского человѣка и морской дѣвицы, разныя басни и разсказы о чудесахъ, которыя почерпались изъ древнихъ космографій.

До насъ не дошли подлинники этихъ потѣшныхъ книгъ, или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ они еще не открыты; но зато мы можемъ имѣть самыя подробныя свѣдѣнія о нихъ изъ описанія одной такой книги, приготовленной для одиннадцати-лѣтняго сына царя Алексѣя Михайловича, царевича Алексѣя Алексѣевича въ 1664 г. Это описаніе есть не что иное какъ офиціальная роспись

тѣхъ предметовъ, которые должны были составить потѣшную книгу, и приготовленіе которыхъ было распредѣлено по этой росписи между нѣсколькими иконописцами съ означеніемъ, кому именно и что писать. Сначала въ росписи помѣщены рисунки военнаго быта, затѣмъ слѣдуетъ переходъ къ городу и указываются нѣкоторые предметы гражданскаго быта и птичья охота, за которою идетъ рядъ изображеній птицъ и звѣрей, замѣчательныхъ въ естественномъ отношеніи или полезныхъ въ быту человѣческомъ. Потомъ изображается море съ кораблями и китовымъ промысломъ, рѣка и ловля жемчуга и, наконецъ, судна военныя, дающія понятіе о флотѣ. Далѣе слѣдуетъ этнографическій отдѣлъ. Въ картинкахъ, помѣщенныхъ послѣ этого отдѣла, представлена звѣриная и псовая охота. Книга заключается изображеніями, относящимися къ сельскому хозяйству, и статьею о дѣтяхъ, ихъ ученьи и забавахъ. Подобнымъ же образомъ, хотя и сокращеннѣе, составлялись и другія потѣшныя книги этого разряда.

Другого рода потѣшныя книги имѣли цѣлію доставить дѣтямъ легкое и интересное чтеніе. Поэтому сюда входили разныя исторіи и повѣсти, извѣстныя подъ именемъ сказокъ; повѣсти эти были написаны почти всегда въ лицахъ, т. е. съ картинками. Образцами ихъ могутъ служить такъ называемыя лубочныя сказки. Едва ли не всѣ эти сказки были въ XVII столѣтіи потѣшными книгами и составляли въ царскомъ быту одно изъ самыхъ обыкновенныхъ развлеченій, не только для дѣтей, но и для взрослыхъ.

Языкознаніе. Вслѣдствіе недовѣрія русскихъ къ западнымъ иноземцамъ и отчужденія отъ нихъ, естественно, знаніе западно-европейскихъ языковъ не считалось нужнымъ, и иностранцы, посѣщавшіе Россію, упоминаютъ въ своихъ запискахъ о томъ, что знаніе русскими иностранныхъ языковъ большая рѣдкость. Изъ переводныхъ сочиненій у насъ имѣлись только книги съ греческаго языка, а переводы съ латинскаго и польскаго появляются лишь въ XVII столѣтіи чрезъ посредство юго-западной Руси. Оттуда же пришли къ намъ и первые лексиконы—„Лексиконъ Словено-Россійскій и именъ толкованіе“, напечатанный въ Кіевѣ въ 1627 году; въ описяхъ книгъ царевича Алексѣя Алексѣевича значатся лексиконы славяно-греческій и латино-славянскій; также составленъ латино-славянскій лексиконъ Епифаніемъ Славинецкимъ. Въ школахъ производилось лишь изученіе церковно - славянскаго и греческаго языка, съ появленіемъ же Симеона Полоцкаго въ Спасской школѣ препо-

давался латинскій языкъ. Хотя въ ново-учрежденномъ въ Москвѣ высшемъ училищѣ, академіи, преподавался также латинскій языкъ, но онъ занималъ второстепенное мѣсто, а главными языками были славянскій и греческій. Въ юго-западной Руси, въ братскихъ школахъ, главнымъ значеніемъ пользовался славянскій и греческій языки, а латинскій и польскій занимали второстепенное мѣсто; въ высшемъ же южно-русскомъ училищѣ, Кіево - Могилянской академіи, первенствующимъ языкомъ былъ латинскій, на которомъ излагались учебные предметы, писались учебники, говорились рѣчи, велись диспуты, даже учащіеся должны были употреблять латинскій языкъ въ разговорѣ между собою.

Новѣйшіе языки вовсе не были предметомъ изученія, и лишь въ XVII столѣтіи въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества стали заниматься польскимъ языкомъ, а братья Лихуды въ концѣ XVII столѣтія обучали частнымъ образомъ желающихъ латинскому и итальянскому языкамъ.

Свѣдѣнія о полномъ составѣ тогдашней науки, т. е. о седми свободныхъ художествахъ, появились у насъ, говоритъ г. Забѣлинъ, кажется, не ранѣе конца XVII столѣтія. Около этого времени переведена была небольшая статья, или „Книга, избранная въ кратцѣ о девяти мусахъ и о седми свободныхъ художествахъ“, въ которой представляется характеристика этихъ художествъ, соотвѣтственно тогдашнимъ понятіямъ о нихъ. Послѣ краткаго описанія девяти музъ, авторъ переходитъ къ обозрѣнію свободныхъ художествъ: первое—грамматика, сирѣчь писменица, второе — риторика, третье—діалектика, яже и логика нарицается, четвертое — ариѳметика, сирѣчь числительница, пятое — мусика, сирѣчь пѣснствованіе, шестое—геометрія, сирѣчь земномѣріе, седьмое—астрологія, сирѣчь звѣздословіе. Краткими характеристиками этихъ свободныхъ художествъ ограничивается все содержаніе упомянутой книги.

Такимъ образомъ, свѣдѣнія нашихъ предковъ изъ области вышесказанныхъ свѣтскихъ наукъ были весьма ограничены; тѣ же истинныя знанія, къ которымъ стремилась Русь съ самаго начала своего духовнаго просвѣщенія, которыми укрѣплялись и утверждались основы ея духовной и государственно-народной жизни, ея школы — имѣли своимъ источникомъ изученіе слова Божія и изученіе жизни и судебъ своего отечества. За весьма немногими исключеніями, все написанное и напечатанное на Руси въ допетровскую

эпоху имѣло своимъ содержаніемъ лишь эти два основные источника—слово Божіе и правдивыя лѣтописныя сказанія.

Общій характеръ и направленіе русской школы въ допетровскую эпоху. Такъ какъ главные водворители и двигатели образованія въ допетровской Руси заботились исключительно о религіозно-нравственномъ развитіи русскаго народа, то и все древнее воспитаніе и обученіе направлялось преимущественно къ этой цѣли: распространеніе и утвержденіе въ народѣ истинъ христіанской вѣры и правилъ христіанской нравственности, сохраненіе въ чистотѣ и неприкосновенности православія и русской народности—составляли главныя требованія духовной жизни русскаго народа, къ удовлетворенію которыхъ, кромѣ Церкви, стремилось и образованіе. Поэтому-то и все обученіе того времени какъ школьное, такъ и научное, имѣя главнымъ своимъ предметомъ изученіе слова Божія, отличалось церковно-религіознымъ направленіемъ. Такое направленіе въ образованіи не принадлежало исключительно какому-либо одному классу общества, но было всеобщимъ, для всѣхъ сословій и состояній. Начиная отъ великаго князя Владимира Святого, водворителя русскаго образованія, слово Божіе и при послѣдующихъ его преемникахъ, получаетъ главное значеніе при воспитаніи и обученіи членовъ какъ великокняжеской и царской, такъ и боярской семьи; поэтому-то чтеніе божественныхъ книгъ, изученіе св. писанія, твореній свв. отцовъ, церковное пѣніе, переводъ и переписываніе духовныхъ книгъ — уже искони сдѣлались любимыми ихъ занятіями. Нѣкоторые изъ царей настолько подробно и всесторонне освоились съ богословскими науками и съ изученіемъ православной вѣры, что обширностью и глубиною своихъ свѣдѣній изумляли западныхъ ученыхъ богослововъ; такъ, Іоаннъ Грозный въ своихъ диспутахъ съ католическими и протестантскими богословами, съ достоинствомъ защищая православіе, поражалъ ихъ силою своего слова и своихъ знаній. Духовное образованіе настолько было присуще царственной семьѣ, что все обученіе царевичей производилось главнымъ образомъ по божественнымъ и церковнымъ книгамъ. Царевичъ Алексѣй Михайловичъ, послѣ азбуки, на седьмомъ году, началъ учить часовникъ, черезъ пять мѣсяцевъ псалтырь, а затѣмъ апостольскія дѣянія. На восьмомъ году онъ учился пѣть октоихъ, а у подьячаго Григорія Львова—писать. На девятомъ году пѣвчіе дьяки—Иванъ Семеновъ да Михаило Осиповъ начали учить царевича старинному пѣнію.

Это же направленіе ярко выступаетъ и въ рѣчахъ, съ которыми государи обращались къ подданнымъ по тому или другому случаю: многія изъ ихъ рѣчей наполнены текстами изъ св. писанія, примѣрами изъ Евангелія и богословскими доводами. Такъ, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, высказывая свои побужденія, заставившія его уничтожить мѣстничество, приводитъ цѣлый трактатъ о христіанской любви, ея необходимости и значеніи въ христіанской жизни.

Когда же по мѣрѣ возникновенія сношеній съ западной Европой, а также чрезъ посредство кіевскихъ ученыхъ, изъ числа которыхъ Симеонъ Полоцкій былъ даже наставникомъ царевича Ѳеодора Алексѣевича и учителемъ царевны Софіи, начинаютъ проникать къ намъ нѣкоторыя западныя знанія, то въ программу обученія царевичей стали входить отчасти и свѣдѣнія изъ свѣтскихъ наукъ, но эти свѣдѣнія, отличаясь скудостью и неполнотою, имѣли лишь побочное значеніе и никогда не могли ослабить интереса къ церковно-богословскимъ наукамъ.

При Владимирѣ Святомъ и въ теченіе всего допетровскаго времени проводниками образованія въ народную массу были, главнымъ образомъ священники и лица духовнаго званія которыя, уже по своему пастырскому сану, сами не могли получить другого образованія, кромѣ церковно-религіознаго. Съ перваго основанія монастырей, въ нихъ водворяется духовное просвѣщеніе, а въ періодъ владычества монголовъ монастыри становятся главными разсадниками грамотности и книжнаго обученія и оставляютъ намъ въ наслѣдство многочисленные письменные памятники церковно-духовнаго образованія монаховъ. Ученость книжныхъ людей, философовъ, оцѣнивалась по степени изученія ими божественныхъ книгъ, которыя служили для нихъ единственнымъ источникомъ знанія и мудрости.

На какой высотѣ духовнаго просвѣщенія стояли наши святители и архипастыри, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные памятники нашей церковно - богословской литературы изъ всѣхъ эпохъ допетровской Руси, которые, составляя цѣнное сокровище нашего духовнаго достоянія, и понынѣ такъ же дѣйственны и живительны, какъ и въ то время, когда они писаны. Даже тѣ поученія, которыя были написаны въ первую зарю нашего духовнаго просвѣщенія, и теперь поражаютъ насъ силою и глубиною своего содержанія и красотами своего внѣшняго изложенія.

Съ учрежденія первой нашей школы и въ теченіе всего допетровскаго времени, народная масса училась у священниковъ и у лицъ причта въ школахъ, открываемыхъ преимущественно при церквахъ, или у учителей изъ мірянъ—„мастеровъ“; естественно, что священники и лица причта придавали своему обученію религіозный характеръ, равно какъ „мастера“ не знали другихъ книгъ, кромѣ божественныхъ. Въ возникшихъ въ XVII столѣтіи новыхъ училищахъ учителями были также лица изъ духовенства и ученые греки, которые вели дѣло обученія въ томъ же церковно-религіозномъ богословскомъ направленіи. Такимъ образомъ, начиная первыми нашими школами и кончая высшимъ московскимъ училищемъ, славяно-греко-латинскою академіей, обученіе находилось, главнымъ образомъ, въ рукахъ духовенства и отличалось церковно-религіознымъ и богословскимъ характеромъ. Хотя южно-русскимъ школамъ и угрожало западное вліяніе, но и тамъ какъ во всѣхъ братскихъ школахъ, такъ и въ высшемъ южно-русскомъ училищѣ, Кіево-Могилянской коллегіи, главнымъ и первенствующимъ предметомъ было усвоеніе и утвержденіе истинъ православной вѣры, изученіе книгъ св. писанія, ознакомленіе съ богословскими науками.

Такимъ же характеромъ отличались письменность, литература, а равно и всѣ книги допетровскаго времени. Библіотеки какъ царскія, такъ и монастырскія, состояли изъ книгъ церковно-религіознаго, нравственнаго, аскетическаго и богословскаго содержанія; даже памятники свѣтской письменности ясно отражаютъ духовно-религіозное образованіе ихъ авторовъ. Полученныя изъ Болгаріи на родномъ церковно-славянскомъ языкѣ, книги св. писанія, творенія св. отцовъ Церкви и вообще древнихъ церковныхъ писателей обусловили возникновеніе и нашей оригинальной письменности и уже съ первыхъ временъ придали ей церковно-религіозный богословскій характеръ. Этому содѣйствовало также вліяніе и византійской литературы, изъ которой дѣятельно заимствовались и переводились произведенія духовно-религіознаго содержанія. Что же касается произведеній греческой научной литературы и особенно греческаго классицизма, то они, какъ несоотвѣтствовавшія духовному настроенію русскаго народа, не дошли до насъ и остались совершенно намъ неизвѣстными. Самое учрежденіе въ Москвѣ типографіи служило лишь для распространенія книгъ священнаго писанія и религіозно-нравственныхъ; книгъ же свѣтскаго содержанія совершенно не печаталось. Хотя въ XVII

столѣтіи и появляются напечатанные въ Москвѣ буквари, но и тѣ по своему содержанію имѣли цѣлью не только научить грамотѣ, но и утвержденіе вѣры и христіанской нравственности; такимъ же направленіемъ отличались, какъ мы видѣли и азбуковники, служившіе для распространенія научныхъ знаній между учащимися.

Предметами обученія въ элементарныхъ школахъ была азбука, послѣ которой переходили къ чтенію псалтыря и часослова, а затѣмъ къ изученію св. писанія и богослужебныхъ книгъ; вмѣстѣ съ этимъ шло обученіе письму и церковному пѣнію, а подъ конецъ счисленію; только съ половины XVII вѣка вошла въ употребленіе славянская грамматика; вмѣстѣ съ грамматикою стала изучаться ореографія, а также статьи разнаго рода, помѣщавшіяся въ азбуковникахъ. Что касается братскихъ школъ, то обученіе въ нихъ начиналось съ азбуки, затѣмъ слѣдовало чтеніе часослова и псалтыря въ связи съ изученіемъ церковныхъ службъ и пѣнія; затѣмъ изучались книги св. писанія, творенія св. отцовъ, а также грамматика, риторика, діалектика, музыка, пасхалія и церковное пѣніе. Изъ языковъ первенствующее мѣсто занималъ славянскій языкъ; греческій языкъ занималъ также видное мѣсто, къ тому же многіе изъ наставниковъ были греки, латинскій языкъ не пользовался особымъ значеніемъ, а включеніе въ школьную программу польскаго языка было вызвано потребностями времени, когда онъ былъ господствующимъ въ литовско-русскихъ областяхъ. Съ открытіемъ же высшихъ училищъ какъ то: Кіево-Могилянской коллегіи и Московской славяно-греко-латинской академіи, въ число учебныхъ предметовъ входятъ и науки высшаго курса. Въ Кіево-Могилянской коллегіи предметами обученія были: законъ Божій, богословскія науки, риторика, піитика, діалектика, философія, нотное пѣніе, музыка и ариеметика. Латинскій языкъ занималъ первенствующее мѣсто, а за нимъ славянскій языкъ, на которомъ изучалось священное писаніе, сочинялись учениками вирши и стихи, греческій же языкъ преподавался въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. При открытіи Московской славяно-греко-латинской академіи курсъ ученія производился на латинскомъ и греческомъ языкахъ, при чемъ первенствующимъ значеніемъ пользовался греческій языкъ, на которомъ преподавалась грамматика и піитика; риторика же, логика и физика преподавались на греческомъ и латинскомъ языкахъ.

Не находя въ свѣтскихъ наукахъ удовлетворенія своимъ ду-

ховнымъ потребностямъ, Русь не только что не стремилась къ заимствованію знаній изъ западной Европы, но, напротивъ, относясь къ нимъ съ недовѣріемъ и даже боязливо, всячески ограждала себя отъ нихъ. Боязнь западнаго ученія была настолько велика, что съ появленіемъ въ Москвѣ кіевскихъ ученыхъ въ XVII столѣтіи, хотя и не представлявшихъ никакой опасности для православія и народности, представители древняго образованія относились къ нимъ все-таки съ большимъ недовѣріемъ и всѣми мѣрами противодѣйствовали упроченію ихъ вліянія, какъ это видно изъ дѣятельности Епифанія Славинецкаго и его послѣдователей. Благодаря такому энергическому противодѣйствію, вліяніе западной науки, проникшее въ Москву чрезъ кіевскихъ ученыхъ и грековъ, получившихъ свое образованіе на Западѣ, было весьма незначительно и отразилось въ нашей школѣ вполнѣ неприкосновенно для ея основъ— православія и народности. Это вліяніе выразилось лишь на нѣкоторыхъ внѣшнихъ ея сторонахъ; такъ, въ кругъ предметовъ обученія перваго въ Москвѣ высшаго училища, академіи, вошли—діалектика, риторика и другія схоластическія науки; самый методъ обученія принялъ отчасти схоластическій характеръ, господствовавшій въ то время въ западной Европѣ, и въ школу стали проникать учебники и буквари, составленные въ юго-западной Руси.

Въ заключеніе очерка о свѣтскихъ предметахъ въ школахъ допетровской Руси приводимъ слѣдующія слова г. Мордовцева: „Всякій согласится, что матеріалы, представляемые азбуковниками, относительно объема обученія въ Россіи XVII вѣка, не очень сильное свидѣтельство въ пользу нашего образованія; но всякій знаетъ, что предки наши были много образованнѣе и знали гораздо больше того, что пріобрѣтали въ школахъ: все-таки школьное ихъ обученіе было очень ограничено, и если было нѣсколько пространнѣе того, какъ мы находимъ въ азбуковникахъ, то развѣ только ариѳметикою, т. е. цыфирью, географіею, т. е. космографіею, исторіею, имѣвшею лѣтописный или хронографическій характеръ. Всего же того, что представляетъ намъ наша богатая письменность XVII в. всего, что знали спеціалисты-предки (а у насъ въ XVII в. были и спеціалисты), всѣхъ познаній, обращавшихся тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, конечно, не преподавали въ школахъ, особенно въ школахъ для первоначальнаго обученія. Мы знаемъ изъ нашихъ памятниковъ только одно, что объемъ преподаванія въ школахъ допетровской Руси былъ довольно ограниченъ, — и только.

Но чрезъ это допетровская Русь не должна ничего терять въ нашемъ мнѣніи: она стояла на очень высокой степени развитія умственныхъ силъ своихъ, но только не со стороны школъ. Въ XVII вѣкѣ Россія вступала въ новую колею своего образованія и успѣла пройти уже много къ высокой цѣли развитія, а школы шли медленнѣе ея, хотя тоже начинали жить новою жизнью. Однимъ словомъ, Россія развивалась быстрѣе, чѣмъ тѣ источники, изъ которыхъ должно было проистекать ея развитіе".

ГЛАВА VI.

Училища въ царствованіе Петра Великаго.

Выборъ просвѣщенныхъ дѣятелей изъ среды русскихъ ученыхъ.—Сношенія съ западной Европой: отправленіе русскихъ за границу, приглашеніе иностранцевъ въ Россію.—Открытіе учебныхъ заведеній.—Духовныя школы до учрежденія Св. Синода. Духовный Регламентъ. Духовныя школы послѣ учрежденія Св. Синода. Черниговская школа, какъ типъ кіево - латинскаго направленія, и Новгородская школа, какъ типъ славяно-эллинскаго. — Цыфирныя школы. — Спеціальныя училища: навигаціонная школа, морская академія и проч.—Частныя училища.—Академія Наукъ. — Печатаніе и переводъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія.—Буквари.—Грамматика.—Ариѳметика.—Историческія книги.—Географія.—Иностранные языки.—Русскія Вѣдомости. — Типографіи и вспомогательныя учебныя учрежденія. — Библіотека.—Кунсткамера.—Правительственныя мѣропріятія и законоположенія для распространенія образованія.—Отношеніе общества къ новымъ училищамъ. — Учителя. — Постановка учебнаго дѣла. — Воспитательныя мѣры.

Въ патріаршій періодъ, непосредственно предшествовавшій эпохѣ Петра Великаго, въ русскую школу, дотолѣ чуждую всего иноземнаго, начинаетъ впервые проникать западное вліяніе: кіевскіе ученые и ученые греки, получившіе западно-европейское образованіе, стараются измѣнить образовательное направленіе и строй русской школы по образцу западно-европейскихъ училищъ; энергично противодѣйствуя этому новому западно - европейскому вліянію, представители самобытной старинной русской школы стремятся удержать ее въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала съ перваго

своего основанія, и сохранить за нею прежнее византійско-славянское направленіе. Какъ слѣдствіе такой розни во взглядахъ и стремленіяхъ представителей школы, направленіе послѣдней утрачиваетъ свою стойкость и опредѣленность. Возникающія въ патріаршій періодъ училища, смотря по вліянію руководящаго ими лица, то сохраняютъ свой старинный самобытный типъ, то получаютъ оттѣнокъ западныхъ школъ. Такому колебанію въ направленіи русской школы благопріятствовало отчасти и пробудившееся къ концу XVII столѣтія сочувствіе нѣкоторыхъ дѣятелей изъ высшаго русскаго общества къ западно-европейской культурѣ, почему и противодѣйствіе западному вліянію на школу было въ это время не столь энергичнымъ и всеобщимъ, какъ прежде.

Со времени Петра Великаго, стремившагося водворить въ своемъ отечествѣ западно-европейское образованіе, русская школа становится однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія этой цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду сдѣлать русскую школу учрежденіемъ, практически полезнымъ для государства, Петръ Великій тѣсно связываетъ жизнь школы съ цѣлями предпринятыхъ имъ государственныхъ реформъ. Такимъ образомъ, въ эпоху Петра Великаго прекращаются всѣ предшествовавшія колебанія въ русской школѣ, получающей теперь опредѣленное направленіе: возсоздавая школу на прежнихъ исконныхъ ея основахъ, православіи и народности, великій преобразователь прививаетъ къ ней западно-европейскія знанія, организуетъ ея строй по образцу европейскихъ училищъ и вмѣняетъ ей цѣлью — приготовлять образованныхъ гражданъ и полезныхъ для государства дѣятелей. Главными средствами для поднятія русскаго образованія на степень западно-европейскаго и для осуществленія предначертанныхъ Петромъ Великимъ реформъ въ русской школѣ были слѣдующія: 1) Выборъ просвѣщенныхъ дѣятелей изъ среды русскихъ ученыхъ, преимущественно изъ питомцевъ Кіево-Могилянской академіи. 2) Сношенія съ западной Европой, изъ которой заимствуются тѣ средства, которыя могутъ содѣйствовать насажденію и преуспѣянію западно-европейскихъ знаній. 3) Открытіе Академіи Наукъ и многочисленныхъ учебныхъ заведеній, начиная отъ элементарныхъ и до высшихъ, преслѣдующихъ какъ спеціальныя, такъ и общеобразовательныя цѣли. 4) Печатаніе и переводъ книгъ, преимущественно учебниковъ, по разнымъ отраслямъ знаній. 5) Открытіе цѣлаго ряда разныхъ вспомогательныхъ учебныхъ учрежденій, какъ-то: библіотекъ, музеевъ,

типографій и пр. 6) Различныя правительственныя мѣропріятія и законоположенія по части образованія.

Выборъ просвѣщенныхъ дѣятелей изъ среды русскихъ ученыхъ. Петръ Великій, намѣреваясь ввести въ Россіи европейское образованіе, устроить школы, распространить полезныя книги, нуждался для этого въ образованныхъ дѣятеляхъ, сочувствовавшихъ его образовательнымъ стремленіямъ. При началѣ его царствованія изъ высшихъ учебныхъ заведеній были только — Кіево-Могилянская академія и Московская славяно-греко-латинская. Московская академія, какъ недавно возникшая, съ не опредѣлившимся еще характеромъ, естественно, не могла въ короткое время выработать такихъ дѣятелей, которые бы служили помощниками царя въ его заботахъ по образованію; Кіево-Могилянская академія, напротивъ, имѣя за собою право давности, построенная отчасти на началахъ западно-европейской образованности, питомцы которой нерѣдко, по окончаніи академическаго курса, завершали свое образованіе за границею, служила уже и тогда разсадникомъ русскихъ ученыхъ. Петръ Великій, сознавая ту пользу, которую могутъ принести кіевскіе ученые дѣлу русскаго образованія, обратилъ на нихъ свое вниманіе, вызывалъ выдающихся дѣятелей въ Москву и въ другіе города, и возлагалъ на нихъ важныя государственныя обязанности. Съ этого времени питомцы Кіевской академіи уже не ограничиваютъ свою дѣятельность одною Малороссіею, какъ прежде, но проникаютъ во всѣ страны русскаго государства, занимаютъ большую часть пастырскихъ каѳедръ и въ началѣ XVIII столѣтія являются главными дѣятелями по части народнаго просвѣщенія въ Россіи: всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, проповѣди, сочиненіе ученыхъ и учебныхъ книгъ, учрежденіе училищъ, завѣдываніе ими и учительство въ нихъ—все это дѣлалось учеными малороссами или подъ непосредственнымъ ихъ надзоромъ. Особенно отразилось ихъ вліяніе на характерѣ открываемыхъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ надолго водворились порядки и методъ обученія Кіевской академіи. Этому же вліянію кіевскихъ ученыхъ подпадаетъ и Московская славяно-греко-латинская академія, въ которой съ начала XVIII ст. происходятъ существенныя перемѣны. Въ 1701 году непосредственный надзоръ за академіею поручается Стефану Яворскому; будучи самъ воспитанникомъ Кіевской академіи, докончивши свое образованіе за границею, Яворскій преоб-

разовываетъ Московскую академію по образцу Кіевской: мѣсто греческаго языка заступаетъ латинскій, какъ ученый языкъ западной Европы; кругъ ученой дѣятельности академіи расширяется, учителя и наставники вызываются уже не изъ Греціи, но изъ Кіева; преподаваніе производится по кіевскимъ учебнымъ руководствамъ, сочиненія пишутся и читаются на латинскомъ языкѣ, въ жизнь академіи вводятся порядки изстари заведенные въ Кіевѣ; словомъ, Московской академіи придается направленіе и духъ Кіевской академіи; даже академія утрачиваетъ прежнее свое названіе „греческихъ школъ“, а въ офиціальныхъ бумагахъ именуется „школами латинскими или славяно-латинскими“. Такимъ образомъ, эти два высшія учрежденія—Кіевская и Московская академіи—обобщаются въ своемъ направленіи и, сдѣлавшись центрами образованія, приготовляютъ дѣятелей, идущихъ по пути, указанному великимъ преобразователемъ.

Кромѣ Стефана Яворскаго, Кіевская академія доставила Петру Великому и многихъ другихъ дѣятелей по части русскаго образованія, таковы: св. Димитрій Ростовскій, Θеофилактъ Лопатинскій, Θеофанъ Прокоповичъ, св. Иннокентій Кульчинскій, Гавріилъ Бужинскій и др. Помимо своей непосредственной дѣятельности, соединенной съ занимаемой ими должностью, всѣ они своими трудами содѣйствовали дѣлу русскаго образованія и русской школѣ. Такъ, св. Димитрій Ростовскій, славнѣйшій духовный ораторъ и писатель, прибывъ въ свою ростовскую паству, на собственныя средства учреждаетъ семинарію съ цѣлью приготовленія пастырей Церкви, снабжаетъ ее наставниками, имѣетъ за нею непосредственный надзоръ, даже самъ даетъ въ ней уроки. Θеофилактъ Лопатинскій, по указу царя занимавшійся переводомъ разныхъ книгъ съ латинскаго языка, исправленіемъ перевода славянской библіи, преподавалъ разныя науки въ Московской славяно-греко-латинской академіи. Особенно же важное значеніе въ настоящую эпоху для дѣла народнаго образованія выпало на долю псковскаго архіепископа, сподвижника Петра Великаго въ дѣлѣ реформъ, Θеофана Прокоповича. При необыкновенныхъ дарованіяхъ онъ обладалъ обширными свѣдѣніями не только по философіи и богословію, но и по словесности, исторіи, математикѣ, политикѣ и законовѣдѣніи церковномъ и гражданскомъ; многочисленныя же его сочиненія по разнымъ отраслямъ знаній, въ томъ числѣ и педагогическія, изумляли какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Являясь исполнителемъ воли и плановъ великаго

монарха, нападая на суевѣрія, ставившія въ то время преграду для образовательныхъ цѣлей, отстаивая чистоту православія, Ѳеофанъ Прокоповичъ оказалъ важную услугу Петру Великому при учрежденіи духовной комиссіи и въ реформахъ по духовному вѣдомству. По порученію царя имъ былъ написанъ Духовный Регламентъ, представляющій проектъ новой формы церковнаго управленія, въ которомъ, между прочимъ, проектируется цѣлая система духовныхъ школъ. Имъ же былъ написанъ весьма распространенный въ то время букварь—„Первое ученіе отрокомъ", а также катехизисъ, имѣвшій цѣлью удовлетворить потребности въ элементарномъ наставленіи народа правиламъ вѣры краткимъ и понятнымъ для него языкомъ. Имъ же была устроена въ собственномъ домѣ школа, въ которую принимались сироты и бѣдныя дѣти всякаго званія; это была лучшая для того времени школа какъ по помѣщенію, обстановкѣ, такъ и по научному обученію. Кромѣ этихъ выдающихся и снискавшихъ себѣ извѣстность дѣятелей, и многіе другіе изъ питомцевъ Кіевской академіи, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ россійскаго государства въ званіи учителей, священниковъ, причетниковъ и пр., содѣйствовали распространенію грамотности и проводили въ народъ знанія и здравыя понятія.

Сношенія съ западной Европой. Возникшія еще до вопаренія Петра Великаго сношенія Россіи съ западной Европой имѣли своею цѣлью лишь политическіе или практическіе интересы: со стороны Запада сношенія обусловливались политическими и торговыми интересами; со стороны же Россіи, кромѣ политическихъ цѣлей, поводомъ къ сношенію съ Западомъ была потребность въ людяхъ, знакомыхъ съ высшимъ техническимъ или ремесленнымъ дѣломъ, служащимъ вообще для улучшенія внѣшнихъ сторонъ жизни. Съ XVI столѣтія западные ученые путешественники, посѣщая Россію (Герберштейнъ, Флетчеръ, Маржеретъ, Адамъ Олеарій и др.), чрезъ посредство своихъ сочиненій ознакомили своихъ соотечественниковъ съ бытомъ, жизнью, устройствомъ и богатствомъ естественныхъ произведеній Московскаго государства. Вслѣдствіе этого въ средѣ западныхъ просвѣщенныхъ людей возникаетъ стремленіе ознакомиться съ русскимъ государствомъ и въ научномъ отношеніи. Съ своей стороны, Московское государство въ XV столѣтіи начинаетъ принимать къ себѣ на службу иностранныхъ техниковъ, какъ-то: артиллеристовъ, литейщиковъ, рудознатцевъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, аптекарей и врачей, архитекторовъ, художниковъ,

ружейныхъ мастеровъ и др. Число прiѣзжихъ въ Россiю иностранныхъ мастеровъ въ качествѣ техниковъ, ремесленниковъ, офицеровъ и пр. со временемъ постепенно увеличивалось, и къ эпохѣ Петра Великаго иностранцы уже заняли особое предмѣстье Москвы, Московско-нѣмецкую слободу. Вслѣдствiе же влiянiя Польши, усвоившей себѣ европейскую культуру, и малороссiйскихъ ученыхъ, довершавшихъ свое образованiе въ западныхъ университетахъ, а также черезъ иностранцевъ, служившихъ въ Россiи, обстановка и нравы Двора и высшаго сословiя къ концу XVII столѣтiя принимаютъ уже западно-европейскiй оттѣнокъ. Такимъ образомъ, возникшiя еще до Петра Великаго сношенiя съ западной Европой, кромѣ политическихъ цѣлей, уже стали оказывать нѣкоторое влiянiе и на внѣшнюю сторону русской жизни. Но это влiянiе не касалось умственной жизни русскаго народа и не затрогивало еще вопроса о русскомъ образованiи, наукѣ и школѣ. Хотя и до осуществленiя реформы русскаго образованiя Петромъ Великимъ встрѣчались отдѣльные факты научнаго сближенiя съ Западомъ, хотя изъ среды высшаго русскаго общества и появлялись иногда сторонники западнаго просвѣщенiя (Ордынъ Нащокинъ, Ртищевъ, князь В. В. Голицынъ), но все это были только явленiя случайныя, единоличныя, слишкомъ слабыя, чтобы оказать какое-нибудь культурное влiянiе. Лишь со времени Петра Великаго въ сношенiяхъ Россiи съ западной Европой, въ числѣ другихъ государственныхъ цѣлей, преслѣдуются и цѣли во имя науки и знанiя. Великiй преобразователь заимствуетъ съ Запада тѣ образовательныя средства и тѣ произведенiя ума, которыя составляютъ достоянiе всего человѣчества, переноситъ ихъ на русскую почву и съ энергiей, несмотря на упорныя препятствiя, заботится объ ихъ жизненности и плодотворности. Получивъ уже съ ранняго возраста симпатiю къ иностранцамъ, удовлетворявшимъ его любознательность (Тиммерманъ, Брантъ), имѣя своимъ дядькою-руководителемъ западно-европейски образованнаго князя Бориса Голицына, сблизившись затѣмъ съ образованными иностранцами—Лефортомъ, Гордономъ, Виніусомъ и другими, жившими въ Россiи, Петръ Великiй проникся убѣжденiемъ въ превосходствѣ и силѣ западнаго образованiя. Поѣздки царя за границу еще болѣе сблизили его съ жизнью западной Европы. Посѣщая заграничные города, Петръ Великiй не довольствовался осмотромъ техническихъ или научныхъ учрежденiй, но старался изучить все, что было полезно для его оте-

чества. Сближаясь всюду съ лучшими представителями науки и техники, онъ оказывалъ особое вниманіе тѣмъ изъ нихъ, которые могли быть наиболѣе полезны ему — какъ его учителя, или какъ его совѣтники въ дѣлѣ предполагаемыхъ имъ реформъ: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“, была знаменательная надпись на печати царя, за которою онъ посылалъ свои письма изъ-за границы. Кромѣ изученія кораблестроенія, артиллеріи и другихъ военныхъ наукъ, онъ занимался математикою, астрономіей, естественными науками, анатоміей, хирургіей, рисованіемъ, гравированіемъ и проч. Это изученіе производилось, или черезъ рекомендованныхъ ему учителей, или чрезъ спеціальныхъ ученыхъ, завѣдывавшихъ музеями, кабинетами и другими учеными и учебными учрежденіями. Съ этой цѣлью, будучи въ Голландіи, Германіи, Англіи, Австріи, царь посѣщалъ музеи, анатомическіе театры, монетный дворъ, обсерваторіи, библіотеки, осматривалъ разныя коллекціи и пр. Во время своего вторичнаго путешествія, царь посѣтилъ въ Парижѣ многія ученыя учрежденія, былъ въ Сорбоннѣ, въ собраніи Академіи Наукъ, въ члены которой и былъ избранъ, осматривалъ королевскую типографію, присутствовалъ при операціяхъ знаменитыхъ хирурговъ и пр. Въ своихъ сношеніяхъ съ учеными иностранцами, Петръ Великій проявлялъ всюду свое уваженіе къ наукѣ и ученому сословію; въ свою очередь, и иностранцы проникаются высокимъ уваженіемъ къ великому царю и къ руководящей его идеѣ. Одни изъ нихъ рекомендуютъ лично для него учителей (Витзенъ - амстердамскій бургомистръ), другіе сами служатъ ему учителями (Анатомъ Рюйтъ, Боергавъ, физикъ Левенгукъ, географъ Делиль), или указываютъ ему свѣдущихъ техниковъ и ученыхъ, готовыхъ ѣхать на службу въ Россію, такъ баронъ Кэюрнъ рекомендуетъ голландскихъ инженеровъ, Вольфъ, профессоръ въ Галле, у котораго впослѣдствіи въ Марбургѣ учился Ломоносовъ, рекомендуетъ знаменитыхъ ученыхъ для задуманной Петромъ Академіи (Бернулли, Мартини и пр.). Наконецъ, Лейбницъ, извѣстный германскій философъ и писатель того времени, составляетъ, по порученію царя, проекты разныхъ ученыхъ и государственныхъ учрежденій для Россіи, какъ-то: коллегій, Академіи, даетъ указанія для производства разныхъ ученыхъ наблюденій и пр.

Такимъ образомъ, Петръ Великій, во время своей двукратной поѣздки за границу, лично ознакомился съ тѣми результатами научнаго образованія, которые содѣйствуютъ благоденствію народной

жизни, и сблизился со многими свѣтилами науки того времени; благоговѣя передъ великой идеей, одушевляющей царя, сами иностранцы, пораженные его обширными свѣдѣніями, свѣтлымъ умомъ и проницательностью, съ полнымъ безкорыстіемъ раскрываютъ передъ нимъ свои знанія и съ готовностью предлагаютъ свои услуги. Всѣ полезныя знанія, всѣ лучшіе способы ихъ распространенія, заимствованные за границей, царь примѣняетъ въ своемъ отечествѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, словомъ и дѣломъ, принимаетъ мѣры, чтобы его подданные слѣдовали примѣру иностранцевъ, подражая имъ въ предпріимчивости, прилежаніи, постоянствѣ и трудѣ.

Отправленіе русскихъ за границу. Путешествія русскихъ въ чужія земли въ допетровскую эпоху совершались или только съ религіозною цѣлью, ко святымъ мѣстамъ, или съ офиціальною въ качествѣ пословъ. Отправлять же своихъ дѣтей за границу съ цѣлью образованія считалось дѣломъ даже преступнымъ, и Котошихинъ въ своемъ сочиненіи о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ говоритъ: „понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, (не) начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродникамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили“. Только съ Петра Великаго, поѣздка русскихъ за границу имѣетъ цѣлью — знаніе и науку; лишь съ его царствованія русскіе ѣдутъ за границу съ тѣмъ, чтобы ознакомиться съ тою или другою научною или техническою отраслью и по возвращеніи въ отечество примѣнять къ дѣлу пріобрѣтенныя знанія. Сотни молодыхъ людей по назначенію правительства, а нѣкоторые по своему желанію, отправляются въ разныя государства — въ Голландію, Англію, Германію, Францію, Италію, Испанію; одни изъ нихъ изучаютъ кораблестроеніе, мореходство, инженерное дѣло и военныя науки; другіе — архитектуру, живопись, медицину, иностранные языки, преимущественно нѣмецкій; нѣсколько человѣкъ отправляются даже въ Персію для изученія арабскаго и персидскаго языка. Для наблюденія за молодыми людьми, учащимися за границей, царь иногда назначалъ особо поставленное на то лицо, — такъ, напр., князь Львовъ наблюдалъ за учениками навигацкой школы, жившими въ Голландіи. Многіе изъ посланныхъ за границу вели свои записки, дневники и представляли царю отчеты о своихъ занятіяхъ. Кромѣ пріобрѣтенія многихъ различныхъ знаній и свѣдѣній изъ техники

и науки, которыя они распространяли по возвращеніи въ среду своихъ соотечественниковъ, пребываніе русскихъ за границей расширило ихъ умственный кругозоръ, научило уважать другіе нравы, познакомило съ государственными учрежденіями, освободило отъ многихъ предразсудковъ и осязательно выставило весь вредъ замкнутости и невѣжества. Многіе изъ бывшихъ за границей обратили на себя вниманіе царя и соотечественниковъ своими многосторонними свѣдѣніями, даромъ наблюденія и трудолюбіемъ и впослѣдствіи сдѣлались выдающимися русскими дѣятелями и сотрудниками царя; таковы: Меншиковъ, Головинъ, Толстой, Шереметевъ, Неплюевъ, Кононъ Зотовъ, Курбатовъ, Татищевъ, первый русскій исторіографъ, и другіе.

Приглашеніе иностранцевъ въ Россію. Въ допетровскую эпоху западная наука отражалась лишь въ Кіево-Могилянской академіи и черезъ кіевскихъ ученыхъ иногда проникала въ Москву, но и тутъ всегда находила противодѣйствіе со стороны лицъ, твердо стоявшихъ за старое славяно-византійское направленіе. Съ воцареніемъ же Петра Великаго, самъ царь принимаетъ энергичныя мѣры для привлеченія иностранцевъ въ Россію, могущихъ своими научными и техническими знаніями содѣйствовать водворенію на Руси западнаго просвѣщенія. Еще до поѣздки своей за границу царь выписывалъ изъ-за границы военныхъ техниковъ, фейерверкеровъ, инженеровъ, ремесленниковъ и др. Служилые люди нанимались въ Голландіи и Англіи, офицеры пріѣзжали изъ Германіи, русскіе послы приговаривали ко вступленію въ русскую службу земледѣльцевъ, садовниковъ, плавильщиковъ. Въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію высказывается цѣль этой мѣры: „дабы наши подданные тѣмъ болѣе и удобнѣе могли научиться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ“. Самъ царь, во время своего пребыванія за границей, приглашаетъ лучшихъ ученыхъ профессорами въ новоучреждаемыя имъ учебныя заведенія и въ предполагаемую Академію: юристовъ для занятій въ коллегіи, художниковъ (Растрелли, Лежандръ, Леблонъ) и другихъ дѣятелей по разнымъ отраслямъ знаній и государственной службы. Изъ иностранцевъ того времени, пріѣхавшихъ въ Россію, многіе оправдали довѣріе царя и, заявивъ свою ученую и учебную дѣятельность, принесли существенную пользу русскому образованію и наукѣ; таковы, напримѣръ, англичанинъ Фарварсонъ, профессоръ математики и астрономіи въ навигаціонной школѣ, академикъ Шумахеръ,

докторъ Блументростъ, докторъ Бидлоо, Нейгебауеръ, завѣдывавшій госпиталемъ, анатомическимъ театромъ и хирургическою школой, воспитатель царевича Алексѣя Петровича, Гюйссенъ, Виніусъ, баронъ Сентъ-Илеръ и многіе другіе. При Петрѣ Великомъ уже является значительное число иностранныхъ воспитателей и воспитательницъ для дочерей и сыновей высшихъ классовъ русскаго общества. Царь самъ старается дать своимъ дочерямъ тщательное образованіе. Въ домахъ нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій, напр., Трубецкихъ, Черкасскихъ и пр. явились французскія гувернантки.

Открытіе учебныхъ заведеній. Сознавая, что народное образованіе составляетъ одно изъ главныхъ средствъ для осуществленія предпринятыхъ общихъ государственныхъ реформъ, Петръ Великій открываетъ цѣлый рядъ училищъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Цѣль этихъ училищъ царь опредѣляетъ требованіемъ, чтобы изъ школы „во всякія потребы люди происходили, въ церковную службу, въ гражданскую, воинствовать, знать строеніе и врачебное искусство“; поэтому-то большинство созданныхъ Петромъ Великимъ училищъ отличалось профессіональнымъ характеромъ и преслѣдовало спеціальныя практическія цѣли, пригодныя для той или другой государственной службы, при чемъ духовныя училища создаются по примѣру Кіево-Могилянской академіи, а свѣтскія получаютъ характеръ западно-европейскихъ заведеній.

Духовныя школы до учрежденія Св. Синода. (Помѣщенный здѣсь очеркъ о духовныхъ школахъ въ царствованіе Петра Великаго и послѣдующіе очерки о дух. школахъ при его преемникахъ и Екатеринѣ Великой представляютъ извлеченіе изъ сочиненія г. Знаменскаго: „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года“).

Петръ Великій, сознавая ту пользу, какую могла принести Кіево-Могилянская академія дѣлу русскаго образованія, обращаетъ на нее особенное вниманіе и, какъ видѣли, вызываетъ многихъ изъ ея питомцевъ къ себѣ на службу; поручая имъ высшія духовно-іерархическія должности, онъ привлекаетъ ихъ къ своей преобразовательной дѣятельности. Кіевскіе ученые въ началѣ XVIII ст. являются главными дѣятелями по части образованія духовенства въ Россіи. Московская же академія, послѣ того какъ изъ нея удалены были братья Лихуды, пришла въ такой упадокъ, что самъ царь такъ отзывался о ней: „мало которые учатся, что никто школы, какъ подобаетъ не надзираетъ“ и даже находитъ нужнымъ послать нѣсколько человѣкъ для обученія въ

Кіевъ, а преобразованіе Московской академіи поручаетъ мѣстоблюстителю патріаршества московскаго Стефану Яворскому, который измѣняетъ ее по образцу Кіевской академіи.

Первые годы по вступленіи на престолъ Петра Великаго долго не было никакихъ общихъ распоряженій, которыя бы относились къ устройству духовнаго образованія въ особомъ спеціальномъ видѣ. Всѣ распоряженія, какія касались образованія дѣтей духовенства, до 1708 г. имѣли въ виду только общее образованіе. Въ полномъ и опредѣленномъ видѣ сословность духовенства формируется только въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія; главнымъ образомъ, послѣ опредѣленія церковныхъ штатовъ и послѣ разрѣшенія вопроса, какихъ лицъ духовнаго происхожденія писать въ подушный окладъ и какихъ оставить въ пользованіи свободой отъ податного состоянія.

Между тѣмъ по разнымъ епархіямъ съ первыхъ же годовъ XVIII столѣтія стали возникать самыя школы. Малорусскіе ученые монахи, которые вызывались для занятія архіерейскихъ каѳедръ по епархіямъ Великороссіи, потому именно и вызывались для этихъ постовъ, къ великому огорченію мѣстныхъ кандидатовъ архіерейства, что правительство ожидало отъ нихъ большей ревности къ распространенію просвѣщенія. Ожиданія эти они оправдывали въ достаточной мѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали къ заведенію школъ и другихъ іерарховъ изъ великоруссовъ.

Раньше всѣхъ, въ 1700 г. въ самой Малороссіи возникла Черниговская семинарія, устроенная при каѳедрѣ черниговскимъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ изъ старой школы, переведенной изъ Новгорода Сѣверскаго еще въ 1689 г. Лазаремъ Барановичемъ. По преобразованіи Іоанномъ Максимовичемъ, она стала называться коллегіумомъ. Курсъ ея устроенъ былъ по образцу Кіевской академіи съ преобладающимъ латинскимъ языкомъ и доведенъ къ 1705 г. до риторическаго класса включительно. Какъ всѣ малороссійскія школы, Черниговскій коллегіумъ былъ заведеніемъ открытымъ для всѣхъ и не имѣлъ церковнаго назначенія. Входъ и выходъ изъ школы были совершенно свободны еще и въ 1727 г., такъ что школьное начальство, зная наличное число учениковъ, не знало да и не заботилось о томъ, сколько останется изъ этого числа до окончанія учебнаго года. Съ такимъ же характеромъ устрояли школы малорусскіе іерархи и при великорусскихъ каѳедрахъ.

Въ Великороссіи раньше другихъ открыта школа при архіерейскомъ домѣ въ Ростовѣ св. Димитріемъ Ростовскимъ въ 1702 г. по образцу Кіевской коллегіи. Учители—трое—всѣ были малороссы; нѣкоторые ученики тоже были малороссы, отчего въ школѣ слышалась польская рѣчь и изучался польскій языкъ. Главными же предметами были языкъ латинскій и латинская грамматика Альвара; усиленное занятіе латынью не совсѣмъ благопріятствовало даже изученію и чистотѣ русскаго и церковно-славянскаго языка; изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній видно, что въ школѣ учили и греческому языку; съ 1709 г. въ школѣ преподавалась и риторика. Религіозное образованіе проходило черезъ весь курсъ. Святитель былъ очень привязанъ къ своему училищу, содержалъ его на счетъ архіерейскаго дома, поощрялъ подарками учителей и учениковъ. Отношенія его къ ученикамъ отличались отеческою близостью, онъ самъ занимался съ ними толкованіемъ св. писанія и наблюдалъ за ихъ успѣхами и религіознымъ воспитаніемъ. Кончившимъ ученіе онъ давалъ лучшія мѣста при церквахъ. При всемъ томъ школа не имѣла характера сословнаго: въ ней учились ученики не только духовнаго, но и другихъ званій, лица „благородныя и неблагородныя“. Всѣхъ учениковъ насчитывалось до 200. Послѣ кончины св. Димитрія (1709 г.) школа, оставшись безъ поддержки, была закрыта.

Почти одновременно съ этой школой была открыта школа другимъ архіереемъ малороссомъ, м. Филоѳеемъ Лещинскимъ, школа въ Тобольскѣ. Школа имѣла исключительною цѣлью „утвержденіе и расширеніе словесъ Божіихъ“ и назначалась, чтобы поповскихъ дьяконскихъ и церковническихъ дѣтей, „робятокъ учить грамотѣ, а потомъ славенской грамматикѣ и прочимъ на славенскомъ языкѣ книгамъ и катехизису православной вѣры“, чтобы они, узнавъ все это, могли „удостояся въ чинъ священства, народъ учить“. Преподаватели въ школѣ, какъ и въ Ростовѣ, были малороссы. Въ 1705 г. по примѣру южно-русскихъ школяровъ тобольскіе ученики разыгрывали также разныя комедійныя акціи. Латынь не была введена въ преподаваніе до 1728 г., и школа оставалась съ славянскимъ курсомъ.

Третьей великорусской школой при архіерейскомъ домѣ является Новгородская школа, основанная уже іерархомъ великоруссомъ м. Іовомъ, и имѣвшая особенно важное значеніе въ началѣ XVIII в., какъ живая представительница великорусскихъ взглядовъ на образованіе. Любовь м. Іова къ просвѣщенію и къ образованнымъ лю-

дямъ особенно обнаружилась въ томъ, что, когда въ Москвѣ было воздвигнуто гоненіе (1690 г.) на малороссійскихъ ученыхъ, и они должны были поспѣшно уѣзжать изъ Московскаго государства, онъ одинъ радушно принималъ ихъ у себя въ Новгородѣ, желая употребить ихъ образованіе и таланты въ пользу для своей епархіи. Свои школы Іовъ Новгородскій устроилъ съ помощію Лихудовъ на основахъ славяно-эллинскаго образованія. Школъ этихъ, или точнѣе, классовъ, было двѣ: одна была эллино-славянская, считавшаяся главной, другая для малостатейныхъ учениковъ — славянскаго общаго діалекта. Учениковъ набрали до 100 человѣкъ изъ разныхъ чиновъ и возрастовъ, преимущественно изъ дѣтей духовенства и изъ духовныхъ лицъ; тутъ были и архіерейскіе пѣвчіе и подьяки, и дьяконы съ дьячками. Въ низшей славянской школѣ учились читать, писать и славянской грамматикѣ по руководству Смотрицкаго; въ высшей изучали греческій языкъ и греческую грамматику, составленную Лихудами, а нѣкоторые проходили и риторику. Курсъ Новгородскихъ школъ пользовался особенною популярностью. Всѣ ученики содержались на счетъ архіерейскаго дома. Въ 1715 году на школы обратило вниманіе правительство и стало посылать въ нихъ учиться грамотѣ безграмотныхъ дворянскихъ недорослей. Они составляли особое отдѣленіе Новгородскаго училища, обучались грамотѣ у особыхъ учителей, квартиры имѣли въ частныхъ домахъ, но пищей и учебными пособіями пользовались отъ архіерейскаго дома. Митрополитъ былъ очень занятъ своими школами. Отношенія его къ Лихудамъ были самыя дружескія; онъ съ восторгомъ писалъ ко всѣмъ объ ихъ трудахъ и успѣхахъ. Іовъ намѣревался завести у себя типографію и много хлопоталъ объ этомъ передъ царемъ. Послѣ смерти Іова школы его стали упадать, особенно когда во главѣ школьнаго дѣла сталъ ученикъ Лихудовъ, іеромонахъ Іовъ. При преемникѣ послѣдняго, иподіаконѣ Θедорѣ Максимовѣ, бывшемъ воспитанникѣ Новгородской школы, изучавшемъ у І. Лихуда грамматику и риторику и издавшемъ свою славянскую грамматику, употреблявшуюся послѣ грамматики Смотрицкаго, дѣла пошли нѣсколько лучше. Благодаря ему, славяно-эллинское и грамматическое ученіе, положенное м. Іовомъ въ основаніе образованія Новгородскихъ школъ, нѣсколько времени продержалось въ нихъ и послѣ того, какъ при новомъ владыкѣ Θеодосіи Яновскомъ онѣ подвергнулись преобразованію чрезъ введеніе въ нихъ латинскаго курса.

Послѣ переѣзда изъ Новгорода въ Москву І. Лихудъ скоро скончался, а Софроній продолжалъ преподавать въ Московской греческой школѣ и заниматься переводами. Греческая школа и была послѣ Новгородскихъ школъ единственнымъ средоточіемъ и поддержкой эллино-греческаго просвѣщенія для всей Россіи. Греческая школа, открытая Софроніемъ въ 1708 г., существовала отдѣльно отъ славяно-греко-латинской академіи и составляла самостоятельное учебное заведеніе. Въ 1724 г. вышелъ указъ перевести греческую школу въ академію и поставить ее въ зависимость отъ общаго академическаго начальства.

Около 1714—1715 гг. митрополитъ Дороѳей Короткевичъ открылъ школу въ Смоленскѣ. Будучи уроженцемъ и воспитанникомъ Кіева онъ ввелъ въ ней латинское обученіе и вызвалъ въ учителя монаха Іоасафа Маевскаго, учившагося въ Кіевской академіи, человѣка знающаго и полезнаго для юной школы. Преемникомъ Дороѳея (въ 1718 г.) былъ Сильвестръ Холмскій, человѣкъ недальняго образованія. Школа стала упадать. Въ послѣдующіе годы дѣло въ школѣ шло не лучше, и въ 1727 г. всѣхъ учениковъ въ школѣ значилось 19, а ученіе ихъ ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ. Кромѣ перечисленныхъ школъ, при архіерейскихъ домахъ еще не было открываемо ни одной школы для образованія духовенства за все время отъ 1700 до 1721 г.

Въ подмогу архіерейскимъ школамъ для образованія духовенства указаны были школы цыфирныя, которыя правительство опредѣлило заводить въ 1714 г. и назначило ихъ для общаго образованія всякаго чина дѣтей, опричь однодворцевъ. Хотя эти школы и объявлены были сначала всесословными, но обязательность ихъ курса пала преимущественно на дѣтей духовенства, да еще на дьячьихъ и подьячьихъ дѣтей, о чемъ см.: Цыфирныя школы стр. 156. Тамъ же см. о попыткѣ соединенія цыфирныхъ школъ съ архіерейскими.

Съ 1708 г. профессіональное образованіе въ славяно-греко-латинскихъ школахъ сдѣлано для дѣтей духовныхъ обязательнымъ, а въ 1718 г. приняты мѣры и противъ преждевременнаго выхода ихъ изъ этихъ школъ для поступленія на свѣтскую службу. Съ 1715 г. дворянскія дѣти должны были обязательно поступать въ свои профессіональныя училища. Въ 1717 г. всѣ недоросли, учившіеся въ Московской академіи, были вытребованы изъ академіи въ Петербургъ, гдѣ государь самъ дѣлалъ имъ назначенія. Послѣ дворян-

скія дѣти стали поступать въ духовныя школы только по особенному распоряженію правительства, которое производило имъ смотры, при чемъ въ узаконенный срокъ всѣ эти ученики должны были выходить изъ духовныхъ школъ и являться или въ свои собственныя школы или на службу. Съ теченіемъ времени и духовныя власти измѣнили свой прежній взглядъ на свои школы, какъ на заведенія общеобразовательныя, и принялись за развитіе сословно-профессіональнаго ихъ назначенія. Духовныя власти, въ интересахъ церковной службы, обратили вниманіе на выходъ своихъ лучшихъ молодыхъ людей въ постороннія вѣдомства. Вызовы школьниковъ и вообще грамотныхъ духовныхъ дѣтей къ различнымъ свѣтскимъ наукамъ и службамъ, имѣли результатомъ то, что изъ духовнаго вѣдомства этимъ путемъ уходили, большею частью, лучшія его силы; поэтому въ 1718 году вышелъ указъ монастырскому приказу о неувольненіи школьниковъ славено-латинскихъ школъ въ разные чины до окончанія ученія. Ни указы, ни представленія духовныхъ властей не имѣли подлежащей силы до самаго учрежденія Св. Синода.

Матеріальное обезпеченіе архіерейскихъ школъ производилось на спеціальныя церковныя средства, но всѣ вотчинные и другіе доходы были отписаны тогда отъ завѣдыванія духовныхъ властей въ свѣтское вѣдомство монастырскаго приказа, что существенно измѣняло вопросъ о подчиненности послѣднихъ духовному или свѣтскому вѣдомству и дѣлало ихъ не столько церковными и сословно-духовными, сколько государственными учрежденіями, которыми правительство могло чрезъ монастырскій приказъ свободно распоряжаться для своихъ обще-государственныхъ цѣлей. Въ такомъ положеніи вопросъ о духовныхъ школахъ существовалъ до 1720-хъ годовъ, до времени учрежденія Св. Синода.

Духовный Регламентъ. Одновременно съ учрежденіемъ Св. Синода былъ публикованъ и организаціонный актъ духовнаго вѣдомства, въ которомъ изложены были всѣ существенныя предначертанія правительства касательно новаго строя какъ церковнаго управленія, такъ и всей вообще церковной жизни, — Духовный Регламентъ. Составитель Регламента, Ѳеофанъ Прокоповичъ, съ перваго же слова заговорилъ объ ученіи или образованіи именно въ профессіональной его формѣ, и профессіонально-сословное назначеніе духовныхъ школъ было опредѣлено Регламентомъ въ чертахъ весьма ясныхъ и точныхъ. Духовная служба была тѣсно свя-

зана со школьною къ ней подготовкой, и законъ объявлялъ ее недоступной для тѣхъ, кто не прошелъ до нея чрезъ духовную школу. Духовная школа, со всѣми правами обученія въ ней, оставалась доступною только для дѣтей духовенства. Послѣ этого духовенство стало отдѣляться отъ другихъ сословій въ самомъ своемъ образованіи, и положено было прочное начало его сословной замкнутости.

Для духовныхъ дѣтей, обязанныхъ къ духовному служенію своихъ отцовъ, духовная школа объявлена Духовнымъ Регламентомъ обязательною. Прежнее подчиненіе духовныхъ школъ свѣтской власти въ формѣ монастырскаго приказа оказалось теперь неумѣстнымъ, и высшее управленіе ими Д. Регламентъ поставилъ въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ новому Духовному Коллегіуму. Ближайшее мѣстное управленіе школами ввѣрено мѣстнымъ архіереямъ. Помѣщеніе школъ назначено при архіерейскихъ домахъ, и архіереи призваны къ попеченію о всѣхъ подробностяхъ школьной жизни. Обязанностью архіерея было пріискивать для своей школы учителей и всѣхъ вообще приставниковъ. Матеріальное обезпеченіе школъ вполнѣ возложено на архіерейскіе дома съ отчетностью предъ Св. Синодомъ. Издержки на школы предположены весьма значительныя: „подобаетъ, чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ". Положено заводить при школахъ библіотеки, домовыя церкви, особыя больницы и аптеки для учениковъ. Кромѣ содержащихся на счетъ архіерейскихъ домовъ, допускаются ученики приходящіе, не живущіе въ школѣ и содержащіеся на своемъ коштѣ, а также хотя и живущіе въ школѣ, но съ платою за свое содержаніе опредѣленной суммы.

Такъ какъ духовныя школы предназначалось устроить съ общежитіями для учениковъ, то, кромѣ учебной части, предначертаны для нихъ и правила по части воспитательной и дисциплинарной. Въ Регламентѣ представленъ подробный проектъ образцоваго духовнаго училища, которое названо академіей, въ связи съ семинаріумомъ.

Главною цѣлью обученія въ духовныхъ школахъ поставлено, разумѣется, образованіе богословское. Но Ѳеофанъ Прокоповичъ, раздѣляя современный ему взглядъ на образованіе съ профессіональной точки зрѣнія, сознавалъ вредъ односторонняго религіознаго образованія, не соединеннаго сколько-нибудь съ изученіемъ такъ называемыхъ artium humanarum. Поэтому составитель академическаго курса почелъ нужнымъ ввести въ него раньше специ-

ально-духовнаго образованія, приготовительный курсъ образованія общаго, состоящаго, кромѣ риторики и философіи, изъ изученія языковъ, математики, географіи и исторіи.

Курсъ всего ученія назначенъ въ 8 лѣтъ. Изъ него на богословіе, какъ главную науку въ духовномъ образованіи, отчислено два года; богословіе положено преподавать въ послѣдніе годы. Изъ остальныхъ, гуманныхъ наукъ болѣе всего, по году, назначено на тѣ, которыя считались наиболѣе свойственными духовному обученію: на логику или діалектику, риторику съ піитикой, физику съ метафизикой, политику краткую Пуффендорфову, наконецъ, на ариѳметику съ геометріей; исторію и географію велѣно преподавать одинъ годъ и притомъ совмѣстно съ изученіемъ грамматики или языковъ. Относительно изученія языковъ вездѣ говорится лишь о языкѣ латинскомъ, который сталъ получать теперь исключительное господство въ духовныхъ школахъ; объ языкахъ греческомъ и еврейскомъ сказано только кратко,—если будутъ учители. О преподаваніи богословія Регламентъ распространяется довольно подробно. Также обращено особенное вниманіе на изученіе воспитанниками проповѣдническаго искусства. Послѣ статей о школахъ въ Регламентѣ помѣщенъ особый отдѣлъ о проповѣдникахъ, излагающій регулы, которымъ они должны слѣдовать.

Затѣмъ помѣщаются правила касательно воспитанія въ опредѣленныхъ къ открытію школьныхъ общежитіяхъ. „Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно: быть при академіи, или въ началѣ и безъ академіи, семинаріумъ для ученія и воспитанія дѣтей, какіе вымышлено не мало во иноземныхъ странахъ“. Эти педагогическія правила основаны на той мысли, что для воспитанія дѣтей на новыхъ началахъ, для образованія новаго поколѣнія пастырей Церкви въ духѣ реформы, нужно совершенно оторвать воспитанниковъ отъ современнаго общества, даже отъ ихъ родныхъ семей, и поставить ихъ въ искусственно созданную обстановку закрытыхъ заведеній, которыя и въ западной Европѣ признавались въ это время лучшими воспитательными орудіями.

Для помѣщенія семинаристовъ рекомендуется построить „домъ образомъ монастыря“, гдѣ и жить имъ безысходно. Нѣкоторымъ ученикамъ позволяется жить по желанію и внѣ стѣнъ семинарской бурсы,—для нихъ предположено построить дома съ общими квартирами. Учениковъ велѣно принимать въ семинарію отъ 10 до 15 лѣтъ. Съ этого времени связь ученика съ міромъ совершенно прекраща-

лась; его не велѣно отпускать изъ семинаріи даже къ роднымъ, „пока не обыкнетъ, пребывая въ семинаріумѣ“. Черезъ три года ему разрѣшалось повидаться съ родственниками, но не болѣе какъ два раза въ годъ. Инспекція должна была слѣдить за его поведеніемъ и въ отлучкѣ; свиданіе семинариста съ родственниками должно устраивать въ присутствіи ректора или кого-либо изъ начальниковъ.

Во главѣ заведенія поставленъ ректоръ изъ ученыхъ людей, монахъ или свѣтскій, помощникомъ ректора назначенъ префектъ, тоже изъ ученыхъ. Въ каждой комнатѣ бурсы должны быть опредѣлены надзиратели или префекты, обязанные смотрѣть, чтобы между семинаристами не было безпорядковъ; провинившихся въ чемъ-нибудь онъ имѣлъ право наказывать: „малыхъ розгой, а среднихъ и большихъ словомъ угрозительнымъ“, или доносить о непослушныхъ ректору.

Жизнь семинаристовъ, подъ постояннымъ надзоромъ приставниковъ, была подчинена самой строгой дисциплинѣ. Порядокъ всѣхъ дневныхъ занятій, а также отдыха, опредѣленъ по часамъ. Развлеченію прогулками и увеселеніями приданъ составителемъ устава какой-то офиціальный и обязательный характеръ. Назначены были увеселительныя поѣздки семинаристовъ въ лѣтнее время за городъ и игра на музыкальныхъ инструментахъ. Предположено было занимать семинаристовъ чтеніемъ за ихъ трапезой, также и разными акціями, диспутами и комедіями и риторскими экзерциціями, какія водились въ Кіевской академіи.

Духовныя школы послѣ учрежденія Св. Синода. Кромѣ существовавшихъ двухъ академій, въ началѣ XVIII ст. въ разныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи, какъ мы видѣли, начинаютъ заводиться школы, устраиваемыя преимущественно по частной инціативѣ нѣкоторыхъ изъ епархіальныхъ архіереевъ, на собственныя ихъ средства и по произвольнымъ образцамъ. Со времени же учрежденія Св. Синода и изданія Регламента, правительство принимаетъ болѣе опредѣленныя мѣры относительно образованія духовенства и открываетъ цѣлый рядъ духовныхъ училищъ, преимущественно для дѣтей духовнаго званія. Согласно Регламенту при архіерейскихъ домахъ учреждаются низшія духовныя училища—архіерейскія школы. Каждый епархіальный преосвященный обязанъ былъ завести при своемъ домѣ, на частныя средства своей каѳедры, „школу для дѣтей священническихъ или прочихъ въ надежду священства опредѣлен-

ныхъ". Эти архіерейскія школы становятся исключительно приготовительною ступенью для вступленія въ духовныя должности, на которыя велѣно помѣщать теперь только „таковыхъ единыхъ въ школѣ архіерейской поставленныхъ учениковъ". Обученіе въ этихъ школахъ должно быть даровое, и всѣ ученики содержатся на счетъ церковныхъ и монастырскихъ доходовъ, съ количествомъ которыхъ и сообразуется число учениковъ.

Принципъ спеціальности и сословнаго значенія духовныхъ школъ оказался достаточно сильнымъ на первыхъ же порахъ и успѣшно сталъ развиваться на практикѣ при самомъ же Петрѣ Великомъ. Спеціальное назначеніе ихъ воспитывать людей для службы церковной должно было необходимо стоять на первомъ планѣ уже по одному тому, что это были школы архіерейскія, церковныя, и содержались исключительно на церковныя же средства, на сборы съ духовенства, безъ помощи со стороны правительства. Церковному вѣдомству, очевидно, было невыгодно употреблять эти средства на образованіе постороннихъ людей и на „иныя" службы, невыгодно ему было также выпускать на такія иныя службы и своихъ питомцевъ, составлявшихъ его лучшія и, по малочисленности своей, чрезвычайно нужныя силы. Св. Синодъ съ самаго же начала своего существованія прямо высказался въ пользу спеціальной и сословной постановки духовнаго образованія. Первый поводъ къ этому подалъ вопросъ о вызовѣ дѣтей духовенства въ цыфирныя школы.

Требованіе и даже насильственные наборы духовныхъ дѣтей въ цыфирныя школы въ разныхъ мѣстахъ долго не прекращались и послѣ рѣшительныхъ распоряженій Синода, такъ что свои указы Синоду пришлось повторить еще нѣсколько разъ; онъ все-таки достигъ своей цѣли и успѣшно отстоялъ свой принципъ, что духовныя дѣти не должны быть требуемы въ свѣтскія школы.

Посылка для образованія въ духовныя школы разныхъ людей свѣтскаго вѣдомства, напр., дворянскихъ недорослей, дьяковскихъ и подьяческихъ дѣтей, посадскихъ и др., при Петрѣ Великомъ практиковалась въ довольно широкихъ размѣрахъ, но и тогда Св. Синодъ въ своихъ указахъ постоянно настаивалъ на той мысли, что духовныя школы назначены для образованія духовныхъ дѣтей въ надежду лучшаго священства. При крайней нуждѣ въ образованныхъ людяхъ по всѣмъ вѣдомствамъ Св. Синодъ бдительно берегъ свои школы отъ постороннихъ покушеній на ихъ учениковъ. Съ этою цѣлью онъ издавалъ запретительные указы, чтобы не при-

влекать духовныхъ воспитанниковъ въ другія вѣдомства, и привелъ распоряженіе Регламента и указъ 1721 года о томъ, чтобы безъ вѣдома Синода ученики никуда не были увольняемы изъ духовныхъ заведеній.

Для дѣтей духовенства обученіе въ духовныхъ школахъ послѣ изданія Дух. Регламента получило обязательный характеръ; равнымъ образомъ и для епархіальныхъ начальствъ заведеніе этихъ школъ сдѣлалось обязательнымъ. Въ 1722 г. Св. Синодъ успѣлъ исходатайствовать свободу отъ подушнаго оклада для всѣхъ штатныхъ или дѣйствительно-служащихъ духовныхъ лицъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми; но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтей этихъ уже непремѣнно велѣно учить въ школахъ для приготовленія къ церковнымъ должностямъ, а неучившихся или лѣниво учившихся „пріобщить къ числу такихъ церковническихъ дѣтей, которыя, яко излишнія и свыше потребы подъ именемъ церковнаго причта бывшія, во оный подушный окладъ выключены". Св. Синодъ въ своихъ указахъ въ то же время настойчиво развивалъ мысль Дух. Регламента объ опредѣленіи на церковныя мѣста лишь ученыхъ кандидатовъ. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ не было школъ, или гдѣ ихъ было мало, для всѣхъ ставленниковъ было, по крайней мѣрѣ, обязательно изученіе букваря Ѳеофана Прокоповича.

Но пока еще школы заводились, пока шло въ нихъ образованіе новыхъ кандидатовъ на церковныя мѣста, прошло много времени, въ теченіе котораго въ средѣ духовенства шла оппозиція противъ обязательности школьнаго образованія.

Воображая себѣ трудности мудреной науки и всѣ строгости школьной жизни, тогдашнее духовенство составило о школахъ понятіе, какъ о мѣстѣ мученія, и съ величайшею скорбію отдавало туда дѣтей. Ни угрозы, ни привилегіи не могли подѣйствовать на сердобольныхъ отцовъ, и наборъ въ школы шелъ чрезвычайно туго; но и поступивъ въ школу, многіе бѣжали изъ школы домой къ роднымъ, гдѣ они укрывались самими ихъ отцами, несмотря на то, что за это Св. Синодъ угрожалъ лишеніемъ должности.

Для поддержанія требованій обязательности школьнаго ученія пришлось прибѣгнуть и къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Такъ, въ 1722 г. Св. Синодъ издалъ указъ переписать всѣхъ священнослужительскихъ дѣтей, годныхъ по лѣтамъ къ ученью и по переписи опредѣлять ихъ въ школы. Осенью 1723 года на духовныя школы обратилъ вниманіе самъ государь и при свиданіи съ вице-

президентомъ Синода объявилъ ему свою волю, чтобы духовныя дѣти, „которыя въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею". Этотъ словесный указъ былъ объявленъ Св. Синоду, а Св. Синодъ разослалъ его по епархіямъ, чтобы учениковъ для школьнаго ученія имали между дѣтьми духовенства отъ 7—18 л. Съ этихъ поръ въ епархіяхъ, гдѣ были заведены школы, ежегодно передъ началомъ ученія дѣлались смотры духовныхъ недорослей, для чего ихъ привозили въ епархіальный городъ и производили имъ разборъ по лѣтамъ и способностямъ.

Вводя обязательное обученіе среди духовенства, Св. Синодъ торопилъ въ то же время заведеніемъ школъ самихъ архіереевъ. Самыми ранними школами, явившимися по открытіи Св. Синода, были школы Петербургскія и Нижегородскія.

Въ Петербургѣ школа была открыта по указу архіеп. Ѳеодосія при Александро - Невскомъ монастырѣ, отъ котораго и содержалась. Это была школа только словенская, въ которой обучались славянской грамотѣ, грамматикѣ и цыфири; поэтому она занимала среднее мѣсто между славянскими и цыфирными школами. Большинство учениковъ было изъ свѣтскаго званія, изъ дѣтей канцелярскихъ и монастырскихъ служителей. Въ 1725 году число ихъ простиралось до 82-хъ человѣкъ.

По мысли Д. Регламента въ Петербургѣ слѣдовало открыть академію съ семинаріей, и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ авторъ Регламента, въ началѣ 1721 г. входилъ уже въ новоучрежденный Синодъ съ докладомъ о нужныхъ для семинаріи постройкахъ, о пріемѣ учениковъ, выборѣ учителей и названіи училищнаго дома; но открытіе семинаріи затянулось до кончины Петра Великаго, а при его преемникахъ остановилось совсѣмъ.

Между тѣмъ, въ томъ же 1721 г., когда началось дѣло объ академіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ завелъ въ Петербургѣ собственную школу въ своемъ домѣ на р. Карповкѣ для бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. Это была лучшая для того времени школа какъ по своему помѣщенію, такъ и по обстановкѣ и по обученію. Въ ней преподавались: законъ Божій, русскій, латинскій и греческій языки, грамматика, риторика, логика, римскія древности, ариѳметика, геометрія, географія, исторія и рисованіе. Въ числѣ учителей ея значатся: знаменитый датчанинъ Адамъ Селлій и проф. Академіи Наукъ Теофилъ Сигфридъ Байеръ. Ѳеофанъ Прокоповичъ очень любилъ свою школу, употреблялъ на нее много денегъ и попече-

ній и успѣлъ сдѣлать ее лучшею школою своего времени. Для нея онъ написалъ особую, весьма полную инструкцію, которая по содержанію своему была выраженіемъ и развитіемъ тѣхъ же педагогическихъ взглядовъ, какіе онъ высказалъ раньше въ отдѣлѣ Д. Регламента о домахъ училищныхъ; въ ней узаконяется та же строгая дисциплина съ точнымъ распредѣленіемъ часовъ для занятій и увеселеній, тотъ же строгій надзоръ за учениками, то же отрѣшеніе школьной жизни отъ всякихъ постороннихъ вліяній и проч. Для развлеченія учениковъ Ѳеофанъ Прокоповичъ завелъ при школѣ сценическія представленія и музыку. Школа Ѳеофана Прокоповича держалась до самой его смерти.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ школьное обученіе завелъ въ томъ же 1721 г. архіерей Питиримъ. По его распоряженію при архіерейскомъ домѣ устроено три школы или класса: эллино - греческая, славяно-россійская и букварная. Впослѣдствіи заведенъ и латинскій классъ, но на первыхъ порахъ духовное образованіе въ школѣ производилось по типу славяно - эллинскому. Учениковъ собрано было очень много; въ букварномъ классѣ ихъ было 427.

Въ 1722 году началось открытіе школы въ Твери архіереемъ Сильвестромъ Холмскимъ. Учителя были назначены изъ мѣстнаго духовенства, а мѣсто для школы отведено при Ѳеодоровскомъ монастырѣ. Предначертаніями Сильвестра воспользовался уже преемникъ его по тверской каѳедрѣ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, который въ 1724 г. устроилъ школу.

Въ 1723 г. открылось пять школъ: въ Казани, Суздалѣ, Коломнѣ, Вяткѣ и Холмогорахъ.

Въ 1722—23 гг. открыта Бѣлгородская школа, основанная епископомъ Епифаніемъ и бывшая колыбелью извѣстнаго потомъ Харьковскаго коллегіума, который былъ открытъ уже въ 1726 г.; какъ при открытіи своемъ, такъ и послѣ, когда въ Харьковѣ возникъ коллегіумъ, Бѣлгородская школа ограничивалась только первоначальнымъ обученіемъ дѣтей грамотѣ, письму и букварю.

Въ 1724 г. архіерей Павелъ завелъ школу въ Вологдѣ. Курсъ обученія ограничивался букваремъ и ариѳметикой. Школа существовала до 1725 г., когда и была распущена вся по неизвѣстной причинѣ.

Въ 1724 г. основана духовная школа въ Переяславлѣ Рязанскомъ, гдѣ архіереемъ былъ Сильвестръ Холмскій.

Въ 1724 году пришло въ Св. Синодъ донесеніе изъ далекаго

Иркутска отъ вознесенскаго архимандрита Антонія Платковскаго, который тоже вздумалъ заводить у себя школу для обученія духовныхъ дѣтей и сиротъ монгольскому и китайскому языкамъ. Св. Синодъ согласился на открытіе школы, которая была помѣщена въ Вознесенскомъ Иркутскомъ монастырѣ. Первоначально она была спеціально монгольская, а потомъ былъ введенъ въ нее и русскій языкъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ учрежденія Св. Синода возникло до 13 школъ въ разныхъ епархіяхъ. Школьное обученіе распространялось довольно поспѣшно, но все - таки оно не успѣло сдѣлаться при Петрѣ Великомъ повсемѣстнымъ. Замедленіе въ открытіи школъ при нѣкоторыхъ архіерейскихъ каѳедрахъ приписывалось не одному отвращенію отъ ученія со стороны низшаго духовенства, но, главнымъ образомъ, непреодолимымъ препятствіямъ, какія представляла крайняя скудость какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ средствъ по епархіямъ.

Въ 1727 году верховный тайный совѣтъ потребовалъ отъ Св. Синода свѣдѣній: „при всѣхъ ли епархіяхъ школы и ученики по силѣ Д. Регламента содержатся?...“. Изъ поданной Св. Синодомъ вѣдомости оказывается, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школъ вовсе не было открыто, какъ-то: въ Крутицкой „за неимуществомъ монастырей“, въ Переяславской „за скудостью епархіи“ и проч. Въ другихъ епархіяхъ хлѣбный сборъ производился не сполна, или вовсе не производился за бѣдностью церковныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, въ Бѣлгородѣ, въ Коломенской епархіи и проч.

Одной изъ самыхъ раціональныхъ облегчительныхъ мѣръ для школьной экономіи было дозволеніе младшимъ школьникамъ получать начальное элементарное образованіе внѣ школы, при чемъ обязательность обученія духовныхъ дѣтей могла оставаться во всей силѣ, а между тѣмъ въ школѣ устранялось чрезвычайное и почти безполезное для дѣла скопленіе мальчиковъ, которые легко могли обучиться грамотѣ и дома или у старыхъ приходскихъ мастеровъ, не отрываясь отъ своей семейной обстановки и не обременяя своимъ содержаніемъ архіерейскаго дома. Хотя прямыхъ распоряженій объ этомъ отъ высшаго начальства не было, но практика въ нѣкоторыхъ епархіяхъ очень рано прибѣгнула къ такой мѣрѣ и со временемъ сдѣлала ее повсюдною.

Развитію духовныхъ школъ не менѣе мѣшала скудость въ средствахъ духовныхъ. Какъ только въ епархіяхъ приступили къ прак-

тическому осуществленію плановъ Д. Регламента, такъ прежде всего возникъ вопросъ о томъ, откуда взять нужное число способныхъ учителей новыхъ латинскихъ ученій. Московскую академію еще кое-какъ удалось наполнить ими изъ Кіева. Но удовлетворить такому огромному запросу на нихъ въ разныхъ концахъ Россіи одинъ Кіевъ оказывался не въ состояніи. Сами кіевляне не совсѣмъ охотно отправлялись въ великорусскія епархіи, зная, что ихъ тамъ не особенно жалуютъ въ народѣ и духовенствѣ. Кіевскія начальства, академическое и епархіальное, сами имѣя въ нихъ нужду, неохотно отпускали ихъ отъ себя. Нѣкоторые архіереи-малороссы, отправляясь на великорусскія каѳедры, успѣвали заранѣе запастись учителями въ Малороссіи, которыхъ и привозили съ собой на мѣсто своей службы; другіе вызывали желающихъ, уже поступивъ на каѳедру. Но и эти учителя были большею частью изъ неокончившихъ академическій курсъ въ Кіевѣ. Затѣмъ въ большинствѣ школъ учителя были изъ мѣстнаго духовенства, большею частью изъ мѣстныхъ дьяконовъ, дьяковъ, пономарей, поповыхъ дѣтей, не пристроившихся къ мѣсту, и архіерейскихъ пѣвчихъ, и изрѣдка лишь изъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ архіерейскаго дома. Съ помощью такихъ людей обученіе, разумѣется, должно было постоянно держаться на уровнѣ элементарнаго обученія.

Вслѣдствіе такого недостатка въ учителяхъ Св. Синодъ долженъ былъ на другой же годъ понизить слишкомъ высокія требованія Д. Регламента. Въ указѣ 31 мая 1722 г. о заведеніи школъ было сказано „...того ради учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ (сочиненія Ѳеофана Прокоповича)... И къ тому ученію во оныя школы, коемуждо архіерею въ своемъ домѣ, опредѣлить умныхъ и честныхъ учителей, которые въ книжномъ чтеніи были бы остры и разумны... и могли бы оныхъ учить не только чисто, ясно и точно по книгамъ читать, но и разумѣть...“

Кромѣ того, въ архіерейскія школы рекомендовалось ввести еще ариѳметическое ученіе. Такъ какъ въ епархіяхъ ощущался большой недостатокъ въ книгахъ, то Св. Синодъ распорядился о немедленномъ напечатаніи потребнаго числа букварей и о разсылкѣ какъ ихъ, такъ и славянскихъ грамматикъ (славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, изданная Поликарповымъ въ 1721 г.) по всѣмъ епархіямъ.

Черниговская школа, какъ типъ кіево-латинскаго направленія, и Новгородская—какъ типъ славяно-эллинскаго. Кромѣ двухъ академій, въ наиболѣе удовлетворительномъ положеніи находились школы въ Черниговской и Новгородской епархіяхъ, гдѣ школьное обученіе было довольно устроено еще раньше Д. Регламента на прежнихъ началахъ и по мѣстнымъ вкусамъ. Черниговская школа представляла типъ малороссійскихъ школъ кіево-латинскаго направленія, какія малороссійскіе іерархи стремились заводить и по великорусскимъ епархіямъ. Новгородская школа, возникшая на основѣ славяно-эллинскаго образованія, наиболѣе популярнаго въ Великороссіи, до конца Петровскаго царствованія продолжала сохранять главныя черты направленія, даннаго ей м. Іовомъ и Лихудами, а потому имѣла важное значеніе въ ряду школъ описываемаго времени, обратившее на нее вниманіе и Св. Синода и самого правительства. Остальныя школы устраивались уже по этимъ образцамъ и подходили болѣе или менѣе къ одному изъ двухъ указанныхъ типовъ.

По своей близости къ Кіевской академіи,—этой almae matris южно-русскаго духовнаго образованія, и частому духовному съ ней общенію, Черниговъ издавна отличался развитіемъ духовной учености между всѣми городами Малороссіи и насчитывалъ въ своемъ прошломъ уже довольное число именъ, прославившихся въ духовной литературѣ, каковы имена Лазаря Барановича, Адама Зерникава, Димитрія Туптала и др. Черниговскій коллегіумъ быстро достигъ такого цвѣтущаго по тому времени состоянія, что приводилъ въ восторгъ современниковъ; они величали его Черниговскимъ Олимпомъ, Черниговскими Аѳинами, лицеемъ или вертоградомъ Паллады и т. п.

Число учениковъ въ немъ восходило до 250 человѣкъ. Курсъ его далеко не простирался, доходилъ только до риторики включительно; еще въ 1708 г. Черниговскій коллегіумъ выпустилъ собственную риторику подъ названіемъ Clavis scientiarum, появленіе которой считалось событіемъ весьма блестящимъ и славнымъ для Черниговскихъ Аѳинъ. Изъ названія Clavis'а видно, кромѣ того, что, хотя въ коллегіумѣ и не была еще преподаваема философія, но этотъ недостатокъ старались вознаградить сообщеніемъ ученикамъ главныхъ правилъ логики, нужныхъ для тогдашнихъ диспутовъ и другихъ проявленій учености, при преподаваніи риторики.

Характеръ школьнаго строя въ коллегіумѣ былъ точною копіей

съ характера такого же строя въ Кіевской академіи. Латынь стояла въ обученіи на первомъ планѣ съ самыхъ низшихъ классовъ. Прямо послѣ перваго обученія мальчика чтенію и письму его сажали за Альварову грамматику и латинскія вокабулы. Въ грамматическомъ классѣ и синтаксимѣ дѣлались практическія упражненія въ переводахъ съ латинскаго и польскаго языка на славянскій и обратно. Тутъ же начинались разговорныя упражненія въ латинскомъ языкѣ и вводился въ употребленіе извѣстный calculus, длинный листъ въ футлярѣ, гдѣ записывались имена учениковъ, проговорившихся во время латинскаго разговора по-русски или выразившихся по-латыни съ ошибками. Наказанія за неисправности были весьма суровыя. Въ піитикѣ и риторикѣ начинались — изученіе разнообразнѣйшихъ и мельчайшихъ формъ рѣчи стихотворной и прозаической, пріученіе учениковъ подламывать подъ эти формы всякую мысль, подбирать наиболѣе красивыя и звонкія слова, дѣлать всевозможныя амплификаціи, составлять изъ нихъ полные, симметрическіе и плавные періоды, и, наконецъ, раскрытіе внѣшнихъ секретовъ силлогистики.

Въ Великороссіи большинство духовенства совершенно не понимало надобности подобнаго образованія и притомъ же на латинскомъ языкѣ. Преданія здѣшней духовной учености тяготѣли къ православной Греціи, требовали знакомства съ греческимъ языкомъ и ничего не имѣли общаго съ Римомъ и его латынью. Ни въ народѣ, ни въ духовенствѣ не могли представить, для чего будущему православному пастырю нужно учиться латинскому языку, когда и греческій языкъ считался пока необычайно рѣдкою роскошью учености и удѣломъ немногихъ избранныхъ спеціалистовъ. Латинскій языкъ, по тогдашнему убѣжденію, не годился и въ качествѣ пособія для богословскаго образованія. Латынь большею частью была какой-то формой безъ содержанія, пустой вывѣской учености, которой (самой по себѣ) за этой вывѣской на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не существовало. Въ Великороссіи знакомство съ латинскимъ языкомъ только что вводилось; человѣкъ безъ всякаго толку зубрилъ вокабулы, элементарь и первыя страницы Альвара по нѣскольку лѣтъ и оканчивалъ курсъ, дойдя только до синтаксиса, не изучивъ еще ровно ничего, а въ нѣкоторыхъ школахъ не доходили даже и до грамматики. Очень естественно, что школьное обученіе дѣтей казалось для духовенства только тяжелою повинностью, неизвѣстно для чего ему навязанною, и правительство, радѣя о

школьномъ дѣлѣ, должно было собирать разбѣгавшихся школьниковъ.

Заводя по великорусскимъ епархіямъ латинское ученіе, іерархи изъ малороссовъ невольно должны были почувствовать, что почва, на которой они сѣяли свое сѣмя, была совершенно новая и исторически къ тому не подготовленная, что учебныя потребности здѣсь вовсе не тѣ, какъ въ Малороссіи, и что волей неволей нужно допустить въ учебной программѣ нѣкоторыя измѣненія.

При такихъ неблагопріятныхъ для кіевскихъ ученій условіяхъ, введеніе этихъ ученій по епархіальнымъ школамъ пришлось лишь имѣть въ предметѣ для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго времени, а въ данное время пока сузить и видоизмѣнить затѣянную программу школьныхъ курсовъ примѣнительно къ ближайшимъ потребностямъ мѣстнаго духовенства и народа. Наиболѣе удачный образчикъ такого примѣненія представила Новгородская школа пользовавшаяся особеннымъ вниманіемъ Св. Синода.

Занявъ въ 1721 г. каѳедру м. Іова, Ѳеодосій Яновскій тогда же поспѣшилъ было завести въ Новгородской семинаріи латинское ученіе и пригласилъ учителя іеродіакона Московскаго Заиконоспасскаго монастыря Іоасафа Туркевича. Латинскій учитель сразу занялъ первенствующее положеніе въ школѣ, но не Туркевичу пришлось стать на первый планъ въ школьной жизни впослѣдствіи, а лучшему изъ прежнихъ учителей греко-славянскаго ученія иподіакону Ѳеодору Максимову. Не латынью стала извѣстна Новгородская школа, а славянскою грамматическою мудростью, на которую былъ главный запросъ въ Великороссіи. Тогда какъ Черниговскій коллегіумъ заявилъ себя изданіемъ риторическаго Clavis scientiarum, Новгородская школа выступила въ свѣтъ изданіемъ (въ 1723 г.) „Грамматики славянской, вкратцѣ собранной въ греко-славянской школѣ, яже въ В. Новѣградѣ при домѣ архіерейскомъ“. Неизвѣстно, какъ училъ латинскій учитель и сколько было у него учениковъ, но у греко-славянскихъ учителей учениковъ было попрежнему весьма значительное число. Ѳеодосій понялъ, въ чемъ была главная сила его школы, и не настаивалъ на непремѣнномъ преобразованіи ея на юго-западный ладъ, на замѣнѣ славянской грамматики латинскою, какъ это сдѣлано было въ Московской академіи; напротивъ, самъ даже сдѣлался дѣятельнымъ распространителемъ грамматическаго ученія.

Къ его же времени относится учрежденіе нѣсколькихъ малыхъ

школъ для обученія дѣтей какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго происхожденія, по разнымъ мѣстамъ обширной Новгородской епархіи. Всѣхъ ихъ было 15. Кромѣ трехъ школъ, Каргопольской, гдѣ преподавалась славянская грамматика, Новоторжской, гдѣ учились даже греческому языку, и Великолуцкой, гдѣ преподавалась риторика, всѣ эти школы имѣли первоначальный курсъ, состоявшій въ обученіи чтенію и письму и изученіи книжки Ѳеофана Прокоповича „Первое ученіе отрокомъ". Учителями въ эти школы посылались новгородскіе грамматисты съ содержаніемъ отъ архіерейскаго дома или мѣстныхъ монастырей, которые замѣнили прежнихъ вольныхъ мастеровъ грамотности, пользовавшихся дурною репутаціей. Положеніе учениковъ въ этихъ школахъ было очень похоже на то, какое устраивалось въ домовыхъ школахъ у старинныхъ мастеровъ: ученикъ поступалъ къ учителю не только въ науку, но и въ услуженіе, долженъ былъ помогать ему по дѣламъ домоводства, исполнять домашнія работы и проч.

Грамматическое обученіе, заведенное въ Новгородѣ, Св. Синодъ призналъ нужнымъ и для другихъ духовныхъ школъ; устройство учебной части въ Новгородской школѣ сдѣлалось образцомъ, на который Св. Синодъ указывалъ для руководства. Съ начала 1723 г. принимаются мѣры ко введенію въ школахъ грамматическаго ученія. По опредѣленію Св. Синода для пополненія недостатка въ учителяхъ должно было обращаться за грамматистами въ Новгородъ.

Такое распоряженіе, придававшее Новгородской школѣ значеніе педагогической семинаріи, всего лучше показываетъ практическую важность тѣхъ началъ, какія положены были въ ея основу м. Іовомъ.

Въ такомъ положеніи осталось школьное духовное образованіе послѣ реформы. Хотя результаты, достигнутые при Петрѣ Великомъ, сами по себѣ были не велики, но для такого короткаго времени, въ какое они были достигнуты, они были все - таки болѣе, чѣмъ удовлетворительны,—тѣмъ болѣе, что въ началѣ XVIII столѣтія это дѣло было совершенно новое.

Цыфирныя школы. Со второго десятилѣтія XVIII в. правительство совершенно отказалось отъ старой системы приходскихъ школъ, оно рѣшилось создать новую систему народныхъ школъ для распространенія совершенно новаго элементарнаго образованія, съ преобладаніемъ математическихъ наукъ, и въ 1714 году состоялось постановленіе объ учрежденіи по провинціямъ школъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „цыфирныхъ". Кромѣ обученія грамотѣ,

въ нихъ учили нумераціи, субстракціи, мультипликаціи, дивизіи, тройному, десятичнымъ дробямъ, изъ геометріи—циркульнымъ пріемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ.

Такъ какъ обученіе въ цыфирныхъ школахъ было признано правительствомъ обязательнымъ, то для огражденія обязательности были установлены карательныя мѣры, состоявшія въ томъ, что кто не усвоитъ вполнѣ элементарнаго образованія въ объемѣ, назначенномъ отъ правительства, тотъ не получаетъ свидѣтельства отъ учителя, „а безъ такихъ свидѣтельственныхъ писемъ", велѣно, „жениться учениковъ не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать". Разумѣется, государство само должно было не настаивать строго на исполненіи этого постановленія и тѣмъ парализовать обязательность обученія.

Указъ 1719 г. присоединяетъ къ прежнимъ карательнымъ мѣрамъ административныя; такъ, рекомендуется губернаторамъ въ тѣ школы опредѣлять дѣтей, не упуская времени—„велѣть высылать ихъ безъ мотчанія". Тамъ, гдѣ дѣти не были скрыты или не успѣли бѣжать, административныя власти схватывали и везли ихъ въ городъ, „таскали". Способъ набора въ школы былъ слѣдующій: родители представляли своихъ дѣтей подлежащей власти для разбора, которая и распредѣляла ихъ, смотря по ихъ возрасту и собственному усмотрѣнію. Принудительность образованія было одною изъ причинъ неуспѣха цыфирныхъ школъ, и случалось, что дѣти, силою забранныя въ эти школы, разбѣгались изъ нихъ.

Въ первыхъ узаконеніяхъ цыфирныя школы предназначены для всѣхъ гражданъ, и правительство не дѣлаетъ исключенія ни для кого относительно обязанности посѣщать ихъ, кромѣ однодворцевъ: по узаконенію 1714 г. поступленію въ цыфирныя школы подлежали дѣти дворянскія и приказнаго чина дьяческія и подьяческія отъ 10 до 15 лѣтъ, „опричь однодворцевъ". По узаконенію 1715 г.—„молодыя робятки изо всякихъ чиновъ людей". Исключеніе въ пользу однодворцевъ сдѣлано потому, что однодворцы были лица, составлявшія народное поголовное ополченіе. Если ихъ держать въ школахъ до 15 лѣтъ, то некогда имъ готовиться къ своей постоянной профессіи, и отцамъ ихъ некѣмъ замѣнить себя, въ случаѣ общаго движенія ополченія. Но такъ какъ въ подобныхъ же условіяхъ находилось и дворянство, то вскорѣ и оно было исключено изъ общей обязанности посѣщать элементарныя школы. Указъ 1716 года, повторяя распоряженіе двухъ первыхъ ука-

зовъ, уже прибавляетъ „кромѣ дворянскихъ дѣтей"; къ тому же тогда дѣйствовала строгая спеціальная система обязательнаго обученія дворянъ въ спеціальныхъ школахъ. Въ 1720 году явилось челобитье отъ посадскихъ людей въ Сенатѣ, которые просили освободить ихъ отъ обязательной посылки дѣтей въ цыфирныя школы, такъ какъ ихъ дѣтямъ надо сидѣть за прилавкомъ и пріучаться къ отцовскому ремеслу. Сенатъ по указу царя опредѣлилъ освободить и посадскихъ людей отъ обязательности поступать въ цыфирныя школы, „а принимать въ ученіе изъ посадскихъ дѣтей такихъ, которыя сами собою къ той наукѣ охоту возымѣютъ".

Когда въ началѣ слѣдующаго года былъ изданъ Духовный Регламентъ, то въ силу его предписаній духовное вѣдомство обязывалось имѣть свои духовныя школы, а дѣти священниковъ и причетниковъ обязывались учиться въ этихъ школахъ. Слѣдовательно, цыфирныя школы лишились еще значительной части своихъ учениковъ. Изъ 1389 учениковъ, бывшихъ въ цыфирныхъ школахъ до 1722 г., 92 было выпущено за окончаніемъ курса, а всѣ остальные, дѣти людей, подлежащихъ вѣдомству Синода, бѣжали. Такое повальное бѣгство объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что отцы, или просто почувствовали временную свободу, когда по Духовному Регламенту дѣтямъ ихъ слѣдовало учиться въ архіерейскихъ школахъ, а такихъ еще не было, или дѣйствительно должны были вести дѣтей въ архіерейскія школы, гдѣ онѣ были уже открыты. Адмиралтейская коллегія не разъ въ 1721 г. требовала высылки ихъ въ цыфирныя школы, но Синодъ двумя указами 1721 г. далъ знать, что „церковниковы и приказныхъ чиновъ людей дѣти потребны ко учреждаемой отъ Правительствующаго Синода семинаріи и при архіерейскихъ домахъ школамъ". Синодъ объявилъ даже, что въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ школъ отводить не велѣно. Въ 1721 г. Св. Синодъ, между прочимъ, докладывалъ государю: „о поповскихъ и причетническихъ дѣтяхъ, по прежнимъ указамъ, въ ариѳметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ спрашиваемыхъ требуется опредѣленіе, дабы имъ отъ оныхъ быть свободнымъ, понеже по Духовному Регламенту опредѣлено такихъ церковническихъ дѣтей учить въ архіерейскихъ школахъ. Царь рѣшилъ: „быть такъ".

Въ 1722 г. утверждено было сенатское мнѣніе „.... объявить коемуждо архіерею во всей своей епархіи церковникамъ указами, дабы они знали, что дѣти ихъ отъ вышеозначенныхъ ариѳметическихъ школъ и прочихъ наукъ свободны учинены".

Чтобы парализовать необходимость посѣщенія ариѳметическихъ школъ, Синодъ за благо нашелъ ввести въ архіерейскихъ школахъ преподаваніе ариѳметики и нужнѣйшей части геометріи. Но такимъ образомъ далеко не примиряются противорѣчія требованій со стороны ариѳметическихъ школъ и архіерейскихъ: ариѳметическія школы существуютъ отдѣльно отъ архіерейскихъ и должны имѣть учениковъ; воеводы и губернаторы ревностно смотрятъ, чтобы учителя даромъ жалованья не брали. И вотъ цыфирные учителя, или навигаторы, а равно и администрація продолжаютъ „таскать" въ свои школы дѣтей церковническихъ. Въ началѣ 1722 года до Синода дошло свѣдѣніе, что это насиліе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжается. Св. Синодъ опредѣлилъ тогда послать указы о томъ, чтобы въ гражданскія школы дѣтей духовныхъ не имали. Потомъ повторяется такая же борьба въ разныхъ провинціяхъ. Возникавшіе вопросы и впослѣдствіи новыя затрудненія и новыя узаконенія замедлили рѣшеніе возникшей борьбы элементарнаго образованія съ профессіональнымъ, и нужно было вновь возбудить этотъ вопросъ въ законодательномъ порядкѣ.

За освобожденіемъ отъ цыфирныхъ школъ дѣтей однодворческихъ, шляхетскихъ, посадскихъ и духовныхъ, остается единственный классъ лицъ, подлежащій имъ, это—дѣти дьяконовъ и подьячихъ. Но и этотъ классъ былъ призванъ законодательными мѣрами Петра къ образованію изъ себя отдѣльнаго сословія. Петръ Великій, сознавая необходимость спеціальной подготовки для гражданскихъ чиновниковъ, принималъ для этого и спеціальныя мѣры; почти одновременно съ изданіемъ Духовнаго Регламента учреждены и школы для подьячихъ, назначенныя для подготовки къ низшимъ сферамъ гражданской службы. Въ послѣднихъ узаконеніяхъ о цыфирныхъ школахъ постоянно говорится, что онѣ предназначаются для дьячихъ, подьячихъ и проч.

Бѣдственное существованіе цыфирныхъ школъ поддерживалось еще около 20 лѣтъ (послѣ освобожденія отъ нихъ духовныхъ лицъ) дѣтьми тѣхъ изъ шляхетскаго сословія, которымъ, по ихъ большей самостоятельности, было позволено (съ 1737 г.) добровольно обучать дѣтей дома до извѣстнаго срока. Нѣкоторые изъ нихъ предпочитали посылать дѣтей для элементарнаго образованія въ цыфирныя школы, да кое-кто изъ солдатъ успѣвалъ помѣстить сюда дѣтей, невѣдомо какъ ускользнувшихъ отъ записи въ гарнизонныя школы.

Учителей въ цыфирныя школы въ 1714 г. предположено было взять изъ математическихъ школъ Московскихъ, т. е. отъ Сухаревой башни. Но указъ 1715 г. назначаетъ ихъ изъ морской академіи: „взять изъ школы господина адмирала“. А такъ какъ въ дѣйствительности учителя были отправлены лишь въ 1716 г., то ихъ взяли изъ обоихъ морскихъ училищъ, Петербургскаго и Московскаго, какъ объ этомъ именно упоминается въ указѣ 1744 г. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти учителя по своей образованности были выше прежнихъ учителей приходскихъ школъ, зато первые несомнѣнно неизмѣримо уступали вторымъ по своей численности. Незначительное число цыфирныхъ школъ объясняется ближайшимъ образомъ недостаткомъ учителей. Во все время существованія цыфирныхъ школъ изъ морскихъ академій, Московской и с.-Петербургской, было отправлено въ провинціи 47 учителей.

Что касается до содержанія учителей, то они въ цыфирныхъ школахъ получаютъ уже опредѣленное жалованье, чѣмъ эти школы предупредили народныя школы въ западной Европѣ. Это жалованье состоитъ „въ кормовыхъ книгахъ“ по 3 алтына и 2 деньги на день, т. е. по 36 руб. въ годъ (содержаніе по тому времени не малое), изъ нештатныхъ губернскихъ сборовъ. Кромѣ этого жалованья, учитель могъ получить съ ученика при окончательномъ выпускѣ его изъ школы по 1 руб. съ человѣка.

При первоначальномъ учрежденіи цыфирныхъ школъ не было опредѣлено вѣдомство, которому онѣ подчиняются. Пришлось непосредственно управлять ими Сенату. Управленіе школами каждой губерніи, въ зависимости отъ Сената, возложено было или на губернаторовъ или на особыя спеціально назначенныя лица.

Извѣстно, что, при устройствѣ коллегій, не было предназначено спеціальной комиссіи для вѣдомства народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ Сенатъ желаетъ себя избавить отъ непосредственнаго управленія всѣми подробностями въ провинціяхъ, и вотъ, указомъ 1720 года завѣдываніе элементарными школами вообще поручено Адмиралтейской коллегіи. Затѣмъ начинается борьба разныхъ вѣдомствъ, при чемъ каждое старается освободить себя отъ цыфирныхъ школъ, начинавшихъ приходить въ упадокъ.

У правительства вскорѣ возникъ вопросъ, оставлять ли цыфирныя школы въ самостоятельномъ видѣ на казенномъ содержаніи или для сокращенія издержекъ присоединить ихъ къ школамъ архіерейскимъ. Присутствуя въ 1723 году, въ Адмиралтейской кол-

легіи, Государь на докладъ коллегіи о школахъ постановилъ именно этотъ самый вопросъ и указалъ заняться обсужденіемъ его Сенату. Сенатъ прямо потребовалъ присоединенія цыфирныхъ школъ вмѣстѣ съ учителями къ архіерейскимъ. Св. Синодъ сталъ уклоняться отъ этого рѣшенія и возразилъ, что этого сдѣлать нельзя, потому что архіерейскія школы нигдѣ и не открыты, кромѣ Новгорода. Сенатъ отвѣчалъ, что требуемое соединеніе школъ можно и ограничить пока однимъ Новгородомъ. Синоду пришлось на это согласиться.

Такимъ образомъ, общій вопросъ сведенъ былъ пока къ частному рѣшенію и притомъ далеко не въ томъ смыслѣ, какой первоначально имѣло правительство, но и въ этомъ видѣ рѣшеніе конференціи 1723 г. не приводилось въ исполненіе во все время царствованія Петра Великаго.

Когда при Екатеринѣ I въ 1726 г. Адмиралтейство попробовало отдѣлаться отъ цыфирныхъ школъ и возобновило предложеніе Петра Великаго 1723 года соединить цыфирныя школы съ архіерейскими, противъ такого соединенія возсталъ самъ Синодъ. Благодаря этому отказу Синода цыфирныя школы просуществовали до 1744 г. Въ этомъ году оставались 8 изъ 28; изъ этихъ 8 три самыя обширныя были соединены съ гарнизонными, съ которыми слились и остальныя. Такимъ образомъ, Петровская свѣтская школа оказалась недолговѣчной, остатки ея уцѣлѣли лишь въ сліяніи съ военной школой, отчасти заимствовавшей ея программу. (См. гл. VII, гарнизонныя школы).

Спеціальныя училища: навигаціонная школа, морская академія и проч. Въ 1701 г. учреждается въ Москвѣ, на Сухаревой башнѣ первое спеціальное свѣтское учебное заведеніе—школа „математическихъ и навигацкихъ, т. е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія“, въ которой юношество обучалось наукамъ, исключительно относящимся до мореплаванія, какъ-то: ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи съ ихъ практическими приложеніями къ географіи и мореплаванію, навигаціи, съ частью астрономіи, а также и рапирной наукѣ (фехтованію). Эта школа была устроена на 500 человѣкъ. Въ числѣ профессоровъ были и ученые, вызванные изъ-за границы, какъ-то: вызванный изъ Абердинскаго университета математикъ и астрономъ Фарварсонъ, съ помощью котораго „первое обученіе математикѣ въ Россіи введено“; вмѣстѣ съ Фарварсономъ для обученія собственно мореходскимъ или, по тогдашнему, „навигацкимъ“ наукамъ были вызваны учителя: Степанъ Гвынъ и

Грызъ. Въ этой же школѣ состоялъ учителемъ и извѣстный составитель ариѳметики Леонтій Магницкій. Для необходимаго подготовленія учениковъ къ слушанію спеціальнаго курса при школѣ было два начальныхъ класса, носившіе названіе „русской школы“, въ которой учили читать и писать, и „цыфирной школы“, гдѣ обучали счету и началамъ ариѳметики. Въ школу принимались недоросли изъ дворянскихъ дѣтей и дьячихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ, кто пожелаетъ. Болѣе всего охотниковъ являлось изъ простого класса; ученики жили частью въ школѣ, а нѣкоторые на частныхъ квартирахъ и получали жалованье. Наказанія, употреблявшіяся въ школѣ, были весьма суровы, такъ, напр., за большіе проступки учениковъ наказывали на школьномъ дворѣ; на достаточныхъ дворянъ за прогульные дни, или за такъ-называемые нѣты, положена была большая пеня: за первый прогульный день 5 руб., за второй—10 руб., за третій и всѣ слѣдующіе—15 руб. Молодые люди, кончившіе въ ней курсъ, назначались не только во флотъ, но и ко всѣмъ родамъ службы—въ артиллерію, инженерами, архитекторами, учителями и пр. Многіе изъ нихъ посылались за границу для дальнѣйшаго ознакомленія съ теоріей и практикой той или другой отрасли знаній. Навигаціонная школа составляла одно изъ любимѣйшихъ учрежденій Петра Великаго и была нерѣдко имъ посѣщаема.

Послѣ учрежденія навигаціонной школы возникаетъ цѣлый рядъ техническихъ училищъ. Такъ, въ 1712 году въ Москвѣ учреждается инженерная школа. на 100—150 человѣкъ, преимущественно для дворянъ; въ первые же годы существованія школы въ нее поступали и разночинцы. Ученики этой школы для приготовительныхъ наукъ нерѣдко посылались на Сухареву башню, а для спеціальнаго курса въ ней былъ поставленъ особый инженеръ. Въ томъ же году открывается артиллерійская школа, съ цѣлью обученія молодого шляхетства артиллеріи. Медленное формированіе инженерной школы въ Москвѣ побудило Петра Великаго основать въ Петербургѣ въ 1719 г. другую инженерную школу, куда и были переведены ученики изъ Московской инженерной школы, когда она стала приходить въ упадокъ.

Въ 1715 году основана въ Петербургѣ морская академія, съ открытіемъ которой навигаціонная школа остается какъ бы приготовительнымъ для нея училищемъ, удерживая только общій курсъ, а спеціальные предметы были перенесены въ морскую академію.

Въ морской академіи помѣщалось 300 учениковъ; академія состояла только изъ старшихъ классовъ, а младшіе классы были удержаны въ навигаціонной школѣ. Изъ учителей были переведены въ академію Фарварсонъ и Гвынъ, а Магнитскій оставленъ былъ при навигаціонной школѣ. Въ академіи преподавались, главнымъ образомъ, математическія и морскія науки. Такъ, по сохраненному собственноручному указу Государя о предметахъ ученія въ морской академіи видно, что дѣтей учили ариѳметикѣ, геометріи, фехтъ, или пріему ружья, артиллеріи, навигаціи, фортификаціи, географіи, знанію членовъ корабельнаго гола и такелажа, рисованію, на произволеніе танцамъ для постуры (т. е. для позитуры). Впослѣдствіи къ числу предметовъ, преподававшихся въ академіи, было прибавлено еще нѣсколько морскихъ и военныхъ наукъ. Желая устроить свою морскую академію по образцу французскихъ морскихъ училищъ, основанныхъ при Людовикѣ XIV, Государь назначилъ директоромъ француза барона Сентъ-Илера. Вскорѣ (въ 1716 году) начальство надъ академіей и Московскою школой было поручено графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Морская академія, сколько можно судить по данной для нея инструкціи, была уже не простая школа, а настоящее военно-учебное заведеніе. Въ ней предполагалось соблюдать правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и полный военный порядокъ съ сохраненіемъ строгой дисциплины. Въ классахъ приказано было „никакого крику, ни шуму не чинить", и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ Государь приказалъ во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ и имѣть хлыстъ въ рукахъ. Воспитанники, или, какъ ихъ называли въ бумагахъ, „морская гвардія", имѣли ружья, и въ академіи содержался постоянно караулъ. Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во-время и обучать морскую гвардію „всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумнѣйшимъ образомъ".

Несмотря на то довольно печальное положеніе, въ которое пришла морская академія вслѣдствіе недостаточности средствъ своего содержанія, общественное ея значеніе было настолько высоко, что, по свидѣтельству одного иностранца (Вебера), бывшаго тогда въ Петербургѣ, „во всемъ пространномъ россійскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая бы не представляла въ академію сына или ближайшаго родственника". Мор-

ская академія выработала много прекрасныхъ морскихъ офицеровъ и нѣсколько замѣчательныхъ людей своего времени, какъ-то: гидрографъ Нагаевъ, побѣдитель турокъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ, Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, спутникъ Беринга ученый морякъ Алексѣй Ильичъ Чириковъ и др.

При военномъ госпиталѣ въ Москвѣ (1707 г.) учреждена хирургическая школа, при сибирскихъ горныхъ заводахъ открываются горныя училища (1721 г.), а для инородцевъ—инородческія школы.

Частныя училища. Въ царствованіе же Петра Великаго возникаютъ частныя учебныя заведенія, пансіоны, учреждаемые иностранцами, или на государственныя средства, или съ пособіемъ правительства, какъ, напримѣръ, пансіонъ француза Баро, школа Эрнеста Глюка, шведа фонъ-Вреха и др. Особенною извѣстностью пользовались послѣднія двѣ. Эрнестъ Глюкъ, бывшій прежде пасторомъ въ Лифляндіи, открываетъ въ Москвѣ въ 1703 году школу, въ которой, кромѣ философскихъ и политическихъ наукъ, преподавались новые языки—французскій и нѣмецкій, и древніе—греческій и латинскій, а также восточные языки. По приказанію царя для этой школы былъ отведенъ домъ умершаго боярина Нарышкина и Глюку выдавалось ежегодно жалованье изъ казны 3000 р. Въ Тобольскѣ была основана школа фонъ-Вреха, шведскаго офицера, попавшаго въ плѣнъ послѣ Полтавской битвы. Хотя эта школа была учреждена имъ для своихъ единовѣрцевъ, но нѣкоторые и изъ русскихъ отдавали въ нее своихъ дѣтей. Она была устроена по образцу тѣхъ піитическихъ школъ, исключительно съ религіознымъ направленіемъ, которыя организовывались въ то время въ Германіи по идеямъ профессора Франка изъ Галле. Въ Петербургѣ при оружейной канцеляріи, „ради общенародной во всякихъ художествахъ пользы противъ обычаевъ государствъ европейскихъ, зачата была небольшая академія, ради правильнаго обученія рисованія иконнаго и живописнаго и прочихъ художествъ“.

Академія наукъ. Еще во время перваго путешествія Петра Великаго за границу у него явилась мысль объ устройствѣ Академіи Наукъ. Развитію этого учрежденія особенно содѣйствовалъ германскій ученый и мыслитель Лейбницъ, который изъявилъ свою готовность быть руководителемъ этого учрежденія. Лишь черезъ 11 лѣтъ послѣ путешествія по Европѣ и сношеній съ иностранными учеными, царь рѣшился осуществить свою мысль, для чего и поручилъ своему лейбъ-медику Блументросту и Шумахеру со-

ставить проектъ русской Академіи Наукъ, который и былъ изготовленъ въ началѣ 1724 года. Разсмотрѣвъ проектъ и сдѣлавъ собственноручныя поправки, Петръ Великій приказалъ немедленно приступить къ распоряженіямъ о приглашеніи изъ-за границы ученыхъ къ поступленію на службу въ Академію. По проекту учреждаемая Петромъ Великимъ Академія Наукъ не имѣла того исключительнаго характера ученаго учрежденія, которымъ она отличается въ настоящее время; но, будучи учрежденіемъ ученымъ, она должна была преслѣдовать сверхъ того и педагогическія цѣли, для чего и предполагалось совмѣстить въ ней также университетъ и гимназію. Хотя все уже было готово къ открытію Академіи, но Петру Великому не пришлось самому осуществить свое желаніе. Академія была открыта при Екатеринѣ I-й, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины царя.

Печатаніе и переводъ книгъ. Съ увеличеніемъ числа учебныхъ заведеній, съ возбужденіемъ стремленія къ образованію и усвоенію научныхъ свѣдѣній западной Европы, явилась потребность въ книгахъ, которыя съ начала XVIII в., въ видѣ оригинальныхъ и переводныхъ учебниковъ и руководствъ по разнымъ отраслямъ знаній, стали появляться въ Москвѣ и Петербургѣ и расходиться по Россіи.

Буквари. Такъ какъ въ началѣ Петровской эпохи чувствовался недостатокъ въ букваряхъ, то составленіемъ и изданіемъ ихъ стали заниматься многіе изъ лицъ, близко стоявшихъ къ школѣ. Первый букварь въ XVIII столѣтіи былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1701 году. Онъ составленъ ученикомъ Лихудовъ, Ѳеодоромъ Поликарповымъ, который, послѣ ихъ удаленія, былъ учителемъ въ славяно-греко-латинской академіи. Такъ какъ букварь этотъ имѣлъ цѣлью научить читать по-славянски, гречески и латински, то онъ и назывался „Треязычный букварь“. Въ этомъ букварѣ помѣщены буквы, склады и избранныя слова на означенныхъ трехъ языкахъ; также молитвы, заповѣди, статьи религіознаго и нравоучительнаго содержанія и стихи. Въ этомъ букварѣ наказаніе также рекомендуется, какъ средство для возбужденія прилежанія, и даже съ этою цѣлью помѣщены въ немъ двѣ картинки: на одной изображена классная комната съ учениками и двумя учителями; противъ одного учителя школьникъ стоитъ на колѣняхъ, а противъ другого — мальчикъ, кланяющійся въ ноги; на другой картинѣ ученикъ стоитъ передъ учителемъ на колѣняхъ, а другой

учитель бьетъ мальчика розгами. Этотъ букварь немногимъ отличался отъ предшествовавшихъ: тѣ же пріемы обученія, та же сухость и дробность учебнаго матеріала и тотъ же тяжелый языкъ; предлагаемый матеріалъ расположенъ безъ всякой системы и лишенъ образовательнаго элемента; кромѣ того, самый букварь слишкомъ общиренъ. Изъ оглавленія многихъ статей видно, что онѣ перепечатаны изъ прежнихъ старинныхъ букварей.

Въ 1704 году напечатанъ въ Москвѣ „Букварь языка словенска", который по составу своему сходенъ съ старинными изданіями этого рода и скорѣе походитъ на краткій часословъ. Не внося никакого новаго вклада въ букварное обученіе тогдашняго времени, букварь этотъ рѣзко отличается своимъ предисловіемъ, въ которомъ много говорится противъ неучей и выставляется польза просвѣщенія.

Въ 1717 году издано въ Петербургѣ: „Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію", и, какъ сказано на заглавномъ листѣ, эта книга „напечатася повелѣніемъ Царскаго Величества". Въ началѣ книги помѣщены: азбука, склады, цифры и краткія нравоученія изъ св. писанія; затѣмъ слѣдуютъ правила благоприличія: какъ держать себя въ церкви, передъ старшими, въ обществѣ и пр. Книгу эту должно считать первымъ букваремъ, который предназначался для мірянъ, и потому она не имѣетъ ничего общаго съ прежними изданіями. Главное содержаніе этой книги—указаніе, какъ вести себя въ обществѣ и соблюдать правила внѣшняго благоприличія; такъ, напримѣръ, даются наставленія о сохраненіи въ чистотѣ ногтей, зубовъ, говорится о томъ, чтобы не сморкать громко, не плевать и пр. Правила эти, какъ пріучавшія къ опрятности и вѣжливости, вполнѣ были умѣстны для своего времени.

Въ 1720 г. напечатанъ въ Петербургѣ по повелѣнію и подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петра Великаго, букварь Ѳеофана Прокоповича: „Первое ученіе отрокомъ, въ немъ же буквы и слоги; таже: краткое толкованіе Законнаго Десятословія, молитвы Господней, Символа Вѣры и девяти Блаженствъ". Соотвѣтствуя вполнѣ цѣлямъ монарха, выраженнымъ въ Духовномъ Регламентѣ, букварь этотъ былъ введенъ и распространенъ по всѣмъ школамъ и церквамъ и употреблялся при обученіи не только духовныхъ, но и мірянъ. Успѣшность букваря Прокоповича, кромѣ поддержки со стороны царя, объясняется и несомнѣнными его достоин-

ствами сравнительно съ предшествовавшими подобными книгами. Въ предисловіи говорится о важности благочестиваго воспитанія и упрекаются тѣ, которые полагаютъ, что богопочтеніе состоитъ лишь во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ; при этомъ указывается, что умѣнье читать книги, безъ ихъ пониманья, или чтеніе неполезныхъ книгъ не только не приноситъ никакой пользы, но причиняетъ явный вредъ, особенно же когда нѣтъ страха Божія и добраго воспитанія, а если къ этому присоединяется еще самомнѣніе читающихъ, что „они вельми мудры суть“, то такіе „дерзаютъ вымышлять плевельныя ученія“. Говоря затѣмъ о прежнихъ букваряхъ, онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они написаны славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ. Въ наставленіи къ родителямъ говорится, что ученіе должно вести сообразно съ требованіями жизни, что „отрокъ долженъ такъ обходиться, какъ учимь есть отъ Закона Божія“. Въ букварѣ избѣгаются тѣ части грамматики, которыя своими схоластическими опредѣленіями ничего не выясняли, а скорѣе туманили дѣтскую голову. Исключительное вниманіе обращено на толкованіе заповѣдей, Символа Вѣры, молитвы Господней и девяти Евангельскихъ блаженствъ, при чемъ указываются больныя стороны старорусской жизни и школы, и обличается суевѣріе. Не сочувствуя схоластической рутинѣ, Прокоповичъ избѣгаетъ въ своемъ букварѣ витіеватости, напыщенности фразъ и дурно составленныхъ виршъ; въ его книгѣ нѣтъ тѣхъ безсвязныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя нисколько не содѣйствуютъ умственному развитію. Поставивъ цѣлью — просто и понятно выяснить смыслъ основныхъ истинъ христіанской вѣры и нравственности, онъ противопоставляетъ темныя стороны жизни ясному ученію православной Церкви и этимъ старается ихъ ослабить и искоренить. Оставляя сухую мораль, не прибѣгая къ восхваленію розги, отвѣчая на вопросы и требованія своего времени, включая новыя воззрѣнія на обученіе, букварь Прокоповича и формой, и содержаніемъ превосходитъ всѣ предшествовавшіе ему буквари. Хотя и онъ не изъятъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ, наприм., въ немъ нѣтъ никакихъ методическихъ указаній на обученіе грамотѣ, иногда допускается несоотвѣтствующій учебнику насмѣшливый ѣдкій тонъ въ выраженіяхъ, тѣмъ не менѣе въ свое время это была одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ для элементарнаго обученія.

Грамматика. Знаніе грамматики въ началѣ XVIII столѣтія

не выходило изъ предѣловъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, составившаго свой трудъ въ началѣ XVII вѣка по образцу греческой грамматики, измѣнился только взглядъ на грамматику и возбудилось сознаніе въ необходимости имѣть основательное руководство къ познанію отечественнаго языка. Изданныя въ это время грамматики представляли или извлеченіе изъ Смотрицкаго, какова грамматика Копіевскаго, напечатанная въ 1706 году въ Голландіи, или же перепечатку грамматики Смотрицкаго, какова изданная въ Москвѣ въ 1721 году, съ предисловіемъ и незначительными перемѣнами, грамматика Ѳеодора Поликарпова. Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ грамматика, составленная въ 1723 г. иподіакономъ Максимовымъ; хотя и онъ слѣдуетъ Смотрицкому, но у него уже видны попытки объяснить правила не только книжнаго, но и разговорнаго русскаго языка. Лишь въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія, Тредьяковскій возсталъ противъ несовременности и обветшалости правилъ, заключавшихся въ грамматикѣ Смотрицкаго, которая тѣмъ не менѣе служила почти единственнымъ источникомъ грамматическихъ свѣдѣній до 1755 г., когда вышла грамматика Ломоносова.

Ариѳметика и другія математическія знанія. Со времени Петра Великаго ариѳметика не только сдѣлалась предметомъ спеціальныхъ училищъ, но и вошла въ кругъ начальнаго обученія въ духовныхъ и въ свѣтскихъ школахъ. Служившія до сихъ поръ для изображенія чиселъ славянскія буквы замѣняются ариѳметическими цифрами, которыя входятъ во всеобщее употребленіе съ начала XVIII ст. Первымъ распространителемъ ариѳметическихъ знаній былъ Фарварсонъ, учитель въ навигаціонной школѣ, составившій нѣсколько математическихъ сочиненій (Тригонометрія, Алгебра и проч.), а первая ариѳметика, напечатанная въ Москвѣ, была составлена Магнитскимъ. Благодаря этимъ ученымъ, математическія знанія стали постепенно распространяться и пріобрѣтать соотвѣтствующее имъ значеніе, тогда какъ прежде на занимающихся математикою смотрѣли, какъ на чернокнижниковъ. Даже въ царствованіе Петра Великаго этотъ взглядъ на математическія науки продолжалъ отчасти существовать, и Сухарева башня, гдѣ дѣлались астрономическія вычисленія, физическіе опыты и пр., прослыла въ народѣ, какъ мѣсто колдовства, а Брюсъ, авторъ перваго знаменитаго русскаго календаря, считался въ народѣ чернокнижникомъ. Хотя еще до появленія ариѳметики Магнитскаго

вышло въ Амстердамѣ въ 1699 году „Руководеніе въ Ариѳметику“, изданное Копіевскимъ, но сочиненіе это не пользовалось извѣстностію, и математическія знанія стали распространяться, главнымъ образомъ, изданною въ Москвѣ въ 1703 г. ариѳметикою Магницкаго. Ѳеодоръ Леонтьевичъ Магницкій былъ ученикъ Московской академіи, когда тамъ еще преподавали Лихуды, затѣмъ состоялъ учителемъ въ навигаціонной школѣ, и былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ ученыхъ; онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и пользовался милостью монарха. Книга его, заглавіе которой „Ариѳметика, сирѣчь наука числительная, съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ переведенная“, представляетъ родъ математической энциклопедіи, составленной по греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ и прежде переведеннымъ славянскимъ источникамъ; она содержитъ въ себѣ ариѳметику, геометрію, тригонометрію, навигацію, астрономію и другія математическія науки въ приложеніи къ мореплаванію. Предисловіе къ ариѳметикѣ и посвященіе царю отличаются риторическою напыщенностью и многословіемъ. Въ его книгѣ много примѣровъ и задачъ. Хотя методъ изложенъ довольно ясно, но авторъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя никакихъ разсужденій. Въ концѣ каждаго правила помѣщены стихи съ цѣлію поблагодарить Бога за уразумѣніе прочитаннаго и пригрозить лѣнивому ученику, или ободрить прилежнаго. Книга эта, весьма полезная для своего времени, служила долгое время учебникомъ; она же возбудила любознательность Ломоносова.

По мѣрѣ распространенія математическихъ знаній, стало увеличиваться и число печатныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ математики: геометріи, тригонометріи, алгебрѣ, механикѣ и пр., переведенныхъ или составленныхъ по иностраннымъ образцамъ. Съ начала же этого столѣтія начинаютъ распространяться и астрономическія знанія и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что самъ царь, какъ любитель астрономіи, выписалъ для астрономическихъ наблюденій очень хорошіе телескопы, инструменты и книги. Производствомъ астрономическихъ наблюденій и вычисленій занимались, главнымъ образомъ, Фарварсонъ и Брюсъ; кромѣ научнаго значенія, эти вычисленія служили матеріаломъ и для календарей, начало печатанія которыхъ принадлежитъ также этому времени. Хотя и до Петра Великаго были рукописные календари, переводимые съ польскаго или нѣмецкаго, но они состояли, главнымъ образомъ,

изъ астрологическихъ предсказаній; календарныя же свѣдѣнія, на основаніи астрономическихъ наблюденій и вычисленій, примѣнительно къ русскому государству, стали появляться лишь съ Петра Великаго. Въ 1709 году вышелъ гравированный на мѣди стѣнной календарь, извѣстный подъ именемъ Брюсова, такъ какъ онъ составлялся подъ наблюденіемъ ученаго и любимца Петра Великаго Якова Брюса. Несмотря на то, что невѣжественный народъ смотрѣлъ на Брюса, какъ на чернокнижника, тѣмъ не менѣе календарь его пользовался извѣстностью и расходился во множествѣ изданій. Хотя и въ немъ помѣщались астрологическія предсказанія, но онъ содержалъ много и полезныхъ свѣдѣній, такъ, напр., въ немъ можно было найти пасхалію, лунникъ, время восхода и захода солнца, при чемъ всѣ вычисленія сдѣланы на многіе годы. Съ этого же времени стали ежегодно издаваться календари въ Москвѣ и Петербургѣ.

Такъ какъ учрежденныя вновь училища отличались спеціальнымъ характеромъ, то соотвѣтственно тому для спеціальныхъ предметовъ, проходимыхъ въ этихъ училищахъ, были изданы многочисленныя переводныя руководства по разнымъ отраслямъ прикладныхъ знаній, какъ-то: морскому искусству, артиллеріи, механикѣ и пр. Книги эти, распространяя полезныя свѣдѣнія, необходимыя для службы государству и для практическихъ цѣлей, содѣйствовали вмѣстѣ съ тѣмъ и выработкѣ совершенно дотолѣ неизвѣстной у насъ научной терминологіи.

Историческія книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространялись книги по исторіи, географіи, языкознанію и другимъ общеобразовательнымъ наукамъ. По исторіи, кромѣ переводныхъ сочиненій, сообщавшихъ свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ государствъ, ихъ законахъ и пр., какъ, напр., переводъ „Исторіи европейскихъ государствъ“ Пуффендорфа, царь издавалъ указы и постановленія о собираніи историческихъ матеріаловъ для составленія русской исторіи, самъ писалъ историческія замѣтки о войнѣ со шведами и велъ походные журналы. Какъ весьма важный матеріалъ для изученія самой эпохи Петра Великаго, являются записки его современника Посошкова. Посошковъ, подмосковный крестьянинъ, хотя и не получилъ образованія, но отличался начитанностью, большимъ умомъ и знаніями. Сынъ его былъ въ числѣ первыхъ русскихъ людей, посланныхъ въ 1708 году за границу. Посошковъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, обнимающихъ всѣ стороны

быта Петровской Руси; одно изъ нихъ „Проектъ о школахъ“ содержитъ много указаній о томъ, какъ поставить дѣло народнаго образованія.

Къ дѣятелямъ Петровской эпохи принадлежитъ и первый русскій исторіографъ Татищевъ. Получивъ образованіе въ Московской артиллерійской школѣ, которою въ то время завѣдывалъ математикъ и астрономъ Брюсъ, Татищевъ, занимая разныя военныя и гражданскія должности, собиралъ источники для русской исторіи, изучалъ лѣтописи, открывалъ цѣнные рукописные памятники и составилъ первую „Исторію Россіи“, которая и по настоящее время пользуется высокимъ уваженіемъ ученыхъ.

Географія. Кромѣ многихъ переводныхъ сочиненій по географіи, со времени Петра Великаго начинается въ Россіи изданіе картъ и составленіе описей разныхъ мѣстностей. Съ этою цѣлью былъ вызванъ изъ Голландіи граверъ Шюнебекъ, который гравировалъ карты, а затѣмъ являются и работы его учениковъ изъ русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ производятся самостоятельныя изслѣдованія объ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи съ точнымъ описаніемъ областей и провинцій всего государства, и дѣлаются разысканія достопримѣчательностей и рѣдкостей. Послѣ своей поѣздки въ Парижъ и сближенія съ тамошними учеными, между которыми былъ извѣстный географъ Делиль старшій, царь издаетъ рядъ распоряженій, клонившихся къ разъясненію тогда еще темныхъ и неизслѣдованныхъ вопросовъ въ области землевѣдѣнія и естественныхъ наукъ, и снаряжается въ Сибирь экспедиція для геодезическихъ работъ; ученики Петербургской морской академіи посылаются въ губерніи „для сочиненія ландкартъ“, и изслѣдуются минеральныя воды въ Россіи; наконецъ, по распоряженію царя отправляется въ Сибирь докторъ Мессершмидтъ—первый ученый путешественникъ, познакомившій свѣтъ съ географіей, естественною исторіей и этнографіей Сибири.

Иностранные языки. Изученіе иностранныхъ языковъ, которыхъ такъ избѣгали въ допетровской Руси, дѣлается теперь необходимымъ какъ въ виду политическихъ государственныхъ цѣлей, такъ и для пріобрѣтенья знаній, заимствуемыхъ съ Запада. Еще въ 1697 году состоялся указъ, первое правительственное распоряженіе о томъ, чтобы дѣти бояръ и иныхъ чиновъ учились итальянскому языку у братьевъ Лихудовъ, преподававшихъ тогда въ славяно-греко-латинской академіи. Первыми начальными учебниками

для изученія иностранныхъ языковъ являются книги, напечатанныя Копіевскимъ въ Голландіи, именно: славянская и латинская грамматика и вокабулы. Въ первой помѣщены „Изображенія разговоровъ къ удобнѣйшему познанію языковъ (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго)“, въ вокабулахъ собраны различныя слова, чаще встрѣчающіяся въ разговорахъ, которыя и были занесены Поликарповымъ въ его букварѣ 1701 г. Въ 1704 г. вышелъ въ Москвѣ „Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славянскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище“, составленный Поликарповымъ и послѣ дополненный Стефаномъ Яворскимъ, Лихудами и Рафаиломъ Краснопольскимъ. Этимъ источникомъ пользовались еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1724 году напечатанъ въ Москвѣ латинскій словарь Максимовича, весьма добросовѣстно составленный, съ длиннымъ предисловіемъ, рисующимъ положеніе русскаго ученаго въ тѣ времена и современнаго языкознанія въ Россіи. Въ это же время издаются книги для изученія голландскаго, нѣмецкаго языковъ и пр. Изученію иностранныхъ языковъ, очевидно, содѣйствовало ознакомленіе съ иностранными сочиненіями, которыя съ эпохи Петра Великаго стали появляться у насъ въ литературныхъ произведеніяхъ. Переводы иностранныхъ сочиненій дѣлались обыкновенно въ славяно-греко-латинской академіи и при типографіи въ Москвѣ по распоряженію Мусина-Пушкина, начальствовавшаго надъ монастырскимъ приказомъ, по порученію царя и черезъ распоряженіе Синода и Сената. Цѣлый рядъ переводчиковъ, иностранцевъ и русскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ, типографскихъ справщиковъ и учениковъ академіи, изъ лицъ высшаго сословія, изъ шведовъ, знавшихъ русскій языкъ—должны были переводить указанныя имъ сочиненія. Такимъ образомъ, въ Петровскую эпоху наша переводная литература обогащается многочисленными переводными западно-европейскими сочиненіями, что успѣшно содѣйствовало распространенію знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ какъ въ средѣ общества, такъ и въ школѣ.

Русскія Вѣдомости. Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для распространенія полезныхъ знаній и для ознакомленія съ Европою и съ своимъ отечествомъ служили „Русскія Вѣдомости“, положившія начало русской журналистикѣ и замѣнившія собою тѣ рукописные „куранты“, которые отличались характеромъ государственной тайны. Въ 1703 г. 2 января вышелъ первый листъ „Русскихъ Вѣдомостей“, которыя печатались въ количествѣ 1000 экземпляровъ,

что ясно указывало на потребность подобнаго изданія и на пробудившуюся уже въ обществѣ любознательность. Насколько эти „Вѣдомости“ удовлетворяли потребности, свидѣтельствуютъ тѣ рукописные сборники, въ которые переписывались отдѣльные номера газеты. Петръ Великій нерѣдко самъ отмѣчалъ статьи изъ иностранныхъ газетъ, назначавшіяся имъ для перевода и печатанія въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. До 1711 г. „Вѣдомости“ печатались въ Москвѣ, а въ этомъ году, съ устройствомъ въ Петербургѣ типографіи, вышелъ первый номеръ этой газеты въ Петербургѣ, и съ этихъ поръ газета выходила то въ одной, то въ другой столицѣ. Съ 1725 года „Вѣдомости“ стали называться „Россійскими“, а въ 1728 г. онѣ прекратились. Въ этомъ году Академія Наукъ выпустила первый номеръ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Типографіи и вспомогательныя ученыя и учебныя учрежденія. Открытіе нѣсколькихъ новыхъ типографій содѣйствовало изданію многочисленныхъ появившихся въ это время книгъ, а учрежденіе библіотекъ, кунсткамеры, аптекарскаго сада и пр., служило также однимъ изъ главныхъ проводниковъ образованія въ народную массу и наглядно знакомило съ различными предметами изъ области знаній. Въ 1700 г. Петръ Великій выдалъ негоціанту голландцу Яну Тессингу грамоту съ тѣмъ, чтобы онъ завелъ въ Амстердамѣ типографію и печаталъ чертежи и книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, и отдѣльно на славянскомъ и голландскомъ языкахъ, „отъ чего бы русскіе подданные много службы и прибытка могли получити и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ“. При этомъ сдѣлано исключеніе для церковныхъ книгъ, печатаніе которыхъ должно было производиться въ Москвѣ. Составленіемъ и изданіемъ первыхъ книгъ, вышедшихъ изъ типографіи Тессинга, занялся Илья Копіевскій, довольно хорошо владѣвшій славяно-русскимъ языкомъ, который вскорѣ также завелъ въ Амстердамѣ свою типографію для печатанія русскихъ сочиненій. Изъ типографіи Тессинга и Копіевскаго вышло множество русскихъ книгъ, большею частію переводовъ иностранныхъ сочиненій или составленныхъ по образцу иностранныхъ, напр., басни Эзопа, сочиненіе Квинта Курція объ Александрѣ Македонскомъ, календари, учебники морскихъ и военныхъ наукъ, грамматика славяно-россійская, ариѳметика и пр. Особенно же стало увеличиваться число печатныхъ русскихъ книгъ со времени учрежденія въ Петербургѣ нѣсколькихъ типографій. Печатаніе русскихъ книгъ принимаетъ

все большіе размѣры; вмѣстѣ съ тѣмъ и славянская азбука начинаетъ замѣняться гражданскою. Первыя книги, печатанныя гражданскимъ шрифтомъ, были вышедшія въ 1708 году: „Геометрія, словенски землемѣріе", и „Приклады, како пишутся комплименты", затѣмъ стали печататься этимъ шрифтомъ и другія изданія, для чего въ Москвѣ и была учреждена „Гражданская типографія". Такая же типографія „съ новыми литерами" была основана и въ Петербургѣ въ 1711 году, а въ 1720 году прибавилась еще типографія при Александро-Невской лаврѣ, въ которой печатались книги славянскимъ шрифтомъ. Далѣе была основана гражданская типографія при Сенатѣ и типографія при морской академіи. Такимъ образомъ, съ этихъ поръ стали появляться книги—однѣ гражданскаго, а другія славянскаго шрифта. Славянскимъ шрифтомъ продолжали печатать книги священнаго писанія и вообще религіознаго содержанія — въ старой Московской типографіи, въ типографіи Александро-Невской лавры, Кіевской, Черниговской, Слуцкой и Могилевской. Бумага, извѣстная у насъ на Руси еще съ царствованія Іоанна III-го, выписывалась до 1723 года изъ-за границы; съ этого же года Петръ Великій повелѣлъ употреблять бумагу „русскаго дѣла", приготовлявшуюся въ Петербургской и Дудоровской (Дудергофской) бумажныхъ фабрикахъ.

Библіотека. Извѣстная библіотека при Академіи Наукъ въ Петербургѣ замѣчательна тѣмъ, что это самое первое въ Россіи книгохранилище, которое сдѣлалось съ 1728 г. доступнымъ для общаго пользованія. Библіотека эта стала составляться изъ книгъ, вывезенныхъ изъ Остзейскаго края; затѣмъ она увеличивалась собраніями книгъ, поступившихъ въ нее послѣ смерти или опалы вельможъ, имущества которыхъ переходили въ казну (Шафировъ), а также по завѣщанію лицъ, приближенныхъ къ царю (медикъ Арескинъ). Съ цѣлью организаціи библіотеки, Петръ Великій нарочно посылалъ Шумахера, состоявшаго и библіотекаремъ, въ Голландію, Англію и Францію для пріобрѣтенія новыхъ сочиненій съ цѣлью пополнить Петербургскую библіотеку.

Кунсткамера. Одновременно съ библіотекою учреждалась и кунсткамера. Во время своего перваго путешествія по Европѣ, Петръ Великій пріобрѣталъ коллекціи разныхъ естественно-историческихъ предметовъ, которыя и присылалъ въ Россію; коллекціи эти, вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами Московской большой аптеки, помѣщались сначала въ Москвѣ, а потомъ были

перевезены въ Петербургъ, гдѣ ихъ сохраненіе было поручено Шумахеру. Эти-то „всякіе раритеты" и послужили первымъ основаніемъ для музея Академіи Наукъ, называвшагося въ то время „кунсткамерой". Во второе свое заграничное путешествіе Петръ Великій дѣлаетъ нѣсколько капитальныхъ пріобрѣтеній для своего собранія. Отправляя секретаря медицинской канцеляріи Шумахера за границу съ разными порученіями, касавшимися болѣе научныхъ цѣлей, царь поручилъ ему купить и нѣсколько ученыхъ коллекцій. Въ 1718 г. издается указъ, коимъ повелѣвается доставлять со всѣхъ концовъ Россіи въ кунсткамеру уродовъ (монстровъ), рѣдкостей, старинныхъ вещей и пр. За доставку такихъ предметовъ назначалось денежное вознагражденіе, а за утайку полагался штрафъ. Такимъ способомъ коллекціи кунсткамеры постоянно увеличивались новыми пріобрѣтеніями, при чемъ надолго сохранился обычай посылать въ кунсткамеру все рѣдкое и достопримѣчательное. Насколько Петръ Великій интересовался основанною имъ кунсткамерой, видно изъ того, что онъ часто посѣщалъ ее, однажды давалъ тамъ торжественную аудіенцію послу римскаго императора, и во время своихъ походовъ, какъ, напр., въ Персію, заботился объ отсылкѣ пріобрѣтенныхъ тамъ рѣдкостей; когда же Петру Великому посовѣтовали наложить плату за посѣщеніе кунсткамеры, онъ замѣтилъ, что тогда никто не будетъ посѣщать ее, и, напротивъ, опредѣлилъ особую сумму для угощенія посѣтителей.

Кромѣ того, основываются и другія научно-вспомогательныя учрежденія, напр., аптекарскій садъ, послужившій основаніемъ для извѣстнаго нынѣ Императорскаго ботаническаго сада въ Петербургѣ, анатомическій театръ, обсерваторія и пр. Такимъ образомъ, водворившіяся на Руси знанія, усвоивались не только теоретически, но и наглядно, черезъ разсмотрѣніе и изученіе самихъ предметовъ, которые, по приказанію царя, собирались какъ за границей, такъ и со всѣхъ концовъ Россіи.

Правительственныя мѣропріятія и законоположенія для распространенія образованія. Кромѣ общихъ мѣропріятій, выразившихся въ учрежденіи училищъ, въ вызовѣ изъ-за границы ученыхъ, въ отправкѣ русскихъ за границу и пр. мѣръ, Петръ Великій издавалъ многіе указы относительно способовъ распространенія образованія, вызванные потребностью самой постановки этого новаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. При преобладавшемъ общемъ невѣжествѣ и непробудившемся еще желаніи — выйти изъ этого

состоянія, дѣти и взрослые съ ужасомъ смотрѣли на открываемыя училища и не только что не стремились въ школу, а, напротивъ, изыскивали всякія средства, чтобы избѣжать ее; такое отвращеніе отъ школы еще болѣе усиливалось вслѣдствіе тѣхъ крутыхъ мѣръ, какія въ то время практиковались въ школахъ, и той трудности ученія, которая являлась естественнымъ слѣдствіемъ недостатка хорошихъ учителей, отсутствія всякаго разумнаго метода преподаванія, невыработки научнаго языка, а также и непривычки учащихся къ умственному труду. При такой постановкѣ школы и несочувствіи къ ней общества, естественно, нельзя было ожидать добровольнаго опредѣленія дѣтей въ открываемыя училища, которыя, въ дѣйствительности, и избѣгались и дѣтьми и ихъ родителями. Для устраненія этого Петръ Великій дѣлаетъ обученіе обязательнымъ для дѣтей дворянскихъ и служилыхъ людей и для духовенства. Чтобы эта обязательность обученія неуклонно осуществлялась, принимаются настойчивыя мѣры, за правильнымъ исполненіемъ которыхъ строго наблюдаетъ правительство. Царскимъ указомъ всѣ дѣти должны были обучаться грамотѣ до 10—15 лѣтъ, для провѣрки производились экзамены, *повѣрочные смотры*, при чемъ дѣти, соотвѣтственно возрасту, степени знанія и состоянію, назначались въ школы, на службу, или же отпускались домой. Изъ дѣлъ и указовъ того времени видно, что дѣти дворянскія, офицерскія и прочихъ служилыхъ людей являлись на эти смотры неисправно, укрывались подъ разными видами и бродили по городамъ, „дабы свое званіе утаить“ и тѣмъ избѣжать ученія. Вслѣдствіе этого Петръ Великій принималъ различныя принудительныя мѣры; такъ, дворяне, не учившіе своихъ дѣтей грамотѣ, лишались права передавать дѣтямъ свое имущество, штрафовались денежными взысканіями, тѣмъ же молодымъ людямъ, которые не имѣли свидѣтельства „объ ученіи писемъ“, т. е. которые были неграмотны, не дозволялось вѣнчаться. Относительно духовенства хотя и не принимались такія крутыя мѣры, такъ какъ это сословіе издревле само было хранителемъ и проводникомъ образованія и грамотности, но и здѣсь указомъ 1723 г. повелѣвалось, чтобы изъ поповскихъ, дьяконовскихъ и причетниковскихъ дѣтей набирать въ школы всѣхъ тѣхъ, которыя учиться могутъ; „а которыя въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею“. Нерадивыя же и лѣнивыя, какъ лица ненужныя для духовнаго дѣла, причислялись къ податному сословію. Съ цѣлію провѣрки образованія дѣтей духовен-

ства, дѣлались *разборы*, при чемъ не учившіяся отдавались въ военную службу. Указомъ же 1723 года Петръ велѣлъ переписать всѣхъ молодыхъ монаховъ и собрать ихъ въ школы. Но и при всей энергіи царя, съ которою онъ преслѣдовалъ дѣло народнаго образованія, многіе изъ его указовъ не исполнялись, или исполнялись но не долго, родители употребляли разные способы, чтобы ихъ обходить, и изъ учениковъ многіе изгонялись изъ школы за тупость, или же числились въ бѣгахъ изъ школы.

Отношеніе общества къ новымъ училищамъ. Русское общество въ эпоху преобразованій Петра Великаго, не могло сразу измѣниться къ лучшему, даже подъ вліяніемъ энергичныхъ и крутыхъ мѣръ, предпринимавшихся царемъ; общество еще долгое время не только что оставалось равнодушнымъ къ новоучрежденнымъ училищамъ и относилось къ нимъ съ несочувствіемъ и недовѣріемъ, но даже всѣми средствами противодѣйствовало имъ. Родители, сами не имѣя никакого образованія, не понимая цѣли и пользы обученія, непривыкшіе къ умственному труду, смотрѣли на школу, какъ на ненужную затѣю, отторгающую отъ нихъ дѣтей, какъ на мѣсто, гдѣ ихъ дѣти, принуждаемыя къ непосильному и, по ихъ мнѣнію, безполезному дѣлу, подвергаются всякимъ лишеніямъ и наказаніямъ. Даже высшія сословія, для дѣтей которыхъ, главнымъ образомъ, и учреждались училища, не скоро могли отрѣшиться отъ укоренившихся въ нихъ невѣжественныхъ воззрѣній на воспитаніе и обученіе. Въ свою очередь, и дѣти боялись школы и относились къ ней съ отвращеніемъ, причиною котораго, главнымъ образомъ, были условія ихъ домашняго воспитанія того времени. Проживая обыкновенно въ помѣстьѣ, далеко отъ всякаго культурнаго движенія, въ средѣ своихъ невѣжественныхъ родителей, нерѣдко подъ вліяніемъ подобострастныхъ слугъ, никѣмъ не останавливаемыя, но скорѣе потворствуемыя въ своихъ дурныхъ наклонностяхъ, дѣти рано освоивались съ дурными привычками и пороками. Самовольные капризы, боярская спесь, лѣнь, отвращенье отъ труда и работы—качества, которыя рано прививались къ ребенку и дѣлали для него невыносимыми суровыя дисциплинарныя требованія школы того времени. Не привыкши къ умственному труду, не видя въ окружающихъ никакого проявленія умственной жизни, дѣти съ отвращеніемъ относились къ ученію, какъ къ занятію, требующему усиленнаго съ ихъ стороны напряженія, чтобы выйти изъ обычной для нихъ умственной неподвижности и усыпленія. Это отвращеніе

ваніе на высшее мѣсто, порученіе авдиторства, награда книгою, эстампомъ, прописью или нотами на публичномъ собраніи университета. Изъ учительскаго списка съ ежедневными отмѣтками составлялась къ 1-му числу каждаго мѣсяца именная вѣдомость, которая писалась на особенной бумагѣ, присылавшейся отъ инспектора къ учителямъ. На такомъ листѣ писались имена учившихся по алфавитному порядку. Въ первыхъ числахъ новаго мѣсяца эти вѣдомости профессоръ доставлялъ, учитель же самъ лично подавалъ инспектору, который по такимъ вѣдомостямъ дѣлалъ въ кондуктной книгѣ учившихся отмѣтки о самовольныхъ отлучкахъ, или отгуливаніи отъ класса, и о предосудительныхъ поступкахъ. Надзоръ за хожденіемъ своекоштныхъ учениковъ въ классы предоставлялся самимъ родителямъ или тѣмъ лицамъ, у коихъ дѣти проживали и были на рукахъ, но самъ университетъ не принималъ и не могъ принять на себя этой обязанности, исполненіе которой было бы весьма тягостно и потребовало бы денежнаго расхода. Для надзора учениковъ по классамъ и на дворѣ университета были особые чиновники, дежурные офицеры, состоявшіе подъ начальствомъ инспектора; они наблюдали за хожденіемъ учителей въ классы, прекращали и предупреждали всякія рѣзвости и шалости учениковъ, смотрѣли за опрятностью классныхъ комнатъ.

Въ концѣ перваго семестра, послѣ зимняго Николина дня, производились сперва приватные, а потомъ инспекторскіе полугодичные экзамены. Въ начальныхъ классахъ языковѣдѣнія и въ нижнихъ и среднихъ ариѳметическихъ классахъ учитель-экзаменаторъ дѣлалъ въ спискѣ назначенныхъ къ экзамену отмѣтки и представлялъ его инспектору, который въ одинъ изъ слѣдующихъ дней проходилъ по классамъ и лично экзаменовалъ дѣтей и по своимъ соображеніямъ опредѣлялъ, сообразуясь съ учительскими отмѣтками, удостоенія учениковъ къ переводу въ старшій классъ. Точно такъ же все происходило и по другимъ классамъ. Послѣднія недѣли зимняго учебнаго полугодія, въ іюнѣ, производились публичные всеобщіе экзамены. Если ученикъ оставался недоволенъ своимъ экзаменомъ у профессора, то онъ могъ подойти къ другому и еще просить себѣ экзамена, даже и послѣ могъ о томъ же просить и третьяго профессора, и ему не отказывали. Всѣ гимназическіе экзамены должны были оканчиваться, по крайней мѣрѣ, за недѣлю до Петрова дня или до публичнаго собранія, которое происходило 28 іюня или въ первыхъ числахъ іюля. За три или за четыре

дня, или и раньше, выставлялся въ сѣняхъ на стѣнѣ списокъ учениковъ, признанныхъ достойными наградъ за прилежаніе. Ученикамъ, удостоеннымъ по экзамену производства въ студенты, дарились въ день собранія передъ начатіемъ акта портупеи, а на самомъ актѣ они награждались шпагами; кромѣ того, въ царствованіе Государыни Елизаветы Петровны и Государыни Екатерины Алексѣевны казеннокоштнымъ ученикамъ изъ разночинцевъ, получившимъ званіе студента, шили ко дню торжественнаго акта темнозеленые мундиры, и студентъ разночинскаго происхожденія пріобрѣталъ права личнаго дворянина. Годичныя собранія отличались торжественностью. Въ церкви университета совершалось богослуженіе. Къ этому дню приглашались лично черезъ дежурныхъ офицеровъ, особыми печатными программами, знатнѣйшія московскія особы и сановники столицы, равно какъ профессоры, директоръ, инспекторъ и ученики. Въ концѣ акта слѣдовало пѣніе хора и раздача наградъ, какъ то: золотыхъ и серебряныхъ медалей студентамъ, серебряныхъ медалей гимназистамъ и шпагъ новопожалованнымъ студентамъ.

Обѣ гимназіи при своемъ открытіи совершенно отдѣлялись одна отъ другой, и учители и классы были разные, но при накопившемся множествѣ учениковъ и тѣ и другіе гимназисты въ одно и то же время стали учиться въ однихъ и тѣхъ же классахъ, съ тою лишь разницею, что дворяне сидѣли за одними столами, а разночинцы за другими; но и такое размѣщеніе въ классахъ недолго продолжалось и само собою уничтожилось. Внѣшнее различіе дворянъ отъ разночинцевъ удерживалось постояннѣе между гимназистами казеннокоштными. Они жили въ разныхъ комнатахъ, воспитанники благороднаго происхожденія на дворянской половинѣ, а разночинцы на другой; хотя и обѣдали въ одной столовой залѣ, но столы для дворянъ накрывались на одной сторонѣ, а для разночинцевъ на другой; была также разница для тѣхъ и другихъ въ столовой посудѣ и въ кушаньяхъ; дворяне отъ разночинцевъ отличались и по одеждѣ. Вся эта рѣзко отличавшаяся разница въ платьѣ и кушаньяхъ соблюдалась до воцаренія Павла Петровича и, наконецъ, совершенно уничтожилась.

Университетъ и гимназіи всегда помѣщались въ одномъ и томъ же зданіи и состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ одного и того же директора. По понятіямъ московскихъ обывателей и гимназіи и университетъ сливались въ одно — учиться въ гим-

назіи то же самое значило, что и учиться въ университетѣ. Это всеобщее мнѣніе о тождествѣ университета и гимназіи въ то время было не совсѣмъ безосновательно, потому что и здѣсь и тамъ изучались почти одни и тѣ же предметы въ неодинаковомъ лишь объемѣ—въ университетѣ пространно, въ гимназіи сокращенно. Самая большая половина учившихся довольствовались однимъ лишь гимназическимъ образованіемъ, въ университетъ же поступали немногіе — особенно желавшіе посвятить себя наукамъ. Съ перваго своего основанія гимназія была поставлена на прочныхъ началахъ, первымъ ея ректоромъ былъ Шаденъ, получившій основательное филологическое образованіе въ Германіи. Шаденъ оставался ректоромъ обѣихъ Московскихъ гимназій въ теченіе 20 лѣтъ, считался основателемъ истиннаго классическаго ученія, утвержденнаго на познаніи древней словесности, и занималъ высшіе классы—греческій и латинскій, изъ которыхъ ученики гимназіи прямо производимы были въ студенты. Главными предметами изученія были древніе языки—латинскій и греческій, и новѣйшіе — французскій, нѣмецкій и италіанскій. Въ 1806 году гимназіи было дано чисто педагогическое назначеніе—приготовлять молодыхъ людей къ поступленію въ университетъ. Въ 1812 году, послѣ пожара, истребившаго университетъ, гимназія болѣе не возстановлялась, такъ какъ въ 1804 году была учреждена новая губернская гимназія въ Москвѣ, и затѣмъ послѣдовало открытіе другихъ гимназій во всѣхъ губернскихъ округахъ.

Такимъ образомъ, университетская гимназія получила и полвѣка сохраняла особенный свой обликъ, соотвѣтственный духу, свойству и тогдашнимъ требованіямъ русскаго народа и правительства, обликъ во многомъ несходный съ училищами иностранными и нѣсколько отличный отъ характера нынѣшнихъ русскихъ гимназій.

Гимназія въ Казани. Вслѣдствіе представленія Московскаго университета въ 1758-мъ году о недостаточности двухъ гимназій, въ Москвѣ и Петербургѣ, для университетовъ Московскаго и Академическаго, послѣдовалъ въ томъ же году указъ объ открытіи гимназіи въ Казани. При открытіи гимназіи въ январѣ 1759 года поступило въ нее только 14 учениковъ и между ними Г. Р. Державинъ; въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ число ихъ увеличилось до 111. Казанская гимназія была поставлена въ зависимость отъ Московскаго университета, который и доставилъ ей

нѣсколькихъ преподавателей изъ окончившихъ въ немъ студентовъ. Организація этого заведенія не была такъ успѣшна, какъ Московской гимназіи—начальники гимназіи часто мѣнялись, выборъ ихъ не всегда былъ удаченъ, въ учителяхъ чувствовался недостатокъ, успѣхи учениковъ были слабы. Въ 1786 году гимназія была преобразована въ главное народное училище, но по указу 1797 года была вновь возстановлена.

Духовныя школы. Послѣ смерти Петра Великаго просвѣтительная дѣятельность правительства замѣтно ослабѣла. Заведеніе новыхъ духовныхъ школъ сдѣлалось рѣдкостью, даже нѣкоторыя изъ заведенныхъ прежде быстро устремились къ упадку, напр., въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются факты просвѣтительной ревности нѣкоторыхъ изъ образованныхъ архіереевъ, большею частью изъ малороссовъ. Такъ, въ 1725 году ревнитель духовнаго просвѣщенія Рафаилъ Заборовскій открылъ новую школу въ Псковской епархіи, собравъ въ нее 58 учениковъ. Въ 1726 году бѣлогородскій епископъ Епифаній Тихорскій, извѣстный уже основаніемъ архіерейской Бѣлогородской школы съ низшимъ курсомъ, завелъ новое высшее училище въ Харьковѣ, которое нѣсколько времени спустя стало извѣстно подъ славнымъ въ свое время именемъ Харьковскаго коллегіума. Мѣстомъ для школы былъ назначенъ домъ при Покровской церкви, которая тогда же обращена въ монастырскую. Въ 1727 году коллегіумъ состоялъ уже изъ 8-ми классовъ до философіи включительно и имѣлъ 420 учениковъ. Какъ и всѣ юго-западныя школы, онъ былъ заведеніемъ всесословнымъ и содержался не столько на церковныя, сколько на общественныя средства. Учителя его были всѣ изъ монаховъ, кромѣ одного иподіакона, который училъ въ низшемъ славянскомъ классѣ. Въ Иркутскѣ, гдѣ прежде заведена была по указу Синода одна миссіонерская монгольская школа при Вознесенскомъ монастырѣ, святитель иркутскій Иннокентій Кульчицкій открылъ вновь при этой школѣ церковно-славянское ученіе и увеличилъ число учениковъ до 32. Школа послѣ этого получила обычный характеръ архіерейской, хотя продолжала оставаться всесословною. Святитель улучшилъ ея помѣщеніе, увеличилъ жалованье учителямъ и до самой смерти усердно снабжалъ ее всѣмъ нужнымъ для ея содержанія. Послѣ его смерти школа пришла въ большой упадокъ, отъ котораго поддержалъ ее потомъ другой образованный иркутскій архіерей Иннокентій Неруновичъ.

Благодаря дѣятельности подобныхъ архіереевъ, ревнителей духовнаго просвѣщенія, получали новое оживленіе и прежнія школы, а закрывшіяся снова возстановлялись. Такъ, когда послѣ Сильвестра Холмскаго, начавшаго дѣло объ основаніи Рязанской школы, но не открывавшаго въ ней ученія за недостаткомъ учителей, въ Рязанскую епархію пріѣхалъ новый архіерей, извѣстный Гавріилъ Бужинскій, школа въ одинъ годъ увеличилась съ 70 учениковъ до 269. Изъ Новгорода въ нее явилось три учителя. Въ курсъ школы, какъ у всѣхъ архіереевъ малороссовъ, немедленно былъ введенъ латинскій инвентарь. Особенно Смоленская школа, запущенная при Сильвестрѣ Холмскомъ, снова стала поправляться съ поступленіемъ на Смоленскую каѳедру въ 1728 году Гедеона Вишневскаго, который немедленно ввелъ въ нее латинское ученіе. Въ 1729 году архіерей Варлаамъ Леницкій завелъ въ Астрахани латинскую школу; въ 1729 же году распущенная въ Вологдѣ школа была снова открыта архіереемъ Аѳанасіемъ Кондоиди.

Такимъ образомъ, судьба школъ вполнѣ зависѣла отъ личностей, стоявшихъ во главѣ епархіальной администраціи, и измѣнялась вмѣстѣ съ ихъ перемѣной.

Духовныя семинаріи. Въ царствованіе Анны Іоанновны, въ манифестѣ 1730 года, велѣно было учредить духовныя школы по всѣмъ епархіямъ, послѣ чего начались усиленныя хлопоты о школахъ,—собирали учениковъ, устанавливали болѣе или менѣе прочныя средства къ ихъ содержанію, отыскивали учителей, расширяли училищные курсы введеніемъ предметовъ средняго образованія и преобразовывали ихъ на юго-западный манеръ. Съ самаго начала 1730-хъ годовъ архіерейскія школы одна за другой усвоиваютъ себѣ даже новое названіе „семинарій", обозначавшихъ новое ихъ значеніе, какъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ отличіе отъ низшихъ школъ грамотности. По мѣрѣ расширенія ихъ курсовъ чрезъ введеніе латинскаго языка и высшихъ наукъ, все рѣзче опредѣлялось ихъ сословное значеніе, какъ школъ назначенныхъ спеціально для обученія духовныхъ дѣтей въ надежду священства. Царствованіе Анны Іоанновны должно считаться важною эпохой въ исторіи духовнаго образованія, съ которой начинается собственно исторія нашихъ духовныхъ семинарій. Въ первые годы царствованія Анны Іоанновны, по епархіямъ на архіерейскихъ постахъ, вездѣ появились малороссы, и повсюду принялись за свою обычную просвѣтительную дѣятельность. Они стали вводить въ подвѣдомыя

имъ школы привычное латинское образованіе и преобразовывать ихъ по кіевскому образцу. Въ теченіе упоминаемаго царствованія это преобразованіе обняло собою всѣ русскія духовныя школы, но на великорусской почвѣ никакъ не прививалась общесословность школьнаго обученія, и великорусская духовная школа съ самаго начала своего существованія являлась съ полными задатками школы сословно-спеціальной.

Въ 1737 году вышелъ синодальный указъ о школахъ, въ которомъ Св. Синодъ, между прочимъ, изъявлялъ намѣреніе подчинить ихъ своему собственному контролю и высказывалъ о неудобствѣ ихъ низменной постановки въ исключительномъ завѣдываніи однихъ только мѣстныхъ епархіальныхъ властей. Въ сентябрѣ того же 1737 года вышелъ именной указъ, которымъ прямо предписывалось заведеніе духовныхъ школъ въ объемѣ семинарій: духовныхъ дѣтей велѣно „обучать на россійскомъ языкѣ грамотѣ, а потомъ грамматикѣ и риторикѣ и др. высшихъ наукъ.....“. Въ томъ же году вышелъ указъ, въ которомъ для учениковъ, обучившихся въ семинаріяхъ латинскаго и греческаго діалекта и другихъ высшихъ наукъ, опредѣлялись служебныя права и вмѣстѣ обязательность какой-нибудь, духовной или гражданской службы; отъ службы военной эти обучившіяся дѣти духовенства освобождались. Въ издававшихся послѣ указахъ постоянно говорилось о важности духовнаго образованія и повторялись строгія внушенія касательно его распространенія духовнымъ начальствамъ. Также правительство указывало и на многочисленныхъ въ имперіи „невѣрныхъ“ инородцевъ, „которыхъ легко можно привесть ученіемъ святымъ въ вѣру Христову, если бы ученые священники были, и архіереи бы въ епархіяхъ къ тому тщаніе и прилежность по своему званію имѣли“. Въ указѣ 1738 года поднятъ важный вопросъ объ опредѣленіи духовныхъ школъ штатами, но какъ ни торопился Синодъ составленіемъ проекта объ этихъ штатахъ, эта мысль не была осуществлена при Аннѣ Іоанновнѣ. Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ явился уже во второй половинѣ XVIII столѣтія. Въ 1737 г. начались также усиленные разборы духовенства, которые имѣли въ виду и очищеніе духовнаго чина отъ необразованныхъ и вообще недостойныхъ людей.

На первомъ планѣ въ ряду наиболѣе видныхъ въ просвѣтительномъ отношеніи архіереевъ этого времени стоитъ самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, школа котораго въ Петербургѣ считалась

образцовою, хотя съ курсомъ не спеціально-духовнымъ. Невская семинарія, благодаря сильному вліянію въ административной сферѣ Ѳеофана Прокоповича, тоже стояла высоко сравнительно съ другими; преобразованіе ея въ славяно-греко-латинскую семинарію послѣдовало еще въ концѣ 1725 года. Счастіе особенно благопріятствовало этой семинаріи какъ вслѣдствіе ея столичнаго значенія, такъ и благодаря просвѣщенному вниманію къ ней Св. Синода и настоятелей Невскаго монастыря, въ вѣдѣніи котораго она состояла. По благопріятной обстановкѣ, сильной поддержкѣ и богатству матеріальныхъ средствъ, съ ней могла сравняться только семинарія Харьковская, благодаря покровительству и щедрости князя М. М. Голицына, а въ 1731 году Императрица утвердила на вѣчныя времена всѣ права и преимущества семинаріи, ограждавшія ее отъ обидъ и притѣсненій со стороны всякаго чина и званія людей. Вскорѣ въ семинаріи открылся высшій богословскій классъ, и она начала постоянно называться коллегіумомъ. Лучшіе студенты коллегіума съ самаго начала его существованія отправлялись для приготовленія къ учительскимъ мѣстамъ за границу; также вызывались учителя изъ иностранныхъ училищъ. Благодаря этимъ благопріятнымъ условіямъ Харьковскій коллегіумъ сдѣлался образцовымъ училищемъ на югѣ, первымъ послѣ Кіевской академіи, и далеко превзошелъ старѣйшую его южную семинарію Черниговскую, которая прежде называлась коллегіумомъ, но не успѣла завести у себя высшихъ классовъ въ описываемое время и остановилась въ своемъ развитіи на риторикѣ. За исключеніемъ Невской и Харьковской школъ, всѣ другія школы по епархіямъ преобразовывались въ семинаріи и расширяли свои курсы при самой бѣдной обстановкѣ. Раньше другихъ въ 1730 г. преобразована была славяно-россійская школа въ Холмогорахъ. Впослѣдствіи объ устройствѣ ея особенно заботился Германъ Копцевичъ, бывшій ректоръ Московской академіи, тотъ самый, который въ 1728 году принялъ въ академіи на свою отвѣтственность геніальнаго рыбака Ломоносова. Въ томъ же году архіереемъ Аѳанасіемъ Кондоиди заведена Вологодская семинарія, также съ латинскимъ языкомъ. Съ 1740 г. число учителей въ ней умножилось пріѣзжими кіевлянами, и семинарія получила прочное существованіе. Въ 1731 г. была преобразована въ семинарію Коломенская школа, также сначала съ латинскимъ языкомъ, а затѣмъ въ нее были вызваны учителя изъ Кіева. Въ 1733 году псковскій архіепископъ Варлаамъ

Леницкій открылъ въ своей школѣ первый латинскій классъ, и, къ концу своего управленія епархіей, онъ довелъ обученіе до философскаго класса, послѣ чего она сдѣлалась одною изъ самыхъ полныхъ семинарій, съ двумястами учениковъ. Въ томъ же 1733 г. была открыта семинарія въ Казани. Съ назначеніемъ въ Казань въ 1732 году архіерея Иларіона Рогалевскаго, школьное дѣло живо подвинулось впередъ—онъ завелъ латинское обученіе, вызвалъ изъ Кіева двоихъ учителей, которые немедленно завели въ школѣ кіевскіе порядки, и архіерейская школа была обращена въ семинарію. Въ 1735 году, когда пріѣхалъ архіерей Гавріилъ, изъ великоруссовъ стариннаго направленія, семинарія стала упадать, и ученики были распущены. Въ 1737 г. поручено было школу въ Казани возстановить попрежнему. Со временемъ семинарія была возстановлена въ прежнемъ видѣ. Въ Вятской епархіи архіерейская школа была превращена въ семинарію въ 1735 г. Въ 1738 г. началось преобразованіе Нижегородской архіерейской школы, доселѣ остававшейся съ двумя только классами—славяно-россійскимъ и эллино-греческимъ, и дававшей своимъ питомцамъ старинное образованіе эллино-славянскаго типа, любимаго архіереями великоруссами. Затѣмъ былъ открытъ и третій грамматическій классъ славяно-латинскій, а послѣ открыты до восьми низшихъ школъ. Въ 1738 же году открыта семинарія въ Устюгѣ, только съ низшими классами, и въ томъ же году въ Переяславлѣ устроена семинарія по южно-русскому типу. Въ 1739 г. по именному указу Императрицы Анны Іоанновны учреждена Крутицкая семинарія, сначала въ городѣ Вязьмѣ, а затѣмъ она переведена въ Москву на Крутицкій архіерейскій дворъ. Въ томъ же году преобразована въ семинарію Тверская школа съ эллино-славянскою грамматикой, а затѣмъ было введено и латинское ученіе, и въ 1740-хъ годахъ заведены въ семинаріи всѣ классы до философіи включительно. Для преподаванія новыхъ предметовъ, были выписаны изъ Кіева учителя; въ томъ же году началось прочное существованіе Рязанской семинаріи, которая доселѣ имѣла очень непостоянную судьбу. Въ 1740 г. открыта семинарія въ Новгородѣ; обучать въ ней велѣно „латинскаго, эллино-греческаго, и аще возможно, и еврейскаго языковъ, начавъ отъ грамматики даже до риторики, философіи и ѳеологіи“. Для учениковъ малоспособныхъ былъ открытъ ремесленный классъ, гдѣ предположено обучать иконописному искусству. Кромѣ перечисленныхъ школъ, были еще двѣ школы, кото-

рыя образовались по семинарскому типу еще раньше: школы—Черниговская и Смоленская. Такимъ образомъ, всѣхъ семинарій къ началу 1740-хъ годовъ насчитывается до 17, за исключеніемъ низшихъ школъ. Эти низшія, славяно-россійскія, а по мѣстамъ и славяно-латинскія, школы съ заведеніемъ семинарій потеряли свое прежнее значеніе, какое онѣ имѣли, когда сами замѣняли семинаріи.

Въ ноябрѣ 1741 года взошла на престолъ Императрица Елизавета Петровна. Новая Государыня была любительницей духовнаго просвѣщенія; къ духовнымъ школамъ она оказывала рѣдкую внимательность. Въ 1743 году Императрица посѣтила Невскій монастырь и была торжественно встрѣчена здѣсь воспитанниками семинаріи. При этомъ она соизволила повелѣть, чтобы диспуты, въ случаѣ ихъ назначенія въ семинаріи, не были производимы безъ ея Высочайшаго присутствія. Вскорѣ она, дѣйствительно, была на одномъ такомъ диспутѣ вмѣстѣ съ В. К. Наслѣдникомъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. По ея именному указу въ Троицкой лаврѣ было ускорено открытіе новой семинаріи, предпринятое еще въ 1738 г. Нерѣдко посѣщая лавру, иногда раза по три въ годъ, она всегда оказывала семинаріи свое милостивое вниманіе и имѣла ее подъ своимъ Высочайшимъ покровительствомъ.

Подъ руководствомъ ученыхъ малороссовъ, подъ конецъ царствованія Елизаветы Петровны, успѣло воспитаться цѣлое поколѣніе великорусскихъ молодыхъ людей, которые сами начали выступать на просвѣтительное поприще.

Первою семинаріей, открытою въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ 1742 году была Троицкая. Она поставлена была въ ближайшую связь съ лаврой, въ которой помѣщалась, и отъ которой получала свое содержаніе. Классы ея доведены были до богословія включительно. Въ 1745 году была открыта Воронежская семинарія, основанная въ видѣ латинской школы еще въ 1731 г., но потомъ закрытая. Архіерей Ѳеофилактъ не только возобновилъ въ Воронежѣ прервавшееся ученіе, но и организовалъ Воронежскую школу въ видѣ семинаріи. Первоначально были заведены низшіе классы: русскій, латинскій и пѣвческій. Развитіе семинаріи остановилось на долгое время на риторическомъ классѣ, до 70 годовъ XVIII столѣтія. Наконецъ, совершенно прекратилось латинское ученіе и оставалось одно славяно-русское, которое преподавалось въ двухъ школахъ: при архіерейскомъ домѣ и въ г. Острогожскѣ. Семинарія снова поднялась изъ упадка уже въ

1760 годахъ. Въ 1744 году началось преобразованіе въ семинарію Тобольской школы, которая все еще оставалась при одномъ элементарномъ славяно-россійскомъ обученіи. Со временемъ семинарія эта достигла до философскаго класса включительно. Въ 1747 г. Арсеній Мацѣевичъ, управлявшій Ростовскою епархіей, открылъ семинарію въ Ярославлѣ; въ этомъ же году основана семинарія въ Костромѣ; до 1757 года семинарія успѣла дойти уже до риторики. Съ вызовомъ новыхъ учителей изъ Кіева курсъ семинаріи въ 60-хъ годахъ заключалъ въ себѣ уже всѣ классы и съ богословіемъ. Въ 1750 г. была открыта семинарія во Владимирѣ. Курсъ ея заканчивался классомъ риторики. Въ 1753 г. заведена была семинарія въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Семинарія эта скоро достигла до степени одного изъ наиболѣе устроенныхъ духовныхъ училищъ. Въ 1757 г. преосв. Георгій Конисскій основалъ семинарію Могилевскую. Особенныя нужды православной Церкви въ Бѣлорусской епархіи, обурѣваемой католическимъ уніатскимъ гоненіемъ, было причиною того, что правительство явилось особенно щедрымъ къ новой семинаріи и назначило ей ежегодный окладъ въ 400 рублей.

Къ 1764 г., ко времени учрежденія духовныхъ штатовъ, семинарій считалось 26, а учениковъ 6000; тогда какъ при Аннѣ Іоанновнѣ число учащихся простиралось всего до 2589. Въ это число 6000 входили также ученики низшихъ школъ, заведеніе которыхъ все усиливалось по мѣрѣ распространенія семинарскаго образованія и числа учащихся въ семинаріяхъ. Къ числу низшихъ школъ относятся отчасти и инородческія школы Казанской епархіи, такъ какъ курсъ этихъ школъ былъ преимущественно духовнаго характера, и воспитанники ихъ, если не всѣ, то многіе получали послѣ церковныя должности.

Управленіе и содержаніе духовныхъ семинарій. Вся административная дѣятельность Св. Синода въ отношеніи къ духовнымъ школамъ ограничивалась только тѣмъ, что онъ побуждалъ епархіальныя начальства заводить ихъ, и тѣмъ контролемъ надъ отношеніями къ нимъ архіереевъ, о которомъ говорилось въ Д. Регламентѣ. Школа духовная, получившая спеціальное назначеніе воспитывать духовныхъ дѣтей въ надежду священства, была отдана въ полное распоряженіе архіереевъ, архіерей ее устраивалъ, онъ же изыскивалъ для нее всѣ матеріальныя и учебныя средства; семинарія обыкновенно и называлась архіерейскою. Посредствующимъ звеномъ между архіереемъ и семинаріей обыкновенно была мѣстная

консисторія. До 1740 годовъ семинаріи большею частью вовсе не имѣли особаго организованнаго внутренняго управленія. Ближайшее наблюденіе за семинаріями поручалось самимъ учителямъ, а надъ ними непосредственно начальствовала консисторія. Особые ректоры были въ однѣхъ академіяхъ. Съ 1740 годовъ по всѣмъ епархіямъ организовываются внутреннія школьныя управленія въ формѣ семинарскихъ конторъ; во главѣ конторы обыкновенно стоялъ интендантъ, лицо большею частью свѣтское, завѣдывавшее дѣлами семинарской экономіи. Во многихъ семинаріяхъ назначался еще вмѣстѣ съ интендантомъ префектъ изъ духовныхъ лицъ, которому поручалась вся учебно-воспитательная часть.

Какъ извѣстно, при Императрицѣ Аннѣ возникла мысль о снабженіи школъ постоянными штатными окладами изъ доходовъ съ церковныхъ имѣній, при чемъ эти имѣнія были отобраны правительствомъ въ общее завѣдываніе коллегіи экономіи. Штатные оклады успѣли тогда получить только двѣ семинаріи Петербургская и Новгородская. При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1744 году церковныя вотчины снова были возвращены въ управленіе духовныхъ властей, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожался главный поводъ хлопотать о назначеніи училищныхъ штатовъ. Съ возвращеніемъ вотчинъ духовенству всѣ издержки на поддержаніе разнаго рода учрежденій по духовному вѣдомству возлагались опять на само же духовное вѣдомство, а правительство затѣмъ слагало съ себя всякое попеченіе.

Такимъ образомъ, содержаніе духовныхъ школъ во все описываемое время исключительно зависѣло отъ мѣстныхъ одиночныхъ средствъ каждой епархіи, отъ ихъ количества и отъ степени умѣнія и энергіи епархіальныхъ властей пользоваться ими на пользу духовнаго образованія.

Въ началѣ существованія духовныхъ школъ ученики почти вездѣ содержались на счетъ самихъ школъ. Потомъ, чѣмъ болѣе образованіе распространялось среди духовенства и чѣмъ болѣе семинаріи стали наполняться учащимися, тѣмъ болѣе содержаніе ихъ „туне“ стало дѣлаться невозможнымъ и даже стѣснительнымъ. Ученики семинарій были раздѣлены на казеннокоштныхъ, или бурсаковъ, и своекоштныхъ. Жизнь воспитанниковъ своекоштныхъ, была скуднѣе и бѣдственнѣе, чѣмъ жизнь бурсаковъ, обезпеченныхъ, по крайней мѣрѣ, какимъ ни на-есть кормомъ и пріютомъ. Самымъ употребительнымъ средствомъ для облегченія со-

держанія своекоштныхъ учениковъ въ семинаріяхъ было зачисленіе за ними церковныхъ мѣстъ, выродившееся изъ обычая наслѣдственности этихъ мѣстъ; также такъ—называвшіяся кондиціи, состоявшія въ обученіи учениками дѣтей разныхъ городскихъ священнослужителей, дворянъ и другихъ болѣе достаточныхъ обывателей. Нужда заставляла бѣдныхъ учениковъ и самихъ изобрѣтать разныя средства къ снисканію себѣ пропитанія: многіе добывали себѣ кусокъ хлѣба перепиской книгъ и рукописей. Также случалось, что ученики поступали въ письмоводители къ разнымъ начальственнымъ лицамъ. Съ этою же цѣлью поступали они въ услуженіе, или нанимались на черныя работы: такъ, у начальниковъ и у учителей духовныхъ школъ прислуга всегда состояла изъ бѣдныхъ учениковъ, а славный Ломоносовъ, учась въ Московской академіи, былъ келейникомъ у одного изъ заиконоспасскихъ монаховъ. Наконецъ, весьма распространеннымъ способомъ для добыванія пропитанія у школяровъ были разнаго рода поборы по добрымъ людямъ; сюда относятся суплики или славленья учениковъ со звѣздою и вертепомъ на Рождество и Пасху, перешедшія сначала изъ Польши въ кіевскія школы, потомъ уже распространившіяся по всей Россіи. Многіе изъ учениковъ выпрашивали себѣ на пропитаніе черезъ сборы и испрашиваніемъ подаянія. Даже архіереи жаловались, что и въ великорусскихъ епархіяхъ, не только въ однѣхъ южно-русскихъ школахъ, ученики ходили наподобіе „сущихъ нищихъ, выпрашивая себѣ дневной пищи“.

Предоставленная въ полное распоряженіе епархіальной власти и обязанная своимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ исключительно сословнымъ средствамъ духовенства, духовная школа быстро развивалась въ томъ же сословномъ направленіи, начало котораго уже сдѣлано при Петрѣ, и усиливала свой замкнутый характеръ. Хотя всѣ духовныя лица стремились къ тому, чтобы образовывать своихъ дѣтей, но школьное обученіе все еще приходилось навязывать силой. Отцы и матери большею частью разставались съ прискорбіемъ и тяжкою грустью съ дѣтьми, когда ихъ отдавали въ семинарію. Одною изъ сильныхъ мѣръ привлеченія дѣтей духовенства въ школы было устраненіе неученыхъ кандидатовъ священства отъ посвященія къ просимымъ ими мѣстамъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ архіереи старались достигнуть своей цѣли, стѣсняя слишкомъ свободный доступъ къ причетническимъ должностямъ. Прямыя мѣры къ привлеченію дѣтей духовенства въ школы остава-

лись въ основныхъ чертахъ тѣ же, какія намѣчены были при Петрѣ Великомъ, и состояли въ переписи всѣхъ достигшихъ извѣстнаго возраста дѣтей священно- и церковно-служителей, разсылки призывныхъ списковъ къ явкѣ ихъ на смотръ и принудительныхъ наборовъ къ ученію. Благодаря указамъ правительства, особенно 1730-хъ годовъ, и благодаря мѣстнымъ распоряженіямъ епархіальныхъ начальствъ, мѣры эти въ описываемое время получили полное развитіе во всѣхъ подробностяхъ. Для собиранія дѣтей, нерѣдко по епархіямъ отправлялись нарочные разсыльники. Въ случаѣ безуспѣшности мѣръ привлеченія духовныхъ дѣтей въ школы, епархіальныя начальства употребляли карательныя мѣры, направленныя какъ противъ дѣтей, такъ и противъ ихъ отцовъ. Для дѣтей важнѣйшимъ наказаніемъ за неученіе было лишеніе правъ духовнаго званія чрезъ отдачу въ подушный окладъ или въ солдатство. Въ случаѣ побѣговъ отъ школы, ученики подвергались болѣе или менѣе жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Несмотря на всѣ страхи, бѣгство отъ ученія доходило въ семинаріяхъ до какихъ-то повальныхъ размѣровъ. Изъ карательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ отцовъ за непредставленіе дѣтей къ смотрамъ, были: тѣлесныя наказанія и лишеніе должностей, а чаще всего денежные штрафы.

Состояніе учебно-воспитательной части въ духовныхъ семинаріяхъ. Закрытый характеръ духовныхъ школъ поддерживался вездѣ, гдѣ было можно завести обширныя ученическія общежитія, при чемъ правило Регламента, запрещавшее отпускать учениковъ на вакаты, примѣнялось къ дѣлу весьма строго. Отпускъ учениковъ въ новыхъ семинаріяхъ въ первый вакатъ оттягивался обыкновенно на нѣсколько лѣтъ. Отпускъ дозволялся на одинъ только мѣсяцъ—августъ. Отпускаемые ученики снабжались паспортомъ. Воспитательная практика школъ этого времени руководствовалась исключительно понятіями юридическими и служебными и ставил- своей главной задачей не нравственное развитіе воспитанниковъ вообще, а ихъ выучку, спеціальное приготовленіе къ ихъ будущей службѣ. За многіе проступки ученикъ судился не школьнымъ начальствомъ, а въ обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстахъ своего вѣдомства, въ духовныхъ правленіяхъ, консисторіяхъ и т. п. Правила морали тоже не далеко возвышались надъ чисто-дисциплинарными требованіями порядка и благопристойности. Тупая канцелярщина, господствовавшая у насъ съ самаго начала XVIII вѣка по всѣмъ вѣдомствамъ, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны

и Елизаветы Петровны доходила до какой-то юридической схоластики съ полною бездушностію. Та же система проникала и въ семинарскую жизнь: „отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ между собою были чрезвычайно ложныя и странныя. Собственно-нравственныхъ отношеній ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не было, самыя добрыя наклонности иного начальника или наставника уступали неумѣстной офиціальности". Ученики умѣли только бояться, а не любить и уважать. На проступокъ ученика смотрѣли не такъ, какъ на проступокъ мальчика или юноши, а судили его, какъ взрослаго, даже какъ гражданина. Педагогическія мѣры въ отношеніи къ ученикамъ состояли исключительно въ наказаніяхъ, которыя имѣли не нравственно-исправительный и воспитательный характеръ, а карательный, совершенно согласный съ общимъ юридическимъ взглядомъ на школьную жизнь учениковъ, и были весьма суровы.

Основныя черты семинарской дисциплины вполнѣ прилагались начальствомъ даже не къ однимъ ученикамъ, но и къ самимъ учителямъ. Ректоръ, а тѣмъ болѣе архіерей, обращались съ ними совершенно такъ же, какъ они сами обращались съ учениками. Низменная постановка учительскаго званія въ тогдашнихъ школахъ была необходимымъ результатомъ того же исключительно служебнаго взгляда на науку и школу. Образованіе имѣло значеніе только практическое, для извѣстнаго рода службы. Правъ у учителя не было, кромѣ развѣ командирскихъ правъ надъ учениками, а между тѣмъ въ назначеніи ему тяжкихъ учительскихъ обязанностей и работъ не скупились. За исключеніемъ малообразованныхъ учителей низшихъ классовъ, которые только и могли учить элементарнымъ предметамъ, каждый учитель послѣдовательно преподавалъ одинъ за другимъ нѣсколько предметовъ, переходя изъ одного низшаго класса въ высшій. Учителя смѣнялись очень часто; прослуживъ много года 4 — 5, каждый изъ нихъ спѣшилъ поскорѣе пристроиться на какую-нибудь другую, преимущественно епархіальную службу. Въ новыхъ семинаріяхъ съ первоначальными низшими курсами на учительскія мѣста опредѣлялись разные грамматисты изъ мѣстнаго духовенства, дьяконы, рѣдко священники, дьячки, пономари, поповы дѣти, пѣвчіе и т. п. люди, или архіереи приглашали къ преподаванію разныхъ грамотеевъ изъ постороннихъ людей. Всѣ эти учителя ничѣмъ не возвышались надъ старинными мастерами грамотности и современными имъ учителями

частныхъ школъ; ни по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, ни по своимъ знаніямъ они не способны были внушить къ себѣ уваженія. Съ расширеніемъ курсовъ потребовались болѣе образованные учителя, которыхъ приходилось искать. Главными наиболѣе желательными кандидатами этого рода были студенты Кіевской академіи. Поэтому производились вызовы кіевлянъ, но улучшеніе быта и положенія учителей шло медленно. Въ болѣе ясныхъ чертахъ оно обнаруживалось только въ немногихъ семинаріяхъ, гдѣ были открыты классы философскій и богословскій, требовавшіе для учительства не кое-какихъ кіевлянъ, а кончившихъ полный академическій курсъ. Большею же частію изъ Кіева въ епархію ѣхали почти одни недоучившіеся студенты. Съ теченіемъ времени цѣна такихъ кіевлянъ не только не возрастала, но даже замѣтно опускалась, съ одной стороны, вслѣдствіе болѣе и болѣе усиливавшагося ихъ наплыва въ епархіи, гдѣ заводились школы, а съ другой, вслѣдствіе конкуренціи съ ними студентовъ другихъ духовныхъ школъ, особенно студентовъ великоруссовъ. Съ кіевлянами стали конкурировать и воспитанники другихъ западно-русскихъ школъ, напр., Харьковскаго коллегіума. Около конца 1720-хъ годовъ по семинаріямъ стали являться новые кандидаты на учительство — студенты Московской академіи. По своему образованію они немногимъ уступали кіевлянамъ. Къ концу описываемаго времени учителей стали поставлять, кромѣ Московской академіи, еще нѣкоторыя болѣе благоустроенныя семинаріи: Троицкая, Новгородская, Казанская. Извѣстная борьба великороссовъ съ малороссами, господствовавшая въ средѣ іерархіи за все описываемое время, имѣла самое большое вліяніе на умноженіе числа учителей изъ студентовъ Московской академіи. Въ то время какъ архіереи малороссы выдвигали на учительскія мѣста кіевлянъ, архіереи великороссы обращали свои надежды къ родной Московской академіи.

Къ концу Елизаветинскаго царствованія число ученыхъ людей великорусскаго происхожденія возросло до того, что они почувствовали себя въ состояніи поддержать дѣло учительства въ мѣстныхъ семинаріяхъ одни, безъ помощи малороссовъ. Послѣдніе тѣмъ не менѣе продолжали сохранять преобладающее значеніе въ школѣ, занимая въ семинаріяхъ всѣ начальственныя должности и пользуясь поддержкой со стороны своихъ земляковъ архіереевъ. Съ теченіемъ времени необходимость въ учителяхъ малороссахъ дѣлалась все менѣе чувствительною. Подъ ихъ руководствомъ ус-

пѣло воспитаться не одно поколѣніе молодыхъ великорусскихъ ученыхъ. Старая монополія малороссовъ переставала быть необходимою. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны общій ропотъ великорусскаго духовенства противъ малороссовъ усилился до того, что побудилъ ее къ изданію въ 1754 г. указа, которымъ дозволено было на важные духовные посты возводить не одних кіевлянъ, но и изъ великороссійскихъ людей.

Учебная часть семинарскихъ курсовъ становилась копіею курса Кіевской академіи, который образовался подъ вліяніемъ историческихъ условій юго-западной Россіи и образцовъ латинско-католическихъ коллегіумовъ, образцовъ далеко чуждыхъ и непонятныхъ въ Великороссіи; почему и стало ослабѣвать обученіе русскому и церковнославянскому языку, составлявшее главный предметъ въ великорусскихъ духовныхъ школахъ. Хотя въ низшемъ классѣ семинарій преподавалось словено-россійское ученіе и церковное пѣніе, но этотъ классъ съ теченіемъ времени совсѣмъ выдѣлился изъ состава семинарскаго курса, сдѣлался классомъ только приготовительнымъ къ нему, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ былъ упраздненъ; затѣмъ слѣдовали все новые и чисто уже латинско-малороссійскіе классы: фара или аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, піитика, риторика, философія и богословія.

Послѣ славяно-россійскаго класса ученики въ фарѣ, или аналогіи, учились читать и писать по-латыни по элементарю; но и эта работа давалась имъ съ трудомъ и нерѣдко приходилось оставаться въ этомъ классѣ (школѣ) по нѣскольку лѣтъ. Въ инфимѣ начиналось грамматическое ученіе, продолжавшееся потомъ въ школахъ грамматики и синтаксимы. Здѣсь ученики принимались за толстую латинскую грамматику Альвара, перешедшую въ русскую школу изъ Польши, чрезвычайно трудную для пониманія. Въ низшемъ классѣ, инфимѣ, преподавались начальныя этимологическія правила Альваровой грамматики и дѣлались небольшія переводныя экзерциціи. Въ слѣдующемъ классѣ, называвшемся грамматикой, проходились почти всѣ грамматическія правила, не исключая и главныхъ синтаксическихъ. Здѣсь же начинались упражненія въ латинскихъ разговорахъ, и въ первый разъ пускали въ ходъ calculus. Въ высшемъ грамматическомъ классѣ, синтаксимѣ, совсѣмъ заканчивали грамматику съ синтаксисомъ и занимались переводами съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. По примѣру Кіевской академіи въ семинаріяхъ принято было писать оккупаціи и экзерциціи. Время

ученія въ грамматическихъ классахъ было тоже неопредѣленно, какъ и въ фарѣ, хотя оффиціально на курсъ каждаго класса и назначалось по году. Неудовлетворительность тогдашнихъ методовъ преподаванія и непобѣдимыя трудности Альвара были причиною крайней медленности успѣховъ учениковъ. Многіе учились лѣтъ по 6-ти, 8-ми въ одномъ классѣ и достигали до возраста 27—28 лѣтъ, пока не выбывали или по собственной просьбѣ на какое-нибудь мѣсто, или будучи исключаемы за великовозрастіе. Синтаксимой заканчивался рядъ низшихъ школъ. Обучившись латыни, ученики были переводимы въ высшія школы, начинавшіяся съ піитики и принимались за изученіе регулъ и формъ піитической и риторской рѣчи, но къ этому времени составъ учениковъ сокращался обыкновенно болѣе, чѣмъ на половину. Піитика, какъ искусство плести вирши, ставилась весьма высоко кіевлянами и удостоилась въ школахъ особаго класса наравнѣ съ риторикой, философіей и богословіемъ. Эта чисто формальная наука духовныхъ школъ нигдѣ не проявляла своей односторонности въ такой степени, какъ въ системахъ піитики; о славянскомъ стихосложеніи говорилось очень немного, и притомъ только о стихосложеніи по силлабическому размѣру. Затѣмъ обращали особенное вниманіе на украшеніе піитическаго стиля, на разныя тропы и фигуры. Вообще изученіе піитики было до крайности подробно, мелочно и формально. Кіевская піитика, впрочемъ, въ Великороссіи имѣла далеко не такіе успѣхи, какъ на своей родинѣ. Великорусскіе воспитанники не увлекались ею какъ малороссійскіе, по крайней мѣрѣ, не считали ее особенно необходимой въ семинарскомъ образованіи, даже въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ классъ піитики былъ совсѣмъ уничтоженъ, и преподаваніе ея было поручено учителю риторики, только по одному дню въ недѣлю. Риторика въ большей части семинарій оставалась высшей наукой, которая завершала все тогдашнее семинарское образованіе. Поэтому на нее смотрѣли весьма высоко, особенно гдѣ не было богословскаго и философскаго класса. Въ сущности риторское обученіе было продолженіемъ той же игры въ словесныя формы, какъ и обученіе піитическое. Все предлагаемое въ риторикѣ являлось сборомъ регулъ, имѣвшихъ практическое значеніе научить человѣка писать и выработать изъ него оратора. Поставленная такимъ образомъ риторика представляла множество разныхъ готовыхъ механическихъ пріемовъ, высокопарныхъ фразъ, сравненій, подобій, сентенцій и примѣровъ изъ

исторіи, чтобы ораторъ могъ составить рѣчь на какую угодно тему и насколько угодно высокопарнымъ языкомъ. Кромѣ обученія формамъ рѣчи, въ этомъ классѣ начиналось обыкновенно первоначальное развитіе у учениковъ формальнаго мышленія: риторика обыкновенно содержала въ себѣ правила, относившіяся или къ логикѣ или къ грамматикѣ. Такимъ образомъ ученики заранѣе приготовлялись къ философскому классу. Нѣкоторые ритористы говорили ученическія проповѣди даже въ церкви. Въ виду такой важности риторическаго обученія на него назначалось 2 года, а тамъ, гдѣ курсъ оканчивался риторикой, ученики оставались въ этомъ классѣ по 4 и болѣе лѣтъ для пріисканія мѣста. Въ философію переводилось еще менѣе учениковъ, чѣмъ въ піитику и риторику. Обѣ высшія науки читались въ семинаріяхъ на латинскомъ языкѣ, философія проходилась въ два года и раздѣлялась на 5 частей: діалектику или логику, физику, психологію, метафизику и ѳеику. Физика была единственною наукой, которая давала семинаристу кое-какія реальныя знанія. Въ основѣ всей философіи лежали начала Аристотеля, а господствующимъ методомъ былъ методъ схоластическій, но съ 1750-хъ годовъ господство Аристотеля стало сильно колебаться на философскихъ каѳедрахъ обѣихъ академій, и замѣтно стали проникать идеи новой философіи Бэкона, Декарта и особенно Лейбница и Вольфа. Въ богословскомъ классѣ ученики оставались неопредѣленное время до пріисканія мѣста, отъ 2 до 3, 4 и 5 лѣтъ. Богословіе преподавалось по тому же схоластическому методу, и образцомъ служилъ латинскій богословъ Ѳома Аквинатъ, или держались не столько системы Аквината, сколько лекцій его академическихъ послѣдователей. По характеру своему онѣ представляли собою обыкновенные схоластическіе трактаты со всѣми обычными недостатками стараго схоластическаго богословствованія. Еще въ началѣ XVIII ст. въ Кіевѣ явилась новая система богословія Ѳеофана Прокоповича, изложенная по образцу новыхъ протестантскихъ ѳеологій Германіи, и нанесшая сильный ударъ старому схоластическому методу богословствованія. Послѣ 1740 года система Прокоповича стала понемногу проникать и въ семинаріи, начиная съ Троицкой. Рука объ руку съ господствомъ въ богословіи схоластики шло господство въ немъ латинскаго языка. Съ первыми же опытами изложенія богословія на русскомъ языкѣ въ 60-хъ годахъ XVIII ст., схоластика въ изученіи богословія стала быстро склоняться къ упадку. Лучшимъ богословско-образователь-

нымъ средствомъ для самихъ богослововъ были катехизическія бесѣды, на которыхъ слышалось живое слово объ истинахъ вѣры на родномъ языкѣ. Для семинаристовъ посѣщеніе бесѣдъ было строго-обязательно. Составленіе и произношеніе бесѣдъ поручалось ректору или префекту или кому-нибудь изъ учителей духовнаго званія. Схоластическая тонкость и изворотливость и знаніе латинскаго языка особенно проявлялись въ семинаріяхъ и въ академіяхъ на публичныхъ диспутахъ, производившихся на латинскомъ языкѣ въ концѣ каждаго учебнаго года и привлекавшихъ множество любопытныхъ посѣтителей. Всѣ перечисленные классы, или школы, были латинскіе, а преподаваніе греческаго языка повсюду было въ упадкѣ. Сама Московская академія до 1738 года оставалась съ одной только латынью и далеко отстала въ этомъ отношеніи отъ Кіевской. Когда въ 1738 году велѣно было ввести въ Московскую академію греческій языкъ, за преподавателями его пришлось обратиться въ Кіевъ; тогда стали заботиться о преподаваніи греческаго языка и въ семинаріяхъ. Къ числу „діалектовъ наипаче приличныхъ духовному чину" присовокуплялся еще языкъ еврейскій, но сами указы о введеніи его въ семинарію говорили только условно: „если возможно". Въ послѣднее время въ академіяхъ начали заботиться о введеніи преподаванія новыхъ языковъ (нѣмецкаго и французскаго). Кромѣ перечисленныхъ главныхъ предметовъ семинарскаго курса, по именамъ которыхъ назывались самые классы, по программѣ Духовнаго Регламента въ семинаріяхъ должны были преподаваться другія свѣтскія науки: ариѳметика съ геометріей, географія, исторія, физика и политика; что касается до введенія въ семинарскій курсъ преподаванія географіи и исторіи, то объ немъ стали вспоминать лишь подъ конецъ описываемаго времени, и эти предметы стали вводиться только въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, но и то какъ бы мимоходомъ и между прочимъ.

Кадетскіе корпуса. Къ этой же эпохѣ относится и учрежденіе первыхъ кадетскихъ корпусовъ, имѣвшихъ главною цѣлью приготовленіе офицеровъ. До этого времени офицеры не получали систематическаго военнаго образованія, а выучивались своему дѣлу только практически въ полкахъ, почему учрежденіе корпусовъ и являлось необходимостью для пользы арміи.

Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ. Въ 1731 году, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, былъ утвержденъ уставъ открытаго въ 1732 году въ Петербургѣ сухопутнаго шляхетнаго

кадетскаго корпуса, устроеннаго по начертанію фельдмаршала графа Миниха по примѣру „прусскаго, датскаго и прочихъ королевскихъ кадетскихъ домовъ“. До этого времени дѣти и юноши распредѣлялись по спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ, безъ права выбора соотвѣтствующаго ихъ склонностямъ занятія. Въ уставѣ же корпуса обращается впервые вниманіе и на склонности молодыхъ людей, и хотя корпусъ имѣлъ главною цѣлью приготовленіе къ военной службѣ, но нѣкоторые преподававшіеся тамъ предметы были не для всѣхъ обязательны и избирались учащимися, смотря по ихъ склонностямъ и желанію. Чтобъ устранить вредное вліяніе свободной жизни на вольныхъ квартирахъ и подчинить учащихся общимъ дисциплинарнымъ требованіямъ, всѣ кадеты должны были жить въ одномъ домѣ на полномъ казенномъ содержаніи. Въ уставѣ корпуса въ первый разъ высказываются съ нѣкоторою опредѣленностью нравственныя педагогическія требованія, отличающіяся сравнительно съ прежними болѣе кроткимъ характеромъ: „на ихъ (кадетъ) нравы, обычаи и поступки надзиратели должны имѣть родительское смотрѣніе“. Но вводимыя кроткія мѣры не могли быть примѣняемы ко всѣмъ кадетамъ, такъ какъ въ корпусъ поступали юноши, часто уже испорченные домашнимъ воспитаніемъ, избалованные, съ дурными наклонностями, при чемъ нерѣдко случались между ними побѣги; такихъ виновныхъ отсылали въ гарнизонную школу для ученья съ солдатскими дѣтьми,—за первый побѣгъ на полгода, а за второй на три года. Корпусъ былъ открытъ на 200 человѣкъ дворянъ—150 русскихъ и 50 лифляндскихъ и эстляндскихъ, отъ 13 до 18 лѣтъ. Число это черезъ годъ дошло до 360 и съ теченіемъ времени все возрастало. Такъ какъ по мысли Миниха корпусъ долженъ былъ приготовлять учениковъ не только для военной, но и для гражданской службы, то для достиженія этой цѣли въ учебный курсъ были введены многіе предметы, какъ, напримѣръ, юридическія и политическія науки, и воспитанниковъ корпуса можно было встрѣтить на разныхъ поприщахъ—военныхъ, гражданскихъ чиновниковъ, артистовъ, педагоговъ и проч. Такъ какъ многопредметность, придававшая заведенію энциклопедическій характеръ, была непосильна ученикамъ, то впослѣдствіи обязательными предметами были оставлены только законъ Божій, ариѳметика, военныя упражненія, а остальнымъ предметамъ и языкамъ учились по желанію. Со временемъ корпусъ сдѣлался разсадникомъ знаменитыхъ полководцевъ (гр. Румянцевъ-Задунайскій, гр. Суво-

ровъ-Рымникскій, Кутузовъ и проч.), славныхъ государственныхъ сановниковъ (кн. Голицынъ), извѣстныхъ писателей (Херасковъ, Сумароковъ, Озеровъ) и другихъ дѣятелей, оказавшихъ заслуги на пользу отечества.

Морской шляхетный кадетскій корпусъ. Учрежденныя Петромъ Великимъ морскія училища—морская академія и навигаціонная школа—стали со временемъ приходить въ упадокъ: число учениковъ замѣтно уменьшалось, суммы на содержаніе училищъ не всегда отпускались исправно, а поступающіе, по принужденію, недоросли были большею частью дѣти бѣдныхъ родителей. При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1752 году, съ цѣлью поднять обученіе морскому дѣлу, былъ основанъ въ Петербургѣ морской шляхетный кадетскій корпусъ, въ которомъ слилась морская академія и навигаціонная школа; большая часть ихъ учениковъ и была переведена въ новооткрытый корпусъ, устроенный на 360 кадетъ. Морской корпусъ является учебнымъ заведеніемъ съ обширнымъ интернатомъ. Организованный по образцу шляхетнаго сухопутнаго корпуса, морской кадетскій корпусъ сохранилъ и многопредметность перваго. Такъ, кромѣ математическихъ и морскихъ наукъ, въ немъ преподавались и политика, и геодезія, и геральдика, и прочія шляхетныя науки. Со временемъ число предметовъ еще болѣе увеличилось прибавленіемъ иностранныхъ языковъ, такъ что, со включеніемъ русскаго языка, въ корпусѣ въ одно время преподавалось нѣсколько иностранныхъ языковъ.

Въ морской корпусъ перевели изъ Московской школы только дворянскихъ дѣтей, а разночинцевъ опредѣлили въ мастерскія школы при адмиралтействахъ и въ штурманскую роту. Кадеты въ строевомъ составѣ раздѣлялись на три роты, а въ учебномъ на три класса. Каждая рота и каждый классъ состоялъ изъ 120 человѣкъ.. Воспитанники перваго класса кончали высшія морскія науки и назывались гардемаринами; во второмъ классѣ проходили навигацію и начинали другія науки; въ третьемъ классѣ кадеты учились тригонометріи и другимъ низшимъ наукамъ. Кромѣ этого, изъ кадетъ второго класса выбиралось „не свыше 30 человѣкъ въ артиллерійскіе кадеты...." Изъ одного класса въ другой переводили по экзамену только на открывающіяся вакансіи, такъ что и достойные по наукамъ, въ случаѣ неимѣнія свободныхъ вакансій, должны были сидѣть въ прежнемъ классѣ. Дирекцію надъ морскимъ корпусомъ положено имѣть изъ морского генералитета, кому Ея

Императорское Величество повелѣть соизволитъ. Второе лицо по директорѣ былъ капитанъ перваго ранга; эту послѣднюю должность исполнялъ Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ, который, по неимѣнію директора и управлялъ корпусомъ. Для помѣщенія корпуса пожалованъ Императрицею (1743) каменный домъ, бывшій Миниха, на Васильевскомъ островѣ.

Императрица, основательница морского корпуса, повелѣла устроить корпусъ по образцу сухопутнаго и даровала ему штатъ, вполнѣ достаточный для его полнаго устройства.

Всѣ служащіе въ корпусѣ офицеры производились въ чины и получали жалованье и прочее продовольствіе наравнѣ съ флотскими офицерами. Въ учебномъ штатѣ корпуса для преподаванія математическихъ и навигацкихъ наукъ положенъ одинъ профессоръ, съ жалованьемъ 700 руб.; два учителя, съ жалованьемъ по 500 руб., и при нихъ шесть подмастерьевъ и шесть учениковъ „большой астрономіи“. Для обученія артиллеріи и фортификаціи назначено два учителя и при нихъ два подмастерья. Въ числѣ корпусныхъ офицеровъ одинъ полагался изъ артиллеристовъ, хорошо знающій артиллерію и фортификацію; онъ долженъ былъ имѣть надзоръ за преподаваніемъ этихъ наукъ. Еще было назначено два учителя для преподаванія „географіи, генеалогіи и для ученья въ штилѣ и въ риторикѣ, исторіи, политикѣ и въ толкованіи авизей, въ морали, геральдикѣ и прочихъ шляхетскихъ наукъ“. Для иностранныхъ языковъ, французскаго, англійскаго и нѣмецкаго, положено на каждый по два учителя, и для русскаго языка и правописанія одинъ учитель. Кромѣ этого, было два учителя рисованія, фехтмейстеръ, танцмейстеръ и боцманъ для обученія такелажной работѣ. Корабельной архитектурѣ должны были учить корабельные мастера изъ Адмиралтейства. При корпусѣ положено имѣть мастеровыхъ по всѣмъ болѣе необходимымъ мастерствамъ; оставлена также бывшая академическая типографія съ словолитней. Въ типографіи должны были печататься книги, карты, патенты и другія работы для флота. Въ зданіи корпуса положено имѣть церковь и лазаретъ, для котораго назначены и медицинскіе чины. Наконецъ, положенъ канцелярскій и хозяйственный, или экономическій, штатъ.

Въ 1756 г., когда были окончены новыя постройки и исправленія корпусныхъ зданій, уже всѣ воспитанники жили въ корпусѣ, а пока производились постройки, кадеты попрежнему жили въ обыватель-

скихъ квартирахъ, а въ классы ходили въ старый домъ. Остававшіеся на вольныхъ квартирахъ получали помѣсячно деньги на пищу и на квартиру, и за „добропорядочнымъ“ поведеніемъ ихъ на квартирахъ наблюдала канцелярія.

Такъ какъ сначала дѣтей поступало въ корпусъ немного, то въ 1758 г. двумя указами Сената повелѣно было „для скорѣйшаго укомплектованія морского кадетскаго корпуса всѣхъ являющихся недорослей, кромѣ онаго корпуса, пока наполнится, въ другія ни въ какія службы не опредѣлять, а отсылать въ тотъ корпусъ“.

Выборомъ офицеровъ въ морской корпусъ занялась сама коллегія и назначила въ корпусъ офицеровъ, дѣйствительно, „хорошихъ и знающихъ“. Профессоромъ математическихъ и морскихъ наукъ выписали изъ Лондона англичанина Ньюбери; учителя русскаго языка выписали изъ Московской славяно-греко-латинской академіи; иностраннымъ языкамъ учили иностранцы.

Первое десятилѣтіе корпуса прошло въ устройствѣ помѣщенія и приведеніи всѣхъ частей управленія въ состояніе, требуемое Высочайше дарованнымъ штатомъ. Первое время корпусомъ управлялъ Нагаевъ, человѣкъ ученый, кабинетный, копотливый гидрографъ, всю жизнь свою проводившій въ серіозной работѣ. Ученый авторитетъ Нагаева былъ такъ великъ и извѣстенъ, что ему безпрестанно дѣлали разнородныя служебныя порученія, требующія свѣдѣній въ наукахъ. Особенно много онъ трудился по части гидрографіи, описывалъ Каспійское море, Финскій заливъ разсматривалъ журналы членовъ Беринговой экспедиціи, составилъ карты Камчатскаго моря и американскаго берега, а также атласъ Балтійскаго моря и проч. Дальнѣйшая служба и труды Нагаева ставятъ его на такую высоту, что до сихъ поръ, какъ говоритъ исторіографъ морского корпуса, всякій морякъ произноситъ съ уваженіемъ имя перваго нашего гидрографа, бывшаго первымъ въ должности директора морского кадетскаго корпуса. Въ классныхъ занятіяхъ корпуса оставался тотъ же общій порядокъ, какой былъ и въ морской академіи, только съ большимъ надзоромъ, нежели прежній. Дежурные офицеры смотрѣли за порядкомъ, записывали не пришедшихъ въ классъ преподавателей и т. п. Способный воспитанникъ, желавшій учиться, и тогда могъ получить хорошія теоретическія свѣдѣнія, и съ пособіемъ практическихъ познаній, пріобрѣтенныхъ въ морскихъ кампаніяхъ, могъ быть прекраснымъ морскимъ офицеромъ.

Въ 1760 году Нагаевъ сдалъ управленіе корпусомъ капитану перваго ранга Давыдову. Въ ожиданіи Высочайшаго назначенія директора морского корпуса, коллегія поручила контръ-адмиралу Милославскому привести корпусъ въ должный порядокъ. Государь Петръ Өеодоровичъ, по кончинѣ Императрицы Елизаветы Петровны, желая дать одно общее направленіе всѣмъ военнымъ учебнымъ заведеніямъ, указомъ 1762 г. повелѣлъ соединить сухопутный и морской кадетскіе корпуса и инженерныя училища подъ одну главную дирекцію гр. Ивана Ивановича Шувалова. Вслѣдствіе этого морской корпусъ былъ сданъ въ вѣдѣніе гр. Шувалова.

Гарнизонныя школы и другія спеціальныя училища. Для обученія солдатскихъ дѣтей учреждаются въ 1732 г. при пѣхотныхъ гарнизонныхъ полкахъ—гарнизонныя школы. Онѣ были разсчитаны на 4000 человѣкъ, устроены во многихъ городахъ (Петербургѣ, Москвѣ, Кронштадтѣ, Ригѣ, Смоленскѣ, въ Сибири, Астрахани и проч.). Дѣти поступали отъ 7 до 15 лѣтъ, и изъ нихъ набирали солдатъ. Эти школы состояли въ вѣдѣніи комендантовъ, учителемъ назначался оберъ-офицеръ, а помощникомъ ему ротный писарь или унтеръ-офицеръ. Съ этими школами были соединены въ 1744 году цыфирныя школы. Гарнизонныя школы этого времени сдѣлались даже подготовительными для учительскаго званія, и еще въ первые годы царствованія Екатерины Великой въ гарнизонныя школы обращались за учителями математики.

Взамѣнъ пришедшихъ въ упадокъ послѣ смерти Петра Великаго учрежденныхъ имъ въ Москвѣ и Петербургѣ инженерныхъ и артиллерійскихъ школъ, Минихъ устраиваетъ въ 1730 г. въ Петербургѣ артиллерійскую школу на 60 человѣкъ солдатскихъ „пушкарскихъ“ дѣтей. Черезъ пять лѣтъ эта школа соединяется съ открытою въ 1735 году „чертежною“ артиллерійскою школой въ Петербургѣ; такая же артиллерійская школа открывается въ это время и въ Москвѣ. Въ 1758 году Петербургская артиллерійская школа соединяется съ инженерною, а изъ нихъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II сформировался артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ.

Въ 1759 г. по плану француза барона Шудъ учрежденъ Императрицею Елизаветою Петровной пажескій корпусъ по образцу версальскаго. Съ этого времени начинается правильное обученіе пажей: нѣмецкому, французскому и латинскому языкамъ, физикѣ, ариөметикѣ, геометріи, алгебрѣ, фортификаціи, исторіи, географіи,

геральдикѣ. При пажахъ находилась многочисленная крѣпостная прислуга. Кромѣ камеръ-пажей въ это время существовали рейтъ-пажи и ягтъ-пажи, на обязанности которыхъ лежало сопровожденіе Императрицы на охотѣ. Въ 1796 году Императоръ Павелъ уничтожилъ ягтъ-пажей. Въ 1800 г. Императоръ повелѣлъ, чтобы пять камеръ-пажей дежурили при особѣ Его Величества съ присвоеніемъ имъ званія лейбъ-пажей; но, по восшествіи Императора Александра I на престолъ, званіе лейбъ-пажей уничтожено. Въ 1802 году Императоръ Александръ I преобразовалъ пажескій корпусъ въ военно-учебное заведеніе подъ наименованіемъ пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. Первоначально корпусъ состоялъ изъ трехъ пажескихъ классовъ (на 50 пажей) и одного камеръ-пажескаго (на 16 камеръ-пажей), и въ порядкѣ управленія не былъ объединенъ съ другими военно-учебными заведеніями. Въ 1819 году корпусъ былъ подчиненъ главному директору кадетскихъ корпусовъ. Съ 1827 года комплектъ обучающихся увеличенъ до 150. Въ 1829 году были изданы правила о порядкѣ зачисленія въ пажи и опредѣленія въ пажескій корпусъ, при чемъ право просить о зачисленіи малолѣтнихъ сыновей въ пажи было предоставлено сначала лицамъ первыхъ четырехъ классовъ, а затѣмъ первыхъ трехъ. Въ 1863 году пажескій корпусъ перешелъ въ вѣдѣніе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

Въ эту же эпоху возникаютъ и другія профессіональныя училища по разнымъ отраслямъ знанія; такъ, штурманская рота для сыновей нижнихъ чиновъ, безпріютныхъ дѣтей; горнозаводская школа въ Перми; въ 1733 году устраиваются медицинскія школы въ Петербургѣ при госпиталяхъ сухопутномъ и морскомъ и въ Кронштадтскомъ. Въ этомъ же году открываются въ Москвѣ и Петербургѣ школы для образованія присяжныхъ повивальныхъ бабокъ.

Хотя заведенія эти первое время и далеки были отъ того, чтобы быть вполнѣ правильно организованными, съ опредѣленно-намѣченною цѣлью и опредѣленными уставами, хотя и они страдали часто неимѣніемъ надлежащихъ учителей, а курсъ ихъ мѣнялся соотвѣтственно взглядамъ начальствующихъ надъ ними лицъ, но, благодаря имъ, высшее и среднее русское сословіе значительно подвинулось въ своемъ образованіи. Этому много содѣйствовала тенденція правительства придать военнымъ школамъ Петровскаго времени характеръ общеобразовательный, что видно изъ организаціи учебной и воспитательной части кадетскихъ корпусовъ, особенно мор-

ского, которые по составу своего учебнаго персонала, по своимъ кроткимъ дисциплинарнымъ мѣрамъ, по самостоятельности выбора кадетами тѣхъ предметовъ, къ которымъ они были болѣе способны и склонны, сдѣлались для того времени учебно-воспитательными заведеніями, привлекавшими весьма большое число учащихся.

Иностранные пансіоны. Съ пробужденіемъ въ высшемъ обществѣ стремленія къ усвоенію западныхъ знаній, дворяне посылаютъ своихъ дѣтей учиться за границу, или выписываютъ для нихъ иностранныхъ учителей—нѣмцевъ и французовъ; примѣру дворянъ послѣдовали чиновники и иностранцы, особенно жившіе въ столицѣ. Иностранные учителя стали появляться въ Россіи, и число ихъ постепенно возрастало—одни изъ нихъ поступаютъ въ частные дома въ качествѣ гувернеровъ и наставниковъ, другіе открываютъ въ столицахъ пансіоны. Самое благопріятное время для французскаго вліянія начинается съ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны, которое до тѣхъ поръ задерживалось преобладаніемъ нѣмецкаго вліянія. Сочувствуя французамъ, Императрица вводитъ у себя обычаи французскаго Двора, появляются французскія моды, французская труппа, и возникаетъ спросъ на учителей французскаго языка и хорошихъ манеръ. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны въ Петербургѣ было уже нѣсколько такихъ пансіоновъ, а при Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1780 году въ Петербургѣ считалось 23 пансіона мужскихъ и женскихъ, учрежденныхъ и содержимыхъ иностранцами—нѣмцами и французами. Учебные предметы въ этихъ пансіонахъ, изъ которыхъ главнымъ стоялъ французскій языкъ, преподавались на французскомъ языкѣ, равно какъ большинство учителей были иностранцы; прочіе же учебные предметы, въ томъ числѣ и русскій языкъ, оставались въ пренебреженіи. Такія же цѣли преслѣдовались и иностранцами-учителями, поступавшими въ семьи. Очевидно, такіе пансіоны и такіе учителя не приносили пользы дѣлу русскаго образованія. Если же подобные иностранцы-содержатели пансіоновъ или учителя — какъ это часто и было на дѣлѣ, сами не имѣли никакого образованія, никогда не занимавшіеся дѣломъ воспитанія, были чужды всему русскому, то и вліяніе такихъ педагоговъ на русскихъ дѣтей, естественно, имѣло только одни вредныя послѣдствія. Указомъ 5 мая 1757 года возложены были на профессоровъ новыя обязанности въ видахъ улучшенія частнаго воспитанія и приведенія всѣхъ учебныхъ средствъ къ государственному единству, и положена преграда

злоупотребленіямъ иностранцевъ. Университетъ въ Москвѣ, равно какъ и Академія Наукъ въ Петербургѣ, назначены были мѣстами испытанія для всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, которые пріѣзжали въ Россію съ педагогическою цѣлью: учить въ домахъ или заводить школы. Всѣ учители и содержатели пансіоновъ, бывшіе на лицо въ Россіи, должны были немедленно явиться въ Академію или университетъ на экзаменъ. Тѣ, которые принимали учителей безъ аттестатовъ, или не объявя держать бы стали, подвергались штрафу по 100 руб. Учителей же, которые безъ аттестатовъ будутъ имѣть школы, приказано высылать за границу. Особливымъ сенатскимъ указомъ повелѣно было дать знать всѣмъ жителямъ Москвы, чтобы они представили своихъ учителей въ университетъ для экзамена, въ срокъ отъ 1 до 15 іюня, а для всѣхъ губерній ближнихъ назначить срокомъ для такой же явки 1-е августа, подъ опасеніемъ взысканія штрафа.

Домашнее воспитаніе. Если уже въ учебныхъ заведеніяхъ этой эпохи, при грубости нравовъ учащихся и недостаткѣ образованныхъ учителей, не было ни твердо установленной системы воспитанія, ни методовъ, когда однимъ изъ педагогическихъ средствъ считались наказанія, то тѣмъ болѣе домашнее воспитаніе, и особенно провинціальное, не имѣло большею частью никакихъ руководящихъ основъ и велось нерѣдко безъ пониманія цѣли, къ которой оно должно стремиться. При отсутствіи всякихъ разумныхъ воспитательныхъ средствъ, окруженныя дворней, не испытывая на себѣ никакого авторитетнаго вліянія и примѣра, безъ всякаго культурнаго общества, дѣти отличались дикостью, своеволіемъ, корыстолюбіемъ и другими пороками и недостатками. Обученіе, страдавшее также отсутствіемъ разумныхъ способовъ, подчинявшееся лишь принудительнымъ мѣрамъ, ограничивалось только механическимъ заучиваніемъ, безъ всякаго пониманія, не давало ни знаній, ни развитія. До манифеста объ уничтоженіи обязательной службы для дворянства, домашнее обученіе состояло, главнымъ образомъ, подъ надзоромъ правительства, и дѣти дворянъ должны были учиться въ учрежденныхъ правительствомъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ, въ гарнизонныхъ школахъ, въ корпусахъ и пр. Когда дворянамъ было разрѣшено учить дѣтей дома съ обязательствомъ явки на смотры, то достаточные родители стали держать учителей. Ученіе начиналось съ 7, 5 и даже съ 4-хъ лѣтъ; учителемъ выбирался, или дядька изъ крѣпостныхъ людей, или священникъ,

или кто-либо изъ причта. Сначала учили грамотѣ по букварю, затѣмъ читали псалтырь, часословъ, также учили письму. Такъ какъ учителя изъ духовныхъ сами не были еще знакомы со свѣтскими предметами, то послѣ второго смотра, то-есть отъ 12 до 16 лѣтъ подыскивался другой учитель для обученія ариѳметикѣ, геометріи, черченію—артиллеріи штыкъ-юнкеръ, гарнизонный начальникъ, отставной военный и проч.; для обученія же языкамъ нанимали нѣмца или француза въ Москвѣ, а болѣе достаточные—гувернеровъ и гувернантокъ. По окончаніи ученія, дворяне поступали въ дѣйствительную службу, при чемъ нѣкоторымъ приходилось начинать съ солдатскаго чина и подвергаться всѣмъ тягостямъ и строгостямъ солдатской службы. Воспитаніе въ столицахъ, вслѣдствіе лучшихъ условій для образованія, лучшей обстановки, большей общественности и разнообразія столичной жизни, было, разумѣется, и болѣе благопріятно для домашняго воспитанія.

Мѣры для побужденія къ ученію. Мѣрами для побужденія къ ученію, первое время послѣ Петра Великаго, были установленная имъ обязательность ученія и еще болѣе строгая, чѣмъ въ его время „система смотровъ“ для предупрежденія уклоненій отъ обязательства давать дѣтямъ образованіе въ школахъ или дома. Такъ, указомъ въ 1736 году было повелѣно производить смотры или разборы дворянскихъ дѣтей повсемѣстно, малолѣтнихъ всѣхъ записывать въ школы, бѣдныхъ принимать на казенное содержаніе, а за укрывательство виновные отвѣчали пожитками и деревнями. Въ царствованіе Анны Іоанновны всему дворянскому сословію было предоставлено право опредѣлять въ школы по собственному выбору и врожденнымъ склонностямъ. Родителямъ позволялось воспитывать дѣтей дома до 20-тилѣтняго возраста съ обязательствомъ приготовить ихъ на службу и научить извѣстнымъ наукамъ; для повѣрки же они должны были представлять недорослей 12 и 16 лѣтъ на смотры и на экзамены. Манифестъ 31 декабря 1736 года предоставилъ дворянству льготы — родителямъ, имѣющимъ многихъ сыновей, оставлять одного дома при себѣ—и назначилъ сроки для ученія и службы, при чемъ полагалось „въ наукахъ быть отъ 7 до 20 лѣтъ“. Этотъ 13-лѣтній періодъ ученія дѣлился на три срока. Время отъ 7 до 12 лѣтъ назначалось на элементарное образованіе, и на смотрахъ за этотъ срокъ требовалось отъ дѣтей умѣнье читать и писать. Періодъ отъ 12 до 16 лѣтъ назначался на дальнѣйшее образованіе, при чемъ главными предметами

были ариѳметика и геометрія. Въ этотъ срокъ дѣти должны были учиться въ заведеніяхъ, а дома дозволялось оставаться лишь тѣмъ, родители которыхъ могли гарантировать, или представить обязательство, что ихъ дѣти получатъ образованіе. Если оказывалось, что родители пренебрегали своею обязанностью дать дѣтямъ должное образованіе, то недоросли записывались въ матросы „безъ всякаго произвожденія“. Въ періодъ отъ 16 до 20 лѣтъ всѣ дѣти дворянъ обязаны были продолжать свое образованіе, при чемъ заявлялся выборъ того или другого рода службы. Но и въ этотъ періодъ, подъ извѣстными гарантіями, родители могли обучать дѣтей своихъ дома, но обучать обязаны были всѣ. Послѣдній періодъ обязательнаго обученія считался особенно важнымъ, почему на губернаторовъ возложено было имѣть „прилежное смотрѣніе“, чтобы законъ не былъ обойденъ, въ противномъ случаѣ безграмотные недоросли имѣли быть „записаны въ солдаты на вѣчно“. Равнымъ образомъ, если и обучающійся въ казенныхъ школахъ „окажется почему необучившимся, проводившимъ время въ гуляніи и въ поступкахъ, неприличныхъ честнымъ людямъ“, то немедленно отсылался для опредѣленія въ матросы безъ выслуги. Въ 1743 году для того, чтобы дѣти получали правильное христіанское воспитаніе, Сенатъ объявилъ указомъ, чтобы дѣти дворянъ и людей другихъ чиновъ обучались закону Божію, при чемъ свѣтскія власти, по ихъ вѣдомствамъ, и священники, по ихъ приходамъ, наблюдали за исполненіемъ указа. Если же окажется, что отцы и опекуны не заботятся о христіанскомъ воспитаніи дѣтей, то должны платить штрафъ, дворяне по десяти рублей, а прочіе по два (штрафныя деньги назначались въ пользу Московской академіи), при этомъ было объявлено, что для христіанскаго обученія Синодъ опредѣлитъ вездѣ, гдѣ нужно, знающихъ людей и разошлетъ буквари и катехизисы. Учрежденіе Московскаго университета, въ значительной степени содѣйствовавшаго утвержденію въ высшихъ сословіяхъ убѣжденія въ необходимости образованія, повліяло на ослабленіе мѣръ обязательности.

Воспитаніе и обученіе въ училищахъ этой эпохи. Воспитательная сторона училищъ въ большинствѣ случаевъ поддерживалась строгими мѣрами, и при грубомъ обращеніи были примѣняемы тѣлесныя наказанія. Учебная сторона училищъ страдаетъ многопредметностью, необъединенною общностью цѣли, вмѣстѣ съ неисполнимымъ для учащихся большимъ числомъ учебныхъ часовъ.

Вслѣдствіе несуществованія спеціальнаго заведенія для приготовленія учителей, учительскій персоналъ не былъ вообще знакомъ съ методикой, а часто и съ самымъ предметомъ, при чемъ не отличался еще исправностью своего поведенія, а это въ глазахъ общества роняло учительское званіе. Но и эти училища, при своей еще неустановившейся организаціи, постоянно совершенствовались и улучшались, служили проводниками образованія въ высшее и среднее сословіе и приготовляли дѣятелей по всѣмъ отраслямъ государственной, научной и общественной службы.

Учебная литература этой эпохи состояла изъ учебниковъ, переведенныхъ, главнымъ образомъ, съ нѣмецкаго и французскаго языка, число которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ Императрицы Екатерины II-ой. Учебники переводятся по всѣмъ отраслямъ знанія: по математикѣ, исторіи, географіи, астрономіи, физикѣ и проч. Въ 1730 году напечатана первая въ Россіи нѣмецкая и французская грамматика, послѣ которой слѣдовало изданіе многихъ учебниковъ для изученія этихъ двухъ языковъ, все болѣе и болѣе получавшихъ значеніе и въ обществѣ, и какъ учебный предметъ. При этомъ метода учиться говорить на иностранныхъ языкахъ состояла, главнымъ образомъ, въ заучиваніи печатныхъ „разговоровъ“ и въ затверживаніи „пріятельскихъ комплиментовъ“. Изъ русскихъ же учебниковъ пользовались распространеніемъ въ это время учебники Ломоносова: „Краткое руководство къ краснорѣчію“ (1748 года), „Россійская грамматика“ (1755 года), и нѣкоторыя сочиненія Тредьяковскаго, а въ 1766 г. вышла „Древняя Россійская исторія“ Ломоносова.

Такимъ образомъ, высшее и среднее сословія, благодаря существовавшимъ и вновь открытымъ учебнымъ заведеніямъ, получили еще большую возможность давать своимъ дѣтямъ соотвѣтствующее образованіе и значительно ушли впередъ сравнительно съ предыдущею эпохой. Но все это можно сказать только о высшемъ и чиновничьемъ сословіяхъ; для низшихъ же сословій какъ городскихъ, такъ и тѣмъ болѣе для сельскихъ, еще не было никакихъ училищъ и никакихъ понудительныхъ мѣръ къ образованію. Хотя и въ это время нѣкоторые изъ лицъ низшихъ сословій получили образованіе, и геніальныя или талантливыя натуры обезсмертили свои имена на поприщѣ науки, какъ, напримѣръ, извѣстный академикъ и ученый Ломоносовъ, сынъ крестьянина, Лепехинъ, сынъ солдата, и другіе,—но это были только единичные случаи; свое образованіе

они получали большею частью въ Академической гимназіи и Академическомъ университетѣ въ Петербургѣ, куда, ради того, чтобы эти заведенія не были пусты, принимали дѣтей всѣхъ сословій. Если они не сдѣлались заурядными и выдвинулись, то благодаря только своей энергіи и геніальной или талантливой природѣ. Низшее сословіе было предоставлено самому себѣ относительно образованія, и большинство народнаго и сельскаго населенія оставалось въ невѣжествѣ; тѣ же, которые хотѣли и могли дать своимъ дѣтямъ образованіе, прибѣгали къ прежнимъ средствамъ: учили ихъ въ церковной школѣ, если таковая заводилась при церкви кѣмъ-либо изъ лицъ причта; школы устраивались также въ имѣньяхъ нѣкоторыми изъ помѣщиковъ; многіе отдавали дѣтей на выучку церковникамъ или вообще кому-либо изъ грамотныхъ людей; такихъ дѣтей учили по-прежнему, главнымъ образомъ, чтенію церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, такъ какъ простой народъ преслѣдовалъ въ грамотности, какъ и въ прежніе вѣка, исключительно одну религіозно-нравственную цѣль. „Но число этихъ училищъ“, говоритъ проф. Соболевскій, „стало постепенно сокращаться какъ потому, что стала уменьшаться ихъ доходность (наиболѣе богатые ученики перестали поступать въ нихъ), такъ и потому, что правительство съ угрозами начало требовать отъ учителей, чтобы они обучали по новымъ, едва ли нравившимся имъ учебникамъ (въ родѣ „Перваго ученія отрокомъ“). А сокращеніе числа училищъ въ связи съ усиленіемъ крѣпостного права, вѣроятно, повело къ нѣкоторому уменьшенію числа грамотныхъ въ низшемъ сословіи, т. е. образованность послѣдняго, не возвысившись качественно, понизилась количественно“.

ГЛАВА VIII.

Училища въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой.

Педагогическія воззрѣнія Императрицы Екатерины Великой.—Иванъ Ивановичъ Бецкій и его педагогическія воззрѣнія.—Графъ Панинъ и митрополитъ Платонъ.—Профессора Барсовъ, Шаденъ и Шварцъ.—Прокоповичъ Антонскій.—Россійская Академія.—Академическій университетъ. Академическая гимназія въ С.-Петербургѣ.—Московскій университетъ.—Московскій благородный пансіонъ.—Духовныя школы. Состояніе учебно-воспитательной части духовныхъ школъ.—Спеціальныя учебныя заведенія.—Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ.—Морской шляхетный кадетскій корпусъ.—.Шкловское благородное училище.—Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ.—Значеніе Императрицы Екатерины Великой для женскаго образованія.—Домашнее воспитаніе и частныя учебныя заведенія.—Народныя училища.—Приказъ общественнаго призрѣнія.—Первыя городскія училища.—Австрійская училищная система.—Янковичъ-де-Миріево.—Комиссія объ учрежденіи училищъ.—Главное народное училище.—Первая учительская семинарія.—Нѣмецкое главное народное училище.—Наказъ 1786 года частнымъ пансіонамъ.—Главныя и малыя народныя училища.—Общій очеркъ народныхъ училищъ въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой.—Приготовленіе учителей.—Педагогическая литература.—Недостатки народныхъ училищъ.—Важнѣйшіе факты по училищной части въ царствованіе Императора Павла Петровича.

Педагогическія воззрѣнія Императрицы Екатерины Великой. Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой дѣло учрежденія новыхъ училищъ и преобразованіе нѣкоторыхъ изъ существовавшихъ продолжалось съ такимъ успѣхомъ, что идея потребности и пользы образованія вскорѣ сдѣлалась всеобщею, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ и среднемъ сословіяхъ. Такому успѣху мы обязаны, главнымъ образомъ, высокопросвѣщенному взгляду самой Императрицы, глубоко сознававшей важность и значеніе образованія для благосостоянія государства и стоявшей на высотѣ современныхъ ей лучшихъ педагогическихъ воззрѣній. Поручая устройство училищъ лицамъ, вполнѣ преданнымъ педагогическому дѣлу, Екатерина Великая сама входила во всѣ подробности и непосредственно принимала живое участіе въ жизни учебныхъ заведеній. Среди своихъ государственныхъ трудовъ Императрица удѣляла часть времени и педагогическимъ занятіямъ. Ея педагогическія сочиненія содержатъ такія указанія, полныя жизни и приложимости при воспита-

ніи и обученіи, которые и понынѣ вполнѣ сохранили свою цѣнность въ педагогическомъ отношеніи.

Воззрѣнія Императрицы на значеніе образованія выразились какъ въ „Наказѣ“, такъ и въ ея „Инструкціи“, составленной для воспитанія Великихъ Князей, равно какъ и въ составленныхъ ею книгахъ для дѣтскаго чтенія, содержащихъ въ себѣ поучительный воспитательно-образовательный матеріалъ; также и ея литературныя сочиненія, имѣвшія важное вліяніе на современное ей общество, въ которомъ Императрица стремилась искоренить ложныя и вредныя понятія о воспитаніи, отличаются своимъ педагогическимъ значеніемъ. Въ „Наказѣ“ ярко выразился взглядъ Императрицы на значеніе воспитанія; такъ, въ немъ говорится: „самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія“. Посвящая въ „Наказѣ“ особую главу воспитанію, Екатерина Великая начинаетъ ее положеніемъ: „Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами“.

Усвоивъ себѣ педагогическія воззрѣнія Монтеня и Локка, Императрица проводила ихъ въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ, при этомъ видоизмѣняла ихъ соотвѣтственно требованіямъ русской жизни. Оба названные педагога вооружались противъ господствовавшей въ это время небрежности въ воспитаніи и противъ безжизненнаго формализма въ обученіи; оба они возставали противъ принудительныхъ мѣръ и тѣлеснаго наказанія и считали существенными средствами для воспитанія — кротость и довѣріе, а для возбужденія дѣтей къ добру и уклоненія отъ зла главнѣйшими средствами, по мнѣнію Локка, должны служить—честь, стыдъ, и для исправленія дѣтскихъ недостатковъ—„расположеніе и нерасположеніе, вниманіе и презрѣніе другихъ“. Локкъ, какъ врачъ, обращалъ особое вниманіе на тѣлесное воспитаніе, но, во всякомъ случаѣ, главнѣйшею обязанностью воспитателя, по его мнѣнію, должно быть сообщеніе истиннаго направленія душѣ воспитанника, чтобы она была способна одобрять только то, что соотвѣтствуетъ достоинству и благородству разумнаго существа. Средствомъ же для сообщенія нравственнаго направленія служитъ „пріученіе“ съ самыхъ раннихъ лѣтъ: „кто въ молодости не пріучался подчинять свою волю разуму другихъ, тому трудно будетъ впослѣдствіи повиноваться и своему собственному“. Поэтому необходимо пріучать дѣтей къ добру и отучать отъ зла. Добродѣтель, благоразуміе,

образъ жизни и знаніе — долженъ сообщить дѣтямъ воспитатель. Обученіе же, по мнѣнію этихъ ученыхъ, занимаетъ второстепенное мѣсто, главное же вниманіе слѣдуетъ обращать на нравственность, а не на познанія.

Вотъ эти воззрѣнія, усвоенныя Императрицею и измѣненныя сообразно требованіямъ времени и, примѣнительно къ русской жизни, дополненныя своими собственными взглядами и наблюденіями, были внесены ею въ „Инструкцію“, указанія которой вполнѣ примѣнимы при воспитаніи и обученіи и въ наше время. Сказанныя въ началѣ „Инструкціи“ слова, что „здоровое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе“, указываютъ, что объемъ и содержаніе воспитанія ограничиваются тѣлеснымъ и нравственнымъ воспитаніемъ; на умственное же воспитаніе Императрица смотритъ, подобно Локку, какъ на приложеніе къ нравственному. Въ „Инструкціи“ мы видимъ, что, по воззрѣніямъ Императрицы, воспитаніе должно быть проникнуто любовью, кротостью, что самостоятельное образованіе достигается посредствомъ упражненія, а тѣлесныя наказанія должны быть замѣнены стыдомъ; въ играхъ необходима свобода: „въ игрѣ ихъ приставникамъ не мѣшаться, развѣ сами попросятъ, чтобы въ оной участвовали“... „Давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, скорѣе можно узнать нравы и склонности ихъ“... „Вообще надлежитъ избѣгать частыхъ при игрѣ униманій, дабы не уменьшалась дѣтская веселость нрава и откровенность съ приставниками“. Той же свободы и кротости въ обращеніи съ дѣтьми требуетъ Императрица и въ обученіи: „привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ“. Относительно ручного труда Императрица говоритъ, что онъ „отвращаетъ отъ праздности, даетъ матеріалъ для занятія, питаетъ добрую волю, свободность духа, веселость нрава и прилежаніе“. „Наказанія должны состоять въ убѣжденіи, затѣмъ въ выговорѣ; выговоръ чинится наединѣ и сопровождается испрошеніемъ прощенія у обиженнаго“. Далѣе идетъ угроза, при чемъ требуется рѣшительная твердость, не уступающая и самымъ настойчивымъ просьбамъ. Если эти мѣры не оказываютъ вліянія, то за ними слѣдуютъ исправительныя мѣры, или наказанія въ тѣсномъ смыслѣ: 1) Холодное и презрительное обхожденіе съ цѣлью возбужденія стыда: „въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу; а за дурныя дѣла — стыдъ и поношеніе“. 2) Лишеніе чего либо: „кто не слушается, тотъ боленъ, а слѣдовательно лишенъ выгодъ здо-

роваго“ (лишеніе предметовъ игры, отобраніе вещей, къ которымъ небрежно относятся, и проч.). 3) Принужденіе къ опредѣленнымъ занятіямъ. 4) „Упрямство же влечетъ за собою наказаніе, которое совокуплено быть имѣетъ со стыдомъ и опасеніемъ поношенія“. Въ указаніяхъ относительно тѣлеснаго воспитанія излагаются тѣ же требованія, что у Локка и Монтеня, съ нѣкоторыми дополненіями. Относительно нравственнаго воспитанія, по взглядамъ Императрицы, самымъ важнымъ и основнымъ условіемъ должна быть наклонность къ добру и добродѣтель, основанная на религіи. Главнымъ средствомъ для этого, какъ и по указанію Локка, должно быть пріученіе: „отъ младенчества надлежитъ хотѣніе дѣтей подчинить здравому разсудку и справедливости, дабы отъ младости поважены были повиноваться совѣту здраваго разсудка и справедливости, прежде еще, нежели умъ созрѣетъ“. Существенныя черты нравственнаго ученія состоятъ въ истинномъ познаніи Бога, въ справедливости, основанной на любви къ ближнему и благоволеніи ко всему одаренному жизнью, подчиненіи воли здравому разсудку и справедливости. Послѣ правилъ и условій нравственнаго воспитанія слѣдуетъ статья о внѣшней образованности, называемой учтивостью.

Въ правилахъ, излагаемыхъ объ обученіи, отмѣчаются двѣ стороны — общая (значеніе обученія) и частная (порядокъ и ходъ обученія). Въ общей части Императрица слѣдуетъ своимъ образцамъ, а въ частныхъ взглядахъ обнаруживаетъ замѣчательную самостоятельность. Не придавая особой важности и значенія знанію, Екатерина Великая смотритъ на него, какъ на средство для отвращенія отъ праздности, для познанія естественныхъ способностей воспитанниковъ, для пріученія ихъ къ труду и прилежанію: „ученіе же, или знаніе, да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ познанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію... Не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить свое знаніе“. Въ ученіи слѣдуетъ избѣгать принужденія: „чтобы воспитанники отъ игры къ ученію приступали столь же охотно, какъ къ игрѣ... Страхомъ научить нельзя, ибо въ душу страхомъ занятую, не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать“. Урокъ тянуть не слѣдуетъ долго, не болѣе получаса: „кончить всегда прежде, нежели они станутъ скучать“. Наставленіе относи-

тельно предметовъ обученія соотвѣтствуютъ тому высокому положенію, къ которому готовились Великіе Князья и представляютъ вполнѣ самобытные взгляды, составляющіе лучшую часть труда Императрицы. Первое мѣсто въ обученіи занимаетъ законъ Божій, о которомъ даже приставники должны говорить съ почтеніемъ, когда о немъ зайдетъ рѣчь. Изъ языковъ особенное вниманіе обращается на русскій, хотя одновременно должно итти и обученіе иностраннымъ. Способъ обученія языкамъ разговорный, практическій, также предлагается обучать разнымъ знаніямъ на изученныхъ языкахъ: „минералогію на латинскомъ, произращеніе на нѣмецкомъ, звѣрей на французскомъ". Одновременно должно итти обученіе чтенію, письму, рисованію, ариѳметикѣ и географіи, затѣмъ слѣдуетъ исторія, нравоученія и правила закона гражданскаго, естественная исторія, художества, древность и миѳологія, физика и всѣ части военной службы. Запрещается обременять память излишнимъ заучиваніемъ наизусть, что допускается только въ пользу избранныхъ краткихъ правилъ писателей. При изложеніи требованій по каждому предмету дѣлаются указанія на дидактическія и методическія требованія, при чемъ, хотя все относится къ самому положенію будущихъ воспитанниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложенныя требованія имѣютъ общій педагогическій характеръ, примѣнимый при обученіи.

Что касается требованій для приставниковъ, то имъ указывается на осторожность, воздержность, вмѣняется имѣть любовь къ дѣтямъ, зрѣлый разсудокъ, добрую волю и учтивость. Ихъ обязанности должны быть двоякія: 1) взаимныя и 2) по отношенію къ воспитанникамъ. Приставники должны служить примѣромъ для воспитанниковъ, они должны „неисправныхъ отстранять, отличившихся награждать, единомышленно и дружно дѣйствовать на воспитанниковъ, дабы разногласія и недоразумѣнія между ними не было". Приставники должны пріобрѣсти къ себѣ любовь, довѣріе и уваженіе неусыпными своими попеченіями о благѣ своихъ питомцевъ, снискивать себѣ уваженіе и почтеніе; они обязаны поощрять любопытство дѣтей, разговаривать съ ними, пріучать къ разсужденію и особенно должны распознавать наклонности дѣтей, предотвращать обиды съ ихъ стороны и жалобы другъ на друга и внушить между ними братскую любовь.

Проникнутая убѣжденіемъ, что образованіе ума и сердца дѣтей должно начинаться съ ранняго ихъ возраста, и что однимъ изъ

важныхъ средствъ для духовнаго развитія служатъ книги, Императрица съ этою цѣлью составляетъ руководства и книги для первоначальнаго дѣтскаго чтенія. Хотя книги для чтенія отчасти и составлены по нѣмецкимъ образцамъ, но по способу изложенія и по содержанію онѣ вполнѣ самобытныя произведенія, равно какъ и учебныя руководства, отличаются чисто русскимъ характеромъ и направленіемъ. Въ такихъ сочиненіяхъ, составленныхъ Императрицею, отличаются два элемента: 1) постепенность въ распредѣленіи матеріала соотвѣтственно развитію дѣтскихъ понятій и 2) преобладаніе нравоучительнаго, назидательнаго характера (Сказка о царевичѣ Февеѣ, Сказка о царевичѣ Хлорѣ, Выборныя россійскія пословицы, Гражданское начальное ученіе, Записки и проч.). Своими драматическими опытами Императрица вліяла на современное ей общество, на искорененіе въ немъ ложныхъ и вредныхъ понятій о воспитаніи (Именины госпожи Ворчалкиной, Госпожа Вѣстникова съ семьей и проч.), а своимъ сочувствіемъ къ литературнымъ занятіямъ и своимъ примѣромъ возбуждала къ дѣятельности своихъ подданныхъ и содѣйствовала этимъ путемъ дѣлу образованія своего отечества; Екатерина Великая старалась въ своихъ комедіяхъ искоренить, главнымъ образомъ, съ одной стороны—слѣпую безотчетную привязанность ко всему иностранному, а съ другой—грубость и превратное направленіе переходившаго по преданію стариннаго русскаго воспитанія.

Иванъ Ивановичъ Бецкій и его педагогическія воззрѣнія. Поручая устройство училищъ въ своемъ государствѣ лучшимъ русскимъ педагогамъ, Императрица останавливалась на тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались ея довѣріемъ, и, при своемъ просвѣщенномъ взглядѣ, всецѣло были преданы педагогическому дѣлу. Однимъ изъ извѣстнѣйшихъ педагогическихъ дѣятелей царствованія Императрицы Екатерины Великой является Иванъ Ивановичъ Бецкій (1703—1795), на котораго возложено было дѣло устройства и организаціи училищъ. И. И. Бецкій родился въ Стокгольмѣ; свое образованіе онъ получилъ въ Копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ и, по возвращеніи отца въ Россію, прибылъ вмѣстѣ съ нимъ и, какъ хорошо знавшій языки, поступилъ въ комиссію иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ былъ за границею по обязанностямъ своей службы, а по выходѣ въ отставку, проводилъ время въ путешествіяхъ по западнымъ государствамъ. Во время своихъ заграничныхъ путешествій, онъ изучалъ все, что относится къ об-

ласти гуманныхъ знаній, посѣщалъ лучшія образованныя общества Европы и находился въ сношеніяхъ съ умнѣйшими людьми того времени. Особенно свое вниманіе онъ обращалъ на благотворительныя учрежденія — больницы, богоугодныя заведенія, на содѣйствіе общества къ ихъ поддержанію. По возвращеніи Бецкаго въ Россію, Императрица Екатерина Великая, по указанію своей матери, принцессы Ангальтъ-Цербской, которой Бецкій былъ уже прежде извѣстенъ, вскорѣ оцѣнила его знаніе, опытность, его отзывчивость ко всему доброму и прекрасному, и вручила ему заботы о народномъ воспитаніи. Исполняя порученное ему дѣло, онъ осуществлялъ тѣ взгляды Императрицы на воспитаніе и образованіе, къ которымъ, съ своей стороны, и самъ относился съ полнымъ сочувствіемъ. При воспитаніи онъ также стремился, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы сохранить въ чистотѣ сердце питомцевъ, направляя его къ добру, и развить ихъ умъ, давъ ему столько, сколько онъ принять можетъ; воспитывая, мы должны, согласно его взгляду, выработать нравственнаго человѣка, съ кроткимъ нравомъ, съ нѣжнымъ сердцемъ и терпѣливымъ характеромъ.

Воспитаніе Бецкій разсматриваетъ съ 4-хъ сторонъ: 1) *Физическая сторона,* на которую слѣдуетъ обращать вниманіе въ первые годы ребенка. Усвоивъ взгляды Локка на физическое воспитаніе, онъ собралъ въ систему всѣ наставленія лучшихъ педагоговъ того времени и издалъ ихъ подъ заглавіемъ: „Физическія примѣчанія“, которыя по указу Императрицы были разосланы по всѣмъ городамъ и присутственнымъ мѣстамъ съ цѣлью, по возможности, распространить ихъ въ народѣ. Физическое воспитаніе разсматривалось по возрастамъ: первый возрастъ — отъ рожденія до отнятія отъ груди, второй — до 5 — 6 лѣтъ, третій — до 10 лѣтъ и четвертый — до 15 лѣтъ. При воспитаніи слѣдуетъ постепенно приготовлять дѣтей ко всѣмъ случайностямъ, „чтобы они могли все сносить (голодъ, жаръ, стужу), когда то потребуется: „должно привыкать къ перемѣнамъ, не дѣлая натурѣ принужденія“. Самыя лучшія лѣкарства для человѣка, это воздержность и работа. 2) *Физико-моральная сторона.* Хотя физическое воспитаніе и укрѣпляетъ здоровье, но безъ моральнаго оно будетъ только питаніе, или вскормленіе, но не воспитаніе. Физическое и моральное воспитаніе тѣсно связаны между собою. Это не достоинство, если здоровый человѣкъ будетъ лѣнивымъ или празднымъ, не терпимымъ въ обществѣ. Вотъ въ такомъ случаѣ и приноситъ пользу мораль-

ное воспитаніе, имѣющее главною своею основою извѣстное положеніе: „праздность — мать всѣхъ пороковъ, а трудолюбіе — отецъ всѣхъ добродѣтелей“. Поэтому слѣдуетъ пріучать дѣтей съ младенчества не только къ мастерствамъ, рукодѣліямъ, но и ко всѣмъ домашнимъ хозяйственнымъ работамъ; но все это должно дѣлать такъ, чтобы дѣти находили въ этомъ удовольствіе, и чтобы эти занятія не были для нихъ отвратительными и не отягощали бы ихъ. Говоря объ играхъ дѣтей, Бецкій требуетъ, чтобы игры возбуждали чувство дружества, проворство, ловкость; игры, по его мнѣнію, имѣютъ весьма важное значеніе и въ томъ отношеніи, что въ нихъ раскрываются способности и качества дѣтей, что весьма важно для воспитателя, „чтобы предвидѣть, къ чему кого должно употребить“. 3) *Чисто мораль, или нравоученіе.* При воспитаніи слѣдуетъ „удалять отъ слуха и зрѣнія дѣтей все то, что хотя и тѣнь порока имѣетъ“... „Но еще мало только не знать порочнаго, а надлежитъ быть притомъ и добродѣтельнымъ, и полезнымъ, и угоднымъ обществу“. Въ моральномъ воспитаніи самое главное, это живые примѣры воспитателей. Поэтому-то должно обращать большое вниманіе на самихъ воспитателей, „буде начальники хотятъ, чтобы дѣти научились добродѣтели, должно имъ прежде всего учинить учителей и приставниковъ добродѣтельными и примѣра достойными“. Воспитатели должны быть образцами добродѣтели, трезвости, кротости, снисхожденія и любви, также учтивости и вѣжливости, тогда въ дѣтяхъ вкоренятся привычки къ добрымъ дѣламъ. Какъ своею личностью, такъ и поступками учитель долженъ быть для дѣтей нравоучительною книгою. Чтобы укрѣпить въ памяти и въ сердцѣ учениковъ нравственныя правила, Бецкій даже находитъ полезнымъ — написатъ надъ дверьми въ комнатахъ воспитанниковъ и на стѣнахъ въ залахъ большими буквами общія правила нравоученія, которыя должны быть объясняемы дѣтямъ ихъ воспитателями.

Такъ какъ Бецкій кладетъ въ основу воспитанія кротость и любовь, то признавая необходимость взысканія, онъ отвергаетъ тѣлесныя наказанія, даже готовъ совершенно отстранить наказанія: „искусство воспитателя отвращаетъ непреложно всякую варварскую необходимость въ наказаніяхъ, ибо нѣтъ врожденныхъ пороковъ и злодѣйствъ, но дурные примѣры ихъ внушаютъ... Ежели съ младенчества поступятъ съ дѣтьми съ предусмотрѣніемъ и осторожностью, какъ узаконено, есть надежда, что наказанія будутъ весьма рѣдки и безполезны“. Допускаемыя Бецкимъ наказанія со-

стоятъ въ слѣдующемъ: 1) заставлять дѣтей одинъ или два часа, смотря по ихъ лѣтамъ, стоять на одномъ мѣстѣ, ни на что не опираясь; 2) не пускать съ другими гулять, что очень чувствительно дѣтямъ; 3) дѣлать выговоръ наединѣ, возбуждая къ раскаянію; 4) пристыжать публичнымъ выговоромъ; 5) хлѣбъ и вода на 12 или 24 часа; 6) смотря по возрасту дѣтей, лишать ихъ завтрака, а иногда и обѣда, но никогда не отнимать ужина. Это, такъ-называемыя Бецкимъ, легчайшія наказанія. Для особливыхъ же наказаній за каждую погрѣшность, требующую исправленія, онъ полагаетъ необходимость въ сочиненіи, въ которомъ бы было указано, какое за сдѣланный проступокъ должно слѣдовать наказаніе; такъ, напримѣръ: „предписать должно 1) повиноваться отцу, матери, учителямъ и наставникамъ; за погрѣшность противъ этого правила,—такое-то наказаніе" и т. д. Онъ полагаетъ, что подобная книга окажетъ отличные результаты: „когда дѣтямъ нѣсколько разъ повторены будутъ предписанія, почувствуютъ они тогда же, что не по пустому воображенію, не по прихоти и не по страсти, но праведно осуждаются отъ начальниковъ своихъ и наказываются силою устава, что особливую принесетъ пользу, а именно—питомцы, будучи въ дѣтствѣ, невидимо наставляются въ познаніи того, что праведно и неправедно. Своимъ разумомъ уже постигнутъ, какая страсть хулы достойна"... „Когда дѣти въ игрѣ или рѣзвостяхъ чѣмъ себя зашибутъ или повредятъ, то ихъ не только наказывать, но и бранить отнюдь не надлежитъ. Чрезъ то родители, конечно, избавятъ дѣтей своихъ отъ многихъ бѣдъ и болѣзней". Относительно наградъ Бецкій совѣтуетъ внушать дѣтямъ самолюбіе соревнованіемъ „чрезъ похвалы и награжденія, свойственныя и безпристрастныя". IV) *Обученіе*. Что касается обученія, то, подобно Локку и Монтеню, Бецкій не придавалъ ему особеннаго воспитательнаго значенія и признавалъ его необходимымъ потому, что нѣкоторыя знанія нужны какъ для гражданской службы, такъ и для добыванія куска хлѣба. Онъ предлагаетъ при обученіи „вести дѣтей, такъ сказать, играя и съ пріятностью. А паче всего внушая вкусъ къ чтенію, открывать и истинный путь природному разуму, который, если умѣютъ давать ему свободу самому дѣйствовать, летитъ на крыльяхъ; когда же налагаютъ на него бремя педантической методы, то едва двигается, ползетъ"... „Если учителя будутъ поступать съ благоразсужденіемъ и наставлять питомцевъ своихъ съ любовію и ласкою, если учить ихъ станутъ больше разговорами и разсужде-

ніями, нежели заставляя сидѣть безпрерывно надъ уроками въ принужденномъ и здоровью ихъ вредительномъ наклоненіи, то юношество окажетъ великіе успѣхи во всемъ". Самымъ главнымъ и основнымъ предметомъ обученія долженъ быть законъ Божій, на которомъ и основывается все нравственное воспитаніе дѣтей. Науки должны преподаваться на русскомъ языкѣ, которому и слѣдуетъ занимать первенствующее мѣсто; славянскій языкъ также необходимъ, чтобы понимать языкъ Церкви и „дабы россійскимъ писать правильно и краснорѣчиво". Писать должно учиться послѣ того, какъ дѣти нѣсколько научатся рисовать. Изъ другихъ наукъ онъ указываетъ на ариѳметику, иностранные языки, географію, бухгалтерію, а въ спеціальныхъ заведеніяхъ требуются и науки, необходимыя смотря по цѣли заведенія. Такъ какъ на пятнадцатомъ году уже обнаруживаются способности и склонности воспитанника, то воспитатель обязанъ подмѣтить эти природныя его склонности, „дабы узнать, кто къ какому званію способнѣе". Оказавшихъ склонность къ наукѣ, слѣдуетъ отсылать въ Академію или въ университетъ, оказавшихъ стремленіе къ живописи, ваянію или архитектурѣ—въ Академію Художествъ; обладающихъ музыкальными способностями—обучать музыкѣ, желающимъ поступить на сцену должно доставлять возможность присутствовать на домашнихъ спектакляхъ и проч.; почти также по склонности питомцевъ должны быть выбираемы и мастерства. Но надъ всѣмъ этимъ должно господствовать нравственное воспитаніе. Сознавая необходимость женскаго образованія, И. И. Бецкій смотрѣлъ на женщинъ, какъ на назначенныхъ для семейной жизни и для семейныхъ обязанностей; онѣ не только должны умѣть читать и писать, но имѣть „разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными". Говоря о способахъ обученія, онъ признаетъ преимущество практическаго обученія надъ теоретическимъ и при обученіи допускаетъ пособничество учениковъ.

Чтобы осуществить свои педагогическія воззрѣнія и провести ихъ въ школу и въ жизнь, И. И. Бецкій считалъ необходимымъ учрежденіе воспитательныхъ училищъ для обоего пола дѣтей; такъ какъ дѣти нерѣдко еще до поступленія въ училище освоиваются въ средѣ своей, иногда еще невѣжественной и грубой, семьи, съ дурными привычками и наклонностями, то дѣти должны поступать въ эти училища, по возможности, въ раннемъ возрастѣ. Въ этихъ училищахъ дѣти должны быть удалены отъ всего, вредно вліяю-

щаго на нихъ, и постоянно видѣть передъ собою примѣръ лишь одного хорошаго, тогда только ихъ воспитаніе будетъ правильнымъ и успѣшнымъ. Такое воспитаніе должно возлагаться на государство; русская семья, желающая видѣть своихъ дѣтей хорошо воспитанными и образованными, должна уступить свои права государству, которое можетъ пользоваться опытами лучшихъ педагоговъ и самыми лучшими воспитательными теоріями, чтобы приготовить себѣ честныхъ гражданъ и нравственныхъ отцовъ и матерей для будущей новой семьи, чтобы выработать „новую породу" людей. И. И. Бецкій считаетъ необходимымъ устройство строго закрытыхъ учебныхъ заведеній, въ которыя дѣти поступали бы съ 5, 6 лѣтняго возраста и не видѣлись бы съ семьею, чтобы ея вліяніе не заронило дурныхъ сѣмянъ. Основанія нравственнаго воспитанія для мальчиковъ и дѣвочекъ одни и тѣ же, разница лишь въ научномъ образованіи, которое для дѣвочекъ не считалось важнымъ. Въ своемъ докладѣ, представленномъ Императрицѣ Екатеринѣ Великой въ 1763 г., И. И. Бецкій говоритъ: „....корень всему злу и добру — воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, т. е. произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселять могли, какія они получили сами, и отъ нихъ дѣти предали паки бъ своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ на 5 или на 6 году".

Эти высокогуманныя идеи И. И. Бецкаго, проникнутыя чувствомъ христіанской любви, не могли быть всецѣло осуществлены въ томъ идеальномъ видѣ, какъ онъ того желалъ, уже потому, что общество того времени по своей невѣжественности и грубости не могло ихъ достойно оцѣнить и имъ слѣдовать. Къ тому же въ примѣненіи его теорій къ практикѣ, весьма чувствительно отсутствіе указаній на значеніе воли въ нравственномъ воспитаніи и на тѣ средства, которыя должны быть примѣняемы для правильнаго развитія этой душевной силы; почти такъ же неправиленъ его взглядъ на обученіе, которому онъ не придаетъ особо важнаго значенія. Но воззрѣнія Бец-

каго на значеніе нравственнаго воспитанія и на средства, служащія для правильнаго его развитія, а также и взгляды на важность физическаго воспитанія свидѣтельствуютъ о томъ высокомъ умѣ, о томъ христіански-любящемъ сердцѣ, которымъ былъ одаренъ Иванъ Ивановичъ Бецкій; цѣлый рядъ русскихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, былъ открытъ на основахъ его взглядовъ, которые и въ наше время во многомъ сохранили свою цѣнность и живучесть.

Графъ Панинъ и митрополитъ Платонъ. Сходныя воззрѣнія на воспитаніе, разумѣется, примѣнительно къ высокому положенію воспитанника, имѣли и воспитатель Великаго Князя Павла Петровича, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, и митрополитъ Платонъ. Высокообразованный, знакомый съ иностранными языками и литературою, жившій долгое время за границею, гр. Панинъ былъ избранъ въ 1759 году въ воспитатели наслѣдника престола Великаго Князя Павла Петровича. Гр. Панинъ также обращаетъ главное вниманіе при воспитаніи на нравственную сторону и въ числѣ главнѣйшихъ средствъ указываетъ, какъ на одно изъ самыхъ важныхъ, это на удаленіе отъ воспитанника всякаго дурного вліянія. Онъ заботился, чтобы выработать изъ своего воспитанника истинно русскаго человѣка, который бы зналъ всѣ уставы своего отечества и понималъ бы его истинное благо.

Дѣятельнымъ помощникомъ гр. Панина въ воспитаніи Великаго Князя и оказавшій великую услугу отечеству своими заботами о духовныхъ училищахъ былъ Платонъ, митрополитъ московскій. По окончаніи курса въ Московской духовной академіи въ 1757 г., онъ занимаетъ въ ней мѣсто учителя піитики и греческаго языка. Будучи еще іеромонахомъ, онъ уже состоялъ законоучителемъ наслѣдника престола и затѣмъ въ санѣ митрополита былъ назначенъ въ 1775 году директоромъ и протекторомъ Московской духовной академіи. Въ своей педагогической дѣятельности онъ руководился тѣми же воззрѣніями, какія высказывали Императрица и И. И. Бецкій. Въ воспитаніи онъ выше всего ставилъ нравственность, достигаемую добрымъ вліяніемъ учителей: „наблюдайте сей долгъ передъ Богомъ всеприлежно“, писалъ онъ, „чтобы учитель не только учительствовалъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставлялъ“, также и объ ученикахъ, „чтобы они не только въ наукахъ, но еще болѣе въ добродѣтели преуспѣвали. Наблюдайте, чтобы болѣе моральными, нежели физическими наказаніями ученики къ своей должности были приводимы“.

Прилагая попеченія о благосостояніи духовныхъ училищъ, митр. Платонъ оказывалъ, главнымъ образомъ, свое высокопросвѣщенное вниманіе Московской духовной академіи и вскорѣ возвелъ ее на степень образцоваго духовно-педагогическаго учрежденія. И здѣсь, ставя въ основаніе всего—религіозно-нравственное воспитаніе, онъ обращалъ особое вниманіе на поведеніе учениковъ и установилъ нѣкоторыя новыя мѣры; такъ, старшіе студенты обязаны были смотрѣть за нравственностью младшихъ, посѣщать ихъ квартиры, разслѣдовать о причинѣ ихъ неявки въ классъ; сами родители обязывались смотрѣть за исправнымъ посѣщеніемъ классовъ и за потворство въ этомъ отношеніи подвергались денежному штрафу. Кругъ наукъ въ академіи былъ значительно расширенъ, и введены въ него новые предметы обученія, явились новые учебники, духъ схоластики утратилъ свою силу и замѣнился свѣтлыми живыми воззрѣніями. Съ этою цѣлью былъ прекращенъ вызовъ кіевскихъ ученыхъ, которые и замѣнены подготовленными питомцами академіи. Въ науку былъ введенъ великорусскій элементъ, былъ усиленъ русскій языкъ, на которомъ преподавались многіе предметы, и который сталъ употребляться въ диспутахъ и сочиненіяхъ; точно такъ же былъ усиленъ греческій языкъ, а первенствовавшій прежде латинскій языкъ утратилъ свое исключительное преобладаніе. Въ число предметовъ были включены нѣкоторыя свѣтскія науки — новѣйшіе языки, медицина; преподаваніе физики было постановлено на научныхъ началахъ и проч. Такъ какъ образованіе духовенства должно отличаться отъ свѣтскаго воспитанія, то, согласно съ цѣлью заведенія, все образованіе имѣло направленіе нравственно-церковное. Самъ митрополитъ Платонъ принималъ непосредственное участіе въ воспитаніи учениковъ академіи и старался дѣйствовать на нихъ собственнымъ примѣромъ. Біографъ митр. Платона такъ описываетъ его способъ воздѣйствія на учениковъ: „Если провидѣлъ въ комъ талантъ по врожденной проницательности своей, если замѣчалъ отличный успѣхъ или неусыпное прилежаніе, на того обращалъ Платонъ особенное вниманіе и никогда не упускалъ его изъ виду, доставляя ему средства къ совершенствованію себя, бесѣдуя съ нимъ и въ классѣ и въ кельѣ своей, и приглашая его къ столу своему, къ прогулкамъ съ собою, кои умѣлъ дѣлать занимательными и поучительными. Монастырскіе сады и рощи Лавры, Виѳаніи, Перервы, Корбухи и Черкизова превращались имъ въ академію, гдѣ юноши учились мудрствовать со своимъ Платономъ и

смѣнять умственные подвиги тѣлесными трудами на сѣнокосѣ, въ огородѣ и на лугу; тамъ они съ наставникомъ своимъ то шевелили сѣно, то собирали лѣкарственныя травы для домашней аптеки, то поливали цвѣты, то срывали ихъ для украшенія аудиторіи или церкви. Его поощреніями пробуждались и окрылялись таланты, рождалось соревнованіе".

Проф. Барсовъ, Шаденъ и Шварцъ. Въ это же время и профессора Московскаго университета старались своими сочиненіями и рѣчами дѣйствовать на общество, указывали на ложныя привычки, укоренившіяся при воспитаніи того времени, и съ философской, научной точки зрѣнія стремились поставить педагогическое дѣло на возможно лучшій путь. На способы улучшенія воспитанія и обученія обращали свое вниманіе и кураторы университета. Такъ, Шуваловъ предписывалъ избѣгать жестокости въ наказаніяхъ и относиться съ большею кротостію къ ученикамъ. Изданный университетомъ при кураторѣ Мелиссино способъ ученія, приготовляющій къ университету, начинался словами: „Никто, не имѣющій воспитанія, самъ, другихъ воспитывать не можетъ". При обученіи было обращено вниманіе на изученіе древнихъ и новыхъ языковъ, а также на исторію, преподаваніе которой должно отличаться нравоучительнымъ характеромъ. Изъ московскихъ профессоровъ этого времени, оказавшихъ свое ученое вліяніе на дѣло воспитанія, главное мѣсто занимаютъ проф. Барсовъ, Шаденъ и Шварцъ. Профессоръ Барсовъ, по смерти проф. Поповскаго перешедшій на каѳедру русской словесности и съ честью занимавшій ее до конца своей жизни (1791 г.), въ своихъ рѣчахъ постоянно указывалъ, что въ основахъ воспитанія благочестіе должно занимать одно изъ первыхъ мѣстъ, о цѣли же ученія онъ такъ высказывается въ одной изъ своихъ рѣчей: „Знаніе, подобно оружію: и во благо и во зло употребить его можно. Надобно умѣть управлять имъ: управляетъ знаніемъ сердце, а въ немъ добродѣтель. Знаніе должно быть дверію къ добродѣтели. Честное сердце предпочитается великому разуму. Но и этимъ нельзя ограничиваться: надъ добродѣтелью возвышается законъ и благочестіе христіанское, безъ котораго никакое знаніе истинно полезно и никакая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ всегда соединять надлежитъ". Существующіе въ Москвѣ и Петербургѣ воспитательные дома, учрежденіе которыхъ обязано человѣколюбивому и сострадатель-

ному сердцу Бецкаго, были осуществлены по плану, составленному И. И. Бецкимъ при соучастіи профессора Барсова. Манифестомъ же 1 сентября 1763 года было объявлено основаніе Московскаго воспитательнаго дома, по образцу котораго былъ учрежденъ въ 1770 году воспитательный домъ и въ Петербургѣ.

Получивъ высшее образованіе въ заграничномъ университетѣ, профессора Шварцъ и Шаденъ всею душою любили Россію и были преданы ей. Проф. Шаденъ, по прибытіи въ Москву въ 1756 г., занималъ мѣсто ректора гимназій при Московскомъ университетѣ и оставался въ этой должности въ продоженіе 20-ти лѣтъ, до 1776 года. Потомъ онъ преподавалъ въ университетѣ естественное право и политику. До 1797 г., ровно 41 годъ, Шаденъ постоянно служилъ благу университета. Проф. Шаденъ содержалъ также свой пансіонъ, подъ его вліяніемъ получилъ свое образованіе Карамзинъ. Въ своихъ рѣчахъ проф. Шаденъ нерѣдко указывалъ на шаткость воспитанія въ современномъ ему обществѣ и на тѣ предразсудки русскихъ дворянъ во взглядахъ ихъ на воспитаніе, которые служили такимъ препятствіемъ для правильнаго его веденія. Стараясь осуществить идеи русскаго воспитанія и напоминая въ своихъ рѣчахъ, что основаніемъ истиннаго воспитанія должна быть религія, проф. Шаденъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ родителямъ, что они должны содѣйствовать школѣ въ воспитаніи дѣтей, и вообще на необходимость школы.

Проф. Шварцъ, пріѣхавшій въ Москву въ 1776 году, сблизился съ Новиковымъ, стремленіямъ котораго онъ вполнѣ сочувствовалъ. Замѣтивъ вредное вліяніе на наше образованіе французской литературы, онъ въ противодѣйствіе старался распространять знакомство съ литературою нѣмецкой, указывалъ на истинныя основы и средства воспитанія, на недостатки современнаго ему общества, устроилъ педагогическую семинарію для приготовленія студентовъ къ профессорской дѣятельности и основалъ вмѣстѣ съ Новиковымъ Дружеское ученое общество, преслѣдовавшее педагогическія цѣли, а публичными лекціями предохранялъ отъ увлеченія молодыми писателями, которые могли вредно подѣйствовать своими сочиненіями на юношество.

Прокоповичъ - Антонскій. Къ числу лицъ, содѣйствовавшихъ просвѣщенію при Императрицѣ Екатеринѣ Великой, принадлежитъ знаменитый въ исторіи русской педагогіи Прокоповичъ-Антонскій, оставившій по себѣ высокую память въ педагогическомъ мірѣ, какъ

замѣчательный педагогъ, воспитавшій цѣлый рядъ поколѣній и заявившій свою многостороннюю дѣятельность, какъ издатель журналовъ, какъ репетиторъ университетскихъ гимназистовъ, предсѣдатель собранія университетскихъ питомцевъ, очень популярный профессоръ, бывшій цензоромъ, инспекторомъ Московскаго благороднаго пансіона, предсѣдателемъ Общества любителей русской словесности, членомъ Новиковскаго переводческаго кружка и проч. Его вліяніе сказалось на Жуковскомъ, Дашковѣ, Писаревѣ, Воейковѣ, князѣ Одоевскомъ, Шевыревѣ, Тургеневыхъ и проч. Его многочисленные ученики, прославившіеся на всевозможныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, всегда съ благоговѣніемъ вспоминали о немъ. Онъ сохранилъ и передалъ XIX вѣку лучшія традиціи Новиковскаго кружка, самыя задушевныя идеи и убѣжденія Шварца. Какъ членъ Новиковскаго переводческаго кружка, задолго еще до появленія Карамзина на литературномъ поприщѣ, онъ стремился „сблизить рѣчь нашу литературную съ разговорною, упростить языкъ, дать ему характеръ бесѣдъ общежитія“.

Какъ примѣръ взглядовъ Прокоповича-Антонскаго на воспитаніе, приводимъ нѣкоторые отрывки изъ его „Слова о воспитаніи“. Оно такъ интересно и поучительно, что сохранило свою полную силу и въ наше время; принципы, положенные въ его основы, много лѣтъ примѣнялись Антонскимъ на практикѣ въ его любимомъ дѣтищѣ — Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

„Никто не родится въ свѣтъ ни счастливымъ, ни добродѣтельнымъ, ни просвѣщеннымъ. Природа, производя человѣка, кажется, даетъ ему токмо жизнь и силу дѣйствія, а образовать его предоставляетъ времени и опытамъ. Нельзя требовать ни больше ума, ни больше талантовъ въ человѣкѣ, какъ сколько благопріятствуютъ ему случаи жизни. Рѣдкія и общія, худыя и добрыя свойства его наиболѣе зависятъ отъ первыхъ производимыхъ въ немъ впечатлѣній, отъ первыхъ внушаемыхъ ему чувствованій и понятій, отъ воспитанія“.

„Если всегда доброе воспитаніе необходимо, то паче въ нынѣшнія времена, когда роскошь повсюду влечетъ за собою распутство и болѣзни, суемудріе разстраиваетъ всѣхъ умы и сердца, а жадность къ корысти потушаетъ гласъ совѣсти и вѣры“.

Прежде всего нужно обратить вниманіе на правильное воспитаніе тѣла. „Крѣпость силъ“, физическій закалъ создаются „дѣятель-

ностью, воздержаніемъ, простотою жизни и умѣренностью". Эти неоцѣненныя нравственныя сокровища пріобрѣтаются „обрабатываніемъ, просвѣщеніемъ ума и образованіемъ сердца, нравственнымъ воспитаніемъ".

„Умъ есть главнѣйшее преимущество человѣка"... „Образованіе, очищеніе его тѣмъ должно быть важнѣе"... „Какъ тѣло наше, такъ равно и умъ требуютъ своей пищи". Сила, бодрость и масса обоихъ зависитъ отъ качества и количества этой пищи. Развитіе душевныхъ способностей человѣка должно начинаться съ ранней юности, но надобно, чтобы вначалѣ оно было сколько можно легче, непримѣтно и постепенно. „Къ систематическому обрабатыванію ума должно приступать не прежде, какъ когда самое тѣло получитъ уже извѣстную крѣпость".

Воспитатель долженъ поставить себѣ первымъ правиломъ, чтобы прежде всего изслѣдовать способность воспитанника. „Никто не родится въ свѣтъ, не получивъ къ чему-нибудь способностей".

Преподаваніе нужно вести послѣдовательно и постепенно. „Не окончивъ одного ученія, бросать его и переходить къ другому, значитъ—подвергать себя опасности не знать ничего". Слѣдствіемъ этого бываетъ сбивчивость и самое отвращеніе. „Душевныя способности, равно какъ и органы тѣла, требуютъ отдохновенія"; чтобы облегчить трудъ и отвратить скуку, можно перемѣнять упражненія, важныя съ пріятными, полезныя съ занимательными.

„Разумъ необходимо долженъ быть всегдашнимъ руководителемъ нашимъ", его надлежитъ образовать въ юныхъ лѣтахъ, „болѣе примѣрами и ощутительными предметами". „Изощреніе памяти доставляетъ лучшее богатство уму, нужно токмо умѣть удобрить ее"... „Прежде всего должно стараться, чтобы она вначалѣ возрастала мало-по-малу, потомъ, чтобы все почерпнутое ею вело насъ къ размышленію"... „Посредствомъ памяти дѣлаемся мы обладателями сокровищъ всѣхъ странъ, всѣхъ вѣковъ", но для этого „необходимо нуженъ благоразумный выборъ". Выборомъ должны руководить воспитатели. „Важнѣйшая польза, какую доставляетъ намъ память, состоитъ въ изученіи языковъ". Изучать нужно и новые, и древніе языки. „Преимущественно должно заниматься отечественнымъ языкомъ и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правильнаго, твердаго, основательнаго знанія. Оставлять въ небреженіи свой языкъ есть крайне грубое, непростительное заблужденіе". На пріобрѣтеніе знанія своего языка „должно упо-

требить много трудовъ, должно пожертвовать немалою частью въ жизни".

Нужно развивать, затѣмъ и правильно воспитывать разсудокъ—„важнѣйшую способность ума". Этому способствуетъ больше всего логика. Просвѣщенію ума и укрѣпленію разсудка споспѣшествуютъ знанія. „Умъ молодыхъ людей преимущественно должно обогащать тѣми знаніями, кои больше имѣютъ отношенія къ будущему ихъ состоянію". Это прежде всего исторія, затѣмъ физическія и математическія науки, исторія натуры. Для успокоенія и облегченія разсудка необходимы изящныя искусства—музыка, искусство хорошо читать и хорошо произносить.

„Есть многія также механическія упражненія, кои могутъ быть полезны въ воспитаніи"... „Встрѣчаются случаи, кои, препятствуя дѣйствіямъ ума, требуютъ тѣлесныхъ занятій; встрѣчаются обстоятельства жизни, гдѣ не столько наука, сколько механическія работы потребны".

Воображеніе сильно вліяетъ на разумъ, знанія, искусства, на самое счастіе и несчастіе человѣка. Нужно позаботиться о добромъ направленіи и совершенствованіи его.

Таланты и знанія должны быть освящены чистотою нравовъ, невинностью сердца. „Сердце тѣмъ большаго требуетъ старанія, что страсти безпрестанно тревожатъ его, забавы и роскошь на уловленіе его простираютъ свои сѣти".

Основою нравственнаго воспитанія должна быть любовь къ ближнему, даже къ врагамъ, ко всему человѣчеству и снисходительность къ чужимъ слабостямъ. Дѣтямъ нужно усвоивать благодарность, благотвореніе, чувствительность и состраданіе. Имъ нужно воочію показать нищету и горе, ихъ нужно научить дѣятельной любви къ ближнему, внушить имъ мысль о строгомъ исполненіи своего нравственнаго долга. Религія должна „запечатлѣть" мудрость и добродѣтель. „Не фанатизмъ, не суевѣріе и мрачную лжесвятость должно внушать ему (воспитаннику), но благоговѣніе, сыновнюю преданность и чистѣйшую вѣру къ Зиждителю міровъ". Наградами и наказаніями можно пользоваться при воспитаніи, но съ большою осторожностью. Для воспитанія выносливости и воли благоразумные воспитатели даютъ иногда случай „чувствовать питомцамъ своимъ боль и неудовольствіе". При окончаніи своей рѣчи Антонскій говоритъ слѣдующее:

„Никто не вышелъ совершеннымъ изъ рукъ учителя. Не до-

вольно быть издали зрителемъ въ театрѣ міра, надобно учиться самому дѣйствовать на немъ. Молодые люди не прежде получаютъ твердость въ дѣлахъ, какъ подвергнувъ себя собственному размышленію, собственному опыту въ разныхъ отношеніяхъ и навыкнувъ дѣятельной наукѣ жить съ людьми, разумѣть народные нравы и образъ правленія. Все сіе весьма много дѣйствуетъ на воспитаніе".

Россійская Академія. Императрица Екатерина Великая, съ тою же энергіею, какъ и ея предшественники, заботится объ Академіи Наукъ, продолжавшей свое существованіе на пользу и славу русской науки въ ея царствованіе съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и прежде. Въ 1783 году, независимо отъ Академіи Наукъ, стараніями княгини Дашковой учреждается Россійская Академія, имѣвшая цѣлью выработку и сохраненіе правильности и чистоты русскаго языка; въ составъ новооткрытой Академіи вошли многіе члены Академіи Наукъ, и первымъ ея предсѣдателемъ Императрица назначила княгиню Екатерину Романовну Дашкову. Лучшіе русскіе писатели (Фонвизинъ, Державинъ, Княжнинъ, Богдановичъ), ученые (Болтинъ, Лепехинъ, Янковичъ), высшія лица духовной іерархіи (Гавріилъ, митрополитъ новгородскій, Иннокентій, митрополитъ псковскій), государственные люди (графъ Шуваловъ, графъ Строгановъ, княгиня Дашкова) и другіе ревнители русскаго слова дѣятельно взялись за осуществленіе цѣлей, предназначенныхъ Россійскою Академіею, и оказали существенную пользу наукѣ, обществу и школѣ. Уже одни словари русскаго и церковно-славянскаго языка, изданные Академіею трудами означенныхъ дѣятелей и ихъ сотрудниковъ, значительно расширили *лексическій* составъ языка литературнаго и разговорнаго и выработали научную русскую терминологію. Россійская Академія была закрыта въ 1841 году, взамѣнъ ея основано въ Академіи Наукъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности.

Академическій университетъ и Академическая гимназія въ Петербургѣ. Съ цѣлью лучшаго устройства Академическаго университета и Академической гимназіи въ Петербургѣ, въ 1765 году графъ Разумовскій далъ инструкцію Академической канцеляріи, въ которой было сказано: „университетъ и гимназію съ принадлежащими къ ней профессорами, учителями, студентами и учениками, учредить на такомъ основаніи, чтобы сходствовало съ Высочайшимъ намѣреніемъ Ея Императорскаго Величества о воспитаніи и

обученіи Россійскаго юношества"; вслѣдствіе этого Академическая гимназія и была измѣнена согласно системѣ воспитанія Бецкаго, состоявшей въ томъ, чтобы удалять дѣтей съ самаго нѣжнаго возраста и вплоть до совершеннолѣтія изъ грубой среды ихъ родителей, и чтобы тѣмъ предостеречь ихъ отъ дурныхъ навыковъ. Съ этою цѣлью при гимназіи было устроено малолѣтнее отдѣленіе изъ 30 учениковъ отъ 5 до 7 лѣтъ, большею частью сыновей чиновниковъ, писарей и солдатъ. Они были раздѣлены на два отдѣленія и поручены классным дамамъ. Но и эта мѣра не помогла, гимназисты отличались шалостями, нравы ихъ оставались грубыми.

Въ 1770 году былъ введенъ университетскій курсъ для лучшихъ учениковъ гимназіи старшаго класса, на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, по предметамъ: математикѣ, механикѣ, оптикѣ, химіи и проч., такъ какъ Академическій университетъ былъ закрытъ въ 1766 году; но при этомъ они должны были продолжать свои занятія въ гимназіи по латинскому языку и логикѣ. Впослѣдствіи лучшіе изъ этихъ гимназистовъ-студентовъ, заявившихъ, что они желаютъ посвятить себя единственно наукамъ, могли избирать по своему желанію одинъ предметъ, и тогда они поручались профессору этого предмета, а сами назывались уже не гимназистами, а „элевами". Для усовершенствованія въ наукахъ ихъ отправляли въ германскіе университеты. Со вступленіемъ въ 1783 году Дашковой въ должность директора Академіи, въ курсъ гимназіи былъ введенъ англійскій языкъ.

Академическая гимназія, какъ впервые устроенное заведеніе совершенно новаго типа, естественно не могла быть безъ недостатковъ, проистекавшихъ, главнымъ образомъ, отъ неимѣнія правильнаго опредѣленнаго устава, отъ недостатка хорошихъ учителей и отъ грубости нравовъ и дурныхъ привычекъ самихъ учениковъ. На основаніи новаго регламента Академіи Наукъ 1803 года Академическая гимназія была упразднена въ 1805 году и слилась съ учрежденною въ С.-Петербургѣ губернскою гимназіей.

Но, и при своихъ невыгодныхъ условіяхъ, Академическая гимназія и университетъ принесли пользу русскому государству, доставивъ образованіе многимъ сотнямъ обучавшихся въ нихъ учениковъ, не только дѣтямъ высшихъ сословій, но и низшихъ классовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вышли извѣстными учеными и даровитыми административными дѣятелями, каковы, напримѣръ, извѣстные:

Ададуровъ—математикъ, переведшій руководство Эйлера къ ариѳметикѣ и другія математическія сочиненія; онъ же занимался словесностью и издалъ въ 1768 году „Правила Россійской орѳографіи"; Кондоиди, гофъ-медикъ, принесъ значительную пользу русскимъ медицинскимъ учрежденіямъ; Таубертъ — библіотекарь публичной библіотеки, а послѣ весьма вліятельное лицо въ Академической администраціи; Мелиссино, бывшій съ 1771 года кураторомъ Московскаго университета, учредитель Вольнаго Россійскаго Собранія; также многіе академики, прославившіе свои имена различными дальними экспедиціями и научными работами по разнымъ областямъ знанія, какъ напр., языковѣдѣнію, исторіи, естественной исторіи и др., какъ то: Озерецковскій, Севергинъ, Лепехинъ, Иноходцевъ Соколовъ и др.

Московскій университетъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, вскорѣ послѣ ея коронаціи, былъ пожалованъ въ кураторы Московскаго университета Ададуровъ, сохранявшій почетный титулъ куратора до самой своей смерти († 1778). Директоромъ университета послѣ Мелиссино въ 1763 г. былъ назначенъ М. М. Херасковъ, съ именемъ котораго соединяется также память основателя университетскаго благороднаго пансіона. Московскій университетъ при Императрицѣ Екатеринѣ Великой сталъ пополняться русскими профессорами; такъ, въ 1767 году, кромѣ профессора Барсова, въ немъ уже было пять русскихъ ученыхъ изъ его же питомцевъ, довершившихъ свое образованіе за границею. Въ 1767 г. 19 ноября, послѣ того какъ Императрица посѣтила Москву, директоръ Херасковъ писалъ въ Петербургъ къ куратору Ададурову: „Ея Императорское Величество указать соизволила, что въ университетѣ пристойнѣе бы читать лекціи на русскомъ языкѣ, а особливо юриспруденцію, что, де, неоднократно повторя, соизволила Высочайше повелѣть, дабы о томъ стараться". Повелѣніе Императрицы немедленно было исполнено, и кураторъ предписалъ Конференціи объявить докторамъ факультетовъ—юридическаго и медицинскаго, чтобы они впередъ публичныя лекціи свои читали на языкѣ русскомъ, а техническія термины наукъ прибавляли бы на языкѣ латинскомъ. При университетѣ состояла гимназія, а въ 1779 году открылся вольный благородный пансіонъ, назначенный исключительно для дѣтей дворянъ.

Служа разсадникомъ высшаго образованія и ежегодно выпуская изъ среды своихъ студентовъ полезныхъ дѣятелей отече-

ства, изъ которыхъ многіе снискали себѣ извѣстность на различныхъ поприщахъ государственной службы, въ наукѣ и литературѣ, Московскій университетъ съ успѣхомъ содѣйствовалъ дѣлу русскаго образованія и другими средствами. Такъ, въ учрежденной еще въ 1756 г. при университетѣ типографіи печатались учебники и руководства для университета и гимназіи и продолжалось изданіе первой Московской газеты. По мѣрѣ развитія отечественной науки и литературы, постепенно расширялась дѣятельность университетской типографіи, изъ которой ежегодно выходили многочисленныя книги—учебники, переводы, ученые труды, литературныя произведенія нашихъ писателей и періодическія изданія. Начиная съ 1760 г., когда вышло отъ университета первое періодическое изданіе Хераскова: „Полезное увеселеніе", число періодическихъ изданій начинаетъ возрастать. Особенно же дѣятельною эпохою для университетской типографіи было то время, когда съ 1779 года, она была передана въ завѣдываніе Николая Ивановича Новикова. Одушевленный любовію къ русскому просвѣщенію и отличаясь предпріимчивостью, Н. И. Новиковъ уже прежде заявилъ себя своею полезною дѣятельностью въ Петербургѣ, гдѣ онъ издалъ нѣсколько капитальныхъ работъ, какъ напримѣръ. „Историческій словарь россійскихъ писателей", „Русскую Библіотеку" и проч., а также занимался изданіемъ нѣсколькихъ журналовъ; изъ числа послѣднихъ особенно нравился публикѣ по своему сатирическому направленію „Живописецъ". Съ перенесеніемъ своей дѣятельности въ Москву, Новиковъ улучшилъ средства университетской типографіи, заводитъ три другія, открываетъ нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и другихъ городахъ и разнообразитъ содержаніе „Московскихъ Вѣдомостей" прибавленіемъ къ нимъ новыхъ періодическихъ изданій. Изъ числа послѣднихъ, чисто съ педагогическою цѣлью, чтобы доставить русскимъ дѣтямъ назидательное полезное чтеніе на отечественномъ языкѣ, издавался при „Вѣдомостяхъ" первый дѣтскій журналъ: „Дѣтское чтеніе для сердца и разума"; въ числѣ сотрудниковъ этого журнала состоялъ и Н. В. Карамзинъ. Кромѣ своей издательской и литературной дѣятельности, Новиковъ старался возбудить и въ учащейся молодежи любовь къ умственному труду и къ отечественной литературѣ; съ этою цѣлью онъ соединялъ около себя любознательныхъ и образованныхъ молодыхъ людей, давалъ имъ для перевода дѣльныя и серіозныя книги богословскаго, философскаго и нравственнаго содержанія, которыя онъ и издавалъ немедленно. Такимъ образомъ,

выходившія во множествѣ изъ университетской типографіи полезныя книги распространялись по всей Россіи, и, разнося всюду знанія и правильныя воззрѣнія, возбуждали въ обществѣ любовь къ отечественному слову и къ отечественной литературѣ, пріохочивали къ содержательному чтенію и значительно содѣйствовали воспитанію и образованію молодого поколѣнія.

Кромѣ того, дѣятельность университета на пользу отечественнаго образованія выразилась открытіемъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій — библіотеки, музея, естественно-историческихъ кабинетовъ, ботаническаго сада и проч. Наконецъ, публичныя лекціи профессоровъ и учрежденіе при университетѣ разныхъ ученыхъ обществъ, преслѣдовавшихъ спеціальныя цѣли, какъ-то: Вольнаго Россійскаго Собранія, Общества любителей учености и другихъ— не только содѣйствовали усвоенію западно-европейскихъ знаній, но и возбуждали научное и художественное творчество въ средѣ образованныхъ соотечественниковъ.

Московскій благородный пансіонъ. Между учебными заведеніями описываемой эпохи особою извѣстностью пользовался Московскій вольный благородный пансіонъ, учрежденный при Московскомъ университетѣ въ 1779 г.

Отличаясь постановкою своего учебно-воспитательнаго дѣла на лучшихъ современныхъ строго-педагогическихъ основахъ, особенно въ управленіе Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, заведеніе это имѣло главною цѣлью общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ давало каждому изъ своихъ воспитанниковъ возможность преслѣдовать ту или другую научную цѣль соотвѣтственно его свойствамъ и нравственнымъ качествамъ, способностямъ и дарованіямъ. По окончаніи въ немъ курса, ученики или поступали въ университетъ, или же избирали какую-либо соотвѣтствующую себѣ дѣятельность.

Пріемъ въ пансіонъ производился въ январѣ и августѣ. Черезъ каждые шесть мѣсяцевъ ученики подвергались домашнему испытанію, при чемъ оказавшіе рѣшительные успѣхи переводились изъ класса въ классъ; кромѣ того, въ теченіе года дѣлались публичные экзамены и торжественные акты. Ученики составляли три отдѣленія и размѣщались по комнатамъ соотвѣтственно ихъ возрасту: меньшіе, или маленькіе, отъ 9 до 12 лѣтъ, средніе отъ 13 до 15 лѣтъ, большіе отъ 16 до 20 лѣтъ. Кромѣ этого дѣленія по возрастамъ, были еще комнаты: отличныхъ и полу-отличныхъ. Въ эти

поступали уже не по лѣтамъ, а по успѣхамъ въ наукахъ при прекраснѣйшей нравственности, благоразумномъ поведеніи и постоянной кротости. Всѣ отдѣленія и комнаты были ввѣрены комнатнымъ надзирателямъ.

Порядокъ жизни, занятій и досуговъ былъ такой: въ пять часовъ воспитанники вставали и въ шесть собирались для приготовленія и повторенія уроковъ, въ семь попарно и по старшинству шли въ столовую въ сопровожденіи надзирателя, гдѣ, послѣ утренней молитвы и чтенія священнаго писанія, размѣщались по старшинству за столами пить чай; отъ 8 до 12 часовъ были классы, затѣмъ обѣдъ, при чемъ воспитанники шли въ столовую также по старшинству и попарно. При обѣдѣ, какъ и въ теченіе всего дня, при дѣтяхъ неотлучно оставались надзиратели, наблюдавшіе за порядкомъ, приличіемъ и тишиною. Послѣ обѣда воспитанники пользовались свободою: зимою въ комнатахъ играли въ воланы, занимались музыкой, пѣніемъ, читали книги и т. п., въ прочія времена года, когда погода благопріятствовала, дѣти занимались играми или военными упражненіями, маршируя и выдѣлывая разные пріемы деревянными ружьями. Съ двухъ часовъ всѣ оставались въ классахъ до шести, въ шесть — полдникъ, въ семь — повтореніе уроковъ, въ восемь—ужинъ, почти такой же, какъ и обѣдъ, только однимъ кушаньемъ меньше. Послѣ ужина—вечерняя молитва и духовное чтеніе. Молитву по утру произносятъ лучшіе изъ средняго и меньшаго возраста по очереди; молитву вечеромъ—лучшіе изъ большого, а чтеніе св. писанія—уже дѣло отличныхъ. Въ девять часовъ всѣ отдѣленія ложились спать. Въ субботу, послѣ классовъ, дѣти увольнялись домой до понедѣльника, до восьми часовъ утра; остающіеся въ пансіонѣ по воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ послѣ завтрака шли къ обѣднѣ, а потомъ, въ лѣтнее время пользовались прогулкой по городу и за городомъ, въ сопровожденіи надзирателей, зимою же устраивали концерты, балы и театральныя представленія, на которыя приглашались и родственники учениковъ. На Страстной недѣлѣ остающіеся въ пансіонѣ ученики говѣли, Великій постъ и сочельники всегда строго наблюдались. Въ вакаціонную пору, съ 1-го іюля по 15-е августа, занятія ограничивались чистописаніемъ, рисованіемъ, живописью, музыкой, танцами, фехтованіемъ, верховой ѣздой и новыми иностранными языками—французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ и англійскимъ. Упражняли желающихъ также и въ разго-

ворахъ на латинскомъ и греческомъ. Въ заключеніе вакаціи, воспитанники выступали въ лагерь на двѣ, три недѣли, въ рощу близъ Всесвятскаго села, гдѣ отставные унтеръ-офицеры обучали ихъ военнымъ упражненіямъ. Воспитанники дѣлились на взводы, роты, баталіоны и имѣли своихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, повышаемыхъ изъ должности въ должность, изъ чина въ чинъ; караулы, дежурства, обходы исполнялись ими во всей точности. Взрослые ученики получали настоящія ружья и иногда стрѣляли въ цѣль. Такимъ образомъ, воспитанники отъ обязанности рядового до генерала узнавали военную службу.

Также готовились воспитанники къ службѣ гражданской, прилагая правила научныя къ дѣятельнымъ опытамъ, при чемъ они знакомились съ „Россійскимъ практическимъ законоискусствомъ".

Въ пансіонѣ воспитанники готовились и къ общественной свѣтской жизни, и къ трудамъ, и къ лишеніямъ, неизбѣжнымъ на вѣку каждаго. Домашніе театры, балы, концерты, чтеніе лучшихъ произведеній на преподаваемыхъ языкахъ, занятіе литературою, рѣчи, стихотворенія и разговоры воспитанниковъ на торжественныхъ актахъ, при стеченіи родителей, родственниковъ, ученыхъ, духовныхъ особъ, гражданскихъ сановниковъ и стороннихъ посѣтителей, — все это, вмѣстѣ взятое, должно было образовать ихъ для свѣтской, общественной жизни. Тѣлесныя упражненія, силоразвитіе, борьба, бѣганье, коньки, снѣжки, мячи, свайки, кегли, фехтованіе, верховая ѣзда, походы въ лагерь и военныя движенія достаточно пріучали ихъ къ трудамъ. Отсутствіе всякой роскоши въ помѣщеніи, въ одеждѣ, въ пищѣ, исполненіе лагерныхъ обязанностей и въ полуденный зной, и въ прохладу ночи, все это располагало воспитанниковъ къ умѣренности.

Въ дѣтскихъ сердцахъ дѣятельно сѣялись сѣмена вѣры не однимъ преподаваніемъ богословія, но утвержденіемъ ихъ въ благочестивой привычкѣ творить утреннія и вечернія молитвы, посѣщать Божію церковь, пѣть на клиросѣ, соблюдать посты, слушать внимательно св. Евангеліе, читать дѣянія апостоловъ и назидательныя посланія ихъ.

Предметы ученія были слѣдующіе: 1) Законъ Божій и священная исторія, 2) логика и нравственность (нравственная философія), 3) математика: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, алгебра, приложеніе алгебры къ геометріи и коническимъ сѣченіямъ, 4) механика, 5) артиллерія, 6) фортификація, 7) архитектура, 8) опыт-

ная физика, 9) естественная исторія, 10) россійская исторія, 11) всемірная исторія, 12) статистика всеобщая, 13) географія математическая, политическая, всеобщая и россійская, 14) древности, 15) миѳологія, 16) право естественное, 17) право римское, 18) государственное хозяйство, 19) основаніе права частнаго, гражданскаго и уголовныхъ законовъ, 20) практическое россійское законовѣдѣніе, 21) русскій языкъ, словесность, сочиненія, 22) иностранные языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, италіанскій и словесность иностранная; въ первые и послѣдніе годы существованія пансіона преподавался и греческій языкъ, 23) музыка, 24) рисованіе, 25) живопись, 26) танцы, 27) фехтованье, 28) верховая ѣзда, 29) военныя движенія и дѣйствіе ружьемъ. Кромѣ этихъ предметовъ, въ свободное отъ всѣхъ уроковъ время, одинъ часъ въ недѣлю былъ посвященъ статистики Россіи и одинъ сельскому домоводству.

Изъ приложеннаго списка учебныхъ предметовъ, преподававшихся въ пансіонѣ, видно, что обученіе было энциклопедическое. Но, въ виду невозможности для учениковъ обнять всѣ предметы, отъ нихъ и не требовалось равныхъ во всемъ успѣховъ. Развивая рѣшительно обнаруживавшіяся въ ученикахъ дарованія, все обстановочное обученіе направлялось уже прямо къ цѣли, ими самими себѣ предназначенной. Такъ, одни изъ нихъ предпочтительно занимались математическими науками, другіе богословіемъ или судовѣдѣніемъ, третьи посвящали себя словесности и т. д., при чемъ, при спеціализированіи на отдѣльныхъ предметахъ, по которымъ требовались подробныя знанія, на другіе предметы при испытаніи смотрѣли не такъ строго. Хотя самъ Антонскій принципіально и былъ противъ такого энциклопедизма, но ему пришлось пойти на уступки въ виду установившихся взглядовъ, вкусовъ и привычекъ.

Было много патріархальнаго въ воспитаніи учениковъ. Въ дѣтяхъ — сыновняя любовь къ наставникамъ, въ наставникахъ — чадолюбивая заботливость о дѣтяхъ. Все было основано на взаимности и довѣріи.

Изъ средствъ, содѣйствовавшихъ успѣхамъ воспитанниковъ, большую роль играло въ пансіонѣ развитіе въ нихъ благороднаго самолюбія, достигавшееся старшинствомъ мѣстъ — въ классахъ, по степени прилежанія и успѣховъ, въ комнатахъ — по поведенію и благонравію. Стать первымъ изъ первыхъ между товарищами значило возбудить всеобщее въ нихъ къ себѣ уваженіе, зато сойти

съ мѣста своего на болѣе низкое было всегда чувствительнымъ наказаніемъ. Повышеніе и пониженіе мѣста въ комнатѣ было слѣдствіемъ какъ отзывовъ учителей, такъ и приличнаго или неприличнаго поведенія воспитанника внѣ классовъ. Еженедѣльно противъ каждаго лица показывалось штрихами — сколько разъ кто подпадалъ замѣчанію, выговору или наказанію. Эти штрихи казались страшнѣе самыхъ наказаній, и Антонскій, при первой встрѣчѣ съ „оштрихованными", дѣлалъ замѣчанія къ пристыженію ихъ не только передъ товарищами по комнатѣ, но и передъ другими воспитанниками чужихъ комнатъ. Главный тутъ дѣйствователь былъ страхъ любви: дѣти столь же боялись огорчить Антона Антоновича, сколько уважали его совѣты, гордились его похвалою и дорожили каждымъ его словомъ.

Исправительныя и поощрительныя мѣры были во всѣхъ случаяхъ такъ благоразумны и благородны, что о тѣлесныхъ наказаніяхъ и помину не было.

Первые въ среднихъ классахъ, при отсутствіи профессора, замѣняли его мѣсто, испытывая товарищей въ пройденныхъ урокахъ, обозрѣвая занятія ихъ и поправляя ошибки въ исполненіи задачъ, а первые изъ высшихъ классовъ при временной неявкѣ учителей въ низшихъ классахъ, замѣняли ихъ со всѣми правами учителя. Лѣность, невѣжливость, неряшество, упрямство, вспыльчивость, позднее возвращеніе послѣ праздника,—все это подвергалось наказанію. Надзиратели, неотлучно остававшіеся съ воспитанниками цѣлый день и ночь, „исправляютъ проступившагося по собственному своему благоразумію и отеческой нѣжности къ юношеству". Для развитія въ дѣтяхъ чувства строгой справедливости къ другимъ и смиренной самооцѣнки, по сравненію съ другими себя, воспитанникамъ всѣхъ возрастовъ предоставлено было право выборовъ въ званіе лучшихъ изъ товарищей на каждый годъ — и начальство признавало первыми въ каждомъ возрастѣ тѣхъ, которые между лучшими отличались благонравіемъ и прилежаніемъ къ наукамъ; за этими выборами слѣдовалъ выборъ директоровъ и секретаря для дѣтскихъ забавъ (театры, концерты, балы, и пр.). Имена первыхъ на каждый годъ воспитанниковъ выставлялись въ столовой на стѣнѣ въ рамкѣ.

На торжественномъ актѣ провозглашались имена заслужившихъ одобреніе, и производилась раздача имъ подарковъ, лучшіе же въ высшихъ классахъ производились въ студенты и получали право

слушать лекціи въ университетѣ. Самый актъ происходилъ въ присутствіи родителей и родственниковъ воспитанниковъ, членовъ университета, московскаго митрополита, военнаго генералъ-губернатора и прочихъ извѣстныхъ особъ духовнаго, гражданскаго и военнаго званій, литераторовъ, художниковъ и стороннихъ посѣтителей. Во время акта воспитанники съ каѳедры говорили приличныя торжеству рѣчи на русскомъ языкѣ и на одномъ или двухъ изъ иностранныхъ, потомъ читали наизусть стихи и прозу извѣстныхъ писателей на разныхъ языкахъ, а также и собственные опыты въ стихахъ и прозѣ; потомъ, посреди залы вступали въ судебное дѣлопроизводство или драматическіе разговоры (кончавшіеся иногда пѣніемъ) о нравственныхъ, ученыхъ и отвлеченныхъ предметахъ; затѣмъ нѣсколько паръ поочередно бились въ проволочныхъ маскахъ, на рапирахъ и на эспантонахъ; далѣе — музыка и танцы. Все это заключалось или дѣтскимъ хоромъ, или прощальною рѣчью одного изъ выпускаемыхъ къ товарищамъ, съ изъявленіемъ чувствъ живой признательности и наставникамъ и учителямъ, или напутственнымъ словомъ законоучителя.

Только въ 1818 году, послѣ тридцати - девяти - лѣтняго своего существованія, этотъ разсадникъ наукъ, бывшій образцомъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ государствѣ для дворянъ, удостоился получить права и преимущества, которыми пользовался С.-Петербургскій Александровскій (прежде Царско-сельскій) лицей, и отличнѣйшимъ воспитанникамъ, при выпускѣ, были присвоены классы 14, 12, 10, смотря по успѣхамъ, а въ 1830 г. онъ былъ обращенъ въ гимназію, которая даже оставлена „попрежнему заведеніемъ для пансіонеровъ только дворянскаго происхожденія (нынѣ 4-я Московская гимназія).

Хотя обученіе въ пансіонѣ отличалось энциклопедическимъ характеромъ, и на всемъ пансіонѣ лежалъ довольно сильный мистическій отпечатокъ, при чемъ слишкомъ большую роль играли награды и другія воздѣйствія на самолюбіе учащихся, но всѣ эти недостатки незначительны сравнительно съ громаднымъ гуманизирующимъ вліяніемъ пансіона, снискавшаго къ себѣ въ Россіи всеобщее уваженіе и извѣстность; за многіе годы своего существованія пансіонъ далъ русскому обществу рядъ крупныхъ дѣятелей во всевозможныхъ областяхъ, и всѣ сохраняли самую лучшую о немъ память. Пансіонъ далъ образованіе Мещевскому, Воейкову, Жуковскому, Родзянкамъ, Тургеневымъ, Дашкову, Петину, Милонову, Грибоѣдову, Вельт-

ману, Писареву, Шевыреву, Строевымъ, Калайдовичу, Лермонтову, Калачеву, Леонтьеву, Майкову и многимъ другимъ, не менѣе извѣстнымъ. Директоръ его Антонскій, какъ высокопросвѣщенный педагогъ, слѣдившій за всѣми проявленіями жизни воспитанниковъ, установившій тѣ высоко-гуманныя и разумныя педагогическія средства для благоденствія физической и духовной жизни воспитанниковъ, привлекшій въ пансіонъ лучшихъ московскихъ преподавателей (Мерзлякова, Давыдова, Павлова и другихъ), сумѣлъ придать дворянскому пансіону высокую извѣстность, какъ одного изъ лучшихъ русскихъ средне-учебныхъ заведеній.

Благородный пансіонъ служилъ образцомъ для пансіоновъ при средне-учебныхъ и при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; такъ, напримѣръ, педагогическій строй Главнаго Педагогическаго института, существовавшаго въ царствованіе Николая I, представляетъ много сходства съ учебно-воспитательною стороною Московскаго благороднаго пансіона, особенно во времена перваго директора института Миддендорфа; также вліяніе пансіона сказалось на Царскосельскомъ лицеѣ, куда перешли нѣкоторые воспитанники и преподаватели пансіона, и пр.

Духовныя школы. На духовныя школы Императрица Екатерина II обратила свое вниманіе въ первый же годъ своего царствованія. Въ инструкціи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ она писала: „Св. Синодъ самъ довольно вѣдаетъ, что познаніе слова Божія есть первое основаніе благополучія народнаго, и что изъ сего источника истекаетъ вся народная добродѣтель. Но мы съ прискорбіемъ видимъ, что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго исправленія, такъ что и самые многіе священники не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и, будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственными примѣрами къ поврежденію“. Для поднятія уровня духовнаго просвѣщенія Императрица считала необходимымъ поднять благосостояніе и расширить курсы духовныхъ школъ, на что, между прочимъ, согласно съ узаконеніями Петра I, назначила доходы съ церковныхъ имѣній. Современнымъ состояніемъ духовныхъ школъ Императрица была крайне недовольна. Прошло 40 лѣтъ со времени изданія Дух. Регламента, давшаго духовнымъ школамъ уставъ, но и „по сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи“. Правительство требовало полной

реформы семинарій, и въ дальнѣйшемъ изложеніи той же инструкціи вкратцѣ намѣчена программа этой реформы. Въ каждой епархіи велѣно завести по одной семинаріи и по два, по три училища и на содержаніе тѣхъ и другихъ составить подробные штаты, причемъ опредѣлить жалованье для всѣхъ учителей и сумму на учебныя пособія (библіотеки). Курсъ семинарскаго ученія велѣно расширить введеніемъ общеобразовательныхъ наукъ — математики, исторіи и географіи; ученикамъ рекомендовалось больше заниматься чтеніемъ въ имѣющихся составиться семинарскихъ библіотекахъ. Занявшись исключительно вопросами объ управленіи церковными вотчинами и о штатахъ для архіерейскихъ домовъ, монастырей, соборныхъ и вотчинныхъ церквей, комиссія не успѣла составить никакихъ предначертаній касательно судьбы духовныхъ школъ. Поэтому, по распущеніи ея въ 1764 году, Императрица въ указѣ 26 февраля опять повторила свою волю относительно ихъ преобразованія. Для начертанія проекта была составлена особая комиссія изъ трехъ наиболѣе талантливыхъ духовныхъ лицъ: Гавріила, епископа тверского, Иннокентія псковскаго и іеромонаха Платона Левшина (послѣ митрополита московскаго). Хотя проектъ составленный ими и остался неутвержденнымъ и не былъ приведенъ въ исполненіе въ цѣломъ его видѣ, но многія мысли его, бывшія выраженіемъ современныхъ понятій о духовномъ образованіи, не остались безъ приложенія ихъ къ практикѣ школьной жизни.

Самымъ главнымъ, исходнымъ пунктомъ въ предпринятомъ преобразованіи духовныхъ школъ было назначеніе на ихъ содержаніе постоянныхъ штатныхъ окладовъ изъ доходовъ отобранныхъ въ казну церковныхъ вотчинъ. Проектъ комиссіи о духовныхъ школахъ прежде всего остановился на опредѣленіи школьныхъ окладовъ. Новыя прибавки къ штатнымъ окладамъ всѣхъ вообще духовныхъ учрежденій были предприняты въ царствованіе Императора Павла Петровича. По указу 1797 г., „дабы всѣ духовныя училища нескудное имѣли содержаніе“, положено было увеличить ихъ оклады почти вдвое, дополнивъ прежнюю сумму, выдававшуюся на нихъ (77431 руб. 27 к.), до 142,000 руб. Послѣ этого менѣе 3000 руб. не получала ни одна семинарія, кромѣ Харьковскаго [коллегіума. Удвоеніе училищныхъ окладовъ, разумѣется, было весьма благодѣтельно для благосостоянія духовныхъ школъ, но все-таки не могло считаться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ ихъ обезпеченіи, потому что къ началу XIX столѣтія и число

учащихся тоже болѣе, чѣмъ удвоилось. На отпускаемую штатную сумму нужно было содержать уже 4 академіи, 36 семинарій и до 115 малыхъ училищъ. Поэтому въ 1807 г. удвоенную сумму окладовъ снова потребовалось удвоить, что и сдѣлалъ Императоръ Александръ Благословенный, назначивъ въ этомъ году къ отпуску на духовныя школы 338,863 руб. Благодаря штатнымъ окладамъ, духовныя школы въ первый разъ стали приходить къ большему единообразію въ своемъ внѣшнемъ бытѣ, въ содержаніи учителей и учениковъ и въ заведеніи учебныхъ пособій, что не могло не отразиться и на внутренней сторонѣ ихъ жизни.

Хотя при Екатеринѣ и Павлѣ I и заводились новыя духовныя школы, но это заведеніе новыхъ школъ шло не успѣшнѣе, чѣмъ въ предшествовавшее царствованіе.

Изъ новыхъ семинарій раньше другихъ была открыта семинарія въ Астраханской епархіи. Здѣсь существовала только открытая еще въ 1729 году низшая школа для обученія какъ духовныхъ, такъ и купеческихъ дѣтей. Затѣмъ она нѣсколько разъ то закрывалась, то опять открывалась или какъ школа для одного духовенства или какъ общесословная. Лишь въ 1778 г. послѣдовало открытіе полной Астраханской семинаріи. Учителя въ нее вызывались изъ разныхъ мѣстъ: изъ Кіевской академіи, Казанской, Харьковской, Рязанской и др. семинарій. Въ томъ же году была открыта семинарія въ новой Сѣвской епархіи, такъ какъ этотъ обширный край не имѣлъ никакихъ школъ и отличался крайнимъ невѣжествомъ духовенства. Когда въ 1775 году была открыта новая епархія Словенская и Херсонская, первый архіепископъ ея Евгеній Булгаръ на другой же годъ по пріѣздѣ своемъ въ Полтаву, гдѣ назначено было мѣсто епархіальной каѳедры, озаботился открыть семинарію, на первый разъ въ видѣ низшей школы; съ 1779 г. въ школѣ начали открывать высшіе классы, и она была преобразована въ Словенскую семинарію. Въ томъ же 1779 году открыты были семинаріи въ двухъ старыхъ епархіяхъ, Иркутской и Тамбовской. Тамбовскій край имѣлъ въ семинаріи самую настоятельную потребность вслѣдствіе повальнаго невѣжества мѣстнаго духовенства, вредныя слѣдствія котораго особенно обнаружились во время пугачевщины. На занятіе учительскихъ мѣстъ были высланы по повелѣнію Св. Синода учителя изъ Рязанской епархіи по выбору тамошняго архіерея. Въ томъ же 1779 году открыта была семинарія олонецкимъ епископомъ Іоанникіемъ, которая существовала

недолго, такъ же, какъ было очень кратковременно существованіе Слуцкой семинаріи. Въ 1793 году открыта семинарія въ Минскѣ, а при Павлѣ Петровичѣ, когда были образованы двѣ новыя епархіи — Подольская и Волынская, явились новыя семинаріи въ новыхъ епархіяхъ — Подольская и Волынская. При Императорѣ Павлѣ I открылось еще нѣсколько семинарій. Посѣтивъ послѣ своей коронаціи любимую обитель Платона, Виѳанію, Государь велѣлъ возвести ея по окладу во второй классъ монастырей и „для вящшаго распространенія преподаваемаго въ семинаріи Троицкой лавры ученія“, полезныя успѣхи котораго Государь самъ видѣлъ, повелѣлъ учредить въ Виѳаніи такую же семинарію въ числѣ 100 учениковъ, на содержаніе коихъ производить ежегодно по 4.000 р. и на построеніе училища отпустить 30.000 руб. Семинарія была открыта въ 1800 г. Еще большею щедростью Государя воспользовалась учрежденная по его волѣ въ томъ же году (1800) армейская семинарія въ Петербургѣ для обученія дѣтей военнаго, армейскаго и флотскаго духовенства; на содержаніе ея ассигновано было по 12.000 руб. въ годъ. Когда въ 1799 г. были открыты 4 новыя епархіи — Калужская, Пермская, Пензенская и Оренбургская, то потребовались новыя семинаріи. Калужская семинарія была преобразована въ 1800 г. изъ Лаврентьевскаго училища; учителя въ нее были набраны изъ Московскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Пермская семинарія учреждена въ 1800 г. епископомъ Іоанномъ; затѣмъ послѣдовало открытіе Пензенской и Оренбургской семинарій. Такимъ образомъ, за весь описываемый періодъ времени возникло 15 новыхъ семинарій. Но въ то же время вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ въ епархіальномъ дѣленіи Россіи, нѣкоторыя семинаріи были переводимы на другія мѣста и даже закрываемы. Такъ, напримѣръ, Олонецкая, Слуцкая, Крутицкая и др.

Низшія духовныя училища заводились на мѣстныя средства по иниціативѣ мѣстныхъ архіереевъ или самого духовенства, въ рѣдкихъ случаяхъ они пользовались поддержкой со стороны правительства. При такихъ условіяхъ число ихъ, хотя довольно значительное, никакъ не могло достигнуть до той величины, какъ предполагалось правительствомъ въ началѣ 1760-хъ годовъ, и самое существованіе ихъ не могло отличаться надлежащею прочностью. Находясь въ полной зависимости отъ своихъ случайныхъ средствъ, они то открывались, то снова закрывались, переводились съ мѣста на мѣсто, соединялись съ семинаріями и т. п. Послѣ неудавшихся

попытокъ организаціи Московскаго духовнаго университета (1765 г.) и богословскаго факультета (1772—1777 гг.), м. Гавріилъ, принимавшій участіе въ этихъ попыткахъ, въ 1786 году возымѣлъ мысль дать своей Петербургской семинаріи значеніе главной для другихъ епархіальныхъ семинарій и обратился съ ходатайствомъ о томъ къ Императрицѣ. Она согласилась, и Св. Синодъ тогда же издалъ указъ: чрезъ каждые два года присылать въ главную семинарію учениковъ изъ всѣхъ епархіальныхъ семинарій за исключеніемъ епархій близкихъ къ Московской и Кіевской, для образованія ихъ къ учительской должности. Студенты эти должны были учиться на казенномъ содержаніи и обязывались, по окончаніи курса, прослужить два года на учительской должности. Семинарія эта выпустила изъ своихъ стѣнъ много свѣтлыхъ личностей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными на разныхъ поприщахъ службы, какъ, наприм., Сперанскій, И. Мартыновъ, Ѳеофилактъ Русановъ, Амвросій Орнатскій и др. Въ указѣ отъ 18 декабря 1797 года, заявивъ свое особенное вниманіе къ духовному просвѣщенію, Государь Павелъ повелѣлъ, кромѣ двухъ прежнихъ академій, открыть еще двѣ новыя, въ Петербургѣ и Казани вмѣсто существовавшихъ тамъ семинарій, „снабдя ихъ всѣмъ, званію сему соотвѣтствующимъ и для преподаванія наукъ потребнымъ". Другимъ указомъ 11-го января 1798 г. велѣно было: „потребный для благоустройства академій и семинарій порядокъ учредить, во-первыхъ, въ Невской академіи съ тѣмъ, чтобы, примѣняясь уже къ тому, и въ прочихъ академіяхъ и семинаріяхъ такимъ образомъ ученіе происходило".

Состояніе учебно-воспитательной части духовныхъ школъ. Состояніе учебной части въ дух. школахъ потребовало значительнаго расширенія учебныхъ курсовъ введеніемъ въ нихъ изученія нѣсколькихъ свѣтскихъ наукъ и новыхъ языковъ и усовершенствованія методовъ преподаванія. Общій порядокъ семинарскаго курса оставался совершенно тотъ же, что и прежде, и попрежнему опредѣлялся порядкомъ изученія учениками главныхъ предметовъ сословнаго обученія, по именамъ которыхъ назывались и самые классы. Учебный курсъ въ семинаріяхъ вездѣ опредѣлялся по одному и тому же общему типу, который выработала еще Кіевская академія, и разнился только въ подробностяхъ, зависѣвшихъ, главнымъ образомъ, отъ того, какъ и на какую науку смотрѣлъ извѣстный епархіальный архіерей и какую придавалъ важность ея изученію. Почти одинаково оставались и время продолжительности всего курса отъ

10 до 12 и 13 лѣтъ, хотя тоже отъ воли архіерея зависѣло во всякое время растянуть его, напр., вмѣсто двухъ лѣтъ, обыкновенно назначавшихся на изученіе богословія, продержать учениковъ въ богословскомъ классѣ 3 и 4 года. Самымъ низшимъ классомъ, съ котораго начиналось училищное и семинарское обученіе, былъ классъ „заправный", или приготовительный, называвшійся также русскою школой и информаторіею. Курсъ этого класса былъ чисто элементарный, общеобразовательный и состоялъ, главнымъ образомъ, въ обученіи мальчиковъ чтенію и письму, а съ 1780-хъ годовъ также чтенію гражданской печати. Впрочемъ, обученіе чтенію по часослову и псалтырю оставалось преобладающимъ въ русскомъ классѣ и послѣ этого. Кромѣ того, сообщались нѣкоторыя необходимыя грамматическія свѣдѣнія и правила русскаго правописанія. По закону Божію ученики информаторіи выучивали символъ вѣры, главныя молитвы, заповѣди и блаженства съ краткимъ толкованіемъ по букварю съ сокращеннымъ катехизисомъ, для чего назначались преимущественно воскресные и праздничные дни. Такъ какъ ученики нерѣдко выходили изъ этого класса на причетническія мѣста, то тутъ же обучали ихъ церковному пѣнію по нотамъ и по наслышкѣ, для чего назначались въ нѣкоторые дни недѣли послѣобѣденные часы. Тѣхъ же, которые желали итти дальше, въ слѣдующіе латинскіе классы, обучали еще чтенію и письму по-латыни, а затѣмъ и простѣйшимъ этимологическимъ правиламъ и изъ грамматики латинской, когда они ознакомятся уже съ начатками русской грамматики. Продолжительность заправнаго курса опредѣлялась въ одинъ годъ. За информаторіей далѣе, какъ и въ прежнее время, слѣдовали все латинскіе классы, и русское обученіе совсѣмъ оставлялось вплоть до піитики и риторики, когда ученики начинали учиться сочинять. Слѣдовавшіе за информаторіей латинскіе классы были грамматическіе: низшій и высшій. Первый соотвѣтствовалъ двумъ прежнимъ: фарѣ и инфимѣ, и потому въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ самъ раздѣлялся на два класса, носившіе разныя наименованія. На курсъ той и другой его части опредѣлялось по году, а соединенный классъ имѣлъ двухлѣтній курсъ. Учитель былъ одинъ, преподавалъ грамматику до синтаксиса, толкуя синтаксическія правила кратко, когда встрѣчалась въ томъ надобность, и занималъ учениковъ переводами съ латинскаго языка на русскій и болѣе легкими съ русскаго на латинскій. Тутъ же начиналось преподаваніе катехизиса, уроки котораго

задавались имъ на воскресные и праздничные дни. Въ продолженіе двухлѣтняго же курса въ высшемъ грамматическомъ классѣ, или синтаксимѣ, учили полный синтаксисъ и просодію; кромѣ того, ученикамъ на каждый день задавались для выучиванія наизусть тирады и сентенціи изъ разныхъ авторовъ, или по нѣскольку десятковъ словъ изъ лексикона Целлярія, или по нѣскольку примѣровъ изъ латинской фразеологіи. Письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій задавались, какъ и въ нижней грамматикѣ, и дѣлались раза по три въ недѣлю, а устныя происходили каждый день. При такой настойчивой дрессировкѣ въ латинскомъ языкѣ, ученики доходили до изумительной свободы въ его употребленіи; но не мало было и такихъ, которые отставали отъ курса по слабости своихъ способностей, „за невзятіемъ латинской науки“. Поэтому, начиная съ инфимы, число учениковъ въ грамматическихъ классахъ уменьшалось съ каждымъ годомъ. Существовавшія по мѣстамъ, а потомъ въ 1800 году заводившіяся во всѣхъ епархіяхъ, русскія школы по своему элементарному курсу годились лишь для приготовленія воспитанниковъ на причетническія должности, даже и послѣ того, какъ, по инціативѣ петербургскаго митрополита Амвросія, въ 1803 году курсъ ихъ былъ значительно расширенъ. Курсъ на нихъ былъ назначенъ 5-тилѣтній, раздѣленный на три класса. Первый классъ обыкновенно былъ соединяемъ съ классомъ заправнымъ, а два другихъ открывались вновь. Предписанное Св. Синодомъ учрежденіе таковыхъ школъ со временемъ теряло свою силу, и русскія школы остались попрежнему только школами причетническими. Мысль объ усиленіи въ семинарскомъ курсѣ русскаго языка прилагалась къ преподаванію и въ высшихъ классахъ семинаріи. Еще въ 1766 г. м. Платонъ въ одномъ распоряженіи касательно преподаванія наукъ въ Троицкой семинаріи писалъ: „упражненія должно задавать (ученикамъ риторики) дѣлать на томъ и другомъ языкѣ (латинскомъ и русскомъ) попеременно, ибо нелѣпо пріучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросать“. Въ продолженіе царствованія Императрицы Екатерины II изученіе русской риторики и піитики введено было уже во всѣхъ семинаріяхъ совмѣстно съ латинской. При изученіи уроковъ по философіи и богословію вошло во всеобщее употребленіе переводить ихъ непремѣнно на русскій языкъ. Часть ученическихъ упражненій въ высшихъ классахъ тоже писалась на русскомъ языкѣ; по-русски же шло преподаваніе экстраординар-

ныхъ свѣтскихъ наукъ. Въ 1765 г. вышла въ свѣтъ первая русская система богословія м. Платона и вскорѣ стала вводиться въ качествѣ руководства во всѣ семинаріи и академіи. Изъ синтаксимы, которою заканчивался рядъ низшихъ классовъ, ученики переходили въ первый, собственно уже семинарскій классъ, піитику, или, если семинарія не имѣла этого класса, прямо въ риторику. Піитика была по старому ars versus pangendi, трактовавшая исключительно объ однѣхъ формахъ и внѣшнихъ красотахъ піитической рѣчи. Риторическій курсъ, всегда считавшійся весьма важнымъ для развитія учениковъ, продолжался не менѣе двухъ лѣтъ. Риторика, какъ и піитика, имѣла теперь уже постоянныя печатныя руководства, а не изучалась по измѣнчивымъ запискамъ преподавателей. Письменныя упражненія учениковъ, задававшіяся каждую недѣлю, въ началѣ курса даже раза по два, дѣйствительно строго слѣдовали порядку изучаемыхъ въ классѣ отдѣловъ риторики. Въ видахъ того же практическаго изученія риторики учитель ежедневно занимался съ учениками чтеніемъ латинскихъ и русскихъ образцовыхъ сочиненій съ риторическимъ ихъ разборомъ. Ученикамъ давались еще чтенія домашнія съ требованіемъ отчета въ прочитанномъ. Главное вниманіе обращали преимущественно на сочиненіе ораторскихъ рѣчей и, въ частности, проповѣдей, какъ высшихъ проявленій краснорѣчія. Риторамъ не дозволялось произносить своихъ проповѣдей въ церкви; они читали ихъ пока въ классѣ. Учителя постоянно заставляли учениковъ читать вслухъ съ классной каѳедры и пріучали ихъ къ правильному чтенію. Философскій курсъ, какъ и риторическій, располагался тоже на два года. Философское движеніе второй половины XVIII вѣка заставило духовныхъ властей обратить особенное вниманіе на усовершенствованіе и обновленіе философскаго преподаванія въ семинаріяхъ. Разрушительной силѣ модной французской философіи въ духовныхъ школахъ старались противопоставить новыя системы солидной нѣмецкой философіи. Необходимою принадлежностью философскаго класса были диспуты, которые съ него начинались и затѣмъ продолжались въ богословіи. Ученики философіи, равно какъ и богословіи, считались высшими и въ отличіе отъ другихъ учениковъ попрежнему носили названіе студентовъ. Оба высшихъ класса до царствованія Императрицы Екатерины существовали только въ 8 семинаріяхъ, и еще 3 семинаріи заканчивали свои курсы философіей. Въ теченіе описываемаго времени классы эти открыты были уже во

всѣхъ семинаріяхъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ самыхъ новыхъ. Богословскій курсъ продолжался обыкновенно два года, но, принимая во вниманіе важность его для духовнаго образованія, нѣкоторые архіереи растягивали его на три или четыре года. Богословскій классъ былъ средоточіемъ всего спеціальнаго духовнаго образованія и въ интересахъ церковной службы требовалъ особеннаго вниманія со стороны духовныхъ властей и самихъ учащихся. Освобожденію богословской науки отъ схоластики всего болѣе способствовало постепенное введеніе въ ея преподаваніе русскаго языка и особенно изданіе на немъ въ печати самихъ богословскихъ системъ. Диспуты приватные производились въ одномъ семинарскомъ кругу каждую субботу. Другіе диспуты были публичные, назначались по два раза въ годъ, предъ каникулами или при окончаніи учебнаго года, и окружались обыкновенно особенною торжественною обстановкой. Студенты богословіи, кромѣ того, должны были упражняться въ диссертаціяхъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ, которыя задавались въ этомъ классѣ обыкновенно на мѣсяцъ, и еще въ проповѣдяхъ, сочиненіе которыхъ было для нихъ обязательно по нѣскольку разъ въ годъ. Проповѣди эти по выбору произносились въ семинарской церкви. Къ числу спеціально духовныхъ предметовъ издавна причислялись еще греческій и еврейскій языки. Съ введеніемъ въ духовно-учебный курсъ новыхъ языковъ, нѣмецкаго и французскаго, уже въ царствованіе Императрицы Елизаветы нѣкоторыя духовныя школы начали заводить у себя французскіе классы. Къ концу описываемаго времени только очень небольшое число семинарій не имѣло этихъ классовъ. Уроки по языкамъ были каждодневные и на половину состояли въ разговорныхъ упражненіяхъ. Польскій языкъ изучался въ однѣхъ только западныхъ семинаріяхъ и въ Кіевской академіи. На изученіе инородческихъ языковъ обращалось вниманіе и въ поволжскихъ семинаріяхъ для приготовленія проповѣдниковъ для дѣла миссіи. Математическое образованіе ограничивалось изученіемъ одной ариѳметики, но предметъ этотъ оставался большею частью необязательнымъ для учениковъ. Повсюдное распространеніе математики по духовнымъ школамъ въ качествѣ науки общеобязательной началось уже съ 1786 г., когда по требованію правительства и указу Св. Синода (1785 г. 27 дек.) въ семинаріяхъ и училищахъ сталъ вводиться порядокъ, установленный въ народныхъ училищахъ. Математика преподавалась только въ двухъ грамматическихъ классахъ и обык-

новенно въ послѣобѣденные часы по субботамъ, въ нѣкоторыхъ школахъ еще по средамъ. Лишь только съ введеніемъ общей училищной реформы стали прибавляться еще геометрія и естественная исторія. Въ такомъ же пренебреженіи по духовнымъ школамъ были и географія съ исторіей. Географію учили въ классахъ грамматическихъ, исторію же въ классѣ риторики и по мѣстамъ еще въ философскомъ. Учебныя книги по тому и другому предмету до 1785 г. постоянно мѣнялись по мѣстнымъ распоряженіямъ начальства, съ этого же времени приняты были руководства, изданныя для народныхъ училищъ. Уроковъ назначалось по два въ недѣлю какъ для географіи, такъ и для исторіи. Кромѣ перечисленныхъ экстраординарныхъ предметовъ, къ духовному учебному курсу, по временамъ и въ разныхъ мѣстахъ, причислялись еще нѣкоторые другіе по распоряженію мѣстныхъ начальствъ (классы живописи, архитектуры, рисованія, музыки; сельское хозяйство и медицина). Классное обученіе медицинѣ стало открываться уже съ 1802 г., и уроки по медицинѣ назначены были въ богословскомъ и философскомъ классѣ по два часа въ недѣлю въ послѣобѣденное время, но обученіе это продолжалось недолго.

Съ расширеніемъ учебнаго курса духовныхъ школъ и съ приложеніемъ къ нимъ новыхъ педагогическихъ требованій оказалась необходимость въ большемъ числѣ хорошихъ учителей. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ правительствомъ еще въ самомъ началѣ царствованія Императрицы Екатерины, признавшей обученіе въ духовныхъ школахъ неудовлетворительнымъ, а учителей ихъ „неискусными". Коммиссія объ усовершенствованіи дух. училищъ 1765 г. тоже обратила на него серьезное вниманіе, предположивъ произвести строгій разборъ между всѣми наличными учителями, а новыхъ опредѣлять не иначе, какъ послѣ внимательнаго ихъ испытанія. Въ томъ же году состоялось опредѣленіе Императрицы и Св. Синода о посылкѣ для приготовленія къ учительскому званію нѣсколькихъ молодыхъ людей въ заграничные университеты, а по возвращеніи ихъ оттуда проектировано учрежденіе въ Москвѣ особаго заведенія для образованія учителей дух. школъ подъ именемъ богословскаго факультета. Хотя открытіе такого факультета не состоялось, но заботливость администраціи о приготовленіи учителей перешла на обѣ академіи; затѣмъ она проявилась въ переименованіи Петербургской семинаріи въ главную съ предоставленіемъ ей значенія духовнаго учительскаго института, а также въ открытіи двухъ новыхъ

академій. На основаніи указа 1787 года студенты посылались въ иностранные университеты съ цѣлью приготовленія ихъ къ учительскому званію. Болѣе употребительнымъ средствомъ была посылка студентовъ изъ академій и семинарій въ лучшія изъ своихъ же русскихъ учебныхъ заведеній, даже не въ одни только духовныя учебныя заведенія, но и въ свѣтскія, которыя теперь уже успѣли усовершенствовать свои курсы и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стать выше духовныхъ. Изъ духовныхъ учебныхъ заведеній приготовленіемъ кандидатовъ на учительскія должности болѣе всего ознаменовали себя заведенія м. Платона—Московская академія и Троицкая семинарія. Южнорусскія школы, Харьковскій коллегіумъ и Кіевская академія, хотя еще продолжали снабжать семинаріи учителями, но уже далеко не въ томъ количествѣ, какъ прежде. Второе мѣсто послѣ Платоновыхъ школъ въ дѣлѣ приготовленія семинарскихъ учителей занимала семинарія Петербургская, особенно послѣ того, какъ въ 1788 г. она была переименована въ главную съ прямымъ назначеніемъ приготовлять наставниковъ. Казанская семинарія доставляла также учителей для семинарій ближайшихъ къ Казани. Въ 1798 г. св. Синодъ обязалъ епархіальныхъ архіереевъ: „избирая изъ семинаріи своихъ лучшихъ учениковъ, чрезъ два года, присылать ихъ въ окружныя академіи по два человѣка". Къ учительству въ низшихъ школахъ, а равно и въ низшихъ классахъ семинарій приглашались почти такія же лица, какъ и въ прежнее время, большею частію изъ мѣстныхъ семинаристовъ, даже не окончившихъ курса. До позднѣйшаго времени въ самихъ академіяхъ сохранялся обычай поручать преподаваніе въ этихъ классахъ ученикамъ классовъ высшихъ—богословіи, философіи и риторики. Архіереи, какъ и м. Платонъ, считали такое порученіе преподаванія ученикамъ лучшимъ способомъ къ образованію изъ нихъ опытныхъ учителей. Должность ректора была исключительно монашескою.

Внѣшняя сторона школьнаго воспитанія оставалась почти неизмѣненною во всемъ духовно-учебномъ вѣдомствѣ: попрежнему оставался тотъ же личный составъ школьной инспекціи, — префекты, инспекторы, сеньоры, эфоры и т. п.; повсюду также поддерживался замкнутый строй училищныхъ общежитій, вездѣ оставались дѣйствующими и прежнія дисциплинарныя правила для учениковъ касательно распредѣленія времени на молитву, занятія, пріемъ пищи, забавы и отдыхъ; также касательно внѣшнихъ отно-

шеній ихъ къ высшимъ лицамъ и между собой, отлучекъ изъ комнатъ, отпусковъ изъ заведенія на вакатъ и т. д. Но этимъ, повидимому, вовсе не измѣнившимся внѣшнимъ формамъ новыя инструкціи старались придать уже иное значеніе, чѣмъ какое онѣ имѣли при прежнемъ, исключительно дисциплинарномъ и юридическомъ воззрѣніи на дѣло школьнаго воспитанія, значеніе вспомогательное для достиженія главной задачи воспитанія — гуманнаго развитія воспитанниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ необходимо потребовалось смягченіе всѣхъ школьныхъ отношеній и нравовъ. Относительно поведенія учениковъ школьныя инструкціи старались держаться въ своихъ предписаніяхъ на точкѣ зрѣнія общечеловѣческой морали и общепринятыхъ правилъ внѣшняго благоповеденія. Училищные воспитатели должны были удерживать учениковъ ихъ отъ всѣхъ грубыхъ пороковъ, занятій, увеселеній и рѣчей, свойственныхъ необразованнымъ и „подлымъ“ людямъ, а „подавать имъ матеріи къ разговорамъ и другому упражненію приличныя ихъ состоянію и благородныя“, наблюдать, чтобы и съ высшими себя и съ равными, своими товарищами, они держали себя тоже благородно и вѣжливо, удалялись отъ неблагопристойныхъ собраній и знакомствъ съ низкими и дурными людьми, стараясь заводить знакомства только между людьми благородными и честными, сохраняли благородную благопристойность въ самыхъ играхъ и т. п. По инструкціи м. Платона о сближеніи учениковъ съ учителями требовалось, чтобы „господа учителя разговоры между собою серьезные и забавные имѣли почасту при ученикахъ, а особливо въ часы общихъ гуляній, отъ чего могутъ сіи послѣдніе научиться лучшему между людьми обхожденію и пристойной смѣлости“, а также освободиться отъ своей „дикости“. Съ этой же цѣлью начальство ввело въ семинаріяхъ изученіе французскаго языка.

Само правительство настаивало, чтобы въ ученикахъ дух. школъ насаждаемо было наипаче благонравіе и искореняемы были унизительные и грубые пороки буйства, пьянства, обмана и ябеды. Такъ какъ новая педагогія совершенно отрицала юридическій и карательный характеръ мѣръ взысканія съ учениковъ за проступки и придавала имъ значеніе только исправительное, то и въ выборѣ наказаній для воспитанниковъ семинарій должно было ограничиваться только такими, которыя могутъ производить вліяніе нравственное, а не увлекаться неприложимыми къ нравственному воспитанію дѣтей идеями грубаго юридическаго возмездія. Къ наказаніямъ

дозволялось приступать уже послѣ истощенія увѣщательныхъ попытокъ къ исправленію ученика; наказанія унизительныя воспрещались, равно какъ и наказанія тѣлесныя; сѣченіе розгами дозволялось ректорамъ и еще только префектамъ для исправленія учениковъ низшихъ классовъ, и то лишь за большія вины и съ согласія ректора, „дабы сѣченіемъ не приводить дѣтей въ ожесточеніе“.

Благодаря этимъ мѣрамъ новой педагогіи, при поддержкѣ особенно со стороны архіереевъ, духовная школа временъ Императрицы Екатерины Великой становилась уже далеко не похожа на прежнюю духовную школу первой половины XVIII столѣтія.

Спеціальныя учебныя заведенія. Въ первую половину своего царствованія Императрица Екатерина II заботится объ открытіи новыхъ училищъ, которыя, отличаясь спеціальнымъ характеромъ, служатъ для приготовленія молодыхъ людей на службу государству для той или другой дѣятельности. Къ этому присоединяются еще нѣсколько общеобразовательныхъ заведеній, и открывается путь для женскаго образованія учрежденіемъ Смольнаго монастыря.

Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, принятый въ непосредственное завѣдываніе самой Императрицы, названный Императорскимъ и подчиненный въ 1765 году въ главное завѣдываніе Бецкаго, былъ раздѣленъ на пять возрастовъ; въ первый возрастъ принимались дѣти не старѣе шести лѣтъ отъ роду; переходъ въ каждый слѣдующій возрастъ происходилъ черезъ три года, такъ что каждый ученикъ долженъ былъ пробыть въ корпусѣ не менѣе 15 лѣтъ. Кадеты младшаго возраста были подчинены женскому надзору, а въ четырехъ остальныхъ—воспитателямъ изъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Морской шляхетный кадетскій корпусъ. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины Великой, морской корпусъ только по спискамъ состоялъ въ вѣдѣніи Шувалова, а на самомъ дѣлѣ управлялся Адмиралтействъ-коллегіею. Императрица, присутствуя въ Сенатѣ, повелѣла отдѣлить морской корпусъ отъ сухопутнаго на основаніи прежняго штата. Коллегія потребовала изъ сухопутнаго корпуса обратно въ свое вѣдѣніе старшаго изъ корпусныхъ морскихъ офицеровъ, капитана второго ранга Голенищева-Кутузова, со всѣми служащими и воспитанниками морского корпуса, которому Императрица Высочайше повелѣть соизволила принять морской шляхетный кадетскій корпусъ.

По ходатайству Голенищева-Кутузова и Адмиралтейской кол-

легіи въ 1764 г. былъ Высочайше утвержденъ новый штатъ морского корпуса, благодаря которому корпусъ получилъ роскошное содержаніе въ сравненіи съ прежнимъ.

Исчисляя въ своемъ представленіи науки, необходимыя и полезныя морскому офицеру, Кутузовъ писалъ: „сколь нужныя науки философія, мораль, исторія и географія для человѣка и гражданина, всякому извѣстно, а тѣмъ паче для такого училища, каковъ есть кадетскій корпусъ, въ которомъ воспитывается благородное юношество и пріуготовляется къ произведенію въ высшія степени, и для того полагаются здѣсь профессоръ humaniorum, съ жалованіемъ 600 р., адъюнктъ—400 р., три учителя, съ жалованьемъ 300, 250 и 200 руб. Имъ проходить кадетамъ исторію мореплаванія". Въ 1771 г. сдѣлался на Васильевскомъ островѣ, пожаръ, все истребившій, какъ самыя зданія корпуса, такъ и все въ нихъ находившееся. Вслѣдствіе этого назначено было перевести корпусъ въ Кронштадтъ, и къ 1 ноября воспитанники уже были переведены въ новое мѣсто жительства.

Переводъ корпуса изъ столицы въ Кронштадтъ былъ очень невыгоденъ заведенію, потому что корпусъ удалился съ глазъ директора, который такъ заботился о немъ, а затѣмъ ни одинъ отличный профессоръ или учитель не захотѣлъ бы для преподаванія ѣздить въ Кронштадтъ. Кромѣ того, воспитатели и воспитанники, заключенные въ тогдашній Кронштадтъ, при трудности сообщенія съ Петербургомъ, неминуемо грубѣли, и, наконецъ, самое содержаніе корпуса въ Кронштадтѣ стоило дороже.

Въ 1783 г., по случаю увеличенія нашихъ морскихъ силъ, положенное по прежнему штату число воспитанниковъ 360 ч. сдѣлалось недостаточнымъ, а потому Высочайшимъ указомъ повелѣно было Адмиралтействъ-коллегіи составить новый штатъ на 600 человѣкъ, который и былъ утвержденъ Императрицею въ томъ же году. Для лучшаго надзора въ классахъ положенъ помощникъ инспектора, и вообще прибавлено учителей, введены въ курсъ новыя науки и назначено проходить морскую практику, нравственную философію и права, также обучать языкамъ: италіанскому, по случаю частыхъ посылокъ въ Средиземное море, и латинскому, для ознакомленія учениковъ, готовившихся въ преподаватели, съ древними классиками. Наконецъ, по случаю предстоявшей войны со шведами, усилено преподаваніе шведскаго и нѣмецкаго языковъ.

Въ апрѣлѣ 1792 г. морской корпусъ удостоился величайшей монар-

шей милости, выразившейся въ рескриптѣ Императрицы, которымъ она жалуетъ для корпуса дворецъ въ Ораніенбаумѣ со всѣми къ оному принадлежащими службами, каменными оранжереями, со всѣми строеніями и со всѣми имѣющимися вещами. Даръ Государыни принятъ съ полнымъ восторгомъ. Пожалованныя строенія были сданы корпусу, а для починокъ и перестроекъ составлена смѣта въ 196,051 руб. Этимъ щедрымъ даромъ не ограничились милости великой царицы,—12 іюня того же года былъ утвержденъ новый штатъ морского корпуса, годовое содержаніе котораго дошло до 187,486 руб. Новый штатъ далъ возможность еще увеличить число служащихъ и улучшить ихъ содержаніе. Въ классномъ штатѣ уничтожили званіе подмастерьевъ, обративъ всѣхъ ихъ въ учители. Положено было проходить морскую практику и гражданскую архитектуру и назначено два учителя для практики учениковъ въ разговорахъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Къ церковному штату прибавленъ священникъ изъ бѣлаго духовенства и для лютеранъ пасторъ. Съ 1764 года главнымъ инспекторомъ надъ классами былъ Григорій Андреевичъ Полетика. При вступленіи въ свою должность, онъ предложилъ сдѣлать многія улучшенія въ классномъ порядкѣ, желалъ по всѣмъ предметамъ ввести печатныя руководства, награждать и отличать прилежныхъ воспитанниковъ медалями и подарками, а лѣнивыхъ подвергать наказанію. Въ классы воспитанники ходили отъ 7 до 11 утромъ, и отъ 2 до 6 пополудни. Математическія и нѣкоторыя морскія науки и иностранные языки преподавались утромъ, а часть морскихъ наукъ и такъ называемыя тогда „словесныя науки“ проходились вечеромъ. Въ управленіе Кутузова воспитанники, еще находясь въ Кронштадтѣ, начали нѣсколько отвыкать отъ грубыхъ шалостей, бывшихъ въ морской академіи. Шалости ихъ являлись уже слабыми остатками прежнихъ продѣлокъ, и оказывались скорѣе молодечествомъ, а не порокомъ; о суровыхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ не было и помину; по корпуснымъ приказамъ видно, что наказанія были: оставить безъ обѣда, не увольнять за корпусъ, посадить въ пустую, т. е. въ карцеръ, одѣть въ сѣрую куртку, разжаловать изъ гардемариновъ въ кадеты. За большіе проступки наказывали, однакожъ, тѣлесно и даже исключали изъ корпуса.

Всѣ согласно свидѣтельствуютъ, что Государь Императоръ Павелъ Петровичъ сдѣлалъ великое благодѣяніе для морского корпуса, возвративъ его въ Петербургъ и обративъ на него свое личное, непосредственное вниманіе.

Шкловскій благородный пансіонъ. До 1778 года въ Россіи было только два учебно-воспитательныя заведенія, предназначенныя для приготовленія офицеровъ въ сухопутныя войска, которыя назывались корпусами и находились въ С.-Петербургѣ. Первый изъ нихъ сухопутный кадетскій корпусъ, учрежденный при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1732 г., и второй артиллерійскій и инженерный шляхетный корпусъ, который образовался въ 1758—1762 г. изъ спеціальныхъ военныхъ школъ, получившихъ начало еще при Петрѣ Великомъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй однимъ изъ ея приближенныхъ, генераломъ Зоричемъ, положено было основаніе третьему военно-учебному заведенію, изъ котораго образовался Московскій кадетскій корпусъ. Зоричъ, родомъ изъ Сербіи, пользовался репутаціей распорядительнаго и храбраго офицера. Во время войны съ турками онъ имѣлъ случай познакомиться съ Потемкинымъ, который и способствовалъ быстрому его возвышенію. Желая ознаменовать день тезоименитства Императрицы, Зоричъ въ первый же годъ своего пребыванія въ Шкловѣ взялъ къ себѣ на воспитаніе нѣсколько бѣдныхъ малолѣтныхъ дворянъ.

Съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ числа призрѣваемыхъ дѣтей, явилась необходимость въ устройствѣ для нихъ особой школы, что и было осуществлено въ 1778 году Зоричемъ, который назвалъ новое заведеніе Шкловскимъ благороднымъ училищемъ.

Въ этомъ училищѣ воспитывались и обучались дѣти бѣдныхъ дворянъ изъ Могилевской, Смоленской, Черниговской и другихъ губерній, но не мало было воспитанниковъ изъ другихъ мѣстностей Россіи, Польши, Венгріи, Франціи и проч. Такимъ образомъ, по вѣроисповѣданіямъ и національностямъ контингентъ Шкловскаго училища былъ самый разнообразный, число желавшихъ поступить въ него ежегодно прибывало, и во время 1778 — 1800 гг. поступившихъ въ него было 665 человѣкъ. Въ училищѣ наблюдался военный порядокъ. Всѣхъ классовъ было пять. Предметами обученія были: законъ Божій, чтеніе и письмо по-русски, французски, нѣмецки, ариѳметика, рисованіе, грамматика русскаго языка, французскаго и нѣмецкаго, исторія, географія, россійское краснорѣчіе, штиль французскій, нѣмецкій, россійское стихотвореніе, геометрія, высшая математика, гражданская архитектура, военныя науки. Училище содержалось на собственныя средства Зорича, щедро обезпечивавшаго его, благодаря своему большому состоянію.

Въ 1797 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о причисленіи

Шкловскаго училища въ казенное вѣдомство, и въ 1799 году Государь въ особомъ рескриптѣ изъявилъ Зоричу свое благоволеніе за труды и попеченіе о ввѣренномъ ему училищѣ. Въ томъ же году Зоричъ скончался, а вскорѣ послѣ его смерти Шкловское училище было наименовано кадетскимъ корпусомъ.

Послѣ случившагося въ немъ пожара въ 1799 году, по указу Государя отъ 1800 года, кадетскій корпусъ изъ Шклова былъ переведенъ въ Гродно. Въ 1806 году состоялось Высочайшее повелѣніе всѣхъ кадетъ перевести въ Смоленскъ и о наименованіи корпуса Смоленскимъ кадетскимъ корпусомъ. Во время Отечественной войны кадетскій корпусъ былъ переведенъ въ Тверь, затѣмъ въ Ярославль и къ исходу 12 года въ Кострому. Въ 1823 году было утверждено положеніе о переводѣ корпуса въ Москву. Въ 1824 году Смоленскому корпусу Высочайше повелѣно именоваться Московскимъ кадетскимъ корпусомъ. Во время директорства генерала Анненкова ввѣренный ему корпусъ наименованъ былъ въ 1838 г. 1-мъ Московскимъ корпусомъ, въ виду предположеннаго тогда устройства въ Москвѣ еще новаго кадетскаго корпуса. Въ силу Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 17 день мая 1864 г., 1-му Московскому корпусу предписано было приступить къ преобразованію внутренняго устройства съ переименованіемъ его въ 1-ю Московскую военную гимназію. Впослѣдствіи военная гимназія была снова, подобно другимъ военнымъ гимназіямъ, переименована въ корпусъ.

Къ числу новооткрытыхъ въ это царствованіе спеціальныхъ училищъ принадлежатъ: коммерческое училище, горнозаводское училище, Константиновская школа при межевой канцеляріи. Многія изъ возникающихъ вновь училищъ устраиваются по плану И. И. Бецкаго, а многія изъ прежде существовавшихъ преобразовываются на основаніи его педагогическихъ воззрѣній. По плану Бецкаго при Академіи Художествъ было учреждено воспитательное училище, въ которое принимались малолѣтнія дѣти. По образцу этого училища въ 1765 году при Академической гимназіи былъ открытъ пансіонъ, въ который принимались дѣти отъ 5—6 лѣтъ, и воспитаніе ихъ было поручено классным дамамъ или надзирательницамъ. Въ семидесятыхъ годахъ этого столѣтія была открыта въ Петербургѣ греческая гимназія съ цѣлью, чтобы греки и другіе христіане одновѣрцы могли давать воспитаніе своимъ дѣтямъ. Эта гимназія, хотя и просуществовавшая недолго, вскорѣ сдѣлалась однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній Петербурга.

Смольный монастырь. При Императрицѣ Екатеринѣ Великой былъ открытъ въ Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ, называемомъ Смольнымъ, первый въ Россіи женскій институтъ, подъ именемъ: „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ", или, какъ его обыкновенно называютъ—Смольный монастырь, Смольный институтъ. Въ этой мѣстности въ началѣ XVIII вѣка находилась деревня Смольная, гдѣ былъ устроенъ дегтярный заводъ; близъ этой деревни Петръ I построилъ загородный дворецъ, называвшійся также Смольнымъ, который въ 1748 году былъ обращенъ подъ помѣщеніе Воскресенскаго женскаго монастыря. Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ было открыто въ 1764 году на основаніи идей И. И. Бецкаго, и въ указѣ, данномъ Сенату, Императрицею, говорится: „для пользы всего государства учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества на казенномъ иждивеніи; равно имѣя попеченіе и о благородныхъ дѣвицахъ, восхотѣли мы учредить такое же воспитаніе. Повелѣваемъ Сенату разослать (Уставъ) по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы, вѣдая о семъ новомъ зарожденіи, каждый изъ дворянъ могъ дочерей своихъ въ младенческихъ лѣтахъ препоручить сему отъ насъ учрежденному воспитанію". Въ новооткрытый пансіонъ дѣвицы принимались отъ 6 до 9 л. и раздѣлялись на четыре возраста. Пріемъ назначался черезъ три года, и родители обязывались не брать изъ училища своихъ дѣтей до окончанія ими курса. Для занятій назначались учительницы, а учителя, или мастера, допускались только для тѣхъ наукъ, для которыхъ не находились учительницы. Въ основу женскаго воспитанія было положено: развитіе религіознаго чувства, христіанское благочестіе, нравственность и знаніе свѣтскихъ благоприличій. Умственное развитіе достигалось болѣе чтеніемъ, чѣмъ научными познаніями, которыя не опредѣлялись никакими программами. Въ первомъ, или младенческомъ, возрастѣ, въ которомъ воспитывались дѣти отъ 6 до 9 лѣтъ, проходились: катехизисъ, русскій и иностранные языки, ариѳметика, искусства и рукодѣліе; во второмъ возрастѣ, который составлялся изъ дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ, къ сказаннымъ предметамъ прибавлялись еще географія съ исторіей и домостроительство, или экономія; въ курсъ третьяго возраста, состоявшаго изъ дѣвицъ отъ 12 до 15 лѣтъ, прибавлялось чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, часть архитектуры и геральдики, какъ необходимой для развитія чувства чести въ благородномъ званіи; ариѳме-

тику же учили лишь съ цѣлью — содержать въ добромъ порядкѣ домашнюю экономію; въ четвертомъ возрастѣ, состоявшемъ изъ дѣвицъ отъ 15 до 18 лѣтъ повторялось ученіе почти одною практикою, и большая часть времени употреблялась на слѣдующія занятія: дежурить понедѣльно по хозяйству, вести запись расхода, смотрѣть за чистотою и порядкомъ, дежурить въ другихъ классахъ въ качествѣ помощницы учительницы и проч.: „и отъ сей практики навыкнутъ заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось“. Очень подробно и съ большою предусмотрительностію была составлена инструкція относительно всего, касавшагося до нравственнаго, умственнаго и физическаго воспитанія дѣвицъ этого заведенія. Такъ, инструкціею предписывалось учительницамъ болѣе всего учить дѣвицъ благонравію: „паче всего наставлять ихъ (дѣвицъ) въ основаніяхъ благоразумія, добронравія, благопристойности, благородности, а не принужденной учтивости, и всѣхъ добродѣтелей... Чтобы отъ самаго юношества и до возраста пріучены были къ добродѣтелямъ, учтивости, ласковымъ и пріятнымъ разговорамъ не только съ равными, но и съ самыми послѣдними, какого бы званія кто ни былъ; чрезъ такое доброе поведеніе и поступки при первомъ ихъ въ свѣтъ вступленіи учинятся онѣ отличными въ обществѣ“. Наказанія были совершенно отстранены, и всѣ мѣры взысканія ограничивались выговорами и внушеніями. Чтобы отучить дѣвицъ отъ застѣнчивости и пріучить ихъ пристойно и благородно обо всемъ изъясняться, по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ устраивались концерты, театры, на которые приглашались посторонніе дамы и кавалеры, при чемъ хозяйничали дѣвицы двухъ старшихъ классовъ. Вообще все воспитаніе имѣло цѣлью выработать благонравную свѣтскую барышню, при этомъ французскій языкъ имѣлъ первенствующее значеніе. Уставъ этого заведенія отчасти напоминаетъ Сенъ-Сирскій дѣвичій институтъ, основанный близъ Парижа Людовикомъ XIV и г-жею де-Ментенонъ. Главнымъ недостаткомъ принятой системы воспитанія являлось удаленіе дѣтей отъ семьи, совершенное незнаніе ими жизни и своеобразность многихъ несогласныхъ съ дѣйствительностью воззрѣній, являвшихся, какъ результатъ замкнутой жизни.

На такихъ же основаніяхъ было открыто въ 1765 году при

Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и мѣщанское отдѣленіе для дѣтей чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ. Дѣвочки принимались также начиная съ 6-тилѣтняго возраста, и оставались въ заведеніи до 18 лѣтъ. Курсъ былъ 12-тилѣтній, дѣлившійся на 4 класса. Предметы обученія были: законъ Божій, русскій и иностранные языки, ариѳметика, искусства, рукодѣлія. Кромѣ того, дѣвицы пріучались къ домостроительству, т. е. къ хозяйству, и въ четвертомъ классѣ должны были исполнять всякія рукодѣлія и женскія работы—„шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять". При пріемѣ на каждую ученицу полагалось по 50 рублей, которые выдавались ей черезъ 12 лѣтъ съ процентами, а, кромѣ того, и деньги, вырученныя отъ продажи работъ. Въ этомъ отдѣленіи дѣвицы пріучались къ трудовой жизни, и, по окончаніи курса, однѣ поступали на службу при училищѣ благородныхъ дѣвицъ, другія шли въ гувернантки, или оставались при заведеніи еще на три года.

Значеніе Императрицы Екатерины для женскаго образованія. Учрежденіемъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, съ открытымъ при немъ мѣщанскимъ отдѣленіемъ, Императрица Екатерина Великая положила начало систематическому женскому образованію. Смольный монастырь и открытые въ послѣдующія царствованія институты воспитали цѣлыя поколѣнія русскихъ образованныхъ женщинъ. Примѣрное трудолюбіе Императрицы, которая, среди своихъ многочисленныхъ государственныхъ заботъ и законодательныхъ трудовъ, находила время для умственныхъ занятій по различнымъ отраслямъ знанія, служило образцомъ для русскихъ женщинъ и указало имъ, что умственный трудъ и педагогическія занятія составляютъ такое же занятіе женщинъ, какъ и мужчинъ. Законодательные труды Императрицы, выразившіеся въ „Наказѣ" (собственноручный подлинникъ котораго хранится въ серебряномъ ковчегѣ въ залѣ Общаго Собранія Правительствующаго Сената въ С.-Петербургѣ), переведенномъ на нѣсколько иностранныхъ языковъ, служатъ памятникомъ той великой и мощной духовной природы, которою была надѣлена Императрица. Многочисленныя сочиненія Государыни по разнымъ отраслямъ знанія, изъ которыхъ большая часть переведены на иностранные языки, составляютъ цѣнное пріобрѣтеніе для русской науки и литературы и служатъ въ то же время матеріаломъ для изученія и изслѣдованія: сочиненія историческія, философскія, драматическія и сатирическія про-

изведенія, переложенія изъ Шекспира, автобіографическія замѣтки, записки, переписка съ государственными людьми и западными учеными, стихотворенія и сочиненія различнаго содержанія—служатъ свидѣтельствомъ многосторонняго образованія, трудолюбія и творческой производительности Императрицы. Наконецъ, многія педагогическія сочиненія и письма, въ которыхъ излагаются взгляды Императрицы на воспитаніе и обученіе (Инструкція князю Салтыкову для воспитанія Великихъ Князей и друг.), педагогическая переписка съ западными учеными, личный просмотръ и составленіе учебниковъ и даже составленіе руководствъ (Объ обязанностяхъ гражданина) и цѣлый рядъ сочиненій изъ дѣтской литературы (Бабушкина азбука, Сказка о царевичѣ Хлорѣ и нѣсколько дѣтскихъ комедій и проч.)—указали русской женщинѣ на тотъ родъ дѣятельности, который присущъ и ея полу, на педагогическій трудъ. Императрица Екатерина II открываетъ собою рядъ русскихъ женщинъ-писательницъ, посвящающихъ свои занятія научнымъ, литературнымъ и педагогическимъ трудамъ. Изъ числа ея современницъ нѣкоторыя, слѣдуя примѣру своей Государыни, своими сочиненіями вносятъ вкладъ въ русскую науку и литературу и содѣйствуютъ поднятію умственнаго развитія русской женщины. Такъ, приближенная къ Императрицѣ княгиня Екатерина Романовна Дашкова († 1810 году)—Россійской Императорской Академіи президентъ, членъ многихъ иностранныхъ и петербургскихъ обществъ—извѣстна своими сочиненіями по исторіи и литературѣ, отрывками изъ путешествій, переводами съ англійскаго; она же основываетъ журналъ: „Собесѣдникъ русскаго слова“, участвуетъ въ журналахъ, содѣйствуетъ изданію „Россійскаго Ѳеатра“, обрабатываетъ для словаря Академіи Россійской буквы Ц, Ш, Щ и проч.; Державина (супруга Гавріила Романовича Державина, † 1794 году) пишетъ стихи и участвуетъ въ трудахъ своего мужа; княгиня Наталья Борисовна Долгорукая († 1771 году) составляетъ „Записки“ и проч. Такимъ образомъ, съ эпохи Екатерины Великой положено начало для женскаго умственнаго труда, который въ XIX столѣтіи посвящается преимущественно области педагогіи.

Домашнее воспитаніе и частныя учебныя заведенія. Со времени реформъ Императрицы Екатерины Великой измѣняется бытъ дворянъ, и домашнее воспитаніе получаетъ болѣе сознательное и разумное направленіе; дѣти начинаютъ интересоваться чтеніемъ, учатся музыкѣ, танцамъ, иностраннымъ языкамъ, исторіи, геогра-

фіи, ариѳметикѣ; появляются хорошіе учебники; число учебныхъ заведеній увеличивается въ столицахъ и въ провинціальныхъ городахъ. Хотя и въ это время русскія дѣти попадаютъ также подъ надзоръ иностранныхъ гувернеровъ, дѣйствующихъ во вредъ русскому воспитанію и образованію, но число такихъ педагоговъ со времени принятія противъ нихъ правительственныхъ мѣръ, уменьшается, а духовенство, которому попрежнему поручалось обученіе, вслѣдствіе улучшенія семинарскаго образованія, превосходитъ прежнихъ сельскихъ священниковъ. Въ это время начинаютъ обращать вниманіе и на физическое воспитаніе, на здоровье дѣтей, на воспитаніе дѣвицъ. Такимъ образомъ, съ 60—70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда различіе между обществомъ столичнымъ и провинціальнымъ стало сглаживаться, и когда въ первыя 20 лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины Великой и въ провинціи создалось общество болѣе или менѣе образованныхъ людей, тогда и русское домашнее воспитаніе стало устанавливаться на болѣе сознательныхъ началахъ и стремилось къ болѣе опредѣленнымъ цѣлямъ.

Чтобы оградить воспитаніе русскихъ дѣтей отъ вреднаго вліянія невѣжественныхъ иностранцевъ, правительство еще въ 1757 г. возлагаетъ на Академію Наукъ въ Петербургѣ и на университетъ въ Москвѣ обязанность подвергать испытанію всѣхъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію. Оказавшіе достаточныя познанія въ наукахъ получали аттестаты, безъ которыхъ они не имѣли права ни содержать школъ, ни учить въ частныхъ домахъ. Державшіе же у себя иностранныхъ учителей безъ аттестата или необъявившіе о томъ подвергались штрафу въ 100 рублей, а иностранцы, содержавшіе школу, безъ полученія на то права, высылались за границу. Лишь въ указѣ 1757 года мы видимъ первую правительственную мѣру, опредѣляющую постановку частныхъ учебныхъ заведеній, которыя дотолѣ находились внѣ всякаго контроля со стороны правительства, при чемъ ихъ открытіе и закрытіе, устройство учебнаго курса, выборъ учителей, способъ преподаванія и воспитанія, хозяйственное управленіе—все зависѣло отъ содержателей такихъ частныхъ учебныхъ заведеній и было предоставлено ихъ произволу. Но и уставъ 1757 года не могъ оградить частныя училища отъ вреднаго вліянія иностранцевъ, надъ которыми не было требуемаго контроля до наказа частнымъ пансіонамъ 1786 г. Особенно вредно отразилось французское вліяніе въ царствованіе

Екатерины Великой, когда русскіе стали заимствовать у французскихъ философовъ и распространяли ихъ идеи, и когда іезуиты стали открывать свои училища для богатыхъ русскихъ съ цѣлью пропагандировать свои католическіе взгляды; такое направленіе сдѣлалось особенно замѣтнымъ въ концѣ XVIII вѣка и въ первой четверти XIX вѣка.

Народныя училища. Изъ предыдущаго видно, что въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Великой правительство усердно заботилось объ образованіи высшаго и средняго сословія, для дѣтей которыхъ открываются многочисленныя учебныя заведенія, но для низшаго сословія, для простого народа, въ этомъ отношеніи ничего не было сдѣлано. Хотя Императрица Екатерина Великая сознавала, что образованіе должно быть достояніемъ всѣхъ сословій, что оно должно быть повсемѣстнымъ, а не сосредоточеннымъ только въ столицахъ, но эта мысль ея осуществилась только въ 1782 году.

При своемъ здравомъ пониманіи педагогическихъ принциповъ и при своей естественной склонности къ педагогическимъ занятіямъ, Императрица уже давно сознавала то важное значеніе, которое имѣютъ воспитаніе и образованіе народа для благоденствія государства. Въ своемъ „Наказѣ“ Императрица говоритъ: „Хотите ли предупредить преступленія, сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми. Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими есть усовершенствованіе воспитанія“. Такимъ образомъ, по выраженному Императрицею взгляду, воспитаніе и образованіе составляютъ то средство, отъ котораго зависитъ нравственное благосостояніе народа, достигаемое тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ совершеннѣе будутъ самые способы воспитанія и обученія. Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, Императрица изыскиваетъ предварительно тѣ способы и средства для осуществленія задуманнаго ею дѣла народнаго образованія, которые были бы для того времени лучшими въ педагогическомъ отношеніи и наиболѣе бы соотвѣтствовали требованіямъ русскаго народа.

Приказъ общественнаго призрѣнія. Первая попытка провести образованіе въ народную массу усматривается въ изданномъ въ 1775 году „Учрежденіи о губерніяхъ“, на основаніи котораго въ каждой губерніи организуется „Приказъ общественнаго призрѣнія“, имѣвшій цѣлью, кромѣ завѣдыванія благотворительными учрежденіями, „попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основа-

ніи народныхъ школъ". Этимъ „Приказамъ" предписывалось открывать школы не только во всѣхъ городахъ, но и въ многолюдныхъ селеніяхъ; въ курсъ начальной школы должно было входить чтеніе, письмо, ариѳметика, рисованіе, а для дѣтей греко-россійскаго исповѣданія—катехизисъ и толкованіе десяти заповѣдей. На ученіе опредѣлялось 4 часа въ день, за исключеніемъ среды и субботы, когда уроки производились лишь 2 часа до обѣда. Учителямъ запрещены были тѣлесныя наказанія, нерадивые и неисправные учителя должны были быть смѣняемы. Въ школахъ предписывалось обращать вниманіе и на ея гигіеническую сторону. Какъ ни хороши были всѣ эти мѣры и требованія, но они никогда не осуществлялись, потому что „Приказы", не имѣя ни средствъ, ни учителей, ни руководствъ, и не зная, какъ приняться за дѣло, приступали къ учрежденію училищъ очень медленно и нерѣшительно. Такая бездѣятельность „Приказовъ" относительно школьнаго дѣла побудила Императрицу изыскать новыя болѣе соотвѣтствующія мѣры для водворенія народнаго образованія. Съ этою цѣлью Екатерина Великая сама непосредственно изучаетъ все касающееся этого дѣла, собираетъ свѣдѣнія о заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, совѣтуется съ русскими и иностранными учеными и педагогами.

Первыя городскія училища. Узнавъ изъ разговора съ австрійскимъ императоромъ о замѣчательныхъ успѣхахъ австрійскихъ школъ, Императрица рѣшается принять ихъ за образцы въ своей имперіи; рѣшеніе это подкрѣпляется совѣтами лицъ, пользовавшихся довѣріемъ и знакомствомъ съ австрійскою системою школьнаго дѣла. Въ 1781 году Императрица устраиваетъ въ Петербургѣ на счетъ собственнаго кабинета первое народное училище, подъ названіемъ Исаакіевскаго, а вслѣдъ затѣмъ на добровольныя пожертвованія открываются въ разныхъ частяхъ Петербурга еще шесть народныхъ училищъ, въ которыхъ въ первый же годъ было до 500 учащихся изъ разныхъ сословій: дѣти купцовъ, мѣщанъ, приказныхъ, офицеровъ, придворныхъ и господскихъ служителей и солдатъ. Всѣ дѣти, между которыми были и дѣвочки, учились вмѣстѣ безъ раздѣленія на классы; приходскіе священники обучали въ училищахъ: закону Божію, чтенію и письму; кромѣ того, преподавались ариѳметика и рисованіе, чему обучали сержанты, штыкъ-юнкера и разные учителя по найму.

Австрійскій училищный уставъ. Съ цѣлью поставить обу-

ченіе въ этихъ школахъ на твердыхъ и прочныхъ началахъ, а также имѣя въ виду распространить начальныя училища по всей имперіи, Императрица, принявъ за образецъ австрійскую школьную систему, примѣняетъ ее къ организаціи школьнаго дѣла въ своей имперіи. Главныя основанія общаго австрійскаго училищнаго устава того времени состояли въ слѣдующемъ. Во всѣхъ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ находятся приходскія или филіальныя церкви, должны быть заведены простонародныя школы, въ которыхъ обучаютъ закону Божію, чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики и домохозяйству. Въ каждомъ уѣздѣ учреждается главная школа, въ которой дѣти обучаются, кромѣ предметовъ начальной школы, основаніямъ латинскаго языка, письменнымъ упражненіямъ, рисованію, межеванію, основамъ земледѣлія, географіи и исторіи, особенно отечественной. Въ каждой провинціи учреждались: „Училищная комиссія“ и при ней учительская семинарія или нормальная школа, гдѣ приготовлялись учителя для нормальныхъ училищъ. „Училищная комиссія“ завѣдывала всѣми начальными училищами провинціи, посылала своихъ членовъ на экзамены, опредѣляла попечителей школъ, разсматривала отчеты и проч. Главное завѣдываніе начальнымъ образованіемъ сосредоточивалось въ „Главной дирекціи“, находившейся въ Вѣнѣ. Принявъ австрійскую систему, Императрица озабочивается пріисканіемъ лица, которое было бы въ состояніи ввести ее въ Россіи.

Янковичъ-де-Миріево. Съ этою цѣлью, по указанію Императора Іосифа II, приглашается изъ Австріи директоръ Темешварскихъ училищъ Ѳеодоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Миріево, соединявшій въ себѣ всѣ данныя для выполненія этой задачи: онъ былъ сербъ, исповѣдывалъ православную вѣру, зналъ русскій языкъ, заявилъ себя въ педагогической литературѣ переводомъ и составленіемъ начальныхъ учебниковъ и, какъ директоръ народныхъ училищъ, былъ уже практически знакомъ съ училищною администраціею и вообще съ веденіемъ школьнаго дѣла.

Комиссія объ учрежденіи училищъ. Въ сентябрѣ 1782 года была открыта „Комиссія объ учрежденіи училищъ“, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ тайный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, впослѣдствіи бывшій первымъ министромъ народнаго просвѣщенія. П. В. Завадовскій былъ сынъ священника, окончательное образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи, потомъ состоялъ секретаремъ графа Румянцева, который и рекомендовалъ

его Императрицѣ. Въ 1794 году Завадовскій получилъ графское достоинство; по своему уму и даровитости онъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ государственнымъ дѣятелямъ Екатерининскаго времени, и ему поручаемо было составленіе важнѣйшихъ государственныхъ актовъ и важнѣйшія государственныя должности. Онъ умеръ въ 1812 году.

Цѣль „Комиссіи" состояла въ составленіи плановъ и уставовъ для народныхъ училищъ, въ составленіи и изданіи книгъ для школъ, въ завѣдываніи училищами по всей имперіи и въ приготовленіи способныхъ учителей. Къ занятіямъ въ этой „Комиссіи" былъ призванъ, вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Россію, и Янковичъ, съ энергіею принявшійся за порученное ему дѣло; въ томъ же году имъ были изданы самыя необходимыя учебныя книги и правила для учащихся, а также составленъ учебный планъ, на основаніи котораго народныя училища дѣлились на малыя, среднія и главныя. Малыя должны были состоять изъ двухъ классовъ, среднія—изъ трехъ, а главныя—изъ четырехъ съ двухгодичнымъ курсомъ въ четвертомъ классѣ.

Приготовленіе учителей для народныхъ училищъ. Имѣя въ виду открытіе новыхъ училищъ, Янковичъ-де-Миріево озабочивается прежде всего подготовкою учителей для этихъ училищъ. Съ этою цѣлью вызываются 20 учениковъ изъ Александро-Невской семинаріи, а потомъ и изъ Московской славяно-греко-латинской академіи, изъ Смоленской и Казанской семинарій, которыхъ Янковичъ знакомитъ съ новыми методами и пріемами обученія. Вмѣсто прежняго механическаго характера, съ отвлеченностями и темными опредѣленіями, безсознательно усвояемыми учениками на память, часто безъ всякаго пониманія заучиваемаго, Янковичъ впервые вводитъ разумный способъ обученія, основанный на требованіяхъ современной педагогики и установившійся уже въ западной Европѣ трудами педагогическихъ дѣятелей. Янковичъ впервые вводитъ въ нашу школу требованія наглядности обученія, и будущіе учителя освоиваются съ потребными для того пособіями—приборами, инструментами, таблицами, атласами и проч.; Янковичъ знакомитъ готовящихся быть учителями съ дидактическими требованіями, на важность которыхъ еще не обращалось вниманія въ нашей школѣ: такъ, отъ учителей онъ требуетъ, чтобы они занимались равномѣрно со всѣми учениками, обращая вниманіе на весь классъ, а не такъ, какъ прежде, когда учитель сосредоточи-

вался лишь на одномъ ученикѣ, не обращая никакого вниманія на остальныхъ, что давало поводъ къ шалостямъ, къ безполезной тратѣ времени и безпечности. Въ основу обученія было положено не обремененіе памяти заучиваніемъ наизусть, но развитіе ума, для чего все непонятное ученикамъ должно быть объяснено, при чемъ имъ слѣдуетъ пріучаться къ выраженіямъ точнымъ и полнымъ. Принята была катехизація, т. е. вопросы изъ изучаемаго и отвѣты на нихъ, тогда какъ прежде учитель задавалъ уроки, не справляясь съ тѣмъ, понимаютъ ли его ученики или нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вводится и болѣе гуманная система воспитанія, и учителямъ предписывается воздерживаться отъ суровыхъ и опозоривающихъ наказаній, побоевъ, оскорбительныхъ и унизительныхъ названій учениковъ.

По подготовкѣ учителей, было приступлено къ преобразованію училищъ, по составленному учебному плану, существовавшаго въ Петербургѣ училища; въ это училище опредѣлены были подготовленные Янковичемъ учителя, а самъ Янковичъ въ 1783 году былъ назначенъ первымъ директоромъ народныхъ училищъ въ С.-Петербургской губерніи. Петербургскія училища, состоявшія только изъ двухъ низшихъ классовъ, съ однимъ учителемъ въ каждомъ классѣ, быстро стали наполняться учащимися, и въ 1785 году въ нихъ уже было 1198 учениковъ. Устроивъ столичныя училища, „Комиссія“ приступила къ открытію такихъ же малыхъ училищъ въ другихъ городахъ Петербургской губерніи, въ Шлиссельбургѣ, Кронштадтѣ, Павловскѣ, Нарвѣ и проч., въ то же время она составляла уставы народныхъ училищъ и продолжала издавать учебники. За образецъ взяты были учебники, употреблявшіеся въ австрійскихъ народныхъ училищахъ, изъ которыхъ нѣкоторые переведены, а нѣкоторые передѣланы примѣнительно къ нашимъ училищамъ.

Главное народное училище. Главное же вниманіе „Комиссіи“ сосредоточивалось на приготовленіи учителей для предполагаемыхъ къ открытію по всей имперіи училищъ. Это былъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, такъ какъ учителя того времени далеко не удовлетворяли своему званію ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ. Съ этою цѣлью, въ 1783 же году, торжественно, въ присутствіи членовъ „Комиссіи“, открыто въ С.-Петербургѣ особое училище, подъ названіемъ главнаго народнаго училища.

Это было учебное заведеніе въ родѣ нынѣшней гимназіи или прогимназіи, съ педагогическими курсами. Всѣхъ классовъ было 4. Въ учебный курсъ входили слѣдующіе предметы: законъ Божій, языки—русскій, латинскій и нѣмецкій, географія, исторія, математика, физика, естественная исторія, черченіе и рисованіе. Преподавателями въ двухъ высшихъ классахъ были профессора Академіи Наукъ, а въ низшихъ—учителя, приготовленные Янковичемъ. Кромѣ приходящихъ учениковъ, положено было держать и обучать на казенномъ содержаніи не менѣе 100 учениковъ, предназначавшихся для занятія учительскихъ должностей; такіе ученики, кромѣ указанныхъ предметовъ, должны были учиться методикѣ и знакомиться съ учительскими обязанностями. Въ январѣ 1785 года Императрица удостоила училище своимъ посѣщеніемъ и за все найденное выразила „Комиссіи“ свое Монаршее благоволеніе и удовольствіе. Янковичъ оставался директоромъ этого училища до мая 1785 года.

Первая учительская семинарія. Въ 1786 году были выдѣлены изъ главнаго народнаго училища педагогическіе курсы и составлено отдѣльное самостоятельное учебное заведеніе, подъ названіемъ учительской семинаріи, имѣвшей уже спеціально своею цѣлью приготовленіе учителей. Она состояла изъ казенныхъ воспитанниковъ, пользовавшихся казеннымъ содержаніемъ и жившихъ въ казенномъ домѣ подъ присмотромъ особаго директора. Въ семинаріи преподавались тѣ же предметы, что и въ училищѣ, но болѣе подробно и болѣе основательно, такъ какъ большая часть ея преподавателей состояла изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ. Въ семинаріи, сдѣлавшейся теперь главнымъ предметомъ заботъ и попеченій Янковича, будущіе учителя знакомились съ лучшими современными методами обученія и вполнѣ освоивались съ принципомъ наглядности, съ каковою цѣлью семинарія и была обставлена всѣми необходимыми учебными пособіями, кабинетами, моделями, коллекціями, физическими приборами и инструментами, а также значительно полною библіотекой.

Нѣмецкое главное народное училище. Наказъ 1786 года частнымъ пансіонамъ. Почти одновременно съ учрежденіемъ главнаго народнаго училища для русскихъ, по Высочайшему повелѣнію устраивается въ Петербургѣ и нѣмецкое главное народное училище по тому же образцу—для русскихъ подданныхъ, употребляющихъ нѣмецкій языкъ. Училище это образовалось изъ

школы, существовавшей съ 1703 года при лютеранской церкви св. Петра. По распоряженію же правительства и всѣ частные петербургскіе училища и пансіоны, содержимые иностранцами, подводятся подъ требованія народныхъ училищъ, при чемъ русскій языкъ дѣлается обязательнымъ, и всѣ предметы должны преподаваться по-русски. По порученію „Комиссіи“, Янковичемъ составленъ наказъ о пансіонахъ, по смыслу котораго они устраиваются и подчиняются строгому надзору наравнѣ съ народными училищами. Всякій желающій открыть пансіонъ долженъ былъ представить въ „Комиссію“ народныхъ училищъ планъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ пансіонѣ, списокъ учителей и объявить плату, назначаемую за содержаніе и обученіе. Иностранные учителя должны были имѣть аттестаты въ наукахъ отъ управы нѣмецкихъ народныхъ училищъ, а русскіе — изъ русскаго главнаго народнаго училища.

Всѣ частныя училища подчинены были главному вѣдѣнію „Комиссіи“ училищъ. Ближайшее наблюденіе за частными училищами поручалось въ каждой губерніи „Приказамъ общественнаго призрѣнія“ и преимущественно директорамъ народныхъ училищъ, какъ членамъ „Приказовъ“. Между предметами преподаванія долженъ стоять обязательнымъ законъ Божій и русскій языкъ. Открытіе училищъ разрѣшалось „Приказомъ общественнаго призрѣнія“. Кромѣ знанія предмета, отъ учителя требовалось еще знаніе методики. Надзоръ по нравственной части пансіона былъ обращенъ на воспитаніе въ религіозномъ духѣ, на пріученіе къ порядку, честности и трудолюбію, не только словомъ, но и собственнымъ примѣромъ воспитателя. Контроль по хозяйственной части слѣдилъ, главнымъ образомъ, за гигіенической стороной помѣщенія и за платой на содержаніе учащихся. Этотъ наказъ частнымъ пансіонамъ 1786 года, установившій прочныя основанія устройства частныхъ учебныхъ заведеній, перенесенъ затѣмъ въ слѣдующій уставъ 1804 года безъ существенныхъ измѣненій; лишь въ административномъ отношеніи завѣдываніе частными училищами вмѣсто „Приказовъ общественнаго призрѣнія“ было поручено университетамъ.

Главныя и малыя народныя училища. По мѣрѣ приготовленія учителей и составленія руководствъ, какъ для нихъ, такъ и для учениковъ, чѣмъ преимущественно занимался Янковичъ, „Комиссіею“ вырабатывался и уставъ народныхъ училищъ, который и былъ Высочайше утвержденъ въ 1786 году, и въ этомъ же

году было повелѣно открыть главныя народныя училища въ 26 губерніяхъ. На основаніи устава, народныя училища были двухъ родовъ: главныя, состоящія изъ 4 классовъ, въ губернскихъ городахъ, и малыя, изъ двухъ классовъ, въ уѣздныхъ городахъ. Завѣдываніе училищами сосредоточивалось въ „Главномъ училищномъ правительствѣ", въ которое переименована была „Комиссія объ учрежденіи училищъ". „Главное училищное правительство" состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Екатерины Великой и представляло Императрицѣ свои доклады. Мѣстное управленіе училищами въ каждой губерніи ввѣрялось, подъ высшимъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, губернатору, который и состоялъ попечителемъ народныхъ училищъ. Одной изъ главнѣйшихъ его обязанностей было стараться о распространеніи народныхъ училищъ не только въ городахъ, но и по селеніямъ. Губернаторъ предсѣдательствовалъ въ „Приказѣ общественнаго призрѣнія", который, завѣдуя хозяйственною частью училищъ, былъ обязанъ изыскивать денежныя средства на содержаніе училищъ, устраивать для нихъ помѣщеніе, содержать учителей и покупать учебники.

Руководство учебною частью предоставлялось директору народныхъ училищъ, назначаемому генералъ-губернаторомъ. Директоръ, какъ начальникъ училищъ, долженъ быть „любитель наукъ, порядка и добродѣтели"; въ его вѣдѣніи находились всѣ народныя училища, частные пансіоны и школы. Директоръ обязывался осматривать училища, присутствовать на экзаменахъ, наблюдать за учителями и стараться, чтобы ученики были обучаемы церковному пѣнію, и чтобы обученные въ церквахъ пѣли и читали—„для благолѣпія церквей и большаго прилѣпленія учениковъ къ молитвѣ и благоговѣнію". Для наблюденія за малыми училищами въ каждомъ уѣздномъ городѣ попечитель избиралъ одного изъ гражданъ этого города смотрителемъ за училищами; смотритель долженъ былъ осматривать училища, наблюдать за исправностью учителей, за правильнымъ хожденіемъ учениковъ въ училище, слѣдить за тѣмъ, чтобы они въ воскресные и праздничные дни посѣщали церковь, словомъ, чтобы исполняли все, предписанное уставомъ. Учителя ежемѣсячно доставляли смотрителю рапорты, которые черезъ „Приказъ общественнаго призрѣнія" вручались директору.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ полагалось одно главное народное училище изъ четырехъ классовъ, при чемъ курсъ четвертаго класса былъ двухгодичный, слѣдовательно, весь курсъ про-

должался пять лѣтъ. Всѣхъ учебныхъ часовъ въ классѣ было по 30 въ недѣлю. Предметы преподаванія въ главныхъ народныхъ училищахъ были слѣдующіе: І-ый классъ — чтеніе и письмо, знаніе цифръ, церковныхъ и римскихъ чиселъ, сокращенный катехизисъ и священная исторія; первоначальныя правила грамматики русской; II-ой классъ—пространный катехизисъ, чтеніе книги „О должностяхъ человѣка и гражданина“, 1-ая часть ариѳметики, повтореніе священной исторіи и первоначальныхъ правилъ русской грамматики, чистописаніе и рисованіе; III-ій классъ — пространный катехизисъ, чтеніе и изъясненіе Евангелій, 2-ая часть ариѳметики, русская грамматика съ упражненіями въ правописаніи, всеобщая исторія, географія и чистописаніе; IV-й классъ—географія, русская и всеобщая исторія, русская грамматика съ упражненіями въ письменныхъ сочиненіяхъ, основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры и рисованіе.

Кромѣ русскаго языка, преподавались и основанія латинскаго для желающихъ продолжать ученіе въ гимназіяхъ или университетахъ; кромѣ того, ученики учились и тому иностранному языку, знакомство съ которымъ считалось полезнымъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ училища.

Въ главныхъ народныхъ училищахъ приготовлялись и тѣ ученики, которые желали быть учителями въ малыхъ народныхъ училищахъ. Всѣхъ учителей при главномъ училищѣ полагалось шесть; самыя училища должны были имѣть кабинеты и библіотеки.

Средства для содержанія малыхъ народныхъ училищъ получались, главнымъ образомъ, изъ городскихъ думъ, собиравшихъ на этотъ предметъ деньги съ общества. Малыя народныя училища „должны существовать какъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ одного главнаго недовольно, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, и еще, по усмотрѣнію „Приказа общественнаго призрѣнія“ на первый случай могутъ быть надобны“. Курсъ въ малыхъ училищахъ былъ тотъ же, что въ двухъ низшихъ классахъ главнаго училища, кромѣ иностранныхъ языковъ, которые не преподавались; изъ ариѳметики же проходились во второмъ классѣ обѣ части — съ цѣлью, чтобы оканчивающіе курсъ въ малыхъ народныхъ училищахъ имѣли, по возможности, полныя свѣдѣнія изъ ариѳметики, необходимыя въ общежитіи. Учителей въ каждомъ маломъ училищѣ было два, по одному въ каждомъ классѣ, поэтому обученіе было не предметное,

а классное. Ученіе было безплатное. Экзамены назначались два раза въ годъ: передъ новымъ годомъ и передъ Петровымъ днемъ.

Въ уставѣ народныхъ училищъ были указаны общія обязанности учителей, касающіяся методы, порядка преподаванія, надзора за учениками, обращенія съ ними и проч.; какъ учителя, такъ и учащіеся были снабжены инструкціею—„Правила для учащихся". Учителя, бывшіе до сихъ поръ частными людьми, стали считаться на дѣйствительной службѣ и получали право на чины и награды.

Общій очеркъ народныхъ училищъ въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой. Путемъ народныхъ училищъ, возникавшихъ по уставу 5 августа 1786 года, образованіе стало быстро распространяться по всей имперіи, и къ концу 1789 года всѣхъ народныхъ училищъ считалось 170, и изъ нихъ главныхъ народныхъ 43. Очевидно, на такое успѣшное распространеніе образованія оказалъ существенное вліяніе Янковичъ, который заботился о приготовленіи учителей, ввелъ раціональный методъ обученія, составилъ большую часть учебниковъ и существенно содѣйствовалъ выработкѣ устава этихъ училищъ. Но главною начинательницею и двигательницею дѣла народнаго образованія была, разумѣется, сама Императрица Екатерина II: при своемъ просвѣщенномъ взглядѣ на важность воспитанія и образованія какъ для человѣка, такъ и для благосостоянія всего государства, при своемъ непосредственномъ и близкомъ знакомствѣ съ педагогикою, Императрица воспользовалась лучшею въ то время системою народнаго образованія, которую и вводитъ въ своемъ государствѣ; вмѣстѣ съ этимъ Екатерина Великая придаетъ русской школѣ осмысленный характеръ, обученіе становится методическимъ, согласно требованіямъ дидактики и методики, а воспитаніе гуманнымъ; Императрица не жалѣетъ денежныхъ средствъ на учрежденіе училищъ, живо интересуется дѣятельностью „Комиссіи", вникаетъ во всѣ подробности оной, читаетъ всѣ ея доклады и постановленія, даже сама разсматриваетъ нѣкоторые издаваемые „Комиссіею" учебники и дѣлаетъ на нихъ собственноручныя замѣчанія. Благодаря этимъ заботамъ Императрицы, ея просвѣщенному взгляду и удачному выбору первыхъ дѣятелей, народное образованіе, которому въ 1783 году были положены прочныя основы въ Петербургѣ, стало быстро распространяться по всей имперіи чрезъ посредство главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, преобразовавшихся впослѣдствіи въ гимна-

зіи, уѣздныя училища и другія общеобразовательныя учебныя заведенія.

Учрежденіе народныхъ училищъ, а черезъ нихъ и распространеніе общаго начальнаго и средняго образованія по всей имперіи, составляетъ важную эпоху въ исторіи нашего образованія, рѣзко отличную отъ предыдущихъ, но имѣющую тѣсную связь съ настоящимъ состояніемъ нашего учебнаго дѣла. Тогда какъ прежнія училища, созданныя Петромъ Великимъ и его преемниками, концентрировались, главнымъ образомъ, въ столицахъ, народныя училища распространяются по большинству губернскихъ городовъ и по многимъ изъ уѣздныхъ. Сословный и профессіональный характеръ прежнихъ училищъ замѣнился характеромъ всесословнымъ и общеобразовательнымъ—народныя училища устраивались для всѣхъ сословій и состояній, исключая податныхъ крестьянъ. Учрежденныя прежде училища, имѣя основаніемъ удовлетвореніе той или другой государственной или общественной потребности, создавались нерѣдко безъ предварительно составленнаго, строго опредѣленнаго плана, почему уставъ и строй училища часто находился въ зависимости отъ управлявшихъ ими начальниковъ.

Народныя же училища, свободныя отъ всякаго утилитарнаго направленія, имѣвшія въ виду лишь сообщеніе свѣдѣній, необходимыхъ для каждаго человѣка, были организованы на основаніи точно опредѣленнаго устава и по образцу той системы, которая на дѣлѣ оказалась лучшею въ западныхъ государствахъ—въ Австріи и Германіи. Тогда какъ въ прежнихъ училищахъ обученіе производилось прежнимъ рутиннымъ способомъ, весьма близкимъ по своему характеру къ бездушному схоластическому, въ народныхъ училищахъ впервые является обученіе на основахъ дидактики и методики, и наглядность дѣлается главнымъ принципомъ обученія. Воспитаніе, считавшее до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ своихъ средствъ разные виды тѣлесныхъ наказаній и лишеній и вообще карательныхъ мѣръ, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей Императрицы должно было оставить этотъ взглядъ и, исключивъ все грубое, позорное и оскорбительное для дѣтей, дѣйствовать на нихъ, главнымъ образомъ, нравственными средствами. Устройство и содержаніе училищъ, производившееся со временъ Петра Великаго на счетъ правительства, предоставляется теперь мѣстнымъ средствамъ, лишь при пособіи и участіи правительства.

Учителя. Учителя, выступавшіе прежде на учительское поприще

обыкновенно случайно, безъ всякой педагогической подготовки, часто не соотвѣтствовали этому званію ни своими познаніями, ни своими нравственными качествами. Съ открытіемъ учительской семинаріи и главныхъ народныхъ училищъ, учителя получаютъ правильную подготовку соотвѣтственно современнымъ требованіямъ педагогики, а общее гуманное направленіе школы содѣйствуетъ облагороженію учительскаго персонала и установленію правильныхъ отношеній между учителемъ и дѣтьми.

До временъ Петра Великаго образованіе распространялось преимущественно лицами духовнаго сословія, учившими грамотѣ въ большинствѣ случаевъ тѣмъ же способомъ, какъ они и сами учились, безъ спеціальной подготовки къ учительскому дѣлу. Отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, назначенныхъ спеціально для приготовленія учителей, также не существовало. Первая забота о приготовленіи учителей принадлежитъ Новгородскому митрополиту Іову, который въ началѣ XVIII ст. устроилъ свои школы въ Новгородѣ съ помощію Лихудовъ на основахъ эллинно-славянскаго образованія. Курсъ этихъ школъ пользовался особенною популярностью. Въ 1715 г. на эти школы обратило вниманіе правительство и стало посылать въ нихъ учиться грамотѣ безграмотныхъ дворянскихъ недорослей; въ теченіе двухъ лѣтъ такихъ недорослей оказалось 102 человѣка; они составляли особое отдѣленіе Новгородскаго училища и обучались грамотѣ у особыхъ учителей-иподіакона и дьячка. Когда архіереи затруднялись пріисканіемъ грамматистовъ для своихъ школъ, тогда Св. Синодъ указывалъ архіереямъ обращаться за требуемыми учителями къ той же Новгородской школѣ, къ которой обращался за грамматистами и самъ. Въ октябрѣ 1723 года вышелъ указъ: „....для обученія грамматическаго художества, усмотря тамо изъ подьяковъ или и изъ поповскихъ дѣтей остроумныхъ и книжному чтенію искусныхъ отъ 15 до 20 лѣтъ, прислать въ домъ синодальнаго вицепрезидента преосв. Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго, изъ каждой епархіи по 3 человѣка, которыхъ пропитаніемъ довольствовать въ томъ домѣ на счетъ оныхъ архіерейскихъ домовъ, и выуча тѣхъ присланныхъ грамматикѣ, отсылать для обученія жъ тамошнихъ священно-служительскихъ дѣтей въ тѣ же архіерейскіе домы, откуда кто присланъ будетъ, чтобъ съ того времени впредь никто неимуществомъ учителей отъ того ученія не отговаривался“. Такое распоряженіе, придававшее Новгородской школѣ значеніе педагогической семинаріи, всего лучше показываетъ практическую

важность тѣхъ началъ, какія положены были въ ея основу м. Іовомъ. Затѣмъ контингентъ учителей пополнялся изъ Кіево-Могилянской и изъ славяно-греко-латинской академіи, изъ морской академіи, а впослѣдствіи изъ гарнизонныхъ школъ, равно какъ изъ нѣкоторыхъ возникшихъ потомъ духовныхъ семинарій. Такъ какъ учебныхъ заведеній, назначенныхъ спеціально для приготовленія учителей, все-таки не существовало, то еще Петръ Великій, какъ мы видѣли, сознавая необходимость снабдить заводимыя имъ школы учителями, предначертавъ планъ Академіи Наукъ, имѣлъ въ виду придать этому учрежденію характеръ заведенія ученаго, образовательнаго и педагогическаго. Такъ, въ проектѣ учрежденія Академіи отъ 28 января 1724 г. сказано: чтобы академики „младыхъ людей (ежели которые изъ нихъ угодны будутъ) публично обучали, и чтобы они нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли. И такимъ бы образомъ одно зданіе съ малыми убытками тое же съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ". Далѣе говорится: „когда данные академикамъ младые люди, которымъ отъ Его Императорскаго Величества довольное жалованье на пропитаніе опредѣлено будетъ, отъ нихъ науку принявши и пробу искусства своего учинивши, младыхъ людей въ первыхъ фундаментахъ обучать будутъ, то оное зданіе таково жъ полезно будетъ, яко особливое къ тому сочиненное собраніе, или Гимназіумъ". Изъ этихъ словъ видно, что на Академіи, между прочимъ, должна лежать обязанность и приготовленія молодыхъ людей къ начальной учительской дѣятельности, при чемъ эти молодые люди должны быть подвергаемы испытанію въ искусствѣ преподаванія. Хотя Академія и была открыта преемницею Петра Великаго Императрицею Екатериною I (29 декабря 1725 года), но дѣйствія этого учрежденія со временемъ все болѣе и болѣе уклонялись отъ педагогической цѣли и, наконецъ, Императрица Екатерина Великая „для скорѣйшаго поправленія Академіи и приведенія ее въ цвѣтущее состояніе" приняла Академію въ собственное завѣдываніе и изъяла изъ круга ея обязанностей приготовленіе наставниковъ.

Одновременно съ заботами о распространеніи просвѣщенія въ народѣ и открытіемъ низшихъ и среднихъ народныхъ школъ сперва въ С.-Петербургѣ, а потомъ и въ прочихъ городахъ Россіи, изыскиваются мѣры для снабженія ихъ учителями. Первою изъ тако-

выхъ мѣръ было распоряженіе, чтобы учителя, подъ руководствомъ извѣстнаго дѣятеля того времени по народному образованію Янковича де-Миріево „въ образѣ ученія наставлены быть могли". Вслѣдствіе сего распоряженія, „Комиссіею объ учрежденіи училищъ" были вызваны въ 1782 году изъ Александро-Невской семинаріи 20 воспитанниковъ, которые и были приготовлены Янковичемъ къ занятію учительскихъ должностей. Затѣмъ, по мѣрѣ возрастанія числа школъ, были вызваны для приготовленія къ учительской дѣятельности 15 воспитанниковъ изъ Московской славяно-греко-латинской академіи. Для предупрежденія же дальнѣйшаго недостатка въ учителяхъ и упроченія порядка въ надлежащемъ ихъ приготовленіи, Императрица повелѣла „Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ" „завести въ С.-Петербургѣ главное народное училище", „при которомъ сверхъ вольноучащихся, учить и содержать на казенномъ иждивеніи не меньше ста человѣкъ для должностей учительскихъ изъ духовныхъ семинарій, изъ школъ воинскихъ командъ", изъ добровольно желающихъ". Эти казенные воспитанники главнаго народнаго училища обязывались, по окончаніи курса, занять учительскія мѣста по назначенію „Комиссіи". Для этого, кромѣ общаго съ вольноприходящими курса, казенные воспитанники должны были учиться методѣ преподаванія и разнымъ учительскимъ обязанностямъ. Черезъ три года, въ іюлѣ 1786 г., эти воспитанники были выдѣлены изъ главнаго народнаго училища, въ которомъ остались только вольноприходящіе, а казенные составили другое закрытое заведеніе, подъ именемъ учительской семинаріи, имѣвшей исключительною цѣлью приготовленіе учителей. 5 августа 1786 года Высочайше утвержденнымъ уставомъ народныхъ училищъ Императрица Екатерина Великая повелѣла учредить во всѣхъ губерніяхъ и намѣстничествахъ главныя и малыя народныя училища, причемъ каждое главное училище обязано было приготовлять и учителей для малыхъ народныхъ училищъ. Кромѣ того, этимъ же уставомъ предоставлено губернаторамъ выписывать „въ случаѣ надобности, изъ духовныхъ семинарій своего намѣстничества, способныхъ, по засвидѣтельствованію директора, людей, для наполненія мѣстъ учительскихъ, если съ воли желающихъ на таковыя мѣста не будетъ, и, по надлежащемъ чрезъ директора въ способѣ учебномъ или другихъ знаніяхъ пріуготовленіи, доставляетъ ихъ въ заводимыя училища". Такимъ образомъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой контингентъ учителей составляется изъ воспитанниковъ

учительской семинаріи, перваго въ Россіи спеціально педагогическаго учебнаго заведенія, изъ учениковъ главныхъ народныхъ училищъ и духовныхъ семинарій. Хотя эти учителя и получали болѣе общее, чѣмъ спеціально-педагогическое образованіе, тѣмъ не менѣе были приняты мѣры и для предварительнаго ознакомленія съ ихъ будущими учительскими обязанностями.

Такъ какъ многіе изъ воспитанниковъ учительской семинаріи оставляли свою педагогическую дѣятельность и переходили къ другому роду занятій гражданской службы, отчего нерѣдко страдали училища, то, для предотвращенія того, Императоръ Павелъ Петровичъ издалъ указъ, которымъ запрещалось принимать учителей, бывшихъ на казенномъ иждивеніи въ учительской семинаріи, на какую-либо другую службу, кромѣ учительской.

Учительская семинарія въ 18 лѣтъ своего существованія (1783—1801 гг.), образовавшая 425 наставниковъ, подъ конецъ имѣла все менѣе и менѣе учениковъ, и въ 1801 году она была почти закрыта и два послѣднихъ года существовала только по имени.

Педагогическая литература. Многочисленныя руководства, изданныя какъ для учителей, такъ и для учениковъ, въ составленіи которыхъ принималъ самое дѣятельное участіе Янковичъ, и на изданіе которыхъ Императрица щедро жертвовала средства, навсегда останутся замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи русской педагогической литературы. Тогда какъ прежніе составители учебниковъ заботились лишь объ обиліи свѣдѣній, не обращая никакого вниманія ни на методику, ни на основанія дидактики, а иностранные учебники буквально переводились безъ всякихъ измѣненій, многіе изъ учебниковъ этого времени такъ хорошо составлены, что, если бы переложить ихъ на нынѣшній слогъ, они бы и теперь были полезными руководствами для начальныхъ училищъ и учителей.

Учебники этого періода не только отличаются подборомъ соотвѣтствующаго матеріала, но и строгою выдержкою дидактическаго метода; хотя многіе изъ учебниковъ также представляются переводами или передѣланными съ иностранныхъ руководствъ, но эти переводы и передѣлки сдѣланы не буквально, а примѣнительно къ требованіямъ русской школы того времени. Такимъ образомъ, наша учебная литература обогатилась руководствами по всѣмъ частямъ начальнаго курса, и изданные въ это время учебники по священной исторіи, катехизису, ариѳметикѣ, русской исторіи и

географіи, геометріи, физикѣ, механикѣ, русской и греческой грамматикѣ — вполнѣ соотвѣтствовали своей цѣли. Достоинство этихъ учебниковъ состоитъ еще въ томъ, что почти каждому предпосылаются методическія указанія для учителя по предмету учебника.

Издававшіяся въ эту эпоху педагогическія сочиненія, по своей примѣнимости къ русской школѣ и какъ соотвѣтствовавшія требованіямъ, установленнымъ извѣстнѣйшими современными западными педагогами, много облегчили и значительно подвинули дѣло народнаго образованія. Появляющіяся у насъ впервые методическія и дидактическія сочиненія знакомятъ учителей съ современными новѣйшими способами обученія, постепенно смѣняющими прежніе механическіе и схоластическіе пріемы; учебная же литература пополняется многими учебниками и руководствами, которые какъ по способу изложенія, такъ и по содержанію соотвѣтствуютъ развитію учащихся и содѣйствуютъ простому и легкому усвоенію знаній.

Изъ педагогическихъ сочиненій особеннаго вниманія заслуживаетъ составленное Янковичемъ: „Руководство учителямъ перваго и второго класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи“; въ этомъ руководствѣ предлагаются тѣ требованія дидактики и методики, соблюденіе которыхъ необходимо для веденія школьнаго дѣла, и которыя вполнѣ примѣнимы въ наше время. Такъ, для примѣра приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ этого руководства. „Учитель долженъ всѣ слова выговаривать громко, плавно и ясно, глаза обращать всюду и ходить около всѣхъ учениковъ, дабы видѣть, всѣ ли прилежно его слушаютъ и дѣло свое исполняютъ. Дѣти должны имѣть одинакія книги. Совокупное чтеніе происходить должно безъ крика и въ умѣренномъ голосѣ. Учитель долженъ также опрашивать учениковъ не всегда сряду — но перемѣнно. Ученики должны отвѣтствовать не да и не нѣтъ, но полною рѣчью. Лучше, если они отвѣтствуютъ исправно своими словами, нежели тѣми самыми, какія находятся въ книгѣ; ибо изъ того видѣть можно, что они дѣло понимаютъ“.

Такія же вполнѣ педагогическія мѣры предлагаются въ этомъ руководствѣ въ отдѣлѣ приготовленія учениковъ къ письму, напримѣръ: „учитель долженъ преподать ученикамъ своимъ, изъ руководства къ чистописанію, правила о порядочномъ положеніи при письмѣ тѣла, рукъ и о держаніи пера. Но какъ симъ правиламъ послѣдовать, то долженъ онъ, во-первыхъ, показать своимъ

примѣромъ, и для сего сѣсть передъ учениками своими за столъ въ надлежащемъ положеніи и показать, какъ за письмомъ сидѣть надобно, а потомъ приводить тѣло и руки ученика въ такое же положеніе. Учитель беретъ также перо въ руки и показываетъ, какъ должно его брать, на которомъ пальцѣ оно должно лежать, и какъ высоко его держать. Онъ заставляетъ учениковъ держать перо, класть оное назадъ и брать опять. Ходитъ самъ вокругъ, поправляетъ, кто сидитъ не такъ, и осматриваетъ прилежно, такъ ли всякъ беретъ перо и держитъ". Далѣе говорится о званіи, качествѣ и поведеніи учителя и даются наставленія, какъ поступать съ учениками, сообразно съ различными ихъ характерами и способностями, при чемъ запрещаются всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были. Къ этому руководству приложены „таблицы о назначеніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи", гдѣ изложены правила объ употребленіи знаковъ препинанія и нѣкоторыя грамматическія правила, какъ, напримѣръ, объ употребленіи буквы ѣ.

Также вполнѣ цѣлесоотвѣтственны указанія, помѣщенныя въ книгѣ: „Правила для учащихся въ народныхъ училищахъ", въ которыхъ говорится о томъ, какъ ученики должны держать себя въ училищѣ, и какъ слѣдуетъ имъ вести себя дома, въ семействѣ. Такъ, относительно праздничныхъ дней говорится: „Всѣмъ ученикамъ надлежитъ въ воскресные и праздничные дни прилежно ходить въ церковь на литургію, при чемъ, для лучшаго порядка, учреждается, чтобы никто изъ учениковъ не ходилъ изъ дому прямо въ церковь, но чтобы всѣ по звону собирались въ училищѣ, и здѣсь смиренно и безмолвно ожидали времени богослуженія. По окончаніи богослуженія, ученики должны по два въ рядъ изъ церкви возвращаться въ училище, отсюда же отъ учителя домой отпускаются; и никто да не дерзнетъ безъ вѣдома и дозволенія учительскаго изъ церкви уходить домой или куда-нибудь".

Кромѣ учебниковъ по предметамъ начальнаго обученія, (Священная Исторія, Катехизисъ большой и малый, Россійскій букварь съ азбукою церковною и гражданскою и проч.), обращаетъ на себя вниманіе изданная для народныхъ городскихъ училищъ книга: „О должностяхъ человѣка и гражданина". Эта книга начинается краткими психологическими свѣдѣніями—о душѣ, памяти, разумѣ, волѣ; затѣмъ слѣдуютъ опредѣленія нѣкоторыхъ добродѣтелей и пороковъ; въ главѣ о здравіи изложены медицинскія наставленія о болѣзняхъ и

лѣкарствахъ; далѣе излагаются правила благопристойности, говорится о супружескомъ союзѣ, о гражданской любви къ отечеству, о наукахъ, художествахъ, промыслахъ и рукодѣліяхъ, наконецъ, въ послѣдней главѣ разсуждается о домоводствѣ. Книга эта хотя и предназначена для дѣтей, но по своему содержанію едва ли понятна для этого возраста, за исключеніемъ развѣ главы, содержащей въ себѣ правила благопристойности—о томъ, какъ ходить, стоять, кланяться.

Въ числѣ учебниковъ, изданныхъ „Комиссіею", находятся и извлеченія изъ извѣстной книги Амоса Коменскаго Orbis pictus, подъ заглавіемъ: „Зрѣлище вселенныя на латинскомъ, россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изданное для народныхъ училищъ Россійской Имперіи, по Высочайшему повелѣнію Царствующія Императрицы Екатерины Вторыя. С.-Петербургъ 1788 года". Въ этомъ изданіи помѣщено 80 статей съ картинами, содержащихъ въ себѣ описанія разныхъ предметовъ—изъ области естественной исторіи, ремеслъ, разныхъ производствъ, изъ домашняго обихода и проч. Эта книга служила и для наглядныхъ бесѣдъ и для первоначальнаго изученія языковъ—русскаго, латинскаго и нѣмецкаго. Впрочемъ, Orbis pictus Коменскаго былъ уже изданъ въ Москвѣ Шаденомъ въ 1768 году на 5 языкахъ, подъ заглавіемъ: „Видимый Свѣтъ", но тогда появилась только первая часть этого сочиненія и безъ рисунковъ.

Недостатки народныхъ училищъ. Учебная реформа 1786 г., несмотря на свою примѣнимость къ требованіямъ русской жизни, не была изъята отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которые обнаруживались при ея осуществленіи. Такъ, мѣстные органы учебнаго управленія не всегда соотвѣтствовали своему назначенію: генералъ-губернаторы и губернаторы были слишкомъ поглощены дѣлами управленія своихъ губерній, а „Приказы общественнаго призрѣнія", какъ учрежденія хозяйственныя и экономическія, были чужды учебному дѣлу. Содержаніе училищъ и учителей не было обезпечено прочнымъ постояннымъ источникомъ, и „Приказы" не имѣли возможности содержать училища и производить содержаніе учителямъ, какъ того требовало правительство. Оставивъ за собою матеріальное обезпеченіе главныхъ училищъ, „Приказы" предоставили попеченіе о малыхъ народныхъ училищахъ городскимъ думамъ, которыя, жалуясь на скудость средствъ, были неисправны и старались отстранить отъ себя этотъ расходъ. Учителя для

малыхъ училищъ, т.-е. для двухклассныхъ, приготовлялись въ главномъ, т.-е. четырехклассномъ, училищѣ, и при знакомствѣ съ методикою преподаванія, они могли обучать въ малыхъ училищахъ, но для приготовленія учителей въ главныя училища существовала только одна учительская семинарія, которая, разумѣется, оказывалась недостаточною, а это отразилось неблагопріятно на учебномъ составѣ этихъ училищъ. Учительское жалованіе было недостаточно, а пенсій вовсе не было. Наконецъ, одно изъ важныхъ условій неполнаго сочувствія къ этимъ школамъ было и то, что духовенство не было привлечено къ участію въ нихъ, и законъ Божій преподавался не духовными, а свѣтскими лицами. Кромѣ того, курсъ главныхъ народныхъ училищъ превышалъ образовательныя требованія тогдашняго общества, почему многіе, какъ напримѣръ, купцы и мѣщане, не хотѣли даже и дѣтей своихъ посылать въ ученье. Такъ какъ уставъ 1786 года обнимаетъ только народное образованіе въ городахъ и не заботится о распространеніи образованія между сельскимъ населеніемъ, то до селъ, до народной массы дѣло не дошло. Сельское населеніе продолжало учиться попрежнему въ существовавшихъ при церквахъ или содержимыхъ отъ духовенства школахъ, или у причетниковъ и другихъ грамотеевъ. Нѣкоторые же изъ помѣщиковъ, заботившіеся о просвѣщеніи своихъ крестьянъ, устраивали школы въ своихъ имѣніяхъ, но пока это были рѣдкія исключенія.

Недостатки эти, разумѣется, не могутъ умалить того высокаго значенія, которое оказала на учебное русское дѣло училищная реформа, вызванная городскими училищами—народное образованіе было обобщено, распространилось по всей имперіи и получило педагогическіе элементы. Свое сочиненіе: „Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II“, изъ котораго и сдѣлано вышеприведенное извлеченіе о городскихъ училищахъ, графъ Д. А. Толстой оканчиваетъ слѣдующими словами: „Въ царствованіе Императрицы Екатерины учреждено было 223 учебныхъ заведеній. Изъ двухъ пунктовъ—Петербурга и Москвы, народное образованіе выведено было на широкое пространство громадной имперіи. Съ теченіемъ времени учительская семинарія возвысилась до педагогическаго института, а главныя народныя училища возросли до степени гимназій, что дало учебному вѣдомству возможность наполнить учащими и учащимися учрежденные въ началѣ этого столѣтія, при существованіи тогда только трехъ гимназій, два университета,

Харьковскій и Казанскій, а впослѣдствіи и Петербургскій. Такимъ образомъ, сѣмена образованія, брошенныя въ русскую почву умѣлою и твердою рукою Екатерины, принесли плоды въ просвѣтительное царствованіе Александра I. Екатерининская учебная реформа была не только однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣяній ея царствованія, но, можно сказать, началомъ народнаго просвѣщенія въ Россіи, въ обширномъ значеніи этого слова. 22 сентября этого года (1886) минуло сто лѣтъ со времени учрежденія первыхъ народныхъ училищъ въ Россіи. Въ этотъ столѣтній юбилей русскаго просвѣщенія вспомнимъ, съ чувствомъ глубокой признательности, о великой ихъ основательницѣ".

Главнѣйшіе факты по училищной части въ царствованіе Императора Павла Петровича. Попеченіе правительства объ учрежденіи цензуры входило въ работы послѣдняго года царствованія Императрицы Екатерины Великой, и въ указѣ, данномъ Сенату 1796 года, признано необходимымъ это учрежденіе. Мысль Екатерины Великой достигла своего исполненія въ царствованіе Императора Павла: въ 1797 году новоучрежденная цензура подчинена третьему департаменту Сената, а другимъ указомъ были опредѣлены ея штаты. Указомъ отъ іюля того же года повелѣно было московской цензурѣ: „книги, цензурою признаваемыя недозволенными и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣта Его Императорскаго Величества". Въ царствованіе же Императора Павла Петровича въ 1797 году была возстановлена бывшая въ Казани гимназія, которая въ предшествовавшее царствованіе замѣнена была народнымъ училищемъ. Мысль объ учрежденіи университета въ Дерптѣ принадлежитъ также царствованію Императора Павла, хотя она была приведена въ исполненіе только въ царствованіе Императора Александра I. Правительство при этомъ руководствовалось тою цѣлью, чтобы дать возможность лифляндскому, эстляндскому и курляндскому дворянству образовывать дѣтей своихъ у себя, не прибѣгая къ университетамъ заграничнымъ. Нельзя не упомянуть о дѣйствіи, которымъ Императоръ Павелъ I почтилъ память науки въ лицѣ крестьянскаго потомства Ломоносова. Когда въ 1798 г. губернаторъ Архангельской губерніи генералъ-майоръ Ахвердовъ, объѣзжалъ ея уѣзды и въ Холмогорскомъ случайно встрѣтилъ родную сестру Ломоносова, Марію Васильевну Головину, которая жила въ быту крестьянскомъ, а внука ея Ломоносова записали въ рекруты, Ахвердовъ написалъ немед-

ленно письмо генералъ-прокурору князю Куракину, въ которомъ просилъ именемъ великаго предка за его крестьянское потомство. Князь Куракинъ немедленно доложилъ о письмѣ Императору. Его Величество въ то же мгновеніе подписалъ такой указъ: „Въ уваженіе памяти и полезныхъ познаній знаменитаго Санктпетербургскаго Академіи Наукъ профессора, Статскаго Совѣтника Ломоносова, Всемилостивѣйше повелѣваемъ, рожденнаго отъ сестры его, Головиной, сына Архангельской губерніи Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости крестьянина Петра съ дѣтьми и съ потомствомъ ихъ, исключа изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора". Благоволеніе Императора Павла къ Московскому университету и попечительность объ его благоустройствѣ выразились Высочайшими милостями къ его начальникамъ и назначеніемъ новыхъ, близкихъ университету. Въ 1799 году подъ названіемъ Медико-Хирургической академіи была основана Военно-Медицинская для подготовленія врачей въ военное и сухопутное вѣдомства. (Другіе факты по училищной части въ царствованіе Императора Павла Петровича помѣщены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ текста).

ГЛАВА IX.

Училища въ царствованіе Императора Александра I.

Учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Главное Правленіе Училищъ.—Учебные округи.—Академія Наукъ.—Россійская Императорская Академія.—Императорская Публичная библіотека.—Организація училищъ по уставу 1804 г.—Университеты и другія высшія учебныя заведенія.—Гимназіи.—Уѣздныя училища.—Приходскія училища.—Школы взаимнаго обученія.—Педагогическія учрежденія.—Главный педагогическій институтъ.—Спеціальныя училища.—Частныя учебныя заведенія.—Послѣдующія главнѣйшія перемѣны въ училищахъ, организованныхъ по уставу 1804 г.—Женское образованіе.—Ученыя общества.—Пожертвованія.—Общій взглядъ на народныя училища описываемой эпохи.

Учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Главное Правленіе Училищъ. Учебные округи. Императоръ Александръ I-ый, проникнутый просвѣтительными идеями Императрицы Екатерины Великой и руководимый опытными учителями, высоко

цѣнилъ просвѣщеніе и видѣлъ въ немъ главное и естественное основаніе народнаго благосостоянія. Тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ, а затѣмъ и въ продолженіе всего своего царствованія, Государь заботится о развитіи и продолженіи дѣла народнаго образованія, получившаго такія прочныя основы въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, и принимаетъ мѣры для его утвержденія и повсемѣстнаго распространенія въ своемъ государствѣ. Первою существенною мѣрой въ этомъ отношеніи является учрежденіе въ 1802 году, въ числѣ новообразованныхъ семи министерствъ, и Министерства Народнаго Просвѣщенія. Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія назначается графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (1802—1810), бывшій предсѣдатель Екатерининской „Комиссіи народныхъ училищъ“. Вмѣсто этой комиссіи при Министерствѣ состоитъ теперь „Главное Правленіе Училищъ“, которому ввѣряется высшее управленіе всѣми учебными заведеніями имперіи и поставлено главною цѣлью — учрежденіе университетовъ, какъ центральныхъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Въ 1803 году утвержденъ общій планъ устройства учебной части въ имперіи — „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“, и въ томъ же году послѣдовало учрежденіе шести учебныхъ округовъ: Московскаго, Виленскаго, Дерптскаго, Харьковскаго, Казанскаго и С.-Петербургскаго. Каждый округъ долженъ былъ состоять изъ одного университета и изъ училищъ нѣсколькихъ губерній, сходныхъ между собою по мѣстнымъ обстоятельствамъ; въ тѣхъ округахъ, гдѣ не было университета, предполагалось его учрежденіе.

Съ учрежденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣло управленія училищами, зависѣвшее дотолѣ отъ различныхъ „Приказовъ общественнаго призрѣнія“, получаетъ болѣе единства и большую сосредоточенность. Кромѣ „Главнаго Правленія Училищъ“, вѣдѣнію Министерства поручаются еще приведенные вскорѣ въ соотвѣтствующее имъ состояніе: Академія Наукъ, Россійская Императорская Академія, а также и всѣ другія училища, типографіи, казенныя и частныя, цензура, изданіе періодическихъ сочиненій, библіотеки, натуральные кабинеты, музеи и „всякія учрежденія для распространенія наукъ“.

Академія Наукъ, Россійская Императорская Академія, Императорская Публичная библіотека. Такъ какъ регламентъ Академіи Наукъ, составленный еще въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, уже болѣе не соотвѣтствовалъ времени, равно

какъ и отпускаемая сумма на Академію оказывалась недостаточною для безпрепятственной и успѣшной ея дѣятельности, то въ 1803 году былъ обнародованъ новый „Регламентъ Академіи Наукъ“. Въ регламентѣ, между прочимъ, указывается на то, что она должна образовать опредѣленное число молодыхъ людей изъ россійскихъ подданныхъ, дабы со временемъ содѣлать ихъ достойными принятія въ число академиковъ. Академія имѣетъ право относиться въ „Главное Правленіе Училищъ“ о тѣхъ ученикахъ, которые со стороны своихъ способностей сдѣлаются ей извѣстными, и которыхъ она заблагоразсудитъ принять въ свое вѣдѣніе въ качествѣ воспитанниковъ. Обученіе воспитанниковъ Академіи лежитъ на обязанностяхъ адъюнктовъ. Академическіе воспитанники набираются съ надлежащею осмотрительностью изъ университетскихъ студентовъ и учениковъ гимназій, имѣющихъ настоящую склонность и отмѣнную способность къ одной изъ тѣхъ наукъ, коими Академія занимается.

Въ 1818 году Высочайше утвержденъ уставъ Россійской Императорской Академіи, основанной Императрицей Екатериною Великой, но не имѣвшей еще по сіе время „твердаго постановленія, состоящаго въ данномъ ей уставѣ, который бы съ опредѣленными въ немъ средствами и наставленіями могъ сообразно тому намѣренію, съ какимъ она учреждена, служить ей руководствомъ въ ея дѣяніяхъ“... Академія эта въ 1841 году вошла въ составъ Академіи Наукъ, какъ ея отдѣленіе.

Въ 1810 году Высочайше учреждено положеніе и управленіе Императорскою Публичной библіотекой, которая была приведена въ надлежащее устройство и порядокъ, и указаны способы пріумноженія библіотеки.

Организація училищъ по уставу 1804 года. Какъ результатъ дѣятельности Министерства и Главнаго Правленія Училищъ, является уставъ учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 года, на основаніи котораго и были осуществлены многія важныя перемѣны въ организаціи училищъ. На основаніи „Предварительныхъ правилъ“ и устава, всѣ учебныя заведенія были раздѣлены на четыре разряда, при чемъ училища каждаго разряда имѣли внутреннюю между собою связь: такъ, училища низшаго разряда служили ступенью для перехода въ училища непосредственно слѣдующаго высшаго разряда. Соотвѣтственно разрядамъ, учебныя заведенія дѣлились на: 1) университеты, высшія учебныя заведенія, долженствующія быть по одному въ каждомъ учебномъ

округѣ, 2) гимназіи, имѣющія организоваться изъ главныхъ народныхъ училищъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ, 3) уѣздныя училища, имѣющія быть открытыми по одному въ каждомъ уѣздѣ, 4) приходскія училища, которыя положено было учреждать не только въ городахъ, но и по селамъ; училища этихъ двухъ послѣднихъ типовъ преобразовываются изъ малыхъ народныхъ училищъ и низшихъ классовъ главныхъ народныхъ училищъ. Планъ организаціи русскихъ училищъ, установленный у насъ Главнымъ Правленіемъ Училищъ, напоминаетъ проектъ 1792 года общаго устройства училищъ во Франціи, въ которомъ допускается также четыре рода училищъ, восходившихъ отъ низшихъ къ высшимъ (первоначальныя школы, училища второй степени, институты и лицеи). Общій надзоръ за всѣми учебными заведеніями въ государствѣ и завѣдываніе ими было возложено на Главное Правленіе Училищъ, члены котораго, въ званіи попечителей (кураторовъ), непосредственно управляли отдѣльнымъ учебнымъ округомъ; завѣдываніе учебною частью въ губерніи возлагалось на директора мѣстной гимназіи, а въ каждомъ уѣздѣ на штатнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ.

Университеты и другія высшія учебныя заведенія. По мысли Главнаго Правленія Училищъ, университеты должны служить разсадниками просвѣщенія. Университеты, „преподавая науки во всемъ пространствѣ, нужныя для всѣхъ званій и разныхъ родовъ государственной службы“, должны вызвать къ жизни всѣ учреждаемыя училища и вести ихъ по вѣрному пути къ просвѣщенію общества; внутренняя сила университетовъ и ихъ направленіе неминуемо должны отразиться и на всей системѣ созидаемыхъ и руководимыхъ ими училищахъ. Насколько этотъ взглядъ соотвѣтствовалъ требованіямъ тогдашняго времени, видно изъ того, что учрежденіе и преобразованіе университетовъ и устройство учебныхъ округовъ составляло первый и лучшій періодъ въ исторіи Главнаго Правленія Училищъ. Замѣщая каѳедры достойными людьми науки, университеты сдѣлались двигателями научной жизни въ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовляли наставниковъ для русскаго юношества; обогащая науку капитальными учеными трудами, члены университета составляли и издавали учебныя руководства и пособія для подвѣдомственныхъ округу учебныхъ заведеній. Связь университета съ училищами служила залогомъ успѣшнаго существованія и дѣйствія послѣднихъ. Университетъ управлялъ училищами, находившимися въ губерніяхъ его округа посредствомъ

„Училищной комиссіи,“ составленной изъ 7 ординарныхъ профессоровъ вмѣстѣ съ ректоромъ, который состоялъ предсѣдателемъ. Для удобнѣйшаго и скорѣйшаго производства дѣлъ одному члену поручались гимназіи, уѣздныя и частныя училища, другой вѣдалъ дѣлами, относящимися до приходскихъ училищъ, прочіе члены раздѣляли между собою дѣла по губерніямъ. Первымъ шагомъ къ устройству училищъ были командировки визитаторовъ изъ профессоровъ университета и другихъ лицъ, извѣстныхъ своею ученостью, для собиранія свѣдѣній о мѣстныхъ условіяхъ и потребностяхъ населенія. Въ составленныхъ „Наставленіяхъ визитаторамъ училищъ“ всесторонне и до мельчайшихъ подробностей указывается на ихъ обязанности при посѣщеніи ими училищъ. Такъ, на визитаторовъ возлагалась обязанность освѣдомляться о состояніи губернскихъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ; замѣчать повсюду степень образованности жителей, всматриваться въ мѣстный образъ жизни и родъ промышленности, чтобы соотвѣтственно этому приноравливать и самое ученіе въ школахъ; вникать въ способы, какъ скорѣе и удобнѣе завести сельскія школы, по крайней мѣрѣ, по нѣскольку въ уѣздѣ, которыя служили бы примѣромъ и поощреніемъ къ заведенію другихъ, словомъ, вникать во всѣ стороны условій жизни, имѣющія связь со школой.

Согласно взглядамъ Главнаго Правленія Училищъ, для преуспѣянія высшаго образованія и для преслѣдованія сказанныхъ цѣлей, учреждаются въ имперіи нѣсколько новыхъ университетовъ. Такъ, въ 1802 году подтверждено учрежденіе Дерптскаго университета, который, какъ и всѣ прочіе университеты подчиняется управленію Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1805 году открыты для приготовленія юношества къ поступленію въ различныя званія государственной службы университеты въ Казани и Харьковѣ. Помимо той пользы, которую оказали эти университеты наукѣ и государству, какъ разсадники просвѣщенія и мѣсто воспитанія многихъ русскихъ дѣятелей, учрежденіе ихъ имѣло и важное мѣстное значеніе. Такъ, Казанскій университетъ, вводя цивилизованную жизнь по всѣмъ слоямъ туземнаго общества, существенно повліялъ на облагороженіе нравовъ и обычаевъ мѣстнаго населенія. Харьковскій университетъ особенно оказалъ свое культурное вліяніе на малороссійское дворянство, распространяя въ немъ современное образованіе, для чего въ эпоху прежняго кіево-польскаго вліянія было гораздо меньше средствъ; благодаря

университету, и самый городъ сдѣлался однимъ изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ. Наконецъ, въ 1819 году осуществилась та мысль, которую имѣлъ еще и Петръ Великій, а послѣ него и Ломоносовъ—учрежденіе С.-Петербургскаго университета. Сравнительно позднее возникновеніе этого университета объясняется тѣмъ, что Петербургъ, имѣвшій уже значительное число высшихъ учебныхъ заведеній, удовлетворявшихъ какъ правительственнымъ, такъ и частнымъ потребностямъ, менѣе другихъ городовъ нуждался въ такомъ учрежденіи.

Съ 1835 года университеты были освобождены отъ завѣдыванія гимназіями и другими учебными заведеніями, „столь несовмѣстнаго съ умноженіемъ дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній", и удержали своею исключительною цѣлью собственную научную жизнь.

Изъ высшихъ учебныхъ заведеній, вновь учрежденныхъ въ царствованіе Императора Александра I, открыты еще слѣдующія. На средства, пожертвованныя въ 1805 году П. Г. Демидовымъ, учреждается въ Ярославлѣ училище высшихъ наукъ, которое должно занимать „первую степень непосредственно послѣ центральныхъ университетовъ, въ имперіи существующихъ". Профессора училища пользовались правами профессоровъ университета, училищемъ управлялъ проректоръ и совѣтъ изъ всѣхъ профессоровъ; студенты, получившіе свидѣтельство о совершенномъ окончаніи наукъ, принимались на службу, или отправлялись для усовершенствованія въ познаніяхъ въ россійскіе или иностранные университеты. Училище это, названное именемъ жертвователя, Демидовскій лицей, было преобразовано въ 1868 г. въ юридическій лицей.

На одинаковыхъ правахъ съ Ярославскимъ Демидовскимъ училищемъ высшихъ наукъ, учреждена въ Нѣжинѣ гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко, въ память канцлера князя Безбородко, даровавшаго на учрежденіе оной капиталъ и мѣсто для постройки зданія. Гимназія эта называлась затѣмъ лицеемъ князя Безбородко, который былъ преобразованъ въ 1875 г. въ историко-филологическій институтъ князя Бозбородко.

Въ 1810 году учреждается въ Царскомъ Селѣ Императорскій лицей, находящійся нынѣ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ Императорскаго Александровскаго лицея. Учрежденіе это имѣетъ цѣлью образованіе юношества, особенно предназначаемаго къ важнымъ частямъ службы государственной. Въ учрежденіи лицея, основаннаго при ми-

нистрѣ графѣ Разумовскомъ, при участіи Сперанскаго, оказывалъ особое вниманіе Императоръ Александръ I, принявшій это заведеніе подъ свое Высочайшее покровительство. Въ своихъ правахъ и преимуществахъ лицей равняется съ россійскими университетами. Воспитанники, по окончаніи наукъ, поступали въ гражданскую службу съ правами отъ XIV до IX класса, а въ военную — съ правами воспитанниковъ пажескаго корпуса. Лицей управлялся директоромъ, подъ предсѣдательствомъ котораго изъ профессоровъ лицея составляется конференція для обсужденія воспитательныхъ и учебныхъ дѣлъ. Воспитанники принимались отъ 10 до 12 лѣтъ и обязаны были представить свидѣтельство о дворянствѣ. Для общаго образованія назначалось шесть лѣтъ, по одному году въ каждомъ классѣ. Въ 1813 году при лицеѣ учрежденъ благородный лицейскій пансіонъ.

Вмѣсто существовавшихъ въ Одессѣ воспитательнаго института и гимназіи, уѣзднаго и приходскаго училищъ, учрежденъ въ 1817 году въ Одессѣ Ришельевскій лицей, названный по имени Дюка-де-Ришелье, который, управляя тамошнимъ краемъ, принималъ особенное участіе въ его благосостояніи и опредѣлилъ отъ себя на лицей извѣстную сумму изъ своихъ доходовъ. Въ лицеѣ преподавались: законъ Божій, на который обращено преимущественное вниманіе, русскій языкъ, исторія географія, философія, науки математическія и физическія, древніе языки—греческій и латинскій, а изъ новыхъ—французскій, нѣмецкій и итальянскій, а также военныя науки и пріятныя искусства. Воспитаніе въ лицеѣ продолжалось десять лѣтъ, въ каждомъ изъ дополнительныхъ училищъ по два года. Приготовительное образованіе получалось въ младшихъ лицейскихъ классахъ, преобразованныхъ изъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, въ которыхъ обученіе продолжалось четыре года. Въ устроенныхъ при старшемъ классѣ дополнительныхъ училищахъ, преподавались: въ одномъ—правовѣдѣніе и политическая экономія, въ другомъ — коммерческія науки; кромѣ этихъ двухъ отдѣленій, „для образованія знающихъ и способныхъ учителей, кои въ самомъ лицеѣ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ могутъ сообщать другимъ то, что сами въ семъ заведеніи пріобрѣли“, учреждается еще при лицеѣ педагогическій институтъ. Всѣ учащіеся въ лицеѣ пользовались правами студентовъ и, по окончаніи курса, могли пріобрѣтать дополнительныя свѣдѣнія въ желаемомъ отдѣленіи.

Петербургскій педагогическій институтъ, составлявшій доселѣ

временное отдѣленіе предположеннаго здѣсь университета, утверждается въ 1816 году въ особомъ и непремѣнномъ существованіи своемъ, подъ названіемъ Главнаго педагогическаго института. Существенная его цѣль состояла въ образованіи учителей, магистровъ, адъюнктовъ, профессоровъ для всѣхъ училищъ въ имперіи, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія и независящихъ отъ онаго, наставниковъ для частныхъ учебныхъ заведеній или пансіоновъ и для домашняго воспитанія. На казенное содержаніе принимались воспитанники съ условіемъ, чтобы, по окончаніи въ немъ курса, поступивъ въ учительскую или другую соотвѣтственную познаніямъ должность по Министерству Народнаго Просвѣщенія, прослужить не менѣе шести лѣтъ. Этому же обязываются и тѣ изъ воспитанниковъ, кои поступятъ въ учебныя заведенія другого вѣдомства. При поступленіи воспитанники не должны быть моложе 17 лѣтъ. Пріемъ воспитанниковъ производился очень осторожно, при чемъ тщательно наблюдалось, чтобы въ институтъ не былъ принятъ неспособный, не имѣющій требуемыхъ предварительныхъ знаній и неодобреннаго поведенія. Собственные курсы раздѣлялись на три: курсъ предварительный, продолжавшійся два года, курсъ высшихъ наукъ, или окончательный, продолжавшійся три года, шестой же годъ посвящался особенно курсу педагогики. Главный педагогическій институтъ и члены онаго пріемлются подъ особенное Его Императорскаго Величества покровительство и состоятъ подъ вѣдѣніемъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Институтъ имѣлъ право выдавать ученыя степени или достоинства: студента, кандидата, лектора, магистра, доктора, адъюнкта, экстраординарнаго и ординарнаго профессора, по наукамъ, въ немъ преподаваемымъ, и на оныя давать дипломы (см. стр. 309).

Гимназіи. Гимназіи, какъ вновь учрежденныя, такъ и преобразованныя изъ главныхъ народныхъ училищъ по уставу 1804 г., имѣли двоякую цѣль: „приготовленіе къ университетскимъ наукамъ юношества, которое по склонности къ онымъ или по званію своему, требующему дальнѣйшихъ познаній, пожелаетъ усовершенствовать себя въ университетахъ, и преподаваніе наукъ, хотя начальныхъ, но полныхъ въ разсужденіи предметовъ ученія, тѣмъ, кои, не имѣя намѣренія продолжать оныя въ университетахъ, пожелаютъ пріобрѣсти свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка“. Кромѣ того, „въ гимназіяхъ сверхъ обыкновеннаго преподаванія наукъ, приготовляются къ учительской должности желающіе

быть учителями въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ училищахъ". Каждою гимназіей завѣдывалъ директоръ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ училищъ своей губерніи; учителя гимназіи дѣлились на старшихъ и младшихъ. Курсъ гимназіи состоялъ изъ четырехъ классовъ, для прохожденія которыхъ требовалось 4 года. Предметы преподаванія состояли изъ слѣдующихъ: математика, физика, исторія, географія и статистика, философія, изящныя и политическія науки, естественная исторія и начальныя основанія наукъ, относящихся къ торговлѣ и технологіи; латинскій, французскій и нѣмецкій языки и рисованіе. Такъ какъ курсъ главныхъ народныхъ училищъ былъ ниже курса гимназій, то при преобразованіи 3 и 4 классы главныхъ народныхъ училищъ составляли первый и второй классы гимназій.

Въ теченіе 1804 года совѣтъ Московскаго университета обращалъ главное вниманіе свое на образованіе и открытіе гимназій въ своемъ учебномъ округѣ, что въ томъ же году и привелъ въ полное дѣйствіе, открывъ чрезъ посланныхъ своихъ депутатовъ, профессоровъ и адъюнктовъ, гимназіи въ нѣсколькихъ губерніяхъ: Тверскую, Смоленскую, Владимирскую, Костромскую, Тульскую, Калужскую, Вологодскую, Рязанскую. Снабженіе сихъ гимназій учителями, учебными пособіями, распредѣленіе предметовъ ученія занимало Училищный Комитетъ университета. Открытіе губернскихъ гимназій представляло въ 1804 г. рядъ торжествъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ непрерывно. 2 января открыта была Московская губернская гимназія въ томъ самомъ домѣ, гдѣ помѣщалось прежде главное народное училище. Директоромъ былъ назначенъ Дружининъ, преподававшій и натуральную исторію. Кромѣ катехизатора, назначеннаго духовною властью, прочіе учителя избранные университетомъ, были: для латинскаго языка и словесности, для математики и физики, для историческихъ наукъ и началъ философіи, для французскаго языка и нѣмецкаго. Университетъ, по открытіи гимназіи, объявилъ черезъ „Вѣдомости", что въ ней готово ученіе въ языкахъ и наукахъ для отроковъ всѣхъ состояній. По случаю открытія почетный членъ университета князь Урусовъ подарилъ гимназіи превосходную библіотеку и систематическое собраніе минераловъ. Московскую губернскую гимназію 26 января 1817 года опредѣлено было перенести изъ ветхаго ея дома у Варварскихъ воротъ въ домъ у Пречистенскихъ воротъ, пріобрѣтенный покупкою у бригадира Лопухина на городскую сумму и Всемилостивѣйше

пожалованный гимназіи. Эта гимназія извѣстна нынѣ подъ именемъ 1-й Московской гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало открытіе и другихъ губернскихъ гимназій.

Академическая гимназія, состоявшая при Академіи Наукъ, на ея иждивеніи, была упразднена въ 1805 году, а воспитанники переведены въ С.-Петербургскую гимназію, такъ какъ Академіею было положено, чтобы и впредь на ея иждивеніи содержать 20 воспитанниковъ, изъ которыхъ она могла бы выбирать на пользу Академіи приготовленныхъ въ наукахъ молодыхъ людей и помѣщать въ нее преимущественно дѣтей академиковъ, адъюнктовъ, а потомъ и дѣтей другихъ чиновниковъ. Но эта цѣль вскорѣ была утерена изъ виду, почему съ 1810 года обучавшіеся на академическую сумму, по окончаніи выпускного экзамена, оказавшіе способность къ усовершенствованію себя въ наукахъ, должны были поступать въ Петербургскій педагогическій институтъ. По окончаніи въ немъ курса, они обязаны или поступить въ Академію Наукъ, если того будутъ удостоены, или прослужить шесть лѣтъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Главное народное училище въ С.-Петербургѣ, первоначально соединенное съ учительскою семинаріей, а потомъ съ 1786 г. существовавшее отдѣльно, было преобразовано въ гимназію въ 1805 г. Затѣмъ преобразованіе главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи стало производиться постепенно по губерніямъ.

Такимъ образомъ въ царствованіе Императора Александра I было вновь открыто въ губернскихъ городахъ и преобразовано изъ главныхъ народныхъ училищъ—45 гимназій, учителя для которыхъ приготовлялись въ университетахъ, а также въ учительской гимназіи, служившей продолженіемъ учительской семинаріи и преобразованной, въ свою очередь, въ 1804 году въ педагогическій институтъ.

Уѣздныя училища. Уѣздныя училища по уставу 1804 года, имѣли цѣлью: „1) пріуготовить юношество для гимназій, если родители пожелаютъ дать дѣтямъ своимъ лучшее воспитаніе; 2) открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности“. Въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ полагалось, по крайней мѣрѣ, по одному уѣздному училищу. Такъ какъ курсъ уѣздныхъ училищъ былъ гораздо обширнѣе сравнительно съ курсомъ малыхъ народныхъ училищъ, то при преобразованіи малыхъ училищъ въ уѣздные,

второй классъ первыхъ преобразовывался въ первый классъ уѣзднаго училища; точно такъ же и второй классъ главныхъ народныхъ училищъ преобразовывался въ первый классъ уѣздныхъ училищъ. Курсъ уѣздныхъ училищъ былъ двухгодичный, по одному въ каждомъ классѣ, и заключалъ слѣдующіе предметы: законъ Божій, чтеніе книги „О должностяхъ человѣка и гражданина“, русская грамматика, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ употреблялся мѣстный языкъ, и грамматика мѣстнаго языка, чистописаніе, правописаніе, правила слога, географія, исторія, ариѳметика, начальныя правила геометріи, физики, естественной исторіи и технологіи, рисованіе. На всѣ эти предметы назначались два преподавателя; такъ какъ уѣздное училище служило ступенью для поступленія въ гимназію, то для готовившихся въ гимназію, кромѣ курса уѣзднаго училища, требовалось еще чтеніе и письмо на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Вообще курсъ уѣздныхъ училищъ отличался многопредметностью, почему впослѣдствіи (1819 г.) были исключены изъ него естественныя науки и технологія. Уѣздныя улилища состояли въ завѣдываніи смотрителя, избиравшагося изъ учителей и подчинявшагося директору гимназіи своей губерніи. Для усиленія въ обществѣ сочувствія и довѣрія къ училищамъ Высочайшимъ повелѣніемъ 26 августа 1811 года учреждены почетные смотрители уѣздныхъ училищъ, избираемые изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, наиболѣе расположенныхъ къ наукамъ и имѣющихъ личныя достоинства „къ сему званію потребныя“. Не получая никакого содержанія, почетный смотритель пользовался правами государственной службы: „Мы удостовѣрены“, говорится въ указѣ, „что новое сіе поприще, открываемое для службы дворянства, возбудитъ въ немъ рвеніе отличиться на ономъ содѣйствіемъ своимъ образованію народному“. Лишь въ 1819 году было дозволено опредѣлять въ почетные смотрители чиновниковъ и не изъ дворянъ. Въ учителя уѣздныхъ училищъ поступали преимущественно воспитанники духовныхъ семинарій, а также и кончившіе курсъ въ гимназіи, которые, изъявивъ согласіе посвятить себя этой дѣятельности, получали въ старшихъ классахъ стипендію отъ 75 до 200 рублей. Кромѣ того, существовала учительская гимназія, приготовлявшая молодыхъ людей къ учительской дѣятельности, которая была учреждена въ С.-Петербургѣ еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II и возобновлена въ 1803 году.

Приходскія училища. Хотя главныя усилія университетовъ

и Главнаго Правленія Училищъ были сосредоточены на устройствѣ гимназій и уѣздныхъ училищъ, но и низшія народныя училища не были оставлены безъ вниманія. Одновременно съ преобразованіемъ народныхъ училищъ въ гимназіи и уѣздныя училища, согласно уставу 1804 года, возникаютъ и приходскія училища, частью черезъ преобразованіе перваго класса малыхъ и главныхъ народныхъ училищъ, частью же самостоятельно. Цѣль приходскихъ училищъ состояла въ слѣдующемъ: „1) чтобы приготовить юношество для уѣздныхъ училищъ; 2) чтобы доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія, имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истреблять въ нихъ суевѣріе и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію". Всякій церковный приходъ или два прихода вмѣстѣ, судя по числу прихожанъ или отдаленію ихъ жительствъ, должны имѣть, по крайней мѣрѣ, одно приходское училище. Приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей; въ помѣщичьихъ селеніяхъ они предоставляются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ. За порядкомъ ученія наблюдаетъ смотритель уѣзднаго училища того уѣзда, которому уѣздное училище принадлежитъ. Кромѣ чтенія, письма, главныхъ началъ закона Божія и нравоученія и первыхъ дѣйствій ариѳметики, въ приходскихъ училищахъ впослѣдствіи читали книгу: „Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья". Курсъ ученія продолжался одинъ годъ; для обученія всѣмъ предметамъ назначался одинъ преподаватель. Такъ какъ курсъ приходскихъ училищъ былъ почти равенъ курсу перваго класса главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, то этотъ классъ и преобразовывался обыкновенно въ приходское училище. Хотя мѣра объ учрежденіи училищъ въ селахъ, впервые явившаяся въ уставѣ 1804 года, встрѣчена была современниками съ величайшимъ сочувствіемъ и съ самыми радостными ожиданіями, но планы эти осуществились въ весьма слабой степени, и число возникавшихъ сельскихъ училищъ было весьма незначительно. Главною причиною этого были недостатокъ средствъ и отсутствіе всякихъ побужденій въ самомъ обществѣ къ устройству такихъ школъ. Тогда какъ гимназіи и уѣздныя

училища по новому уставу получали потребную на свое содержанiе сумму изъ казны, съ дополненiемъ для уѣздныхъ училищъ изъ суммъ отъ городскихъ обществъ, приходскiя училища далеко не были обезпечены въ матерiальномъ отношенiи; именно, подобно тому, какъ прежде малыя народныя училища должны были существовать на счетъ городскихъ обществъ, такъ и приходскiя училища остались въ городахъ—на содержанiи городскихъ обществъ, въ казенныхъ селенiяхъ — на содержанiи поселянъ, а въ помѣщичьихъ—на иждивенiи помѣщиковъ.

Въ этомъ-то устройствѣ хозяйственной части приходскихъ училищъ и лежитъ, главнымъ образомъ, причина, по которой эти первоначальныя учебныя заведенiя развивались такъ медленно. Хотя уставомъ 1804 года опредѣлено было заводить ихъ во всѣхъ селенiяхъ, такъ чтобы каждый приходъ или, по крайней мѣрѣ, два вмѣстѣ имѣли по одному приходскому училищу, но помѣщики и поселяне, на которыхъ падало содержанiе вновь учреждаемыхъ училищъ, не чувствуя особенной потребности въ образованiи народа, вовсе не заботились объ открытiи приходскихъ училищъ. Одно только духовенство откликнулось на новую мѣру и энергично взялось за дѣло: многiя сельскiя училища этого времени содержались вполнѣ на счетъ мѣстнаго духовенства, пользуясь отъ него освѣщенiемъ, отопленiемъ, помѣщенiемъ и его трудами; такъ, напримѣръ, въ 1806 году въ одной Новгородской губернiи было открыто 110 сельскихъ училищъ, въ которыхъ мѣстные священники приняли безвозмездно учительскiя должности и уступали подъ училище собственные свои дома. Но лишенныя поддержки, и эти училища, пользовавшiяся полнымъ сочувствiемъ населенiя, по недостатку средствъ стали закрываться одно за другимъ.

Школы взаимнаго обученiя. Къ одному виду съ приходскими училищами принадлежали и учреждавшiяся въ это же время какъ правительствомъ, такъ и частными лицами, школы взаимнаго обученiя, или ланкастерскiя. Ланкастерскiй методъ, примѣнявшiйся преимущественно въ низшихъ училищахъ при обученiи чтенiю, письму и ариѳметикѣ, и дававшiй возможность содержать многолюдную школу при одномъ учителѣ, состоялъ въ слѣдующемъ. Учитель избиралъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ учениковъ. Эти помощники, или, какъ ихъ называли, „старшiе“, усвоивъ себѣ урокъ непосредственно отъ учителя, обязаны были передать его и научить порученную имъ группу учениковъ—

ихъ товарищей. Когда старшіе ученики отвѣтятъ заданный урокъ учителю, то они спрашиваютъ этотъ же урокъ учениковъ своей группы. Съ этою цѣлью ученики класса разбивались на кучки, или группы, каждая вокругъ своего старшаго; учитель же въ это время подходилъ то къ одной, то къ другой группѣ, наблюдая за правильнымъ веденіемъ старшими порученнаго имъ дѣла. Этотъ способъ сталъ распространяться съ 1819 года, когда возвратились въ С.-Петербургъ отправленные правительствомъ студенты педагогическаго института съ цѣлью ознакомленія съ ланкастерскою методою въ Англіи, Швейцаріи и Германіи.

Тогда же было утверждено общество для заведенія училищъ по методѣ взаимнаго обученія, имѣвшее цѣлью учреждать училища для обученія дѣтей обоего пола, отдѣльно, чтенію, письму и ариѳметикѣ и, сверхъ того, изготовлять и издавать таблицы, книги и всѣ другія пособія. Въ 1822 году учреждено С.-Петербургское училище взаимнаго обученія для бѣдныхъ русскихъ мальчиковъ, гдѣ, кромѣ чтенія, письма и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики обучали и легкимъ ремесламъ — дѣланію корзинъ, соломенныхъ шляпъ и пр. Методъ этотъ получилъ особенное распространеніе съ тѣхъ поръ, какъ вышло циркулярное предложеніе министра, чтобы въ училищахъ допускался только этотъ способъ взаимнаго обученія, и эти училища стали учреждаться, кромѣ столицъ, и въ провинціальныхъ городахъ. Въ 1819 году по Высочайшему повелѣнію Министерство издало таблицы уроковъ по этому методу и другія пособія, ассигновавъ на это дѣло до 8000 рублей изъ суммъ Государственнаго казначейства. Въ томъ же году учрежденъ при Главномъ Правленіи Училищъ особый Комитетъ (упраздненный въ 1831 году), который долженъ былъ заботиться о всѣхъ потребностяхъ для заведенія училищъ взаимнаго обученія, заготовлять учебныя пособія, составлять для такихъ училищъ правила и заботиться обо всемъ, до нихъ относящемся.

Педагогическія учрежденія. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра I, когда повсемѣстно стали открываться новыя училища на новыхъ началахъ, было обращено вниманіе и на приготовленіе учителей. На Академію Наукъ была возложена забота о приготовленіи преподавателей для высшихъ учебныхъ заведеній; съ этою цѣлью ей было предписано содержать, подъ именемъ академическихъ воспитанниковъ, извѣстное число молодыхъ людей изъ русскихъ уроженцевъ, выбранныхъ съ надлежащею ос-

мотрительностью изъ университетскихъ студентовъ и учениковъ гимназій (главныхъ народныхъ училищъ); послѣ трехлѣтняго курса, трое отличнѣйшихъ изъ воспитанниковъ посылались за границу для усовершенствованія въ наукахъ и по возвращеніи помѣщались на вакансію адъюнктовъ.

Въ указѣ объ устройствѣ училищъ (24 января 1803 года) находится слѣдующее положеніе о приготовленіи учителей для среднихъ училищъ: „Всякій университетъ долженъ имѣть учительскій, или педагогическій, институтъ. Положенное число кандидатовъ преимущественно наполняется казенными воспитанниками. Они не могутъ безъ важныхъ причинъ оставить учительскаго званія, не прослуживши въ немъ, по крайней мѣрѣ, шесть лѣтъ“. Вслѣдствіе этого указа, съ цѣлью приготовленія учителей, были открыты при университетахъ—Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ—особыя отдѣленія, подъ именемъ педагогическихъ институтовъ. Такъ какъ въ Петербургѣ еще не было университета, то въ немъ съ этою же цѣлью открывается въ 1803 году соотвѣтствующее заведеніе, подъ именемъ учительской гимназіи, которая, по окончательномъ устройствѣ, въ 1804 году была переименована въ педагогическій институтъ. Институтъ этотъ явился какъ бы взамѣнъ закрывшейся въ 1801 году учительской семинаріи.

Въ новооткрытый С.-Петербургскій педагогическій институтъ принимались ученики отличные по дарованіямъ и съ достаточными въ словесныхъ наукахъ и иностранныхъ языкахъ свѣдѣніями и приготовлялись въ учителя для губернскихъ гимназій. Институтъ находился въ непосредственномъ вѣдѣніи попечителя округа и управлялся особымъ директоромъ и помощникомъ — смотрителемъ. Дѣла по учебной части рѣшались въ конференціи изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ директора. Предметы, преподававшіеся въ институтѣ, были слѣдующіе: чистая и прикладная математика, логика, метафизика, нравоучительная философія, географія, естественная исторія, всеобщая и русская исторія, химія, опытная физика, политическая экономія и коммерческія науки, сельское домоводство, эстетика, языки и словесности латинская, нѣмецкая и французская, рисованіе и черченіе. Въ 1806 году къ нимъ были прибавлены права естественное и публичное, а въ 1811 году—законъ Божій, права уголовное и римское и греческая словесность. Ученіе въ институтѣ продолжалось три года, но нерѣдко затягивалось по малоуспѣшности учащихся и до шести лѣтъ. Луч-

шіе изъ окончившихъ курсъ отправлялись на казенный счетъ за границу для приготовленія къ профессорской дѣятельности.

Основанный въ С.-Петербургѣ въ 1804 году педагогическій институтъ, на который обращали особенное вниманіе министры графъ П. В. Завадовскій и графъ А. К. Разумовскій, наиболѣе всего соотвѣтствовалъ педагогическимъ цѣлямъ своего времени: имѣя своими руководителями извѣстнѣйшихъ педагоговъ и ученыхъ и обезпеченный въ средствахъ, онъ приготовилъ многихъ дѣятелей, имена которыхъ останутся памятными въ ученомъ и педагогическомъ мірѣ. Питомцы института съ честью выполняли требованія воспитывавшаго ихъ заведенія, въ которомъ, какъ сказано въ § 90 устава, студенты „приготовляются быть наставниками юношества въ своемъ отечествѣ, которое даровало имъ воспитаніе и доставило всѣ выгоды общежитія. Они должны исполнить надежды правительства, избравшаго ихъ орудіемъ, къ приведенію въ дѣйство великаго предпріятія—распространить во всѣхъ состояніяхъ просвѣщеніе. Мысль о семъ должна быть единственною мыслью при всѣхъ ихъ занятіяхъ и руководствовать ихъ во всѣхъ поступкахъ; чтобы образовать юношество совершеннѣе, надобно имѣть самому все составляющее истинно образованнаго по уму и сердцу наставника. Не надобно отдѣлять понятій о познаніяхъ отъ понятій о благонравіи въ истинномъ просвѣщеніи. Почему студенты въ трехгодичное пребываніе свое въ педагогическомъ институтѣ должны приложить всѣ старанія, чтобы приготовить нравственность свою въ примѣръ другихъ, а познаніе въ наставленіе“.

Уставомъ же учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университетамъ (5-го ноября 1804 года), постановлено, чтобы въ гимназіяхъ, сверхъ обыкновеннаго преподаванія наукъ, приготовлялись къ учительской должности желающіе быть учителями въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ училищахъ. Такимъ образомъ, въ это время приготовленіе молодыхъ людей для учительской должности лежало на обязанности: 1) Академіи Наукъ, для высшихъ учебныхъ заведеній; 2) педагогическихъ институтовъ при университетахъ: Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и 3) педагогическаго института въ С.-Петербургѣ—для среднихъ учебныхъ заведеній; 4) гимназій и духовныхъ семинарій—для уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ училищъ.

Въ 1816 году 23 декабря, при министрѣ князѣ Голицынѣ, С.-Петербургскій педагогическій институтъ, составлявшій дотолѣ вре-

менное отдѣленіе предположеннаго къ открытію въ столицѣ университета, получилъ болѣе широкія права и утвержденъ въ особомъ существованіи своемъ подъ именемъ Главнаго педагогическаго института, въ отличіе отъ институтовъ, существовавшихъ при университетахъ. Главною цѣлью его было образованіе учителей, магистровъ, адъюнктовъ, профессоровъ для всѣхъ училищъ въ имперіи, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія и не зависящихъ отъ онаго, приготовленіе наставниковъ для частныхъ учебныхъ заведеній и для домашняго воспитанія. Институту были дарованы права давать ученыя степени студента, кандидата, магистра, доктора и проч. При немъ былъ особый комитетъ для испытаній постороннихъ чиновниковъ. Педагогическіе институты, находившіеся при университетахъ, были поставлены съ нимъ въ сношеніе и должны были доставлять ему списки лицъ, готовившихся къ учительской дѣятельности, на основаніи которыхъ онъ дѣлалъ свои соображенія. Со времени преобразованія С.-Петербургскаго педагогическаго института въ Главный педагогическій институтъ курсъ преподаванія былъ шестилѣтній. Въ первые два года проходили предварительный курсъ наукъ: логики и метафизики, чистой и высшей математики, всеобщей и математической географіи, физики, всеобщей исторіи, древней географіи, миѳологіи и древностей, риторики, грамматики и словесности языка русскаго, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, а также искусствъ: гражданской архитектуры, рисованія, черченія, музыки и фехтованія. Въ слѣдующемъ курсѣ высшихъ наукъ (3 года) были факультеты: наукъ философскихъ и юридическихъ, физическихъ и словесныхъ. Послѣдній годъ ученія посвящался собственно педагогіи.

Въ виду того, что гимназіи не доставляли достаточнаго числа учителей для уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ низшихъ училищъ, отчего въ нихъ нерѣдко страдало дѣло обученія, въ 1817 году, въ управленіе министра князя Н. А. Голицына, при Главномъ педагогическомъ институтѣ былъ учрежденъ второй разрядъ для образованія учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Необходимость подобнаго учрежденія вызывалась упадкомъ низшаго образованія, что видно изъ словъ министра во всеподданнѣйшемъ докладѣ: „Нижнія народныя училища, яко первоначальные разсадники просвѣщенія, должны необходимо предохранены быть отъ конечнаго разстройства. Для сего, при содѣйствіи всѣхъ имѣющихся нынѣ способовъ непремѣнно должно изыскать еще новый“. Такимъ по-

вымъ способомъ, и является второй разрядъ Главнаго педагогическаго института, при чемъ оставлены и всѣ тѣ прежнія мѣры, которыя преслѣдовали ту же цѣль—приготовленіе учителей для низшихъ училищъ. Въ томъ же 1817 году при институтѣ былъ открытъ „для образованія благороднаго юношества“ благородный пансіонъ, подобный тому, какой находился при Московскомъ университетѣ; для него былъ установленъ четырехлѣтній курсъ. Пансіонъ существовалъ до 1830 года, когда былъ преобразованъ въ 1-ую Петербургскую гимназію.

Такимъ образомъ, Главный педагогическій институтъ, основанный въ 1816 году, является высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ преподаются всѣ отрасли высшихъ наукъ, кромѣ медицинскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ носитъ характеръ и спеціально-педагогическаго заведенія, приготовляющаго наставниковъ и учителей во всѣ роды учебныхъ заведеній—высшія, среднія и низшія; въ этомъ отношеніи онъ получаетъ важное значеніе центральнаго учрежденія, отъ котораго въ учебномъ отношеніи должны были быть въ зависимости всѣ педагогическія учрежденія въ имперіи.

При увеличеніи въ столицѣ и округѣ числа желавшихъ довершить полный высшій курсъ наукъ, безъ обязанностей педагогической службы, Министерство нашло нужнымъ учредить въ С.-Петербургѣ университетъ. Такъ какъ курсы Главнаго педагогическаго института соотвѣтствовали университетскому ученію, то въ 1819 году 8-го февраля институтъ и былъ преобразованъ въ С.-Петербургскій университетъ, удержавшій и почти весь уставъ Главнаго педагогическаго института и его цѣль—образовать учащихъ для всѣхъ учебныхъ заведеній въ имперіи. Второй разрядъ института сохранилъ при этомъ преобразованіи свое отдѣльное существованіе подъ именемъ учительскаго института и остался въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго университета. Въ проектѣ предварительныхъ правилъ учительскому институту указано, что „цѣль института есть снабженіе всѣхъ существующихъ и впредь учредиться имѣющихъ приходскихъ училищъ въ Россіи учителями благочестивыми, достаточно свѣдущими и совершенно знающими способъ взаимнаго обученія. Онъ учреждается на 400 воспитанниковъ изъ разнаго званія, сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей. Воспитанники принимались отъ 15 до 17 лѣтъ. Но чрезъ три года (1822 г.) учительскій институтъ былъ упраздненъ, и дѣло образованія наставниковъ для низшихъ училищъ было возложено въ

1823 году на С.-Петербургскую гимназію (нынѣшняя 3-ья С.-Петербургская гимназія), которая, кромѣ своихъ общеобразовательныхъ цѣлей, какъ приготовительное заведеніе для университета, получила и педагогическій характеръ.

Спеціальныя училища. Въ описываемую же эпоху возникаютъ многія профессіональныя училища, существующія и въ наше время въ преобразованномъ видѣ, соотвѣтственно требованіямъ времени. Эти спеціальныя учебныя заведенія учреждаются на иждивеніе разныхъ вѣдомствъ—духовнаго, военнаго и проч., или же на пожертвованія и средства лицъ, сочувствовавшихъ цѣлямъ правительства въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. Недостатки духовныхъ школъ замѣчались многими авторитетными лицами, и еще въ XVIII вѣкѣ московскій митр. Платонъ и с.-петербургскій митр. Гавріилъ представляли проекты духовныхъ учебныхъ заведеній. Въ 1807 году съ цѣлью улучшенія учебной стороны въ духовныхъ школахъ былъ учрежденъ комитетъ, въ составъ котораго вошли, между прочими членами, Сперанскій и князь А. Голицынъ. Разсмотрѣвъ ранѣе составленные проекты, комитетъ представилъ въ 1808 году „докладъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ“, составленный, главнымъ образомъ, Сперанскимъ. Всѣ духовно-учебныя заведенія предполагалось раздѣлить на четыре разряда: 1) духовныя академіи, для высшаго духовнаго образованія будущихъ священнослужителей, а также учителей духовно-учебныхъ заведеній, 2) духовныя семинаріи, съ среднимъ курсомъ, для приготовленія священниковъ, а также воспитанниковъ для академій, 3) училища уѣздныя, для приготовленія въ семинаріи и вообще для низшаго образованія, 4) училища приходскія, для распространенія однообразнаго обученія въ самыхъ селахъ (приходскія училища въ позднѣйшее время были большею частію соединены съ уѣздными). Всѣ эти категоріи училищъ были соединены въ одну общую организацію по началу подчиненія низшихъ высшимъ и съ новымъ составомъ наукъ на половину богословскихъ, на половину общеобразовательныхъ. Всѣ епархіи Россіи раздѣлены были на четыре духовно-учебныхъ округа, каждый подъ вѣдѣніемъ своей духовной академіи, которая чрезъ „внѣшнее академическое правленіе“ управляла семинаріями не только въ учебномъ, но и въ административномъ отношеніи. Семинарское правленіе, въ свою очередь, завѣдывало духовными училищами епархіи. Въ каждой епархіи полагалось по одной семинаріи и по нѣскольку духовныхъ училищъ,

уѣздныхъ и приходскихъ; на содержаніе ихъ назначено 1,669,450 р. изъ средствъ Св. Синода. По утвержденіи въ 1809 году этого проекта, учреждена была для его осуществленія комиссія духовныхъ училищъ. Наибольшее вниманіе обращено было на академію Петербургскую, для которой собраны были лучшія ученыя силы: на каѳедру философіи выписанъ былъ Сперанскимъ изъ Германіи Фесслеръ, впослѣдствіи ее занималъ извѣстный Фишеръ; въ числѣ профессоровъ богословія были: Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій, Иннокентій, впослѣдствіи архіепископъ херсонскій, Г. П. Павскій, І. С. Кочетовъ и другіе. Въ семинаріяхъ въ теченіе шести лѣтъ, раздѣленныхъ на три двухгодичныхъ класса, кромѣ средняго курса наукъ богословскихъ, преподавались науки общеобразовательныя, въ размѣрѣ, соотвѣтствовавшемъ курсу гимназій (старшихъ четырехъ классовъ), съ присоединеніемъ логики, психологіи, естественной исторіи, сельскаго хозяйства и медицины.

Кромѣ того, что нѣкоторые предметы, имѣющіе практическое значеніе, уже были допущены въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, открываются особыя спеціальныя училища по этимъ предметамъ, какъ то: рисовальныя школы, школы торговаго мореплаванія, лѣсная школа, коммерческое училище и другія. Слѣдуя высокому примѣру своего Императора и Августѣйшихъ Членовъ Царской Семьи, возбуждается общественная и частная благотворительность, слѣдствіемъ чего начинается возникновеніе многихъ заведеній для воспитанія и образованія бѣдныхъ дѣтей и сиротъ, пріюты, ланкастерскія школы, училища для глухонѣмыхъ и другія благотворительныя заведенія. Многія сотни тысячъ бѣдныхъ сиротъ и дѣтей, которыя по своей несчастной судьбѣ могли бы навсегда остаться въ невѣжествѣ, благодаря этимъ учрежденіямъ, вызваннымъ христіанскою любовью къ ближнему, получаютъ образованіе и дѣлаются полезными тружениками.

Императоръ Александръ I, съ восшествіемъ на престолъ, обратилъ вниманіе на проектъ князя Зубова объ учрежденіи въ губернскихъ городахъ военныхъ училищъ, которыя, доставляя дворянству способъ воспитанія своихъ дѣтей, снабжали бы корпуса молодыми людьми, способными къ дальнѣйшему образованію. Съ этою цѣлью было сдѣлано чрезъ губернаторовъ обращеніе къ дворянству участвовать въ ихъ устроеніи. Первое такое училище было основано въ Тулѣ (Александровское), потомъ въ Тамбовѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ селѣ Аракчеевѣ и въ другихъ мѣстахъ. Когда

при Александрѣ I потребовалось увеличеніе офицеровъ въ арміи, тогда было объявлено, чтобы дворяне не моложе 16 лѣтъ, желающіе поступить въ военную службу, являлись во 2-й корпусъ, гдѣ и должны были оставаться на короткое время для пріобрѣтенія необходимыхъ знаній, и затѣмъ они выпускались прапорщиками и корнетами. Изъ этихъ дворянъ образовалось при 2-омъ корпусѣ особое заведеніе—волонтерный корпусъ, потомъ переименованный въ дворянскій полкъ. Хотя въ концѣ описываемаго царствованія и было уже 8 второклассныхъ военно-учебныхъ заведеній, но они возникали въ разныя эпохи, съ различными цѣлями и не имѣли ни опредѣленныхъ программъ, ни руководствъ, не было надлежащаго контроля за ученіемъ. Эти военно-учебныя заведенія по устройству своей воспитательно-учебной части значительно отставали отъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства и, какъ разсадники будущихъ руководителей арміи и хранителей ея духа, требовали реформы, которая и была произведена въ царствованіе Императора Николая I.

Частныя учебныя заведенія. Согласно уставу 1804 года, подверглись преобразованіямъ въ правительственномъ отношеніи и училища при иновѣрческихъ церквахъ (нѣмецкія училища св. Петра, св. Анны и св. Екатерины), и опредѣлена ихъ зависимость отъ попечителя округа. Частные пансіоны были подчинены надзору директоровъ училищъ, и позволеніе на открытіе пансіона давалось университетомъ или попечителемъ округа.

Чтобы пресѣчь вредъ, проистекавшій отъ частныхъ пансіоновъ, открываемыхъ иностранцами, не имѣвшими никакихъ педагогическихъ качествъ и часто даже не знавшими русскаго языка, отъ министра графа Разумовскаго послѣдовало въ 1811 году распоряженіе о дозволеніи открытія новыхъ пансіоновъ лишь тѣмъ лицамъ, которыя извѣстны своею доброю нравственностью, знаютъ русскій языкъ, обяжутся вести преподаваніе на русскомъ языкѣ и вносить въ Министерство 5% съ платы, получаемой за содержаніе пансіонеровъ; образуемая чрезъ это сумма обращалась на учрежденіе новыхъ училищъ. Для предотвращенія же вреднаго вліянія домашнихъ учителей изъ иностранцевъ, которые, „не бывъ нигдѣ на испытаніи въ знаніяхъ своихъ и не имѣя никакого узаконеннаго свидѣтельства о своихъ способностяхъ, берутъ на себя воспитаніе дѣтей“, постановлено: допускать въ домашніе учителя лишь тѣхъ изъ иностранцевъ, которые имѣютъ „о способностяхъ

и знаніяхъ своихъ письменныя свидѣтельства отъ россійскихъ учительскихъ начальствъ".

Послѣдующія главнѣйшія перемѣны въ училищахъ, организованныхъ по уставу 1804 года. Соотвѣтственно открывавшимся нуждамъ, издавались указы и распоряженія правительства, имѣвшіе цѣлью улучшить ту или другую сторону училищнаго дѣла, организованнаго по уставу 1804 года, и вообще содѣйствовать распространенію образованія. Такъ, для привлеченія учащихся въ училища и для замѣщенія мѣстъ на государственной службѣ образованными людьми, изданъ въ 1809 году указъ, составленный при участіи Сперанскаго, которымъ обусловливалось чинопроизводство образованіемъ. Въ силу этого указа, чинъ коллежскаго асессора давался по службѣ лишь тому, кто, кромѣ отличныхъ одобреній своего начальства, предъявитъ свидѣтельство отъ университета въ томъ, что „онъ обучался въ ономъ съ успѣхомъ наукамъ, гражданской службѣ свойственнымъ, или что представъ на испытаніе, заслужилъ на ономъ одобреніе въ своемъ знаніи". Вслѣдствіе этого указа, принуждавшаго учиться, стали наполняться учащимися какъ университеты, такъ и другія училища, а на государственную службу стали поступать образованные люди.

Въ управленіе Министерствомъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (1810—1816 г.), по предложенію бывшаго въ то время попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа графа Сергѣя Семеновича Уварова, въ виду важнаго образовательнаго значенія древнихъ языковъ, измѣняется отчасти планъ гимназическаго ученія сначала (1811) въ Петербургской, а затѣмъ и въ другихъ русскихъ гимназіяхъ, и значительное число уроковъ опредѣляется на греческій и латинскій языки. Одновременно съ этимъ усиливаются въ гимназіяхъ и занятія отечественнымъ языкомъ, исторіей и географіей. Взамѣнъ того изъ гимназическаго курса исключались: технологія, коммерческія науки, всеобщая грамматика, эстетика, психологія, нравоученія и нѣкоторые другіе предметы. Преподаваніе закона Божія въ гимназіяхъ возложено было на лицъ духовныхъ.

Когда Государю было доложено (1811 г.) о томъ, что воспитанниковъ военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній не подвергаютъ испытанію по закону Божію, Государь приказалъ: „чтобы отнынѣ навсегда постановлено было кореннымъ и неизмѣннымъ правиломъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ военнаго и граждан-

скаго вѣдомствъ какъ обучать юношество закону Божію, такъ и при ежегодныхъ публичныхъ испытаніяхъ всегда начинать экзаменъ съ сего предмета, заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія, при чемъ приглашать на испытаніе духовенство". Съ этого времени законъ Божій получаетъ въ училищахъ подобающее ему главное первенствующее значеніе.

Съ цѣлью устранить вредное вліяніе на юношество членовъ іезуитскаго ордена, послѣдніе были въ 1815 году высланы изъ Петербурга съ запрещеніемъ имъ въѣзда въ обѣ столицы. Но и эта мѣра не повліяла на іезуитовъ, и они продолжали дѣйствовать противозаконно и обманными ухищреніями привлекать въ свое вѣроисповѣданіе даже греко-россійское юношество. Свои преступныя дѣйствія они распространяли по разнымъ мѣстамъ имперіи (въ Могилевѣ, въ Саратовской губерніи, въ Сибири и проч.). Вслѣдствіе сего іезуитское училище въ Петербургѣ было закрыто, равно какъ и Полоцкая іезуитская академія; бывшія у іезуитовъ училища переданы другимъ монашескимъ орденамъ, а сами іезуиты удалены изъ предѣловъ имперіи. Считая совершенно несовмѣстимымъ, чтобы россійское юношество, по удаленіи іезуитовъ изъ Россіи, отправлялось въ иностранныя іезуитскія училища, было Высочайше предложено имѣть наблюденіе, чтобы впредь родители не отправляли дѣтей своихъ въ таковыя училища, а находившихся въ нихъ должны были немедленно вернуть въ Россію.

Когда въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ (Іенскій, Гейдельбергскій, Гиссенскій и Вюрцбургскій) профессоры стали публично поучать юношество нечестивымъ правиламъ и разрушительнымъ мнѣніямъ, то, для отстраненія могущаго быть нравственнаго вреда, было распространено на всѣ вообще губерніи запрещеніе отправлять юношество въ оные университеты. Такими рѣшительными мѣрами было совершенно прекращено всякое вліяніе къ зараженію русскихъ юношей пагубными иноземными ученіями.

Такъ какъ при существовавшемъ дотолѣ безплатномъ обученіи родители относились весьма равнодушно и безпечно къ требованіямъ школы и къ обязанностямъ ихъ дѣтей относительно школы, то было признано въ министерство князя Голицына (1817—1824 г.) установить плату за ученіе сначала въ петербургскихъ училищахъ, потомъ въ московскихъ, а затѣмъ и въ остальныхъ губерніяхъ.

Въ 1815 году между правительствами русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ былъ заключенъ Священный союзъ, который имѣлъ

цѣлью охраненіе христіанской религіи, взаимнаго мира и существующаго политическаго порядка въ Европѣ. Въ это время и Главное Правленіе Училищъ стремится создать систему народнаго просвѣщенія въ Россіи на основахъ святой вѣры, справедливости, мира и любви къ ближнему. Вліяніе идей Священнаго союза въ отношеніи къ народному образованію сказалось, прежде всего, въ развитіи дѣятельности библейскихъ обществъ, учреждавшихся съ цѣлью распространять книги, въ которыхъ заключается чистѣйшій источникъ просвѣщенія, а затѣмъ въ преобразованіи учебныхъ заведеній. Дѣятельность библейскихъ обществъ особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, впервые обращено преимущественное вниманіе на устройство народныхъ школъ и распространеніе грамотности въ народѣ. Стремясь къ распространенію священныхъ книгъ въ массахъ народа, библейскія общества необходимо должны были предварительно позаботиться о его грамотности, для чего были раздаваемы азбуки и призваны лица для обученія крестьянъ, а также признано было необходимымъ учрежденіе сельскихъ библейскихъ училищъ.

Знаменательнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ объ измѣненіи взгляда на народное образованіе, служитъ послѣдовавшее въ 1817 году преобразованіе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, съ цѣлью основать общественное воспитаніе на религіозныхъ началахъ: „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія". (Такое соединеніе существовало не долго, и Министерство Народнаго Просвѣщенія снова получило свою самостоятельную отдѣльность).

Къ числу особенностей новаго Министерства принадлежитъ учрежденіе при Главномъ Правленіи Училищъ Ученаго Комитета. Ученому Комитету, согласно съ утвержденной 5-го августа 1818 г. инструкціей поручается: „разсмотрѣніе книгъ, заготовляемыхъ для учебныхъ заведеній; сужденіе о книгахъ всякаго рода, входящихъ къ министру по разнымъ случаямъ и для разныхъ предметовъ, отъ издателей и инымъ образомъ; разсмотрѣніе учебныхъ пособій для училищъ; разсмотрѣніе проектовъ, предположеній и представленій по учебной части, и другія дѣла, тому подобныя". Дѣла къ разсмотрѣнію Ученаго Комитета назначаются или министромъ самимъ или по положенію Главнаго Правленія Училищъ. Ученому Комитету особенно поручается изданіе періодическаго сочиненія

отъ лица Главнаго Правленія Училищъ, подъ названіемъ: „Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія“. На обязанности Комитета лежитъ какъ доселѣ употребляемыя, такъ и нововводимыя книги и пособія для наукъ, разсматривать, повѣрять и соображать по буквальному содержанію и духу. Все противное или чуждое существенной цѣли отклонять отъ системы преподаванія и замѣнять отвергаемыя пособія болѣе соотвѣтствующими предначертанному плану.

По порученію Главнаго Правленія Училищъ составлено было Ученымъ Комитетомъ новое расписаніе учебныхъ предметовъ для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Предметы, показанные въ прежнемъ уставѣ для приходскихъ училищъ, всѣ признаны нужными, но вмѣсто употреблявшейся въ приходскихъ училищахъ книги: „Дѣтскій Другъ“, предположено издать —„Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья“. Изъ числа предметовъ, преподававшихся въ уѣздныхъ училищахъ, исключены: начальныя правила естественной исторіи и начальныя правила технологіи; оставлены первыя начала физики. Преподаваніе предложено вести такимъ образомъ, чтобы краткую всеобщую географію излагать съ начальными основаніями математической географіи и описаніемъ россійскаго государства; на урокахъ всеобщей и русской исторіи употреблять хронологическія таблицы; правила слога объяснять по книгѣ, приспособленной къ практическимъ упражненіямъ, наиболѣе употребительнымъ въ общежитіи. Въ гимназіяхъ Комитетъ полагалъ установить чтеніе Евангелія отъ Матѳея съ дополненіями изъ другихъ евангелистовъ, а также — изъ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Кромѣ того, опредѣлено преподавать дополнительный курсъ географіи съ статистическими объясненіями, логику, риторику, курсъ чистой математики, статику и начала механики; исключить изъ учебныхъ предметовъ, положенныхъ по уставу въ гимназіяхъ, курсъ статистики всеобщей и русской, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, и начальныя основанія политической экономіи, технологіи и наукъ, относящихся до торговли. Расписаніе, составленное Комитетомъ, разослано было по всѣмъ округамъ для введенія въ училища.

Вводя новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ среднія и низшія училища, Главное Правленіе Училищъ обращало особенное вниманіе на духъ, господствовавшій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и дѣлало распоряженія, касающіяся внутренней жизни уни-

верситетовъ. Примѣненіе системы, выработанной Ученымъ Комитетомъ и Главнымъ Правленіемъ Училищъ сказалось въ преобразованіи Харьковскаго университета, особенно же — Казанскаго и вновь открытаго Петербургскаго.

Назначенный послѣ князя Голицына министръ А. С. Шишковъ (1824—1828 г.) въ свое управленіе энергично противодѣйствовалъ господствовавшимъ въ то время иностраннымъ идеямъ и заботился объ усиленіи занятій въ учебныхъ заведеніяхъ отечественнымъ языкомъ и литературою. При немъ обращалось особенное вниманіе на цензуру преимущественно учебныхъ книгъ, чтобы въ нихъ „ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось“.

Женское образованіе. Учрежденный въ царствованіе Императрицы Екатерины II Смольный монастырь послужилъ образцомъ для послѣдующихъ женскихъ институтовъ, постепенно возникавшихъ въ видѣ строго закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Открытіе учреждаемыхъ въ эту эпоху женскихъ институтовъ обязано, главнымъ образомъ, своимъ возникновеніемъ Государынѣ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ. Въ своихъ взглядахъ на воспитаніе дѣвицъ, Императрица обращала особенное вниманіе на образованіе сердца и характера дѣвицъ, заботилась, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы воспитывающія ихъ заведенія приготовляли будущихъ просвѣщенныхъ женъ, матерей и хорошихъ хозяекъ. Чтобы институтское воспитаніе не отчуждало отъ семьи, Императрица старалась, по возможности, установить семейныя отношенія между воспитанницами и ихъ начальницами; такія отношенія много содѣйствовали смягченію сердца и деликатности манеръ, качествамъ вполнѣ соотвѣтствовавшимъ тогдашнимъ воззрѣніямъ на благовоспитанную дѣвицу, отъ которой требовалось добронравіе, скромность, свѣтскость. Считая семейныя начала выше всего въ воспитаніи, Императрица съ такимъ же правильнымъ взглядомъ на обученіе относилась и къ учебнымъ предметамъ, при чемъ, избѣгая того, что излишне при обученіи дѣвицъ, устанавливала и вводила тѣ предметы, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ ихъ развитію и даютъ полезныя знанія.

По принятіи подъ личное покровительство Императрицы въ 1797 году Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, въ собственноручно составленномъ ею планѣ отмѣняется преподаваніе архитектуры и геральдики, вводится логика, увеличивается число уроковъ по закону Божію и обращается особенное вниманіе на

изученіе новыхъ языковъ. Для улучшенія и усиленія педагогическаго персонала были приглашены извѣстные ученые и педагоги (Арсеньевъ, Плетневъ, Ободовскій и др.). Классныя дамы, бывшія при Императрицѣ Екатеринѣ II, исключительно француженки, замѣнены нѣмками. Вникая во всѣ, даже мельчайшія подробности женскихъ учебныхъ заведеній, Императрица не щадила своихъ собственныхъ средствъ на ихъ устройство и нерѣдко жертвовала на нихъ крупныя суммы. Такъ, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императора Павла Петровича о принятіи Императрицею „начальствовать надъ Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ", она на другой же день увѣдомила, что жертвуетъ по 15,000 рублей ежегодно на сіе общество; точно такъ же и Великія Княжны, съ своей стороны, дѣлали пожертвованія на женскія учебныя заведенія. Съ такимъ взглядомъ на воспитаніе, при своемъ любвеобильномъ сердцѣ, Императрица открываетъ цѣлый рядъ благотворительныхъ и учебновоспитательныхъ заведеній. Такъ, въ 1797 году Императрица учреждаетъ на собственныя средства сиротское училище на 40 бѣднѣйшихъ сиротъ, переименованное въ 1800 году въ Маріинскій институтъ, въ 1798 году—училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія на 60 воспитанницъ, наименованное затѣмъ училищемъ св. Екатерины, а въ 1803 году — въ Москвѣ такой же институтъ на средства, дарованныя Императоромъ Александромъ I и на ежегодныя пожертвованія Императрицы и другихъ членовъ Царской Семьи. Въ 1805 году при Московскомъ училищѣ ордена св. Екатерины открывается мѣщанское отдѣленіе, которое въ томъ же году переименовано въ Александровское. Существовавшее въ Москвѣ съ 1785 года училище для акушерокъ преобразовано въ 1801 году въ институтъ повивальнаго искусства. Въ 1802 году, съ цѣлью упрочить воспитаніе дѣтей, приписанныхъ въ Воспитательный Домъ и розданныхъ по деревнямъ, открывается въ Гатчинѣ Сельскій Воспитательный Домъ на 700 и болѣе младенцевъ обоего пола, отъ двухъ до десяти лѣтъ. Кромѣ поименованныхъ, Императрицею устроенъ цѣлый рядъ благотворительныхъ заведеній съ точно опредѣленнымъ курсомъ ученія и особымъ устройствомъ для всѣхъ классовъ общества, для всякаго званія, чина и положенія, занимаемаго родителями дѣвочки. Слѣдуя высокому примѣру Императрицы, русское дворянство также начинаетъ открывать женскія учебныя заведенія, институты, въ провинціальныхъ центрахъ, поступившіе въ вѣдѣніе

IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Это Отдѣленіе, какъ центральное учрежденіе для благотворительныхъ заведеній, открыто также по мысли Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ 1812 году былъ учрежденъ Харьковскій институтъ, принятый въ 1818 г. Императрицею подъ Высочайшее покровительство; въ 1817 г. былъ учрежденъ институтъ въ Полтавѣ, и открыты дома трудолюбія въ Симбирскѣ и Москвѣ для призрѣнія и воспитанія бѣднѣйшихъ дѣвицъ. Незадолго до кончины Императрицы приняты подъ Ея Высочайшее покровительство институтъ Казанскій, открытый на средства казанской помѣщицы Родіоновой, завѣщавшей для сего свое имѣніе, оцѣненное въ 283000 рублей, и Одесскій, существовавшій сначала въ видѣ частнаго дѣвичьяго пансіона.

Такимъ образомъ, въ теченіе описываемаго царствованія число женскихъ учебныхъ заведеній, благодаря высокому сочувствію къ нимъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Государя Императора, а также другихъ Высочайшихъ Членовъ Царской Семьи, равно какъ и сочувствію общества, значительно увеличилось не только въ столицахъ, но и въ провинціальныхъ городахъ; въ возникшихъ женскихъ училищахъ дѣвицы всѣхъ состояній и всякаго возраста получаютъ требуемое для нихъ образованіе, чтобы выполнить тѣ высокія цѣли женщины, на которыя имъ указывалось въ воспитавшихъ ихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Ученыя общества. Многія ученыя общества, имѣющія цѣлью разработку знаній по разнымъ отраслямъ наукъ, существующія и въ наше время, получили свое начало въ царствованіе Императора Александра I. Такъ, между прочими открыты слѣдующія ученыя Общества: Рижское Вольное Общество словесности и практики, Вольное Общество любителей наукъ, словесности и художествъ (1803 г.), Общество исторіи и древностей россійскихъ (1804 г.), Императорское Общество испытателей природы въ Москвѣ (1804 г.), Харьковское Общество наукъ (1812 г.), Казанское Общество математиковъ (1811 г.), Общество любителей отечественной словесности (1814 г.), С.-Петербургское минералогическое общество, Вольное Общество россійской словесности (1818 г), Ученое фармацевтическое общество въ С.-Петербургѣ и проч.

Пожертвованія. Не говоря про тѣ щедрыя затраты правительства, принесенныя имъ на пользу многочисленныхъ новоучрежденныхъ и преобразованныхъ имъ учебныхъ заведеній, многія и изъ частныхъ лицъ, а также и цѣлыя общества, движимыя лю-

бовью къ своему отечеству, приносятъ для этой же цѣли значительныя пожертвованія и увѣковѣчиваютъ свои имена въ исторіи русскихъ училищъ. Царствованіе Императора Александра I весьма обильно такими выраженіями высокаго патріотизма, давшими возможность во всей полнотѣ осуществить мудрыя предначертанія своего Государя. Изъ наиболѣе выдающихся таковыхъ пожертвованій укажемъ на слѣдующія: въ 1805 году Высочайше повелѣно устроить въ Нѣжинѣ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко, въ пользу которой, сверхъ назначенныхъ по завѣщанію княземъ Безбородко 210000 рублей, уступлено его братомъ графомъ Безбородко мѣсто съ садомъ въ городѣ Нѣжинѣ навсегда, и утверждено на вѣчныя времена отчисленіе по 15,000 рублей ежегодно изъ доходовъ съ его имѣній. Въ 1816 году графиня Анна Ивановна Безбородко жертвуетъ 50,000 рублей на учрежденіе пансіона при гимназіи князя Безбородко для дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ и особливо для офицерскихъ сиротъ. Въ 1803 году статскій совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, „будучи поощряемъ несравненными щедротами Государя, милостиво призывающаго дворянство споспѣшествовать истинно преполезнымъ его намѣреніямъ, къ распространенію просвѣщенія клонящимся“, пожертвовалъ 100,000 рублей въ пользу Московскаго университета и другіе 100,000 рублей для предполагаемыхъ къ открытію Кіевскаго и Тобольскаго университетовъ. Что касается суммы, назначенной для Московскаго университета, то жертвователь желаетъ, чтобы капиталъ сей остался вѣчно, и чтобы тому же университету была передана, послѣ его смерти, библіотека, кабинетъ натуральной исторіи, минцъ-кабинетъ и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, что все стоило по тогдашнимъ цѣнамъ до 200,050 рублей. Имъ же пожертвовано на учрежденіе Ярославскаго училища высшихъ наукъ недвижимое его имѣніе и капиталъ въ 100,000 рублей.

Въ 1803 году дворянство Слободско-Украинское (Харьковской губерніи) жертвуетъ на Харьковскій университетъ 400,000 рублей. Въ 1804 году тайный совѣтникъ Судіенко пожертвовалъ 40,000 рублей на училища въ Малороссіи. Въ 1804 году армяне Агабабовы вносятъ 50,000 рублей на устройство въ Астрахани училища для дѣтей изъ армянъ. Дворянство и духовенство Волынской губерніи жертвуютъ въ пользу Волынской гимназіи 194,400 рублей сер., учрежденной въ г. Кременцѣ; надворный совѣтникъ Кусовниковъ пожертвовалъ въ пользу С.-Петербургскихъ училищъ

500,000 рублей. Коллежскій асессоръ Штиглицъ пожертвовалъ 100,000 рублей на общеполезное заведеніе въ Новороссійскомъ краѣ. Въ 1823 году дворянство Подольской губерніи пожертвовало 650,000 рублей, обращенныхъ на пользу Подольской гимназіи. Въ 1817 году въ селѣ Любучахъ (Рязанской губерніи) заведено Ларинское училище и при немъ банкъ на средства, пожертвованныя московскимъ 1-ой гильдіи купцомъ Ларинымъ. Въ 1877 году купецъ Ларинъ пожертвовалъ для этой же цѣли 24,000 рублей сер. и 26,000 рублей ассиг., но по послѣдовавшей затѣмъ кончинѣ Ларина это его намѣреніе относительно пожертвованія оставалось не выполненнымъ. Когда пожертвованныя деньги съ наросшими на нихъ процентами, которыхъ по 1816 годъ считалось уже болѣе 700,000 рублей, были предоставлены въ распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія на человѣколюбивыя и благотворительныя заведенія, съ наименованіемъ сего капитала именемъ завѣщателя, то Министерство Народнаго Просвѣщенія устроило въ селѣ Любучахъ училище и банкъ.

Здѣсь мы ограничились только перечисленіемъ нѣкоторыхъ изъ крупнѣйшихъ пожертвованій частныхъ лицъ и обществъ, умолчавъ о многихъ другихъ приношеніяхъ, которыя не мало содѣйствовали дѣлу учрежденія училищъ. Точно такъ же не приведены здѣсь и тѣ щедрыя пожертвованія самого Государя и Особъ Царствующаго Дома, которыя въ обиліи приносились ими на пользу образованія своего отечества. Если взять въ соображеніе громадныя суммы, употребленныя съ этою цѣлью самимъ правительствомъ, то сдѣлается понятнымъ, что такое множество возникшихъ въ царствованіе Императора Александра I учебныхъ заведеній могло матеріально существовать только благодаря общему разумному сочувствію русскаго народа къ просвѣщеннымъ взглядамъ своего Государя.

Общій взглядъ на народныя училища описываемой эпохи. Опредѣленная организація высшей учебной администраціи, выразившаяся учрежденіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебныхъ округовъ, и установленіе трехъ видовъ народныхъ училищъ—гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ—уже рѣзко отличаютъ начало этой эпохи отъ предшествующей. Съ учрежденіемъ Министерства, которому спеціально подчиняются училища имперіи и другія учрежденія для распространенія наукъ, дѣло управленія училищами и учено-учебными учрежденіями, получаетъ

болѣе единства и большую сосредоточенность. Какъ результатъ дѣятельности Министерства и учрежденнаго при немъ Главнаго Правленія Училищъ, является уставъ 1804 года, на основаніи котораго всѣ учебныя заведенія дѣлятся на четыре разряда. Главныя заботы правительства сосредоточиваются на высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—университетахъ, и на среднихъ—гимназіяхъ; изъ низшихъ—уѣздныя училища, хотя и учреждаются въ нѣкоторыхъ городахъ, но по недостатку и неприготовленности учителей и по многопредметности и краткости назначеннаго на прохожденіе ихъ курса времени, не могли вездѣ приносить существенной пользы городскому населенію; приходскія же училища, вслѣдствіе недостатка средствъ и непробудившагося еще сочувствія къ распространенію образованія среди низшаго класса, осуществляются весьма слабо. Краткость учебнаго курса, многопредметность и вслѣдствіе этого поверхностность обученія, незаконченность получаемаго въ народныхъ училищахъ образованія, вызвали необходимость замѣнить уставъ 1804 года новымъ, отстранявшимъ эти недостатки народныхъ училищъ. Тѣмъ болѣе требовалась реформа возникшихъ по уставу 1804 г. училищъ, что самый уставъ, составленный подъ вліяніемъ идей, по которымъ были устроены учебныя заведенія Франціи, не во всемъ соотвѣтствовалъ требованіямъ русской школы и народности. Многочисленныя училища, учрежденныя въ описываемую эпоху, сохранившія свой основной типъ и до нашего времени, несмотря на нѣкоторые недостатки, вполнѣ удовлетворяли учебнымъ и воспитательнымъ средствамъ и цѣлямъ того времени. Недостатки училищъ постоянно исправлялись правительственными мѣропріятіями и замѣнялись другими болѣе цѣлесоотвѣтствующими средствами. Уставъ 1804 года, внося въ нашу училищную систему общеевропейскій строй, подчинилъ училища строгому контролю училищнаго начальства, сообщилъ учащимся въ гимназіяхъ образованіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее требованіямъ высшаго и средняго слоя, а учащимся въ уѣздныхъ училищахъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ они существовали,—образованіе, вполнѣ достаточное для городского населенія. Приходскія же училища, какъ выше сказано, шли очень туго и обязаны, главнымъ образомъ, веденію своего дѣла лицамъ духовнаго сословія. Гимназіи, имѣвшія своими учителями лицъ, получившихъ высшее образованіе и отчасти уже знакомыхъ съ педагогическими требованіями, не чувствовали недостатка въ учителяхъ, которые для того времени вполнѣ соотвѣтствовали своему

назначенію—имѣли солидныя научныя познанія и успѣшно преслѣдовали воспитательную сторону заведеній. Учителя уѣздныхъ училищъ, поступавшіе изъ гимназій, духовныхъ семинарій и изъ отдѣленія педагогическаго института, имѣли также необходимыя для своихъ учениковъ познанія; но у тѣхъ изъ нихъ, которые, будучи незнакомы съ педагогическими и воспитательными требованіями, ограничивались въ большинствѣ случаевъ только механическою стороною учебнаго дѣла, ученики не получали требуемаго развитія; къ тому же, мало заботясь о воспитаніи, такіе учителя не обращали серіознаго вниманія на эту сторону, которая часто поддерживалась однѣми лишь строгими мѣрами. Учителя приходскихъ училищъ, не имѣвшіе часто никакого образовательнаго ценза и нерѣдко даже безъ достаточнаго и элементарнаго образованія и безъ всякой педагогической подготовки, также не оказывали желаемыхъ успѣховъ. Лишь въ тѣхъ приходскихъ училищахъ, гдѣ учителями состояли лица изъ духовнаго званія, ученики твердо освоивались съ церковно-славянскимъ чтеніемъ, съ знаніемъ молитвъ и съ церковною службою.

Учебная литература того времени, за исключеніемъ книгъ по закону Божію, состояла преимущественно изъ переводныхъ учебниковъ и руководствъ. По закону Божію употреблялся изданный Комиссіею объ учрежденіи училищъ сокращенный катехизисъ митрополита Платона; также должно было читать книгу „О должностяхъ человѣка и гражданина“. Болѣе правильную постановку этотъ предметъ получаетъ съ распространеніемъ „Начатковъ христіанскаго ученія или Краткаго катехизиса“ митрополита Филарета, замѣнившаго собою катехизисъ митрополита Платона, при чемъ и книга „О должностяхъ человѣка“ была изъята изъ употребленія. Дѣятельность митрополита Филарета на пользу начальнаго обученія извѣстна уже съ 1819 года, когда появились составленныя имъ по Высочайшему повелѣнію „Таблицы чтенія изъ Священнаго Писанія“ по методѣ взаимнаго обученія. Составленный же имъ „Христіанскій катехизисъ“, изъ сокращенія котораго изданъ „Краткій катехизисъ“, появился въ 1823 году. Хотя новѣйшіе способы обученія грамотѣ сдѣлались въ это время извѣстными на Западѣ, но до насъ они еще не дошли, и обученіе чтенію продолжалось еще по прежнему буквослагательному способу, по азбукамъ гражданской и церковной печати, и обученіе письму шло послѣ обученія чтенію. Азбуки издавались въ достаточномъ количествѣ, но

ихъ усвоеніе требовало долгаго времени и представляло значительныя трудности, самое достигаемое чрезъ нихъ чтеніе было большею частью механическимъ и безъ яснаго пониманія прочитаннаго. Начальное обученіе ариѳметикѣ шло еще слабѣе, и въ нѣкоторыхъ низшихъ училищахъ ученики вовсе не имѣли никакого понятія объ этомъ предметѣ; хотя у насъ уже имѣлись въ переводѣ сочиненія Песталоцци, но его пріемы не попали въ начальныя школы этой эпохи. Если мѣстами и обучали ариѳметикѣ, то все ограничивалось только механическимъ заучиваніемъ чиселъ и таблицы умноженія. Разумѣется, это не касается гимназій и уѣздныхъ училищъ, для которыхъ уже существовали руководства, хотя тоже переводныя, но самые наставники, уже научно знакомые съ предметомъ учебнаго курса, старались достичь своимъ преподаваніемъ болѣе развивающихъ результатовъ.

Домашнее воспитаніе, находившееся преимущественно въ рукахъ иностранцевъ, многократно обращало на себя вниманіе Министерства, и для огражденія причиняемаго такимъ воспитаніемъ вреда, по уставу 1804 года, домашніе наставники должны были имѣть узаконенное свидѣтельство для своей дѣятельности, а затѣмъ издававшіеся указы еще болѣе стремились къ огражденію русскихъ дѣтей отъ иностранцевъ, часто не имѣвшихъ никакой педагогической подготовки и нерѣдко вредно вліявшихъ на воспитанниковъ.

Благодаря заботамъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, женское образованіе получило свои прочныя основы, особенно для дѣвицъ достаточныхъ родителей высшаго сословія; дѣти же средняго и низшаго сословій, за исключеніемъ немногихъ приходскихъ училищъ, не имѣли еще тѣхъ заведеній, въ которыхъ могли бы получить требуемое образованіе, и обученіе дѣвицъ средняго сословія ограничивалось, по преимуществу, умѣніемъ читать, писать и домашними хозяйственными занятіями, а дѣвицы низшихъ сословій въ большинствѣ случаевъ оставались безграмотными.

ГЛАВА X.

Училища въ царствованіе Императора Николая І-го.

Комитетъ устройства учебныхъ заведеній.—Организація училищъ по уставу 1828 года.—Положеніе объ учебныхъ округахъ.—Императорская Академія Наукъ.—Императорская Публичная библіотека.—Румянцевскій музей.—Университеты и другія высшія учебныя заведенія.—Педагогическія заведенія.—Профессорскій институтъ.—Главный педагогическій институтъ.—Гимназіи, уѣздныя и приходскія училища по уставу 1828 г.—Дальнѣйшее существованіе народныхъ училищъ по уставу 1828 г.: гимназіи, уѣздныя и приходскія училища.—Начальныя училища другихъ вѣдомствъ.—Спеціальныя учебныя заведенія.—Частные пансіоны и школы.—Женское образованіе.—Начальное женское образованіе.—Главнѣйшіе дѣятели по Министерству Народнаго Просвѣщенія и педагогическіе труды лицъ, причастныхъ дѣлу народнаго образованія.—Учебники и руководства для элементарнаго обученія.—Обученіе грамотѣ.—Начальное обученіе ариѳметикѣ.—Дѣтская литература.—Общій взглядъ на народныя училища описываемой эпохи.

Комитетъ устройства учебныхъ заведеній. Такъ какъ многочисленныя учебныя заведенія, для своего преуспѣянія, требовали, соотвѣтственно времени и успѣхамъ педагогики, дополненія и измѣненія своихъ законоположеній, то, вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Николая І-го, по Высочайшему повелѣнію были обнародованы многія постановленія и распоряженія правительства, касавшіяся или вообще учебной части, или обнимавшія собою только заведенія извѣстнаго типа. Такъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ (1826 года) на имя министра народнаго просвѣщенія выражены слѣдующія Всемилостивѣйшія слова: „Обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ Россійское юношество образуется на службу Государству, Я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и необходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе. Предметъ сей столь быстрое вліяніе можетъ имѣть на благо Государственное, что нужно безъ всякаго отлагательства поспѣшить исправленіемъ сего недостатка въ нашей учебной системѣ“... Вслѣдствіе сего, для единообразнаго устройства учебныхъ заведеній во всей имперіи, начиная съ приходскихъ училищъ и восходя къ университетамъ, по повелѣнію Его Императорскаго

Величества учреждается подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія особый комитетъ, которому предписано въ обязанность: 1) сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ до самыхъ университетовъ; 2) разсмотрѣть и сличить курсы ученій, въ нихъ преподаваемые, приведя для сего предварительно на видъ, по какимъ книгамъ или сочиненіямъ оные преподаются; 3) за симъ уровнять совершенно по всѣмъ мѣстамъ имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній; 4) опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оные должны впредь быть преподаваемы; 5) при семъ случаѣ, рѣшая, которые изъ существующихъ хороши, вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго, дабы уже за совершеніемъ сего воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ. Въ томъ же Высочайшемъ рескриптѣ повелѣно, чтобы, „по мѣрѣ успѣховъ, занятій и трудовъ сего Комитета, приготовленные новые уставы для различныхъ степеней учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, представлять Мнѣ на утвержденіе, равно какъ и избранные для нихъ учебные способы подносить къ Моему усмотрѣнію“... Комитетъ сей Высочайше повелѣно именовать „Комитетомъ устройства учебныхъ заведеній“.

Организація училищъ по уставу 1828 года. Уставъ 1804 г., на основаніи котораго были организованы училища въ царствованіе Императора Александра І-го, оказалъ существенную пользу дѣлу русскаго образованія: управленіе общеобразовательными учебными заведеніями было сосредоточено въ одномъ учрежденіи; всѣ виды училищъ были подчинены опредѣленнымъ законоположеніямъ; образовательный цензъ получилъ значеніе на службѣ, вслѣдствіе чего заведенія стали наполняться учащимися; курсъ учебныхъ заведеній былъ болѣе приспособленъ къ потребностямъ общества; учительскія мѣста стали замѣщаться природными русскими, получившими педагогическую подготовку; содержаніе училищъ было обезпечено правительствомъ, а также привлекаются къ пожертвованіямъ на пользу училищъ частныя лица; матеріальное положеніе учителей значительно улучшилось и проч. Какъ слѣдствіе осуществленія этого устава, возникаютъ многочисленныя общеобразовательныя учебныя заведенія, содѣйствующія распространенію и поднятію образованія. Но и этотъ уставъ со временемъ подвергается многимъ измѣненіямъ и дополненіямъ, къ тому же и самая идея, положенная въ основу училищной системы, оказалась непри-

мѣнимою на дѣлѣ. Такъ, однимъ изъ коренныхъ недостатковъ устава 1804 г. было то, что народныя училища не представляли изъ себя самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, а скорѣе имѣли характеръ приготовительныхъ: приходскія училища служили приготовительными заведеніями для уѣздныхъ училищъ, послѣднія—для гимназій, а гимназіи—для университетовъ. Слѣдовательно, въ училищномъ курсѣ не столько преслѣдовалась полнота, законченность и примѣнимость его къ нуждамъ учащихся, сколько постепенность, требуемая градаціею самыхъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, существеннымъ недостаткомъ училищъ, учрежденныхъ по уставу 1804 года, было то, что въ нихъ отсутствовалъ характеръ народности, и нѣкоторые учебные предметы, которые именно содѣйствуютъ развитію этого характера, не пользовались подобающимъ имъ значеніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ не было того однообразія въ обученіи и воспитаніи, которое должно вытекать, какъ естественный результатъ, изъ требованій русской жизни.

Императоръ Николай Павловичъ, въ своихъ высокихъ заботахъ о благѣ отечества, сознавалъ настоятельную потребность преобразованія учебныхъ заведеній на началахъ народности и, въ виду несоотвѣтствія устава 1804 года требованіямъ времени, назначаетъ въ 1826 г. „Комитетъ устройства учебныхъ заведеній“, цѣль котораго выражена въ вышеприведенномъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія. Въ другомъ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 1827 года Высочайше указывается на необходимость, „чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были, по возможности, соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться“

Приступивъ немедленно къ исполненію возложенныхъ обязанностей, члены Комитета нашли несоотвѣтствующимъ существовавшую постепенность въ училищахъ, какъ приготовительныхъ заведеніяхъ; преобладающее мнѣніе стояло за то, чтобы каждый видъ учебныхъ заведеній содержалъ въ себѣ извѣстный оконченный курсъ и удовлетворялъ бы требованіямъ того сословія, для котораго оно, главнымъ образомъ, назначено. Такъ, министръ народнаго просвѣ-

щенія А. С. Шишковъ, въ своемъ предложеніи членамъ Комитета, говоритъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что изъ уѣзднаго училища развѣ сотый человѣкъ поступитъ въ университетъ, а девяносто девять окончатъ ученіе свое въ семъ училищѣ и частью въ гимназіи. Слѣдовательно, при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній, отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое высшее, но потребности людей тѣхъ состояній, которыя должны получить въ нихъ окончательное образованіе". Членъ Комитета графъ Сиверсъ формулируетъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ такъ: „Общественное воспитаніе должно клониться къ тому, чтобы дѣти каждаго состоянія получали такое образованіе, которое содѣлывало бы ихъ способными быть полезными и довольными въ томъ состояніи, къ коему они при рожденіи своемъ назначены Всевышнимъ Промысломъ".

Какъ ближайшій результатъ дѣятельности Комитета устройства учебныхъ заведеній, трудившагося подъ непосредственнымъ руководствомъ и по указанію Императора Николая Павловича, явился уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ 8 декабря 1828 года. Въ новомъ уставѣ удержано дѣленіе училищъ на гимназіи, уѣздныя и приходскія училища, но въ основу дѣленія была принята не постепенность въ приготовленіи къ университетскому курсу, а пріобрѣтаемыя въ училищахъ нужнѣйшія по „состоянію" каждаго познанія. При этомъ имѣлось въ виду, чтобы тотъ или другой видъ училищъ, назначенный для тѣхъ или другихъ состояній или сословій, представлялъ нѣчто отдѣльное и самостоятельное, съ болѣе или менѣе законченнымъ учебнымъ курсомъ.

Положеніе объ учебныхъ округахъ. Какъ слѣдствіе дѣятельности Комитета, въ 1835 г. послѣдовало Высочайшее положеніе объ учебныхъ округахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣвшее цѣлью устройство, на удобнѣйшихъ и простѣйшихъ началахъ, управленія средними и низшими учебными заведеніями въ имперіи. По новому положенію отмѣняются прежнія системы управленія училищами посредствомъ университетовъ, оказавшіяся, на основаніи тридцатилѣтняго опыта невыгодными, а управленіе и надзоръ за учебными заведеніями ввѣряется попечителю округа; при попечителѣ учреждается попечительный совѣтъ подъ его предсѣдательствомъ, при соучастіи помощника попечителя и другихъ, указанныхъ въ положеніи, лицъ, причастныхъ учебному округу. Университеты же, дѣятельность которыхъ, несовмѣстная, при умноженіи

университетскихъ занятій, съ училищнымъ дѣломъ, освобождаются отъ управленія гимназіями и училищами учебныхъ округовъ и предоставляются исключительно своей научной и педагогической дѣятельности.

Высочайшія повелѣнія объ измѣненіяхъ въ распредѣленіи губерній по учебнымъ округамъ (1826 года) имѣли цѣлію соединить въ одномъ округѣ тѣ губерніи, которыя, по своему разстоянію не представятъ затрудненій училищному начальству для надзора за учебными заведеніями; такъ, напримѣръ: Новгородская губернія, принадлежавшая къ Московскому округу, была отнесена къ С.-Петербургскому, Смоленская и Калужская, принадлежавшія къ С.-Петербургскому, помѣщены въ Московскій учебный округъ, Псковская же губернія снова перешла изъ Дерптскаго въ С.-Петербургскій округъ, а Воронежская губернія перечислена изъ Московскаго въ Харьковскій учебный округъ и др. Такимъ образомъ, въ 1826 году были установлены слѣдующіе учебные округи: С.-Петербургскій, Бѣлорусскій, Московскій, Харьковскій, Казанскій, Одесскій, Дерптскій, Виленскій. Училища Грузіи и Армянской области состояли въ вѣдѣніи главноуправляющаго тамошнимъ краемъ, а училища Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской губерній были подчинены губернаторамъ.

Чтобы доставить юношеству Царства Польскаго надлежащія средства къ умственному и нравственному образованію наравнѣ съ юношествомъ прочихъ частей имперіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшить во всѣхъ отношеніяхъ ходъ пріуготовительнаго ученія для вступленія воспитанниковъ учебныхъ заведеній Царства Польскаго и въ русскіе университеты, Высочайше повелѣно въ 1839 году: „Всѣ общія и частныя учебныя заведенія, имѣющіяся въ Царствѣ Польскомъ, за исключеніемъ духовныхъ, а также повивальнаго института, школы фельдшеровъ, школы ветеринаровъ и института глухонѣмыхъ, остающихся въ вѣдомствѣ прежнихъ своихъ начальствъ, составляютъ особое управленіе, подъ названіемъ Варшавскаго учебнаго округа, и поступаютъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Академія Наукъ. Вмѣстѣ съ трудами по реформѣ учебныхъ заведеній, правительство продолжаетъ свои заботы и о высшихъ ученыхъ учрежденіяхъ, которыя, помимо своей научной дѣятельности, такъ много содѣйствуютъ дѣлу народнаго образованія, распространяя научныя свѣдѣнія въ народной массѣ.

Такъ какъ регламентъ и штатъ, Высочайше пожалованный Императорской Академіи Наукъ въ 1803 году, многократно претерпѣвалъ измѣненія, а расширеніе музеевъ Академіи, назначенныхъ для посѣщенія публики и для наставленія оной, не могло существовать на прежнемъ основаніи, то въ 1836 году Высочайше дарованъ Академіи новый штатъ и положенія; вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширены средства Академіи, и само учрежденіе было поставлено въ условія, вполнѣ соотвѣтствующія ея высшимъ научнымъ цѣлямъ, какъ первенствующаго ученаго сословія въ россійской имперіи.

Для болѣе полнаго собранія въ Академіи достопримѣчательныхъ отечественныхъ произведеній природы и искусствъ были повсемѣстно подтверждены состоявшіеся по сему предмету указы, обнародованные въ царствованія Петра Великаго и Екатерины Великой.

Императорская публичная библіотека. Императорская публичная библіотека, основаніемъ которой послужила перевезенная въ 1795 году изъ Варшавы библіотека Залусскихъ, доставшаяся Россіи, какъ одинъ изъ трофеевъ польской войны, находилась до 1810 года въ вѣдѣніи Императорскаго Кабинета. Съ 1810 года Публичная Библіотека состояла въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія до 1850 года, когда она поступила въ вѣдѣніе Министерства Императорскаго Двора, а въ 1863 году перешла опять попрежнему въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1812 году издано „Начертаніе подробныхъ правилъ для управленія Императорской Публичной Библіотекой“, на основаніи которыхъ допускались въ нее посѣтители для занятій, но въ весьма ограниченномъ числѣ. Въ 1848 году Высочайше утверждены правила для посѣтителей библіотеки, по которымъ допускались ихъ занятія въ очень широкихъ размѣрахъ, а въ 1850 году обнародовано дополнительное положеніе, поставившее библіотеку въ болѣе соотвѣтствующее ей состояніе. Вслѣдъ за этимъ значительно увеличены денежныя средства книгохранилища назначеніемъ прибавленій къ ежегодной суммѣ на пріобрѣтеніе книгъ и на усиленіе средствъ на содержаніе читальной залы и проч.

Румянцевскій музей. Когда государственный канцлеръ графъ Румянцевъ завѣщалъ вновь учреждаемому общественному заведенію, долженствующему именоваться Румянцевскимъ музеемъ, принадлежащіе ему дома, то Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ въ 1828 году „принять хранящіяся въ Музеумѣ библіо-

теки собранія рукописей, монетъ и минераловъ, а также произведенія художествъ, и чтобы эти дома и принадлежащія къ нимъ мѣста, а равно и всѣ доходы съ нихъ, были всегда употребляемы ни на что иное, какъ на содержаніе или умноженіе коллекцій Румянцевскаго Музеума".

Университеты и другія высшія учебныя заведенія. Изъ высшихъ учебныхъ заведеній, содѣйствующихъ общему высшему научному образованію, въ царствованіе Императора Николая I были открыты слѣдующія. Кромѣ существовавшихъ университетовъ, въ 1833 году состоялось Высочайшее повелѣніе объ основаніи въ Кіевѣ университета св. Владиміра, преобразованнаго изъ Волынскаго лицея, по его переводѣ изъ Кременца въ Кіевъ. Въ этомъ же году были Высочайше утверждены уставы и штатъ Демидовскаго лицея (1833 года) въ Ярославлѣ, на основаніи которыхъ это заведеніе предназначается собственно для высшихъ наукъ; курсъ продолжается три года; къ слушанію лекцій допускались молодые люди, кончившіе съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ ученія. Лицей этотъ, какъ преобразованный изъ училища высшихъ наукъ, учрежденнаго на средства Демидова, въ новомъ своемъ составѣ именуется Демидовскій лицей.

Учрежденное въ Нѣжинѣ училище высшихъ наукъ Высочайше повелѣно въ 1832 году именовать лицеемъ князя Безбородко. Лицей состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Харьковскаго учебнаго округа; для управленія лицеемъ и преподаванія въ ономъ назначаются: директоръ, законоучитель, шесть профессоровъ и два лектора. Содѣйствовавшій пользамъ лицея князя Безбородко и представляющій лицо основателя онаго, графъ Кушелевъ-Безбородко, носитъ званіе почетнаго попечителя онаго, которое впослѣдствіи сохраняетъ всегда старшій въ его родѣ. Лицей управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ всѣхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ директора; для окончанія курса преподаваемыхъ наукъ, назначается три года. Студентамъ, окончившимъ съ успѣхомъ курсъ, предоставляется при вступленіи въ гражданскую службу четырнадцатый классъ.

Въ числѣ высшихъ учебныхъ заведеній находится и открытый въ 1828 году Главный педагогическій институтъ, имѣвшій спеціальною цѣлью—приготовленіе учителей для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Педагогическія заведенія. Чтобы высшія учебныя заведенія

не имѣли недостатка въ русскихъ профессорахъ, а среднія и низшія училища—въ соотвѣтствующихъ учителяхъ, правительство учреждаетъ въ 1828 году Профессорскій институтъ для образованія русскихъ профессоровъ и въ томъ же году—Главный педагогическій институтъ для образованія учителей гимназій и низшихъ училищъ.

Профессорскій институтъ. По Высочайшему повелѣнію 1828 года нѣсколько человѣкъ изъ студентовъ русскихъ университетовъ, а также кандидатовъ и магистровъ, изъявившихъ желаніе посвятить себя службѣ по учебной части съ обязательствомъ прослужить 12 лѣтъ, посылались на 2 года въ Дерптъ, а потомъ въ Берлинъ и Парижъ. Такіе дополнительные курсы при Дерптскомъ университетѣ, именуемые Профессорскимъ институтомъ, продолжались три года. По окончаніи сего курса, прошедшіе его съ полнымъ успѣхомъ, по строгомъ испытаніи, удостоивались высшей ученой степени. Многіе изъ русскихъ студентовъ, занимавшихся въ Профессорскомъ институтѣ, по возвращеніи въ отечество, заявили себя, какъ извѣстные дѣятели на поприщѣ различныхъ наукъ; въ этомъ же институтѣ слушалъ курсъ, по окончаніи университета, нашъ геніальный хирургъ и извѣстный педагогъ Николай Ивановичъ Пироговъ.

Главный педагогическій институтъ. По преобразованіи Главнаго педагогическаго института въ университетъ (1819 года), и упраздненіи второго его разряда (1822 г.), Министерство вскорѣ почувствовало нужду въ особомъ спеціальномъ заведеніи для образованія учителей: число училищъ въ это время постоянно увеличивалось, потребность въ учителяхъ возрастала, а число готовившихся къ этой дѣятельности какъ въ университетѣ, такъ и въ С.-Петербургской гимназіи, постепенно уменьшалось, такъ какъ эти заведенія стали принимать исключительно общеобразовательный характеръ. Слѣдствіемъ этого было то, что, спустя 9 лѣтъ по закрытіи Главнаго педагогическаго института, онъ былъ возстановленъ, въ 1828 году 30 сентября, въ новомъ, весьма мало отличномъ отъ прежняго, видѣ. Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, объявлены причины открытія и цѣль онаго учрежденія: „Успѣхи Народнаго Просвѣщенія въ Государствѣ Нашемъ“, объявлено въ указѣ, „не перестаютъ быть предметомъ Нашихъ ревностнѣйшихъ попеченій; вникая тщательно въ настоящія потребности училищъ вообще и занимаясь изысканіемъ средствъ для приведенія оныхъ въ лучшее состояніе, Мы обратили особен-

ное вниманіе на чувствуемый во многихъ мѣстахъ важный недостатокъ въ надежныхъ преподавателяхъ, и дабы отвратить происходящія отъ того неудобства, умножить число достойныхъ наставниковъ юношества и желающимъ готовить себя къ сему почетному званію открыть новые пути для пріобрѣтенія нужныхъ въ ономъ свѣдѣній, Мы признали за благо, сверхъ существующихъ для того студентскихъ отдѣленій при университетахъ, учредить въ С.-Петербургѣ особое заведеніе, подъ названіемъ Главнаго педагогическаго института".

Главный педагогическій институтъ имѣлъ цѣлію приготовленіе учителей и профессоровъ въ учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія и находился подъ управленіемъ особаго директора. Онъ былъ заведеніемъ закрытымъ, воспитанники содержались на казенный счетъ, и сначала поступали въ него преимущественно питомцы духовныхъ семинарій, окончившіе классъ наукъ философскихъ и имѣющіе не менѣе 17 лѣтъ. Съ перваго времени институтъ состоялъ изъ трехъ курсовъ: предварительнаго (2 года), окончательнаго (3 года) и педагогіи (1 годъ). Воспитанники предварительнаго курса могли быть выпускаемы въ уѣздные учителя или въ надзиратели пансіоновъ при гимназіяхъ. Воспитанники института, по окончаніи курса, обязаны были прослужить въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія не менѣе 8 лѣтъ.

Въ 1832 году, чтобы доставить студентамъ практику въ преподаваніи, распредѣленіе курсовъ было измѣнено, а именно: уничтоженъ послѣдній курсъ педагогіи, а взамѣнъ его учреждено младшее отдѣленіе (приготовительный курсъ) для пріема дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ, затѣмъ слѣдовали среднее отдѣленіе (предварительный курсъ) и старшее отдѣленіе (студенческій курсъ); на каждое отдѣленіе полагалось 3 года, и весь институтскій курсъ проходился въ теченіе 9 лѣтъ. Всѣхъ учащихся полагалось 120, по 40 человѣкъ въ каждомъ отдѣленіи. Пріемъ производился лишь въ младшее отдѣленіе (приготовительный курсъ) изъ котораго воспитанники поступали въ среднее отдѣленіе (предварительный курсъ), а изъ него въ старшее отдѣленіе (студенческій курсъ). Послѣдній, имѣвшій цѣлью доставить студентамъ подробное и самое основательное познаніе тѣхъ предметовъ, къ преподаванію которыхъ они въ будущемъ предназначаются, раздѣлялся на три факультета: юридическій, физико-математическій и историко-филологическій.

По мѣрѣ же возрастанія числа низшихъ учебныхъ заведеній, приходскихъ и уѣздныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и недостатка учителей для этихъ училищъ, былъ возстановленъ (1838 г.) второй разрядъ Главнаго педагогическаго института, или четвертое его отдѣленіе. Этотъ второй разрядъ существовалъ въ видѣ особаго отдѣленія на 30 воспитанниковъ, 16—18 лѣтъ отъ роду, семинаристовъ и лицъ свободнаго состоянія для приготовленія ихъ въ учителя уѣздныхъ и приходскихъ училищъ.

Для практическихъ занятій воспитанники средняго отдѣленія (предварительнаго курса) давали уроки въ младшемъ отдѣленіи (приготовительномъ курсѣ), студенты старшаго отдѣленія (студенческаго курса) — во второмъ разрядѣ и въ среднемъ отдѣленіи (предварительномъ курсѣ); для практики же воспитанниковъ второго разряда въ преподаваніи учебныхъ предметовъ, при младшемъ отдѣленіи (приготовительномъ курсѣ) былъ устроенъ классъ изъ 20 воспитанниковъ малолѣтняго возраста, готовившихся для поступленія въ институтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при устройствѣ этого класса имѣлось въ виду, чтобы въ теченіе болѣе продолжительнаго времени ознакомиться со способностями и нравственными качествами поступающихъ въ институтъ. Этотъ классъ посѣщался тѣми дѣтьми, которыя готовились къ поступленію въ младшее отдѣленіе (приготовительный курсъ) института. Воспитанники этого класса были приходящими, жившими или у родителей, или у частныхъ лицъ; за ученіе съ нихъ также ничего не взималось. Способнѣйшіе изъ нихъ, оказавшіеся по наблюденію учащихъ пригодными для педагогической дѣятельности, допускались къ пріему въ младшее отдѣленіе (приготовительный курсъ) института.

Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ младшемъ отдѣленіи (приготовительномъ курсѣ) производилось подъ непосредственнымъ руководствомъ директора, указывавшаго на примѣненіе того или другого методическаго пріема. Воспитанники младшаго отдѣленія (приготовительнаго курса) по каждому учебному предмету дѣлились на старшихъ и младшихъ; къ первымъ принадлежали болѣе сильные въ данномъ предметѣ, а ко вторымъ — болѣе слабые. Урокъ начинался объясненіемъ преподавателя или практиканта всѣмъ воспитанникамъ слѣдующей по программѣ статьи, затѣмъ вызывались на средину залы старшіе, и преподаватель или практикантъ испытывалъ, насколько они усвоили преподанное. Затѣмъ старшіе становились каждый отдѣльно на свободномъ мѣстѣ учеб-

ной залы, и около каждаго старшаго группировались порученные ему младшіе, которые и испытывались въ пониманіи и усвоеніи ими урока, при чемъ непонятое объяснялось. При такомъ способѣ имѣлось въ виду не преподаваніе по ланкастерской системѣ, но правильное развитіе педагогическихъ способностей уже съ ранняго возраста у воспитанниковъ, предназначавшихся къ педагогической дѣятельности. Такому же пріему слѣдовали учителя и практиканты при преподаваніи и въ среднемъ отдѣленіи. Уроки латинскаго и греческаго языка производились въ младшемъ отдѣленіи ежедневно по часу на каждый древній языкъ, при чемъ во время всего урока учитель спрашивалъ и объяснялъ на латинскомъ языкѣ, равно какъ и воспитанники обязаны были давать всѣ отвѣты по-латыни.

Такова была организація Главнаго педагогическаго института во время управленія его перваго директора Ѳеодора Ивановича Миддендорфа (съ 1826 по 1846 годъ), обращавшаго главное вниманіе на практическую и педагогическую подготовку будущихъ наставниковъ. Со времени же поступленія директоромъ института заслуженнаго профессора и ординарнаго академика Ивана Ивановича Давыдова, институтъ подвергается ряду преобразованій. Директоръ Давыдовъ обратилъ особое вниманіе на самодѣятельность студентовъ при спеціальномъ изученіи наукъ, почему и усилилъ научное образованіе питомцевъ института въ ущербъ ихъ педагогической практикѣ. Въ виду этого при немъ была произведена перемѣна въ учебныхъ предметахъ, и произошло упраздненіе нѣкоторыхъ отдѣленій института. Такъ, въ предварительномъ курсѣ метафизика замѣнялась психологіей, риторика—теоріей прозы и поэзіи; исключались математическая и древняя географія и вводились языки русскій и церковно-славянскій. Въ курсѣ высшихъ наукъ въ 1854 году въ историко-филологическій факультетъ включены дипломатія и общенародное право; преподаваніе педагогики отнесено къ младшимъ студенческимъ курсамъ. Съ этою же цѣлью при директорѣ Давыдовѣ постепенно были упразднены младшее отдѣленіе, второй разрядъ, среднее отдѣленіе и юридическій факультетъ старшаго (студенческаго) курса; оставленъ былъ только одинъ старшій (студенческій) курсъ съ двумя факультетами — историко-филологическимъ и физико-математическимъ. Въ 1852 году физико-математическій факультетъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія: наукъ математическихъ и естественныхъ. Въ 1854 г. послѣдовало

подобное же раздѣленіе историко-филологическаго факультета на два отдѣленія: чисто филологическое и историческое. Въ такомъ видѣ институтъ, какъ специальное педагогическое заведеніе, довершалъ образованіе воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и духовныхъ семинаріяхъ, желавшихъ посвятить себя педагогической дѣятельности. Весь институтскій курсъ былъ преобразованъ въ четырехлѣтній (1849 г.); выпуски производились сначала черезъ два года, а потомъ ежегодно съ раздѣленіемъвсего педагогическаго приготовленія на 4 послѣдовательныхъ студенческихъ курса. Студенты, не удостоенные перевода въ третій курсъ, назначались въ уѣздные учителя, а не удостоенные перевода въ четвертый курсъ выпускались младшими учителями гимназіи. Такимъ образомъ, вслѣдствіе преобразованія института при его директорѣ Давыдовѣ, обращавшемъ главное вниманіе на научное образованіе студентовъ, институтъ утратилъ свое спеціальное направленіе и почти вполнѣ принялъ строй и характеръ университета. Въ такомъ видѣ онъ просуществовалъ до 14 февраля 1859 года, когда и былъ упраздненъ. Оставшіеся студенты были переведены въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ состояли впослѣдствіи на педагогическихъ курсахъ, замѣнившихъ собою институтъ.

Главный педагогическій институтъ въ теченіе своего 30-лѣтняго существованія, съ 1828 по 1859 годъ, выпустилъ до 700 питомцевъ, большая часть которыхъ служила въ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Щедро обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, богато снабженный библіотекою и всѣми учебными пособіями, имѣя своими профессорами и наставниками извѣстныхъ русскихъ и европейскихъ ученыхъ (протоіерей Бажановъ, профессора: Гриммъ, Купферъ, Остроградскій, Гессъ, Лоренцъ, Устряловъ, Срезневскій, Ободовскій, Грефе, Плетневъ, Буссе, Давыдовъ, Вышнеградскій, Штейманъ, Фишеръ, Фрейтагъ, Дубровскій, Савичъ, Н. А. Воскресенскій, Куторга, Брантъ и проч.), Главный педагогическій институтъ давалъ своимъ питомцамъ требуемое для ихъ будущей дѣятельности прочное высшее научное образованіе; цѣлесоотвѣтственная-же педагогической дѣятельности организація института, особенно въ управленіе перваго его директора, извѣстнаго педагога Ѳеодора Ивановича Миддендорфа, доставила Главному педагогическому институту полную возможность выполнить свою цѣль, предначертанную въ Высочай-

шемъ указѣ 1828 года—„умножить число достойныхъ наставниковъ юношества и желающимъ готовить себя къ сему почетному званію открыть новые пути для пріобрѣтенія нужныхъ въ ономъ свѣдѣній". Питомцы института, разсѣянные по всей обширной Россіи, по высшимъ, среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ, всегда сохраняли благодарную память о воспитавшемъ ихъ заведеніи. Главный педагогическій институтъ, по своемъ упраздненіи, а также и существовавшіе при университетахъ педагогическіе институты, были замѣнены впослѣдствіи педагогическими курсами, учреждаемыми съ 1860 года во всѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты.

Гимназіи, уѣздныя и приходскія училища по уставу 1828 г. По уставу 1828 года „учрежденіе губернскихъ гимназій имѣетъ цѣль двоякую: доставить способы приличнаго по званію ихъ воспитанія тѣмъ изъ молодыхъ людей, кои не намѣрены, или не могутъ продолжать ученіе въ университетахъ, а готовящихся вступить въ оные снабдить необходимыми для сего предварительными знаніями". Далѣе же пояснено, что „главнѣйшая цѣль учрежденія гимназій есть доставленіе средствъ приличнаго воспитанія дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ". „Уѣздныя училища, открытыя для людей всѣхъ состояній, въ особенности предназначены для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставить тѣ свѣдѣнія, кои, по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезными". „Цѣль учрежденія приходскихъ училищъ — распространеніе первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому нужныхъ свѣдѣній между людьми и самыхъ нижнихъ состояній".

Такимъ образомъ, каждый видъ учебныхъ заведеній, имѣя свою опредѣленную цѣль и болѣе или менѣе законченный курсъ, назначенъ преимущественно для извѣстныхъ сословій: гимназіи—для дѣтей дворянъ и чиновниковъ; уѣздныя училища—для дѣтей купцовъ, ремесленниковъ и городскихъ обывателей; приходскія училища — преимущественно для дѣтей низшихъ сословій, въ томъ числѣ и для поселянъ.

Сообразно этому составленъ былъ курсъ учебныхъ предметовъ при чемъ число предметовъ назначено меньшее, чѣмъ въ прежнемъ уставѣ 1804 года, чтобы устранить „роскошь полупознаній" и водворить образованіе основательное. Въ избранное число предметовъ вошли науки самыя необходимыя для каждаго русскаго, къ ка-

кому бы званію онъ ни принадлежалъ, при чемъ законъ Божій былъ поставленъ на первый планъ въ курсѣ всѣхъ учебныхъ заведеній.

Учебные предметы, преподававшіеся въ гимназіяхъ, были: законъ Божій, россійская грамматика, словесность, логика, языки: латинскій, нѣмецкій и французскій, математика, географія, статистика, исторія, физика, чистописаніе, черченіе и рисованіе.

Кромѣ того, въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетахъ, положено было обучать языку греческому, а въ губерніяхъ, гдѣ мѣстный языкъ не русскій,— и правиламъ мѣстнаго языка.

Въ уѣздныхъ училищахъ: законъ Божій, священная и церковная исторія, русскій языкъ, ариѳметика, геометрія до стереометріи включительно, но безъ доказательствъ, географія, краткая исторія, русская и всеобщая, чистописаніе, черченіе и рисованіе.

Кромѣ того, при уѣздныхъ училищахъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, могли быть открываемы, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, „особые дополнительные курсы для обученія тѣмъ искусствамъ и наукамъ, знаніе которыхъ наиболѣе способствуетъ успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ трудахъ промышленности".

Въ приходскихъ училищахъ: законъ Божій по краткому катехизису и священная исторія; чтеніе по книгамъ церковной и гражданской печати и чтеніе рукописей; чистописаніе и четыре первыя дѣйствія ариѳметики. Въ посадахъ и селеніяхъ, гдѣ много ремесленниковъ или промышленниковъ, могъ быть учреждаемъ въ приходскихъ училищахъ второй классъ, для преподаванія предметовъ низшаго класса уѣзднаго училища.

При меньшемъ числѣ предметовъ назначено было на изученіе ихъ больше времени и больше преподавателей. По прежнему уставу курсъ гимназіи былъ четырехлѣтній съ 8 преподавателями, курсъ уѣзднаго училища былъ двухгодичный съ двумя преподавателями, а курсъ приходскаго училища продолжался одинъ годъ съ однимъ преподавателемъ. По уставу же 1828 года для гимназій опредѣленъ семилѣтній курсъ съ 11 преподавателями, а гдѣ преподается греческій языкъ, то съ 12; въ первый классъ принимаются дѣти, умѣющія читать и писать и знающія первыя правила ариѳметики; для уѣздныхъ училищъ при трехлѣтнемъ курсѣ назначено пять преподавателей, а для приходскихъ училищъ при годичномъ же курсѣ — два учителя.

Въ гимназіяхъ, гдѣ преподается греческій языкъ, который начинался съ IV класса, перевѣсъ данъ въ отношеніи числа уроковъ древнимъ языкамъ, взамѣнъ того уменьшился объемъ преподаванія математики и новыхъ языковъ; изъ гимназическаго курса исключены нѣкоторые предметы, какъ-то: естественныя науки, кромѣ физики, и всѣ части прикладной математики.

Въ административномъ отношеніи система управленія училищами съ изданіемъ устава 1828 года осталась сходною съ прежнею системою управленія, установленнаго уставомъ 1804 года. Начальниками учебныхъ заведеній цѣлой губерніи остались попрежнему директора гимназій, непосредственными начальниками уѣздныхъ и приходскихъ училищъ — штатные смотрители; также оставлены и почетные смотрители уѣздныхъ училищъ. Согласно уставу 1828 года при гимназіяхъ учреждается званіе почетныхъ попечителей, которые, будучи выбираемы изъ дворянъ, предназначены содѣйствовать благосостоянію гимназій и открывавшихся при нихъ благородныхъ пансіоновъ. Для усиленія надзора за учебною и нравственною частью въ гимназіяхъ назначены, въ помощь директорамъ, инспектора и комнатные надзиратели. При гимназіи учреждаются совѣты, состоящіе изъ директора, инспектора и старшихъ учителей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ приглашаются въ совѣтъ и почетные попечители. Совѣту гимназіи предоставлены общія соображенія по разнымъ частямъ учебныхъ заведеній: изысканіе средствъ для улучшенія ихъ состоянія, испытаніе учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и проч.

Важнѣйшее измѣненіе въ административномъ отношеніи произошло только съ изданіемъ положенія объ учебныхъ округахъ, Высочайше утвержденнаго 25 іюня 1835 года, когда народныя училища, вмѣстѣ съ гимназіями, были изъяты изъ вѣдѣнія университетовъ, и перешли въ непосредственное завѣдываніе попечителя округа.

Точно такъ же и въ хозяйственномъ отношеніи эти училища сохранили свои прежнія условія — гимназіи и уѣздныя училища являются болѣе или менѣе обезпеченными въ отношеніи своихъ матеріальныхъ средствъ, пользуясь отъ казны отпускаемою на ихъ содержаніе суммою; учителя гимназіи сохранили свое дѣленіе на старшихъ и младшихъ учителей; оклады учителей со временемъ были значительно увеличены—въ два съ половиною раза. Открываемые по уставу благородные при гимназіяхъ пансіоны воз-

лагаются, главнымъ образомъ, на попеченіе почетныхъ попечителей гимназій; приходскія же училища, съ самаго своего открытія, предоставляются исключительному попеченію городскихъ и сельскихъ обществъ, не получая пособія отъ казны, а въ имѣніяхъ помѣщиковъ—на счетъ добровольныхъ приношеній помѣщика.

Дальнѣйшее существованіе народныхъ училищъ по уставу 1828 года. Гимназіи. Гимназіи, получившія теперь болѣе правильную организацію и вызвавшія къ себѣ сочувствіе общества, начинаютъ быстро размножаться какъ въ столицахъ, такъ и по губерніямъ; наплывъ учащихся дѣлается настолько значительнымъ, что при многихъ изъ гимназій открываются параллельныя отдѣленія. Такому привлеченію учащихся не мало содѣйствуютъ открываемые при гимназіяхъ благородные пансіоны, пользовавшіеся покровительствомъ правительства. Эти пансіоны доставили возможность дворянамъ и чиновникамъ, безъ значительныхъ для себя издержекъ, давать своимъ дѣтямъ образованіе, сообразно съ требованіями времени и благими цѣлями правительства, притомъ полнѣе и совершеннѣе всякаго домашняго воспитанія. Число благородныхъ пансіоновъ увеличилось особенно въ послѣдній годъ управленія Министерствомъ графа С. С. Уварова (1833 — 1849 г.), такъ что на существовавшія въ это время 75 гимназій приходилось 47 дворянскихъ пансіоновъ.

Изъ числа мѣръ, установленныхъ въ гимназіяхъ, упомянемъ о расширеніи правъ и преимуществъ учениковъ, которые могли опредѣляться на мѣста канцелярскихъ служителей высшаго разряда и ранѣе другихъ получить первый классный чинъ, а окончившіе гимназію съ греческимъ языкомъ—утверждаться въ немъ сейчасъ же по вступленіи въ должность.

Въ управленіе Министерствомъ графа Уварова была введена система испытаній и аттестатовъ. На основаніи окончательно утвержденныхъ (1846 г.) правилъ этихъ испытаній степень успѣховъ обозначалась цифрами по пятибальной системѣ.

При графѣ же С. С. Уваровѣ подвергались цѣлому ряду измѣненій учебные планы предметовъ гимназическаго курса: въ 1844 году была исключена статистика, какъ отдѣльный предметъ, а въ 1847 году — логика; въ 1845 году отмѣнено преподаваніе начертательной и аналитической геометріи и вообще измѣненъ весь планъ преподаванія математики.

Въ 1843 году было ослаблено преподаваніе латинскаго языка,

при чемъ допускалось оканчивать гимназію и безъ него, если кто не хочетъ получить аттестата объ окончаніи полнаго курса въ гимназіи, и пр.

При министрѣ графѣ С. С. Уваровѣ положено основаніе и такъ называемому реальному образованію, которое и началось съ Архангельской губерніи. Такъ какъ населеніе этой губерніи отличается болѣе практическою, коммерческою дѣятельностью, то въ 1834 году было введено въ Архангельской гимназіи преподаваніе англійскаго языка и бухгалтеріи, а въ 1841 году учрежденъ при гимназіи для желающихъ реальный курсъ, въ програму котораго вошли: естественная исторія, товаровѣдѣніе, бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, наука о торговлѣ, коммерческое законовѣдѣніе и англійскій языкъ.

Въ это же время Министерство Финансовъ заботится также о распространеніи въ Россіи реальныхъ и техническихъ свѣдѣній; такъ, вслѣдствіе Всеподданнѣйшаго доклада, бывшаго въ то время министромъ финансовъ, графа Канкрина, о средствахъ къ развитію полезныхъ отраслей промышленности въ Россіи, состоялось Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, отдѣленій реальныхъ училищъ (1836 г.), приспособленныхъ къ главной надобности того мѣста, съ направленіемъ ихъ къ мануфактурной промышленности или къ торговлѣ. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія объ открытіи реальныхъ отдѣленій при учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, учреждается въ Москвѣ въ 1839 году новая гимназія (нынѣ 3-я), „какъ вообще для удовлетворенія усиливающейся потребности въ образованіи юношества, такъ и въ особенности для преподаванія въ семъ центральномъ пунктѣ нашей внутренней промышленности техническаго курса наукъ". Гимназія эта состояла изъ двухъ курсовъ: реальнаго—преимущественно для дѣтей купеческаго и мѣщанскаго сословій и другихъ свободныхъ состояній, и классическаго—для дѣтей дворянъ, канцелярскихъ служителей и художниковъ; классическій курсъ соотвѣтствовалъ общему курсу гимназій и служилъ для приготовленія молодыхъ людей ко вступленію въ университетъ.

Въ 1839 году было утверждено положеніе о реальныхъ классахъ при гимназіяхъ въ Тулѣ, Вильнѣ, Курскѣ на средства, назначенныя въ пособіе техническимъ предпріятіямъ и находившіяся въ распоряженіи министра финансовъ. Въ учебный курсъ этихъ

классовъ входили — практическая химія, практическая механика, рисованіе и черченіе въ примѣненіи къ искусствамъ и технологіи. Въ эти реальные классы, преподаваніе въ которыхъ производилось только въ вечернее время, допускались какъ ученики гимназіи, при которой они состояли, такъ и постороннія лица промышленнаго сословія. Съ теченіемъ времени открывались реальныя отдѣленія и при другихъ гимназіяхъ, при чемъ вводились тѣ предметы, которые наиболѣе соотвѣтствовали потребностямъ населенія; такъ, коммерческія науки и бухгалтерія—въ реальныхъ классахъ при Бѣлостокской и Нижегородской гимназіяхъ, сельскаго хозяйства и практическаго счетоводства—при Новороссійской гимназіи, землемѣрные курсы—при гимназіяхъ въ Кіевѣ, Витебскѣ и Могилевѣ и проч.

Такъ какъ многіе ученики гимназіи, по окончаніи въ ней курса, поступали прямо на службу, то, въ виду необходимости для нихъ знанія дѣйствующихъ законоположеній, съ 1837 года въ учебный планъ нѣкоторыхъ гимназій (западныхъ и великорусскихъ губерній) включается законовѣдѣніе.

Съ цѣлью же сообщенія гимназическому ученію наибольшей спеціальности, въ 1849 году послѣдовало общее измѣненіе гимназическаго курса; именно по Высочайшему повелѣнію 1849 года гимназическій курсъ во всей имперіи раздѣленъ на два отдѣленія соотвѣтственно двоякой цѣли гимназій — приготовлять, съ одной стороны, слушателей для университета, и съ другой,—способныхъ людей для службы какъ военной, такъ и гражданской. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, гимназическій курсъ былъ распредѣленъ на общее и спеціальное обученіе, при чемъ послѣднее начиналось съ четвертаго класса. Въ высшихъ четырехъ классахъ, кромѣ предметовъ общихъ для всѣхъ учениковъ (законъ Божій, физика, математическая географія, исторія, русская и всеобщая, математика, языки—русскій, славянскій, нѣмецкій и французскій), вводятся нѣкоторые новые предметы, или же преподаваніе нѣкоторыхъ усиливается, соотвѣтственно тому, для какой дѣятельности готовятъ себя ученики гимназій. Такъ, для готовящихся въ университетъ преподается латинскій языкъ, а для намѣревающихся поступить на философскій факультетъ, также и греческій; для желающихъ же поступить на службу по окончаніи гимназическаго курса преподавалось законовѣдѣніе, и усилены занятія по практической математикѣ и русскому языку.

Дальнѣйшее общее измѣненіе въ распредѣленіи учебныхъ предметовъ и уроковъ въ гимназіяхъ произошло въ 1852 году вслѣдствіе того, что греческій языкъ былъ упраздненъ во многихъ гимназіяхъ и замѣненъ преподаваніемъ естественной исторіи, проходившейся во всѣхъ классахъ. Греческій же языкъ былъ оставленъ въ гимназіяхъ университетскихъ городовъ, на одну гимназію въ каждомъ такомъ городѣ, съ цѣлью приготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ университетъ на историко-филологическій факультетъ; кромѣ того, греческій языкъ былъ оставленъ въ гимназіяхъ Рижской, Ревельской, Митавской, а также и въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣлось значительное греческое населеніе (въ одной изъ Одесскихъ гимназій, въ Таганрогской, Нѣжинской и Кишиневской). Латинскій же языкъ былъ оставленъ во всѣхъ гимназіяхъ. Такимъ образомъ, классическое образованіе, столь успѣшно введенное въ гимназіи графомъ С. С. Уваровымъ, стало ослабѣвать къ концу его управленія Министерствомъ, и послѣ измѣненій въ гимназическомъ курсѣ въ 1852 г., на всю Россію осталось только девять классическихъ гимназій съ двумя древними языками; въ остальныхъ же всѣхъ преподавались латинскій языкъ и естественныя науки. Въ такомъ видѣ гимназіи просуществовали до 1864 г., когда, въ царствованіе Императора Александра II, былъ утвержденъ новый уставъ гимназій.

Уѣздныя училища. Преобразованіе двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ, существовавшихъ по уставу 1804 года, въ трехклассныя, согласно уставу 1828 года, а равно и открытіе новыхъ трехклассныхъ училищъ, происходило не вдругъ, а постепенно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка учителей. Уѣздныя училища, учрежденныя по уставу 1828 г., оказались вполнѣ соотвѣтствующими своей цѣли; какъ показалъ опытъ, уѣздныя училища по своему законченному трехлѣтнему учебному курсу вполнѣ удовлетворяли требованіямъ тѣхъ сословій, для которыхъ они предназначались; по статистическимъ выводамъ оказывалось, что большинство учащихся въ нихъ составляли дѣти купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ, и лишь немногія были дѣти небогатыхъ дворянъ. Вслѣдствіе этого организація уѣздныхъ училищъ и осталась безъ перемѣнъ, за исключеніемъ только улучшенія учебной части и методовъ преподаванія. Важнѣйшія же измѣненія касались тѣхъ уѣздныхъ училищъ, при которыхъ, на основаніи устава 1828 года, открывались дополнительные курсы, имѣвшіе цѣлью подготовить учащихся къ той или

другой практической спеціальности. Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ уѣздныхъ училищъ являются четырехклассными, въ которыхъ, кромѣ предметовъ общихъ съ обыкновенными уѣздными училищами, преподавались еще дополнительные предметы: бухгалтерія—для образованія знающихъ купцовъ, землемѣріе—для образованія помощниковъ землемѣровъ и проч. Со времени утвержденія положенія объ открытіи реальныхъ отдѣленій при учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такія же отдѣленія открываются и при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ (въ Ригѣ, Керчи) на сумму, назначенную въ пособіе техническимъ предпріятіямъ, находившуюся въ распоряженіи министра финансовъ. Четырехклассныя уѣздныя училища, или такъ называемыя обводовыя училища, Варшавскаго учебнаго округа, раздѣлялись на приготовительныя, соотвѣтствовавшія первымъ четыремъ классамъ гимназій, и на реальныя, имѣвшія направленіе техническое, коммерческое или агрономическое.

Въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ (Витебской, Могилевской) открываются пятиклассныя дворянскія уѣздныя училища, которымъ надлежащее опредѣленное устройство дано еще въ 1836 г. Училища эти, назначенныя для дворянъ, должны были составлять отдѣленія гимназій, чтобы такимъ образомъ доставить дворянству возможность воспитывать вблизи себя своихъ дѣтей. Курсъ ученія въ этихъ училищахъ былъ расположенъ согласно съ курсомъ пяти классовъ гимназій, равно какъ и учебные предметы были тѣ же, что и въ гимназіяхъ. Большинство учащихся въ нихъ были дѣти небогатыхъ дворянъ, жившихъ въ уѣздѣ. Такъ какъ эти училища, какъ несамостоятельныя заведенія, не давали оконченнаго образованія, и такъ какъ многіе дворяне, вслѣдствіе продолжительности въ нихъ учебнаго курса, тягостнаго для небогатыхъ семей, брали своихъ дѣтей до окончанія курса, то училища эти, какъ несоотвѣтствовавшія своей цѣли, были впослѣдствіи или упразднены, или преобразованы въ прогимназіи и двухклассныя уѣздныя училища.

Большинство же уѣздныхъ училищъ при трехгодичномъ курсѣ, организованныхъ по уставу 1828 года, какъ сказано, вполнѣ удовлетворяли своему назначенію и оставались безъ перемѣнъ, за исключеніемъ улучшенія учебной части и методовъ преподаванія, и служили разсадниками образованія для уѣздныхъ городовъ.

Приходскія училища. Тогда какъ гимназіи и уѣздныя училища этого времени, получивъ новыя, прочныя начала и матеріально

обезпеченцыя правительствомъ, быстро размножались и удовлетворяли потребностямъ тѣхъ состояній, для которыхъ они предназначались, дѣло организаціи приходскихъ училищъ, назначенныхъ преимущественно для низшаго сословія, шло гораздо медленнѣе и не повсемѣстно. По уставу 1828 года курсъ приходскихъ училищъ остался тотъ же, что и по уставу 1804 года. Эти училища подчинены штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, а сіи — губернскимъ директорамъ училищъ. Въ учителя приходскихъ училищъ опредѣлялись люди всякаго состоянія, но не иначе, какъ доказавъ на испытаніи въ уѣздномъ училищѣ, что имѣютъ нужныя для сего знанія и способность обучать. При семъ смотритель освѣдомлялся объ ихъ нравственныхъ качествахъ и поведеніи, стараясь удостовѣриться заранѣе, что они безъ вреда для учащихся могутъ быть допущены къ исправленію должности учителя. Учредители обязаны имѣть при каждомъ училищѣ законоучителя изъ живущихъ въ томъ мѣстѣ или въ сосѣдствѣ священниковъ. Учителя приходскихъ училищъ свободнаго состоянія пользуются преимуществами чиновниковъ 14-го класса, пока пребываютъ въ должности, и получаютъ сей чинъ при увольненіи, если прослужили усердно и безпорочно не менѣе двѣнадцати лѣтъ. Содержаніе приходскихъ училищъ предоставлялось также исключительному попеченію городскихъ и сельскихъ обществъ, а въ имѣніяхъ помѣщиковъ производилось на счетъ добровольныхъ приношеній помѣщика. Городскія и сельскія общества, частію по недостаточности средствъ, а частію и потому, что еще не были проникнуты сознаніемъ необходимости образованія, не относились съ особеннымъ сочувствіемъ къ этимъ заведеніямъ и не заботились объ ихъ обезпеченіи. Проистекавшія вслѣдствіе этого неудобства и затрудненія какъ относительно помѣщенія, такъ и содержанія учителей и обзаведенія учебными пособіями, значительно задерживали дѣло распространенія приходскихъ училищъ. Тѣмъ не менѣе заботами правительства, которое даже отпускало на содержаніе нѣкоторыхъ училищъ средства изъ казны, а также, благодаря сочувствію лицъ, причастныхъ дѣлу народнаго образованія, и особенно же готовности духовенства жертвовать этому дѣлу своими трудами, а нерѣдко и средствами, число городскихъ приходскихъ училищъ начинаетъ возрастать какъ въ столицахъ, такъ и въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Училища эти существовали или какъ отдѣльныя самостоятельныя заведенія, или приходскіе классы учреждались

при уѣздныхъ училищахъ. Для сокращенія расходовъ, приходскія училища помѣщались нерѣдко безплатно въ домахъ другихъ училищъ, уѣздныхъ или женскихъ, или же законоучитель отводилъ для нихъ даровое помѣщеніе въ своемъ домѣ, а нерѣдко обучалъ дѣтей безвозмездно. Такъ какъ содержаніе учителей было весьма скудное, то это было отчасти причиною, что мѣста учителей занимали люди, не получившіе никакой педагогической подготовки. Относительно же учебниковъ и пособій тоже чувствовался большой недостатокъ, и нерѣдко ученики одного училища учились по различнымъ учебникамъ.

Въ тѣхъ приходскихъ училищахъ, гдѣ позволяло мѣсто и было значительное число учениковъ, употреблялся ланкастерскій способъ обученія. Нѣкоторыя приходскія училища (въ Могилевской губерніи) были двухклассныя, въ которыхъ, кромѣ курса, общаго съ прочими приходскими одноклассными училищами, преподавались еще дополнительные предметы—русская грамматика, краткая русская исторія и географія, и ариѳметика до десятичныхъ дробей.

Приходскія училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, заводимыя преимущественно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, встрѣчались весьма рѣдко въ селеніяхъ. Изъ сельскихъ училищъ, состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, лучшими были помѣщичьи училища, заводимыя въ своихъ имѣніяхъ помѣщиками, сочувствующими образованію. Хотя такія помѣщичьи сельскія училища были и весьма немногочисленны, но въ сравненіи съ городскими приходскими училищами, они представлялись заведеніями болѣе обезпеченными: школа помѣщалась обыкновенно въ хорошемъ, нарочно для нея приспособленномъ домѣ, учителя получали достаточное содержаніе, и ученики снабжались требуемыми книгами и пособіями. Заботясь объ образованіи своихъ крестьянъ, помѣщики, путемъ школы, получали и для себя практическую пользу: многіе изъ крѣпостныхъ, получившихъ образованіе въ такой школѣ, приставлялись помѣщикомъ къ той или другой должности въ своемъ имѣніи—конторщикомъ, управляющимъ, приказчикомъ, дядькою къ дѣтямъ и проч., и такимъ образомъ изъ крѣпостныхъ вырабатывались грамотные и вѣрные слуги своихъ господъ. Нѣкоторые помѣщики вмѣстѣ съ обученіемъ преслѣдовали въ школѣ и практическія цѣли, какъ напримѣръ, ремесла, земледѣліе и проч. Такъ, въ 1835 году близъ Батурина, П. И. Прокоповичъ завелъ школу пчеловодства, изъ

которой, по отзыву современниковъ, крестьяне черезъ два года возвращались въ семейство грамотными, умѣющими своими руками сдѣлать ульи, посадить, пересадить и привить деревья, пріученными къ трудолюбію и порядку, съ сѣменами добронравственности.

Въ это же время была устроена въ Москвѣ на Трехъ горахъ купцами Прохоровыми школа для фабричныхъ, въ которой ученики обучались чтенію, письму, получали наставленіе въ законѣ Божіемъ, пріучались къ трудолюбію и приготовлялись къ будущему мастерству. Въ 1851 году была открыта въ селѣ Кемцахъ Валдайскаго уѣзда, на средства штабсъ-капитана Веригина приходская школа, въ которой, кромѣ общаго курса, дѣти занимались ремеслами, земледѣліемъ и садоводствомъ. Немалое содѣйствіе распространенію грамотности въ народѣ оказали Императорское Вольное Экономическое Общество въ С.-Петербургѣ и Императорское Московское Общество сельскаго хозяйства, благодаря вліянію которыхъ многіе помѣщики устраивали въ своихъ имѣніяхъ школы для крестьянскихъ дѣтей. Въ лицѣ своего секретаря Степана Алексѣевича Маслова, Императорское Московское Общество сельскаго хозяйства имѣло энергичнаго труженика, содѣйствовавшаго открытію многихъ школъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; особенно же было вызвано сочувствіе помѣщиковъ къ дѣлу народнаго образованія въ 1848 году чрезъ посредство изданной С. А. Масловымъ книги—„О всенародномъ обученіи грамотности въ Россіи“.

Такъ какъ помѣщичьи школы вполнѣ зависѣли отъ воли учредителей, то число ихъ было непостоянное, и онѣ то учреждались, то закрывались въ разное время. Но такія хорошо устроенныя школы являлись, какъ рѣдкія исключенія, а большинство приходскихъ училищъ, оставаясь на исключительномъ попеченіи городскихъ обществъ и въ полной зависимости отъ общественныхъ приговоровъ, вслѣдствіе недостатка общественныхъ средствъ и равнодушія къ потребностямъ образованія, обыкновенно терпѣли крайнюю нужду. При этомъ и родители, несмотря на безплатное обученіе въ казенныхъ школахъ, неохотно отдавали въ нихъ своихъ дѣтей: обученіе въ свѣтскихъ школахъ не соотвѣтствовало воззрѣніямъ простого народа на образованіе, которое и теперь, какъ и прежде, по его понятіямъ, должно было отличаться исключительно церковнымъ характеромъ и навыкомъ къ чтенію божественныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ; кромѣ того, на требованія школы исправнаго посѣщенія дѣтьми классовъ, на опре-

дѣленно установленныя начало и конецъ курса—родители смотрѣли, какъ на мѣры, лично стѣснявшія ихъ. Поэтому-то и теперь простой народъ предпочиталъ отдавать своихъ дѣтей въ частныя школы, содержимыя приходскими священниками или членами причта за извѣстную плату, установленную по добровольному соглашенію (отъ 1 рубля до 5 рублей въ годъ съ каждаго ученика, или же помѣсячно—отъ 25 коп. съ каждаго). Также весьма былъ распространенъ и другой способъ образованія — это отдача дѣтей въ выучку къ грамотнымъ людямъ — къ священникамъ, дьяконамъ, дьячкамъ, грамотнымъ солдатамъ и проч. за единовременную плату или же съ платою за выучку каждой книгѣ отдѣльно (Букварь—3 рубля, Часословъ — 5 рублей, Псалтырь—10 рублей). Отдавая своихъ дѣтей для обученія въ частныя школы, или въ выучку къ грамотнымъ людямъ, родители располагали произвольно временемъ ученія своихъ дѣтей и удовлетворялись тѣмъ кругомъ знаній, который вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ требованіямъ. Эти средства для обученія грамотѣ дѣтей простого званія были настолько распространены, что нерѣдко являлись причиною весьма незначительнаго числа учащихся въ нѣкоторыхъ городскихъ казенныхъ приходскихъ училищахъ.

Еще большее значеніе имѣли эти частныя школы, содержимыя священниками и членами причта, въ селеніяхъ, гдѣ, при отсутствіи казенныхъ или помѣщичьихъ училищъ, онѣ служили единственнымъ средствомъ для распространенія церковнаго образованія между крестьянами; также занимались обученіемъ дѣтей и другіе грамотные люди, жившіе въ деревняхъ и селахъ—церковники, отставные солдаты, мелкіе чиновники и проч., къ которымъ крестьяне охотно отдавали своихъ дѣтей на выучку.

Но особенно существенную услугу для распространенія грамотности въ средѣ крестьянскаго населенія, преимущественно въ отдаленныхъ, глухихъ деревняхъ, хуторахъ и поселкахъ, оказывали и такъ называемыя домашнія крестьянскія школы грамотности. Эти школы помѣщались или въ отдѣльной избѣ, если таковую отдавали крестьяне; если же нельзя было отдѣлить особаго помѣщенія, то школа вмѣстѣ съ учителемъ, помѣщалась поочередно въ домахъ родителей учащихся. Учителями въ такихъ школахъ состояли грамотные крестьяне, отставные солдаты, престарѣлыя дѣвушки, писаря, мелкіе чиновники, лишившіеся мѣстъ или обѣднѣвшіе дворяне. Учащіеся платили учителю по 30 — 50 коп. въ

мѣсяцъ, при чемъ учитель пользовался поочередно столомъ и квартирою у родителей учащихся. При такихъ школахъ, хотя и крайне бѣдныхъ, лишенныхъ всякой школьной обстановки, при учителѣ, не получившемъ другого образованія, кромѣ стариннаго церковнаго, крестьянскія дѣти тѣмъ не менѣе освоивались съ тою грамотностью, которая вполнѣ удовлетворяла и ихъ, и ихъ родителей—они знакомились съ чтеніемъ на церковно-славянскомъ языкѣ божественныхъ и церковныхъ книгъ, изучали псалтырь и часословъ, а нерѣдко и церковное пѣніе. Такія маленькія школы, никому не извѣстныя, возникавшія и существовавшія сами по себѣ, не требовавшія на себя никакихъ расходовъ, распространились повсемѣстно и, по приносимымъ ими полезнымъ результатамъ, высоко цѣнились сельскимъ крестьянскимъ населеніемъ.

Этими, въ большинствѣ случаевъ, единственными путями, распространялась и поддерживалась грамотность въ средѣ сельскаго населенія, и именно въ томъ видѣ, который уже искони наиболѣе всего удовлетворялъ образовательнымъ потребностямъ простого русскаго человѣка: на первомъ мѣстѣ всегда стояло чтеніе на церковно-славянскомъ языкѣ церковныхъ и божественныхъ книгъ, а главною цѣлью обученія—усвоеніе истинъ православной вѣры и религіозной нравственности и развитіе любви и почитанія всего святого, церковнаго и родного.

Начальныя училища другихъ вѣдомствъ. Кромѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и другія вѣдомства принимали мѣры для содѣйствія народному образованію; такъ, въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ Министерство Государственныхъ Имуществъ, которое заботилось объ учрежденіи и содержаніи начальныхъ училищъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. Первоначально сельскія училища этого вѣдомства явились съ 1830 года, подъ именемъ волостныхъ училищъ, съ специальною цѣлью—приготовленія волостныхъ и сельскихъ писарей. Содержаніе ихъ производилось на счетъ частныхъ земскихъ повинностей, относительно же надзора за нравственною и учебною частью они были подчинены мѣстному начальству наравнѣ съ городскими приходскими училищами и имѣли съ ними одинаковый курсъ.

Такая специальная цѣль отчасти замедляла развитіе самыхъ училищъ, такъ какъ немногіе изъ родителей соглашались отдавать своихъ дѣтей на писарскую должность. Болѣе правильныя основанія получили эти училища въ 1842 году, когда они стали учре-

ждаться „съ цѣлью распространенія и утвержденія между государственными крестьянами религіозно-нравственнаго образованія и первоначальныхъ для каждаго сословія болѣе или менѣе нужныхъ свѣдѣній“. Эта цѣль выражена въ Высочайшемъ указѣ 1842 года слѣдующими словами: „Объявить государственнымъ крестьянамъ, что, учреждая для собственнаго ихъ блага способы образованія сельскаго юношества, Мы желаемъ, съ одной стороны, чтобы они, исполняли долгъ отеческаго попеченія о своихъ дѣтяхъ, обучали ихъ въ приходскихъ училищахъ, а съ другой, чтобы дѣти поселянъ, пріобрѣтая въ сихъ училищахъ истинныя понятія о своихъ обязанностяхъ, предписанныхъ закономъ Божіимъ, и обо всемъ, что необходимо въ кругу сельскаго быта, доставляли утѣшеніе родителямъ и пользу своимъ обществамъ“.

Вслѣдствіе этого указа было предписано Палатамъ преобразовать всѣ училища Министерства Государственныхъ Имуществъ въ приходскія училища, а для правильной постановки училищнаго дѣла были изданы наставленія для управленія сельскими приходскими училищами въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. На основаніи этого наставленія, обученіе и назиданіе крестьянскихъ дѣтей въ этихъ школахъ ввѣряется сельскому духовенству подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго управленія Государственныхъ Имуществъ, съ сохраненіемъ вліянія духовенства и училищнаго начальства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вліяніе епархіальнаго духовенства заключалось въ избраніи учителями достойныхъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, или изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ. Избранные епархіальнымъ архіереемъ наставники утверждаются въ должностяхъ Палатою Государственныхъ Имуществъ. Увольненіе наставниковъ производится также по сношенію съ епархіальнымъ архіереемъ. Участіе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ жизни этихъ сельскихъ училищъ состояло въ томъ, что директоръ и штатные смотрители были обязаны осматривать эти училища; результаты своихъ осмотровъ директоръ сообщаетъ въ мѣстную Палату Государственныхъ Имуществъ, а штатные смотрители—въ окружныя правленія. Въ свою очередь и Палаты обязаны были сообщать мѣстному директору о закрытіи или открытіи каждаго сельскаго училища и доставлять ему вѣдомости о числѣ училищъ, учителей и учащихся. Курсъ сельскихъ училищъ былъ тотъ же, что и въ приходскихъ училищахъ, при чемъ обращалось большое вниманіе на обученіе скоро-

писи, на знакомство съ употребленіемъ счетовъ и съ мѣрами, вѣсомъ и монетами. Лучшіе изъ учениковъ, по достиженіи 16-ти лѣтъ и по окончаніи курса, поступали въ волостные и сельскіе писаря; къ этой цѣли впослѣдствіи присоединилось и образованіе фельдшерскихъ и землемѣрныхъ помощниковъ; большинство же учащихся ограничивалось пріобрѣтеніемъ начальныхъ общеобразовательныхъ свѣдѣній. Содержаніе сельскихъ учителей производилось на счетъ общественнаго сбора и опредѣлялось особымъ штатомъ. На каждое училище назначалось по 250 рублей (серебромъ) въ годъ, а гдѣ число воспитанниковъ отъ 25 до 40 или болѣе, тамъ къ этой суммѣ прибавлялась еще добавочная плата наставникамъ. Жалованье выдавалось изъ этой же суммы—наставнику 85 рублей въ годъ, а помощнику 75 рублей. При такой правильной постановкѣ и при полномъ своемъ обезпеченіи—эти сельскія училища Министерства Государственныхъ Имуществъ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ правительства и общества. Постепенно возникая сначала въ большихъ и главныхъ селеніяхъ, эти училища быстро размножались и приносили желанные результаты. Не говоря уже про то начально-общее образованіе, которое получали въ нихъ сотни тысячъ крестьянскихъ дѣтей, многіе изъ учениковъ вышли изъ этихъ училищъ съ подготовкою для практической дѣятельности—въ качествѣ писарей, помощниковъ фельдшеровъ, землемѣровъ и проч. О томъ, съ какимъ сочувствіемъ относилось Министерство Государственныхъ Имуществъ къ этимъ школамъ, видно уже изъ того, что къ 1 января 1844 года было открыто по всей имперіи 1884 подобныхъ сельскихъ училищъ, а къ 1 января 1855 года число ихъ возросло до 2642 съ 139,320 учащимися. Въ 1859 году Министерство Государственныхъ Имуществъ предложило Палатамъ, чтобы мѣста для открытія училищъ выбирались въ многолюдныхъ селеніяхъ, и чтобы училищныя помѣщенія были удобны и просторны; при чемъ должно быть искореняемо въ крестьянахъ ложное убѣжденіе—будто бы ихъ дѣти, по выучкѣ грамотѣ, будутъ забираться на службу, такъ какъ вслѣдствіе такого предубѣжденія крестьяне не хотѣли посылать своихъ дѣтей въ училища. Относительно же самаго обученія Министерство требовало, чтобы оно состояло не въ количествѣ выучиваемыхъ наизусть уроковъ, но въ дѣйствительномъ пониманіи религіозныхъ и нравственныхъ истинъ и въ ознакомленіи съ явленіями и потребностями ежедневной жизни. Эти сельскія училища были доступны и для крестьянскихъ дѣво-

чекъ, и даже впослѣдствіи Министерство Государственныхъ Имуществъ нашло возможнымъ назначить для ихъ обученія особыхъ наставницъ, съ платою по 75 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы они обучали и рукодѣліямъ. Такъ какъ по причинѣ разбросанности селеній и значительнаго ихъ взаимнаго разстоянія, многія изъ крестьянскихъ дѣтей были лишены возможности обучаться въ училищахъ, то Министерство Государственныхъ Имуществъ особенно старалось привлечь къ дѣлу народнаго образованія сельское духовенство; съ этою цѣлью циркуляромъ 1860 года оно приглашало сельскихъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, а также и ихъ женъ—обучать дѣтей обоего пола въ собственныхъ домахъ или въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ крестьянами, чтенію, письму, молитвамъ, счету, а дѣвочекъ и женскимъ рукодѣліямъ. На это приглашеніе многіе изъ духовенства отнеслись вполнѣ сочувственно и съ готовностью употребляли свои труды на пользу крестьянскаго образованія.

Также и другія вѣдомства принимали дѣятельное участіе въ распространеніи образованія среди сельскаго населенія и открывали отъ себя школы для начальнаго обученія. Такъ, Удѣльное вѣдомство открывало отъ себя сельскія училища какъ для доставленія крестьянамъ Удѣльнаго вѣдомства необходимаго образованія, такъ и для приготовленія писарей въ удѣльныя конторы и приказы. Курсъ ученія въ нихъ былъ такой же, какъ и въ училищахъ для казенныхъ крестьянъ, съ требованіемъ церковнаго пѣнія. Для приготовленія учителей въ эти училища были учреждены въ Москвѣ и въ Красномъ селѣ (Петербургской губерніи) два главныя училища, гдѣ готовившіеся къ учительской должности освоивались съ ланкастерскимъ способомъ. Преподаваніе же закона Божія поручалось лицамъ духовнаго званія, преимущественно священникамъ. Когда же въ 1836 году оба главныхъ училища, служившія для приготовленія учителей, были закрыты, то преподаваніе всѣхъ предметовъ поручалось мѣстному священнику, съ жалованіемъ—145 рублей сер. въ годъ при готовомъ помѣщеніи. Главное начальство надъ училищами всего удѣльнаго имѣнія ввѣрялось управляющему удѣльною конторою; содержаніе же училищъ производилось на счетъ тѣхъ удѣльныхъ имѣній, въ которыхъ они находились. Какъ вполнѣ обезпеченныя и удовлетворявшія требованіямъ населенія, училища эти быстро размножались, хотя, впрочемъ, число ихъ никогда не было такъ значительно, какъ число училищъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ.

Кромѣ того, въ открытіи сельскихъ приходскихъ училищъ принимало дѣятельное участіе Духовное вѣдомство, а также существовали школы, хотя и въ небольшомъ числѣ, отъ Министерства Финансовъ, Военнаго вѣдомства, Горнаго вѣдомства и другихъ.

Изъ сказаннаго видно, что средствами для распространенія образованія въ низшихъ слояхъ общества въ теченіе этого царствованія служили, главнымъ образомъ: для городского населенія—приходскія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія, а для сельскаго—приходскія училища разныхъ вѣдомствъ (Министерства Народнаго Просвѣщенія, Духовнаго вѣдомства, Министерства Государственныхъ Имуществъ и проч.) и училища, учрежденныя помѣщиками въ ихъ имѣніяхъ; одновременно съ этими училищами существовали какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ частныя школы, обыкновенно открываемыя у себя на дому священниками или членами причта; кромѣ того, занимались обученіемъ частнымъ образомъ и грамотные люди разнаго званія. Если принять во вниманіе, что въ городахъ, особенно же въ столицахъ, кромѣ приходскихъ училищъ, существовали и другія учебныя заведенія для начальнаго образованія—частныя школы, школы при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ (напримѣръ, почтамтская школа для дѣтей почтальоновъ), школы, возникавшія на средства общественной благотворительности и проч., — то естественно, что для низшаго городского населенія не чувствовалось большого недостатка въ училищахъ. Что же касается сельскаго и крестьянскаго сословія, то число существовавшихъ сельскихъ училищъ далеко не соотвѣтствовало населенію и не было повсемѣстнымъ. Къ тому же зависимость училищъ отъ разныхъ вѣдомствъ, лишая народное образованіе стройности, связи и единства, вредно отзывалось и на хозяйственной сторонѣ училищнаго дѣла; тѣмъ болѣе, что Министерство Народнаго Просвѣщенія, вѣдавшее лишь свои училища, не могло оказывать существеннаго вліянія на большинство другихъ училищъ, всецѣло зависѣвшихъ отъ тѣхъ вѣдомствъ, при которыхъ они учреждались, и для которыхъ наблюденіе за школами было второстепеннымъ дѣломъ. Но и приходскія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія шли далеко не такъ успѣшно, какъ организованныя имъ въ описываемый періодъ гимназіи и уѣздныя училища. Причина такой неуспѣшности приходскихъ училищъ лежала, главнымъ образомъ, въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и въ равнодушіи къ дѣлу народнаго образованія тѣхъ обществъ, на которыхъ

лежала обязанность обезпечивать средствами содержаніе училищъ. Недостатокъ же средствъ вызывалъ неудовлетворительность училищъ и въ педагогическомъ отношеніи. За неимѣніемъ въ то время педагогическихъ заведеній для приготовленія начальныхъ учителей, кромѣ Дерптской учительской семинаріи и педагогическихъ семинарій въ Варшавскомъ округѣ, служившихъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, учители приходскихъ училищъ вовсе не имѣли требуемой для своего дѣла педагогической подготовки. Такъ какъ вознагражденіе учителей было весьма скудно, то на эти мѣста поступали люди малоспособные, нетрудолюбивые и не окончившіе курсъ семинаристы и гимназисты, или лица, получившія образованіе въ уѣздныхъ училищахъ, не имѣвшія никакого понятія о педагогикѣ. Разумѣется, они вовсе не были знакомы съ методикою начальнаго обученія, не существовавшею у насъ еще въ то время въ видѣ отдѣльнаго учебнаго предмета, для котораго даже и не было соотвѣтствующихъ руководствъ. Учителя освоивались лишь со способомъ взаимнаго обученія, да и то только болѣе съ внѣшнею его стороной. Такъ какъ знакомство съ звуковымъ способомъ начинаетъ проникать къ намъ лишь въ концѣ описываемой эпохи, то обученіе чтенію производилось обыкновеннымъ буквослагательнымъ способомъ по книгамъ гражданской печати, при чемъ обращалось вниманіе лишь на механизмъ чтенія; обученіе письму слѣдовало обыкновенно послѣ обученія чтенію; при обученіи ариѳметикѣ также не возбуждалась разсудочная дѣятельность учащихся, а ограничивались лишь заучиваніемъ правилъ, часто и безъ пониманія ихъ.

Такъ какъ простой народъ продолжалъ смотрѣть на грамотность съ своей исконной церковной точки зрѣнія, то естественно, что, несмотря на даровыя казенныя училища, онъ предпочиталъ за установленную плату отдавать дѣтей въ частныя школы, содержимыя священниками, или на выучку къ грамотнымъ людямъ.

Спеціальныя учебныя заведенія. Въ описываемую же эпоху возникаютъ и тѣ спеціально-учебныя заведенія, въ которыхъ молодые люди приготовляются для практическихъ занятій. Въ этомъ отношеніи оказало особенное дѣятельное участіе Министерство Финансовъ, которое, во время управленія Министерствомъ графомъ Канкринымъ, принимаетъ на себя заботы о распространеніи реальныхъ знаній въ Россіи и оказываетъ въ этомъ свое содѣйствіе Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ 1825 году графъ Кан-

кринъ учреждаетъ въ С.-Петербургѣ технологическій институтъ, принадлежавшій по отзывамъ посѣщавшихъ его иностранцевъ, къ лучшимъ заведеніямъ этого рода.

Съ воцареніемъ Императора Николая I, Его Величество соизволилъ принять военно-учебныя заведенія подъ личное свое покровительство, а непосредственное начальство надъ ними предоставилъ Августѣйшему своему брату Михаилу Павловичу, подъ начальствомъ котораго заведенія эти достигли своего образцоваго состоянія какъ вообще относительно воспитательной своей части, такъ и спеціальной выработки русскаго войска. Во исполненіе Высочайшей воли, чтобы заведенія эти были обновлены во всѣхъ частяхъ своего устройства и связаны въ одну отдѣльную отрасль государственнаго управленія, корпуса подверглись всестороннему существенному преобразованію, при чемъ воспитаніе кадетъ было основано „на любви къ Богу, на благоговѣніи къ постановленіямъ Святой Его Церкви, на сыновней преданности къ Престолу, на безкорыстной любви къ Отечеству, на душевномъ сознаніи долга семейнаго и общественнаго“. Обученіе, основанное на тѣхъ же началахъ имѣло въ виду современное состояніе наукъ въ просвѣщенномъ мірѣ. Вслѣдствіе этого на должность воспитателей и учителей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ привлекались достойные люди, лучшія педагогическія силы, которымъ можно было ввѣрить воспитаніе и обученіе будущихъ руководителей арміи и хранителей ея духа. На этихъ же основахъ были составлены всѣ программы и руководства для учебныхъ предметовъ, между которыми особенное вниманіе обращалось на законъ Божій, словесность, исторію политическую и естественную, также на искусства и на физическое воспитаніе. Программы и руководства для военно-учебныхъ заведеній составлялись извѣстными учеными и академиками, а самыя заведенія были щедро обставлены учебными пособіями. При такомъ направленіи, воспитательная и умственная сторона кадетъ была приведена въ тотъ образцовый видъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ педагогическимъ и спеціальнымъ ихъ цѣлямъ, и военно-учебныя заведенія описываемаго времени обращали на себя всеобщее вниманіе. Число кадетскихъ корпусовъ было увеличено учрежденіемъ нѣсколькихъ новыхъ, какъ-то: Нижегородскій графа Аракчеева, Полоцкій Петровско-полтавскій, Орловскій Бахтина, Михайловскій, Воронежскій, 2 Московскій, Владимирскій, Кіевскій. Въ шестидесятыхъ годахъ организація корпусовъ нѣсколько измѣнилась, они

назывались тогда военными гимназіями, кромѣ живущихъ въ корпусѣ, принимались также приходящіе, при чемъ введены были другія болѣе или менѣе важныя измѣненія. Въ первый годъ царствованія Императора Александра III было предпринято всестороннее изслѣдованіе установившейся съ 1863 года военно-учебной системы и внутренней организаціи военныхъ гимназій и военныхъ училищъ. Это вызвало необходимость ихъ преобразованія, и къ началу 1882 года былъ составленъ общій планъ, Высочайше одобренный 15 мая того же года, на основаніи котораго эти заведенія и приведены въ настоящій видъ и снова получили организацію корпусовъ.

Частные пансіоны и школы. Одни изъ частныхъ заведеній имѣли своею цѣлью только обученіе дѣтей—собственно школы, а другія—воспитаніе и содержаніе дѣтей—пансіоны. Чтобы частныя учебныя заведенія по своей организаціи соотвѣтствовали казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, они были раздѣлены въ 1835 году на три разряда: стоящія на степени гимназій, уѣздныхъ училищъ и приходскихъ училищъ. Надзоръ за частными учебными заведеніями по уставу 1828 года поручался въ губернскихъ городахъ директорамъ училищъ, а въ уѣздныхъ—штатнымъ смотрителямъ. Съ 1833 года для надзора за частными учебными заведеніями, состоящими въ столицахъ, назначаются инспектора, подчиненные непосредственно попечителю округа. Для предупрежденія излишняго распространенія пансіоновъ, не достигавшихъ своей цѣли, а также для поддержанія пансіоновъ на должной степени ихъ значенія, въ 1833 году Высочайше повелѣно: „впредь до усмотрѣнія, пріостановиться открытіемъ новыхъ частныхъ пансіоновъ въ столицѣ; въ другихъ же городахъ разрѣшать ихъ учрежденіе только въ случаѣ крайней надобности“, при чемъ на открытіе частныхъ училищъ имѣли право тѣ изъ иностранцевъ, которые приняли русское подданство. Для правильнаго веденія дѣла домашняго обученія были обнародованы въ 1834 году подробныя законоположенія для домашнихъ наставниковъ и учителей. Уставъ 1834 года, представляя стройную организацію домашняго ученія, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, служитъ узаконеніемъ по этому предмету и въ наше время. Всѣ, поступающіе въ эти должности, независимо отъ удостовѣренія въ знаніяхъ въ наукахъ, должны быть христіанскаго вѣроисповѣданія, достаточно извѣстные со стороны нравственныхъ качествъ и подданные россійскаго государ-

ства. Званіе домашняго наставника присвоется исключительно тѣмъ лицамъ, кои окончили полный курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: университетахъ и духовныхъ академіяхъ, и изъявятъ желаніе заниматься воспитаніемъ юношества въ частныхъ домахъ. Званіе домашняго учителя и домашней учительницы предоставляется тѣмъ, которые докажутъ на испытаніи, что они имѣютъ не только общія необходимыя для начальнаго обученія, но также подробныя и основательныя свѣдѣнія въ тѣхъ предметахъ, которые они преподавать намѣрены. Испытанія производятся въ университетѣ или лицеѣ, а гдѣ нѣтъ сихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то въ гимназіяхъ, и должны состоять въ словесномъ рѣшеніи нѣсколькихъ вопросовъ по предметамъ испытанія, въ письменномъ разсужденіи на заданную тему и въ чтеніи пробной лекціи. Лица женскаго пола, окончившія курсъ въ среднихъ правительственныхъ заведеніяхъ, состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, получаютъ по выданнымъ имъ при выпускѣ аттестатамъ свидѣтельство на званіе домашней учительницы, не подвергаясь испытанію. Домашніе наставники, учителя и учительницы подчиняются непосредственно губернскимъ директорамъ училищъ; послѣднимъ, а также и мѣстнымъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, они обязаны при опредѣленіи въ частный домъ немедленно предъявлять свои свидѣтельства. Съ окончаніемъ каждаго года они обязаны представлять директору отчетъ въ своихъ трудахъ и занятіяхъ вмѣстѣ съ одобрительными о себѣ свидѣтельствами отъ уѣздныхъ предводителей дворянства и отъ тѣхъ лицъ, у коихъ они исполняютъ обязанности своего званія. При исполненіи всего, требуемаго по ихъ званію, правительство считаетъ ихъ на службѣ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, и имъ предоставляются соотвѣтствующія права какъ относительно чинопроизводства, знаковъ отличія и пенсіи. Въ томъ же году было постановлено, что лица, желающія обучать въ частныхъ домахъ чтенію и письму по русскому и иностраннымъ языкамъ, также и ариѳметикѣ, должны подвергаться испытанію въ одной изъ гимназій, или за дальностью гимназіи—въ уѣздномъ училищѣ. Въ 1846 году издано положеніе о специальныхъ испытаніяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, на основаніи котораго испытаніе на званіе домашняго учителя можетъ быть общее и частное: первое для лицъ, не окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ уѣздныхъ училищахъ;

частному же испытанію, производимому только по однимъ главнымъ предметамъ, подвергаются лица, окончившія съ успѣхомъ полный курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ уѣздныхъ училищахъ. Въ 1853 году было издано положеніе о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ домашнимъ наставникамъ и учителямъ.

Для предупрежденія вредныхъ послѣдствій чужеземнаго воспитанія и ложныхъ понятій о Россіи, Высочайше повелѣно (въ 1831 г.), чтобы россійское юношество отъ 10 до 18-ти лѣтняго возраста, воспитывалось всегда въ Россіи, и чтобы юноши моложе 18-ти лѣтъ не были отправляемы для усовершенствованія въ наукахъ въ чужіе края. Тѣ, при воспитаніи которыхъ не будутъ соблюдены эти требованія, лишаются права на поступленіе въ военную и во всякую другую государственную службу.

Женское образованіе. Въ описываемую эпоху женскіе институты и пансіоны продолжали служить заведеніями для образованія дѣвицъ высшаго и средняго сословій. Институты, сохранивъ свой прежній характеръ — строго закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, при воспитаніи дѣвицъ имѣли цѣлью „образованіе добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ". Хотя воспитывавшіяся въ институтахъ дѣвицы получали высокое нравственное воспитаніе и значительныя научныя познанія, такъ какъ учебныя программы постепенно расширялись и измѣнялись соотвѣтствнно требованіямъ, но строгая затворническая жизнь въ заведеніи не могла не оставить своего отпечатка, на институткахъ: незнаніе свѣта, отчужденіе отъ семьи, вкоренившіяся институтскія привычки и манеры, узкость взглядовъ, непрактичность въ жизни и проч. Разумѣется, это все вскорѣ сглаживалось, и въ жизни онѣ являлись образованными, полезными дѣятельницами, свято-хранившими завѣты воспитавшаго ихъ заведенія. Большая часть воспитанницъ этого времени прилагаютъ свои знанія на педагогическомъ поприщѣ и съ успѣхомъ занимаютъ мѣста начальницъ женскихъ заведеній, классныхъ дамъ, учительницъ, гувернантокъ и проч.

Когда, по кончинѣ Императрицы Маріи Θеодоровны, состоявшія подъ Ея покровительствомъ женскія училища были приняты подъ непосредственное и особое покровительство Государя и Императрицы, число женскихъ учебныхъ заведеній, особенно провинціальныхъ, стало быстро увеличиваться. Цѣль учрежденія этихъ заведеній

была та же, которую постановила Императрица Марія — образовывать „добрыхъ женъ, попечительныхъ матерей, примѣрныхъ наставницъ для дѣтей, хозяекъ, способныхъ трудами своими и пріобрѣтенными искусствами доставлять самимъ себѣ и ихъ семействамъ средства къ существованію“; такъ, были основаны институты: Одесскій (въ 1829 году), Александровскій сиротскій институтъ (въ 1830 году), Кіевскій (въ 1838 году), Тамбовскій, Керченскій (въ 1835 году), Астраханскій (въ 1836 году), институтъ для воспитанія дѣвицъ въ Нижнемъ Новгородѣ (въ 1852 году), Саратовско-Маріинскій институтъ (въ 1854 г.). Правительство обратило особенное вниманіе также на западныя губерніи съ цѣлью распространять просвѣщеніе и русское образованіе между дворянами этихъ губерній. Такъ, были открыты: Могилевскій институтъ (въ 1840 году), Бѣлостокскій (въ 1837 году), Варшавскій Александринскій, переведенный въ 1843 году въ Новую Александрію близъ Варшавы; также были устроены образцовые женскіе пансіоны въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гродно, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Вислицѣ, Житомірѣ, Ровно и Каменецъ-Подольскѣ съ цѣлью выполнить недостатокъ учебныхъ заведеній для образованія дѣвицъ въ западномъ краѣ, при чемъ каждому заведенію назначались въ пособіе отъ казны опредѣленныя суммы и содержательницы пансіоновъ опредѣлялись русскія, преимущественно бывшія воспитанницы институтовъ. Вскорѣ затѣмъ были открыты институты: Виленскій и Закавказскій (въ 1840 году), Маріинскій въ Новочеркасскѣ (въ 1845 году). Такъ какъ въ Сибири до сихъ поръ не было ни одного учебно-воспитательнаго женскаго заведенія, то на средства и по мысли вдовы купца первой гильдіи Елизаветы Михайловны Медвѣдниковой былъ открытъ въ Иркутскѣ Сиропитательный Домъ для образованія и воспитанія сиротъ женскаго пола. Въ 1841 году былъ открытъ институтъ въ восточной Сибири съ цѣлью, чтобы дѣти дворянъ и купцовъ получали среднее образованіе; также возникло предположеніе объ учрежденіи такого же института въ западной Сибири. Въ 1845 году дворянство земли войска Донского ходатайствовало объ открытіи въ Новочеркасскѣ института для мѣстныхъ дворянъ, названнаго впослѣдствіи Маріинскимъ. Въ 1840 году открытъ въ Тифлисѣ Закавказскій институтъ. Въ это же время многія училища для бѣдныхъ дѣвицъ всѣхъ сословій были вновь учреждены и преобразованы на средства городовъ и частныхъ лицъ; такъ, въ Омскѣ, Кіевѣ, Оренбургѣ и школа въ Тобольскѣ,

возникшая по случаю посѣщенія Его Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Тобольска. Въ1841 году было открыто женское училище Ея Императорскаго Высочества Принцессы Терезіи Ольденбургской на собственныя средства Ея Императорскаго Высочества; это заведеніе учреждено для бѣдныхъ дѣвицъ всѣхъ свободныхъ сословій, съ цѣлью обезпечить ихъ будущность „трудомъ честнымъ, благороднымъ". Женскія гимназіи при Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, учрежденныя въ 1848 году по мысли Его Высочества Принца Ольденбургскаго, назначались для дочерей чиновниковъ института и Гатчинскаго Дворцоваго Управленія. Въ 1852 году разрѣшенъ сборъ для учрежденія Орловскаго института, въ 1848 году состоялось постановленіе Костромского дворянства объ учрежденіи Романовскаго института въ Костромѣ, открытаго въ 1851 году.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, также содѣйствуетъ женскому образованію, открываетъ новыя училища для дѣвочекъ и дѣвицъ; такъ, было учреждено училище для дѣвицъ въ г. Нерехтѣ, упомянутые образцовые пансіоны въ западныхъ губерніяхъ, городское училище для дѣвицъ въ Николаевѣ, школы въ Бѣлорусскомъ учебномъ округѣ для начальнаго образованія бѣдныхъ дѣвицъ, высшее дѣвичье училище въ Либавѣ, Доротеинское начальное училище для дѣвицъ въ Митавѣ и др.

Благодаря этимъ институтамъ и учебнымъ заведеніямъ, у насъ поддерживалось и распространялось женское образованіе и удовлетворялась возраставшая съ каждымъ поколѣніемъ потребность въ образованныхъ матеряхъ и воспитательницахъ. Но институты эти, учрежденные преимущественно для привилегированныхъ сословій ни по своему числу, ни по своему устройству, какъ закрытыя учебныя заведенія, не могли вполнѣ удовлетворить потребностямъ большинства среднихъ классовъ общества и далеко не представляли столько вакантныхъ мѣстъ, сколько всегда было желающихъ поступить въ нихъ.

Заводимые же въ это время иностранцами частные пансіоны, часто съ спекулятивною цѣлью, также были недоступны для бѣдныхъ семействъ.

На ощущавшуюся потребность многихъ родителей средняго класса, желавшихъ дать приличное образованіе своимъ дѣтямъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ семьи и родныхъ, сочувственно отозвался Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, который по Высочайшему утвержденію открываетъ въ Петербургѣ въ

концѣ 50-хъ годовъ въ видѣ опыта первое женское училище для обученія приходящихъ дѣвицъ—Маріинское женское училище. Быстрое наполненіе училища учащимися въ первые мѣсяцы его существованія наглядно показало, насколько подобныя училища могутъ удовлетворять насущной потребности общества; вслѣдствіе этого Главный совѣтъ женскихъ училищъ, съ Высочайшаго утвержденія, открываетъ въ Петербургѣ рядъ новыхъ подобныхъ училищъ, число которыхъ постоянно увеличивалось, и изъ которыхъ развились впослѣдствіи существующія нынѣ женскія гимназіи.

Въ этотъ же періодъ получили свое основаніе, а затѣмъ и распространеніе по епархіямъ — епархіальныя женскія училища для дѣтей духовенства. До основанія этихъ училищъ дочери духовенства довольствовались лишь домашнимъ воспитаніемъ, ограничиваясь пріученіемъ къ рукодѣліямъ и домашнимъ хозяйствамъ. Обученіе же чтенію и письму заимствовалось отъ отца или братьевъ и состояло въ чтеніи по букварю и часослову да въ подписи своего имени и фамиліи. Хотя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ еще тридцатыхъ годовъ были пріюты для дочерей духовенства, но они предназначались, главнымъ образомъ, для сиротъ; большинство же дочерей духовнаго сословія должно было ограничиваться самымъ элементарнымъ домашнимъ воспитаніемъ.

Въ 1843 году Великая Княжна Ольга Николаевна приказала сообщить оберъ-прокурору записку объ учрежденіи въ Царскомъ Селѣ воспитательнаго заведенія для священническихъ дочерей С.-Петербургской епархіи. Тогда же послѣдовалъ Высочайшій Указъ Св. Синоду объ открытіи въ Царскомъ Селѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія. По типу этого училища былъ затѣмъ открытъ цѣлый рядъ епархіальныхъ училищъ (Ярославское въ 1846 году, Казанское, Иркутское въ 1854 г. и проч.) съ цѣлью дать образованіе дочерямъ духовенства, чтобы онѣ были „достойными супругами служителей Алтаря Господня и попечительными матерями, которыя возращали бы дѣтей своихъ въ правилахъ благочестія и добронравія“. Курсъ этихъ училищъ былъ 6-ти лѣтній и состоялъ изъ трехъ классовъ. Кромѣ учебныхъ предметовъ, дѣвицы обучались рукодѣлію и домашнимъ хозяйствамъ, также рекомендовалось имѣть при училищѣ садъ съ огородомъ, скотный и птичій дворъ.

Со временемъ программы этихъ училищъ постепенно расширялись, а число самихъ училищъ стало увеличиваться. Въ виду

того, что дочери священниковъ въ западномъ краѣ продолжали оставаться безъ воспитанія, или же получали образованіе въ мѣстныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то, для отстраненія вліянія польскаго элемента на воспитанницахъ, такія епархіальныя училища стали открываться и въ западномъ краѣ (Виленское, Могилевское, Полоцкое, Волынское, Подольское, Минское и друг.).

Начальное женское образованіе. Хотя приходскія училища предназначались для дѣтей обоего пола, но если обученіе мальчиковъ не находилось въ этихъ училищахъ въ удовлетворительномъ состояніи, то еще хуже было съ образованіемъ дѣвочекъ низшихъ сословій, для которыхъ образованіе даже не считалось особенно нужнымъ; поэтому-то и въ тѣхъ немногихъ начальныхъ училищахъ, въ которыхъ могли обучаться дѣвочки, число грамотныхъ дѣвочекъ относилось къ числу мальчиковъ, какъ 1 къ 10. Съ нѣсколько большимъ успѣхомъ шло обученіе дѣвочекъ въ школахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, которое нашло возможнымъ для обученія дѣвочекъ назначать особыхъ наставницъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ обучали дѣвочекъ и женскимъ рукодѣліямъ; въ отчетѣ по вѣдомству Удѣловъ за 1844 годъ сказано: „удѣльные крестьяне начинаютъ понимать необходимость ученія не только своихъ сыновей, но и дочерей; почему употребляютъ всѣ усилія къ помѣщенію первыхъ въ сельскія училища, а для послѣднихъ многіе нанимаютъ особыхъ учителей. Чтобы дать сему полезное направленіе, положено учредить въ городѣ Алатырѣ хозяйственное училище для крестьянскихъ дочерей“.

Въ 1845 году на образованіе крестьянскихъ дѣвочекъ обратило свое особенное вниманіе Императорское Московское Общество сельскаго хозяйства. Собравъ свѣдѣнія о женской крестьянской школѣ, учрежденной въ 1824 году въ имѣніи помѣщика Стремоухова, общество выразило ему свое вниманіе, присудивъ медаль, а также составило особый комитетъ для распространенія грамотности между крестьянами, преимущественно путемъ образованія дѣвочекъ, будущихъ матерей. Затѣмъ оно обращалось къ разнымъ лицамъ и обществамъ въ надеждѣ на содѣйствіе ихъ въ этомъ полезномъ мѣропріятіи. Особенно заботился объ образованіи крестьянскихъ дочерей секретарь Московскаго Общества сельскаго хозяйства, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, который еще въ сороковыхъ годахъ писалъ: „пора обратить вниманіе на религіозно-нравственное образованіе крестьянокъ, какъ матерей, имѣющихъ

гораздо большее вліяніе на благосостояніе семействъ, нежели самые отцы. Это истина. Мать неразлучна съ дѣтьми; примѣръ ея болѣе всего дѣйствуетъ на ихъ умъ и сердце. Отцы и грамотные сыновья скорѣе зовутся на внѣшнюю дѣятельность и расходятся изъ селеній, какъ промышленники, какъ фабриканты, какъ писаря и конторщики. Отъ ихъ грамотности можетъ быть семейству денежная польза лучшими заработками, но нравственной очень мало; мать же всегда остается съ дѣтьми, и если она сама знаетъ заповѣди Божіи, сама умѣетъ читать молитвы утреннія и вечернія, то она непремѣнно выучитъ тому и дѣтей своихъ; сама будетъ нравственнѣе и благочестивѣе, и подастъ въ томъ примѣръ дѣтямъ своимъ... Пусть букварь, часословъ и псалтырь будутъ первымъ курсомъ церковной грамотности для матерей. По этимъ книгамъ учились прежде и могутъ всѣ учиться чтенію, даже самоучкою, а тѣмъ паче при пособіи грамотныхъ учителей и въ особенности духовенства, призываемаго къ тому по священной обязанности отцовъ духовныхъ".

Развивая эти мысли въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ и распространяя ихъ путемъ своихъ сочиненій, С. А. Масловъ оказалъ существенную услугу дѣлу женскаго крестьянскаго образованія. Мысль о распространеніи церковной грамотности между крестьянами была удостоена Высочайшаго благоволенія Государыни Императрицы, а общество отозвалось съ полнымъ сочувствіемъ къ преслѣдуемой С. А. Масловымъ благодѣтельной цѣли, и, какъ доказательство этого сочувствія, во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ начинаютъ открываться женскія школы. Многіе помѣщики и помѣщицы изъ высшаго общества (Гр. М. П. Комаровская, Е. А. Курбатова, А. Е. Шипова, М. И. Рѣпнинская, Кн. О. В. Барятинская и пр.) стали заводить въ своихъ имѣніяхъ женскія училища и своимъ личнымъ наблюденіемъ, при содѣйствіи мѣстныхъ священниковъ, доводили это дѣло до желаемыхъ результатовъ. Нѣкоторыя богатыя и знатныя дамы, состоящія въ столицахъ и городахъ въ званіи попечительницъ дѣтскихъ пріютовъ, стали заводить въ своихъ помѣстьяхъ подобные же сельскіе пріюты для призора и первоначальнаго образованія дѣтей. Примѣру своихъ образованныхъ матерей, заботящихся о бѣдныхъ дѣтяхъ, стали подражать и ихъ дочери, образованныя институтки, которыя, по окончаніи курса, пріѣзжали въ деревню къ своимъ родителямъ и находили самое пріятнѣйшее для себя деревенское занятіе въ перво-

начальномъ обученіи крестьянскихъ дѣвочекъ. Упоминая объ одной изъ такихъ молодыхъ образованныхъ дѣвицъ, С. А. Масловъ говоритъ слѣдующія поучительныя слова: „Сколько такихъ добрыхъ и воспитанныхъ наставницъ будетъ умножаться ежегодно, если во всѣхъ институтахъ для дѣвицъ будутъ ихъ учить читать не одну гражданскую, но и славянскую печать, для того, во-первыхъ, что стыдно Россіянкамъ Православной вѣры не умѣть читать молитвъ на языкѣ богослуженія, а потомъ и для того, что если судьба приведетъ ихъ жить въ деревняхъ, то онѣ могутъ передавать свое ученіе и крестьянскимъ дѣтямъ по церковной азбукѣ, часослову и проч. Предубѣжденіе противъ церковно-славянскаго языка неприлично Россіянкамъ и, смѣемъ думать, что въ наше время имъ стыдно не знать того языка, который долженъ быть общимъ для всѣхъ сословій при изученіи основаній Вѣры Православной и заповѣдей Божіихъ. Сколько отрады въ деревенской жизни найдутъ молодыя институтки, занявшись ученіемъ и воспитаніемъ крестьянскихъ дѣтей при совѣтѣ и помощи отцовъ духовныхъ! Желаемъ имѣть болѣе и болѣе извѣстій объ умноженіи сельскихъ пріютовъ и распространеніи церковной грамотности подъ личнымъ надзоромъ помѣщицъ и ихъ дочерей, получившихъ доброе воспитаніе“.

Но всѣ эти мѣры для распространенія начальнаго женскаго образованія въ средѣ крестьянскихъ дочерей, являются лишь какъ рѣдкіе случаи, какъ результатъ энергичныхъ усилій немногихъ лицъ, видѣвшихъ возможность для будущей матери содѣйствовать образованію своихъ дѣтей. У такихъ весьма немногихъ помѣщиковъ и можно было встрѣтить грамотную крестьянку. Большинство же общества, вообще равнодушно относившагося къ образованію женскаго класса, весьма мало сочувствовало распространенію образованія между крестьянскими дѣвочками—и если въ это время встрѣчались имѣнія съ совершенно безграмотнымъ мужскимъ населеніемъ, то грамотныя крестьянки представляли странное исключеніе изъ общей необразованной массы женскаго населенія. Во всякомъ же случаѣ описываемая эпоха можетъ считаться началомъ крестьянскаго женскаго образованія, такъ какъ потребность его стала уже сознаваться правительствомъ и тѣми дѣятелями, которые здраво смотрѣли на женщину и видѣли въ ней, какъ въ будущей матери, первую и важную воспитательницу русскаго крестьянства. Учреждаемыя съ этою цѣлью училища, издаваемыя

въ этомъ направленіи сочиненія служили первыми двигателями этого важнаго дѣла.

Главнѣйшіе дѣятели по Министерству Народнаго Просвѣщенія и педагогическіе труды лицъ, причастныхъ дѣлу народнаго образованія. Многочисленныя учебныя заведенія, учрежденныя въ царствованіе Императора Николая I, продолжающія свою полезную дѣятельность и въ наше время, служатъ живыми памятниками высокихъ заботъ правительства, стремившагося цѣлесоотвѣтственно удовлетворить потребностямъ образованія всѣхъ состояній русскаго общества.

Быстрое развитіе училищнаго дѣла въ теченіе этой эпохи обязано, главнымъ образомъ, своимъ успѣхомъ просвѣщеннымъ взглядамъ Императора Николая I, видѣвшаго въ правильномъ образованіи главное условіе народнаго благосостоянія. Удовлетворяя требованіямъ русской жизни, народныя училища этой эпохи являются заведеніями, соотвѣтствующими своему назначенію: развивая и укрѣпляя духовныя силы молодого русскаго поколѣнія, обогащая учащихся полезными и научными свѣдѣніями примѣнительно къ ихъ состоянію и требованіямъ, всѣ народныя училища этой эпохи объединялись одною общею цѣлью—воспитать вѣрныхъ и преданныхъ слугъ Церкви, Царю и Отечеству.

Открывая повсемѣстно училища, обезпечивая ихъ существованіе въ матеріальномъ и учебномъ отношеніи, Министерство принимаетъ также всѣ мѣры и для дальнѣйшаго ихъ преуспѣянія. Такъ, между прочими мѣропріятіями — съ цѣлью поставить русскія учебныя заведенія на одинаковую высоту съ западно-европейскими, Министерство отправляетъ молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ и спеціальною педагогическою подготовкою въ западныя государства, гдѣ они знакомятся съ новѣйшими методами обученія и съ ходомъ учебнаго дѣла у извѣстнѣйшихъ въ то время педагоговъ—Песталоцци, Дистервега, Фребеля и друг. Многіе изъ заграничныхъ ученыхъ приглашаются въ Россію для занятія должностей въ высшихъ ученыхъ учрежденіяхъ и профессорскихъ каѳедръ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Все имѣвшее какое-либо полезное педагогическое значеніе не оставлялось правительствомъ безъ вниманія и находило примѣненіе въ школѣ. Такъ, большимъ вниманіемъ пользовалась одно время метода Язвинскаго, особенно при преподаваніи всеобщей и русской исторіи.

Язвинскій, уроженецъ города Минска, получившій въ Россіи

высшее образованіе, изобрѣлъ способъ, значительно облегчающій и упрочивающій запоминаніе хронологіи историческихъ событій. При управленіи Министерствомъ графа Уварова, Язвинскій былъ приглашенъ въ 1835 году для введенія его способа въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. При помощи этого способа, двѣнадцатилѣтніе мальчики въ короткое время твердо усвоивали себѣ массу фактовъ по русской и всеобщей исторіи. Этотъ методъ былъ распространенъ во многихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и въ Главномъ педагогическомъ институтѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ способъ былъ оставленъ, такъ какъ онъ оказался не болѣе, какъ вспомогательное мнемоническое средство, пригодное для учениковъ съ развитою памятью мѣстности; къ тому же при пользованіи этимъ методомъ исторія не могла быть преподаваема въ формѣ систематическаго учебнаго предмета.

Также пользовался въ это время извѣстнымъ значеніемъ методъ риѳмически-обобщательный, заимствованный изъ школы Базедова. Онъ состоялъ въ томъ, что учитель громко, внятно и въ риѳмической связи говорилъ ученикамъ содержаніе урока, которое затѣмъ повторялось слово въ слово разомъ нѣсколькими учениками; помощью этого метода одновременно упражнялась рѣчь, умъ и память ученика и устранялось заучиваніе уроковъ на дому.

Поощряя изданіе педагогическихъ сочиненій и учебниковъ, Министерство также распространяло педагогическія свѣдѣнія чрезъ посредство своего органа—Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, основаннаго въ 1834 году въ управленіе Министерствомъ графа Уварова. Журналъ назначался, главнымъ образомъ, для возбужденія учено-литературной дѣятельности въ средѣ университетскихъ и лицейскихъ преподавателей и для ознакомленія русскихъ читателей, а въ особенности наставниковъ юношества въ нашихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ съ тѣмъ, что происходитъ въ области наукъ. Съ 1860 года журналъ былъ преобразованъ почти въ исключительно педагогическій. Министръ Головнинъ (1861—1866) измѣнилъ программу журнала и сдѣлалъ его чисто официальнымъ органомъ, такъ что въ немъ стали печататься лишь правительственныя сообщенія и распоряженія по учебной части, официальные отчеты и отчеты лицъ, командированныхъ за границу. Но такое направленіе журнала было недолго: въ 1866 году журналу приданъ характеръ учено-учебнаго изданія съ цѣлью поддержать въ наставникахъ юношества серьезное научное направленіе и рвеніе къ преподава-

нію ввѣренныхъ имъ предметовъ на основаніи разумныхъ правилъ, оправданныхъ опытами просвѣщеннѣйшихъ странъ.

Министры, стоявшіе въ эту эпоху во главѣ управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, при своемъ высокомъ образованіи, всегда стояли на высотѣ своего призванія.

Министръ Александръ Семеновичъ адмиралъ Шишковъ (1824—1828 г.), при которомъ вырабатывался новый уставъ училищъ 1828 года, проводилъ всюду въ учебную реформу духъ православія и народности, заботился объ усиленіи занятій въ училищахъ отечественнымъ языкомъ и отечественною литературою. Бывшій послѣ него министромъ генералъ отъ инфантеріи князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ (1828 — 1833 г.), при своемъ возвышенномъ характерѣ, видѣвшій основу народнаго знанія въ „сердечной вѣрѣ во Христа", съ полнымъ успѣхомъ осуществилъ на дѣлѣ примѣненіе устава 1828 года. Въ его же время заявилъ свою полезную дѣятельность организованный въ 1826 году „Комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ пособій". Послѣ князя Ливена въ 1833 году Министерство ввѣряется прежнему товарищу министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному тайному совѣтнику Сергѣю Семеновичу Уварову (1833 — 1849 г.), возведенному впослѣдствіи, за свои заслуги на пользу отечественнаго просвѣщенія, въ графское достоинство. Во всѣхъ отношеніяхъ подготовленный къ предстоявшей ему службѣ прежнею своею дѣятельностью въ качествѣ попечителя и товарища министра, при своемъ выдающемся научномъ образованіи, графъ Уваровъ поставилъ учебное дѣло на требуемую степень высоты, и его управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія составляетъ блестящую эпоху въ дѣлѣ русскаго образованія, преимущественно высшаго и средняго. Преслѣдуя, согласно съ высокими намѣреніями Государя, ту идею, что образованіе должно совершаться „въ соединенномъ духѣ Православія, Самодержавія и Народности", графъ Уваровъ своими преобразованіями университетовъ и гимназій достигнулъ быстраго ихъ развитія въ нравственномъ и учебномъ отношеніяхъ. При графѣ Уваровѣ въ 1835 году университетамъ былъ дарованъ новый Высочайше утвержденный уставъ, и университеты, освобожденные, согласно этому уставу, отъ завѣдыванія гимназіями и другими училищами, „столь несовмѣстнаго съ умноженіемъ дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній", вполнѣ возродились для собственно-научной жизни. Кромѣ многихъ важныхъ преобразованій въ орга-

низацiи гимназiй, графу Уварову принадлежитъ мысль введенiя въ гимназическiй курсъ строго классическаго образованiя, что и было осуществлено съ 1819 года, когда графъ Уваровъ былъ еще попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. При немъ же было положено основанiе и такъ называемому реальному направленiю введенiемъ въ курсъ нѣкоторыхъ гимназiй тѣхъ наукъ, которыя служатъ для подготовленiя къ практической дѣятельности. Особою заботливостью графа Уварова пользовался и Главный педагогическiй институтъ, приведенный при немъ въ видъ, вполнѣ удовлетворявшiй назначенiю института.

Послѣ графа Уварова Министерствомъ управлялъ тайный совѣтникъ князь Платонъ Александровичъ Ширинскiй-Шихматовъ (1849—1853 г.), отличавшiйся высокимъ благочестiемъ и безграничнымъ уваженiемъ къ церковно-славянскому и русскому языку. Руководствомъ для его министерской дѣятельности послужили всемилостивѣйшiя слова, съ которыми обратился къ нему Государь при назначенiи его на должность министра: „Религiя должна служить единственною твердою основою всякаго полезнаго ученiя". Вслѣдствiе этого указанiя, а также по своему строго-религiозному направленiю, князь Ширинскiй-Шихматовъ обращаетъ особенное вниманiе на религiозно-нравственную сторону воспитанiя и обученiя. Съ этою цѣлью дѣлается строгiй выборъ законоучителей, чтобы, во исполненiе Высочайшей воли „мѣста законоучителей во всѣхъ учебныхъ заведенiяхъ, отъ университетовъ до приходскихъ училищъ, занимали лица, проникнутыя убѣжденiемъ въ святости своего призванiя"... Для огражденiя русскаго юношества „отъ обольстительныхъ мудрствованiй новѣйшихъ философскихъ системъ", преподаванiе философiи въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ поручается профессорамъ богословiя.

Въ 1850 г. былъ учрежденъ Комитетъ разсмотрѣнiя учебныхъ руководствъ, на обязанности котораго лежало—разсмотрѣнiе всякаго рода учебныхъ книгъ, руководствъ и книгъ для дѣтскаго чтенiя. Въ 1852 г. вводится новое распредѣленiе учебныхъ предметовъ и уроковъ въ гимназiяхъ, при чемъ греческiй языкъ упраздненъ въ большей части гимназiй и замѣненъ преподаванiемъ естественной исторiи.

Въ 1853 году вступаетъ въ управленiе Министерствомъ товарищъ министра, дѣйствительный тайный совѣтникъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ (1853—1858 г.), авторъ извѣстнаго обширнаго

сочиненія: „Путешествіе ко Святымъ мѣстамъ“. Во время его управленія Министерствомъ въ первые годы царствованія Императора Александра II-го послѣдовали многія распоряженія правительства, какъ слѣдствіе гуманности и высокаго чувства человѣколюбія Императора Александра II-го: такъ, возстановляется право учителей на пользованіе пенсіею послѣ 25-тилѣтней службы; усиливаются средства учебныхъ заведеній какъ возвышеніемъ платы за ученіе, такъ и отпускомъ большей суммы на ихъ содержаніе изъ Государственнаго Казначейства; отмѣняется запрещеніе открывать вновь частные пансіоны въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, при чемъ право разрѣшать ихъ открытіе предоставляется попечителю округа и проч. Въ 1856 году по инициативѣ министра А. С. Норова, съ цѣлью поставить учебное дѣло на правильную и опредѣленную почву, преобразовывается Главное Правленіе Училищъ, и возстановляется Ученый Комитетъ, упраздненный въ 1831 году.

Учебники и руководства для элементарнаго обученія. По мѣрѣ возрастанія числа училищъ и болѣе правильной ихъ организаціи въ учебномъ отношеніи, особенно же по введеніи устава 1828 года, возрастаетъ и число дѣятелей, посвящающихъ себя педагогическому поприщу. Этому содѣйствуетъ какъ пробудившійся въ образованныхъ людяхъ интересъ къ педагогическимъ занятіямъ, такъ и учрежденіе Главнаго педагогическаго института, въ которомъ будущіе учителя, при основательномъ научномъ образованіи, получали правильную педагогическую подготовку; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ обществѣ пробуждается уваженіе къ педагогическому труду и учительскому званію, пріобрѣтшему то значеніе, какимъ оно должно пользоваться въ просвѣщенномъ государствѣ. Состоя на службѣ при учебныхъ заведеніяхъ въ званіи директоровъ, инспекторовъ и учителей, или же посвящая себя частнымъ педагогическимъ занятіямъ, многіе изъ педагоговъ этой эпохи, особенно же во вторую ея половину, занимаютъ видное мѣсто въ исторіи русскаго образованія. Одни оставили по себѣ память, какъ опытные и практическіе воспитатели и учители молодого русскаго поколѣнія, другіе обогатили русскую литературу капитальными учебниками и руководствами, или же своими сочиненіями и статьями содѣйствовали распространенію правильныхъ воззрѣній на дѣло воспитанія и обученія. Въ это же время и дѣтская литература, особенно благодаря образованнымъ писательницамъ, обогащается многими книгами и журналами для дѣтскаго чтенія.

Учебная литература, состоявшая въ началѣ нашего столѣтія преимущественно изъ переводныхъ иностранныхъ учебниковъ и руководствъ, съ 30-хъ годовъ начинаетъ пополняться учебниками, составленными нѣкоторыми изъ русскихъ педагоговъ; изъ числа появившихся русскихъ учебниковъ нѣкоторые пользовались несомнѣнными достоинствами. Въ учебникахъ и руководствахъ для гимназическаго образованія не было недостатка, и каждый преподаваемый предметъ былъ въ этомъ отношеніи вполнѣ обезпеченъ. Такимъ образомъ, гимназіи, а отчасти и уѣздныя училища, по введеніи устава 1828 года, не имѣли недостатка ни въ хорошихъ учителяхъ, ни въ учебникахъ; точно такъ же и элементарное образованіе дѣтей высшаго и средняго сословій, благодаря многочисленнымъ дѣтскимъ книгамъ, достигалось съ достаточною удовлетворительностью. Самою же слабою стороной учебнаго дѣла этого періода было начальное обученіе дѣтей низшихъ сословій, преимущественно сельскаго. Не говоря уже вообще о крайнемъ недостаткѣ училищъ для элементарнаго образованія дѣтей низшихъ состояній, дѣло обученія и въ существовавшихъ въ то время немногихъ элементарныхъ училищахъ было поставлено далеко неудовлетворительно: при несуществованіи училищъ для спеціальнаго приготовленія начальныхъ учителей, при недостаткѣ учебниковъ и совершенномъ неимѣніи книгъ по методикѣ начальнаго обученія—послѣднее и не могло отличаться успѣшностью. Учителя, обучая безъ всякихъ педагогическихъ правилъ и указаній, обращали преимущественное вниманіе на усвоеніе учащимися свѣдѣній на память, иногда безъ пониманія заучиваемаго, нисколько не заботясь объ умственномъ развитіи и возбужденіи самодѣятельности учащихся. Хотя во второй четверти текущаго столѣтія нѣкоторыми русскими педагогами и вырабатываются цѣлесоотвѣтственные методы по обученію грамотѣ, но они не получаютъ повсемѣстнаго значенія, такъ какъ учителя, сами обучавшіеся совершенно инымъ путемъ, неохотно слѣдовали новымъ указаніямъ, или даже не понимали ихъ; поэтому-то и случалось, что вполнѣ полезныя книги, распространяемыя даже по распоряженію правительства, оставались въ училищахъ безъ употребленія.

Обученіе грамотѣ. Обученіе грамотѣ производилось стариннымъ буквослагательнымъ способомъ по гражданской азбукѣ; тѣ же, которые учились у духовенства, у членовъ причта или въ домашнихъ школахъ грамотности — знакомились преимущественно съ церковно-славянскимъ чтеніемъ. Обученіе письму слѣдовало

обыкновенно послѣ чтенія. Въ азбукахъ недостатка не было; онѣ издавались во множествѣ какъ казенными учрежденіями, такъ и частными лицами. Эти азбуки, кромѣ буквъ, складовъ и отдѣльныхъ словъ для чтенія по усвоеніи складовъ, содержали въ себѣ и матеріалъ для первоначальнаго чтенія, состоящій изъ молитвъ, краткихъ изреченій, иногда краткой священной исторіи, стихотвореній, басенъ; въ концѣ азбуки прилагалась обыкновенно таблица умноженія. Многія азбуки были съ картинами какъ для возбужденія интереса учащихся, такъ и для облегченія изученія азбуки. Нерѣдко вводились въ азбуку и научныя свѣдѣнія, часто совершенно непонятныя для учащихся, какъ, напримѣръ, „четыре стихіи, или элемента — воздухъ, вода, огонь и земля". Различныя средства для облегченія изученія азбуки, получившія свое начало въ школѣ Базедова, какъ-то: разрѣзныя буквы, карточки, азбучное лото и другія игры, перешли къ намъ изъ-за границы и скоро стали производиться и у насъ; такъ, уже въ 1836 г. была извѣстна азбука на машинѣ Ваханскаго. Разумѣется, эти вспомогательныя средства были доступны при домашнемъ воспитаніи только въ достаточныхъ семьяхъ. Также не было недостатка и въ книгахъ для начальнаго дѣтскаго чтенія для дѣтей средняго и высшаго сословій; для начальнаго же чтенія дѣтей простого сословія и особенно сельскаго — вовсе не было матеріала для чтенія, не было никакой предназначенной для нихъ полезной книги для чтенія. Изданная же въ 1849 году для училищъ Министерства Государственныхъ Имуществъ книга: „Разсказы о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, чтеніе для дѣтей дома и въ школѣ", составленная по иностраннымъ образцамъ, своимъ направленіемъ вовсе не соотвѣтствовала русской школѣ. Тѣ, которые учились по церковной печати, переходили послѣ азбуки къ чтенію псалтыря и часослова; тѣ же, которые учились только по гражданской печати, были въ болѣе невыгодномъ положеніи относительно чтенія и должны были довольствоваться тѣмъ, что предлагала имъ азбука, или же тратили непроизводительно время на чтеніе сказокъ, пѣсенниковъ, сонниковъ и прочихъ книгъ простонародной литературы. По мѣрѣ стремленія упростить обученіе грамотѣ и сдѣлать его болѣе сознательнымъ, появляются во второй половинѣ этой эпохи азбуки, составленныя по способамъ, которые или заимствуются съ Запада, или до которыхъ составители азбукъ доходятъ самостоятельнымъ путемъ. Такъ, въ 1847 году напечатана „Русская азбука въ 24 урокахъ"

профессора Московскаго университета Болдырева. Она выдержала нѣсколько изданій и составлена по силлабическому, или слоговому, способу, представляющему посредствующую ступень между буквослагательнымъ и звуковымъ способами. Хотя этотъ способъ и не сдѣлался всеобщимъ, но для тѣхъ, которые изучали по немъ, обученіе чтенію значительно упрощалось. Этимъ же способомъ составлена и азбука Кремнева „Способъ обученія русскому чтенію“ и Главинскаго „Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія“, вышедшія въ 1854 году. Книга Главинскаго пользовалась значительнымъ распространеніемъ, особенно въ школахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, и мѣстами употребляется еще и понынѣ. Первые зачатки звукового способа встрѣчаются въ книгѣ, изданной въ Москвѣ приходскимъ учителемъ Покатиловымъ, дошедшимъ самостоятельно до этого способа и назвавшимъ его—„Покатилова метода“. Хотя авторъ и говоритъ, что его методъ употреблялся имъ съ большимъ успѣхомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе онъ не получилъ извѣстности: произношеніе буквъ по звуковому способу (бъ, въ, гъ...) считалось тогда „неестественно“, и „передача дѣтямъ звуковъ неудобовыразимыхъ и неясныхъ — затруднительною и вовсе несоотвѣтствующею цѣли преподаванія“. Аналитическій звуковой методъ вводится къ намъ черезъ переводъ сочиненій Жакото. Въ 1834 году Гугель, инспекторъ Императорскаго Воспитательнаго Дома въ Гатчинѣ, перевелъ съ французскаго „Метода Жакото, изложенная для родителей и наставниковъ“, и съ успѣхомъ употреблялъ его методъ въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Домѣ. Этимъ же аналитическимъ способомъ составлены азбуки Студитскаго и Золотова. Изъ нихъ пользовались большимъ распространеніемъ и имѣютъ свое педагогическое значеніе и въ наше время сочиненія Золотова, даже употреблявшійся имъ способъ назывался Золотовская метода грамоты. Способъ Золотова обратилъ на себя вниманіе съ 1855 года, когда были изданы имъ въ Тифлисѣ „Таблицы для взаимнаго обученія чтенію и письму“. Посвятивъ свою трудовую жизнь исключительно педагогическимъ занятіямъ, Василій Андреевичъ Золотовъ оказалъ большія услуги дѣлу народнаго образованія и своими книгами значительно содѣйствовалъ какъ распространенію грамотности въ средѣ простого народа, такъ и ознакомленію начальныхъ учителей съ болѣе легкимъ и болѣе развивающимъ способомъ обученія грамотѣ. Педагогическая дѣятельность Золотова, начавшаяся въ это время,

принадлежитъ преимущественно слѣдующей эпохѣ, когда и были достойно оцѣнены его труды какъ правительствомъ, такъ и обществомъ.

Въ концѣ этой же эпохи, въ 1860 г., появилось сочиненіе петербургскаго педагога Г. Паульсона: „Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ“, въ составъ которой вошелъ изданный впослѣдствіи „Букварь для соединеннаго обученія письму и чтенію“. Этой книгой открывается у насъ путь для такъ называемаго синкретическаго способа обученія грамотѣ, который въ послѣдующую эпоху получилъ большое распространеніе путемъ учебниковъ переводныхъ и оригинальныхъ, переработанныхъ, примѣнительно къ требованіямъ русскаго языка. Введеніе же синтетическаго звукового способа принадлежитъ преимущественно послѣдующему періоду и начинается съ книги Орбинскаго—„Руководство для преподаванія грамотности“, изданной въ 1861 году.

Такимъ образомъ, болѣе упрощенные способы обученія чтенію появляются у насъ во вторую половину этой эпохи. Но эти новѣйшіе способы, повсемѣстно практиковавшіеся уже на Западѣ, не получили у насъ всеобщаго распространенія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неподготовленности самихъ начальныхъ учителей, часто даже не понимавшихъ ихъ употребленія и пользы и неохотно разстававшихся съ тѣмъ путемъ, по которому шли сами. Наибольшимъ распространеніемъ пользовались книги Главинскаго и Золотова, но онѣ появились лишь въ пятидесятыхъ годахъ и получили свое всеобщее примѣненіе только въ послѣдующую эпоху; буквослагательный способъ оставался преобладающимъ и лишь въ рѣдкихъ исключеніяхъ замѣнялся другимъ новѣйшимъ.

Начальное обученіе ариѳметикѣ. Начальное обученіе ариѳметикѣ еще болѣе страдало какъ отъ неимѣнія цѣлесоотвѣтственныхъ учебниковъ, такъ и, главное, отъ совершеннаго незнанія методическихъ пріемовъ и даже невыясненія цѣли, которой должно достигать этимъ предметомъ при начальномъ обученіи. Хотя уже съ начала этого столѣтія у насъ имѣлись въ переводѣ сочиненія Песталоцци, изъ которыхъ можно бы было заимствовать указанные имъ способы, но на нихъ не было обращено должнаго вниманія. Въ большинствѣ случаевъ элементарное обученіе ариѳметикѣ ограничивалось изученіемъ цифръ и таблицы умноженія, безъ примѣненія къ задачамъ, употребленіе которой часто оставалось совершенно непонятнымъ. Если же шли дальше, то обученіе состояло

изъ сообщенія правилъ, которыя и заучивались наизусть, часто безъ ихъ пониманія и примѣненія, не говоря уже о томъ, что совершенно не обращалось вниманія на развитіе учащихся и на возбужденіе ихъ самодѣятельности. Лишь со времени появленія въ 1860 году книги: „Ариѳметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе“, книги Золотова: „Ариѳметика для начальныхъ и сельскихъ училищъ“, составленной по методѣ Грубе, и Главинскаго: „Руководство къ изученію русской грамоты и счисленія“, въ нашихъ начальныхъ школахъ преподаваніе ариѳметики начинаетъ устанавливаться на педагогической почвѣ. Вообще можно сказать, что начальное обученіе дѣтей простого званія въ эту эпоху исключало обученіе ариѳметикѣ, а если гдѣ оно и производилось, то безсознательнымъ механическимъ путемъ. Первый шагъ для правильной постановки этого предмета въ элементарное обученіе прокладывается лишь въ шестидесятыхъ годахъ примѣненіемъ къ преподаванію ариѳметики способомъ Грубе, и особенно по появленіи методики ариѳметики и другихъ учебниковъ Евтушевскаго. Но на такомъ низкомъ уровнѣ предметъ этотъ стоялъ лишь въ приходскихъ училищахъ, гдѣ неподготовленные учителя сами часто не имѣли никакихъ ариѳметическихъ познаній.

Совершенно иначе шло это дѣло въ уѣздныхъ училищахъ, а особенно въ гимназіяхъ: тамъ были и знающіе наставники, имѣлись хорошіе учебники и методическія указанія. Хотя и въ этихъ заведеніяхъ въ первую половину описываемой эпохи тоже господствовалъ механическій способъ обученія ариѳметикѣ безъ всякаго примѣненія, но съ тридцатыхъ годовъ, благодаря вышедшимъ въ это время дѣльнымъ книгамъ по ариѳметикѣ, постановка этого предмета въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ пріобрѣтаетъ болѣе правильное образовательное значеніе. Такъ, въ 1831 году издается правительствомъ первый сборникъ задачъ, черезъ что получается средство примѣнять къ дѣлу ариѳметическія упражненія. Въ этомъ же году вышло „Руководство къ преподаванію ариѳметики“ Буссе, а въ 1832 году изданы Гурьевымъ „Ариѳметическіе листки, расположенные отъ легчайшаго къ труднѣйшему, содержащіе въ себѣ 2523 задачи съ рѣшеніями оныхъ и съ краткимъ руководствомъ къ исчисленію“.

Начало болѣе правильнаго преподаванія ариѳметики въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ обязано, главнымъ образомъ, этимъ двумъ педагогамъ, Буссе и Гурьеву, обогатившимъ нашу учебную

литературу математическими учебниками, которые пользовались всеобщимъ распространеніемъ, и даже въ наше время не утратили своего значенія. Өеодоръ Ивановичъ Буссе, по окончаніи курса наукъ въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, былъ посланъ съ педагогическою цѣлью отъ правительства за границу и впослѣдствіи состоялъ директоромъ 3-ей С.-Петербургской гимназіи; Гурьевъ же состоялъ сначала учителемъ, а потомъ инспекторомъ Гатчинскаго сиротскаго института, гдѣ и примѣнялъ новѣйшіе современные ему педагогическіе способы обученія. Хотя у обоихъ педагоговъ въ ихъ взглядахъ на преподаваніе ариөметики и отражается господствующее въ то время мнѣніе — о первенствующемъ значеніи теоріи, тѣмъ не менѣе они оказали существенную пользу дѣлу обученія этому предмету, примѣнивъ къ нему принципъ постепенности, наглядности и приложенія къ рѣшенію задачъ. Въ пятидесятыхъ годахъ появляется нѣсколько новыхъ учебниковъ ариөметики; составители которыхъ стремились не предлагать готовыя понятія и правила, а выводить ихъ изъ разбора цѣлаго ряда примѣровъ (ариөметики—Зеленаго, Симашко, Леве). По мѣрѣ же знакомства съ состояніемъ дѣла обученія этому предмету на западѣ, въ издававшихся въ то время педагогическихъ журналахъ появляются статьи по методикѣ ариөметики; но ихъ вліяніе сказалось лишь въ послѣдующую эпоху, когда увлеченіе методикою сдѣлалось преобладающимъ, и когда появился цѣлый рядъ руководствъ къ преподаванію ариөметики, между которыми особенное вліяніе оказала методика Евтушевскаго. Обыкновенный же ходъ обученія ариөметикѣ въ концѣ этой эпохи въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ состоялъ въ сообщеніи понятій о числѣ, единицѣ, далѣе шло счисленіе, потомъ проходились послѣдовательно одно за другимъ дѣйствія съ отвлеченными цѣлыми числами и ихъ провѣркою и далѣе въ томъ же порядкѣ.

Что же касается другихъ учебныхъ предметовъ, то во вторую половину описываемой эпохи по всѣмъ изъ нихъ имѣлись учебники, вполнѣ приспособленные для курса гимназій и уѣздныхъ училищъ, или оригинальные, или составленные по образцамъ нѣмецкихъ учебниковъ, или же переведенные съ иностраннаго. Къ такимъ учебникамъ, пользующимся высокою педагогическою извѣстностью и бывшимъ въ то время въ большомъ распространеніи, принадлежатъ слѣдующіе: по русской грамматикѣ—Греча, Востокова, по исторіи — Устрялова, Шульгина, Кайданова, по географіи—Ободовскаго, по

естественной исторіи—извѣстнаго педагога и ученаго дѣятеля Юліана Ивановича Симашко и др. Что касается внѣшняго вида учебниковъ описываемаго времени, то они не всегда отличались требуемыми въ педагогическомъ отношеніи качествами: нерѣдко печатались на сѣрой бумагѣ, не всегда четкимъ шрифтомъ; рисунки и чертежи обыкновенно помѣщались въ концѣ книги, что представляло большія неудобства при ученіи. Какъ исключеніе изъ этого, составляетъ зоологія Симашко, съ многочисленными превосходными политипажами въ текстѣ, отпечатанная на бѣлой бумагѣ. Слѣдуя этому примѣру, и послѣдующіе издатели стали болѣе обращать вниманія на внѣшность составленныхъ ими учебниковъ.

Дѣтская литература. Многіе образованные писатели этого времени избираютъ для своей дѣятельности дѣтскую литературу и своими сочиненіями увеличиваютъ число полезныхъ дѣтскихъ книгъ. Нѣкоторыя изъ такихъ книгъ, по различію своего содержанія и по изложенію вполнѣ подходящія къ дѣтскому возрасту и всегда нравственно-поучительнаго направленія, не утратили своего значенія и для нашего времени. Одни изъ числа такихъ сочиненій являются какъ оригинальныя (историческія повѣсти и романы Фурмана, разсказы Наливкина, чтенія Кулиша, сочиненія Генкеля, Бутовскаго, Студитскаго, Головкина, Модестова, библіотека Кампе, Плюшара и проч.), другія какъ переводныя (исторія Ламе-Флери, путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля, Робинзонъ Крузе и проч.) и по своему образовательному значенію содѣйствуютъ развитію ума и сердца своихъ молодыхъ читателей. Особенно же пользовались своимъ учебно-воспитательнымъ значеніемъ появлявшіяся въ описываемую эпоху въ многочисленныхъ изданіяхъ басни нашего знаменитаго баснописца И. А. Крылова, какъ неизбѣжная книга при обученіи въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также и при домашнемъ воспитаніи. Басни Крылова тогда не только были извѣстны горожанамъ, но также стали проникать въ среду сельскаго крестьянскаго населенія.

Со времени учрежденія Императрицею Екатериною Великою Общества благородныхъ дѣвицъ, называемаго теперь Смольнымъ монастыремъ, благодаря заботамъ Императрицы Маріи Θеодоровны, создавшей цѣлый рядъ женскихъ институтовъ, число образованныхъ женщинъ постепенно возрастало; получаемое дѣвицами институтское воспитаніе, соотвѣтствующее ихъ будущему призванію матери, естественно, располагало ихъ къ педагогическимъ заня-

тіямъ. Хотя въ описывамое время, при ограниченномъ числѣ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, при недостаткѣ начальныхъ женскихъ училищъ, получившія образованіе дѣвицы не имѣли такой возможности, какъ въ наше время, посвящать себя практическимъ занятіямъ, но и въ эту эпоху уже многія изъ нихъ пріобрѣли извѣстность, какъ опытныя директрисы, классныя дамы, учительницы, гувернантки. Значительное число образованныхъ женщинъ этой эпохи заявило себя, какъ писательницы-педагоги, обогатившія своими сочиненіями и переводами нашу педагогическую дѣтскую литературу. Многочисленныя дѣтскія азбуки, разсказы, повѣсти, цѣлые отдѣлы учебныхъ предметовъ, въ доступномъ для дѣтей изложеніи, дѣтскіе журналы,— особенно начиная со второй половины этой эпохи, выходятъ изъ-подъ пера нашихъ писательницъ. Содѣйствуя своими книгами распространенію между дѣтьми полезныхъ знаній, онѣ особенно обращали вниманіе на развитіе въ дѣтской душѣ тѣхъ добрыхъ и нѣжныхъ чувствъ, которыя были привиты къ нимъ самимъ во время ихъ институтскаго или домашняго воспитанія. Къ такимъ выдающимся писательницамъ этой эпохи принадлежатъ, между прочими: Анна Михайловна Дараганъ (1806—1877 гг.), которою изданы: Чтенія для дѣтей изъ священной исторіи, Азбука съ примѣрами постепеннаго чтенія, Исторія животныхъ, Елка и многія другія; Анна Петровна Зонтагъ († въ 1864 году) состояла почетнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности и написала многія дѣтскія книги, выдержавшія по нѣскольку изданій, какъ-то: Священная исторія для дѣтей, Повѣсти для дѣтей, Дѣтскій театръ, Волшебныя сказки и проч.; Александра Осиповна Ишимова, одна изъ плодовитѣйшихъ русскихъ писательницъ, обогатившихъ дѣтскую литературу многими переводными и оригинальными сочиненіями, выдержавшими по нѣскольку изданій; такъ ею изданы переводы съ англійскаго многихъ брошюръ духовно-нравственнаго содержанія, а изъ оригинальныхъ сочиненій: Священная исторія въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей, Разсказы для дѣтей изъ естественной исторіи, Семейные вечера и проч. Особенною извѣстностью пользовалась составленная ею „Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей“, напечатанная на счетъ Россійской Академіи, при чемъ автору была присуждена Демидовская премія въ 2500 рублей и назначена ежегодная пенсія въ 300 рублей. Въ большомъ распространеніи были и дѣтскіе журналы, издававшіеся А. О. Ишимовой; такова: „Звѣз-

дочка“, издававшаяся съ 1842 года до 1864 года; журналъ этотъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ—для старшаго и младшаго возраста, и содержалъ въ себѣ до 472 статей, принадлежащихъ перу самой писательницы. Она же издавала журналъ для дѣвицъ — „Лучи“, въ которомъ помѣщено до 134 написанныхъ ею статей. Кромѣ названныхъ, и многія другія изъ образованныхъ женщинъ этой эпохи снискали себѣ извѣстность своими педагогическими литературными трудами и путемъ своихъ книжекъ содѣйствовали религіозно-нравственному и умственному воспитанію русскихъ дѣтей. Но такая обильная дѣтская литература была доступна только для дѣтей средняго и высшаго сословій; грамотныя дѣти низшихъ состояній, и особенно сельскаго, должны были довольствоваться тѣмъ, что давала имъ азбука, другого матеріала для чтенія не было — ни спеціально составленной соотвѣтствующей книги для чтенія, ни какихъ-либо педагогическихъ изданій для народа. Главными книгами, расходившимися въ народѣ были — Псалтырь, Житія Святыхъ, а изъ свѣтскихъ—сказки, сонники, нѣкоторыя брошюры о подвигахъ нашихъ героевъ и другія изданія Суздальскихъ типографій.

Общій взглядъ на народныя училища описываемой эпохи. Комитетъ устройства учебныхъ заведеній, назначенный въ 1826 г. Императоромъ Николаемъ I-мъ изъ просвѣщенныхъ и свѣдущихъ лицъ, вырабатываетъ новый уставъ училищъ, который и Высочайше утверждается въ 1828 году. Удержавъ прежнее дѣленіе народныхъ училищъ на гимназіи, уѣздныя и приходскія училища, уставъ 1828 года принимаетъ основаніемъ этого дѣленія не постепенность въ приготовленіи къ университетскому курсу, а пріобрѣтаемыя въ училищахъ, нужнѣйшія по состоянію каждаго, познанія; при этомъ каждый видъ училищъ, назначаемый для того или другого сословія, долженъ представлять отдѣльное самостоятельное заведеніе съ болѣе или менѣе законченнымъ курсомъ. Въ 1835 году университеты освобождаются отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей по завѣдыванію народными училищами, подчиненными съ этого времени непосредственно попечителю округа, и удерживаютъ свое исключительное назначеніе—служить проводниками высшаго образованія.

Обращая и теперь особенное вниманіе на гимназіи, правительство дѣятельно заботится объ ихъ распространеніи и постановкѣ въ нихъ учебнаго дѣла, соотвѣтственно возникавшимъ по его мнѣнію потребностямъ; вслѣдствіе этого, подвергаясь частымъ

измѣненіямъ, гимназическій курсъ не оставался постоянно одинаковымъ, но, смотря по преслѣдуемой цѣли, мѣнялъ свое направленіе, и первенствующимъ значеніемъ въ немъ пользовались въ разное время разные учебные предметы. Организованныя по уставу 1828 года гимназіи имѣли цѣлью приготовлять молодыхъ людей для университета или же для доставленія „приличнаго званію ихъ воспитанія тѣмъ изъ молодыхъ людей, кои не намѣрены или не могутъ продолжать ученіе въ университетахъ“. Преслѣдуя эти цѣли, гимназіи этого времени, какъ общеобразовательныя заведенія, шли вполнѣ успѣшно, и число молодыхъ людей, поступавшихъ въ университетъ, все болѣе и болѣе увеличивалось. Когда же въ 1849 году возникла мысль—приноровить гимназическое преподаваніе для практическихъ цѣлей, тогда гимназіи утрачиваютъ свой общеобразовательный характеръ и, начиная съ четвертаго класса, дѣлятся на спеціальныя отдѣленія: для предназначающихъ себя къ службѣ вводится курсъ законовѣдѣнія, для поступающихъ въ университетъ — латинскій языкъ, а на филологическій факультетъ, кромѣ того, и греческій. Вскорѣ затѣмъ, въ 1852 году, былъ упраздненъ греческій языкъ почти во всѣхъ гимназіяхъ, и по всѣмъ классамъ введено преподаваніе естественной исторіи. Какъ слѣдствіе такого измѣненія въ гимназическомъ курсѣ, совпавшаго съ ограниченіемъ числа студентовъ въ университетахъ, явилось значительное уменьшеніе числа молодыхъ людей, поступавшихъ на историко-филологическій факультетъ и способныхъ основательно изучать юридическія науки; это же повлекло къ тому, что оказался чувствительный недостатокъ въ преподавателяхъ для высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній по историко-филологическимъ предметамъ, и вызвало упадокъ прочнаго юридическаго образованія.

Реформа, произведенная уставомъ 1828 года, значительно повліяла на болѣе правильную постановку обученія въ уѣздныхъ училищахъ: эти заведенія, переставъ служить ступенью для гимназій, получили законченный видъ, соотвѣтствовавшій требованіямъ городского сословія; лишніе предметы были исключены изъ курса, который былъ продолженъ на три года, даже, гдѣ было возможно, прибавлялся еще дополнительный курсъ для практическихъ занятій — бухгалтеріей, землемѣріемъ и проч.; классное преподаваніе замѣнено предметнымъ. Въ такомъ видѣ продолжали существовать и въ наше время тѣ изъ уѣздныхъ училищъ, которыя еще не

подверглись преобразованію въ городскія училища по уставу 1872 года.

Приходскія училища, предназначенныя къ открытію уставомъ 1804 года, распространялись очень слабо, главнымъ образомъ, по недостаточности средствъ, такъ какъ содержаніе этихъ училищъ возлагалось на городскія и сельскія общества, далеко не сознававшія еще потребности народнаго образованія. Хотя съ введеніемъ устава 1828 года они и начинаютъ открываться въ нѣкоторыхъ городахъ, но открытіе ихъ совершается весьма медленно, а постановка въ нихъ учебнаго дѣла является далеко неудовлетворительною какъ по недостатку подготовленныхъ учителей, такъ и по неимѣнію цѣлесоотвѣтственныхъ книгъ и пособій. Сельскихъ же начальныхъ училищъ, непосредственно подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, почти совершенно не было, за исключеніемъ заводимыхъ помѣщиками въ своихъ имѣніяхъ, но и эти училища, учрежденіе и закрытіе которыхъ вполнѣ зависѣло отъ воли помѣщика, не имѣли требуемаго единообразія и общей опредѣленной цѣли. Въ болѣе выгодномъ положеніи являются училища другихъ вѣдомствъ—Государственныхъ Имуществъ, Удѣльнаго и Духовнаго. Начало этимъ училищамъ полагается съ 1830 года, когда Министерство Государственныхъ Имуществъ открываетъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ волостныя училища, преобразованныя съ 1842 года въ приходскія. Будучи обезпечены въ своихъ средствахъ, имѣя учителями священниковъ и воспитанниковъ духовныхъ семинарій, эти школы, какъ болѣе правильно организованныя, естественно значительно содѣйствовали распространенію грамотности въ средѣ крестьянскаго населенія. Но предназначенныя лишь для крестьянъ извѣстнаго вѣдомства, они далеко не удовлетворяли общей потребности образованія; къ тому же зависимость училищъ отъ разныхъ вѣдомствъ лишала народное образованіе стройности, связи и единства. Простой народъ, требовавшій отъ школы, по своимъ исконнымъ воззрѣніямъ, образованія съ церковнымъ характеромъ и стѣснявшійся формальными казенными требованіями новыхъ школъ, не сочувствовалъ имъ, и родители предпочитали платить за обученіе дѣтей грамотѣ, но такой, которая бы соотвѣтствовала ихъ воззрѣніямъ, и учить своихъ дѣтей тамъ, гдѣ бы родители, безъ стѣсненія, для себя, могли сами располагать временемъ ученія. Такими училищами, привлекавшими къ себѣ простой народъ, какъ въ городахъ, такъ

и въ селахъ — являются частныя школы, заводимыя въ своихъ домахъ священниками или членами причта, въ которыхъ дѣти, за условленную плату, изучали церковно-славянскую грамоту, навыкали къ чтенію Псалтыря, Часослова и др. божественныхъ книгъ. Также въ большомъ ходу было обученіе дѣтей и грамотными людьми—причетниками, отставными солдатами, писарями и проч., бравшими дѣтей на выучку; а въ глухихъ поселкахъ грамотность распространялась и поддерживалась домашними школами грамотности. Такимъ образомъ, число начальныхъ училищъ, возникавшихъ въ эту эпоху, было весьма незначительно, при чемъ и эти немногія училища, какъ принадлежащія разнымъ вѣдомствамъ, необъединенныя общею идеею, съ курсомъ, не всегда соотвѣтствующимъ народнымъ воззрѣніямъ на грамотность, безъ подготовленныхъ учителей и безъ цѣлесоотвѣтственныхъ книгъ и пособій — не приносили ожидаемыхъ успѣховъ и избѣгались народомъ. Тѣ образовательныя средства этой эпохи, которыя такъ щедро предлагались для средняго и высшаго сословій, весьма незамѣтно коснулись низшаго сословія, не оказавъ на преобладающую массу существеннаго образовательнаго вліянія.

Частныя училища, во множествѣ открываемыя въ началѣ этой эпохи иностранцами, часто не имѣвшими педагогическаго образованія, приносившія даже вредъ отчужденіемъ дѣтей отъ всего русскаго, подвергаются извѣстнымъ ограниченіямъ и подчиняются надзору офиціальныхъ лицъ отъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Съ 1833 года даже пріостанавливается на значительное время открытіе вновь частныхъ пансіоновъ, и лишь въ началѣ царствованія Александра II-го частная предпріимчивость въ этомъ отношеніи получаетъ свои прежнія права, при чемъ разрѣшеніе на открытіе частныхъ училищъ предоставляется попечителю округа. Не оставлено безъ контроля и домашнее воспитаніе; уже по указу 1804 года домашніе наставники должны были имѣть узаконенныя свидѣтельства, а въ 1834 году было утверждено „Положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ“.

По мѣрѣ же умноженія училищъ, снова почувствовался недостатокъ въ учителяхъ, вслѣдствіе чего былъ возстановленъ Главный педагогическій институтъ въ 1828 году, при которомъ впослѣдствіи опять былъ открытъ второй разрядъ для приготовленія учителей для низшихъ училищъ. Главный педагогическій институтъ строго преслѣдовалъ свою спеціальную педагогическую цѣль въ теченіе

слишкомъ двадцати лѣтъ; съ назначеніемъ новаго директора, академика Давыдова, институтъ подвергается ряду преобразованій, утрачиваетъ свой педагогическій характеръ и принимаетъ видъ университета. Вслѣдствіе этого онъ упраздняется въ 1859 году, а приготовленіе учителей производится чрезъ посредство педагогическихъ курсовъ, учреждаемыхъ во всѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты.

Заботы о женскомъ образованіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны вызвали учрежденіе цѣлаго ряда институтовъ, благодаря которымъ у насъ поддерживалось и распространялось женское образованіе, и удовлетворялась потребность въ образованныхъ матеряхъ и воспитательницахъ. Но эти институты, какъ закрытыя учебныя заведенія, учреждавшіяся преимущественно для привилегированныхъ сословій, не удовлетворяли потребностямъ средняго класса общества. Вслѣдствіе сего Главнымъ совѣтомъ женскихъ учебныхъ заведеній открывается въ 50-хъ годахъ въ С.-Петербургѣ рядъ открытыхъ женскихъ училищъ, изъ которыхъ впослѣдствіи и развились существующія нынѣ женскія гимназіи.

Что же касается женскаго образованія низшихъ сословій, и преимущественно сельскаго, то правительственныхъ училищъ для дѣвочекъ почти не было вовсе, а общество относилось весьма равнодушно къ женскому образованію низшаго класса, и грамотныя крестьянки представляли рѣдкое исключеніе изъ необразованной массы низшаго женскаго поколѣнія.

Благодаря заботамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и возраставшему сочувствію просвѣщенныхъ членовъ общества къ педагогическимъ занятіямъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа учебныхъ заведеній, увеличивается число просвѣщенныхъ русскихъ педагоговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствуется и самая постановка учебнаго дѣла.

Учебники, представлявшіе прежде лишь переводныя сочиненія, въ царствованіе Императора Николая I-го составляются многими русскими педагогами примѣнительно къ требованіямъ русскихъ училищъ. Методика учебныхъ предметовъ хотя и не пользовалась еще тѣмъ значеніемъ, какъ въ наше время, и являлась отсталою сравнительно съ ея состояніемъ на Западѣ, тѣмъ не менѣе преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по введеніи устава 1828 года, шло болѣе или менѣе успѣшно, чему способствовала отчасти большая возможность усвоенія учебнаго курса, который во-

обще былъ не такъ обширенъ, какъ теперь. Хотя въ эту эпоху обращалось преимущественное вниманіе на развитіе памяти, но и это имѣло свою хорошую сторону въ томъ отношеніи, что все усвоивалось прочно и надолго. Преподаваніе же нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ гимназическаго курса, какъ, напримѣръ, древнихъ языковъ, особенно, когда эти предметы въ 1849 г. пользовались первенствующимъ значеніемъ въ гимназіяхъ, достигало вполнѣ успѣшныхъ результатовъ; съ такимъ же успѣхомъ эти предметы преподавались въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ оба древнихъ языка обязательно входили въ ежедневныя занятія, начиная съ самаго младшаго курса, и изучались подъ руководствомъ опытнаго педагога и филолога, директора института, О. И. Миддендорфа. Не меньшими успѣхами отличалось преподаваніе русскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ. Такъ какъ по многимъ предметамъ учащіеся сами должны были составлять записки, то, благодаря частой практикѣ въ письмѣ, всѣ кончившіе курсъ гимназіи безошибочно писали по-русски; общій же интересъ къ произведеніямъ великихъ русскихъ поэтовъ этой эпохи—Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и проч., увлекалъ учащихся и пріохочивалъ ихъ къ чтенію и изученію классическихъ писателей. Духъ науки и стремленіе къ идеаламъ, возникавшимъ, какъ слѣдствіе изученія классическихъ поэтовъ и писателей, охватывали собою молодое учащееся поколѣніе; они наполняли всю его жизнь и не оставляли мѣста для другихъ интересовъ. Что же касается воспитательной стороны учащихся, то въ этомъ отношеніи общественное и домашнее воспитаніе всегда были предметомъ особыхъ заботъ правительства, тщательно оберегавшаго учащихся отъ всего, что могло вредно вліять на ихъ религіозно-нравственное развитіе; тѣмъ болѣе обращалось вниманіе на воспитательную сторону, что въ это время на Западѣ распространялись ложныя ученія, которыя легко могли проникнуть путемъ печати и до учащихся.

Когда, съ царствованія Императора Николая I-го, введеніемъ устава 1828 г., были устранены недостатки прежнихъ училищъ, и они получили правильную, соотвѣтствующую русской жизни организацію, тогда выступили еще съ большею жизненностью тѣ воспитательныя требованія, которыя основаны на исконныхъ началахъ русской жизни — православіи и русской народности, выражающейся всецѣлою преданностью Царю и Отечеству. На этихъ началахъ созданы всѣ возникавшія въ эту эпоху многочисленныя

учебныя заведенія, на нихъ воспитались русскія дѣти и юноши всѣхъ сословій. Возбужденіе и развитіе религіозно-нравственныхъ чувствъ въ молодомъ поколѣніи было главнымъ предметомъ тѣхъ педагогическихъ статей и сочиненій этого времени, которыя такъ благодѣтельно вліяли на распространеніе въ обществѣ правильныхъ воззрѣній на русское воспитаніе, и тѣхъ сочиненій изъ дѣтской педагогической литературы, которыя назначались для дѣтскаго чтенія. Насколько просвѣщенные люди и педагоги этого времени были проникнуты сознаніемъ святости долга, возлагаемаго на воспитателей, и тѣхъ высокихъ цѣлей, къ которымъ должно стремиться воспитаніе, видно изъ всякой обще-педагогической статьи этого времени, посвященной обсужденію этого предмета.

Щедрыя пожертвованія какъ частныхъ лицъ, такъ и обществъ, продолжаютъ содѣйствовать учрежденію новыхъ училищъ, благородныхъ пансіоновъ и вообще дѣлу образованія; такъ, напримѣръ, тайный совѣтникъ Калининъ оставилъ 311,789 руб. 53 коп. на вѣчные и неприкосновенные капиталы С.-Петербургскаго дома трудолюбія и гимназіи. Кромѣ многихъ пожертвованій на пользу гражданскихъ учебныхъ заведеній, многія изъ военно-учебныхъ заведеній возникаютъ благодаря щедрымъ приношеніямъ частныхъ лицъ на благое просвѣщеніе. Такъ, въ 1835 г. отставной полковникъ Михаилъ Ивановичъ Бахтинъ, богатый помѣщикъ Орловской и Курской губерній, предназначилъ все свое состояніе, 1,500,000 р. ассигнаціями, а послѣ смерти своей 2,700 душъ со всѣми землями и угодіями—на учрежденіе въ г. Орлѣ кадетскаго корпуса. Этотъ корпусъ Высочайше повелѣно именовать „Орловскимъ Бахтина корпусомъ“. Генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ по своему завѣщательному распоряженію (1833 года) внесъ 50,000 рублей ассигнаціями въ Государственный банкъ съ тѣмъ, чтобы эта сумма оставаясь въ банкѣ 93 года неприкосновенною, со всѣми приращаемыми на нее процентами, назначена была тому изъ россійскихъ писателей, который черезъ сто лѣтъ отъ кончины въ Бозѣ почивающаго Императора Александра I-го, т. е. къ 1925 году напишетъ на россійскомъ языкѣ исторію царствованія Его лучше всѣхъ. Въ награду за удовлетворительную исторію Императора Александра I-го опредѣляются три доли капитала съ прирощенными черезъ три года процентами. Капиталъ 50,000 рублей, считая производимые на нихъ банкомъ проценты, по 4 процента на 100, составитъ къ тому времени 1,918,960 рублей. Слѣдовательно, по

сему расчету награда сочинителю за удовлетворительнѣйшую исторію будетъ состоять изъ 1,432,220 рублей, а четвертая часть 479,740 рублей поступитъ въ распоряженіе Академіи словесныхъ наукъ, согласно пунктамъ распоряженія, на напечатаніе сей исторіи, на изданіе оной съ портретомъ Императора Александра I-го, и второстепенному сочинителю исторіи, которая достоинствомъ своимъ ближе всѣхъ будетъ подходить къ заслужившей первую награду, и двумъ переводчикамъ, которые переведутъ съ россійскаго на нѣмецкій и французскій языкъ удостоенную первой награды исторію Александра I-го.—Значительное пожертвованіе принесено и камергеромъ Павломъ Николаевичемъ Демидовымъ, который, желая содѣйствовать преуспѣянію наукъ, словесности и промышленности въ своемъ отечествѣ, жертвуетъ ежегодно по жизнь свою и по кончинѣ своей въ теченіе 25-ти лѣтъ, начиная съ 1831 года сумму 20,000 банковыми ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы изъ этой суммы ежегодно были назначаемы награды, въ 5,000 р. каждая, авторамъ отличнѣйшихъ сочиненій, коими въ теченіе предшествовавшаго года обогатится россійская словесность. Присужденіе наградъ предоставляется Императорской Академіи Наукъ, какъ первому ученому сословію въ государствѣ.

Возникшія въ описываемое время въ разныхъ мѣстахъ имперіи ученыя общества, какъ-то: Латышское литературное общество, Общество естественныхъ наукъ въ С.-Петербургѣ, Одесское общество исторіи и древностей, Рижское общество естествоиспытателей и проч. содѣйствуютъ расширенію знаній по разнымъ отраслямъ наукъ.

Такимъ образомъ, возникшія въ теченіе этого періода многочисленныя учебныя заведенія, удовлетворяя всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ знанія и жизни, распространялись повсемѣстно; благодаря же заботамъ правительства и сочувствію общества, число училищъ постепенно возрастаетъ, и къ концу царствованія Императора Николая Павловича въ Россіи уже было: 8 университетовъ, 4 лицея, до 40 мужскихъ и женскихъ институтовъ, 59 гимназій, 43 кадетскихъ корпуса, 45 духовныхъ семинарій и до 10,000 училищъ, школъ, пріютовъ и пансіоновъ, мужскихъ и женскихъ, разныхъ вѣдомствъ — Министерства Народнаго Просвѣщенія, Духовнаго, Военнаго, Морского, Государственныхъ Имуществъ, Горнаго, Удѣльнаго и друг.

———

ГЛАВА XI.

Училища въ царствованіе Императора Александра II-го.

Высшія учрежденія. — Ученый Комитетъ. — Цензурное управленіе. — Центральное управленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Перемѣны въ распредѣленіи учебныхъ округовъ.—Императорская Академія Наукъ.— Императорская Публичная библіотека.—Румянцевскій музей.—Главная физическая обсерваторія.—**Высшія учебныя заведенія.**—Университеты.—Историко-филологическіе институты.—Демидовскій юридическій лицей.—Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. — Лицей Цесаревича Николая.—Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.—Ветеринарные институты.—Археологическій институтъ. — **Педагогическія учрежденія для приготовленія учителей гимназій и реальныхъ училищъ.**—Педагогическіе курсы. — Институтъ славянскихъ стипендіатовъ.—Императорскій Историко-филологическій институтъ.—Русская филологическая семинарія при Лейпцигскомъ университетѣ.—**Мѣры для усиленія занятій по русскому языку.—Стипендіи.—Спеціальныя испытанія.—Гимназіи и реальныя училища.** — Классическія и реальныя гимназіи и прогимназіи по уставу 1864 г.—Гимназіи и прогимназіи по уставу 1871 г.—Реальныя училища по уставу 1872 г.—Коллегія Павла Галагана.—**Учительскіе институты.—Городскія училища.—Учительскія семинаріи.—Начальныя училища.**—Положеніе о начальныхъ училищахъ 1864 и 1874 г. **Дѣятельность земства и городскихъ обществъ по народному образованію.—Устройство училищнаго управленія въ Западномъ краѣ.—Управленіе учебными заведеніями въ западной Сибири.—Управленіе учебными заведеніями въ восточной Сибири.—Мѣры къ образованію населяющихъ Россію инородцевъ.—Двухклассныя и одноклассныя сельскія училища.—Воскресныя школы.—Церковно-приходскія школы.—Частныя учебныя заведенія.—Женскія учебныя заведенія.** — Женскіе институты и гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Общій взглядъ на женскія учебныя заведенія вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Женскія гимназіи Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Высшіе женскіе курсы.—**Библіотеки. — Педагогическія и ученыя общества.—Музеи.—Съѣзды.—Выставки.—Преміи и пожертвованія.**

Къ числу великихъ реформъ, ознаменовавшихъ царствованіе Императора Александра II-го, принадлежитъ и реформа по преобразованію въ Россіи всей училищной системы, такъ благодѣтельно повліявшей на воспитательное и умственное развитіе русскаго народа. Предварительные труды по предстоящимъ преобразованіямъ ученыхъ учрежденій и училищъ и открытію новыхъ, выполнявшіеся по указаніямъ самого Императора и Особъ царствующаго дома, были ввѣрены опытнымъ и просвѣщеннымъ высшимъ государствен-

нымъ сановникамъ, при участіи православнаго духовенства, русскихъ ученыхъ и педагоговъ.

Хотя учебныя заведенія, основанныя въ предыдущее царствованіе, отличались своимъ стойкимъ нравственнымъ направленіемъ, своимъ образцовымъ воспитательнымъ строемъ, строгою дисциплиною и установленными внѣшними порядками, и въ этомъ отношеніи имѣли за собою очень много достоинствъ, но относительно своей учебной части, какъ это сознавало и правительство и общество, по своему учебному строю, училища эпохи Императора Николая I-го уже не соотвѣтствовали требованіямъ времени и не стояли на уровнѣ современной педагогики. Сравнительно съ училищами образованныхъ западно-европейскихъ государствъ, которыя заботами своихъ правительствъ и успѣхами педагогики были поставлены на соотвѣтствующую степень и приведены въ видъ, вполнѣ удовлетворявшій ихъ учебной жизни, русскія училища представлялись еще отставшими. Въ гимназіяхъ продолжалось смѣшанное направленіе, тогда какъ уже всюду въ образованныхъ государствахъ была принята для гимназій классическая система, и строго разграничивалось классическое и реальное образованіе; учебная часть нашихъ училищъ, не имѣя опредѣленнаго направленія въ обученіи, страдала отсутствіемъ общей связи и единства средствъ для своихъ образовательныхъ цѣлей, для которыхъ новѣйшія педагогическія и методическія указанія еще не имѣли доступа въ школу; начальныя народныя училища, равно какъ и приходскія, число которыхъ еще было далеко недостаточно для населенія, не были сосредоточены въ одномъ высшемъ центральномъ управленіи; русскія училища на окраинахъ Россіи, по употреблявшемуся въ нихъ языку и по своему характеру, скорѣе напоминали собою иноземныя учебныя заведенія; педагогическія учрежденія, служащія для приготовленія учителей, со времени закрытія Главнаго педагогическаго института, не существовали въ видѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній; число женскихъ училищъ было ограничено, особенно для среднихъ и низшихъ сословій. Всѣ имѣвшіяся образовательныя средства, учебники, книги, учебныя пособія, какъ уже отставшія отъ современныхъ требованій педагогики, не удовлетворяли развитію и умственному обогащенію учащихся, и самое обученіе было лишено правильныхъ методическихъ средствъ и пріемовъ; нѣкоторые предметы, имѣвшіе важное образовательное значеніе, совершенно не входили въ учебный курсъ, а

нѣкоторые, какъ совершенно излишніе, только обременяли и усложняли дѣло обученія. Само общество, съ возбужденнымъ стремленіемъ къ образованію и глубокимъ сознаніемъ его пользы, не удовлетворяясь организаціею современныхъ училищъ, нерѣдко терялось и путалось въ своихъ стремленіяхъ къ ихъ правильной и цѣлесообразной постановкѣ.

Насколько общество интересовалось этимъ существенно важнымъ для него дѣломъ — преобразованіемъ училищной системы, видно уже изъ того, что когда, при разработкѣ правительствомъ предстоящихъ реформъ, педагогическіе вопросы сдѣлались предметомъ общественнаго обсужденія, тогда въ печать стали проникать самыя разнообразныя мнѣнія и воззрѣнія на этотъ предметъ. Воспитательные вопросы, такъ устойчиво преслѣдовавшіеся въ прежнихъ нашихъ педагогическихъ журналахъ, начинаютъ теперь уступать свое мѣсто вопросамъ объ обученіи, которые, какъ требовавшіе тщательной переработки, получаютъ первенствующее значеніе въ литературѣ и наполняютъ собою журналы и газеты. Между статьями, появившимися въ царствованіе Императора Николая I-го и въ началѣ царствованія Императора Александра II го, многія принадлежатъ опытнымъ педагогамъ и ученымъ, проводившимъ въ педагогическихъ журналахъ здравыя и цѣнныя мысли, имѣющія полное значеніе и для нашего времени. Такъ, многія капитальныя статьи, оказавшія существенное вліяніе на утвержденіе правильныхъ педагогическихъ воззрѣній, были помѣщаемы, между прочимъ, въ „Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ“, въ „Журналѣ для воспитанія“, въ журналахъ: „Учитель“, „Морской Сборникъ“, и другихъ журналахъ описываемаго времени, которые, къ сожалѣнію, сдѣлались теперь библіографическою рѣдкостью.

Изъ такихъ капитальныхъ сочиненій, обратившихъ на себя особенное вниманіе, выдается статья Н. И. Пирогова: „Вопросы жизни“, напечатанная въ 1856 году въ журналѣ „Морской Сборникъ“. Николай Ивановичъ Пироговъ, нашъ геніальный ученый и знаменитый хирургъ, получившій всемірную извѣстность и обезсмертившій свое имя въ области медицинскихъ наукъ, какъ этой статьею, такъ и послѣдующею своею педагогическою дѣятельностью въ званіи попечителя Одесскаго, а потомъ Кіевскаго учебнаго округа, проводилъ въ жизнь тѣ здравыя педагогическія воззрѣнія, которыя являются результатомъ его многолѣтней наблюдательности, высокаго ума и гуманнаго сердца. Въ статьѣ: „Вопросы

жизни", произведшей сильное вліяніе въ педагогическомъ мірѣ, указывается на то, что всѣ готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми; это же достигается лишь предварительнымъ общечеловѣческимъ образованіемъ чрезъ посредство тѣхъ свѣдѣній, которыя уже изстари называются humaniora, то есть необходимыя для каждаго человѣка. Въ этой же статьѣ говорится и о воспитаніи женщины, какъ составляющей сопутницу и поддержку мужчины въ борьбѣ со зломъ, какъ равноправнаго члена общества, какъ жену и мать, гордящуюся своимъ высокимъ назначеніемъ, опредѣленнымъ ей Самимъ Богомъ: „краеугольный камень кладется руками женщины, христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе".

Помимо статей, въ которыхъ здраво и научно обсуждается предполагавшаяся реформа, при чемъ выраженныя въ нихъ мнѣнія принимались въ соображеніе правительствомъ, не мало было и такихъ, которыя писались людьми, не подготовленными къ этому дѣлу или далеко стоявшими отъ него, мнѣнія и воззрѣнія которыхъ основывались на заимствованіяхъ изъ иностранной литературы. Статьи такого рода, естественно, не приносили никакой пользы, а, по своимъ непримѣнимымъ къ русской жизни воззрѣніямъ, еще болѣе спутывали и сбивали взгляды общества на воспитаніе и обученіе.

Одновременно съ этимъ поднимается вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи, при чемъ какъ педагоги, такъ и общество, раздѣлились на два противоположныхъ лагеря, стоявшихъ за то или другое направленіе. Этотъ вопросъ, о которомъ многое писалось и еще болѣе говорилось, сдѣлался также излюбленною темою журнальныхъ и газетныхъ статей описываемаго времени; однѣ изъ этихъ статей, принадлежащія людямъ науки и опыта, содѣйствовали опредѣленному его рѣшенію, другія же, составленныя, нерѣдко, людьми, не понимавшими даже идеи, которую отстаивали, увеличивали только педагогическій балластъ, сбивавшій съ толку и общество и молодое поколѣніе. Н. И. Пироговъ въ своей поименованной статьѣ заявилъ себя поборникомъ классическаго направленія. Противъ него выступилъ К. Д. Ушинскій, считавшій латинскій и греческій языки необходимыми лишь для поступающихъ на филологическій факультетъ; во главѣ же гуманнаго образованія, по его воззрѣніямъ, должно стоять изученіе родного языка. Классическое же образованіе имѣло своихъ ревностныхъ защитниковъ, въ числѣ которыхъ выдавался извѣстный профессоръ Московскаго

университета Грановскій. Въ своей статьѣ: „Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны“, Грановскій указывалъ на богатое успѣхами министерство графа Уварова, взвѣшивалъ вліяніе классицизма и реализма въ педагогическомъ отношеніи и опредѣлилъ преимущество классическаго образованія, какъ менѣе заботящагося о накопленіи знаній и обращающаго болѣе вниманія на упражненіе духовныхъ силъ, какъ на лучшее средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія; по его воззрѣнію, классическія науки готовятъ не къ одному университету, но и къ жизни, не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей.

Для осуществленія предполагаемыхъ реформъ всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній на новыхъ началахъ, отстранявшихъ ихъ недостатки, потребовались предварительно долговременные и осмотрительные труды по составленію новыхъ училищныхъ уставовъ и законоположеній, по разработкѣ всего, касающагося до училищнаго дѣла: составленіе учебныхъ плановъ, правилъ и инструкцій, изысканіе мѣръ для увеличенія числа полезныхъ для учащихся книгъ, учебниковъ и учебныхъ пособій, библіотекъ и кабинетовъ; обсужденіе о приведеніи въ требуемый видъ учебной администраціи, учрежденіе новыхъ должностей, обсужденія о мѣрахъ для приготовленія учителей и прочіе вопросы по реформѣ училищъ,—все это было главнымъ предметомъ занятій высшихъ учрежденій и русскихъ педагоговъ. Результатомъ названныхъ трудовъ явились тѣ уставы и законоположенія для русскихъ учебныхъ заведеній, высшихъ, среднихъ и низшихъ, мужскихъ и женскихъ, которыми они пользуются и нынѣ, и которымъ они обязаны своимъ настоящимъ положеніемъ, обезпечивающимъ ихъ матеріальную и учебно-воспитательную жизнь. Организованныя на новыхъ дарованныхъ имъ уставахъ, наши учебныя заведенія вскорѣ поднялись въ педагогическомъ отношеніи на уровень учебныхъ заведеній въ образованныхъ государствахъ Европы и, сохранивъ присущій имъ русскій народный характеръ и направленіе, согласно требованіямъ правительства и общества, разносятъ свѣтъ науки и образованія по всѣмъ областямъ обширнаго русскаго государства. Не щадя средствъ и употребляя на открытіе училищъ крупныя суммы, правительство приняло всѣ мѣры, нравственныя и матеріальныя, для ихъ дальнѣйшаго упроченія и процвѣтанія. Русское общество, получившее со

введеніемъ училищной реформы удовлетвореніе въ цѣляхъ и стремленіяхъ школы, и народъ, понявшій пользу школы для своего матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія, съ своей стороны, приносятъ щедрыя пожертвованія на вновь учреждаемыя училища и принимаютъ дѣятельное участіе въ учрежденіи и дальнѣйшемъ процвѣтаніи русскихъ училищъ.

ВЫСШІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. **Ученый Комитетъ.** Однимъ изъ первыхъ правительственныхъ мѣропріятій въ царствованіе Императора Александра II-го является возстановленіе Ученаго Комитета при Главномъ Правленіи Училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, который былъ упраздненъ въ 1831 г. Такъ какъ опытъ вскорѣ указалъ на проистекавшія вслѣдствіе этого неудобства, то въ 1850 году былъ учрежденъ временно Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, вмѣсто котораго въ 1856 г. былъ возстановленъ Ученый Комитетъ. Въ Высочайшемъ Указѣ Правительствующему Сенату, которымъ повелѣвается возстановить Ученый Комитетъ, начертаны слѣдующія знаменательныя слова, свидѣтельствующія какъ о высокопросвѣщенномъ взглядѣ Императора на народное образованіе, такъ и о той безпредѣльной любви и той высокой заботливости, съ какими Государь относился къ своему отечеству и ко всему, что касается блага и пользы русскихъ учебныхъ заведеній: „Признавая одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ Нашихъ заботъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія Нашей возлюбленной Россіи, Мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Нашимъ наблюденіемъ и попеченіемъ. Въ этихъ видахъ, оставляя управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и подвѣдомственными оному учрежденіями въ настоящемъ устройствѣ, Мы признаемъ нужнымъ о всѣхъ важнѣйшихъ распоряженіяхъ имѣть постоянныя свѣдѣнія и для того повелѣваемъ:

I. Журналы Главнаго Правленія Училищъ по всѣмъ дѣламъ, относящимся до измѣненій внутренняго устройства учебныхъ заведеній и внутренняго ихъ управленія, равно какъ и до измѣненій по части учебной и воспитательной вообще, представлять непосредственно на Наше воззрѣніе въ подлинникѣ“...

Въ этомъ же Высочайшемъ Указѣ повелѣно: „какъ отдѣльную часть Главнаго Правленія Училищъ, возстановить при ономъ Уче-

ный Комитетъ на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя Нами уже одобрены, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія въ 8-й день марта сего года".

По возстановленіи Ученаго Комитета, въ томъ же 1856 году были изданы правила для дѣйствій Ученаго Комитета Главнаго Правленія Училищъ. На Ученый Комитетъ, состоящій изъ членовъ по различнымъ отраслямъ преподаванія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Главнаго Правленія Училищъ, возлагается: „а) сужденіе о курсахъ въ учебныхъ заведеніяхъ; б) составленіе или разсмотрѣніе программъ для учебныхъ руководствъ; в) разсмотрѣніе и оцѣнка учебныхъ руководствъ; г) разсмотрѣніе другихъ книгъ и рукописей и д) разсмотрѣніе проектовъ и представленій по ученой, учебной и воспитательной части и другихъ тому подобныхъ дѣлъ. Сверхъ того, на обязанности Ученаго Комитета лежитъ: 1) постоянное наблюденіе за тѣмъ, въ какихъ руководствахъ нуждаются учебныя заведенія для болѣе успѣшнаго и соотвѣтственнаго своей цѣли преподаванія, и извлеченіе средствъ къ удовлетворенію этой потребности переводомъ или образцовыхъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ учебниковъ, или изданіемъ новыхъ въ Россіи, и 2) предупрежденіе въ распространеніи въ публикѣ такихъ, издаваемыхъ частными лицами, всякаго рода учебныхъ книгъ и руководствъ, со включеніемъ сочиненій и переводовъ, назначаемыхъ для дѣтскаго чтенія, кои, по своему достоинству, не заслуживаютъ одобренія и не обѣщаютъ той пользы, какой отъ изданій сего рода желать надлежитъ. Для достиженія послѣдней своей цѣли Комитетъ въ краткихъ статьяхъ указываетъ на существенные недостатки сказанныхъ книгъ, и статьи сіи печатаетъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ".

Съ открытіемъ дѣйствій Ученаго Комитета значительно усиливается дѣятельность русскихъ ученыхъ, педагоговъ, учителей и другихъ лицъ по составленію учебниковъ, пособій, атласовъ, книгъ для чтенія, и вообще съ настоящаго царствованія наша учебная отечественная литература пополняется многочисленными изданіями, содѣйствующими развитію и обогащенію полезными знаніями учениковъ разнаго возраста и школъ различныхъ типовъ. Объявляемые отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія конкурсы по составленію учебниковъ по тѣмъ или другимъ предметамъ учебнаго курса

и непосредственное знакомство авторовъ съ требованіями школы, возбудили въ учителяхъ и педагогахъ различныхъ учебныхъ заведеній стремленіе къ удовлетворенію потребности въ педагогическихъ сочиненіяхъ, и многіе изъ составленныхъ въ это время учебниковъ и руководствъ пріобрѣли себѣ извѣстность и широкое распространеніе. Кромѣ оригинальныхъ сочиненій, появляются переводы многочисленныхъ иностранныхъ учебниковъ, заимствуются новые методы, или вырабатываются новые пріемы примѣнительно къ русской школѣ, и учащіеся обильно снабжаются книгами, необходимыми для нихъ въ школѣ и полезными въ жизни. Указываемыя Комитетомъ сочиненія снабжаютъ ученическія библіотеки книгами, и самыя библіотеки учебныхъ заведеній, приведенныя въ порядокъ, на основаніи издаваемыхъ Комитетомъ каталоговъ, и раздѣляющіяся на ученическія и фундаментальныя, или основныя, настолько являются полными и богатыми по обилію и выбору сочиненій, что вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ и учащихъ, и учащихся. Какъ одно изъ существенныхъ средствъ для распространенія образованія, являются возникающія въ это время библіотеки въ сельскихъ училищахъ: пополняемыя по указаніямъ Комитета и освобожденныя отъ всего несоотвѣтствующаго возрасту учащихся, эти библіотеки распространяютъ полезныя знанія не только въ средѣ учениковъ, но и въ средѣ всего крестьянскаго населенія, которое получило теперь интересъ къ чтенію и съ охотою берется за книги полезнаго и нравственнаго содержанія. Книжная дѣятельность значительно расширилась, и запросъ на учебники, дѣтскія книги и книги для народнаго чтенія получаетъ широкое значеніе.

Въ 1865 году были Высочайше одобрены временныя правила о порядкѣ разсмотрѣнія, одобренія и введенія въ употребленіе учебныхъ руководствъ и пособій для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. На основаніи этихъ правилъ, разсмотрѣніе учебниковъ, по просьбамъ, представляемымъ на имя министра народнаго просвѣщенія, поручается Ученому Комитету Министерства, который свои заключенія представляетъ на утвержденіе министра. Учебники могутъ быть разсматриваемы по предложеніямъ попечителей учебныхъ округовъ также и совѣтомъ попечителя, и тогда заключенія попечительскихъ совѣтовъ представляются министру народнаго просвѣщенія.

Въ это время, когда учебная литература была подчинена контролю Ученаго Комитета, появляются многочисленныя сочиненія по всѣмъ предметамъ учебнаго курса, вводятся современные методы и пріемы, самостоятельно выработанные для русской школы, и издаются учебныя пособія, служащія для болѣе прочнаго и яснаго пониманія учебнаго курса. Многіе ученые и педагоги составляютъ самостоятельные курсы методики по многимъ учебнымъ предметамъ, и окончательное примѣненіе звукового метода при обученіи грамотѣ и знакомство съ новѣйшими пріемами обученія письму — чтенію (аналитическій, синтетическій, синкретическій) всецѣло принадлежатъ трудамъ русскихъ дѣятелей этого времени, какъ то: Ушинскому, барону Корфу, Орбинскому, Золотову, Паульсону, Бунаковскому, Тихоміpову, графу Толстому и др. Изданіе многочисленныхъ учебниковъ, составленныхъ нашими педагогами, самостоятельно выработанныхъ для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, составляетъ видную черту этой эпохи: многіе изъ такихъ учебниковъ выдерживаютъ значительное число изданій и сохраняютъ всю полную примѣнимость при обученіи и въ наше время. Благодаря этимъ учебникамъ, русское юношество и русскія дѣти получаютъ надежное средство для своихъ самостоятельныхъ занятій въ школѣ и въ домашнемъ обученіи, и можно смѣло сказать, что ни въ одну изъ предшествовавшихъ училищныхъ реформъ русская училищная литература не обогащалась въ такомъ широкомъ размѣрѣ обиліемъ учебниковъ, составленныхъ съ полнымъ знаніемъ предмета и педагогическихъ требованій обученія, какъ въ описываемую эпоху. Для примѣра приводимъ, изъ числа многихъ учебниковъ, нѣкоторые учебники этой эпохи, наиболѣе распространенные и сохранившіе свое педагогическое значеніе и примѣнимость для школъ нашего времени. По закону Божію: Свирѣлина, Афинскаго, Рудакова, Мансвѣтова, Смирнова и др.; по педагогикѣ и методикѣ учебныхъ предметовъ: Ушинскаго, барона Корфа, Юркевича, Паульсона, Евтушевскаго и др.; для обученія русскому чтенію и письму: Студитскаго, Золотова, Семенова, Новаковскаго, Бухарева, Ушинскаго, барона Корфа, Паульсона, Деркачева, Разина, Семенова, Николенко, Главинскаго, Волжинскаго, Новаковскаго и проч.; грамматики: Стоюнина, Перевлѣсскаго, Соснецкаго, Говорова, Николенко, Поливанова, Бунаковскаго, Тихоміpова, Кирпичникова, Гилярова и др.; по церковно-славянскому: Перевлѣсскаго и др.; книги для чтенія и хрестоматіи: Ушинскаго, барона

Корфа, Щербины, Разина, Радонежскаго, Волжинскаго, Галахова, Николича, Басистова, Семенова и др.; по математикѣ: Зеленаго, Воленса, Больмана, Золотова, Паульсона, Симашко, Гурьева, Леве, Полякова, Ожаровскаго, Щеглова, Вулиха, Давидова, Пржевальскаго, Бычкова, Ламанскаго, Евтушевскаго, Малинина и Буренина, Краевича; по физикѣ: Любимова, Писаревскаго, Краевича, Малинина, Ковалевскаго, Ленца и др.; по естественной исторіи: Михайлова, Александрова, Сентъ-Илера, Горизонтова, Шиховского, Богданова, Бекетова и др.; по исторіи: Беллярминова, Рождественскаго, Соловьева, Иловайскаго и др.; по географіи: Ободовскаго, Лебедева, Янчина, Зуева, Вержбиловича, Кузнецова, Павловскаго, Семенова, Бѣлоха и др.; лексиконы и учебники новыхъ и древнихъ языковъ: Рейфа, Эртеля, Шмидта, Кроненберга, Смирнова, Кояловича, Семейскаго, Куртнера, Массона, Кейзера и многочисленные учебники по древнимъ языкамъ, составленные русскими педагогами для гимназій; многочисленныя дѣтскія книги для чтенія: Чужбинскаго, Фурмана, Максимова, Новаковскаго, Чистякова, Суворина, Лихачевой, Разина, Студитскаго, Ярцевой, Ахматовой, Туръ, Авдѣевой, Ростовской и проч.; многочисленные географическіе карты и атласы: Сидонскаго, Іордана, Симашко, Ильина, Фонъ-Сидова, Добрякова и др.; также естественно-историческіе атласы и флоры для изученія русскихъ растеній: Шуберта, Кауфмана, Цабеля, Анненкова и проч. Одновременно появляются многіе учебники, переведенные или заимствованные изъ иностранныхъ сочиненій, и многочисленные переводы популярныхъ, преимущественно естественно-историческихъ сочиненій; издаются многочисленныя учебныя пособія для учениковъ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также журналы какъ чисто педагогическаго содержанія, такъ и для дѣтей всѣхъ возрастовъ, и большая часть существующихъ въ наше время журналовъ ведетъ свое начало съ описываемой эпохи. Изъ сдѣланнаго далеко неполнаго очерка, въ которомъ поименованы лишь весьма немногіе авторы общеизвѣстныхъ и распространенныхъ учебниковъ, видно, что русская учебная литература, вступивъ на самостоятельный правильный путь, сдѣлала совершенно ненужнымъ прибѣгать въ этомъ необходимомъ для учащихся дѣлѣ исключительно къ иностраннымъ сочиненіямъ, и является важнымъ средствомъ для облегченія умственныхъ занятій учащихся всѣхъ возрастовъ.

Весьма благотворною мѣрою для умственнаго развитія народа

оказалось многочисленное появленіе дешевыхъ календарей съ 1865 года. До этого времени правомъ изданія календарей пользовалась только Императорская Академія Наукъ; въ 1865 году Высочайше разрѣшено отмѣнить это исключительное право Академіи Наукъ на изданіе календарей, дозволивъ печатать и продавать ихъ всѣмъ желающимъ, предоставивъ попрежнему Академіи изданіе календаря для болѣе образованныхъ сословій. Эта мѣра, вызвавшая появленіе многихъ частныхъ календарей, содержащихъ въ себѣ, кромѣ календарныхъ сообщеній, много и другихъ свѣдѣній (историческихъ, метеорологическихъ и проч.), оказалась важнымъ образовательнымъ средствомъ; по своей дешевизнѣ календари стали быстро распространяться въ народѣ, и вскорѣ календарь сдѣлался необходимою книгою какъ въ среднемъ, такъ и въ низшемъ сословіи.

Цензурное Управленіе. Чтобы общество пользовалось только дѣйствительно полезными для него книгами, въ 1863 году были сдѣланы преобразованія цензурнаго управленія, которое, какъ и устройство всей цензурной части, возложено на Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Управленіе имѣетъ цѣлью наблюдать, чтобы въ книгахъ, брошюрахъ, періодическихъ изданіяхъ и вообще произведеніяхъ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ. Съ установленіемъ болѣе опредѣленныхъ и правильныхъ цензурныхъ требованій, издающіяся для публики сочиненія, равно какъ журнальныя и газетныя статьи, предлагаютъ для чтенія лишь то, что можетъ оказывать благотворное вліяніе на общество и его направленіе, и что дѣйствительно для него поучительно и интересно. Черезъ нѣсколько времени, въ 1867 году, были изъяты изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ городскія и общественныя публичныя библіотеки и также подчинены вѣдѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Центральное Управленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ числѣ административныхъ преобразованій, которымъ подверглись высшія учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія, однимъ изъ существенныхъ было преобразованіе центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1863 году, произведенное на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, какія были приняты въ Морскомъ Министерствѣ въ 1860 году, съ необходимыми по спеціальности назначенія обоихъ вѣдомствъ перемѣнами. Министерство Народнаго Просвѣщенія, по своемъ преобразованіи, заключаетъ въ себѣ слѣдующія учрежденія: 1) Главное Правленіе Учи-

лицъ (Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія) съ состоящимъ при немъ Ученымъ Комитетомъ, 2) Департаментъ Народнаго Просвѣщенія съ состоящими при немъ: а) Археографическою комиссіей и б) Редакціею Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, 3) Особенную Канцелярію министра и 4) Числящихся при министрѣ шесть чиновниковъ особыхъ порученій.

Перемѣны въ распредѣленіи учебныхъ округовъ. Съ цѣлью болѣе правильнаго распредѣленія губерній по учебнымъ округамъ и сгруппированія отдѣльныхъ частей имперіи въ управленіи наиболѣе выгодномъ для учебнаго дѣла произведены многія значительныя измѣненія. Такъ, въ 1859 году состоялось учрежденіе управленія гражданскими учебными заведеніями западной Сибири, а въ 1867 году 18 декабря, на одинаковыхъ же основаніяхъ, устроено управленіе гражданскими учебными заведеніями въ восточной Сибири. Хотя дѣленіе Сибири на два обширныхъ управленія, обнимавшихъ собою всѣ учебныя заведенія Сибири, представляло собою нѣкоторыя неудобства по наблюденію за училищами, но, въ виду существованія еще небольшого числа училищъ въ Сибири и неимѣнія тамъ высшихъ учебныхъ заведеній, такое дѣленіе вначалѣ было вполнѣ достаточнымъ; по мѣрѣ же увеличенія числа училищъ и новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, дѣленіе это было подвергнуто требуемому измѣненію.

Учебныя заведенія и учрежденія, входящія нынѣ въ составъ Варшавскаго учебнаго округа, находившіяся въ завѣдываніи особой правительственной комиссіи Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ и своимъ управленіемъ отличавшіяся отъ управленія учебныхъ округовъ въ имперіи, по упраздненіи этой комиссіи (въ 1867 году), были подчинены вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, и изъ означенныхъ заведеній и учрежденій образованъ Варшавскій учебный округъ. Округъ этотъ по примѣру прочихъ русскихъ округовъ составляютъ: попечитель округа, помощникъ попечителя, совѣтъ попечителя и канцелярія попечителя. Въ томъ же году распредѣлены учебныя дирекціи въ Царствѣ Польскомъ для соглашенія предѣловъ вѣдомства учебныхъ дирекцій въ Царствѣ Польскомъ съ новымъ дѣленіемъ его на 10 губерній.

Чтобы доставить лучшую возможность начальствамъ учебныхъ округовъ наблюдать за ввѣренными имъ учебными заведеніями, были сдѣланы значительныя измѣненія относительно распредѣленія внутреннихъ губерній по учебнымъ округамъ. Такъ, въ 1874 году

отчислены нѣкоторыя губерніи отъ Казанскаго учебнаго округа, и образованъ новый округъ—Оренбургскій; это измѣненіе сдѣлано въ виду того, что огромныя разстоянія Казанскаго учебнаго округа, раздѣляющія Казань отъ всего крайняго Востока, при большомъ его протяженіи на югъ и западъ, дѣлали затруднительными для начальства округа дальнія и частыя поѣздки. Поэтому въ вѣдѣніи Казанскаго округа были оставлены 6 губерній: Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская и Вятская; Пензенская же причислена къ Харьковскому округу, а Орловская губернія, равно и Нижегородская, присоединены къ Московскому учебному округу; изъ остальныхъ губерній Казанскаго учебнаго округа, Оренбургской, Уфимской, Пермской и областей Уральской и Тургайской составленъ новый учебный округъ, подъ именемъ Оренбургскаго, при этомъ мѣстомъ для постояннаго жительства попечителя назначенъ Оренбургъ.

Такими мѣрами было урегулировано административное дѣленіе училищъ, чѣмъ была достигнута болѣе соразмѣрная правильность по управленію учебными заведеніями и по наблюденію за ними.

Императорская Академія Наукъ. Императорская Публичная библіотека. Румянцевскій музей. Главная физическая обсерваторія. Высшія учрежденія, или преслѣдующія чисто научныя цѣли, или служащія вмѣстѣ съ тѣмъ и для распространенія научныхъ свѣдѣній во всѣхъ слояхъ общества, Императорская Академія Наукъ, Императорская Публичная библіотека и Московскій Румянцевскій музей, подверглись также соотвѣтствующимъ преобразованіямъ и измѣненіямъ. Съ переводомъ Румянцевскаго музея изъ С.-Петербурга въ Москву (1861 г.) и съ передачею его въ завѣдываніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ 1862 году Высочайше утверждено положеніе и штатъ Московскаго Публичнаго Румянцевскаго музея, который, помѣщаясь вмѣстѣ съ Московскимъ Публичнымъ музеемъ, сохраняетъ, по мысли завѣщателя, всю свою цѣлость, отдѣльность, цѣль и наименованіе. Управленіе Императорскою Публичною библіотекою въ 1861 году году было передано изъ вѣдомства Императорскаго Двора въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія. Чтобы дать этому учрежденію, какъ главному отечественному книгохранилищу, составляющему гордость Россіи, то устройство, въ которомъ она могла бы приносить всю ожидаемую пользу, и предоставить ей всѣ способы, соотвѣтствующіе потребностямъ всѣхъ современныхъ

книгохранилищъ, въ 1870 году были усилены средства библіотеки и дарованъ ей новый уставъ. Въ 1874 году былъ составленъ также новый штатъ Императорской Публичной библіотеки, и въ томъ же году увеличены средства библіотеки и музеевъ Императорской Академіи Наукъ.

Также подверглись реформѣ и другія ученыя учрежденія, преслѣдующія спеціальныя цѣли. Такъ, въ 1871 году Высочайше дарованъ новый уставъ и штатъ Главной физической обсерваторіи, составляющей центральное учрежденіе въ имперіи для изслѣдованія Россіи въ физическомъ отношеніи. Будучи подвѣдомственна Министерству Народнаго Просвѣщенія и состоя въ вѣдѣніи Императорской Академіи Наукъ, обсерваторія имѣетъ цѣлью: а) производство и распространеніе наблюденій и изслѣдованій, способствующихъ преуспѣянію физики въ Россіи какъ въ чисто научномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи различныхъ ея приложеній, согласно съ современнымъ состояніемъ науки, и б) возможное, по средствамъ обсерваторіи, содѣйствіе лицамъ, занимающимся практическими изслѣдованіями по физикѣ и метеорологіи, въ особенности по производству метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій. Въ виду важности учрежденія метеорологическихъ станцій внутри Россіи, для предувѣдомленія о вѣроятномъ наступленіи бурь, и въ виду испытанной уже въ другихъ странахъ Европы пользы установленія правильной системы таковыхъ предувѣдомленій, Высочайше повелѣно въ 1865 году ассигновать опредѣленную сумму на устройство и содержаніе метеорологическихъ станцій въ мѣстностяхъ, которыя для этого будутъ признаны удобными. Производство на станціи метеорологическихъ наблюденій поручается не только учителямъ учебныхъ заведеній, но также и другимъ извѣстнымъ учебному вѣдомству лицамъ, могущимъ оказать въ этомъ содѣйствіе.

Съ таковою же цѣлью учреждена въ 1875 году магнитная и метеорологическая обсерваторія въ гор. Павловскѣ, подчиненная Главной физической обсерваторіи. По ближайшему усмотрѣнію Императорской Академіи Наукъ, въ новое отдѣленіе передано производство всѣхъ тѣхъ наблюденій, которыя, по условіямъ мѣстности, занимаемой Главною физическою обсерваторіей, не могли быть произведены съ точностью, требуемой современнымъ состояніемъ науки.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ. **Университеты.** Въ 1863 году послѣдовало Высочайшее утвержденіе общаго устава Импе-

раторскихъ россійскихъ университетовъ; вскорѣ затѣмъ были открыты въ имперіи, на основаніи этихъ уставовъ, два новыхъ университета—Варшавскій и Новороссійскій. По Высочайшему повелѣнію 8-го іюня 1860 г. Варшавская главная школа преобразована въ университетъ, съ четырьмя факультетами—историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ. На университетъ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, распространены тѣ же законоположенія, на которыхъ основаны и другіе русскіе университеты, и какъ въ преподаваніи, такъ и на всѣхъ испытаніяхъ, въ сочиненіяхъ, на публичныхъ актахъ и въ дѣлопроизводствѣ, введено употребленіе русскаго языка. Такъ какъ при своемъ учрежденіи Варшавскій университетъ не имѣлъ своей собственной принадлежащей ему библіотеки, то, по преобразованіи Варшавской главной библіотеки, она была передана въ университетъ вмѣстѣ съ состоявшимъ при ней нумизматическимъ кабинетомъ и музеемъ древности.

Взамѣнъ Ришельевскаго лицея учрежденъ въ 1865 году въ Одессѣ Новороссійскій университетъ, съ тремя факультетами—историко-филологическимъ, физико-математическимъ и юридическимъ.

Въ 1865 же году Высочайше утвержденъ новый уставъ и штатъ Императорскаго Дерптскаго университета, при чемъ имѣлось въ виду согласить, по возможности, новый уставъ съ правилами общаго устава россійскихъ университетовъ и удержать за Дерптскимъ тѣ особенности, которыя были необходимы по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по исключительному положенію этого университета.

Въ виду устройства предположеннаго Сибирскаго университета, было поручено особой при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія комиссіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова, всестороннее обсужденіе вопроса объ избраніи для университета города, который наиболѣе для этого цѣлесообразенъ—Омска или Томска. На основаніи подробныхъ статистическихъ данныхъ, разныхъ офиціальныхъ свѣдѣній, литературныхъ указаній и личнаго знакомства большей части членовъ комиссіи съ разсматриваемымъ вопросомъ, она пришла къ единодушному заключенію, что для университета въ Сибири цѣлесообразнѣе избрать городъ Томскъ. Основаніемъ для выбора г. Томска послужили слѣдующія причины: его центральное

положеніе по отношенію къ восточной и западной Сибири и ко всѣмъ главнѣйшимъ путямъ сообщенія; большее число среднихъ учебныхъ заведеній въ самомъ Томскѣ; составъ народонаселенія, богатство и благоустройство города и преимущества его въ климатическомъ отношеніи; по сравненію съ существующими въ Томскѣ и Омскѣ лѣчебными заведеніями, первый для клиническихъ цѣлей медицинскаго факультета представляетъ большія преимущества передъ Омскомъ; къ тому же учрежденіе университета въ Томскѣ наиболѣе удовлетворяетъ всѣмъ удобствамъ и желаніямъ страны. Вслѣдствіе вышесказаннаго и министръ народнаго просвѣщенія согласился съ единодушнымъ заключеніемъ комиссіи объ устройствѣ университета въ городѣ Томскѣ, а не въ гор. Омскѣ.

Такъ какъ предположенный университетъ для такого обширнаго и отдаленнаго края принесетъ несомнѣнную пользу всему населенію, и потребность въ немъ давно ощущалась, то многіе образованные жители Сибири, цѣня такую Монаршую милость, сочли себя нравственно обязанными содѣйствовать правительству въ устройствѣ и обогащеніи учебными средствами даруемаго имъ высшаго учебнаго учрежденія. Точно такъ же и населенія другихъ частей имперіи, своими щедрыми пожертвованіями на новооткрываемый университетъ, спѣшили заявить о своей радости по случаю предстоявшаго великаго событія для пользы своего отечества и успѣховъ русской науки.

Съ введеніемъ новаго университетскаго устава, повысившаго ученыя занятія студентовъ и поставившаго профессоровъ въ условія вполнѣ благопріятныя ихъ высокому научному значенію, русскія высшія учебныя заведенія, по всѣмъ каѳедрамъ, замѣщаются русскими профессорами, которые своими трудами и изслѣдованіями обогащаютъ науку и распространяютъ между учащимися высшія научныя знанія.

Съ цѣлью же усовершенствованія молодыхъ людей въ предметахъ высшихъ курсовъ и приготовленія къ профессорскому званію, были выработаны въ 1867 году правила, на основаніи которыхъ командировались за границу а) магистры и кандидаты, выдержавшіе экзаменъ на степень магистра, но не защищавшіе еще диссертаціи; б) кандидаты, доказавшіе свои отличныя педагогическія способности и отличныя спеціальныя познанія въ университетѣ не менѣе двухъ лѣтъ въ званіи приватъ-доцента, и в) кандидаты, пріобрѣтшіе извѣстность своими педагогическими трудами по пред-

мету, по которому намѣреваются посвятить себя профессорской дѣятельности. По наукамъ же медицинскимъ заграничныя командировки допускаются не иначе, какъ по выдержаніи испытанія на степень доктора медицины. При этомъ замѣтимъ, что ученыя диссертаціи медицинскаго факультета, писавшіяся прежде на латинскомъ языкѣ, съ царствованія Императора Александра II-го издаются преимущественно на русскомъ языкѣ.

Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній были открыты и преобразованы слѣдующія:

Историко-филологическіе институты. Въ 1867 году Высочайше утвержденъ уставъ и штатъ Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ, высшаго педагогическаго учебнаго заведенія, имѣющаго цѣлью приготовленіе учителей древнихъ языковъ, русскаго языка, словесности и исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ такой же историко-филологическій институтъ преобразованъ въ 1874 году лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ устава и штата Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ съ требуемыми измѣненіями и дополненіями въ уставѣ. Существовавшая въ Нѣжинѣ гимназія преобразована въ 1875 году въ гимназію при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко.

Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ. Въ 1868 году лицею дарованы новый штатъ и уставъ, на основаніи которыхъ, подобно факультетамъ университетовъ, онъ имѣетъ цѣлью доставлять обучающимся въ немъ высшее юридическое образованіе. Демидовскій лицей состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Московскаго учебнаго округа на одинаковомъ основаніи съ Московскимъ университетомъ. Управленіе лицеемъ составляютъ: директоръ, совѣтъ, правленіе и инспекторъ. Для преподаванія въ лицеѣ состоятъ: законоучитель, ординарные и экстраординарные профессоры, доценты и лекторы. Допускаются также приватъ-доценты и преподаватели на одинаковыхъ съ университетами основаніяхъ. Полный курсъ ученія продолжается четыре года. Въ студенты лицея принимаются молодые люди, достигшіе 17-тилѣтняго возраста и притомъ окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ или удовлетворительно выдержавшіе въ одной изъ классическихъ гимназій полное въ этомъ курсѣ испытаніе. Воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ,

съ успѣхомъ окончившіе общій курсъ ученія въ нихъ, если онъ соотвѣтствуетъ гимназическому курсу, имѣютъ также право поступить въ студенты лицея. Къ слушанію лекцій допускаются и посторонніе лица, по правиламъ, составленнымъ совѣтомъ лицея и утвержденнымъ попечителемъ округа. Студенты, окончившіе курсъ, удостоиваются степени кандидата или званія дѣйствительнаго студента. Уставъ и штатъ лицея съ требуемыми измѣненіями и дополненіями былъ Высочайше утвержденъ въ 1874 году.

Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. Въ 1869 г. преобразованъ политехническій и земледѣльческо-лѣсной институтъ въ Новой Александріи въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, высшее учебное заведеніе, имѣющее цѣлью приготовленіе научно-образованныхъ сельскихъ хозяевъ и лѣсничихъ. Институтъ имѣетъ два отдѣленія: сельско-хозяйственное и лѣсное, въ каждомъ курсѣ три года. Для сельско-хозяйственной практики состоитъ при институтѣ опытная ферма, съ принадлежащими институту имѣніемъ и лѣсомъ. Институтъ, состоя подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, подчиняется попечителю Варшавскаго учебнаго округа; ближайшее же управленіе институтомъ принадлежитъ его директору. Науки, входящія въ составъ учебнаго курса, распредѣляются въ общемъ курсѣ и въ обоихъ его отдѣленіяхъ между профессорами, доцентами и учителями. Въ институтъ принимаются молодые люди, достигшіе 17-тилѣтняго возраста и притомъ окончившіе съ аттестатомъ полный курсъ въ гимназіяхъ, классической или реальной, или удовлетворительно выдержавшіе въ одной изъ гимназій полное въ этомъ курсѣ испытаніе и получившіе въ томъ установленное свидѣтельство. Они именуются въ институтѣ студентами. Съ каждаго студента взимается за слушаніе лекцій установленная плата. Студенты, прошедшіе съ успѣхомъ полный курсъ ученія и оказавшіе притомъ весьма удовлетворительные успѣхи въ русскомъ языкѣ и словесности, получаютъ аттестаты. Каждый изъ окончившихъ курсъ, по истеченіи года, проведеннаго имъ на практикѣ, и по представленіи требуемыхъ рапортовъ о своихъ занятіяхъ, на основаніи положеннаго испытанія и по защитѣ представленнаго разсужденія, можетъ получить отъ института званіе агронома или лѣсничаго, смотря по отдѣленію, на которомъ находился.

Лицей Цесаревича Николая. Учрежденное въ 1864 году въ

Москвѣ статскими совѣтниками Катковымъ и Леонтьевымъ частное учебное заведеніе, посвященное памяти въ Бозѣ почивающаго Цесаревича Николая Александровича, именуемое Лицеемъ Цесаревича Николая, имѣетъ цѣлью: 1) содѣйствовать утвержденію основательнаго образованія русскаго юношества; 2) путемъ живого опыта способствовать развитію въ Россіи самостоятельнаго педагогическаго дѣла и вырабатывать на практикѣ его основанія, пріемы и способы. Въ лицеѣ учреждается 8 классовъ гимназическаго курса, при чемъ объемъ этого курса долженъ быть не менѣе положеннаго для правительственныхъ гимназій, и три класса университетскаго курса, съ раздѣленіемъ на факультеты. Питомцы университетскаго курса посѣщаютъ лекціи въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ вольнослушателей; кромѣ того, смотря по надобности, нѣкоторые предметы университетскаго курса могутъ быть преподаваемы въ самомъ лицеѣ. При лицеѣ могутъ быть учреждаемы также и приготовительные классы для дѣтей меньшаго возраста. Воспитанники живутъ или дома или въ учреждаемыхъ при лицеѣ пансіонахъ. Непосредственное завѣдываніе лицеемъ ввѣряется правленію. Общее же наблюденіе за исполненіемъ устава и высшій надзоръ за управленіемъ учебною, воспитательною и хозяйственною частями лицея принадлежитъ, подъ вѣдѣніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, особому совѣту, состоящему подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, когда онъ находится въ Москвѣ, а въ другое время подъ предсѣдательствомъ московскаго генералъ-губернатора и слѣдующихъ лицъ: попечителя и помощника попечителя Московскаго учебнаго округа, ректора Московскаго университета, одного члена по избранію совѣта Московскаго университета, членовъ лицейскаго правленія и тѣхъ лицъ, которымъ по уставу будетъ присвоено званіе почетныхъ членовъ лицея, а также, если пожелаютъ, московскій губернскій предводитель дворянства, московскій городской голова и предсѣдатель московской земской управы. Воспитанники лицея, выдержавшіе окончательное за гимназическій курсъ испытаніе, получаютъ аттестаты и имѣютъ право на поступленіе въ студенты русскихъ университетовъ наравнѣ съ учениками правительственныхъ классическихъ гимназій. Въ 1872 году были Высочайше утверждены дополнительный штатъ и уставъ лицея.

Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ существуетъ въ Москвѣ съ 1815 года. Учредители его, братья Иванъ и Яковъ

Лазаревичи Лазаревы, удовлетворяя потребности армянскаго населенія Россіи, пожелали учредить въ Москвѣ учебное заведеніе, которое бы давало дѣтямъ армянъ первоначальное общее образованіе и требуемое умственное и нравственное развитіе, чтобы они могли со временемъ сдѣлаться полезными гражданами Россіи. Это учебное заведеніе, по мысли его учредителей, предполагавшееся для 30 безплатныхъ воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ армянъ, состояло изъ четырехъ классовъ и было поставлено въ уровень со всѣми тогдашними учебными заведеніями. Успѣшный ходъ учебнаго заведенія, расширеніе его учебнаго курса и увеличеніе числа учениковъ, безъ различія націй и вѣроисповѣданій, изъ которыхъ большинство вступало въ университетъ, и добрая слава этого заведенія разнеслись не только по Россіи, но и внѣ ея предѣловъ, между армянами Персіи, Турціи и даже Индіи. Изъ уваженія къ пользѣ, приносимой Лазаревскимъ институтомъ, въ 1837 году были дарованы этому институту права учебныхъ заведеній второго разряда, которыя еще были расширены въ слѣдующемъ году. Въ 1841 году при институтѣ учреждено особое отдѣленіе для духовныхъ воспитанниковъ, вызванное потребностями армянской церкви, усилены дополнительные уроки для воспитанниковъ, приготовляющихся къ торговлѣ, и образовалась еще третья категорія учащихся изъ кавказскихъ воспитанниковъ. Въ 1848 году институтъ обращенъ въ восьмиклассное учебное заведеніе, съ окончательнымъ курсомъ въ немъ восточнаго языкознанія, и институту предоставлены права и преимущества лицеевъ. Въ 1868 году преподаваніе восточныхъ языковъ сосредоточено въ спеціальныхъ классахъ, при этомъ оно не было введено въ курсъ гимназическій, гдѣ установленъ полный курсъ классическихъ гимназій съ двумя древними языками.

Въ томъ же году Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ былъ переданъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ учрежденное по Высочайшему повелѣнію при институтѣ званіе почетнаго попечителя института должно быть навсегда присвоено старшему въ родѣ Лазаревыхъ. Въ 1871 году утвержденъ проектъ устройства при институтѣ спеціальныхъ классовъ съ цѣлью изученія восточныхъ языковъ. Курсъ ученія въ нихъ трехлѣтній; предметы изученія: армянская словесность, арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарскій языкъ, исторія Востока, русская словесность, грузинскій языкъ, практика

персидскаго и турецкаго языка, восточная каллиграфія. Въ студенты принимаются молодые люди, достигшіе семнадцатилѣтняго возраста и притомъ съ успѣхомъ кончившіе полный курсъ классической гимназіи при Лазаревскомъ институтѣ, или же удовлетворительно выдержавшіе испытаніе въ классической гимназіи или въ институтѣ и получившіе въ томъ аттестатъ или свидѣтельство; также воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, съ успѣхомъ окончившіе въ нихъ курсъ, если этотъ курсъ будетъ признанъ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія соотвѣтствующимъ гимназическому; также принимаются и посторонніе слушатели. Окончившіе курсъ въ спеціальныхъ классахъ удостоиваются аттестата на чинъ X и XII классовъ. Такимъ образомъ, по преобразованіи Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ 1872 году, онъ состоитъ изъ одного приготовительнаго, семи гимназическихъ и трехъ спеціальныхъ классовъ, въ каждомъ изъ первыхъ шести гимназическихъ классовъ института полагается годичный курсъ, а въ седьмомъ гимназическомъ классѣ двухгодичный. Учащіеся въ гимназическихъ классахъ раздѣляются на пансіонеровъ, полупансіонеровъ и приходящихъ учениковъ. Въ институтѣ обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія. Ученики, окончившіе полный курсъ въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института, могутъ поступать въ студенты университета или же въ спеціальные классы при институтѣ.

Ветеринарные институты. Въ 1873 году существовавшія въ Харьковѣ и Дерптѣ ветеринарныя училища преобразованы въ высшія учебныя заведенія, имѣющія цѣлью образованіе ученыхъ ветеринаровъ—въ Харьковскій и Дерптскій ветеринарные институты. Для практическаго приготовленія ветеринарныхъ фельдшеровъ при каждомъ институтѣ находится особая школа. Ветеринарные институты состоятъ въ главномъ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія и подчиняются непосредственно мѣстнымъ попечителямъ учебныхъ округовъ. Ближайшее управленіе институтами принадлежитъ директору и совѣту института. По испытаніи оканчивающихъ курсъ студентовъ, совѣтъ удостоиваетъ ихъ степени ветеринара или магистра ветеринарныхъ наукъ, соотвѣтствующихъ ученымъ степенямъ кандидата и магистра университета; для полученія степени магистра, кромѣ испытанія, требуется также публичное защищеніе диссертаціи, представленной и одобренной совѣтомъ.

По уставу Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ институтовъ основанъ въ $187^4/_5$ году Казанскій ветеринарный институтъ. Варшавская ветеринарная школа, основанная въ 1840 году и состоявшая въ вѣдѣніи Правительственной Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго, была передана въ 1865 году въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1873 году школа переименована въ ветеринарный институтъ, и въ томъ же году утвержденъ проектъ устава Варшавскаго ветеринарнаго института. Студенты Варшавскаго ветеринарнаго института удостоиваются (1873 г.) дипломовъ на степень ветеринаровъ. По прошествіи года, при соблюденіи требуемыхъ условій, т. е. по представленіи диссертаціи, выдержаніи требуемаго устнаго испытанія и публичной защиты представленной диссертаціи, они удостоиваются степени магистра ветеринарныхъ наукъ.

Археологическій институтъ. Къ высшимъ учебнымъ учрежденіямъ относится и археологическій институтъ, организованный въ С.-Петербургѣ на частныя средства въ 1877 году. Онъ имѣетъ цѣлью приготовленіе спеціалистовъ по русской старинѣ, для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Въ институтъ принимаются только лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Курсъ ученія безплатный и ограничивается двумя годами. Слушатели, отличившіеся своими успѣхами въ наукахъ, могутъ пользоваться стипендіями по назначенію совѣта.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ УЧИТЕЛЕЙ ГИМНАЗІЙ И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ. **Педагогическіе курсы.** Существовавшія для приготовленія наставниковъ особыя учрежденія, какъ-то: Главный педагогическій институтъ и отдѣльные педагогическіе институты при университетахъ не вполнѣ достигали своей цѣли. При поступленіи въ эти учебныя заведенія, особенно при измѣнившемся въ послѣднее время характерѣ Главнаго педагогическаго института, требовалось знаніе полнаго гимназическаго курса и не обращалось вниманія на то, имѣютъ ли кандидаты и педагоги способность и наклонность къ педагогическимъ занятіямъ; въ самыхъ институтахъ будущіе педагоги почти исключительно занимались своимъ образованіемъ и не имѣли необходимой для нихъ педагогической практики. Когда же для устраненія этихъ неудобствъ, оказывавшихъ вредное вліяніе на

ходъ ученія и воспитанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, Главное Правленіе Училищъ постановило закрыть Главный педагогическій институтъ; тогда средствомъ для педагогическаго образованія оставались только существовавшіе при университетахъ педагогическіе институты. Но число получавшихъ въ нихъ педагогическую подготовку студентовъ было очень ограничено и весьма недостаточно для замѣщенія учительскихъ мѣстъ, особенно въ виду предстоявшихъ реформъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Чтобы не оказалось недостатка въ учителяхъ для среднихъ учебныхъ заведеній, правительство принимаетъ рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью педагогическое приготовленіе учителей по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, особенно же по древнимъ языкамъ, которые по новому уставу получаютъ важное значеніе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ этою цѣлью Ученый Комитетъ въ 1860 году, по обсужденіи средствъ для образованія преподавателей въ среднія учебныя заведенія, положилъ: 1) Учредить при университетѣ педагогическіе курсы, въ которые принимать уже окончившихъ университетское образованіе. 2) На педагогическихъ курсахъ полагается для каждой группы сродныхъ между собою предметовъ особый профессоръ изъ преподавателей университета, а именно: для языка русскаго и церковно-славянскаго, для языковъ греческаго и латинскаго, для наукъ математическихъ, для естествовѣдѣнія, для исторіи и географіи и, сверхъ того, профессоръ педагогики. 3) Для спеціально-педагогическаго образованія при педагогическихъ курсахъ предполагалось учредить гимназію, въ которой, подъ вѣдѣніемъ особаго директора, будущіе преподаватели должны упражняться подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ. Такъ какъ таковая гимназія не была открыта, то упражненія въ преподаваніи производились въ тѣхъ гимназіяхъ, при которыхъ состояли директорами избранные въ руководители, а учителями-руководителями,—служащіе въ гимназіи учителями того предмета, который былъ избранъ спеціальностью кандидата-учителя. Для пріобрѣтенія навыка и опытности въ практическомъ преподаваніи, студенты педагогическихъ курсовъ сначала присутствуютъ при урокахъ учителей гимназіи, а потомъ и сами занимаютъ ихъ мѣсто. Курсъ педагогическаго приготовленія продолжается два года, съ обязательствомъ прослужить, по окончаніи курса, по назначенію Министерства Народнаго Просвѣщенія, четыре года. Время, проведенное студентомъ на педагогическихъ курсахъ, считается дѣй-

ствительною службою и зачитается имъ при дальнѣйшей службѣ, равно какъ и при исчисленіи лѣтъ на пенсію. Право на полученіе должности преподавателя или воспитателя окончательно пріобрѣтается надлежащимъ испытаніемъ. Кандидаты получали стипендію до 360 рублей въ годъ.

Такіе же педагогическіе курсы учреждаются и въ другихъ округахъ (напр., Дерптскомъ въ 1861 году и др.); для привлеченія студентовъ на эти курсы учреждаются стипендіи,—такъ, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія обращены 150 стипендій (1863 г.) съ предназначеніемъ производства ихъ тѣмъ студентамъ, которые обязуются перейти на педагогическіе курсы.

Въ 1865 году строй педагогическихъ курсовъ нѣсколько измѣняется, и дѣло педагогическаго образованія учителей возлагается на университеты, въ продолженіе университетскаго курса при факультетахъ—историко-филологическомъ и физико-математическомъ. Студенты, изъявившіе желаніе посвятить себя педагогической дѣятельности, слушаютъ лекціи профессоровъ этихъ факультетовъ наравнѣ съ прочими студентами и, сверхъ того, имѣютъ особыя занятія, приспособленныя къ будущему ихъ назначенію, подъ руководствомъ профессора педагогики и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. По окончаніи общаго университетскаго курса, учителя-кандидаты, причисляются на одинъ годъ къ гимназіямъ для практическихъ занятій и затѣмъ уже опредѣляются на должности учителей гимназій и прогимназій. Какъ во время университетскаго курса, такъ и въ теченіе годичныхъ занятій, при гимназіяхъ учителя-кандидаты получаютъ стипендіи—360 рублей въ годъ, обязывающія ихъ службѣ по учебной части. Годичное время практическихъ занятій при гимназіи по окончаніи университетскаго курса зачислялось имъ въ дѣйствительную службу.

Институтъ славянскихъ стипендіатовъ. Такъ какъ педагогическіе курсы были недостаточны для удовлетворенія еще чувствуемой настоятельной потребности въ учителяхъ древнихъ языковъ, то правительство устанавливаетъ новыя мѣры, чтобы обезпечить учителями этихъ предметовъ классическія гимназіи, организуемыя по уставу 1864 года. Именно, начиная съ 1865 года, вызываются въ Россію австрійскіе славяне, имѣющіе установленные въ Австріи дипломы учителей древнихъ языковъ, которые и допускаются къ преподаванію ихъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для того, чтобы пріѣзжіе для этой цѣли славяне и

и чехи имѣли время усвоить себѣ русскій языкъ, они допускались на педагогическіе курсы на время отъ 1 до 2 лѣтъ и получали отъ правительства стипендію. При назначеніи ихъ учителями достаточно было лишь удостовѣренія въ знаніи ими русскаго языка настолько, чтобы они были въ состояніи преподавать древніе языки. Этимъ учрежденіемъ положено начало института славянскихъ стипендіатовъ, который во время своего 13-тилѣтняго существованіи въ Россіи приготовилъ 139 стипендіатовъ для занятія учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Со времени же учрежденія двухъ историко-филологическихъ институтовъ, когда большая часть учительскихъ мѣстъ была занята лицами, окончившими курсъ въ этихъ институтахъ или въ университетахъ, уже не представилось надобности привлекать въ Россію иностранныхъ педагогическихъ силъ, почему институтъ славянскихъ стипендіатовъ и былъ упраздненъ въ 1881 году.

Съ такой же цѣлью, для занятія должности учителя гимназіи и прогимназіи по предметамъ филологическаго факультета, по Высочайшему повелѣнію 1867 года, допускались кандидаты и магистры духовныхъ академій.

Императорскій историко-филологическій институтъ. Когда, по упраздненіи Главнаго педагогическаго института, дѣло приготовленія учителей для гимназій было исключительно возложено на университеты, при которыхъ сначала существовали педагогическіе институты, а съ 1860 года педагогическіе курсы, тогда, для преобразованія гимназій по уставу 19 ноября 1864 года и вообще для приведенія ихъ въ надлежащее благоустройство, большое препятствіе оказывалъ все еще крайній недостатокъ въ учителяхъ, и преимущественно по предметамъ историко-филологическаго факультета. Несмотря на принимавшіяся мѣры (опредѣленіе на мѣста учителей гимназій, кандидатовъ и магистровъ духовныхъ академій, приглашеніе изъ-за границы молодыхъ славянъ, окончившихъ курсъ въ заграничныхъ университетахъ и проч.), число требуемыхъ учителей-филологовъ оставалось далеко недостаточно. Къ тому же педагогическіе курсы, по уставу 1860 г., не достигали своей цѣли, и число вакансій на учительскихъ кандидатовъ не всегда было занято. Обстоятельства эти и послужили къ учрежденію высшаго педагогическаго учебнаго заведенія—историко-филологическаго института.

Въ 1867 году Высочайше утвержденъ уставъ и штатъ Импе-

раторскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ, высшаго педагогическаго учебнаго заведенія, имѣющаго цѣлью приготовленіе учителей древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности и исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также, по сношенію съ нимъ Министерства, и для тѣхъ изъ другихъ вѣдомствъ, которыя пожелаютъ содержать въ институтѣ своихъ стипендіатовъ. Институтъ удостоенъ въ 1875 году наименованія Императорскаго въ отличіе отъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института. Институтъ состоитъ подъ главнымъ и непосредственнымъ начальствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; ближайшій начальникъ — директоръ института. При институтѣ состоятъ по части учебно-воспитательной—инспекторъ, профессоры, преподаватели и наставники. Штатное число воспитанниковъ полагается 100 человѣкъ; они живутъ въ зданіи института и состоятъ на полномъ казенномъ содержаніи. Ученіе раздѣляется на четыре годичныхъ курса, изъ нихъ первые два общіе, преимущественно теоретическіе, а два послѣдніе — спеціальные, преимущественно практическіе. Для практическаго упражненія въ преподаваніи при институтѣ учреждается открытая въ 1870 году классическая гимназія съ двумя древними языками для приходящихъ учениковъ. Преподаваніе въ гимназіи поручается студентамъ четвертаго курса тѣхъ предметовъ гимназической программы которые входятъ въ составъ ихъ спеціальныхъ занятій въ институтѣ, и къ преподаванію которыхъ они преимущественно предназначаются въ будущемъ. Ближайшее руководство студентовъ въ практическихъ занятіяхъ по преподаванію въ гимназіи лежитъ на обязанности наставниковъ-руководителей подъ наблюденіемъ директора. Управленіемъ по учебной части завѣдываетъ конференція, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ инспектора и профессоровъ, а хозяйственной частью института—правленіе. Въ институтъ принимаются молодые люди, достигшіе 17-тилѣтняго возраста, имѣющіе аттестаты на знаніе предметовъ полнаго курса классическихъ гимназій и представившіе одобрительное свидѣтельство о поведеніи, или же, при такихъ свидѣтельствахъ, съ успѣхомъ окончившіе курсъ въ философскомъ классѣ дух. семинарій. Поступающіе въ число штатныхъ воспитанниковъ обязываются прослужить, по окончаніи курса, въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ. Студентамъ, окончившимъ курсъ предоставляется званіе учителя гим-

назіи, дающее всѣ права кандидатовъ университета. При институтѣ полагается библіотека и собраніе учебныхъ пособій.

Въ 1871 году предоставлено конференціи института право выдавать студентамъ института и свидѣтельства на званіе уѣзднаго учителя. Съ открытіемъ института были упразднены педагогическіе курсы, существовавшіе при университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ Св. Владимира и Дерптскомъ.

Съ тою же цѣлью и на основаніи Высочайше утвержденныхъ штатовъ и устава Императорскаго историко-филологическаго института преобразованъ въ 1874 году лицей князя Безбородко въ городѣ Нѣжинѣ въ историко-филологическій институтъ, а существовавшая въ гор. Нѣжинѣ гимназія преобразована въ 1875 году въ гимназію при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко.

Филологическая семинарія въ Лейпцигѣ. Для приготовленія въ среднія учебныя заведенія учителей по древнимъ языкамъ, кромѣ педагогическихъ курсовъ, историко-филологическихъ факультетовъ университетовъ, существовали, слѣдовательно, еще Императорскій историко-филологическій институтъ и учительскій институтъ славянскихъ стипендіатовъ, а также допускались и другія временныя мѣры, какъ, напримѣръ, доступъ въ гимназіи и прогимназіи кандидатовъ и академиковъ изъ духовныхъ академій. Но, при возрастающемъ постоянно числѣ гимназій и прогимназій, этихъ средствъ все-таки оказывалось недостаточно, и замѣщеніе учительскихъ мѣстъ по древнимъ языкамъ продолжало представлять затрудненія. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ филологовъ этого времени, профессоръ Лейпцигскаго университета, тайный совѣтникъ Ритшль, въ 1873 году, движимый сочувствіемъ къ нашей учебной реформѣ, изъявилъ согласіе принять на себя непосредственное руководство молодыми людьми, которые, будучи выбраны довѣренными отъ нашего Министерства Народнаго Просвѣщенія лицами, изъ числа какъ природныхъ русскихъ и уроженцевъ Прибалтійскаго края, такъ и изъ западныхъ славянъ и даже уроженцевъ Германіи, имѣвшихъ уже случай изучить русскій языкъ, приготовлялись бы при Лейпцигскомъ университетѣ къ званію учителей по древнимъ языкамъ для нашихъ гимназій и прогимназій. Министерство, зная профессора Ритшль, какъ опытнаго педагога и извѣстнаго ученаго, опредѣлило назначать, за извѣстную опредѣленную ежегодную плату, въ

предполагавшуюся русскую филологическую семинарію при Лейпцигскомъ университетѣ ежегодно 12—20 кандидатовъ, которымъ и выдавать извѣстную стипендію. По окончаніи ими курса, на который назначалось 2 года, стипендіаты опредѣлялись учителями гимназій и прогимназій съ обязательствомъ прослужить по два года за каждый годъ полученія ими стипендій, съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ учительскому званію.

Въ 1873 году узаконено о принятіи въ русское подданство поступающихъ въ Лейпцигскую русско-славянскую филологическую семинарію стипендіатами Министерства Народнаго Просвѣщенія; вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено въ 1876 году окончившихъ курсъ въ Лейпцигской филологической семинаріи допускать къ магистерскому и докторскому экзамену греческой или римской словесности безъ экзамена.

Въ 1879 году дозволено лицамъ, окончившимъ курсъ въ заграничныхъ университетахъ, въ случаѣ если они имѣютъ учительскій дипломъ на преподаваніе во всѣхъ классахъ гимназій древнихъ языковъ, для опредѣленія ихъ въ должности учителей, довольствоваться лишь удостовѣреніемъ въ знаніи ими русскаго языка настолько, чтобы они были въ состояніи преподавать древніе языки, какъ то установлено для австрійскихъ славянъ.

Филологическая семинарія въ Лейпцигѣ, называвшаяся впослѣдствіи русскимъ филологическимъ институтомъ при Лейпцигскомъ университетѣ, выполнила свое назначеніе, приготовивъ не малое число хорошихъ преподавателей. Въ 1888 году она была упразднена по тѣмъ же основаніямъ, какъ и институтъ славянскихъ стипендіатовъ.

МѢРЫ ДЛЯ УСИЛЕНІЯ ЗНАНІЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. Несмотря на принимавшіяся мѣры, въ нѣкоторыхъ русскихъ заведеніяхъ, какъ въ высшихъ, такъ и среднихъ и низшихъ, преподаваніе продолжало производиться не на русскомъ языкѣ, какъ напр., въ заведеніяхъ Варшавскаго, Кіевскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ — на польскомъ, въ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа — на нѣмецкомъ, въ инородческихъ—на томъ языкѣ, къ которому принадлежало господствующее населеніе, черезъ что, разумѣется, весьма затруднялось самое преподаваніе русскаго языка, и препятствовалось обрусеніе иноязычныхъ народностей и сліяніе ихъ съ русскими, часто превосходившими ихъ даже своею

численностію. Чтобы придать русскому языку подобающее ему значеніе, а также чтобы облегчить и усилить въ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе русскаго языка, правительство заботится объ усвоеніи учащимися русской рѣчи и постепенно вводитъ правильное преподаваніе русскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи.

Въ 1868 году для постепеннаго уравненія училищъ Варшавскаго учебнаго округа, весьма разнообразныхъ по своему составу— польскія, русскія, смѣшанныя и нѣмецкія училища — Высочайше повелѣно, сохранивъ преподаваніе древнихъ языковъ по-польски въ польскихъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, что допускается по необходимости, лишь по недостатку учителей классическихъ языковъ, ввести во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ этого округа преподаваніе на русскомъ языкѣ физико-математическихъ и историческихъ предметовъ; затѣмъ, въ 1869 году, Высочайше повелѣно ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, Варшавскаго учебнаго округа всѣхъ предметовъ; въ частныхъ же учебныхъ заведеніяхъ этого округа преподаваніе физики, математики и историческихъ предметовъ должно производиться также на русскомъ языкѣ, при чемъ постановлено въ извѣстность содержателямъ и и содержательницамъ этихъ училищъ, что русскій языкъ будетъ распространенъ и на другіе предметы преподаванія.

Въ томъ же году постановлено производить переписку въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа на русскомъ языкѣ.

Въ 1873 году православныя сельскія училища Прибалтійскихъ губерній въ учебномъ отношеніи подчинены Министерству Народнаго Просвѣщенія, и въ Дерптскомъ учебномъ округѣ вводится дѣятельность инспекторовъ народныхъ училищъ.

Въ 1875 году отмѣняется существовавшее наименованіе начальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа, которое имъ присвоивалось, смотря по вѣроисповѣданіямъ (православныя, грекоуніатскія, католическія, евангелическія, реформатскія). Такъ какъ подобныя наименованія не согласуются ни съ назначеніемъ начальныхъ училищъ, ни съ составомъ учениковъ, ни съ Высочайшимъ Указомъ 1864 года, то ихъ опредѣлено называть двухклассныя или одноклассныя, городскія, гминныя, сельскія, мужскія, женскія и общія начальныя училища.

Такъ какъ, кромѣ гимназій, предполагались къ открытію и мно-

тія другія учебныя заведенія, какъ, напр., реальныя училища, учительскіе институты и учительскія семинаріи, то, чтобы при открытіи этихъ училищъ не оказалось недостатка въ требуемыхъ учителяхъ, правительство вводитъ, между прочимъ, слѣдующія мѣры.

СТИПЕНДІИ. Для приготовленія учителей по предметамъ преподаванія курса гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ русскихъ университетахъ и въ высшихъ педагогическихъ заведеніяхъ учреждаются стипендіи для привлеченія молодыхъ людей къ учительской дѣятельности по тѣмъ предметамъ, по которымъ ощущалась потребность въ учителяхъ. Такъ, въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ учреждаются стипендіи для кавказскихъ и закавказскихъ уроженцевъ для приготовленія къ учительскимъ должностямъ по Кавказскому учебному округу (1859 г.); для приготовленія учителей гимназій и прогимназій въ западныя губерніи — стипендіи при Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ университетахъ (1863 г.); для подготовки учителей русскаго языка въ гимназіи Дерптскаго учебнаго округа—въ Московскомъ университетѣ (1871 — 1873 гг.), и проч. Одновременно учреждаются стипендіи и при историко-филологическомъ институтѣ для Виленскаго учебнаго округа (1871 г.), для среднихъ учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа, восточной и западной Сибири (1872 г.) и пр. Въ виду продолжавшейся еще потребности въ учителяхъ, для предназначавшихся къ учительской дѣятельности были разрѣшены нѣкоторыя льготы, облегчавшія имъ поступленіе въ учительскую должность. Такъ, въ 1876 году было разрѣшено освободить отъ повѣрочныхъ испытаній лицъ, поступающихъ въ историко-филологическій институтъ, имѣющихъ въ аттестатѣ не менѣе 4 по древнимъ языкамъ; стипендіаты Дерптскаго учебнаго округа, приготовляющіеся въ учителя русскаго языка для гимназій Прибалтійскаго края при Московскомъ университетѣ, освобождались отъ испытанія на званіе учителя гимназіи. Съ этой же цѣлью (въ 1858 г.) предоставлено попечителю Варшавскаго учебнаго округа вызывать русскихъ учителей изъ внутреннихъ губерній, съ выдачею имъ при отправленіи двойныхъ прогоновъ и годового жалованья.

Въ 1876 году, при С.-Петербургскомъ университетѣ учреждается семинарія для приготовленія учителей новыхъ иностранныхъ языковъ. Для приготовленія положенъ двухлѣтній курсъ, по

окончаніи котораго стипендіаты для своего усовершенствованія командировались за границу.

Для приготовленія учителей для реальныхъ училищъ по спеціальнымъ предметамъ, министръ народнаго просвѣщенія назначаетъ нѣсколькимъ молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ русскихъ университетахъ, стипендіи съ тѣмъ, чтобы они въ теченіе двухъ лѣтъ изучали назначенные имъ предметы въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ Аахенѣ и Люттихѣ по химіи, въ Московскомъ техническомъ училищѣ по механикѣ, а также при С.-Петербургскомъ реальномъ училищѣ). Стипендіаты были обязаны прослужить шесть лѣтъ въ назначенномъ имъ училищѣ.

Въ 1876 году стипендіатамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, готовящимся къ учительскимъ должностямъ при реальныхъ училищахъ, зачисляется въ дѣйствительную службу время ихъ подготовленія къ учительскому званію.

СПЕЦІАЛЬНЫЯ ИСПЫТАНІЯ. Мѣрою, оказавшею также значительное вліяніе на усиленіе педагогическаго персонала, служатъ Высочайше утвержденныя въ 1868 году правила о спеціальныхъ испытаніяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, которыя установлены для полученія слѣдующихъ званій: а) учителя гимназій и прогимназій, а также учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, б) воспитателя гимназій и прогимназій, в) учителя уѣздныхъ училищъ, г) домашняго учителя и учительницы, д) учителя приходскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ, е) частнаго начальнаго учителя и учительницы, ж) учителя рисованія, черченія и чистописанія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Спеціальныя испытанія бываютъ двухъ родовъ—полныя и сокращенныя. Первыя назначаются для лицъ, не имѣющихъ аттестатовъ объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса въ одномъ изъ казенныхъ заведеній; вторыя для лицъ, получившихъ образованіе въ такихъ заведеніяхъ и снабженныхъ отъ нихъ одобрительными аттестатами. Спеціальное испытаніе на званіе учителей и воспитателей гимназій и прогимназій производится въ университетскихъ факультетахъ — историко-филологическомъ и физико-математическомъ. Спеціальныя испытанія на поименованныя прочія должности и званія производятся: а) въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ имѣетъ мѣсто пребыванія попечитель учебнаго округа, въ особомъ испытательномъ комитетѣ, состоящемъ, по назначенію попечителя, подъ

предсѣдательствомъ окружного инспектора или профессора университета, изъ учителей гимназій; б) въ остальныхъ городахъ, имѣющихъ гимназіи, въ педагогическихъ собраніяхъ сихъ послѣднихъ; в) въ уѣздныхъ городахъ, не имѣющихъ гимназій и прогимназій— въ уѣздныхъ училищахъ, но только на званіе учителей приходскихъ и начальныхъ училищъ, а также частныхъ начальныхъ учителей и учительницъ. Для полученія званія учителя учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, требуется испытаніе, установленное для учителей гимназій. Лица женскаго пола, не обучавшіяся въ женскихъ училищахъ, дающихъ право окончившимъ въ нихъ курсъ на званіе домашней учительницы, подвергаются полному испытанію, наравнѣ съ домашними учителями; но имѣющія свидѣтельства объ окончаніи курса въ женскихъ училищахъ перваго разряда вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія держатъ только сокращенное испытаніе. Окончившія полный курсъ въ такихъ женскихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія перваго разряда, при которыхъ существуютъ педагогическіе курсы, а также въ женскихъ институтахъ и женскихъ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, освобождаются отъ испытаній и получаютъ званіе домашней учительницы или наставницы, по одобрительнымъ свидѣтельствамъ, выданнымъ изъ означенныхъ заведеній. Испытаніе учителей рисованія, черченія и чистописанія производится по программамъ, составленнымъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Императорскою Академіею Художествъ. Учебные предметы, способъ и порядокъ испытанія опредѣляются особыми правилами. Право на званіе учителя рисованія дается: а) окончившимъ курсъ въ Академіи Художествъ, въ строительномъ училищѣ, въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и архитектуры и въ Московскомъ Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія; б) не получившимъ спеціальнаго образованія лицамъ, по представленіи учебнымъ начальствомъ ихъ рисунковъ на разсмотрѣніе Академіи. Въ виду важности рисованія для всѣхъ учебныхъ заведеній, при чемъ въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ реальныхъ училищахъ оно принадлежитъ къ числу главныхъ предметовъ, для ознакомленія учителей рисованія съ дидактическими пріемами преподаванія своего предмета, былъ составленъ въ 1879 году проектъ положенія о педагогическихъ курсахъ имперіи при Академіи Художествъ и состоящихъ при нихъ нормальной школѣ рисованія и музеѣ учеб-

ныхъ пособій; вмѣстѣ съ тѣмъ были увеличены служебныя права преподавателей рисованія, и предметъ этотъ былъ поставленъ на ту степень педагогическаго значенія, которымъ онъ долженъ пользоваться въ учебныхъ заведеніяхъ.

По случаю введенія гимнастики въ учебныя заведенія, Министерство Народнаго Просвѣщенія признало необходимымъ въ 1870-мъ году, чтобы студенты Императорскаго историко-филологическаго института и воспитанники другихъ учебныхъ заведеній и вообще лица, готовящіяся къ занятію учительскихъ и воспитательскихъ должностей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, проходили теоретическій курсъ гимнастики и занимались бы практическими упражненіями въ С.-Петербургскомъ врачебно-гимнастическомъ обществѣ.

Благодаря такимъ мѣрамъ, реформа училищъ на новыхъ началахъ имѣла возможность вскорѣ осуществиться, и въ концѣ семидесятыхъ годовъ всѣ учительскія должности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были замѣщены соотвѣтствующими преподавателями.

ГИМНАЗІИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА. **Классическія и реальныя гимназіи и прогимназіи по уставу 1864 года.** Насколько уставъ гимназій, дѣйствовавшій въ предыдущій періодъ, требовалъ реформы, видно уже изъ того, что само правительство въ царствованіе Императора Николая I-го нѣсколько разъ находило нужнымъ вводить значительныя перемѣны въ учебномъ строѣ гимназій. Такъ, сначала преобладающими предметами въ гимназіи были древніе языки, и гимназическое обученіе того времени наиболѣе соотвѣтствовало достиженію положенныхъ цѣлей, затѣмъ проводится въ гимназію реальное направленіе, въ курсъ обученія вводятся естественныя науки, а для готовящихся къ поступленію на службу—законовѣдѣніе. Такимъ образомъ, къ началу эпохи Императора Александра II-го, гимназіи отличаются смѣшаннымъ характеромъ съ преобладающимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ учебныхъ предметовъ, смотря по тому, какой путь избираетъ себѣ учащійся: въ однѣхъ гимназіяхъ изъ древнихъ языковъ преподавался только одинъ латинскій языкъ; въ другихъ, кромѣ того, и греческій; естественная исторія проходитъ черезъ всѣ классы; законовѣдѣніе причисляется къ обязательнымъ предметамъ для готовящихся къ служебной дѣятельности. Такое смѣшанное направленіе гимназій, страдавшихъ отсутствіемъ единства цѣли, не дававшихъ надлежащей умственной зрѣлости ученикамъ, не имѣвшихъ тѣхъ твердыхъ

основъ, на которыя должно опираться общее образованіе, показало неудовлетворительность состоянія гимназій. Поэтому уже въ 1860 году былъ выработанъ Ученымъ Комитетомъ проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, который и былъ препровожденъ ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ для обсужденія его въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій и обнародованъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ. Во время управленія Министерствомъ статсъ-секретаря А. В. Головина (1861—1866 гг.), проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ по замѣчаніямъ, полученнымъ отъ учебныхъ заведеній и явившимся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также по доставленнымъ въ рукописяхъ, былъ снова передѣланъ въ Ученомъ Комитетѣ. Измѣненные и исправленные проекты уставовъ гимназій и прогимназій, университетовъ и народныхъ училищъ снова сдѣлались предметомъ публичнаго обсужденія и были разосланы въ университеты и педагогическіе совѣты учебныхъ заведеній, нѣкоторымъ частнымъ лицамъ и нѣкоторымъ педагогамъ Германіи, Англіи и Франціи. Отзывы на проекты, поступившіе изъ Россіи, были напечатаны въ шести большихъ томахъ подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“. Замѣчанія эти, составляя капитальное педагогическое сочиненіе, какъ сборъ разнообразныхъ мнѣній русскихъ педагоговъ, служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выраженіемъ тѣхъ различныхъ воззрѣній, съ которыми смотрѣли на задачу и средства русскаго воспитанія и образованія. Составленный на основаніи этого обширнаго матеріала уставъ былъ снова подвергнутъ обсужденію въ Ученомъ Комитетѣ въ 1863 году, и составлена для гимназій новая редакція подъ названіемъ: „проектъ устава гимназій и прогимназій“. Въ такомъ видѣ этотъ проектъ устава былъ внесенъ въ 1864 г. въ Государственный Совѣтъ, а затѣмъ, согласно удостоеннымъ Высочайшаго одобренія замѣчаніямъ на оный Государственнаго Совѣта, составленъ былъ Министерствомъ новый проектъ по этому предмету. Послѣ сдѣланныхъ въ этомъ проектѣ Государственнымъ Совѣтомъ перемѣнъ, уставъ гимназій и прогимназій былъ удостоенъ 19-го ноября 1864 года Высочайшаго утвержденія.

Уставъ гимназій 1864 года обнималъ собою классическія и реальныя гимназіи и прогимназіи. Объединяя эти три вида училищъ однимъ общимъ направленіемъ — доставить воспитывающе-

муся въ нихъ юношеству общее образованіе, уставъ этотъ, смотря по предметамъ учебнаго курса и по объему преподаванія учебныхъ предметовъ, придаетъ каждому изъ этихъ учебныхъ заведеній свою исключительную цѣль: такъ, классическія гимназіи служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приготовительными заведеніями для поступающихъ въ университетъ, окончаніе курса въ реальныхъ гимназіяхъ принимается въ соображеніе при поступленіи въ спеціальныя учебныя заведенія, а окончаніе курса въ прогимназіяхъ даетъ право на поступленіе въ 5-ый классъ гимназіи.

Классическія гимназіи имѣли своею основою изученіе древнихъ языковъ, а въ реальныя введены преимущественно тѣ науки, которыя соотвѣтствуютъ требованіямъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, прогимназіи же давали общее начальное образованіе, которое могло быть продолжаемо въ гимназіяхъ. Для гимназій, какъ классическихъ, такъ и реальныхъ, полагалось семь классовъ съ годичнымъ курсомъ для каждаго класса. Въ однѣхъ изъ классическихъ гимназій проходились оба древнихъ языка — греческій и латинскій, въ другихъ одинъ латинскій. Прогимназіи состоятъ только изъ четырехъ низшихъ классовъ гимназій и раздѣляются также на классическія и реальныя. Гимназіи и прогимназіи содержатся или на счетъ правительства, или на счетъ обществъ, сословій и частныхъ лицъ; при гимназіяхъ состоятъ: директоръ, инспекторъ, законоучитель и штатные преподаватели, а также могутъ быть опредѣляемы и сверхштатные преподаватели; кромѣ того, лица, обучающія по найму — учителя пѣнія, гимнастики и особое лицо въ званіи почетнаго попечителя. Въ прогимназіи имѣетъ одинаковое право и несетъ одинаковыя обязанности, какъ и директоръ гимназіи, инспекторъ. Для ближайшаго надзора за воспитанниками, эти обязанности возлагаются на воспитателей. Учебный курсъ классическихъ и реальныхъ гимназій и прогимназій былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ, при чемъ гимнастика и пѣніе полагались во внѣклассное время, а число уроковъ въ первыхъ четырехъ классахъ гимназій соотвѣтствовало числу уроковъ въ прогимназіяхъ.

Таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по уставу 1864 года.

А. Въ гимназіяхъ классическихъ.

1. Въ гимназіяхъ съ языками греческимъ и латинскимъ.

Предметы.	Классы. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего уроковъ недѣльныхъ.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность	4	4	3	4	3	3	3	24
Латинскій языкъ	4	5	5	5	5	5	5	34
Греческій языкъ	—	—	3	3	6	6	6	24
Французскій или нѣмецкій языкъ	3	3	2	3	3	3	2	19
Математика	3	3	3	3	3	3	4	22
Исторія	—	—	2	3	3	3	3	14
Географія	2	2	2	2	—	—	—	8
Естественная исторія	2	2	2	—	—	—	—	6
Физика и космографія	—	—	—	—	2	2	2	6
Чистописаніе, рисованіе и черченіе	4	4	3	2	—	—	—	13
Итого	24	25	27	27	27	27	27	184

2. Въ гимназіяхъ съ однимъ древнимъ языкомъ латинскимъ.

Предметы.	Классы. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего уроковъ недѣльныхъ.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью	4	3	3	4	4	3	3	24
Латинскій языкъ	4	5	6	6	6	6	6	39
Французскій языкъ	—	2	2	3	4	4	4	19
Нѣмецкій языкъ	3	2	2	2	3	3	4	19
Математика	3	3	3	3	3	4	3	22
Исторія	—	—	2	3	3	3	3	14
Географія	2	2	2	2	—	—	—	8
Естественная исторія	2	2	2	—	—	—	—	6
Физика и космографія	—	—	—	—	2	2	2	6
Чистописаніе, рисованіе и черченіе	4	4	3	2	—	—	—	13
Итого	24	25	27	27	27	27	27	184

Б. Въ реальныхъ гимназіяхъ.

Предметы.	Классы. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего уроковъ недѣльныхъ
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью	4	4	4	4	3	3	3	25
Французскій языкъ	3	3	3	4	3	3	3	22
Нѣмецкій языкъ	3	3	3	3	4	4	4	24
Математика	3	4	4	4	4	3	3	25
Исторія	—	—	2	3	3	3	3	14
Географія	2	2	2	2		—		8
Естественная исторія и химія	3	3	3	3	3	4	4	23
Физика и космографія	—	—	—	—	3	3	3	9
Чистописаніе, рисованіе и черченіе	4	4	4	2	2	2	2	20
Итого	24	25	27	27	27	27	27	184

Въ каждомъ классѣ имѣется, по возможности, не болѣе 40-ка учениковъ, при большемъ числѣ учениковъ классы раздѣляются на параллельныя отдѣленія. Каждая гимназія должна имѣть ученическую и учительскую библіотеку, физическій кабинетъ, необходимыя пособія по естественной исторіи, географическія карты и глобусы, чертежи, рисунки и модели для рисованія, гимнастическіе снаряды и музыкальныя ноты; при реальной гимназіи, сверхъ того, должна находиться химическая лабораторія. Прогимназіи должны быть снабжены тѣми же учебными пособіями, за исключеніемъ физическаго кабинета и химической лабораторіи. Въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званій и вѣроисповѣданій. Въ первый классъ принимаются дѣти не моложе 10-ти лѣтъ, умѣющія читать и писать по-русски, знающія главныя молитвы и изъ ариѳметики сложеніе, вычитаніе и таблицу умноженія. Свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса классической прогимназіи даетъ право на поступленіе въ 5-й классъ гимназіи безъ испытанія. То же правило соблюдается относительно поступающихъ изъ реальныхъ прогимназій въ рельныя гимназіи; пріемъ учениковъ классическихъ гимназій въ реальныя и наоборотъ, допускается всякій разъ не иначе, какъ по особому испытанію. Для обсужденія вопросовъ, относящихся къ учебной и воспитательной части и для совокупнаго наблюденія за исправностью матеріальной части состоятъ педагогическіе совѣты: въ гимназіяхъ

подъ предсѣдательствомъ директора, а въ прогимназіяхъ — инспектора. Пансіоны состоятъ только изъ учениковъ прогимназій и казенныхъ четырехъ классовъ гимназій. Окончившіе курсъ ученики прогимназій классической или реальной, а также имѣющіе одобрительное свидѣтельство объ окончаніи ученія въ четвертомъ классѣ гимназіи классической или реальной, при поступленіи въ гражданскую службу, если имѣютъ на то право по происхожденію, не подвергаются испытанію на производство въ первый классный чинъ, а ученики, окончившіе курсъ въ гимназіяхъ съ особымъ отличіемъ и награжденные медалями, золотою или серебряною, опредѣляются въ гражданскую службу, безъ различія состоянія, съ чиномъ XIV класса. Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ, или имѣющіе свидѣтельство о знаніи полнаго курса этихъ гимназій, могутъ поступать въ студенты университетовъ. Свидѣтельства же объ окончаніи полнаго курса реальныхъ гимназій или о знаніи этого курса принимаются въ соображеніе при поступленіи въ высшія спеціальныя училища на основаніи уставовъ этихъ училищъ.

Уставъ 1864 года внесъ еще многія новыя условія, споспѣшествовавшія успѣху учебнаго дѣла. Такъ, были приняты мѣры для привлеченія достойныхъ и способныхъ учителей, въ виду чего были возвышены оклады жалованья и классъ должности учителей, воспитателей, инспекторовъ и директоровъ; было отмѣнено раздѣленіе учителей на старшихъ и младшихъ, и введено болѣе соразмѣрное съ трудомъ вознагражденіе, исчисляемое по количеству данныхъ уроковъ. Учебные уроки сокращены съ $1^1/_4$ на 1 часъ; ученики, безуспѣшно пробывшіе въ одномъ и томъ же классѣ два года, были увольняемы изъ заведенія; было усилено значеніе педагогическихъ совѣтовъ, директора и инспектора, которые были привлечены къ преподавательской дѣятельности и могли давать уроки, но безъ вознагражденія.

Хотя уставъ гимназій и прогимназій 1864 года, установившій правильные основы гимназическаго обученія, принесъ значительную пользу дѣлу русскаго образованія, но и въ немъ вскорѣ оказались нѣкоторые недостатки и неудобства. Такъ, естественнымъ послѣдствіемъ сокращенія классическихъ уроковъ съ $1^1/_4$ на 1 часъ, оказалось поспѣшное прохожденіе всѣхъ учебныхъ предметовъ, соединенное съ задаваніемъ слишкомъ большихъ уроковъ, что препятствовало основательности обученія и въ то же время обременяло учениковъ непосильною работою; этотъ недостатокъ еще усилился

тѣмъ, что по уставу 1864 года были значительно понижены требованія отъ поступающихъ въ 1-й классъ, а слѣдовательно и элементарное обученіе нуждалось также въ извѣстной части времени; къ тому же на педагогическихъ совѣтахъ каждой гимназіи лежала обязанность составленія программъ, которыя нерѣдко принимали значительные размѣры, и это также содѣйствовало обремененію учениковъ. Введеніе естественной исторіи въ младшіе классы и сообщеніе въ старшемъ классѣ главнѣйшихъ свѣдѣній по законовѣдѣнію еще болѣе осложняли гимназическій курсъ, число же недѣльныхъ уроковъ изъ главнѣйшихъ предметовъ курса, древнихъ языковъ и математики, оказались недостаточными для университетской подготовки. Курсъ реальныхъ гимназій при недостаткѣ нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ, имѣющихъ важное значеніе для практической дѣятельности, придавалъ имъ также характеръ общеобразовательныхъ заведеній и не рѣзко отличалъ ихъ спеціальную цѣль.

Эти недостатки и неудобства гимназическаго устава 1864 года, въ которыхъ убѣдился министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой (1866—1880 гг.) при обозрѣніи гимназій округовъ: Казанскаго, Одесскаго, Московскаго и Харьковскаго, и о которыхъ заявляли попечительскіе совѣты учебныхъ округовъ, вызвали необходимость подвергнуть разсмотрѣнію уставы гимназій и изыскать средства для устраненія этихъ недостатковъ. Съ этою цѣлью вопросъ этотъ былъ подвергаемъ неоднократно разсмотрѣнію какъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и Совѣта министра народнаго просвѣщенія, на засѣданія котораго были приглашаемы лица, спеціально знакомыя съ гимназическимъ дѣломъ. Обсужденія эти привели къ установкѣ положеній, имѣющихъ цѣлью отстранить главнѣйшія неудобства и недостатки устава гимназій 1864 года, вслѣдствіе чего и былъ составленъ въ Министерствѣ проектъ измѣненій и дополненій въ уставѣ 1864 года, а затѣмъ Высочайшимъ повелѣніемъ 27-го марта 1870 года была назначена особая комиссія для пересмотра вышеозначеннаго устава. Проектъ этотъ, по сдѣланіи въ немъ Высочайше назначенною комиссіею требуемыхъ исправленій, былъ всеподданнѣйше донесенъ Его Императорскому Величеству 19 іюня 1871 года.

Гимназіи и прогимназіи по уставу 1871 года. Въ проектѣ устава гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, Высочайше утвержденномъ 19-го іюня 1871 года исклю-

чено все, относящееся до реальныхъ гимназій, и уставъ относится только къ классическимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, которыя, по Высочайшему повелѣнію именуются въ проектѣ просто гимназіями и прогимназіями. Уставъ этотъ, построенный въ общихъ чертахъ на основаніяхъ, которыя были положены въ уставѣ 1864 г., представляетъ многія существенныя дополненія и измѣненія, придавшія гимназіямъ особый самостоятельный и опредѣленный характеръ, предназначивъ этимъ заведеніямъ исключительною цѣлью приготовлять научно - зрѣлыхъ молодыхъ людей для слушанія въ университетѣ курса высшихъ наукъ.

Гимназіи, по уставу 1871 года, имѣютъ цѣлью доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ служатъ подготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія. При каждой гимназіи и прогимназіи учреждается приготовительный классъ для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаются требованія относительно подготовки поступающихъ въ 1-й классъ гимназій и прогимназій: отъ нихъ требуется, по предложеннымъ вопросамъ, передача легкихъ прочитанныхъ разсказовъ, а также умѣнье писать по-русски подъ диктовку, безъ искаженія словъ, крупнымъ и среднимъ шрифтомъ, и читать по церковно-славянски; знаніе первыхъ 4-хъ ариѳметическихъ дѣйствій надъ цѣлыми отвлеченными числами. Курсъ VII класса опредѣляется въ два года, такъ что на полный гимназическій курсъ полагается 8 лѣтъ; въ низшихъ двухъ классахъ исключено преподаваніе естественной исторіи; исключена космографія съ замѣной ея математической географіей; установлено преподаваніе краткаго курса логики въ 7-мъ классѣ по одному часу въ недѣлю; исключено изложеніе ученикамъ 7-го класса краткаго курса законовѣдѣнія; уменьшено собственно въ гимназическихъ классахъ число уроковъ чистописанія, рисованія и черченія съ 13 на 5, уменьшено число уроковъ по исторіи съ 14 на 10 и по закону Божію общее число уроковъ сокращено съ 14 на 12, такъ какъ въ приготовительномъ классѣ на этотъ предметъ назначено 4 урока. Общее число уроковъ по русскому языку остается прежнее; въ гимназіяхъ безъ греческаго языка прибавлено на французскій языкъ 8, и на нѣмецкій 5 уроковъ. Значительно усилено какъ преподаваніе математики, такъ и древнихъ языковъ: на латинскій языкъ положено 43 урока, на греческій 30 уроковъ въ недѣлю, на математику съ физикой, математической

географіей и краткимъ естествовѣдѣніемъ 31 урокъ въ недѣлю. Воспитаніе и обученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ поставлены въ ближайшую связь между собою посредствомъ привлеченія директоровъ и инспекторовъ къ преподавательской дѣятельности, а учителей—къ воспитательной. Такъ, директоръ и инспекторъ обязаны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателями въ своемъ учебномъ заведеніи, съ особымъ вознагражденіемъ за этотъ трудъ наравнѣ съ другими преподавателями; тамъ, гдѣ нѣтъ пансіона при гимназіяхъ, въ помощь директору, по управленію учебнымъ заведеніемъ, можетъ быть назначено не особое лицо, а одинъ изъ штатныхъ преподавателей съ дополнительнымъ вознагражденіемъ. Директоръ и инспекторъ исполняютъ обязанности классныхъ наставниковъ. Преподаватели, въ свою очередь, привлекаются къ воспитательно-распорядительной дѣятельности классныхъ наставниковъ. Улучшено матеріальное положеніе учителей предоставленіемъ возможности болѣе заслуженнымъ и опытнымъ изъ нихъ получать сравнительно высшій окладъ жалованья. Вообще по окладамъ жалованья учителя наукъ и языковъ въ гимназіяхъ раздѣляются на четыре разряда, а въ прогимназіяхъ на три; учителямъ отечественнаго и древнихъ языковъ назначено особое вознагражденіе за исправленіе письменныхъ упражненій учениковъ; предоставленъ въ пользу учителей-экзаменаторовъ особый сборъ съ постороннихъ лицъ, подвергающихся испытанію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и освобождаются отъ платы за ученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ сыновья какъ учителей этихъ заведеній, такъ и прочихъ должностныхъ лицъ, служащихъ при низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Произведены перемѣны въ составѣ и дѣлопроизводствѣ педагогическихъ совѣтовъ; дозволенъ пріемъ въ теченіе учебнаго времени не только въ четыре низшіе, но и во всѣ классы гимназіи, подъ условіемъ предварительнаго испытанія поступающихъ; дозволяется оставаться въ пансіонѣ и ученикамъ высшихъ трехъ классовъ; комплектъ учениковъ каждаго пансіона не ограничивается 80, какъ постановлено въ уставѣ 1864 года, а опредѣляется соразмѣрно съ помѣщеніемъ; въ пансіоны дозволяется принимать дѣтей отъ 8 до 15 лѣтъ включительно.

Уставъ гимназій и прогимназій 1871 года, отстраняя недостатки устава 1864 года, выдѣливъ эти учебныя заведенія, какъ самостоятельныя средне-образовательныя заведенія, съ преобладаю-

щимъ изученіемъ древнихъ языковъ, цѣлесоотвѣтственной постановкой ихъ учебнаго курса, поставилъ наши гимназіи на ту степень, на которой онѣ находятся въ образованныхъ европейскихъ государствахъ. Учебный ихъ курсъ со строго опредѣленнымъ характеромъ, требующій со стороны учащихся основательнаго и прочнаго его усвоенія, приготовляетъ для университетовъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній контингентъ зрѣлыхъ образованныхъ юношей. Вполнѣ научившись серьезно относиться къ наукѣ, ученики гимназій стали смотрѣть на ученье, какъ на умственный трудъ, требующій съ ихъ стороны стойкаго и добросовѣстнаго выполненія; приготовленіе уроковъ стало для нихъ серьезнымъ дѣломъ, которое не должно быть поверхностнымъ, отрывочнымъ прохожденіемъ курса, а требуетъ отчетливой и систематической его обработки. Пріучившись въ школѣ смотрѣть на свои обязанности, какъ на дѣло совѣсти, они вносятъ эти качества и въ послѣдующія высшія училища, а затѣмъ и въ жизнь, и такимъ образомъ становятся достойными русскими гражданами, удовлетворяющими требованіямъ общества и правительства.

Реальныя училища по уставу 1872 года. По уставу 1864 г. среднія учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія дѣлились на гимназіи, классическія и реальныя, и прогимназіи. Реальныя гимназіи отличались отъ классическихъ предметами своего курса и цѣлями обученія: такъ, въ нихъ вовсе не преподавались древніе языки, но въ большемъ объемѣ, сравнительно съ классическими, проходились: математика, естественная исторія съ присоединеніемъ химіи, физика и космографія, нѣмецкій и французскій языки (оба обязательные), рисованіе и черченіе; свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса реальныхъ гимназій не давали права на поступленіе въ университетъ, но принимались въ соображеніе при поступленіи въ высшія спеціальныя училища на основаніи уставовъ этихъ училищъ. Въ остальномъ же организація реальныхъ гимназій была совершенно сходна съ организаціею классическихъ гимназій. Когда уставъ среднихъ учебныхъ заведеній 1864 года сдѣлался предметомъ обсужденія въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ съ цѣлью устраненія его недостатковъ и неудобствъ, тогда одновременно подвергался многократнымъ обсужденіямъ и вопросъ о реальномъ образованіи какъ въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Высочайше учрежденномъ Присутствіи для разсмотрѣнія проектовъ по

части народнаго образованія, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Министерство Народнаго Просвѣщенія, выдѣливъ реальныя гимназіи, какъ самостоятельныя заведенія, отличныя по строю своего учебнаго курса и по своей цѣли, и, придавъ имъ наименованіе реальныхъ училищъ, составило новыя положенія устава реальныхъ училищъ, которыя и были подвергнуты предварительному разсмотрѣнію Высочайше назначенной комиссіи для пересмотра устава 19-го ноября 1864 года. Въ своемъ засѣданіи 6-го мая 1870 года упомянутая комиссія единогласно одобрила эти предположенія Министерства, присовокупивъ, что курсъ реальныхъ училищъ продолжается, по крайней мѣрѣ, семь лѣтъ, заключая въ себѣ въ этихъ предѣлахъ, предметы какъ общаго, такъ и собственно спеціальнаго образованія. Согласно съ выработанными основаніями, особенности реальныхъ училищъ заключаются въ нижеслѣдующемъ. Реальныя училища учреждаются съ различными курсами ученія, примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ и спеціальнымъ нуждамъ промышленности и торговли. Они имѣютъ цѣлью доставлять учащемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ торговли и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній. По различію промышленныхъ и торговыхъ занятій, примѣнительно къ различнымъ мѣстнымъ потребностямъ, смотря по мѣстнымъ удобствамъ, реальныя училища учреждаются въ составѣ шести, пяти, четырехъ, трехъ и двухъ классовъ съ одногодичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Въ какомъ бы составѣ ни были учреждены реальныя училища, 5-ый и 6-ой классы состоятъ или изъ двухъ отдѣленій—основного и коммерческаго, или же изъ одного изъ этихъ отдѣленій. При основномъ отдѣленіи можетъ быть учрежденъ еще одинъ высшій классъ, дополнительный, съ тремя отдѣленіями: а) общимъ, предназначеннымъ преимущественно для подготовленія учащихся ко вступленію въ высшія спеціальныя училища, б) механико-техническимъ и в) химико-техническимъ. Реальныя училища содержатся или вполнѣ на счетъ правительства, или на счетъ его съ производствомъ пособій отъ земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ, или же, наконецъ, вполнѣ на счетъ земства, общества, сословій и частныхъ лицъ. При реальныхъ училищахъ состоятъ слѣдующія должностныя лица: директоръ, преподаватели, классные наставники и ихъ помощники, или надзиратели, врачъ, письмоводитель. Важнѣйшія дѣла, относящіяся до учебной и воспита-

тельной части, обсуждаются въ педагогическихъ совѣтахъ или комиссіяхъ; дѣла же хозяйственныя — въ хозяйственныхъ комитетахъ. При тѣхъ реальныхъ училищахъ, которыя, получая вполнѣ или отчасти содержаніе отъ земства, общества, сословія или частныхъ лицъ, состоитъ, сверхъ того, особое лицо съ званіемъ почетнаго попечителя. Въ видахъ возможно лучшаго достиженія цѣлей реальныхъ училищъ, при каждомъ изъ нихъ состоитъ особое попечительство изъ лицъ, могущихъ содѣйствовать ихъ преуспѣянію. Уроки въ реальныхъ училищахъ полагаются часовые по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ черченія и рисованія, на которыя назначаются уроки полуторочасовые.

Въ первый классъ реальнаго училища принимаются дѣти не моложе 10 и не старше 13 лѣтъ; при пріемѣ въ него отъ поступающихъ требуется умѣнье бѣгло и правильно читать и писать подъ диктовку по-русски, безъ грубыхъ ороографическихъ ошибокъ, знаніе главныхъ молитвъ и изъ ариѳметики первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми отвлеченными числами. Ученики, пробывшіе два года въ одномъ классѣ и не оказавшіе успѣховъ, увольняются изъ заведенія.

Въ кругъ предметовъ общаго образованія, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ, входятъ (кромѣ наукъ математическихъ): а) законъ Божій, б) отечественный языкъ, в) исторія, г) географія и д) новые иностранные языки. Къ предметамъ ученія, посредствующимъ между общеобразовательными и спеціальными, входящимъ, въ различной мѣрѣ, въ учебный курсъ реальныхъ училищъ всѣхъ типовъ, принадлежатъ: а) математика, б) физика, в) естественная исторія, г) чистописаніе, д) черченіе и е) рисованіе. Кромѣ общихъ предметовъ, въ учебный курсъ реальныхъ училищъ входятъ еще предметы спеціальные, которыми эти училища и отличаются другъ отъ друга.

Что касается черченія, то учителя избираются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ такихъ высшихъ спеціальныхъ училищъ, въ которыхъ черченіе составляетъ главный предметъ, и на учителя черченія возлагается и преподаваніе начертательной геометріи. Учителя рисованія избираются преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ классѣ архитектуры Императорской Академіи, въ строительномъ училищѣ и въ классѣ архитектуры Московскаго училища живописи, ваянія и архитектуры, а также въ Московскомъ Строгановскомъ училищѣ. Чистописаніе препо-

дается на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ гимназіяхъ, но въ среднихъ и высшихъ классахъ коммерческихъ училищъ оно соединяется съ преподаваніемъ книговодства и письмоводства и съ сообщеніемъ необходимѣйшихъ свѣдѣній изъ торговаго законодательства и проч. Учителямъ физики и химіи назначается особый ассистентъ съ званіемъ лаборанта. Реальныя училища снабжаются учебными пособіями, соотвѣтственно спеціальности каждаго изъ нихъ.

Окончившіе курсъ въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ классомъ, а также лица, имѣющія свидѣтельство о знаніи этого курса, могутъ поступать въ высшія спеціальныя училища, подвергаясь только повѣрочному испытанію. Ученики, получившіе одобрительный аттестатъ объ окончаніи курса реальнаго училища, если они, по происхожденію, имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу, принимаются въ нее предпочтительно предъ тѣми, которые не обучались въ реальныхъ училищахъ или другихъ равныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, и производятся по выслугѣ сроковъ, опредѣленныхъ въ 593 ст. Свод. Зак. т. III.

Въ остальномъ въ уставъ реальныхъ училищъ вошли тѣ же положенія, что и въ уставъ гимназій 1871 года. Такъ, къ этимъ измѣненіямъ относятся: возложеніе преподаванія на директора и инспектора, присоединеніе къ составу педагогическаго совѣта сверхштатныхъ учителей и учителей параллельныхъ классовъ; учрежденіе при педагогическомъ совѣтѣ комиссій и особаго хозяйственнаго комитета; опредѣленіе предметовъ занятій педагогическаго совѣта, введеніе классныхъ наставниковъ съ ихъ помощниками, раздѣленіе преподавателей по окладамъ содержанія на разряды, предоставленіе учителямъ права преподавать въ одномъ и томъ же классѣ нѣсколько предметовъ, требованіе отъ сверхштатныхъ учителей, желающихъ пользоваться правами службы, не менѣе шести уроковъ въ недѣлю и пр.

Такимъ образомъ, реальныя училища по уставу 1872 года, взамѣнъ существовавшихъ реальныхъ гимназій доставляя учащемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ приготовляютъ ихъ къ различнымъ отраслямъ промышленности и торговли и служатъ для поступленія въ высшія спеціальныя заведенія. Ученики коммерческаго отдѣленія поступаютъ въ конторы или коммерческія учрежденія, а ученики другихъ отдѣленій поступаютъ на службу въ учрежденія промышленныя, на заводы, фабрики и по тѣмъ спеціальностямъ, которыя преслѣдуются въ реальныхъ

мѣстныхъ училищахъ. Большинство же продолжаютъ свои занятія въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Со времени преобразованія среднихъ учебныхъ заведеній на основаніи дарованныхъ имъ новыхъ уставовъ, число гимназій, равно какъ и возникшихъ учебныхъ заведеній новаго типа—реальныхъ училищъ и прогимназій, начинаетъ значительно возрастать. Въ наше время всѣ эти виды учебныхъ заведеній встрѣчаются не только въ столицахъ и во всѣхъ губернскихъ, но и во многихъ уѣздныхъ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ, не только въ центральныхъ учебныхъ округахъ имперіи, но и по окраинамъ. Увеличенію числа этихъ заведеній содѣйствуетъ не только преобразованіе существовавшихъ гимназій, но и открытіе большого числа новыхъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ и преобразованіе многихъ прежнихъ училищъ въ учебныя заведенія этихъ типовъ на основаніи новыхъ дарованныхъ имъ уставовъ.

Коллегія Павла Галагана. Къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, отличающимся своими особенностями, пользующимся правами казенныхъ гимназій, принадлежитъ воспитательное заведеніе, именуемое коллегіею Павла Галагана. Землевладѣлецъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Галаганъ, лишившись единственнаго своего сына Павла, на 16-мъ году его возраста, вознамѣрился въ память его учредить въ Кіевѣ на собственныя средства воспитательное заведеніе, въ которомъ недостаточные молодые люди могли бы получать подготовительное къ университету образованіе. Составивъ проектъ подобнаго учебнаго заведенія, именуемаго коллегіею Павла Галагана и имѣющаго состоять въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, подъ ближайшимъ покровительствомъ университета св. Владимира, Галаганъ пожертвовалъ принадлежащіе ему каменный домъ въ Кіевѣ, назначенный имъ для помѣщенія коллегіи, недвижимыя имѣнія въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, заключающія 8018 десятинъ, оцѣненныхъ въ 275,200 р. 4-го іюня 1870 года былъ Высочайше утвержденъ уставъ коллегіи, учебно-воспитательнаго заведенія, имѣющаго цѣлью: а) доставлять нѣкоторому числу недостаточныхъ молодыхъ людей средства подготовительнаго къ университету образованія и б) способствовать развитію самостоятельнаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательной практики. Коллегія Павла Галагана состоитъ изъ трехъ классовъ, учебный курсъ по объему преподаванія долженъ быть не менѣе курса трехъ высшихъ классовъ классическихъ гим-

назій Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ обоими древними языками, но съ обученіемъ греческому языку только желающихъ. По мѣрѣ средствъ и если въ томъ окажется надобность, при коллегіи можетъ быть открытъ приготовительный классъ или учрежденъ четвертый высшій классъ для доставленія воспитанникамъ болѣе полнаго и законченнаго образованія. Непосредственное завѣдываніе коллегіею поручается правленію коллегіи, которое составляютъ всѣ воспитатели коллегіи, подъ предсѣдательствомъ старшаго воспитателя, носящаго званіе директора коллегіи. Высшій надзоръ за управленіемъ учебною, воспитательною и хозяйственною частями коллегіи и главное наблюденіе за исполненіемъ ея устава, принадлежатъ особому совѣту, въ составъ котораго входятъ: четыре профессора университета св. Владимира, директоръ коллегіи, два воспитателя и два члена, избираемые Кіевскимъ городскимъ обществомъ. Коллегія Павла Галагана составляетъ закрытое учебное заведеніе, въ которомъ получаютъ воспитаніе и находятся на полномъ содержаніи стипендіаты Павла Галагана и своекоштные пансіонеры. Въ число тѣхъ и другихъ принимаются молодые люди всѣхъ сословій, но единственно православнаго или греко-уніатскаго исповѣданія, представившіе свидѣтельство изъ гимназій или прогимназій классическихъ о знаніи курса первыхъ четырехъ классовъ гимназіи или окончаніи курса въ прогимназіи, а также и не обучавшіеся въ этихъ заведеніяхъ, но выдержавшіе въ самой коллегіи вступительный экзаменъ изъ вышеозначеннаго курса. Въ коллегіи полагается 30 стипендіатовъ Павла Галагана, каждый годъ принимается по 10 стипендіатовъ. Какъ стипендіаты Павла Галагана, такъ и своекоштные пансіонеры, поступившіе по окончаніи курса въ коллегіи въ университетъ, остаются подъ особымъ покровительствомъ коллегіи во все время университетскаго курса. Для вступленія въ стипендіаты Павла Галагана требуется удостовѣреніе о дѣйствительно-бѣдномъ состояніи, также объ отличномъ поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ. Число своекоштныхъ пансіонеровъ опредѣляется совѣтомъ. Воспитатели коллегіи избираются изъ лицъ православнаго исповѣданія, окончившихъ курсъ въ университетѣ или же пріобрѣтшихъ извѣстность своею педагогическою дѣятельностью. Кромѣ занятій по надзору за воспитанниками и занятій по правленію, воспитатели обязаны преподавать какіе-либо предметы воспитанникамъ. Для директора же преподаваніе не обязательно. Окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ имѣютъ право

на поступленіе въ университетъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ окончившими курсъ учениками классическихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Учредителю коллегіи Г. П. Галагану присвоивается званіе почетнаго попечителя коллегіи.

Сдѣланныя съ теченіемъ времени измѣненія и дополненія въ уставѣ гимназій и реальныхъ училищъ не касались существенныхъ сторонъ ихъ уставовъ, а вводились лишь съ цѣлью улучшенія нѣкоторыхъ частностей ихъ учебнаго дѣла. Укажемъ лишь на нѣкоторыя измѣненія, явившіяся впослѣдствіи какъ дополненія къ уставу. Такъ, напримѣръ, въ 1873 году молодые люди, имѣющіе отъ гимназіи аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, были освобождены отъ повѣрочныхъ испытаній при поступленіи въ университетъ, какъ въ виду надлежащей строгости гимназическаго испытанія, такъ и въ виду того, что выдержавшіе оное могутъ считаться вполнѣ подготовленными къ слушанію университетскихъ лекцій. Разрѣшено (въ 1874 году), въ дополненіе къ уставу 1871 года, открывать прогимназіи въ четырехъ и шестиклассномъ составѣ. Такъ какъ по уставу 1871 года седьмой классъ долженъ былъ состоять изъ двухъ отдѣленій, младшаго и старшаго, и оба отдѣленія должны были обучаться совмѣстно, то, для достиженія лучшихъ результатовъ, эти отдѣленія составляютъ два самостоятельныхъ класса 7-ой и 8-ой. Въ 1873 году предоставлено педагогическимъ совѣтамъ реальныхъ училищъ производить спеціальныя испытанія, какія производятъ педагогическіе совѣты гимназій.

УЧИТЕЛЬСКІЕ ИНСТИТУТЫ. Когда Министерство Народнаго Просвѣщенія предположило преобразовать уѣздныя училища въ городскія училища на совершенно новыхъ началахъ, соотвѣтствовавшихъ какъ современнымъ требованіямъ населенія, для котораго они предназначались, такъ и современнымъ педагогическимъ воззрѣніямъ, то, одновременно съ разработкою вопроса о реформѣ уѣздныхъ училищъ, оно подготовляло уставъ и для училищъ новаго типа, въ которыхъ приготовлялись бы учителя для предположенныхъ новыхъ городскихъ училищъ, отличныхъ отъ уѣздныхъ по всей своей учебной постановкѣ. Для успѣшнаго веденія въ новыхъ училищахъ учебно-воспитательнаго дѣла потребовались новые учителя, основательно знакомые съ предметами учебнаго курса городскихъ училищъ и съ современными требованіями методики. Прежніе учителя уѣздныхъ училищъ, не имѣя предварительной

педагогической подготовки, незнакомые съ требованіемъ новыхъ городскихъ училищъ, нерѣдко съ недостаточнымъ научнымъ уровнемъ, естественно, не могли принимать на себя обязанности учителей въ городскихъ училищахъ, почему и явилась необходимость въ учрежденіи совершенно новыхъ учебно - воспитательныхъ заведеній съ опредѣленнымъ научнымъ курсомъ, съ прочною педагогическою постановкою, воспитанники которыхъ, будучи еще въ заведеніи, знакомились бы съ требованіями и жизнью городскихъ училищъ. Съ этою цѣлью, для удовлетворенія потребности въ приготовленіи учителей для городскихъ училищъ, по положенію 31-го мая 1872 года, учреждаются въ обѣихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи педагогическія учебно-воспитательныя заведенія, именуемыя учительскими институтами.

Учительскіе институты, учрежденные по положенію 1872 года, имѣютъ цѣлью приготовленіе учителей для городскихъ училищъ. Это педагогическія учебно-воспитательныя закрытыя учебныя заведенія, вся организація которыхъ исключительно приноровлена для всесторонняго выполненія воспитанниками будущихъ обязанностей въ городскомъ училищѣ. Воспитанники помѣщаются въ казенномъ зданіи, пользуются отъ правительства полнымъ содержаніемъ. Весь образъ жизни въ учительскихъ институтахъ отличается строгою простотою и порядкомъ. Нормальное число воспитанниковъ полагается 75, изъ нихъ 60 человѣкъ получаютъ полное содержаніе на счетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, остальныя же 15 вакансій предоставляются стипендіатамъ другихъ вѣдомствъ, городскихъ обществъ, земства и частныхъ лицъ, а также и своекоштнымъ пансіонерамъ. Учительскіе институты состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ и въ ближайшемъ завѣдываніи особыхъ директоровъ. При учительскихъ институтахъ полагаются слѣдующія должности: директоръ, законоучитель, штатные преподаватели наукъ, черченія, рисованія и чистописанія, учителя пѣнія и гимнастики, врачъ, экономъ и письмоводитель. Директоръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно преподаетъ педагогику или одинъ изъ другихъ учебныхъ предметовъ и штатные преподаватели избираются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и извѣстныхъ своею опытностью въ начальномъ обученіи. Имъ присвоиваются всѣ служебныя и пенсіонныя права директора и учителей гимназіи. Въ виду важности образовательнаго значенія черченія, рисованія и

чистописанія, учителя этихъ предметовъ включены въ число штатныхъ преподавателей; они должны быть учителями не только умѣющими хорошо чертить, писать и рисовать, но и имѣющими по этимъ предметамъ основательныя педагогическія познанія, дабы быть въ состояніи передать ихъ воспитанникамъ учительскихъ институтовъ; имъ предоставляются также тѣ же служебныя права, которыми пользуются учителя этихъ предметовъ въ гимназіи. Кромѣ преподаванія учебныхъ предметовъ, каждому изъ четырехъ штатныхъ преподавателей наукъ поручается ближайшій надзоръ за занятіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ одного изъ классовъ института. Законоучитель избирается преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ и извѣстныхъ своею опытностью въ преподаваніи закона Божія; на него же возлагается и преподаваніе закона Божія въ состоящемъ при институтѣ городскомъ училищѣ.

Для практическихъ упражненій воспитанниковъ въ преподаваніи при каждомъ учительскомъ институтѣ состоитъ одноклассное или двухклассное городское училище. Училище имѣетъ своихъ преподавателей, также по числу классовъ, особенно искусныхъ въ начальномъ преподаваніи и вообще въ управленіи классомъ. Практическія занятія воспитанниковъ въ преподаваніи состоятъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: а) въ предварительномъ посѣщеніи воспитанниками уроковъ учителей городского училища; б) въ составленіи воспитанниками, подъ руководствомъ соотвѣтствующихъ преподавателей, конспектовъ отдѣльныхъ уроковъ для преподаванія въ городскомъ училищѣ; в) въ преподаваніи этихъ уроковъ въ городскомъ училищѣ въ присутствіи преподавателя соотвѣтствующаго предмета въ институтѣ, учителя городского училища и директора. Данные воспитанниками уроки обсуждаются въ особыхъ педагогическихъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и воспитанники, присутствовавшіе на урокахъ своего товарища въ городскомъ училищѣ. Теоретическое же ознакомленіе съ методикою учебныхъ предметовъ, равно какъ и практическія занятія воспитанниковъ въ городскомъ училищѣ, назначаются для третьяго класса.

При преподаваніи методики каждаго учебнаго предмета имѣется въ виду: а) объясненіе значенія, состава и объема курса того или другого предмета въ городскомъ училищѣ; б) уясненіе и оцѣнка наиболѣе употребительныхъ пріемовъ обученія каждому изъ пред-

метовъ, в) ознакомленіе съ наглядными пособіями и съ употребленіемъ ихъ; г) чтеніе, а если необходимо—и разучиваніе учебниковъ, употребляемыхъ въ городскихъ училищахъ.

Въ учительскіе институты принимаются молодые люди всѣхъ званій и состояній, не моложе 16-ти лѣтъ, по выдержаніи предварительнаго испытанія въ законѣ Божіемъ, русскомъ языкѣ, ариѳметикѣ, геометріи, исторіи и географіи Россіи. Курсъ ученія въ учительскихъ институтахъ продолжается три года и раздѣляется на три класса.

Въ учительскихъ институтахъ преподаются: а) законъ Божій, б) русскій языкъ, в) педагогика и церковно-славянское чтеніе, съ переводомъ на русскій языкъ и съ грамматическими объясненіями, г) ариѳметика и начальная алгебра, д) геометрія, е) исторія русская и всеобщая, ж) географія русская и всеобщая, з) естественная исторія и физика, и) черченіе и рисованіе, і) чистописаніе, к) пѣніе и л) гимнастика. Преподаваніе ведется по программамъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Педагогическій совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ директора, изъ законоучителя, всѣхъ штатныхъ преподавателей института и учителей городского училища, состоящаго при институтѣ. Воспитанники, успѣшно окончившіе полный курсъ ученія въ учительскомъ институтѣ, при хорошей нравственности, получаютъ, по удостоеніи педагогическаго совѣта, аттестаты на званіе учителя городского училища, и, до полученія учительскихъ мѣстъ, называются кандидатами на должность учителя. При учительскихъ институтахъ полагаются: библіотека и собраніе необходимыхъ по всѣмъ предметамъ пособій.

Для доставленія учителямъ уѣздныхъ училищъ возможности получить надлежащее приготовленіе для того, чтобы имѣть право быть учителями въ новыхъ открывавшихся городскихъ училищахъ, положено устроить при учительскихъ институтахъ дополнительные курсы, въ которыхъ желающіе уѣздные учителя могутъ получить необходимое для будущихъ городскихъ учителей теоретическое и педагогическое образованіе. Эта мѣра оказалась необходимою потому, что учительскіе институты по недавнему еще своему существованію не успѣли приготовить учителей для будущихъ городскихъ училищъ. По выдержаніи какъ теоретическаго, такъ и практическаго испытанія въ преподаваніи, эти лица, сохраняя во время своего пребыванія въ институтѣ получаемое ими содержаніе въ

уѣздныхъ училищахъ, по окончательномъ испытаніи получаютъ свидѣтельства на званіе учителей городскихъ училищъ, наравнѣ съ окончившими курсъ воспитанниками учительскихъ институтовъ.

Въ учительскихъ же институтахъ подвергаются испытанію и частныя лица, желающія получить право на званіе учителя городского училища, по правиламъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Къ испытанію допускаются лица не моложе 18-ти лѣтъ. Испытанія производятся въ теченіе всего учебнаго времени. Крайнимъ срокомъ продолженія испытанія для каждаго лица полагается два мѣсяца. Сверхъ испытаній въ практическихъ познаніяхъ, испытуемые должны дать четыре пробные урока въ городскомъ училищѣ по слѣдующимъ предметамъ: по русскому языку, по ариѳметикѣ, по геометріи и естественной исторіи. Званія учителя городского училища удостоиваются испытуемые въ томъ только случаѣ, если выдержатъ удовлетворительно теоретическій экзаменъ по всѣмъ предметамъ и на пробныхъ урокахъ докажутъ способность къ элементарному преподаванію. Выдержавшему удовлетворительно испытаніе выдается свидѣтельство на званіе учителя городского училища.

Открытіе первыхъ учительскихъ институтовъ послѣдовало въ С.-Петербургѣ въ 1872 году и въ томъ же году въ Москвѣ; затѣмъ были открыты учительскіе институты въ Глуховѣ въ 1874 г., въ Ѳеодосіи въ 1874 году, въ Вильнѣ въ 1875 году, въ Казани въ 1876 году, въ Бѣлгородѣ въ 1876 году, въ Оренбургѣ въ 1878 году.

Учительскіе институты, учрежденные для приготовленія учителей въ городскія училища, замѣнявшія собою уѣздныя училища, какъ заведенія, организованныя по строго обдуманному педагогическому плану, уже въ первое двадцатипятилѣтіе своего существованія поставили учебно-воспитательное дѣло городскихъ училищъ на прочныхъ основахъ и подняли значеніе городскихъ училищъ на степень, вполнѣ удовлетворяющую современнымъ требованіямъ того слоя городского общества, для котораго они предназначаются. Насколько сами учительскіе институты высоко цѣнятся учащимся молодымъ поколѣніемъ видно уже изъ той привязанности ихъ воспитанниковъ, которую они сохраняютъ къ воспитавшему ихъ заведенію, и изъ того множества молодыхъ людей, которые стремятся къ поступленію въ институтъ. Соединяя при воспитаніи молодыхъ людей лучшія стороны жизни казеннаго

учебнаго заведенія и жизни семейной, институтъ благодѣтельно вліяетъ на послѣдующую самостоятельную жизнь учениковъ, невольно сродняющихся съ тѣми привычками, которыя онъ вселяетъ въ нихъ, а педагогическіе пріемы и строгій и обстоятельный учебный курсъ института вырабатываютъ изъ нихъ полезныхъ и образованныхъ дѣятелей, съ любовію относящихся къ своему училищному дѣлу. Получаемыя ими на службѣ права даютъ имъ возможность поставить себя въ обществѣ въ такія условія, которыя бы имъ вполнѣ соотвѣтствовали, какъ образованнымъ людямъ, принявшимъ на себя такую важную и отвѣтственную обязанность передъ правительствомъ и обществомъ.

ГОРОДСКІЯ УЧИЛИЩА. Существующія и нынѣ нѣкоторыя мѣстныя уѣздныя училища, организованныя по уставу 1828 г., сохранили неизмѣнно свой видъ и до нашего времени. Если уѣздныя училища и подвергались какимъ-либо перемѣнамъ, то это касалось лишь штатовъ, методики преподаванія учебныхъ предметовъ и введенія дополнительныхъ курсовъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ, какъ, напримѣръ, преподаванія коммерческихъ наукъ; кромѣ того, нѣкоторыя училища были учреждаемы не трехклассными, какими они предназначены по уставу, а двухклассными, какъ, напримѣръ, существовавшія въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ дворянскія училища, преобразованныя въ 1865 г. въ двухклассныя уѣздныя училища; существенныхъ же перемѣнъ никакихъ не было за все это время. Когда приступили къ преобразованію училищъ, тогда было обращено вниманіе и на недостатки уѣздныхъ училищъ. Такъ, уже въ концѣ 60-хъ годовъ стало замѣчаться постепенное уменьшеніе числа учениковъ въ уѣздныхъ училищахъ, преимущественно же въ III-мъ классѣ, который, нерѣдко, оставался совершенно безъ учащихся; со стороны же городскихъ обществъ и представителей земствъ неоднократно исходили заявленія о томъ, что уѣздныя училища не удовлетворяютъ современной потребности городского населенія въ образованіи ихъ дѣтей; съ своей стороны и Министерство Народнаго Просвѣщенія съ 1869 года приступило къ обсужденію вопроса о преобразованіи уѣздныхъ училищъ и къ составленію проекта положеній и штатовъ новыхъ училищъ, долженствующихъ замѣнить собою уѣздныя. Главный недостатокъ уѣздныхъ училищъ, по заключенію Министерства Народнаго Просвѣщенія, состоялъ въ томъ, что курсъ этихъ училищъ былъ чисто теоре-

тическимъ, нисколько не приспособленнымъ къ потребностямъ людей, готовящихся къ практическимъ занятіямъ. Такимъ образомъ, хотя по уставу 1828 года уѣздныя училища вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія должны доставлять дѣтямъ городскихъ обывателей и тѣ свѣдѣнія, которыя, по образу жизни, ихъ нуждамъ и упражненіямъ, могутъ имъ быть наиболѣе полезными, однако, цѣль эта не достигалась. Несмотря на то, что по тому же уставу при уѣздныхъ училищахъ, сообразно съ требованіями населенія, могли быть открываемы „особые дополнительные курсы, для обученія тѣмъ искусствамъ и наукамъ, коихъ знаніе наиболѣе способствуетъ успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ трудахъ промышленности“, но и такіе курсы не принесли ожидаемой пользы: открытые при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ (въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Рыбинскѣ и проч.) эти курсы обыкновенно существовали недолго и вскорѣ закрывались, что обусловливалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что общій теоретическій курсъ уѣздныхъ училищъ не могъ приготовить учениковъ къ слушанію практическихъ прикладныхъ курсовъ. Не удовлетворяя потребностямъ городского населенія, число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ стало постепенно уменьшаться, а третій классъ оставался иногда совершенно безъ учениковъ, что вызвало необходимость преобразовать нѣкоторыя уѣздныя училища въ двухклассныя. Не желая помѣщать своихъ дѣтей въ уѣздныя училища, горожане стали отдавать ихъ въ гимназіи, откуда, по прохожденіи ими трехъ или четырехъ классовъ, снова брали ихъ назадъ, такъ какъ дальнѣйшее образованіе въ гимназіяхъ было для нихъ не нужно. Вслѣдствіе же этого страдали и гимназіи того времени: низшіе четыре класса гимназій были обыкновенно переполнены, а вслѣдствіе выхода большинства изъ третьяго или четвертаго класса, процентъ оканчивающихъ курсъ гимназическаго ученія оказывался весьма ничтожнымъ по отношенію ко всему числу учащихся. Такимъ образомъ, постановка учебнаго курса уѣздныхъ училищъ, съ цѣлью удовлетворить современнымъ потребностямъ городского населенія, требовала коренныхъ измѣненій. Точно такъ же и прусскія бюргерскія городскія училища, служившія образцомъ для нашихъ уѣздныхъ, были признаны прусскимъ Министерствомъ учебныхъ и духовныхъ дѣлъ несостоятельными, и для нихъ уже была начертана новая система. На основаніи этой новой системы существовавшее прежде въ Пруссіи раздѣленіе начальныхъ училищъ на низшія и

высшія, было уничтожено, и для всѣхъ училищъ былъ установленъ одинъ общій восьмилѣтній начальный курсъ; при этомъ, основнымъ типомъ начальныхъ училищъ была признана одноклассная начальная школа, какъ доступная по своей стоимости и самымъ бѣднымъ мѣстностямъ. Обществамъ же предоставлено было учреждать двухклассныя, трехклассныя и четырехклассныя училища, смотря по потребностямъ и средствамъ; въ послѣдніе два года ученія, преподаваніе учебныхъ предметовъ принимало профессіональный или прикладной къ мѣстнымъ жизненнымъ потребностямъ характеръ; окончившіе курсъ въ такихъ начальныхъ училищахъ могли поступать въ особыя промышленныя двухклассныя школы и въ учительскія семинаріи. Эта система начальныхъ училищъ быстро распространилась по всей сѣверной Германіи и Швейцаріи, и вскорѣ нашла сочувствіе во Франціи, Австріи и Англіи. Руководствуясь въ главнѣйшихъ чертахъ этою же системою и измѣнивъ ее соотвѣтственно требованіямъ русскаго городского населенія, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія были составлены положенія и штаты для городскихъ училищъ, въ которыя должны быть преобразованы неудовлетворяющія современнымъ требованіямъ уѣздныя училища. При этомъ постановлено, чтобы приступать къ преобразованію уѣздныхъ училищъ не сразу, а совершать это съ осмотрительною постепенностью.

Городскія училища по положенію 1872 года даютъ учащимся въ нихъ дѣтямъ правильное элементарное образованіе, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ того сословія, къ которому принадлежитъ большинство учащихся въ нихъ. Учителя городскихъ училищъ, сами воспитанные въ учительскихъ институтахъ на строго педагогическихъ началахъ, вносятъ здравыя воззрѣнія въ жизнь своихъ училищъ, благодѣтельно отзывающіяся на учебной и воспитательной ихъ постановкѣ. Кромѣ того, самая организація городскихъ училищъ во многихъ частныхъ случаяхъ представляетъ преимущество сравнительно съ уѣздными училищами. Такъ, въ городскихъ училищахъ, соединяющихъ въ себѣ низшую и высшую степень обученія, которая при существованіи приходскихъ и уѣздныхъ училищъ распредѣляется по двумъ заведеніямъ, элементарный учебный курсъ сохраняетъ свою стройную цѣлость, единство и законченность; дѣти могутъ поступать въ городскія училища неграмотными, начинать съ азбуки и кончать курсъ съ опредѣленными познаніями, какъ содѣйствующими общечеловѣческому ихъ

развитію, такъ и пригодными имъ въ жизни. Такъ какъ городскія училища совмѣщаютъ въ себѣ курсъ и приходскихъ училищъ, то послѣднія являлись заведеніями уже излишними. Раздѣленіе городскихъ училищъ по числу классовъ ставится въ прямую зависимость отъ большаго или меньшаго числа жителей и къ большей или меньшей потребности ихъ въ общемъ элементарномъ образованіи и въ прикладныхъ знаніяхъ: въ одноклассныхъ училищахъ преподаются тѣ же общіе предметы, какъ и въ остальныхъ, съ большимъ числомъ классовъ, только въ меньшемъ объемѣ. Такъ какъ число учителей въ городскихъ училищахъ соотвѣтствуетъ числу классовъ, то учителя становятся, слѣдовательно, не предметные, а классные, что важно особенно въ педагогическомъ отношеніи, содѣйствуя сосредоточенности преподаванія и нравственному вліянію на дѣтей. Объемъ и методъ преподаванія учебныхъ предметовъ и распредѣленіе по классамъ опредѣляются какъ требованіями элементарнаго образованія, такъ и назначеніемъ новыхъ городскихъ училищъ доставлять прикладныя знанія, потребныя для городского населенія; съ этою цѣлью въ старшей группѣ однокласснаго училища, во 2-мъ классѣ—двухкласснаго, въ 3-мъ классѣ — трехкласснаго и въ 3-мъ и 4-мъ классахъ четырехкласснаго училища преподаваніе нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ, а именно: ариѳметики, геометріи и естествовѣдѣнія, принимаетъ отчасти профессіональный характеръ,—такъ, напримѣръ, по ариѳметикѣ содержаніе задачъ выбирается изъ мѣстной промышленной дѣятельности, сообщаются практическія указанія и производятся упражненія въ коммерческомъ счетоводствѣ и веденіи счетныхъ книгъ; по геометріи объясняются простѣйшіе способы измѣренія и съемки плановъ мѣстностей, составленіе и черченіе несложныхъ плановъ и проч.; по естествовѣдѣнію указывается преимущественно на произведенія природы, выдающіяся по своему практическому примѣненію и проч. Точно такъ же въ старшемъ отдѣленіи и въ старшихъ классахъ городскихъ училищъ рисованіе и черченіе получаютъ спеціальное направленіе съ примѣненіемъ къ промышленнымъ занятіямъ мѣстнаго городского населенія.

Открытыя по положенію, Высочайше утвержденному 31 мая 1872 года, городскія училища имѣютъ цѣлью доставленіе дѣтямъ всѣхъ сословій начальнаго умственнаго и религіозно-нравственнаго образованія. Они состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ и въ ближайшемъ завѣдываніи инспекторовъ на-

родныхъ училищъ и содержатся или на счетъ правительства, или на счетъ земства, городскихъ обществъ, сословій и частныхъ лицъ. Городскія училища раздѣляются на одноклассныя, трехклассныя и четырехклассныя, также могутъ быть учреждаемы въ составѣ пяти или шести классовъ. На прохожденіе полнаго курса ученія въ городскихъ училищахъ назначается шесть лѣтъ. Въ одноклассныхъ училищахъ учащіеся раздѣляются на три послѣдовательныя отдѣленія и остаются въ каждомъ отдѣленіи обыкновенно по два года. Въ двухклассныхъ училищахъ курсъ перваго класса продолжается четыре года, и учащіеся въ немъ раздѣляются на два послѣдовательныя отдѣленія; курсъ же 2-го класса продолжается два года. Въ училищахъ трехклассныхъ курсъ каждаго класса двухгодичный. Въ четырехклассныхъ училищахъ курсъ первыхъ двухъ классовъ продолжается по два года въ каждомъ классѣ; курсъ же 3-го и 4-го классовъ продолжается по одному году въ классѣ. Во всѣхъ городскихъ училищахъ преподаются: законъ Божій, чтеніе и письмо, русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе съ переводомъ на русскій языкъ, ариѳметика, практическая геометрія, географія и исторія отечества, съ необходимыми свѣдѣніями изъ естественной исторіи и физики; черченіе и рисованіе; пѣніе, гимнастика. Кромѣ того, учащіеся могутъ быть въ неклассное время обучаемы ремесламъ.

При каждомъ городскомъ училищѣ полагаются: законоучитель и столько штатныхъ учителей, сколько классовъ въ училищѣ. Одинъ изъ учителей назначается завѣдывающимъ училищемъ, а учители, завѣдывающіе трехклассными и четырехклассными училищами, называются инспекторами. Въ одноклассныхъ училищахъ, сверхъ завѣдывающаго училищемъ учителя, назначается ему помощникъ; если же въ одноклассномъ училищѣ или въ первомъ классѣ другихъ городскихъ училищъ, болѣе 50 учениковъ, то на каждые слѣдующіе 30 учениковъ полагается еще по одному учительскому помощнику. Учитель преподаетъ во ввѣренномъ ему классѣ всѣ предметы, кромѣ закона Божія, возлагаемаго на священника. Обученіе пѣнію и гимнастикѣ поручается, за особое вознагражденіе, тѣмъ изъ штатныхъ учителей, которые могутъ обучать этимъ предметамъ, въ противномъ случаѣ приглашаются особые учителя по найму. Для обсужденія вопросовъ, преимущественно касающихся учебной и воспитательной части училища, и наблюденія за матеріальной его постановкой, при городскихъ училищахъ учре-

ждаются педагогическіе совѣты, состоящіе, подъ предсѣдательствомъ инспектора или завѣдывающаго училищемъ, изъ законоучителя и всѣхъ прочихъ штатныхъ учителей и ихъ помощниковъ. При каждомъ городскомъ училищѣ полагается почетный смотритель, обязанный оказывать содѣйствіе благоустройству училища въ матеріальномъ отношеніи. Въ городскія училища могутъ поступать дѣти не моложе семилѣтняго возраста всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій. За обученіе въ городскихъ училищахъ назначается особая плата, размѣръ которой опредѣляется инспекторомъ народныхъ училищъ, соотвѣтственно средствамъ мѣстныхъ жителей, и утверждается попечителемъ учебнаго округа. Получившіе аттестатъ объ окончаніи полнаго курса ученія въ городскихъ училищахъ, если они, на основаніи существующихъ узаконеній, имѣютъ право вступить въ гражданскую службу, опредѣляются въ нее предпочтительно предъ тѣми, которые не обучались въ городскихъ училищахъ или въ высшихъ, сравнительно съ этими послѣдними, учебныхъ заведеніяхъ; при производствѣ въ первый классный чинъ, они освобождаются отъ установленнаго для этого испытанія. Желающіе изъ окончившихъ курсъ держать экзаменъ въ учительскій институтъ, могутъ быть оставлены при училищѣ до достиженія ими 16-тилѣтняго возраста не менѣе, какъ на одинъ годъ; въ продолженіе этого времени они занимаются подъ руководствомъ учителя повтореніемъ училищнаго курса и чтеніемъ указанныхъ имъ книгъ и помогаютъ ему въ классномъ преподаваніи, повторяя, по его указанію, съ слабыми учениками пройденное учителемъ.

Начиная со времени изданія положеній о городскихъ училищахъ, правительство, земство и общества приступили къ постепенному преобразованію уѣздныхъ училищъ, такъ какъ, съ одной стороны, одновременное преобразованіе потребовало бы большихъ средствъ, а съ другой—представилось бы большое затрудненіе въ недостаткѣ необходимыхъ для этого учителей, для приготовленія которыхъ потребуются многіе годы. До настоящаго времени преобразованы уже изъ прежнихъ уѣздныхъ училищъ, а частью открыты вновь городскія училища какъ въ столичныхъ и губернскихъ, такъ и въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ; во многихъ учебныхъ округахъ уже болѣе не осталось уѣздныхъ училищъ, которыя всѣ преобразованы въ городскія училища по уставу 1872 года.

Изъ послѣдующихъ законоположеній о городскихъ училищахъ

упомянемъ о главнѣйшихъ. Въ 1876 году разрѣшено производить въ городскихъ училищахъ, по положенію 31-го мая 1872 года, испытанія на званія приходскихъ и начальныхъ учителей и учительницъ и на первый классный чинъ. Въ 1876 году учреждены должности сверхштатныхъ учителей при городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищахъ. Въ 1879 году, разрѣшено опредѣлять въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ учебныхъ округахъ учительскими помощниками въ городскія училища воспитанниковъ учительскихъ семинарій, прослужившихъ не менѣе 6-ти лѣтъ.

УЧИТЕЛЬСКІЯ СЕМИНАРІИ. Считая одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для приготовленія учителей въ начальныя училища имперіи устройство особыхъ для этой цѣли педагогическихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, правительство, начиная съ 60-хъ годовъ, открываетъ рядъ такихъ заведеній, называемыхъ учительскими семинаріями, преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя болѣе всего нуждались въ хорошо подготовленныхъ русскихъ начальныхъ учителяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при выборѣ мѣстности для открытія учительскихъ семинарій въ средѣ иноязычныхъ народностей избирались преимущественно такіе пункты, населенію которыхъ, вслѣдствіе историческихъ событій описываемаго времени, могло угрожать иноземное вліяніе, несродное съ русскими интересами или даже противное имъ. Начиная со времени введенія положенія о начальныхъ училищахъ, число учительскихъ семинарій, возрастаетъ, а научно-подготовленные, ознакомленные съ педагогическою практикою воспитанники учительскихъ семинарій замѣняютъ собою прежнихъ учителей, бравшихся за дѣло народнаго образованія часто безъ требуемой научной подготовки и безъ всякой предварительной педагогической практики или смотрѣвшихъ на свое дѣло, какъ на случайное и временное.

Дерптская учительская семинарія. На основаніи этихъ соображеній было утверждено въ 1861 году положеніе семинаріи въ Дерптѣ, имѣвшей цѣлью образованіе учителей для начальныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа. Уже изъ положенія Дерптской семинаріи видна та высокая заботливость правительства, которую оно прилагало для выработки дѣйствительно полезныхъ русскихъ народныхъ учителей и того религіозно-нравственнаго направленія, которымъ они должны быть проникнуты. Приводимыя здѣсь выдержки изъ положенія Дерптской учит. семинаріи 1861 г.

знакомятъ вкратцѣ съ ея устройствомъ. Состоя въ вѣдѣніи Дерптскаго директора училищъ, семинарія управлялась инспекторомъ, которому были присвоены права и обязанности, одинаковыя съ штатными смотрителями округа. Ученіе воспитанниковъ продолжалось два года, и по выпускѣ они обязаны были прослужить въ учительскомъ званіи шесть лѣтъ. Въ семинарію могли поступать одни русскіе подданные, не моложе 17-ти лѣтъ, выдержавшіе пріемное испытаніе въ предметахъ, составляющихъ курсъ двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа. При семинаріи находилась начальная школа, въ которой преподавали семинаристы подъ руководствомъ инспектора. Преподаваніе возлагалось на инспектора и его помощника и на особаго учителя, обучающаго музыкѣ и пѣнію. Предметы обученія были: законъ Божій, педагогика, нѣмецкій языкъ, съ обозрѣніемъ словесности онаго, русскій языкъ, съ обозрѣніемъ словесности онаго, географія Россіи въ соединеніи съ ея исторіей, всеобщая географія, всеобщая исторія, ариѳметика, музыка и пѣніе, чистописаніе и рисованіе; кромѣ того, практическія упражненія въ ботаникѣ и садоводствѣ, а желающіе упражняются въ рисованіи подъ руководствомъ учителя рисованія при университетѣ и допускаются къ слушанію публичныхъ курсовъ физики, сельскаго хозяйства и технологіи, читаемыхъ въ Дерптскомъ университетѣ. Образованіе воспитанниковъ семинаріи сообразуется съ цѣлью будущаго ихъ назначенія. Они должны быть утверждаемы въ святыхъ истинахъ вѣры, получать отчетливыя въ ней познанія, при чемъ главное стремленіе должно быть направлено къ возбужденію въ сердцахъ ихъ теплыхъ чувствъ благоговѣйной любви къ Богу и Божественному Спасителю и горячей преданности къ Государю Императору. Уваженіе къ закону и гражданскому порядку, любовь къ своему дѣлу и душевное желаніе влить въ сердца поручаемыхъ имъ дѣтей чувства вѣры и добродѣтели должны быть сроднены со всѣми помышленіями воспитанниковъ. Имъ преподаются и указываются на дѣлѣ лучшіе способы начальнаго обученія и изъясняется все то, что можетъ содѣйствовать или препятствовать успѣху на предлежащемъ имъ поприщѣ. Благотворное дѣйствіе Дерптской семинаріи уже вскорѣ сказалось въ томъ, что элементарныя училища въ городахъ Остъ-Зейскаго края, по основательности преподаванія и по нравственному вліянію на мѣстное народонаселеніе, выполнили ожидаемыя отъ нихъ требованія.

Молодечненская учительская семинарія. Открытая въ Дерптѣ учительская семинарія вполнѣ оправдала свое назначеніе и указала на полное цѣлесоотвѣтствіе и пользу подобныхъ заведеній для народнаго образованія: начальныя училища Дерптскаго учебнаго округа, имѣвшія своими учителями бывшихъ воспитанниковъ Дерптской учительской семинаріи, правильнымъ достиженіемъ своей цѣли, постановкою воспитательно-учебнаго дѣла, ясно указали на пользу, приносимую хорошо подготовленными учителями. Въ виду этого правительство нашло полезнымъ для преуспѣянія дѣла народнаго образованія, чрезъ правильную подготовку учителей, открыть подобныя же учительскія семинаріи и въ другихъ мѣстахъ имперіи. Существенная потребность въ подобномъ учебномъ заведеніи особенно чувствовалась въ Виленскомъ учебномъ округѣ: съ одной стороны, съ умноженіемъ училищъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, явилась потребность въ приготовленныхъ начальныхъ учителяхъ; съ другой же стороны—усилившееся вредное для православнаго населенія польское вліяніе въ краѣ могло парализовать своимъ вліяніемъ природнаго русскаго учителя, дѣйствующаго на своихъ единовѣрцевъ въ духѣ православія и русской народности. Поэтому, вслѣдствіе ходатайства бывшаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа князя А. П. Ширинскаго-Шихматова, по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ, и было предположено учредить въ Виленскомъ учебномъ округѣ учительскую семинарію, имѣющую цѣлью приготовленіе русскихъ учителей для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ округа, вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ проводниковъ и защитниковъ русской народности въ краѣ. Для учрежденія учительской семинаріи было выбрано мѣстечко Молодечно на томъ основаніи, что Молодечно Виленской губерніи населено преимущественно православными, и потому оно представляетъ само собою вполнѣ соотвѣтствующую мѣстность для цѣлей семинаріи; слѣдовательно, Молодечненская учительская семинарія является въ царствованіе Императора Александра II-го первою семинаріею съ чисто-народнымъ характеромъ и съ тѣми учебными предметами, знаніе которыхъ необходимо для православнаго народнаго учителя русскаго начальнаго училища. Такъ какъ эта семинарія послужила образцомъ для устройства послѣдующихъ учительскихъ семинарій, то приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ проекта положенія, какъ поясняющія организацію и направленіе этихъ заведеній. По проекту положенія 25-го іюня

1864 года семинарія составляетъ открытое учебное заведеніе, имѣющее 60 казенныхъ стипендіатовъ, живущихъ внѣ семинаріи, но подъ надзоромъ наставниковъ. Для скорѣйшей подготовки начальныхъ учителей, на первое время учебный курсъ былъ ограниченъ двумя годами, при чемъ со временемъ было предположено прибавить еще одинъ годъ. Учебный курсъ семинаріи заключаетъ въ себѣ большее число предметовъ, чѣмъ каковое придется преподавать народному учителю; но эти предметы введены на томъ соображеніи, что одни необходимы, какъ знакомящіе съ пріемами преподаванія, другіе, какъ сообщающіе тѣ свѣдѣнія, распространеніе которыхъ посредствомъ частныхъ бесѣдъ составляетъ непремѣнную обязанность учителя, какъ просвѣтителя той среды, въ которой ему придется дѣйствовать. Подробности учебнаго курса не обозначены въ проектѣ устава, но опредѣляются особою инструкціею; для практическихъ занятій воспитанниковъ состоитъ народное училище, такъ какъ для учителя мало знать предметъ, которому онъ долженъ учить: для него столь же необходимо умѣнье передавать свои знанія, а также умѣнье, независимо отъ теоретическаго изученія всѣхъ методовъ преподаванія, вести практическія упражненія. Училище должно имѣть своего особаго учителя, отличающагося искусствомъ преподаванія, при чемъ онъ долженъ служить примѣромъ для воспитанниковъ семинаріи, которые, въ свою очередь, замѣняютъ его въ преподаваніи, состоя при этомъ подъ постояннымъ наблюденіемъ и руководствомъ наставниковъ семинаріи. Вслѣдствіе такой тѣсной связи семинаріи съ народнымъ училищемъ, учитель послѣдняго, обязанный также слѣдить за успѣхами воспитанниковъ семинаріи, причисленъ къ постояннымъ членамъ семинарскаго совѣта. Въ виду того, что многообразныя занятія служащихъ въ семинаріи потребуютъ всего ихъ времени, признано необходимымъ назначить приличные оклады содержанія лицамъ, положеннымъ по штату учительской семинаріи въ Молодечно. Составленныя, на основаніи приведенныхъ соображеній, министромъ народнаго просвѣщенія проекты положенія и штата Молодечненской учительской семинаріи были Высочайше утверждены 25-го іюня 1864 года, при чемъ они были введены въ дѣйствіе въ видѣ опыта на четыре года, по истеченіи которыхъ предоставлено министру народнаго просвѣщенія представить исправленное, по указаніямъ опыта, положеніе Молодечненской учительской семинаріи на окончательное утвержденіе Государственнаго

Совѣта. Въ 1870 году марта 17-го были утверждены нынѣ дѣйствующее положеніе и штаты Молодечненской учительской семинаріи съ трехлѣтнимъ курсомъ, примѣнительно къ которымъ были организованы всѣ послѣ возникшія учительскія семинаріи.

Положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ, Высочайше утвержденное 17-го марта 1870 года, на основаніи котораго учреждены всѣ послѣдующія учительскія семинаріи, въ своихъ главныхъ частяхъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Учительскія семинаріи имѣютъ цѣлію доставить педагогическое образованіе молодымъ людямъ всѣхъ сословій православнаго исповѣданія, желающимъ посвятить себя учительской дѣятельности въ начальныхъ училищахъ. Для практическихъ упражненій воспитанниковъ семинарій въ преподаваніи состоятъ при нихъ начальныя училища, которыя, какъ и самыя семинаріи, содержатся на иждивеніи казны и суть заведенія открытыя; на содержаніе нѣкоторыхъ семинарій отпускается пособіе отъ земства или изъ другихъ мѣстныхъ источниковъ. Въ семинаріяхъ обучаются казенные стипендіаты; сверхъ того, допускаются къ обученію стипендіаты какъ сельскихъ обществъ, такъ и частныхъ лицъ, и своекоштные воспитанники, безплатно. Курсъ ученія въ семинаріяхъ трехгодичный, по одному году въ каждомъ классѣ. Семинаріи состоятъ въ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ; какъ семинаріи, такъ и начальныя при нихъ училища, состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ директоровъ семинарій, которымъ по управленію заведеніями принадлежатъ права, предоставленныя директорамъ гимназій. На директорѣ лежитъ и преподаваніе въ семинаріи педагогики. Преподаватели наукъ избираются изъ лицъ православнаго исповѣданія, преимущественно получившихъ образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ штатныхъ наставниковъ, могутъ быть назначаемы сверхштатные учителя, если въ томъ представится надобность. Учитель начальнаго училища пользуется правами, присвоенными народнымъ учителямъ. Учитель пѣнія опредѣляется по найму. Совѣтъ семинаріи состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ законоучителя, прочихъ наставниковъ и учителя начальнаго училища. Въ семинарію принимаются молодые люди не моложе 16-тилѣтняго возраста. Казенные стипендіаты, по окончаніи въ нихъ курса, обязаны прослужить въ должности учителей начальныхъ училищъ не менѣе четырехъ лѣтъ. Воспитанники, окончившіе курсъ, получаютъ, по удостоеніи совѣта, сви-

дѣтельства на званіе учителя начальнаго училища, и на все время служенія своего въ этой послѣдней должности, равно какъ и во время своего пребыванія въ семинаріи, освобождаются отъ всѣхъ личныхъ повинностей. За исполненіе въ теченіе двѣнадцати лѣтъ обязанностей учителя сельскаго начальнаго народнаго училища они удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина. Предметы преподаванія въ семинаріяхъ суть слѣдующіе: законъ Божій, главныя основанія педагогики, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметика, главныя основанія геометріи, землемѣріе, линейное черченіе, русская исторія, при преподаваніи которой сообщаются и нѣкоторыя понятія объ исторіи всеобщей; краткая всеобщая и болѣе подробная русская географія, главныя свѣдѣнія, необходимыя для пониманія явленій природы, чистописаніе и пѣніе. Сверхъ того, воспитанники обучаются ремесламъ, по выбору совѣта, и гимнастикѣ. Въ начальномъ училищѣ, состоящемъ при семинаріи, преподаются тѣ же предметы, что и въ каждомъ начальномъ училищѣ, т. е. законъ Божій, чтеніе и письмо по-русски, церковно-славянское чтеніе, ариѳметика и пѣніе.

Инструкція для учительскихъ семинарій. Чтобы придать возможно большую правильность дѣятельности учительскихъ семинарій, этого еще совершенно новаго типа учебныхъ заведеній, въ 1875 году была утверждена министромъ народнаго просвѣщенія инструкція, въ которой подробно и всесторонне выясняются обязанности какъ служащихъ, такъ и воспитывающихся въ учительскихъ семинаріяхъ. Приводимъ наши соображенія, составленныя въ главныхъ чертахъ на основаніяхъ инструкціи, дающей ясное представленіе о характерѣ этихъ учебныхъ заведеній.

Такъ какъ начальныя училища находятся въ прямой зависимости отъ достоинства учителей, ихъ нравственныхъ качествъ и подготовки къ успѣшному выполненію возложенной на нихъ задачи, то, естественно, учительскія семинаріи должны быть въ тѣсной связи съ начальными училищами и имѣть одно общее основаніе—православіе и народность; основанія эти должны объединять ихъ направленіе и строй жизни, проникать ихъ однимъ духомъ—преданности къ Церкви, Царю и Отечеству. Такъ какъ начальныя училища суть заведенія воспитательно-учебныя, то, слѣдовательно, учительская семинарія должна быть также воспитательно-учебнымъ заведеніемъ для приготовленія такихъ учителей, которые могли бы выполнить задачу школы—утверждать въ народѣ религіозно-нрав-

ственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя свѣдѣнія, т. е. такихъ учителей, которые были бы и воспитателями и учителями ввѣренныхъ имъ дѣтей сельскаго населенія. Всѣ законоположенія объ учительскихъ семинаріяхъ и въ особенности инструкція для учительскихъ семинарій, подробно и всесторонне указывающія средства для достиженія наилучшихъ результатовъ въ воспитательномъ и учебномъ отношеніяхъ, служатъ лучшими руководителями для приготовленія православныхъ русскихъ начальныхъ учителей. Такъ какъ развитіе религіозно-нравственныхъ качествъ воспитанниковъ, какъ будущихъ учителей начальныхъ народныхъ училищъ, составляетъ существенную задачу учительскихъ семинарій, то въ инструкціи подробно изложены всѣ пути, по которымъ долженъ итти педагогическій совѣтъ семинаріи, чтобы религіозно-нравственное развитіе воспитанниковъ шло въ духѣ требованій православія и русской народности. Каждый изъ служащихъ въ семинаріи, директоръ, законоучитель, наставникъ и учитель, уже потому, что они православные русскіе, равно какъ и воспитанники, вся жизнь которыхъ въ заведеніи сложена въ чисто русскомъ духѣ—поддерживаютъ и хранятъ эти требованія и зорко слѣдятъ за неуклоннымъ ихъ выполненіемъ. Законоучитель, не отвлекаемый приходомъ, посвящаетъ себя всецѣло религіозно-нравственному развитію воспитанниковъ: на урокахъ закона Божія воспитанники подробно знакомятся съ главными частями этого предмета (священная исторія, катехизисъ, богослуженіе, исторія церкви); богослуженіе въ церкви, въ большинствѣ случаевъ устраиваемой при самой семинаріи, объясненіе воскреснаго или праздничнаго Евангелія до начала богослуженія, исполненіе учениками во время богослуженія церковно-служительскихъ обязанностей, пѣніе и чтеніе воспитанниковъ въ церкви, духовно-родственныя отношенія законоучителя къ воспитанникамъ внѣ класса, его совѣты, вразумленія, его присутствіе во время вседневныхъ молитвъ, — все это сродняетъ ихъ съ Церковію, вселяетъ любовь и привычку къ ней, проникаетъ все воспитаніе характеромъ церковности.

Вся жизнь воспитанниковъ учительскихъ семинарій, сложенная въ строго православномъ русскомъ духѣ, неуклонное исполненіе постановленій Церкви, соблюденіе установленныхъ постовъ, говѣніе, чтеніе въ свободное время книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и духовныя пѣснопѣнія, естественно, отразятся и за порогомъ семинаріи въ ихъ самостоятельной жизни. Члены педагогическаго совѣта

семинарій своею жизнію служатъ примѣромъ для воспитанниковъ, находящихся съ ними въ постоянномъ тѣсномъ общеніи, а своею службою—примѣромъ преданности и ревности къ своимъ обязанностямъ и своему долгу. Сами воспитанники, по преобладающему своему составу, принадлежа къ дѣтямъ сельскаго крестьянскаго населенія, уже вносятъ въ заведеніе тѣ коренные элементы русскаго человѣка, для котораго чуждо все иноземное и свято все свое, родное. При такомъ составѣ воспитателей и воспитанниковъ, естественно содѣйствующемъ поднятію и развитію природныхъ качествъ русскаго человѣка — преданности престолу и отечеству, любви къ своей родинѣ, привязанности къ своей семьѣ, учительскія семинаріи проникаются тѣмъ духомъ русской народности, который долженъ быть всецѣло достояніемъ каждаго русскаго начальнаго учителя. Самыя помѣщенія учительскихъ семинарій, въ большинствѣ случаевъ, устраиваемыхъ въ небольшихъ городахъ, мѣстечкахъ или селахъ, содѣйствуютъ неразрывности воспитанниковъ съ родственною имъ крестьянскою средою и дѣлаютъ ихъ чуждыми тѣхъ городскихъ развлеченій, которыя часто далеко не соотвѣтствуютъ предстоящей имъ серьезной трудовой жизни.

Что касается учебной стороны дѣла, то выборъ учебныхъ предметовъ и ихъ постановка въ семинаріи, содѣйствуя умственному развитію воспитанниковъ, обогащаютъ ихъ тѣми знаніями, которыя необходимы начальному учителю: законъ Божій, русскій и церковнославянскій языкъ, педагогика, ариѳметика, геометрія, географія, русская исторія, въ связи съ всеобщей, объясненіе важнѣйшихъ явленій и предметовъ природы, черченіе, рисованіе, чистописаніе, пѣніе и гимнастика преподаются въ томъ объемѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ образованнаго начальнаго учителя. Спеціальная же цѣль заведенія особенно выражается въ знакомствѣ съ методикою учебныхъ предметовъ школы и въ практическихъ занятіяхъ въ состоящемъ при каждой семинаріи съ этою цѣлью начальномъ училищѣ; приготовленіе къ пробнымъ урокамъ, пробные уроки, разборъ ихъ, очередныя занятія въ школѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, изученіе школьной педагогической литературы — служатъ главными средствами для подготовки къ спеціальной дѣятельности учителя. Наконецъ, имѣющіеся при семинаріи библіотеки, кабинеты, собранія наглядныхъ пособій, также содѣйствуютъ успѣху обученія. Кромѣ того, занятія музыкой и пѣніемъ сами собою прививаются въ семинаріяхъ; занятія ремес-

лами, садоводствомъ и огородничествомъ даютъ возможность воспитанникамъ освоиться съ такими работами, которыя, кромѣ своего педагогическаго значенія, послужатъ отличнымъ средствомъ для пополненія часовъ отдыха въ свободное время, котораго такъ много у начальнаго учителя, чѣмъ и будетъ предотвращена праздность и бездѣліе.

Хотя учительскія семинаріи по своему еще сравнительно недавнему существованію не могли своею кратковременною дѣятельностью сослужить той службы, которой ожидаетъ отъ нихъ правительство и общество, тѣмъ не менѣе и первые шаги ихъ дѣятельности уже свидѣтельствуютъ, что эти заведенія появились на Руси не какъ копія иноземнаго, но какъ самобытныя, чисто національныя училища, вполнѣ выполняющія свою цѣль. Со времени открытія семинарій, начальный учитель прежняго типа, легко отличимый прежде по своей неряшливой внѣшности, по умственной ограниченности, неподготовленности къ педагогическому дѣлу, далекій отъ мысли, что на немъ лежатъ высокія обязанности—воспитывать дѣтей, и считавшій наказаніе главнымъ побудительнымъ средствомъ, постепенно сходитъ со сцены и замѣняется учителемъ новаго типа: это молодой человѣкъ, одѣтый скромно, но опрятно, знакомый уже отчасти съ требованіями внѣшняго благоприличія, имѣющій достаточныя знанія изъ общеобразовательныхъ предметовъ и освоившійся уже отчасти со школою; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутъ сознаніемъ, что его познанія крайне недостаточны, что семинарія указала ему только пути, какъ онъ долженъ вести дѣло въ школѣ, но не сдѣлала изъ него уже готоваго учителя, и что поэтому вся жизнь его должна быть посвящена на самообразованіе, и что хорошимъ учителемъ онъ будетъ лишь тогда, когда къ каждому уроку, особенно въ первые годы, онъ будетъ относиться, какъ къ дѣлу, требующему предварительнаго труда и примѣненія лучшихъ дидактическихъ и методическихъ пріемовъ. Бывшій воспитанникъ учительской семинаріи смотритъ на свое дѣло не какъ на случайное, не потому, что другого не найдетъ, не какъ на временное, чтобы при случаѣ промѣнять его на другое болѣе выгодное, но какъ на дѣло, къ которому онъ стремился путемъ усиленнаго труда, которое обнимаетъ всѣ его помыслы, и которому онъ себя посвящаетъ на всю жизнь. Быть учителемъ—это высшая цѣль его стремленій, и потерять учительское мѣсто—это для него высшее бѣдствіе и матеріальное и нравственное. Но, вмѣстѣ съ

тѣмъ, начальный учитель сознаетъ и важность своихъ обязанностей и свою отвѣтственность предъ Богомъ, предъ правительствомъ, обществомъ и родителями тѣхъ дѣтей, которыя ему ввѣряются; онъ знаетъ, что за успѣхомъ его дѣятельности, кромѣ наблюденія начальства, неусыпно слѣдятъ сами врученныя ему дѣти и ихъ родители, и что каждый его поступокъ влечетъ одобреніе или порицаніе его собственной совѣсти. Учитель нашего времени освоился уже съ мыслію, что его цѣль не только научить грамотѣ или счету, но быть и воспитателемъ, а это побуждаетъ его зорко слѣдить за собою и заявить себя тѣмъ, что онъ не только по виду, но и по духу православный русскій учитель, который своимъ отношеніемъ къ Церкви, къ службѣ, къ дѣтямъ, къ сельскому обществу, и вообще всею своею жизнью служитъ примѣромъ для другихъ. Въ школѣ, на урокахъ—это старшій членъ семьи, который стремится принести наивозможно большую пользу ввѣреннымъ ему дѣтямъ: онъ заботится объ ихъ здоровьи, обращаетъ вниманіе на гигіеническую сторону школы, на приличность наружнаго вида учениковъ; на урокахъ примѣняетъ лучшіе и новѣйшіе способы обученія, съ которыми ознакомился въ семинаріи, чтобы легче и скорѣе достигнуть успѣховъ; не забиваетъ голову дѣтей механическимъ безсознательнымъ ученіемъ; всегда помнитъ, что учитель вмѣстѣ съ тѣмъ—воспитатель, и пользуется всякимъ случаемъ, при которомъ въ этомъ отношеніи можетъ подѣйствовать на учениковъ. Съ учителемъ новаго типа исчезли въ школѣ и тѣлесныя наказанія и замѣнились наказаніями нравственными: такой учитель помнитъ, что въ отношеніяхъ его съ учениками самымъ первымъ должна быть любовь къ нему дѣтей, но любовь, соединенная съ уваженіемъ и сознаніемъ его авторитетности.

Поставленный въ средѣ крестьянскаго населенія, какъ образованный человѣкъ, получившій воспитаніе, долженствующій быть примѣромъ и для дѣтей и для населенія, начальный учитель складываетъ всю свою жизнъ такъ, чтобы ему ни въ чемъ, по возможности, не было укора. Хотя онъ можетъ быть и лишенъ общества, но въ семинаріи онъ ознакомился со многими занятіями, которыя служатъ для него обильнымъ развлеченіемъ и пополняютъ его свободное время—садоводство, ремесла, музыка, пѣніе, чтеніе, собираніе естественно-историческихъ предметовъ своей мѣстности, составленіе разныхъ коллекцій, рисованіе и проч.

Все вышесказанное имѣло цѣлью показать—насколько вся об-

становка воспитанниковъ учительской семинаріи, все относящееся до ихъ занятій и образа жизни, должны благопріятно влiять на ихъ нравственное и умственное развитіе; освоившись со всѣми требованіями, привитыми къ нимъ во время прохожденія курса, воспитанники такъ свыкаются съ этими требованіями, что, по окончаніи курса въ семинаріи, продолжаютъ слѣдовать имъ и въ своей школѣ, и въ своей домашней жизни.

Въ слѣдующемъ очеркѣ помѣщена характеристика нѣкоторыхъ русскихъ учительскихъ семинарій, учрежденныхъ примѣнительно къ положенію и штату Молодечненской учительской семинаріи, по Высочайше утвержденному положенію 17 марта 1870 г.

Полоцкая учительская семинарія. Такъ какъ народныя школы въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, независимо отъ прямой своей просвѣтительной цѣли, имѣютъ и весьма важное государственное значеніе, способствуя объединенію этого края съ внутренними губерніями Россіи, то, въ виду недостатка въ подготовленныхъ учителяхъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія почло необходимымъ открыть въ Сѣверо-западномъ краѣ еще новую учительскую семинарію; тѣмъ болѣе, что существовавшая въ краѣ Молодечненская семинарія уже заявила себя, какъ надежный разсадникъ народныхъ учителей, спеціально приготовляемыхъ къ этой должности. Воспитанники этой семинаріи, по отзывамъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, ведутъ свое дѣло съ примѣрнымъ знаніемъ и усердіемъ, и, при отличномъ поведеніи, пользуются совершеннымъ довѣріемъ мѣстныхъ обществъ и учащихся. Какъ по своей подготовленности къ дѣлу, такъ и по привязанности къ мѣсту службы, такіе наставники, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, наиболѣе желательны въ видахъ упроченія успѣховъ народныхъ училищъ. 18 января 1872 года состоялось открытіе учительской семинаріи въ городѣ Полоцкѣ, Витебской губерніи.

Поневѣжская учительская семинарія. Для упроченія народнаго образованія среди православнаго сельскаго населенія Ковенской губерніи, Министерство Народнаго Просвѣщенія нашло полезнымъ учредить въ этой губерніи учительскую семинарію, такъ какъ открытыя въ Молодечнѣ и Полоцкѣ не въ состояніи были удовлетворить всей потребности въ учителяхъ для народныхъ училищъ въ цѣломъ краѣ, и въ особенности въ Ковенской губерніи; тѣмъ болѣе, что Ковенская губернія, по своему разноплеменному

составу, рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ губерній не только Сѣверо-западнаго края, но и изъ всего государства (жмудины, литовцы, латыши, русскіе, поляки, евреи, караимы, цыгане, татары, нѣмцы). Среди такого населенія быстро стала проявлять свою дѣятельность русская школа, училища съ шестидесятыхъ годовъ возникали по всѣмъ пунктамъ и мѣстечкамъ, почему и необходимо было принять мѣры для ея упроченія. Въ этихъ училищахъ учителями состояли, главнымъ образомъ, воспитанники духовныхъ семинарій внутреннихъ губерній и отчасти Сѣверо-западнаго края. Хотя многія изъ этихъ лицъ оказывались весьма полезными народными учителями, но эти учителя занимали свои должности только временно, уходя при первомъ удобномъ случаѣ или на священническія мѣста или на гражданскую службу, или уѣзжали на родину. Другіе же учителя, опредѣляемые по необходимости (изъ неокончившихъ въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ или окончившіе въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ), оказывались часто вовсе неподготовленными. Къ тому же въ Ковенской губерніи дѣло народнаго образованія обставлено особыми мѣстными трудностями, главнымъ образомъ, вслѣдствіе разноплеменности мѣстнаго общества и вслѣдствіе вліянія чуждыхъ элементовъ, почему для народныхъ школъ Ковенской губерніи были нужны учителя изъ туземцевъ православнаго исповѣданія, приготовленные на мѣстѣ, которые бы, независимо отъ знанія дѣла и веденія его въ чисто-русскомъ духѣ, понимали туземцевъ, вліяли на нихъ, противодѣйствовали вліяніямъ, чуждымъ русской народности, и не тяготились бы своимъ положеніемъ. Въ 1872 г., іюня 27, послѣдовало открытіе учительской семинаріи въ городѣ Поневѣжѣ, въ зданіи двухкласснаго уѣзднаго училища, которое было упразднено, а существовавшее приходское училище обращено въ начальное при семинаріи училище. Въ 1873 г. было введено въ Поневѣжской учительской семинаріи обученіе жмудскому языку, такъ какъ большинство мѣстнаго населенія состоитъ изъ жмудиновъ.

Несвижская и Свислочская учительскія семинаріи. Съ открытіемъ трехъ учительскихъ семинарій въ Сѣверо-западномъ краѣ, нѣкоторыя губерніи продолжали страдать отъ недостатка хорошо подготовленныхъ учителей. Молодечненская учительская семинарія, предназначавшаяся для всего края, по своему географическому положенію, могла служить только для трехъ губерній округа, въ которомъ находится эта семинарія, и для ближайшихъ къ ней — Гродненской и Минской. Учительскія же семинаріи въ Полоцкѣ и

Поневѣжѣ служили для приготовленія начальныхъ учителей въ губерніяхъ Витебской, Гродненской и Ковенской. Такъ какъ Минская губернія по числу училищъ (въ 1874 году ихъ было свыше 700) превосходила всѣ остальныя губерніи округа, то она болѣе всѣхъ и испытывала недостатокъ въ учителяхъ. Поэтому оказалось необходимымъ ограничить назначеніе Молодечненской семинаріи служеніемъ начальнымъ училищамъ Виленской и Гродненской губерній, а для училищъ губерніи Минской открыть въ этой губерніи особую учительскую семинарію, на что послѣдовало въ 1874 году повелѣніе объ открытіи учительской семинаріи въ городѣ Несвижѣ (Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи).

При постоянно возраставшемъ числѣ училищъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ вскорѣ оказалось, что воспитанники Молодечненской учительской семинаріи не могутъ замѣщать учительскія вакансіи въ губерніяхъ Виленской съ 340 и Гродненской съ 485 народными училищами (къ 1875-му году). Поэтому явилась необходимость въ учрежденіи новой учительской семинаріи для училищъ Гродненской губерніи, почему и послѣдовало открытіе новой учительской семинаріи въ мѣстечкѣ Свислочѣ 1875 года (Волковысскаго уѣзда, Гродненской губерніи).

Рижская учительская семинарія. Высочайше утвержденнымъ 2-го марта 1870 года мнѣніемъ постановлено: для приготовленія русскихъ учителей въ народныя училища Прибалтійскаго края, учредить въ одной изъ трехъ Прибалтійскихъ губерній учительскую семинарію, съ примѣненіемъ къ оной штата Молодечненской учительской семинаріи. Таковая проектированная семинарія на первое время была учреждена въ 1870 году въ городѣ Ригѣ, а въ 1886 году переведена въ городъ Гольдингенъ подъ именемъ Прибалтійской учительской семинаріи.

Кіевская Коростышевская учительская семинарія. Высочайше утвержденнымъ 26 мая 1869 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта объ устройствѣ училищной части въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ постановлено: учредить въ одномъ изъ селеній этихъ губерній учительскую семинарію примѣнительно къ штату Молодечненской учительской семинаріи. Семинарія эта сначала (въ 1869 году) была открыта временно въ Кіевѣ впредь до окончательнаго выбора такого селенія, которое было бы удобно для этой цѣли, и въ 1870 году она была переведена въ мѣстечко Коростышевъ (Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи).

Острожская учительская семинарія (Волынской губерніи). По мѣрѣ возрастанія училищъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, одной семинаріи для трехъ юго-западныхъ губерній оказалось далеко недостаточнымъ, и для поддержанія школъ, уже существующихъ, такъ и для открытія новыхъ, учреждена въ 1874 году учительская семинарія въ городѣ Острогѣ (Волынской губерніи), бывшемъ нѣкогда однимъ изъ надежнѣйшихъ пунктовъ, охранявшихъ интересы русскаго народа. Семинарія эта въ 1893 году переведена въ село Дедеркалы Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи.

Учительскія семинаріи въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ. Для приготовленія учителей въ начальныя народныя училища, по послѣдовавшему въ 1865 году, 23 марта, Высочайшему соизволенію, въ учебныхъ округахъ—С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ, въ видѣ опыта, впредь до учрежденія учительскихъ семинарій, были открыты педагогическіе курсы при одномъ изъ уѣздныхъ училищъ по усмотрѣнію попечителей названныхъ учебныхъ округовъ. Впослѣдствіи, при введеніи въ дѣйствіе положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, оказалось, что такое число педагогическихъ курсовъ не можетъ удовлетворять потребности въ учителяхъ для народа, почему и послѣдовало въ 1866 году Высочайшее повелѣніе, сверхъ учрежденныхъ, открыть еще педагогическіе курсы при одномъ изъ уѣздныхъ училищъ въ каждомъ изъ упомянутыхъ учебныхъ округовъ, а также и при уѣздномъ училищѣ въ городѣ Николаевѣ. Хотя педагогическіе курсы и приносили нѣкоторую долю пользы, но въ большей части случаевъ они не достигали цѣли—приготовленія хорошихъ учителей для начальныхъ училищъ, и обученіе въ нихъ мало чѣмъ отличалось отъ обученія въ уѣздномъ училищѣ. Въ неудовлетворительности этихъ курсовъ убѣдились какъ начальство учебныхъ округовъ, такъ и министръ народнаго просвѣщенія, при личномъ осмотрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вслѣдствіе этого министръ народнаго просвѣщенія въ 1871 году нашелъ болѣе цѣлесоотвѣтственнымъ и болѣе полезнымъ для дѣла народнаго образованія, вмѣсто существовавшихъ педагогическихъ курсовъ въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и Одесскомъ, учредить пять учительскихъ семинарій, руководствуясь Высочайше утвержденными въ 17-ый день марта 1870 г. положеніемъ и штатомъ Молодечненской учительской семинаріи.

Естественно, что для 36 губерній и двухъ обширныхъ областей, входящихъ въ составъ поименованныхъ 5 учебныхъ округовъ, при ежегодно возраставшемъ числѣ народныхъ училищъ, оказалось слишкомъ недостаточнымъ новоучрежденныхъ пяти учительскихъ семинарій. Въ большинствѣ же сельскихъ начальныхъ училищъ, особенно содержимыхъ на мѣстныя средства и состоящихъ подъ вѣдѣніемъ училищныхъ совѣтовъ, должности учителей продолжали занимать лица, крайне неспособныя къ преподаванію и совершенно къ тому неподготовленныя; въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ народныя училища нерѣдко въ теченіе долгаго времени совсѣмъ оставались безъ учителей, и вслѣдствіе того временно закрывались. По случаю же дарованныхъ ученикамъ народныхъ училищъ правъ по отбыванію воинской повинности, училища эти стали быстро открываться и наполняться учащимися. Для устраненія такого осязательнаго недостатка въ начальныхъ учителяхъ, по послѣдовавшимъ затѣмъ Высочайшимъ повелѣніямъ (1871, 1873, 1875 г.г.), состоялось открытіе еще нѣсколькихъ новыхъ учительскихъ семинарій въ поименованныхъ пяти учебныхъ округахъ. Такимъ образомъ, были открыты учительскія семинаріи: въ 1871 г. въ городѣ Гатчинѣ С.-Петербургской губерніи, въ селѣ Новомъ Ярославской губерніи, въ городѣ Херсонѣ, въ городѣ Бѣлгородѣ (упраздненная въ 1891 году), въ Самарѣ; въ 1872 году въ городѣ Тотьмѣ Вологодской губерніи, въ селѣ Алферовѣ Смоленской губерніи, въ городѣ Карачевѣ Орловской губерніи, и въ мѣстечкѣ Байрамчѣ Бессарабской губерніи, въ селѣ Порѣцкомъ Алатырскаго уѣзда Симбирской губерніи, въ городѣ Казани; въ 1873 году въ городѣ Пензѣ; въ 1874 году въ городѣ Псковѣ, въ селѣ Поливановѣ Московской губерніи Подольскаго уѣзда, въ городѣ Волчанскѣ Харьковской губерніи, въ Новомъ Бугѣ Херсонской губерніи; въ 1875 году Киржачская во Владимирской губерніи, Череповецкая въ Новгородской губерніи, Воронежская, Переяславская въ Таврической губерніи, Свислочская въ Гродненской губерніи, Вольская въ Саратовской губерніи и др.

Екатерининская учительская семинарія и другія. Въ 1870 г. Высочайше утверждены положеніе и штатъ учительскаго института въ городѣ Тамбовѣ, содержимаго на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Эмануиломъ Димитріевичемъ Нарышкинымъ; институтъ въ память покойной супруги учредителя именуется „Екатерининскимъ“. Инсти-

тутъ этотъ, представляющій по своему устройству и назначенію учительскую семинарію, имѣетъ цѣлью доставить педагогическое образованіе молодымъ людямъ всѣхъ сословій православнаго исповѣданія, желающимъ посвятить себя учительской дѣятельности въ начальныхъ училищахъ. Институтъ—заведеніе закрытое, въ которомъ получаютъ воспитаніе и полное содержаніе, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго учредителемъ капитала, воспитанники, носящіе названіе „Екатерининскихъ". Сверхъ того, могутъ быть принимаемы, за установленную плату, стипендіаты сельскихъ обществъ, земствъ и другихъ вѣдомствъ, а также и своекоштные ученики. Институтъ состоитъ изъ трехъ классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Для практическихъ упражненій воспитанниковъ института въ преподаваніи, состоитъ при немъ начальное училище, гдѣ обучаются приходящіе ученики. Институтъ подчиняется непосредственно попечителю Харьковскаго учебнаго округа. Учредитель института есть вмѣстѣ съ тѣмъ и почетный его попечитель. Непосредственнымъ начальникомъ института состоитъ директоръ; кромѣ того, штатъ института составляютъ четыре штатныхъ наставника, законоучитель, три преподавателя наукъ, учитель пѣнія, учитель начальнаго училища и письмоводитель. Совѣтъ института, права и обязанности учащихся и учебно-воспитательная часть заведенія подчиняются въ общемъ тѣмъ же законоположеніямъ, какъ и въ учительскихъ семинаріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1871 году учредитель Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ, д. с. с. Нарышкинъ, признавая необходимымъ расширить педагогическую задачу этого заведенія, прибавивъ къ первоначальному капиталу, 200-мъ тысячамъ, еще 150 тысячъ, нашелъ нужнымъ, чтобы вмѣсто закрытаго, какимъ былъ институтъ донынѣ, преобразовать его въ открытое учебное заведеніе, такъ какъ въ помѣщеніяхъ института не имѣется достаточно мѣста для всѣхъ желающихъ поступить въ него. Кромѣ того, при институтѣ учреждается приготовительный классъ для оказавшихъ при испытаніи неудовлетворительныя познанія, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе въ 1872 году.

Учительскія семинаріи, потребность въ которыхъ возникала во всѣхъ краяхъ имперіи, учреждались и въ остальныхъ учебныхъ округахъ. Такъ, существовавшія въ Варшавскомъ учебномъ округѣ девять учебныхъ заведеній, подъ именемъ педагогическихъ курсовъ, имѣвшихъ цѣлью образованіе начальныхъ учителей, переименованы

по Высочайшему повелѣнію въ 1872 году въ учительскія семинаріи: Андреевская (1872 г.) въ Кѣлецкой губерніи, Бѣльская (1866 г.) въ Сѣдлецкой губерніи, Варшавская (1866 г.) въ городѣ Варшавѣ, Вейверская (1866 г.) въ Сувалкской губерніи, Вымыслинская (1866 г.) въ деревнѣ Вымыслинѣ, Липновскаго уѣзда Плоцкой губерніи, Ленчицкая (1871 г.) въ городѣ Ленчицѣ Калишской губерніи, Солецкая, прежде Опатовская, (1866 г.) въ посадѣ Сольцѣ Радомской губерніи, Сѣнницкая въ посадѣ Сѣнницы Варшавской губерніи (1866 г.), Холмская въ городѣ Холмѣ Люблинской губерніи (1866 г.); въ Кавказскомъ учебномъ округѣ учреждены четыре учительскія семинаріи, въ курсъ которыхъ введены предметы, соотвѣтственно требованіямъ мѣстнаго населенія: Закавказская въ городѣ Гори Тифлисской губерніи съ татарскимъ при ней отдѣленіемъ (1876 г.), Кубанская (1871 г.) въ станицѣ Ладожской, Кутаисская (1881 г.) въ мѣстечкѣ Хони, въ Кутаисской губерніи, и Эриванская (1881 г.) въ городѣ Эривани.

Для усиленія въ Дерптскомъ учебномъ округѣ способовъ приготовленія учителей русскаго языка въ начальныя народныя училища Эстляндской губерніи и въ виду того, что при многочисленности лютеранскихъ училищъ одна семинарія не могла удовлетворить этой потребности, оказалась необходимость открыть еще семинарію и для приготовленія учителей православныхъ и для лютерано-эстонскихъ школъ какъ въ Эстляндской, такъ и въ сѣверной части Лифляндской губерніи, посему и Высочайше повелѣно открыть учительскую семинарію въ Эстляндской губерніи съ 1 іюля 1877 г. примѣнительно къ штатамъ и положенію Молодечненской учительской семинаріи, по примѣру Рижской учительской семинаріи.

Затѣмъ, по мѣрѣ надобности были учреждаемы учительскія семинаріи и въ другихъ пунктахъ того или другого учебнаго округа, въ которомъ онѣ, по мнѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, представляли необходимость; такъ, по Высочайшему повелѣнію 1875 года существовавшая въ городѣ Торжкѣ учительская школа была преобразована въ учительскую семинарію, въ виду того, что Московскій учебный округъ обнимаетъ одиннадцать губерній, на которыя имѣлось только пять учительскихъ семинарій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1875 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ въ Уфимской губерніи учительской семинаріи; при этомъ

имѣлось въ виду споспѣшествовать, съ одной стороны, развитію русскаго населенія въ Оренбургскомъ краѣ, а съ другой—тому, чтобы населеніе это своимъ непосредственнымъ вліяніемъ на сосѣднія съ нимъ инородческія племена содѣйствовало правительству въ достиженіи желаемыхъ цѣлей по отношенію къ этимъ племенамъ. Въ 1876 году была открыта учительская семинарія въ Благовѣщенскомъ заводѣ Уфимской губерніи. Въ 1877 году послѣдовало открытіе Новочеркасской учительской семинаріи, въ число воспитанниковъ которой допущены и ученики изъ калмыковъ ламайскаго исповѣданія, въ виду того, что значительную часть населенія войска Донского составляютъ калмыки, для которыхъ имѣются два училища. Въ 1876 году открыта Вытегорская учительская семинарія; въ 1877 году переведена учительская семинарія изъ посада Сольцы Радомской губерніи въ гор. Опатовъ; въ томъ же году открыта учительская семинарія въ Дерптѣ Эстляндской губерніи. Для распространенія начальнаго образованія въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, съ цѣлью приготовленія учителей для Прибалтійскаго края, открыта еще учительская семинарія въ 1870 году въ Ригѣ и въ 1869 году въ Сердоболѣ.

Учительскія семинаріи въ Сибири и учительскія семинаріи для инородцевъ. Начиная съ семидесятыхъ годовъ открываются въ Сибири и въ нѣкоторыхъ городахъ европейской Россіи нѣсколько учительскихъ семинарій, изъ которыхъ однѣ предназначаются для русскаго населенія, а другія, въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ, для русскихъ совмѣстно съ инородцами или для однихъ инородцевъ. Всѣ эти семинаріи организованы примѣнительно къ положенію Молодечненской учительской семинаріи, въ мѣстностяхъ же съ инородческимъ населеніемъ онѣ представляютъ нѣкоторыя особенности соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ населенія.

Когда въ 1866 и 1867 г.г., при осмотрѣ учебныхъ заведеній нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ, министръ народнаго просвѣщенія обратилъ свое вниманіе на то невѣжественное состояніе, въ которомъ находится инородческое населеніе, чуждающееся русскаго элемента, при недостаточномъ умственномъ развитіи, чрезъ что представлялось положительное препятствіе для правильнаго развитія всего строя общественной жизни въ мѣстахъ ихъ населенія, тогда для отстраненія этого препятствія, по мнѣнію министра, су-

щественнымъ средствомъ могло быть сближенiе инородцевъ съ коренным русскимъ населенiемъ, съ русскимъ духомъ и съ Россiею путемъ постепеннаго просвѣщенiя, путемъ распространенiя между ними образованiя, путемъ школы. Мнѣнiе это, удостоенное Высочайшаго одобренiя, повлекло за собою подробное изученiе вопроса о средствахъ для образованiя инородцевъ, вслѣдствiе чего Совѣтомъ министра была выработана система, обнимающая рядъ мѣръ въ совокупно неразрывной связи, при содѣйствiи которыхъ предположено достигнуть цѣли развитiя и образованiя инородцевъ. Въ утвержденныхъ Совѣтомъ министра народнаго просвѣщенiя правилахъ заключается, между прочимъ, постановленiе и о необходимости религiозно-нравственнаго просвѣщенiя и умственнаго развитiя инородцевъ при помощи ихъ родныхъ нарѣчiй; такое первоначальное обученiе на народномъ языкѣ не только не устраняетъ возможности обрусѣнiя, но, напротивъ, представляется самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ. Весь успѣхъ въ этомъ отношенiи будетъ зависѣть, по мнѣнiю, высказанному въ правилахъ, отъ способа обученiя и отъ того, кто будетъ обучать. Для инородческихъ же школъ лучшими учителями могутъ быть лица, единоплеменныя ученикамъ, потому что эти лица, естественно, должны пользоваться довѣрiемъ и сочувствiемъ родственнаго имъ общества. Безъ такого же довѣрiя учащихся къ учителю невозможенъ тотъ успѣхъ, достигнуть котораго желаетъ правительство; образованiе инородцевъ христiанъ должно производиться путемъ школы съ цѣлью развитiя религiозно-нравственныхъ началъ, утвержденiя въ православной вѣрѣ и ознакомленiя съ русскимъ языкомъ; обрусенiе же некрещеныхъ инородцевъ можетъ быть ведено лишь путемъ распространенiя русскаго языка и образованiя, устраненiемъ всѣхъ мѣръ, которыя могли бы породить въ нихъ опасенiе въ посягательствѣ правительства на отклоненiе дѣтей отъ ихъ вѣры. Въ виду этихъ основанiй, осуществленiю мѣръ къ образованiю инородцевъ, по мнѣнiю министра народнаго просвѣщенiя, должно необходимо предшествовать приготовленiе вполнѣ способныхъ и благонадежныхъ учителей. Основанiя эти были удостоены Высочайшаго одобренiя, и, какъ послѣдствiе, является цѣлый рядъ учебныхъ заведенiй, въ которыхъ приготовляются учителя или совмѣстно и для русскаго и для инородческаго населенiя, или исключительно для инородческихъ начальныхъ училищъ.

Въ 1872 году послѣдовало со стороны управленiя какъ запад-

ною, такъ и восточною Сибирью заявленіе, что учителей изъ окончившихъ въ гимназіяхъ курсъ недостаточно не только для приходскихъ училищъ, но даже и для уѣздныхъ, и что въ руководители народнаго образованія приходится набирать людей, часто не имѣющихъ никакой педагогической подготовки, незнакомыхъ ни съ методами обученія, ни съ лучшими руководствами, и не считающихъ даже своею обязанностью нравственное воспитаніе дѣтей. Вслѣдствіе этого было возбуждено ходатайство генералъ-губернаторомъ восточной Сибири объ открытіи въ городѣ Иркутскѣ учительской семинаріи, которая бы удовлетворяла потребностямъ образованія какъ русскаго населенія, такъ и инородческаго, а Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія былъ выработанъ проектъ положенія и штата предполагаемой къ учрежденію въ Иркутскѣ учительской семинаріи. Главныя основанія положенія для Иркутской учительской семинаріи были составлены примѣнительно къ положенію и штату Молодечненской учительской семинаріи съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными мѣстными этнографическими условіями и потребностями тамошняго населенія. Кромѣ стоящаго на первомъ мѣстѣ коренного русскаго населенія, для образованія котораго и назначалась, главнымъ образомъ, Иркутская семинарія, она также имѣла цѣлью содѣйствовать слiянію разновѣрнаго и разноплеменнаго инородческаго населенія края съ другими частями имперіи путемъ нравственнаго объединенія. Большинство же инородческаго населенія восточной Сибири составляютъ буряты и якуты, при чемъ буряты Якутской губерніи и Забайкальской области говорятъ на различныхъ, довольно отдаленныхъ другъ отъ друга нарѣчіяхъ. Въ виду того, чтобы приготовить учителей какъ для русскаго коренного населенія, такъ и для инородческихъ элементарныхъ школъ, а также, чтобы дѣти инородцевъ, при совмѣстномъ сожительствѣ съ русскими, могли скорѣе освоиться съ русскимъ языкомъ и русскими нравами, предполагается учредить при семинаріи четыре начальныя училища, а именно: для дѣтей русскихъ, для крещеныхъ бурятъ Иркутской губерніи, для крещеныхъ бурятъ Забайкальской области и для крещеныхъ якутовъ. Если будетъ признано полезнымъ, то могутъ быть учреждаемы при семинаріи временно или постоянно, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, начальныя училища и для другихъ инородцевъ: гиляковъ, корейцевъ и проч. Въ состоящихъ при семинаріи начальныхъ училищахъ преподаются тѣ же предметы, какіе и въ

каждомъ народномъ училищѣ. Какъ семинарія, такъ и состоящія при ней начальныя училища, содержатся на иждивеніи правительства съ возможнымъ воспособленіемъ отъ общества и суть заведенія закрытыя. Въ семинаріи обучаются 78 казенныхъ воспитанниковъ, изъ которыхъ 39 русскихъ, а 39 изъ крещеныхъ бурятъ и якутъ; въ начальныхъ же при семинаріи училищахъ полагается 65 казенныхъ воспитанниковъ, изъ которыхъ въ русскомъ 30, а въ каждомъ изъ трехъ инородныхъ училищъ по 15. Курсъ ученія въ семинаріи назначается трехгодичный и предметы преподаванія тѣ же, что и въ другихъ русскихъ семинаріяхъ. На этихъ основаніяхъ и послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ утвержденіи положенія и штата Иркутской учительской семинаріи въ 1872 году.

Одновременно же енисейскимъ губернаторомъ было заявлено о положительномъ недостаткѣ хорошихъ учителей для сельскихъ училищъ какъ въ восточной Сибири вообще, такъ и въ частности въ Енисейской губерніи, гдѣ число школъ, начиная съ 1868 года, стало значительно уменьшаться. Такъ, сельскія школы стали открываться съ 1864 года на средства крестьянъ при волостныхъ правленіяхъ, но школъ этихъ было весьма мало, а также и учащихся, такъ какъ учились въ нихъ лишь дѣти тѣхъ селеній, въ которыхъ были училища; для усиленія числа школъ вмѣсто существующихъ училищъ стали учреждать при приходскихъ церквахъ школы, которыхъ въ 1867 году было открыто въ Енисейской губерніи 117 съ 1330 учащимися, но съ 1868 года число школъ стало замѣтно уменьшаться, несмотря на увеличеніе средствъ, и въ 1870 году была всего 61 школа. Главною причиною такого постояннаго уменьшенія сельскихъ школъ въ Енисейской губерніи, по отзыву губернатора, служили полное отсутствіе учителей, педагогически подготовленныхъ, и недостатокъ въ лицахъ для этихъ обязанностей, получившихъ даже только низшее образованіе. Но чтобы ожидать выпуска хорошихъ учителей изъ Иркутской учительской семинаріи, для этого потребовалось бы еще нѣсколько лѣтъ, да и тогда эти учителя, по своему ограниченному числу, не будутъ удовлетворять потребности. Въ силу этихъ основаній было признано необходимымъ открыть въ городѣ Красноярскѣ учительскую семинарію, примѣнительно къ положенію и къ штату Молодечненской учительской семинаріи, на что и послѣдовало Высочайшее повелѣніе въ 1873 году.

Точно такъ же и заявленія генералъ-губернатора западной Сибири

о повсемѣстномъ недостаткѣ кандидатовъ для замѣщенія учительскихъ должностей въ училищахъ Сибири и о крайней неудовлетворительности большей части наличныхъ учителей въ этихъ заведеніяхъ, отчего, за непоступленіемъ на эти мѣста лицъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, эти мѣста оставались долгое время не замѣщенными, или зависѣли отъ различныхъ случайностей, вызвали необходимость безотлагательнаго устройства для этой цѣли учительской семинаріи; мѣстомъ для учрежденія семинаріи былъ выбранъ городъ Омскъ, и на учрежденіе въ немъ учительской семинаріи послѣдовало Высочайшее повелѣніе въ 1872 году.

Туркестанская учительская семинарія. Существеннымъ препятствіемъ для прочнаго водворенія русской школы въ Туркестанскомъ краѣ на первыхъ же порахъ оказался недостатокъ въ учителяхъ. Изъ туземцевъ вовсе не было лицъ, подготовленныхъ для этого дѣла, а учителя, вызванные изъ европейской Россіи, были дѣятелями не постоянными и не долговременными, при томъ же совершенно не знающими ни туземныхъ нарѣчій, ни нравовъ, ни тамошней жизни. Въ виду этого, по ходатайству туркестанскаго генералъ-губернатора, послѣдовало въ 1879-мъ году Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ городѣ Ташкентѣ Туркестанской учительской семинаріи съ цѣлью снабженія учителями начальныхъ школъ края какъ для русскаго, такъ и для инородческаго населенія. Въ 1880 году 1 апрѣля послѣдовало Высочайшее утвержденіе штатовъ и положенія Туркестанской семинаріи, составленнаго примѣнительно къ положеніямъ объ учительскихъ семинаріяхъ Молодеченской и Иркутской съ тѣми измѣненіями, необходимость въ которыхъ вызывалась какъ мѣстными условіями, такъ и правительственными соображеніями. Главнѣйшія особенности Туркестанской учительской семинаріи состоятъ въ слѣдующемъ: въ число воспитанниковъ, кромѣ русскихъ, принимаются и инородцы, какъ крещеные, такъ и некрещеные; кромѣ предметовъ общаго семинарскаго курса, введено изученіе туземныхъ нарѣчій — персидскаго, узбекскаго и сартовскаго; въ 1881 году вмѣсто туземныхъ нарѣчій, персидскаго и узбекскаго, введено обученіе киргизскому языку, такъ какъ киргизское племя болѣе значительно другихъ туземныхъ (узбековъ и персовъ), охотнѣе отдаетъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія и въ культурномъ отношеніи болѣе способно къ ассимилированію.

Въ 1886 году учреждена при учительской семинаріи учениче-

ская квартира, а въ 1887 году, взамѣнъ киргизскаго языка, введено преподаваніе персидскаго и сартскаго языковъ.

При семинаріи, для практическаго упражненія воспитанниковъ, состоятъ два начальныхъ училища, въ которыя принимаются дѣти какъ русскихъ, такъ и инородцевъ, крещеныхъ и некрещеныхъ; уроки по закону Божію православнаго исповѣданія и по церковно-славянскому языку какъ въ семинаріи, такъ и въ училищахъ при ней, обязательны только для православныхъ воспитанниковъ; курсъ въ семинаріи четырехлѣтній; воспитанники въ семинаріи живутъ въ казенномъ помѣщеніи, гдѣ пользуются всѣмъ готовымъ содержаніемъ. При такомъ устройствѣ Туркестанская учительская семинарія, кромѣ приготовленія развитыхъ, благонравныхъ и знающихъ педагогическое дѣло учителей, знакомыхъ съ мѣстными нравами, обычаями, мѣстной современной жизнью, и особенно съ мѣстными нарѣчіями, имѣетъ полную возможность осуществлять преслѣдуемую правительствомъ цѣль—путемъ просвѣщенія сблизить туземцевъ съ русскимъ населеніемъ и тѣмъ способствовать водворенію въ краѣ русской гражданственности.

Въ 1875 году открыта **Елизаветинская учительская семинарія** въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, примѣнительно къ положенію и штатамъ Молодечненской учительской семинаріи. Необходимость въ этой семинаріи возникла изъ того, что, по отзыву начальника Уфимской губерніи, причиною малочисленности и неудовлетворительности состоянія русскихъ школъ служилъ недостатокъ хорошихъ учителей, вслѣдствіе чего являлось и повсемѣстное распространеніе вліянія магометанства, которое замѣчалось въ русскихъ деревняхъ, сосѣднихъ съ татарами и башкирами. Такой же недостатокъ ощущался и въ Оренбургской губерніи и Уральской области, что значительно препятствовало привитію къ инородческимъ племенамъ обще-европейскихъ началъ цивилизаціи и слінію ихъ съ кореннымъ населеніемъ имперіи. Семинарія эта была переведена въ 1876 году въ Благовѣщенскій заводъ Уфимской губерніи.

Въ 1876 году Высочайше повелѣно учредить въ городѣ Троицкѣ киргизскую учительскую школу.

Въ томъ же году въ Стерлитамакѣ учреждена башкирская учительская школа, такъ какъ башкиры, вслѣдствіе вліянія татаръ, сдѣлались такими же мусульманскими фанатиками, какъ и татары. Чтобы это племя сохранило свой типъ и не превращалось въ та-

таръ, ихъ предположено воспитывать отдѣльно отъ татаръ; къ тому же они не сторонятся отъ русскихъ, какъ татары, и многія башкирскія дѣвочки воспитываются въ Уфимской женской гимназіи, также нѣсколько изъ башкиръ—въ Бирскомъ уѣздномъ училищѣ и въ Оренбургской гимназіи. Тогда же для образованія черемисовъ, вотяковъ и мордвы учреждаются языческія учительскія школы.

Казанская учительская семинарія. Въ 1872 году послѣдовало открытіе Казанской учительской семинаріи, имѣющей цѣлью приготовленіе учителей въ русскія и инородческія начальныя училища; при семинаріи состоятъ четыре начальныя училища для дѣтей крещеныхъ чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы. Воспитанники, готовящіеся въ учителя русскихъ школъ, занимаются преподаваніемъ въ ближайшемъ приходскомъ училищѣ, а готовящіеся быть учителями татарскихъ школъ—въ Казанской для крещеныхъ татаръ школѣ. Семинарія и состоящія при ней начальныя училища суть заведенія закрытыя. Курсъ ученія трехгодичный, въ случаѣ необходимости устанавливается двухлѣтній курсъ въ третьемъ классѣ. Какъ въ русское, такъ и въ инородческія отдѣленія, учителями семинаріи избираются лучшіе ученики общихъ и инородческихъ начальныхъ училищъ.

Татарскія учительскія школы въ Уфѣ и Симферополѣ утверждены въ томъ же (1872) году. Школы эти имѣютъ цѣлью приготовленіе свѣдущихъ и опытныхъ учителей въ начальныя училища татаръ; при каждой изъ нихъ для упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи состоитъ начальное татарское училище съ русскимъ при немъ классомъ. Обѣ школы состоятъ изъ четырехъ классовъ, съ четырехгодичнымъ курсомъ и суть заведенія закрытыя. Штатныхъ воспитанниковъ, содержимыхъ на счетъ казны, 40. Школы пользуются правами и преимуществами прогимназій; завѣдуетъ школою инспекторъ изъ лицъ, извѣстныхъ по своему образованію и педагогической опытности и знакомыхъ съ татарскимъ языкомъ. Преподаватель магометанскаго вѣроученія избирается по соглашенію съ мѣстнымъ муфтіемъ изъ лицъ, имѣющихъ званіе муллы и знакомыхъ съ русскимъ языкомъ. Учебный курсъ составляютъ: русскій языкъ, ариѳметика съ краткимъ курсомъ геометріи и черченія, географія, преимущественно русская, объясненіе мѣстныхъ произведеній и явленій природы, основанія педагогики и дидактики, чистописаніе и рисованіе, магометанское вѣроученіе; кромѣ того, гимнастика и ремесла.

При своемъ учрежденіи Уфимская татарская учительская школа подчинялась попечителю Казанскаго учебнаго округа. Такъ какъ въ 1875 году Уфимская губернія, съ находящеюся при ней татарскою учительскою школою, поступила въ управленіе новаго Оренбургскаго учебнаго округа, то, чтобы Казанскій учебный округъ не остался безъ всякихъ средствъ для приготовленія учителей въ татарско-магометанскія училища, въ 1875 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ городѣ Казани татарской учительской школы. На такихъ же основаніяхъ были открыты инородческія учительскія школы въ Бирскѣ, а также киргизская учительская школа въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ. Когда въ 1875 году киргизскія школы перешли въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, тогда для осуществленія намѣренія правительства объ устройствѣ киргизской учительской школы Министерство принимаетъ мѣры для огражденія киргизъ отъ татарскаго вліянія путемъ водворенія среди нихъ русской гражданственности, вслѣдствіе чего была учреждена киргизская учительская школа въ Орскѣ, вмѣсто предполагавшейся прежде въ г. Троицкѣ, примѣнительно къ положенію о татарскихъ учительскихъ школахъ. Для упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи, при ней состоитъ начальное русско-киргизское одноклассное училище. Учитель училища избирается инспекторомъ школы изъ способныхъ киргизъ, вполнѣ знакомыхъ съ русскимъ языкомъ. Преподаватель магометанскаго вѣроученія избирается инспекторомъ школы изъ лицъ, имѣющихъ званіе муллы и хорошо знающихъ русскій языкъ. Всѣ предметы преподаются въ школѣ на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ магометанскаго вѣроученія, которое можетъ быть излагаемо какъ на русскомъ, такъ и арабскомъ и киргизскомъ.

Послѣдующія законоположенія для учительскихъ семинарій. Съ теченіемъ времени законоположенія для учительскихъ семинарій, для успѣшности учебно-воспитательнаго дѣла, пополнялись соотвѣтственно требованіямъ. Главнѣйшія дополненія, между прочимъ, состоятъ въ слѣдующемъ. Такъ, въ 1872-мъ году директорамъ учительскихъ семинарій предоставлено право участвовать въ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, а также въ засѣданіяхъ попечительныхъ совѣтовъ. Въ 1876-мъ году правительственнымъ учительскимъ семинаріямъ предоставлено право производить желающимъ экзамены на званіе начальнаго учителя. Въ 1879 году разрѣшено воспитанниковъ учительскихъ семинарій,

прослужившихъ не менѣе шести лѣтъ, опредѣлять учительскими помощниками въ городскія училища С. Петербургскаго и Московскаго учебныхъ округовъ. Съ 1875 года при учительскихъ семинаріяхъ учреждаются приготовительные классы. Учителя этихъ классовъ сравниваются во всемъ съ наставниками семинарій, но что касается жалованія, то, смотря по средствамъ семинаріи, почаютъ отъ 650 рублей до 1,200 рублей. Такимъ образомъ открыты въ 1877 году приготовительный классъ при Казанской учительской семинаріи, въ 1880-мъ—при 2-ой Дерптской учительской семинаріи и проч.

Еврейскіе учительскіе институты. Существовавшія въ Вильнѣ и Житомірѣ еврейскія раввинскія училища преобразованы въ 1873 году въ еврейскіе учительскіе институты, имѣющіе цѣлію приготовленіе учителей для еврейскихъ начальныхъ училищъ. Институты эти суть закрытыя заведенія. Воспитывающіеся въ нихъ молодые люди получаютъ образованіе и воспитаніе, необходимое для того, чтобы доставить дѣтямъ евреевъ правильное элементарное образованіе и по возможности сообщить имъ прикладныя познанія, соотвѣтствующія нуждамъ мѣстнаго еврейскаго населенія. Училища эти состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителей округа и въ ближайшемъ завѣдываніи дирекціи или инспекціи народныхъ училищъ.

НАЧАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА. Со введеніемъ въ дѣйствіе устава гимназій и училищъ 1828 года, содержаніе уѣздныхъ училищъ, какъ мы видѣли, отнесено на счетъ правительства, вслѣдствіе чего они и получаютъ прочное матеріальное обезпеченіе; приходскія же училища какъ городскія, такъ и сельскія, остались на прежнемъ положеніи, и должны были попрежнему содержаться въ городахъ на счетъ городскихъ обществъ, въ казенныхъ селеніяхъ—на счетъ сельскихъ обществъ и въ помѣщичьихъ — на иждивеніи самихъ помѣщиковъ. Исключеніе дѣлалось лишь для немногихъ городовъ, которые по недостатку доходовъ, были лишены средствъ для заведенія училищъ на свой счетъ; въ такихъ городахъ на содержаніе училищъ выдавались средства отъ казны. Вообще же содержаніе приходскихъ училищъ въ городахъ, зависѣвшее также отъ общественныхъ приговоровъ, не шло успѣшно какъ по недостатку средствъ, такъ и по неимѣнію подготовленныхъ учителей. Что же касается сельскихъ училищъ, то они начинаютъ получать свое развитіе благодаря, главнымъ образомъ, участію Министерства

Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ. Такъ, въ 1830 году въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ возникаютъ волостныя училища, получившія съ 1842 года общее названіе приходскихъ училищъ, содержаніе ихъ отнесено на счетъ общественнаго сбора. Сельскія училища въ имѣніяхъ Удѣльнаго вѣдомства начали учреждаться съ 1832 года на счетъ удѣльныхъ имѣній. Курсъ ученія въ этихъ училищахъ былъ почти одинаковъ съ курсомъ приходскихъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія; кромѣ доставленія общаго образованія, они имѣли еще и спеціальную цѣль — приготовлять сельскихъ писарей, землемѣровъ, фельдшеровъ. Учителями въ нихъ состояли преимущественно сельскіе священники, діаконы, причетники, окончившіе курсъ семинаристы, а также учителя изъ крестьянъ. Надзоръ за училищами имѣло мѣстное начальство—управляющіе Палатою Государственныхъ Имуществъ и Удѣльными Конторами, Министерству же Народнаго Просвѣщенія предоставлено было только право осмотра сельскихъ училищъ Государственныхъ Имуществъ и право требовать свѣдѣнія о состояніи удѣльныхъ училищъ. Въ такомъ видѣ находились сельскія училища при введеніи положенія объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля 1861 года, когда къ существовавшимъ училищамъ при содѣйствіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ прибавляются еще новыя училища во многихъ селеніяхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; съ другой же стороны, увеличивается число сельскихъ приходскихъ школъ стараніями священно- и церковно - служителей безвозмездно. Такимъ образомъ, при изданіи положенія 19 февраля 1861 года, для повсемѣстнаго распространенія грамотности и первоначальнаго образованія между людьми всѣхъ состояній существовали въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи народныя школы, изъ которыхъ только городскія приходскія училища и весьма немногія школы, учрежденныя въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, находились въ ближайшемъ и непосредственномъ вѣдѣніи Министерства Народнаго просвѣщенія. Всѣ прочія элементарныя школы и заведенія учреждались разными вѣдомствами—Духовнымъ, Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ и другими, въ завѣдываніи которыхъ они и находились. Министерству Народнаго Просвѣщенія принадлежало только косвенное наблюденіе за учебною частью, къ тому же оно не имѣло достаточныхъ средствъ къ надлежащему и своевременному обозрѣнію этихъ школъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстностямъ, на значительномъ пространствѣ.

Отъ этого и самыя школы не только не представляли нигдѣ правильно организованныхъ училищъ, но были лишены даже необходимаго руководства ближайшаго начальства. Въ учебномъ отношеніи онѣ не имѣли никакого единства управленія, способнаго направить ихъ дѣйствія къ одной общей цѣли. При существующемъ ненормальномъ положеніи дѣла то учрежденіе, которое призвано стоять во главѣ народнаго образованія, лишено было требуемаго за училищами надзора. При этомъ, въ виду бывшаго крѣпостного населенія, число наличныхъ начальныхъ школъ оказывалось далеко недостаточнымъ. Для устраненія этихъ неудобствъ и недостатковъ въ организаціи низшихъ училищъ, по Высочайшему соизволенію отъ 18 іюля 1861 года, учрежденъ особый Комитетъ изъ членовъ со стороны Министерствъ, въ вѣдѣніи которыхъ имѣлись начальныя училища Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія, а также православнаго Духовнаго вѣдомства. Комитетъ дѣятельно взялся за разработку этого вопроса, и результатомъ его трудовъ явился „проектъ общаго плана народныхъ училищъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ того и одновременно былъ составленъ Ученымъ Комитетомъ Главнаго Правленія Училищъ „проектъ устава общеобразовательныхъ заведеній", въ который вошло также и устройство народныхъ училищъ. Такимъ образомъ, возникли два проекта устава народныхъ училищъ, и оба не представляли между собою существенныхъ различій, а расходились лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Основныя начала, положенныя въ этихъ проектахъ для будущаго устава, состояли въ слѣдующемъ: 1) народная школа по цѣли и по курсу есть учрежденіе общеобразовательное, необходимое для всѣхъ; 2) народныя школы должны быть устроены повсемѣстно; устройство школъ и содержаніе ихъ для городовъ и сельскихъ обществъ обязательно (проектъ общаго плана); безграмотность влечетъ за собою утрату или органиченіе нѣкоторыхъ правъ (проектъ устава); 3) при устройствѣ школъ необходимо принимать въ соображеніе дѣйствительныя потребности народа и мѣстныя условія; 4) между школой и обществомъ должна быть самая тѣсная и живая связь, взаимодѣйствіе. Органомъ этой связи должны служить училищные совѣты; 5) управленіе училищами должно быть сосредоточено въ спеціальномъ учрежденіи — въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія; 6) частное обученіе должно быть свободно и поощряемо возможными льготами и облегченіями; 7) отъ учи-

телей необходимо требовать специальной подготовки. Для приготовленія учителей должны быть устроены спеціальныя учительскія учебныя заведенія; 8) обученіе въ начальныхъ школахъ должно быть безплатное; 9) обученіе дѣвочекъ должно быть одинаково и совмѣстно съ обученіемъ мальчиковъ.

По всеподданнѣйшему докладу Государю Императору въ Совѣтѣ министровъ обоихъ проектовъ положенія о народныхъ школахъ, которые были составлены—одинъ особымъ Комитетомъ, другой—Ученымъ Комитетомъ Главнаго Правленія Училищъ, состоялось 18-го января 1862 года Высочайшее повелѣніе — проекты сіи разослать для разсмотрѣнія по всему учебному вѣдомству и разнымъ лицамъ, по выбору Министерства Народнаго Просвѣщенія, и сообщить ихъ въ переводѣ на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ. По разсылкѣ обоихъ проектовъ для обсужденія въ учрежденія и лицамъ, имѣющимъ отношеніе къ дѣлу народнаго образованія, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія было получено большое число замѣчаній и мнѣній; эти замѣчанія и мнѣнія о вопросахъ, касающихся народной школы, вошли въ составъ „Замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“, отпечатанныхъ въ шести объемистыхъ томахъ.

Положеніе о начальныхъ училищахъ 1864 года. Такимъ образомъ, на основаніи правительственныхъ воззрѣній, по возможности согласно съ заявленными мнѣніями и соотвѣтственно современнымъ требованіямъ, было выработано положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, удостоенное Высочайшаго утвержденія 14-го іюня 1864 года, при чемъ на расходы по сему дѣлу на 1865 годъ было ассигновано 100,000 рублей. Положеніе это должно было вводиться постепенно въ губерніяхъ, составляющихъ учебные округи: Московскій, С.-Петербургскій (кромѣ губерній Виленской и Могилевской), Казанскій, Харьковскій и Одесскій, а также въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской Кіевскаго Учебнаго округа. Что же касается шести западныхъ губерній, а также Кіевской, Волынской и Подольской, то онѣ подчиняются особеннымъ временнымъ правиламъ, а Дерптскій учебный округъ имѣетъ свое особое устройство. Положеніе 1864 года объединяетъ всѣ народныя училища разныхъ вѣдомствъ—Министерства Народнаго Просвѣщенія, Духовнаго, Министерства Государственныхъ Имуществъ, Удѣль-

наго и Горнаго, содержимыя на казенный счетъ или на счетъ общественныхъ суммъ, также учреждаемыя и содержимыя частными лицами, а равно какъ и всѣ воскресныя школы, общею для всѣхъ цѣлью, общимъ курсомъ, составомъ учителей и способомъ управленія училищами и надзоромъ за ними. Главною отличительною особенностью положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 14 іюня 1864 года являются тѣ статьи, которыми опредѣляется завѣдываніе народными училищами. Такъ, для завѣдыванія начальными народными училищами тѣхъ вышеозначенныхъ округовъ, для которыхъ имѣло силу это положеніе, учреждаются впервые въ каждомъ уѣздѣ—уѣздный, а въ каждой губерніи—губернскій училищные совѣты, состоящіе: а) уѣздый изъ членовъ отъ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, Духовнаго вѣдомства, двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и по одному отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя начальныя училища; въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть начальныя училища, содержимыя на счетъ городскихъ суммъ, въ училищномъ совѣтѣ находится членъ отъ городского общества; б) губернскій совѣтъ составляютъ епархіальный архіерей, какъ первенствующій членъ, начальникъ губерніи, директоръ училищъ и два члена отъ губернскаго земскаго собранія. Постановленія губернскаго училищнаго совѣта сообщаются, чрезъ директора училищъ, попечителю учебнаго округа для свѣдѣнія, а директоръ училищъ вноситъ въ совѣтъ сообщеніе попечителя. Существенною мѣрою для начальнаго образованія и особенно для наблюденія за народными училищами служитъ Высочайше утвержденное 26-го мая 1869 года учрежденіе должности инспектора народныхъ училищъ въ 33 губерніяхъ, на которыя распространено Высочайше утвержденное 1-го января 1864-го года положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а также и въ Бессарабской области; при этомъ съ должностью инспектора народныхъ училищъ соединяется званіе непремѣннаго члена мѣстнаго туберскаго училищнаго совѣта, которому инспекторъ обязанъ всѣми средствами содѣйствовать въ устроеніи и распространеніи народнаго образованія. Обязанности инспекторовъ народныхъ училищъ были подробно опредѣлены Высочайше утвержденною 29-го октября 1871-го года инструкціею. По силѣ инструкціи городскія приходскія училища, содержимыя на счетъ казны, а также сельскія одноклассныя и двуклассныя состоятъ подъ исключительнымъ наблюденіемъ инспекторовъ народныхъ училищъ; училища же, подчи-

ненныя дѣйствію положенія 14 іюля 1864 года, подлежатъ ихъ надзору совмѣстно съ губернскими и уѣздными совѣтами по принадлежности; инспектора, по мѣрѣ возможности, обозрѣваютъ училища во ввѣренной имъ мѣстности и о результатѣ своихъ осмотровъ ежегодно доносятъ попечителю учебнаго округа. Отчеты же по обозрѣнію училищъ, подлежащихъ дѣйствію положенія 14 іюля 1864 года, инспектора, сверхъ того, вносятъ на разсмотрѣніе губернскихъ училищныхъ совѣтовъ.

Но и при такой организаціи училищныхъ совѣтовъ и самыхъ училищъ на практикѣ оказалось, что управленіе начальными народными училищами не достигаетъ своей цѣли, и что надлежащаго надзора за ходомъ и направленіемъ преподаванія въ нихъ почти не существуетъ: губернскіе училищные совѣты, вовсе не зависящіе отъ попечителей округовъ, почти не собираются вслѣдствіе того, что лица, стоящія во главѣ училищнаго совѣта, при многочисленности своихъ обязанностей, не могли удѣлить достаточно времени на занятія въ училищныхъ совѣтахъ, а такое бездѣйствіе губернскихъ училищныхъ совѣтовъ невыгодно отражалось и на уѣздныхъ. Хотя учрежденіе должности инспекторовъ народныхъ училищъ и положило начало правительственнаго руководства начальными училищами и пробужденія дѣятельности въ губернскихъ училищныхъ совѣтахъ, и инспекторы эти принесли посильную пользу, но при ежегодно возрастающемъ числѣ народныхъ училищъ инспекторовъ оказывалось недостаточно,—въ иныхъ губерніяхъ инспектору предстояло осмотрѣть отъ 400 до 500 училищъ ежегодно, что оказывалось рѣшительно невозможнымъ. Такое положеніе дѣла, невыгодное для народнаго образованія, потребность въ которомъ постоянно разрасталась, побудило Министерство Народнаго Просвѣщенія изыскать средство, чтобы дать другое устройство губернскимъ училищнымъ совѣтамъ и подчинить ихъ непосредственно попечителямъ учебныхъ округовъ, съ допущеніемъ должнаго вліянія на дѣла со стороны земства и обществъ, дающихъ содержаніе на училища, и пригласивъ въ ихъ составъ представителей духовенства; а такъ какъ число инспекторовъ народныхъ училищъ по одному въ каждой губерніи оказывалось крайне недостаточнымъ, то приходилось устранить и этотъ недостатокъ. Тѣмъ рѣзче выступали эти недостатки, что въ народныхъ начальныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа, администрація которыхъ была организована на основахъ временныхъ правилъ 23 марта 1853 года,

не было этихъ недостатковъ, и училища округа находились въ удовлетворительномъ состоянiи. Такое успѣшное развитiе народнаго образованiя въ Виленскомъ учебномъ округѣ обусловливалось постояннымъ и правильнымъ контролемъ за учебною частью, со стороны спецiалистовъ, назначенныхъ округомъ. Именно для контроля за училищами и вообще для руководства за дѣломъ народнаго образованiя въ Виленскомъ округѣ существуютъ особыя шесть дирекцiй народныхъ училищъ, по одной въ каждой губернiи. На помощь директорамъ народныхъ училищъ даны инспектора народныхъ училищъ, которыхъ въ 6 губернiяхъ было 24. Каждая дирекцiя народныхъ училищъ имѣетъ при себѣ училищный совѣтъ, состоящiй подъ предсѣдательствомъ директора и инспекторовъ народныхъ училищъ, членовъ отъ духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданiя и другихъ вѣдомствъ, содержащихъ училища. Это указало Министерству, что примѣненiе, по возможности и при участiи земства, той же системы управленiя и къ народнымъ училищамъ внутреннихъ губернiй имперiи принесло бы въ скоромъ времени несомнѣнную пользу дѣлу развитiя у насъ народнаго образованiя. Къ тому же, по дѣйствовавшимъ законоположенiямъ, всѣ уѣздныя училища и казенныя еврейскiя, а также и частныя учебныя заведенiя и лица, занимающiяся домашнимъ обученiемъ, были подчинены губернскому директору училищъ, состоявшему въ то же время директоромъ гимназiи. Между тѣмъ, по Высочайше утвержденному 30 iюля 1875 года уставу о гимназiяхъ и прогимназiяхъ, обязанности директора значительно усложнились, почему онъ и былъ лишенъ возможности равно успѣшно слѣдить и за ввѣренной ему гимназiей и за обязанностями по поименованнымъ училищамъ. Вслѣдствiе же послѣдовававшаго Высочайшаго рескрипта 1873 г. декабря 25 на имя министра народнаго просвѣщенiя, которымъ на дворянство имперiи возлагается обязанность наблюденiя за начальными народными училищами, съ тѣмъ, чтобы мѣстные предводители дворянства въ званiи попечителя таковыхъ училищъ способствовали ближайшимъ своимъ участiемъ къ обезпеченiю нравственнаго направленiя этихъ школъ, а также ихъ благоустройству и ихъ размноженiю, и чтобы права предводителей дворянства въ этомъ отношенiи были опредѣлены особыми постановленiями, оказалось необходимымъ измѣнить положенiе 14-го iюля 1864 г. По мнѣнiю министра народнаго просвѣщенiя измѣненiя должны были касаться слѣдующихъ сторонъ. Во-первыхъ, предоставленiе Ми-

нистерству Народнаго Просвѣщенія той доли участія въ управленіи народными училищами и въ направленіи ихъ, которая сему Министерству подобаетъ, съ каковою цѣлью долженъ быть измѣненъ составъ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, преимущественно относительно лицъ, предсѣдательствующихъ въ совѣтахъ, и порядка назначенія членовъ въ сіи совѣты, равно какъ и порядка подчиненія губернскихъ совѣтовъ вѣдѣнію Министерства и передачи всей учебной части въ народныхъ училищахъ завѣдыванію директоровъ и инспекторовъ сихъ училищъ, съ каковою цѣлью должны быть учреждены должности директоровъ начальныхъ училищъ и увеличено число инспекторовъ. Во-вторыхъ, введеніе представителей дворянскаго сословія въ составъ училищныхъ совѣтовъ, съ предоставленіемъ имъ въ оныхъ преобладающаго значенія въ качествѣ предсѣдателей сихъ совѣтовъ. Въ третьихъ, для сохраненія за духовенствомъ права и обязанности наблюденія за религіознымъ обученіемъ въ начальныхъ училищахъ и для обезпеченія преподаванія въ духѣ религіи, эти обязанности возложить на епархіальныхъ архіересвъ, въ отношеніи къ ихъ епархіямъ, и на мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, въ отношеніи къ училищамъ, находящимся въ ихъ приходахъ. Право общаго наблюденія за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи сохраняется за начальникомъ губерніи съ предоставленіемъ ему, какъ и преосвященнымъ — сообщать свои замѣчанія и соображенія по сему предмету министру народнаго просвѣщенія.

На основаніи такихъ соображеній Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и были сдѣланы соотвѣтствующія измѣненія въ положеніи 1864 года; составленный новый проектъ положенія о начальныхъ училищахъ, по разсмотрѣніи его въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія 25 мая 1874 г., и затѣмъ приведенъ въ дѣйствіе во всѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Одновременно съ этимъ Высочайше утверждено переименованіе существующей должности инспекторовъ народныхъ училищъ въ 34 губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, въ должности директоровъ начальныхъ училищъ, при чемъ каждому изъ нихъ назначено по два помощника съ званіемъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упразднено званіе губернскихъ директоровъ училищъ какъ въ 34 губерніяхъ, на которыя распространено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа, а также и

двухъ особыхъ—въ С.-Петербургѣ и Москвѣ (1865 г.); находившіяся въ ихъ завѣдываніи городскія и уѣздныя училища, женскія гимназіи, казенныя еврейскія и всѣ частныя заведенія, мужскія и женскія, а также и лица, занимающіяся частнымъ и домашнимъ обученіемъ, по упраздненіи званія губернскаго директора училищъ, подчиняются директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, а въ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа—мѣстнымъ дирекціямъ народныхъ училищъ.

Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, Высочайше утвержденное 25 мая 1874 года. Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года, какъ мы видѣли, требовало значительныхъ измѣненій и дополненій, особенно же въ отдѣлѣ о завѣдываніи начальными народными училищами. Положеніе 1874 г., устраняя недостатки прежняго положенія, опредѣлило значеніе наблюденій надъ народными училищами епархіальнаго начальства, губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, директоровъ и инспекторовъ начальныхъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнивъ соотвѣтственно требованіямъ прочія статьи, положеніе 1874 года всесторонне и опредѣленно обнимаетъ учебно-воспитательную жизнь всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ, какъ-то: ихъ цѣль, различные ихъ виды, участіе въ нихъ (ст. 1—18) и завѣдываніе начальными народными училищами. Главнѣйшія статьи положенія слѣдующія.

Ст. 1. Начальныя народныя училища имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія.

2. Къ начальнымъ народнымъ училищамъ относятся:

1) Вѣдомства Духовнаго: церковно-приходскія училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ въ городахъ, посадахъ и селахъ, съ пособіемъ и безъ пособія казны, мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ.

2) Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія: а) приходскія училища въ городахъ, посадахъ и селахъ, содержимыя на счетъ мѣстныхъ обществъ и частью на счетъ казны и пожертвованій частныхъ лицъ, и б) народныя училища, учреждаемыя и содержимыя частными лицами разнаго званія.

3) Другихъ вѣдомствъ сельскія училища разныхъ наименованій, содержимыя на счетъ общественныхъ суммъ.

4) Всѣ вообще воскресныя школы, учреждаемыя какъ правительствомъ, такъ и обществами городскими и сельскими и частными лицами, для образованія лицъ ремесленнаго и рабочаго сословій обоего пола, не имѣющихъ возможности пользоваться ученіемъ ежедневно.

3. Предметами учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ служатъ:

а) законъ Божій (краткій катехизисъ и священная исторія); б) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первыя четыре дѣйствія ариѳметики и д) церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно.

4. Въ начальныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе совершается на русскомъ языкѣ.

5. Въ начальныхъ народныхъ училищахъ употребляются учебныя руководства, одобренныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности.

6. Въ училища могутъ быть принимаемы дѣти всѣхъ состояній, безъ различія вѣроисповѣданій.

7. Тамъ, гдѣ не представляется возможности имѣть отдѣльныя мужскія и женскія училища, дѣти обоего пола могутъ обучаться въ одномъ и томъ же училищѣ, но съ тѣмъ, чтобы въ такихъ смѣшанныхъ училищахъ дѣвочки были не старше 12-ти лѣтъ. Воскресныя же школы учреждаются исключительно для учащихся одного пола.

10. Начальныя народныя училища утверждаются земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и съ согласія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта, о чемъ и доводится до свѣдѣнія сего совѣта.

13. Земству, а также городскимъ и сельскимъ обществамъ, учреждающимъ и содержащимъ начальныя народныя училища, предоставляется, для ближайшаго завѣдыванія оными, избирать особыхъ попечителей и попечительницъ. Учредители же частныхъ и воскресныхъ школъ сами состоятъ ихъ распорядителями...

16. Законъ Божій можетъ быть преподаваемъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ или приходскимъ священникомъ, или особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по предъявленію инспектора народныхъ училищъ.

17. Высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ принадлежитъ мѣстному епархіальному архіерею...

18. Прочимъ предметамъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ могутъ обучать, съ дозволенія инспектора сихъ училищъ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица; о тѣхъ и другихъ инспекторъ народныхъ училищъ сообщаетъ уѣздному училищному совѣту, коимъ лица эти и утверждаются въ должностяхъ, по прошествіи учебнаго года, на который они были допущены къ исправленію учительскихъ обязанностей...

Завѣдываніе начальными народными училищами. Ст. 19. Попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о подлежащемъ нравственномъ направленіи онаго возлагается: въ каждомъ уѣздѣ—на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, а въ цѣлой губерніи—на губернскаго предводителя дворянства и губернскій училищный совѣтъ.

20. Завѣдываніе учебною частью всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи ввѣряется директору народныхъ училищъ и инспекторамъ сихъ училищъ, какъ непосредственно ему подчиненнымъ помощникамъ, которые назначаются въ каждой губерніи въ томъ числѣ, какое будетъ опредѣлено Ми-

нистерствомъ Народнаго Просвѣщенія, соразмѣрно съ пространствомъ и населенностью оной и съ числомъ имѣющихся въ ней училищъ.

22. Директоръ народныхъ училищъ слѣдитъ за ходомъ учебной части въ начальныхъ народныхъ училищахъ... управляетъ дѣлами губернскаго училищнаго совѣта...

23. Директоръ народныхъ училищъ предварительно разсматриваетъ поступающіе въ губернскій училищный совѣтъ отчеты уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и вноситъ свои по нимъ заключенія, вмѣстѣ съ общимъ очеркомъ состоянія народныхъ училищъ губерніи, на разсмотрѣніе губернскаго училищнаго совѣта.

26. На обязанности инспектора народныхъ училищъ лежитъ завѣдываніе дѣлопроизводствомъ уѣзднаго училищнаго совѣта и составленіе годичнаго отчета, по каждому изъ ввѣренныхъ ему уѣздовъ, о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ города и уѣзда.

27. Училищные совѣты, находясь въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, состоятъ:

а) Уѣздный, подъ предсѣдательствомъ уѣздаго предводителя дворянства, изъ инспектора народныхъ училищъ, членовъ: по одному отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по назначенію попечителя учебнаго округа, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по назначенію губернатора, и отъ епархіальнаго вѣдомства, по назначенію архіерея; двухъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и одного отъ городского общества, если оно жертвуетъ на школы, по выбору сего общества.

б) Губернскій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства—изъ директора народныхъ училищъ, членовъ: отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по назначенію попечителя округа, одного отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по назначенію губернатора, одного отъ Епархіальнаго вѣдомства, по назначенію архіерея, и двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія.

28. Члены земства избираются въ уѣздные и губернскіе училищные совѣты уѣздными и губернскими земскими собраніями, по принадлежности...

29. Уѣздный училищный совѣтъ имѣетъ слѣдующія обязанности: 1) Изысканіе и обсужденіе способовъ для открытія новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ, согласно съ дѣйствительно обнаружившеюся въ нихъ потребностью, и для улучшенія состоянія уже существующихъ училищъ. 2) Снабженіе училищъ, по мѣрѣ средствъ, учебными пособіями и руководствами, одобренными Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности. 3) Окончательное утвержденіе въ должностяхъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ, допущенныхъ къ исполненію сихъ обязанностей инспекторомъ народныхъ училищъ, и разсмотрѣніе жалобъ на недопущеніе къ исполненію учительскихъ обязанностей, согласно ст. 18. 4) Представленіе губернскому училищному совѣту объ утвержденіи попечителей и попечительницъ училищъ, а также распорядителей и распорядительницъ частныхъ и воскресныхъ школъ въ ихъ званіяхъ, и объ увольненіи сихъ лицъ, согласно ст. 13. 5) Представленіе губернскому училищному совѣту о тѣхъ училищахъ, учителяхъ и учительницахъ, которые заслуживаютъ поощренія. 6) Упраздненіе училищъ, признанныхъ вредными. 7) Увольненіе отъ

должностей учителей и учительницъ, признанныхъ неблагонадежными. 8) Разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе составляемаго ежегодно инспекторомъ народныхъ училищъ отчета (ст. 26), при чемъ обсуждается и общее состояніе и направленіе начальнаго народнаго образованія въ уѣздѣ, для представленія упомянутаго отчета губернскому училищному совѣту.

32. Губернскій училищный совѣтъ имѣетъ предметами занятій: 1) Высшее попеченіе о начальныхъ народныхъ училищахъ губерніи. 2) Разсмотрѣніе заключеній директора народныхъ училищъ по отчетамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и сообщеніе оныхъ, черезъ директора съ своими замѣчаніями попечителю учебнаго округа. 3) Разрѣшеніе представленій уѣздныхъ совѣтовъ. 4) Назначеніе пособій училищамъ, учителямъ и учительницамъ изъ суммы, предоставленной въ распоряженіе совѣта Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. 5) Разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія уѣздныхъ совѣтовъ и ихъ предсѣдателей. 6) Разсмотрѣніе и разрѣшеніе дѣлъ, переносимыхъ, согласно ст. 25 и 30, предсѣдателями уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ въ губернскій училищный совѣтъ.

38. Предводители дворянства, сверхъ обязанностей своихъ въ качествѣ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, посѣщаютъ, по мѣрѣ возможности, по общему званію попечителей народныхъ училищъ, начальныя училища своихъ уѣздовъ, вникая во всѣ ихъ нужды и изыскивая всѣ мѣстные способы къ ихъ удовлетворенію.

39. Предводители дворянства всѣми зависящими отъ нихъ способами содѣйствуютъ поддержанію существующихъ начальныхъ училищъ и открытію новыхъ, равно какъ и правильному посѣщенію оныхъ учащимися.

42. По всѣмъ, заслуживающимъ особаго вниманія дѣламъ начальныхъ народныхъ училищъ, предводители дворянства могутъ входить въ сношенія съ попечителемъ учебнаго округа; въ случаяхъ же особой важности—и непосредственно съ министромъ народнаго просвѣщенія.

43. Губернатору принадлежитъ общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи...

Изъ приложенныхъ статей положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ слѣдуетъ, что училища эти, зависѣвшія прежде отъ различныхъ вѣдомствъ, подчинены теперь одному высшему центральному управленію—Министерству Народнаго Просвѣщенія, принявшему на себя высшія заботы объ ихъ успѣшномъ развитіи и установившему правильный контроль для наблюденія за устройствомъ и ходомъ ихъ учебно-воспитательнаго дѣла. Согласно положенію, начальныя народныя училища суть воспитательно-учебныя открытыя заведенія для дѣтей обоего пола, всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій. Главная цѣль этихъ училищъ—утверждать въ въ народѣ религіозно-нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія.

Слѣдовательно, главное и первое мѣсто въ воспитательной дѣ-

ятельности школы составляетъ утвержденіе религіозно-нравственныхъ понятій, которыя должны быть настолько прочно и незыблемо усвоены учащимися, чтобы эти понятія навсегда оставались въ нихъ твердыми и непоколебимыми на всю ихъ жизнь: православіе и народность, выражающаяся преданностью Царю и Отечеству, любовію къ своей родинѣ и ко всему своему, родному, должны быть основами нашихъ училищъ, какими они были для всѣхъ русскихъ начальныхъ школъ, начиная со времени Владимира Святого; вмѣстѣ съ тѣмъ начальныя училища должны дѣйствовать и на умственную жизнь учениковъ: училище должно сообщать имъ тѣ знанія, которыя могутъ быть усвоены въ дѣтскомъ возрастѣ—первоначальныя, и притомъ не отвлеченныя или теоретическія, но полезныя для всякаго человѣка, какъ разумнаго творенія Божія, и необходимыя въ жизни каждаго. Эти первоначальныя полезныя знанія опредѣляются предметами учебнаго курса, указанными въ ст. 3 положенія: законъ Божій, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе. Хотя въ положеніи относительно церковнаго пѣнія прибавлено, что оно вводится въ тѣхъ училищахъ, „гдѣ преподаваніе его будетъ возможно“, но при этомъ имѣлся тогда въ виду недостатокъ въ хорошо приготовленныхъ учителяхъ; но уже вскорѣ пѣніе было введено повсемѣстно, а также и гимнастика и, гдѣ возможно, ремесла, мастерства и рукодѣлія. Всѣ послѣдующія статьи положенія съ опредѣленною ясностію и полнотою устанавливаютъ какъ учебно-воспитательный строй училищъ, такъ и дѣятельность училищной администраціи, призванной стать во главѣ управленія и руководства начальными училищами для лучшаго достиженія предназначенной имъ цѣли. Насколько важно дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности—это видно и изъ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго на имя министра народнаго просвѣщенія 25 декабря 1873 года, въ которомъ всемилостивѣйше выражено:

„Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу принадлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Мое дворян-

ство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ Мое довѣріе, Я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію".

Во исполненіе этихъ священныхъ словъ, всѣ статьи положенія носятъ на себѣ отпечатокъ высокой заботливости съ цѣлью огражденія училищъ отъ всего, что можетъ повліять въ ущербъ ихъ правильному развитію, ихъ процвѣтанію и утвержденію въ нихъ духа религіи и нравственности. Высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ обученіемъ возлагается на мѣстнаго епархіальнаго архіерея, который или самъ обозрѣваетъ училища, или поручаетъ это особо назначаемымъ имъ для этого духовнымъ лицамъ и, если признаетъ нужнымъ, сообщаетъ по этому предмету замѣчанія и соображенія непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Архіерею же принадлежитъ назначеніе членовъ отъ Епархіальнаго вѣдомства въ уѣздные и губернскіе училищные совѣты. Высшее завѣдываніе начальными училищами и попеченіе объ обезпеченіи нравственнаго направленія въ нихъ, а также объ ихъ благоустройствѣ и размноженіи возлагаются въ каждомъ уѣздѣ на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ (ст. 27 а, ст. 29), а въ цѣлой губерніи на губернскаго предводителя дворянства и губернскій училищный совѣтъ (ст. 27 б. ст. 32); общее же наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи принадлежитъ губернатору, какъ представителю высшей въ губерніи административной власти. Предводители дворянства, сверхъ обязанностей своихъ въ качествѣ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, посѣщаютъ по мѣрѣ возможности, по общему званію попечителей народныхъ училищъ, начальныя училища своихъ уѣздовъ, вникая во всѣ ихъ нужды и изыскивая всѣ мѣстные способы къ ихъ удовлетворенію. На нихъ же возлагается всѣми зависящими отъ нихъ способами содѣйствовать поддержанію существующихъ на-

чальныхъ училищъ и открытію новыхъ, равно какъ и правильному посѣщенію ихъ учащимися. При посѣщеніи начальныхъ училищъ, предводители дворянства удостовѣряются въ нравственныхъ качествахъ преподавателей и въ полезномъ вліяніи ихъ на учащихся. По ходатайству уѣздныхъ предводителей дворянства, предоставляется губернскому училищному совѣту избирать въ помощь имъ тѣхъ изъ указанныхъ ими самими мѣстныхъ жителей, которые заявили свое сочувствіе къ народному образованію учрежденіемъ какого-либо народнаго училища, или содѣйствіемъ къ поддержанію и улучшенію его денежными взносами, или личною о нихъ заботливостью, и которые, по своимъ нравственнымъ качествамъ, представляютъ достаточное ручательство въ томъ, что употребятъ оказываемое имъ довѣріе на пользу преуспѣянія въ ихъ мѣстности начальнаго народнаго образованія и для поддержанія его въ добромъ направленіи. По всѣмъ, заслуживающимъ особаго вниманія дѣламъ начальныхъ народныхъ училищъ, предводители дворянства могутъ входить въ сношенія съ попечителемъ округа; въ случаяхъ же особой важности—и непосредственно съ министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 19, 38 — 43). Начальныя народныя училища учреждаются земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и согласія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта; точно такъ же, въ случаѣ безпорядка и вреднаго въ нихъ направленія ученія, они закрываются временно, по соглашенію предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта съ инспекторомъ народныхъ училищъ. Предсѣдатель уѣзднаго училищнаго совѣта, равно какъ и инспекторъ народныхъ училищъ могутъ устранять неблагонадежныхъ преподавателей (ст. 24). Ближайшими начальниками начальныхъ народныхъ училищъ состоятъ директоръ народныхъ училищъ и инспектора этихъ училищъ, какъ непосредственно ему подчиненные помощники. Директоръ народныхъ училищъ избирается попечителемъ учебнаго округа изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, а инспектора народныхъ училищъ избираются изъ лицъ, извѣстныхъ педагогическою опытностью, и утверждаются въ должности попечителемъ округа. Состоя постоянными членами училищныхъ совѣтовъ, директора народныхъ училищъ — губернскаго, а инспекторъ народныхъ училищъ — уѣзднаго, кромѣ обсужденія рѣшенія и приведенія въ исполненіе дѣлъ, подлежащихъ училищ-

нымъ совѣтамъ, завѣдываютъ учебною частью всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ, при чемъ, своими замѣчаніями относительно способовъ и пріемовъ преподаванія всѣхъ безъ исключенія предметовъ, содѣйствуютъ возможно лучшему усвоенію ихъ учащимися. Члены училищныхъ совѣтовъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣляются по назначенію попечителя учебнаго округа, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по назначенію губернатора, члены отъ земства избираются земскими собраніями и отъ городского общества, если оно жертвуетъ на школы, по выбору сего общества. Попечители и попечительницы начальныхъ народныхъ училищъ, а равно и распорядители и распорядительницы частныхъ и воскресныхъ школъ, входятъ по ввѣреннымъ имъ учебнымъ заведеніямъ въ соглашенія съ инспекторомъ народныхъ училищъ и вполнѣ отвѣтствуютъ за порядки въ этихъ заведеніяхъ.

Законоучитель и учитель начальнаго училища уже по своимъ обязанностямъ непосредственно дѣйствуютъ на развитіе, поддержаніе и упроченіе религіозно-нравственнаго чувства въ ученикахъ ввѣреннаго имъ училища. Такъ какъ законъ Божій преподается въ начальныхъ народныхъ училищахъ или приходскимъ священникомъ, или особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по предъявленію инспектора народныхъ училищъ, то естественно, что на законоучителѣ лежитъ по преимуществу обязанность развивать въ ученикахъ и утверждать въ нихъ религіозно-нравственное чувство. Прочимъ предметамъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ могутъ обучать, съ дозволенія инспекторовъ этихъ училищъ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица; о тѣхъ и другихъ инспекторъ народныхъ училищъ сообщаетъ уѣздному училищному совѣту, которымъ лица эти и утверждаются въ должностяхъ, по прошествіи учебнаго года, на который они были допущены къ исправленію учительскихъ обязанностей, и по представленію и удостовѣренію инспектора народныхъ училищъ въ способности ихъ къ педагогической дѣятельности. Лица, заявившія уже себя опытными и благонадежными преподавателями и извѣстныя училищному совѣту, могутъ быть утверждаемы совѣтомъ въ должности учителей и безъ упомянутаго годичнаго испытанія (ст. 16, 18). Для занятія должности преподавателя въ начальныхъ училищахъ, необходимо имѣть званіе учителя или учительницы начальнаго народнаго училища, пріобрѣтаемое или посредствомъ особыхъ испытаній, или окончаніемъ курса въ заведеніяхъ, предо-

ставляющихъ такое званіе. Почему только лица, имѣющія это званіе, могутъ быть допускаемы къ исполненію учительскихъ обязанностей и затѣмъ утверждаемы въ должностяхъ. Въ случаяхъ недостатка такихъ лицъ, могутъ быть допускаемы временно и лица, не имѣющія означеннаго званія, но извѣстныя способностью преподаванія, съ тѣмъ, чтобы, при первой возможности, они были замѣняемы лицами, пріобрѣтшими это званіе. Тѣ изъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій, которые хотя при окончаніи курса не будутъ удостоены званія учителя, но, по признанію семинарій, могутъ быть допускаемы временно къ исполненію учительскихъ обязанностей, могутъ быть назначаемы на учительскія мѣста, съ условіемъ черезъ годъ или два выдержать экзаменъ на званіе учителя. Слѣдовательно, учитель начальнаго училища, получившій самъ религіозно - нравственное воспитаніе, находящійся постоянно въ училищѣ, въ средѣ учениковъ, имѣетъ столько случаевъ изучить нравственныя ихъ качества и дѣйствовать на ихъ правильное развитіе, что, съ своей стороны, и онъ долженъ оказывать въ этомъ отношеніи свое существенное содѣйствіе. Въ виду этого учитель не долженъ ограничиваться однѣми обязанностями, какъ учителя учебныхъ предметовъ школы, только научить читать, писать, считать и проч., но онъ обязанъ смотрѣть на себя и какъ на воспитателя врученныхъ ему дѣтей. Въ своей учительской дѣятельности, равно какъ и въ своей домашней жизни, онъ долженъ всегда держать себя и дѣйствовать, какъ истинно православный русскій учитель: относясь съ сыновнимъ благоговѣніемъ къ Церкви и ко всѣмъ ея постановленіямъ, беззавѣтно преданный своему Царю и Отечеству, съ добросовѣстностью выполняющій свои служебныя обязанности, онъ служитъ примѣромъ и для своихъ учениковъ, и для всего населенія. Какъ знакомый съ требованіями педагогики и методикою учебныхъ предметовъ начальнаго училища, онъ примѣняетъ ихъ на урокахъ съ цѣлью достигнуть лучшихъ результатовъ и принести наивозможно большую пользу для учениковъ школы. Вполнѣ преданный своему учительскому дѣлу, имѣя цѣлью своей службы посвятить школѣ всѣ свои силы и способности, онъ такъ устанавливаетъ всѣ свои отношенія къ ученикамъ, чтобы сердечныя чувства любви къ ученикамъ, вмѣстѣ съ полнымъ къ нему уваженіемъ и признаніемъ его авторитетности, проникали бы собою всю его дѣятельность какъ на урокахъ въ классѣ, такъ и во внѣклассное время.

Послѣдующія законоположенія о начальныхъ училищахъ. Не упоминая о всѣхъ законоположеніяхъ, установленныхъ послѣ введенія положенія о начальныхъ училищахъ, укажемъ на слѣдующія главнѣйшія. Въ 1862 году управленіе учебными заведеніями С.-Петербургской дирекціи, а также наблюденіе за домашними наставниками, учителями и учительницами въ губерніи, поручается особому директору училищъ С.-Петербургской губерніи, съ правами, предоставленными званію губернскаго директора. До 1863 года управленіе учебными заведеніями Московской губерніи было раздѣлено между директорами 1-й и 3-й Московскихъ гимназій; для сосредоточенія же управленія въ одномъ лицѣ, вслѣдствіе чрезвычайнаго умноженія состава 1-й гимназіи, доходящаго до 600 учениковъ, при 16 классахъ, управленіе казенными и частными учебными заведеніями какъ въ губерніи, такъ и въ столицѣ, за исключеніемъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи особыхъ инспекторовъ, поручается особому директору Московской губерніи, директоръ же 1-ой гимназіи освобождается отъ управленія училищами въ губерніи, а директоръ 3-й гимназіи отъ завѣдыванія уѣздными и начальными училищами столицы. Въ 1875 году учреждены должности инспекторовъ народныхъ училищъ съ содержаніемъ отъ земства. Въ 1875 году предоставлено званіе учителя начальнаго народнаго училища лицамъ, окончившимъ курсъ высшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, безъ особаго испытанія, а на основаніи однихъ аттестатовъ или свидѣтельствъ объ окончаніи ими курса, лишь съ дачею ими пробнаго урока. Въ 1876 году разрѣшено преподаваніе закона Божія въ начальныхъ школахъ мѣстностей, не имѣющихъ священниковъ (какъ то допускается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Архангельской, Псковской, Новгородской, Олонецкой и Вологодской губерній), лицамъ, хотя и не получившимъ богословскаго образованія, но одобреннымъ епархіальнымъ начальствомъ. Въ 1875 году, сверхъ существующихъ инспекторовъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе разобщенности школъ, при большемъ протяженіи уѣздовъ и вслѣдствіе этого затрудненій для частаго ихъ посѣщенія, опредѣлено назначить еще 74 инспектора народныхъ училищъ. Въ 1875 же году распространены на Уфимскую губернію Высочайше утвержденныя мнѣнія 25 мая 1874 года о преобразованіи управленія народными училищами съ положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ, съ назна-

ченіемъ въ эту губернію одного директора и двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ, съ подчиненіемъ этимъ лицамъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи Уфимскаго директора училищъ, а также частныхъ учебныхъ заведеній и лицъ, занимающихся домашнимъ и частнымъ обученіемъ. Такъ какъ въ Астраханской губерніи еще не были введены земскія учрежденія и управленіе производилось по уставу 1828 года, чрезъ мѣстнаго директора училищъ, состоявшаго и директоромъ гимназіи, и штатныхъ смотрителей, то въ Астраханской губерніи въ 1876 году была учреждена должность инспектора народныхъ училищъ. То же было постановлено и для Архангельской губерніи въ 1875 году. Въ 1876 году въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ учреждаются особые училищные совѣты для завѣдыванія начальными училищами въ этихъ городахъ, на правахъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы.

Въ 1877 г. а) преобразовано управленіе низшими учебными заведеніями въ области войска Донского, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія отъ 25 мая 1874 года о начальныхъ училищахъ, б) учреждены въ области одинъ областной и семь окружныхъ училищныхъ совѣтовъ, учреждены должности одного директора и двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ 1874 г. ассигновано 200,000 рублей на расходы по народному образованію.

Низшія училища Якутской области подчинены инспектору Якутской прогимназіи въ 1870 году. Въ 1867 году при Казанскомъ учебномъ округѣ учреждена должность инспектора чувашскихъ школъ. Въ 1873 году православныя сельскія училища прибалтійскихъ губерній въ учебномъ отношеніи подчиняются вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія. При Дерптскомъ учебномъ округѣ учреждаются должности инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ 1879 году учреждается должность инспектора народныхъ училищъ въ Семирѣченской области и въ томъ же году въ Тургайской области. Въ 1877 году въ Туркестанскомъ краѣ учреждена должность инспектора народныхъ училищъ. Въ 1878 году та же должность учреждена въ Ферганской области. Въ 1880 году— та же должность—для возсоединенной части Бессарабіи. Въ 1879 г. низшія училища Якутской области подчиняются директору Якутской прогимназіи. Въ 1878 году послѣдовало назначеніе инспектора народныхъ училищъ во внутреннюю Киргизскую орду (Оренбургскаго учебнаго округа).

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА И ГОРОДСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ. Однимъ изъ выдающихся отличительныхъ признаковъ описываемой эпохи является участіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія. Благодаря этому участію, число начальныхъ сельскихъ училищъ стало быстро распространяться, училища получаютъ правильное внѣшнее устройство, равномѣрно распредѣляются по тѣмъ пунктамъ, гдѣ чувствуется въ нихъ потребность, и соотвѣтственно обезпечиваются въ матеріальномъ отношеніи; своими же мѣропріятіями о поднятіи образованія въ средѣ лицъ, предназначающихъ себя для учительской дѣятельности, выразившимися въ устройствѣ учительскихъ школъ, въ устройствѣ учительскихъ съѣздовъ и педагогическихъ курсовъ, земство значительно содѣйствовало увеличенію числа педагогически подготовленныхъ учителей.

Положеніемъ о губернскихъ уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, Высочайше утвержденныхъ 1-го января 1864 года, между другими обязанностями, на земскія учрежденія въ губерніи или уѣздѣ возлагается и участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ установленныхъ; положеніями же о народныхъ училищахъ какъ 1864, такъ и 1874 г.г., опредѣляется участіе земства въ завѣдываніи учреждаемыми имъ начальными училищами. Такъ, начальныя народныя училища учреждаются земствомъ съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и съ согласія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта. Назначеніе содержанія и порядокъ отчетности въ денежныхъ суммахъ по начальнымъ народнымъ училищамъ устанавливаются земствомъ. Земству предоставляется для ближайшаго завѣдыванія учрежденіями и содержимыми имъ начальными училищами избраніе особыхъ попечителей и попечительницъ. Въ составъ уѣзднаго училищнаго совѣта назначаются два члена отъ уѣзднаго земскаго собранія, а въ составъ губернскаго училищнаго совѣта два члена отъ губернскаго земскаго собранія. Избранные отъ земства члены, участвуя вмѣстѣ съ другими членами въ дѣлахъ совѣта, обязываются представлять земскимъ собраніямъ ежегодно свѣдѣнія о состояніи въ уѣздѣ или губерніи народныхъ училищъ, въ содержаніи которыхъ участвуетъ земство.

Въ началѣ этой эпохи, при открытіи земскихъ учрежденій, школы для начальнаго образованія, какъ мы видѣли, были весьма

немногочисленны и учреждались разными вѣдомствами — Министерства Народнаго Просвѣщенія, Министерства Государственныхъ Имуществъ, Удѣльнымъ и Духовнымъ вѣдомствами и частными лицами. Учительскій персоналъ въ тогдашнихъ школахъ состоялъ изъ разнообразнаго состава и преимущественно изъ приходскихъ священниковъ, въ домахъ которыхъ обыкновенно и помѣщались самыя школы; помощниками у учителей-священниковъ состояли члены причта—дьяконы, дьячки, пономари; предметы проходились слѣдующіе: законъ Божій, чтеніе церковной и гражданской печати, письмо и первыя четыре дѣйствія ариѳметики. Когда положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. на земство, въ числѣ другихъ обязанностей, было возложено попеченіе о народномъ образованіи, послѣднее получаетъ для себя дѣятельнаго участника со стороны земства; но въ этомъ новомъ для себя дѣлѣ, какъ по его новизнѣ, такъ и неподготовленности къ нему земскихъ дѣятелей, частью же по недостатку средствъ, земство шло сначало медленно, и въ первый періодъ дѣятельность его въ этомъ отношеніи была весьма слабая. Первое время участіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія состояло въ обсужденіи теоретическихъ вопросовъ о постановкѣ дѣла народнаго образованія, какъ-то: объ обязательности образованія, о даровомъ обученіи, о профессіональномъ образованіи, о средствахъ для матеріальнаго обезпеченія школъ и пр.; реальнаго же проявленія открытія училищъ было очень немного. Болѣе дѣятельное участіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія началось съ 1868 года, послѣ того, какъ въ 1867 году 11 февраля состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о прекращеніи специальнаго училищнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, и когда школы вѣдомства Государственныхъ Имуществъ передавались въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій и училищныхъ совѣтовъ. Для поддержанія существованія переданныхъ въ земство училищъ, а также для учрежденія новыхъ, земство занимается разработкой вопроса о средствахъ и устанавливаетъ основанія для участія губернскихъ и уѣздныхъ земствъ и ихъ обязанностей по народному образованію. Губернскія земства, помимо устройства и содержанія нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній, взяли на себя преимущественную заботу о спеціально педагогической подготовкѣ учителей, объ устройствѣ ремесленныхъ школъ, выдачѣ субсидій или ссудъ уѣзднымъ земствамъ или чрезъ послѣднія сельскимъ обществамъ на устройство и ремонтъ школьныхъ

зданій; многія губернскія земства заботятся о возникновеніи библіотекъ при школахъ; кромѣ того, принимаютъ на себя содержаніе начальныхъ школъ. Большая часть земствъ опредѣлила отпускать на поддержаніе школъ, переданныхъ земству изъ вѣдомста Государственныхъ Имуществъ, а равно и на другія существующія и открывающіяся школы, извѣстную ассигнованную по смѣтѣ сумму, но при этомъ условіемъ отпуска пособія должно быть участіе мѣстныхъ жителей на расходы училища; пособія отъ земствъ имѣли своимъ предметомъ участіе въ вознагражденіи преподавателей или поощреніе ихъ, а также и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій; хозяйственные расходы училища предоставлялись мѣстному обществу. Но такъ какъ во многихъ мѣстахъ, при такой системѣ воспособленія, земскія пособія оказывались недостаточными вслѣдствіе того, что крестьяне отказывались принимать на себя расходы по устройству и содержанію училищъ, или давали средства въ очень ничтожныхъ размѣрахъ, то многія земства приняли всецѣло на себя весь училищный расходъ, и черезъ это учрежденія училищъ, какъ всецѣло зависѣвшія отъ земствъ, производились гораздо равномѣрнѣе, а не въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ жители принимали на себя часть расходовъ.

По мѣрѣ того, какъ училищное дѣло получало большее значеніе въ дѣлахъ земства и становилось однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій, расходъ земства на народное образованіе сталъ постепенно возрастать, такъ, въ 1869 г. земства расходовали на образованіе еще менѣе одного милліона рублей (5,8% земскаго годового бюджета), а затѣмъ съ каждымъ годомъ земскіе расходы на народное образованіе возрастали и абсолютно и по отношенію къ общей суммѣ смѣтныхъ назначеній. Черезъ пять лѣтъ (въ 1874 году) расходы на народое образованіе составляли уже 2,952,226 руб. (11,4% земскаго бюджета), а еще черезъ пять лѣтъ (въ 1879 году) 4,595,666 рублей (13,7%), а въ 1885-мъ году они составляли 16%; въ послѣдующіе годы расходъ многихъ земствъ на народное образованіе еще болѣе возросъ. Особенно щедрымъ явилось московское земство, которое, начиная съ 1869 года, удѣляетъ крупныя суммы на народное образованіе изъ общаго своего смѣтнаго расхода. Соотвѣтственно этому увеличивается число школъ и учащихся. Такъ, число школъ по Московской губерніи за 16 лѣтъ, начиная съ 1867 года по 1883 г. увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а число учащихся обоего пола

увеличилось въ этотъ промежутокъ болѣе, чѣмъ втрое: въ 1867 г. всѣхъ школъ по Московской губерніи было 268 съ 9411 учащимися, а въ 1883 году число школъ было 554 съ 33352 учащимися). Такое же возрастаніе школъ и учащихся въ нихъ со времени введенія земскихъ учрежденій представляютъ отчеты и другихъ земствъ; такъ, напримѣръ, число школъ, при введеніи земскихъ учрежденій, въ Тверской губерніи было 888, но вскорѣ возросло до 930, въ Орловской было 162 школы, вскорѣ дошедшія до цифры 520, въ Самарской губерніи было 216 школъ, которыя въ нѣсколько лѣтъ возросли до 836. То же самое и относительно числа учащихся: напр., при введеніи земскихъ учрежденій учащихся въ Орловской губерніи было 8034, число которыхъ въ нѣсколько лѣтъ возросло до 36850, въ Пермской было 9238, а вскорѣ дошло до 63129. Эти цифры наглядно показываютъ заслугу земствъ, оказанную ими дѣлу народнаго образованія, которое путемъ земской школы стало распространяться въ крестьянскомъ населеніи и болѣе и болѣе расширяло кругъ грамотныхъ крестьянъ и крестьянокъ.

Поддерживая сначала училища въ томъ видѣ, въ какомъ они перешли въ земство, и постановку школы въ томъ видѣ, въ какомъ она практиковалась въ школахъ вѣдомства Государственныхъ имуществъ и въ церковно-приходскихъ школахъ (въ которыхъ учителями состояли священники или діаконы, получавшіе скудное вознагражденіе), земство вскорѣ убѣдилось, что вся обстановка школы, по скудости средствъ, была не вполнѣ удовлетворительною; что помѣщенія школы не удовлетворяютъ гигіеническимъ требованіямъ, и школы нерѣдко нуждаются въ классной мебели, пособіяхъ и книгахъ; что дѣти поступаютъ въ разное время, равно какъ и произвольно выходятъ изъ школы; что училища раздѣляются по уѣздамъ неравномѣрно—въ однѣхъ мѣстностяхъ по нѣскольку училищъ, а въ другихъ ихъ и вовсе нѣтъ. Вслѣдствіе этого земство, по мѣрѣ ассигнованія усиленныхъ суммъ на народное образованіе и открытіе училищъ, принимаетъ мѣры для лучшей ихъ постановки и для устраненія замѣченныхъ недостатковъ. Возвысивъ жалованье учителямъ, открывая школы въ болѣе или менѣе приспособленныхъ помѣщеніяхъ, съ соотвѣтствующею классною обстановкой, снабжая ихъ учебными пособіями и книгами, многія губернскія земства обращаютъ свое вниманіе и на средства для подготовки учителей для народныхъ школъ и вообще принимаютъ мѣры для улучшенія учительскаго персонала. Въ виду этого земства

озабочиваются учрежденіемъ педагогическихъ заведеній для приготовленія начальныхъ учителей для земскихъ школъ.

Такимъ образомъ возникаютъ учительскія школы Московскаго, С.-Петербургскаго, Новгородскаго, Рязанскаго и другихъ земствъ; а также учреждаются съ пособіемъ земствъ и женскія педагогическія заведенія для приготовленія начальныхъ учительницъ (въ Твери женская школа Павла Павловича Максимовича, въ Костромѣ, въ Москвѣ—женская учительская семинарія г. Чепелевской и пр.).

Учительскія семинаріи этого времени, учреждаемыя земствами и частными лицами, не пользовались никакими правами и преимуществами и существовали, какъ частныя училища. Лишь съ 1871 г. имъ предоставляются нѣкоторыя права и преимущества казенныхъ учительскихъ семинарій. Когда въ 1869 году состоялось открытіе учрежденной на средства земства въ Новгородской губерніи особой школы для приготовленія учителей въ сельскія начальныя училища Новгородской губерніи, тогда и со стороны земствъ другихъ губерній послѣдовали ходатайства объ учрежденіи подобныхъ же учебныхъ заведеній для приготовленія учителей въ начальныя народныя училища (Черниговское, Рязанское, Московское, Тверское, Петербургское, Костромское, Казанское, Самарское, Курское). Такого рода заявленія со стороны земства, существенно полезныя для дѣла народнаго образованія и выгодныя для государственнаго казначейства, вызвали сочувствіе правительства къ такому принятому имъ способу облегчить дѣло педагогическаго образованія кандидатовъ въ начальные учителя, и въ 1871 году, по возбужденному земствомъ Новгородской губерніи ходатайству предъ министромъ народнаго просвѣщенія о дарованіи учителямъ школъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе: начальнику Новгородской земской школы для приготовленія учителей въ начальныя народныя училища, а равно тремъ преподавателямъ наукъ въ этой школѣ состоять по должности: первому—въ V классѣ, а послѣднимъ—въ VIII; утвердить служащихъ въ школѣ въ классахъ должностей, а равно и дальнѣйшее ихъ производство въ чины подчинить дѣйствующимъ постановленіямъ, по примѣру должностныхъ лицъ и наставниковъ Молодечненской учительской семинаріи; обезпеченіе служащихъ лицъ, директора, законоучителя и преподавателей въ школѣ предоставить усмотрѣнію земской управы; воспитанниковъ освободить на все время ихъ обученія въ школѣ отъ рекрутской и другихъ повин-

ностей, равно и отъ тѣлеснаго наказанія; за усердное и успѣшное исполненіе воспитанниками, въ теченіе 12-ти лѣтъ, обязанности учителей въ сельскихъ народныхъ училищахъ предоставить право на удостоеніе ихъ званія личнаго почетнаго гражданина; дарованныя права и преимущества распространить на должностныхъ лицъ, законоучителей и преподавателей, а равно и воспитанниковъ учительскихъ семинарій, какъ учрежденныхъ нынѣ на средства земства прочихъ губерній, такъ и равно и имѣющихъ впредь быть учрежденными земствомъ съ слѣдующими притомъ ограниченіями: а) чтобы пенсіи должностнымъ лицамъ, законоучителямъ, преподавателямъ и семействамъ всѣхъ сихъ лицъ были относимы не на средства казны, а зависѣли бы отъ усмотрѣнія земскихъ управъ по принадлежности въ предѣлахъ полномочій, данныхъ симъ управамъ земскими собраніями, и б) чтобы контроль за учебною и воспитательною частями въ сихъ семинаріяхъ, а также опредѣленіе и увольненіе должностныхъ лицъ и всѣхъ преподавателей въ оныхъ, подчиненъ былъ власти учебнаго начальства вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія на общемъ основаніи, съ предоставленіемъ земству лишь права указанія съ своей стороны такихъ лицъ, по соглашенію съ подлежащими начальству учебнаго округа.

Когда со временемъ послѣдовало преобразованіе нѣкоторыхъ земскихъ учительскихъ школъ въ казенныя учительскія семинаріи, тогда земства, съ своей стороны, оказываютъ щедрые взносы на организацію учительскихъ семинарій въ своей губерніи (Московское, Тверское въ Торжкѣ, Владимирское земство и др.). Съ цѣлью же имѣть хорошо подготовленныхъ учителей, уѣздныя земства содержатъ своихъ стипендіатовъ въ учительскихъ семинаріяхъ и въ земскихъ учительскихъ школахъ. Чтобы наличный учительскій персоналъ имѣлъ возможность познакомиться съ современными требованіями педагогики, для самообразованія и совершенствованія учителей, на средства земства учреждаются учительскіе съѣзды, педагогическіе курсы и библіотеки для учителей, а при нѣкоторыхъ земствахъ (Екатеринославскомъ)—педагогическіе музеи. Чтобы образованіе было доступно возможно большей части населенія, земство заботится о равномѣрности распредѣленія вновь открываемыхъ школъ; при школахъ учреждаются ночлежные пріюты и общежитія, благодаря чему школой могутъ пользоваться дѣти изъ мѣстностей, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ помѣщенія школы; съ этою же цѣлью организуются и передвижныя школы, переходящія

изъ одного населеннаго пункта въ другой. Для распространенія образованія въ народной массѣ, при управахъ учреждаются книжные склады, народныя библіотеки и читальни; для избѣжанія же утраты знаній, вынесенныхъ изъ начальной школы, устраиваются съ бывшими учениками школъ повторительныя занятія, вечернія и воскресныя.

Преслѣдуя главную цѣль школы, указанную въ положеніи 1874 года, земство вмѣстѣ съ тѣмъ заботится о привитіи къ школѣ прикладныхъ знаній, съ каковою цѣлью при нѣкоторыхъ школахъ учреждаются ремесленные классы, разводятся питомники, пчельники, практикуется земледѣліе, учреждаются низшія сельско-хозяйственныя школы и практическіе фермы и хутора. Учреждая свои школы, многія земства строятъ для нихъ отдѣльныя школьныя помѣщенія, снабжаютъ ихъ соотвѣтственною классною мебелью и учебными пособіями.

Точно такъ же земства не оставляютъ безъ своего вниманія и домашнія школы, или школы грамотности, оказывая имъ матеріальную помощь деньгами, учебными пособіями, книгами. Нѣкоторыя земства принимаютъ спеціальныя заботы объ увеличеніи числа учащихся женскаго пола и оказываютъ содѣйствіе въ учрежденіи и содержаніи двухклассныхъ училищъ, а также содѣйствуютъ возникающимъ въ то же время церковно-приходскимъ школамъ. Сосредоточивая свою дѣятельность по образованію на низшихъ училищахъ, нѣкоторыя земства участвуютъ въ расходахъ на устройство и содержаніе гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій и профессіональныхъ училищъ; такъ, напримѣръ, Красноуфимскому уѣздному земству (Пермской губерніи) принадлежитъ починъ организаціи реальнаго училища съ сельско-хозяйственнымъ техническимъ образованіемъ, а Херсонское земство учредило свое среднее сельско-хозяйственное училище.

Такимъ образомъ, земство является энергичнымъ помощникомъ въ дѣлѣ распространенія образованія въ средѣ крестьянскаго населенія: благодаря его щедрымъ, удѣляемымъ на этотъ предметъ расходамъ, вмѣстѣ съ мѣропріятіями для возможно большей полезности и производительности этихъ расходовъ, число школъ, учреждаемыхъ по положенію 1874 года, начинаетъ быстро возрастать, число учащихся соотвѣтственно увеличивается, внѣшняя обстановка въ школахъ значительно улучшается, и содержаніе школъ получаетъ прочное обезпеченіе. Эти хозяйственныя заботы земства о

школѣ, о внѣшней матеріальной ея постановкѣ не могли не повліять и на внутреннюю учебную ея сторону. Съ обезпеченіемъ содержанія учителей по возможности соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ и съ привлеченіемъ на мѣста начальныхъ учителей и учительницъ лицъ, получившихъ спеціальную педагогическую подготовку, учебная сторона школы значительно подвинулась впередъ во многихъ отношеніяхъ: учителя, знакомившіеся съ новыми методами обученія, прилагаютъ ихъ къ дѣлу — вводится звуковой способъ обученія грамотѣ, одновременное обученіе письму, чтенію, обученіе ариѳметикѣ производится по основамъ методы Грубе, наглядность при обученіи занимаетъ первенствующее мѣсто, школьная дисциплина поддерживается не наказаніями и суровостью, а благоразумными требованіями.

Точно такъ же и городскія общества своими щедрыми пожертвованіями и устройствомъ многочисленныхъ новыхъ училищъ оказываютъ весьма важное содѣйствіе правительству въ заботахъ о распространеніи образованія. Щедро жертвуя на учрежденіе училищъ высшихъ, среднихъ и низшихъ, городскія общества особенно заявили свою дѣятельность въ двухъ столицахъ на увеличеніе числа начальныхъ училищъ, извѣстныхъ подъ именемъ думскихъ училищъ, подчиненныхъ законоположенію о начальныхъ училищахъ 1874 г. Эти училища, открытыя для дѣвочекъ и мальчиковъ городского населенія, а также многочисленныя городскія училища, открываемыя городскими обществами по уставу 31 мая 1872 г., составляютъ одну изъ существенныхъ заслугъ городскихъ обществъ въ дѣлѣ распространенія образованія въ средѣ городского населенія.

УСТРОЙСТВО УЧИЛИЩНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. Главными дѣятелями по начальному народному образованію въ Западномъ краѣ были лица изъ православнаго духовенства—они учреждали въ селеніяхъ училища, исполняли въ нихъ обязанности учителей и наставниковъ, вели борьбу съ польской пропагандой, ревностно охраняли православную вѣру и, вліяя на народъ, поддерживали и усиливали русскій элементъ въ краѣ. Съ усиленіемъ же смутъ въ средѣ польскаго населенія западныхъ губерній, когда лица, принадлежащія къ польской пропагандѣ, угрожая духу народности и православія, стали обнаруживать стремленія овладѣть въ краѣ дѣломъ народнаго образованія, тогда прави-

тельство принимаетъ мѣры для огражденія русской школы отъ польскаго вліянія и для поддержанія народныхъ школъ, учрежденныхъ православнымъ духовенствомъ, равно какъ и для устройства возможно большаго числа новыхъ. Для скорѣйшаго осуществленія этого дѣла, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ изыскать для сего средства и составить безъ всякаго промедленія временныя правила для устройства сельскихъ школъ въ краѣ. Для исполненія Высочайшей воли о неотложномъ устройствѣ школъ въ Западномъ краѣ, не дожидаясь окончательнаго составленія проекта положенія о начальныхъ училищахъ, былъ составленъ проектъ временныхъ правилъ для народныхъ школъ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской, Высочайше утвержденный 23 марта 1863 года. Что же касается училищнаго управленія для губерній Юго-западнаго края, то, вслѣдствіе иныхъ условій этихъ губерній, для нихъ предполагалось составить отдѣльныя временныя правила.

Народныя училища въ губерніяхъ Сѣверо-западнаго края, на основаніи утвержденныхъ временныхъ правилъ 1863 года, получили цѣлесоотвѣтственное устройство. Уже вскорѣ эти училища оказали настолько хорошіе результаты, что примѣнявшіяся въ этихъ губерніяхъ законоположенія вошли отчасти въ составъ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ и для губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія въ 1865 году. Вслѣдствіе умноженія числа народныхъ училищъ назначены въ дирекціи народныхъ училищъ сѣверо-западныхъ губерній еще пять инспекторовъ этихъ училищъ. На основаніи этихъ правилъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ впервые устанавливаются въ 1863 году дирекціи народныхъ училищъ, должности директора и инспектора народныхъ училищъ и училищные совѣты—тѣ административные органы, которые впослѣдствіи были распространены и на другіе учебные округи. На основаніи этихъ правилъ для завѣдыванія всѣми народными училищами Сѣверо-западнаго края учреждаются для каждой губерніи дирекціи народныхъ училищъ, при чемъ каждая дирекція состоитъ подъ управленіемъ училищнаго совѣта, входящаго по дѣламъ учебнымъ съ представленіями къ попечителю учебнаго округа. Училищный совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя въ званіи директора народныхъ училищъ, членовъ отъ министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и мѣстнаго Епархіальнаго вѣдомства православнаго исповѣданія, изъ инспекторовъ

народныхъ училищъ, число которыхъ опредѣляется сообразно мѣстнымъ потребностямъ. На училищномъ совѣтѣ лежитъ наблюденіе за преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ, попеченіе объ открытіи новыхъ, разрѣшеніе на открытіе новыхъ училищъ обществами городскими и сельскими, назначеніе и утвержденіе учителей и учительницъ, назначеніе наградъ и пособій учителямъ, представленіе попечителю и надлежащему начальству о закрытіи училищъ, сообщеніе попечителю и мѣстнымъ властямъ своихъ распоряженій посредствомъ циркуляровъ, представленіе ежегоднаго отчета о состояніи училищъ и сношеніе по дѣламъ учебнымъ со всѣми вѣдомствами и лицами. Осмотръ училищъ производится чрезъ инспекторовъ начальныхъ училищъ. Предметами учебнаго курса начальныхъ училищъ служатъ: а) законъ Божій (краткій катехизисъ и священная исторія); б) русскій языкъ (чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати и письмо); в) первыя четыре дѣйствія ариѳметики и д) церковное пѣніе. Въ народныхъ училищахъ допускаются дѣти всѣхъ состояній безъ различія вѣроисповѣданій. Законъ Божій преподается приходскимъ священникомъ или особымъ законоучителемъ, утвержденнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Приходскій священникъ наблюдаетъ вообще за религіознымъ и нравственнымъ направленіемъ въ училищѣ. Преподаваніе производится на русскомъ языкѣ, дѣтямъ же, принадлежащимъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію, законъ Божій преподается ихъ законоучителемъ на мѣстномъ ихъ нарѣчіи.

Устройство училищной части въ Юго-западномъ краѣ отличается также своими особенностями, вызванными необходимостью уравновѣсить число низшихъ училищъ съ числомъ коренного православнаго населенія; хотя большинство населенія въ юго-западныхъ губерніяхъ составляли православные русскіе, превышавшіе въ 1862 году тамошнее населеніе въ девять разъ, но это меньшинство имѣло большую возможность давать образованіе своимъ дѣтямъ, чѣмъ православные русскіе, вслѣдствіе чего, между прочимъ, оно и стало пріобрѣтать вліяніе въ краѣ: число учебныхъ заведеній для русскихъ дѣтей вообще было крайне недостаточно, да и тѣ сосредоточивались преимущественно въ пунктахъ, гдѣ преобладало польское населеніе, и гдѣ получали образованіе дѣти польскихъ помѣщиковъ и шляхты; даже большинство приходскихъ училищъ, назначенныхъ для простого народа, находилось въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ и содержалось на ихъ счетъ.

Точно такъ же чувствовался недостатокъ въ училищахъ для правильнаго женскаго образованія, оказывающаго столь существенное вліяніе на нравственное направленіе молодого поколѣнія; пользуясь же этимъ, противники русскихъ интересовъ воспитывали въ женщинахъ направленіе, часто противное русскимъ началамъ. Такое положеніе училищъ въ юго-западныхъ губерніяхъ имѣло послѣдствіемъ пониженіе умственнаго и нравственнаго уровня преобладающаго русскаго населенія и облегченіе преобладанія въ краѣ меньшинству польскаго населенія. Хотя и въ этихъ губерніяхъ православное духовенство, ревностно охранявшее православную вѣру, заботилось объ умственномъ развитіи народа, съ каковою цѣлью заводило и содержало на свой счетъ училища въ селеніяхъ, но, въ виду развитія польской пропаганды, правительство сочло необходимымъ для поднятія преуспѣянія русскаго образованія подвергнуть реформѣ училищное дѣло въ трехъ губерніяхъ Юго-западнаго края — Кіевской, Волынской и Подольской, которымъ угрожали попытки польской пропаганды. На основаніи этихъ соображеній были составлены по указанію министра народнаго просвѣщенія положенія о народныхъ училищахъ юго-западныхъ губерній, о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ тѣхъ же губерніяхъ, Высочайше утвержденныя 26 мая 1869 года. На основаніи положенія, къ городскимъ училищамъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской относятся: 1) одноклассныя народныя училища въ селеніяхъ и 2) двухклассныя городскія училища мужскія и женскія. Эти училища состоятъ въ вѣдѣніи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а ближайшій надзоръ за ними поручается инспекціи народныхъ училищъ того же округа. Въ 1869 году было назначено шесть инспекторовъ народныхъ училищъ для Кіевской, Подольской и Волынской губерній, число которыхъ было еще увеличено въ 1873 году. Надзору инспекціи подчиняются и всѣ частныя заведенія на степени уѣздныхъ училищъ, еврейскія училища, перваго и второго разряда, и другія училища для первоначальнаго обученія. Инспекція народныхъ училищъ состоитъ изъ особыхъ при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекторовъ, обязанности которыхъ подробно опредѣлены особой инструкціей. Важнѣйшія дѣла по управленію народными училищами рѣшаются въ совѣтѣ инспекціи подъ предсѣдательствомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа или его помощника. Такое управленіе училищами касается только губерній Кіевской, Подольской и Волынской, въ остальныхъ

же губерніяхъ училищное управленіе поставлено такъ же, какъ и въ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ земскія учрежденія. Обсуждая о мѣрахъ для лучшей постановки училищнаго дѣла въ названныхъ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, правительство въ 1869 году постановило слѣдующее: 1) Кромѣ училищъ дворянскихъ, назначенныхъ къ преобразованію въ прогимназіи, упразднить въ Юго-западномъ краѣ пять дворянскихъ училищъ и одно уѣздное, какъ несоотвѣтствующія мѣстнымъ потребностямъ, а вмѣсто нихъ учредить въ уѣздныхъ городахъ 32 двухклассныхъ уѣздныхъ училища мужскихъ съ приготовительнымъ классомъ и столько же женскихъ, кромѣ того—и смѣны для обученія дѣвочекъ при каждомъ приготовительномъ классѣ мужскихъ училищъ. Въ двухклассныхъ училищахъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ, предметами преподаванія должны быть: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и практическая геометрія, необходимыя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и географіи и чистописаніе. Сверхъ сего въ мужскихъ училищахъ—церковное пѣніе и черченіе, а для желающихъ и ремесла, въ женскихъ же—рисованіе и рукодѣліе. Двухклассныя мужскія уѣздныя училища учреждаются по примѣру такихъ же училищъ Виленскаго учебнаго округа. Вслѣдствіе сего въ двухклассныхъ уѣздныхъ мужскихъ училищахъ предполагается штатный смотритель, законоучитель, два учителя наукъ, учитель чистописанія, черченія и рисованія. 2) Учредить въ одномъ изъ селеній въ каждой изъ трехъ юго-западныхъ губерній по одному двухклассному училищу по примѣру городскихъ двухклассныхъ училищъ, но съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ, съ цѣлью распространить болѣе основательное образованіе въ средѣ крестьянскаго населенія и для облегченія обществамъ находить способныхъ людей для должностей сельскихъ учителей, волостныхъ писарей, старшинъ и проч. Въ этихъ училищахъ преподаются тѣ же предметы, что и въ двухклассныхъ городскихъ училищахъ, но въ большемъ объемѣ, а для желающихъ вводятся и ремесла, садоводство и огородничество. При каждомъ такомъ училищѣ открывается школа для взрослыхъ, съ цѣлью обученія грамотѣ или повторенія пройденнаго, если они уже учились въ первоначальной школѣ. 3) Учредить вновь 126 одноклассныхъ народныхъ училищъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ уже состоялись приговоры сельскихъ обществъ объ ихъ открытіи. 4) Назначить пособіе 14 училищамъ изъ числа существующихъ 25 въ Волынской губерніи, содержимымъ на счетъ пожертвованій раз-

наго рода; кромѣ того, назначить извѣстную сумму въ распоряженіе попечителя Кіевскаго учебнаго округа на ежегодное пособіе училищамъ, открытымъ и содержимымъ православнымъ духовенствомъ, такъ какъ съ улучшеніемъ такихъ училищъ значительно выполнится въ сихъ губерніяхъ недостатокъ въ образовательныхъ способахъ для сельскаго неселенія. 5) Для распространенія въ краѣ знанія полезныхъ ремеслъ—кузнечнаго, столярнаго и проч. учредить въ Кіевѣ ремесленное училище, въ которомъ бы учащіеся вмѣстѣ съ тѣмъ получали и общее образованіе. 6) Для усиленія женскаго образованія, кромѣ 32 двухклассныхъ городскихъ женскихъ училищъ, открыть въ Кіевѣ женскую гимназію, въ городѣ Немировѣ и мѣстечкахъ Бѣлой Церкви и Златопольѣ—женскія прогимназіи, а существующій въ Кіевѣ женскій образцовый пансіонъ закрыть. При управленіи Кіевскаго учебнаго округа назначаются шесть инспекторовъ народныхъ училищъ.

Въ 1865 году въ губерніяхъ Витебской и Могилевской были упразднены пятиклассныя дворянскія училища и учреждены въ тѣхъ же губерніяхъ: прогимназія (въ Гомелѣ), 20 двухклассныхъ уѣздныхъ и 21 смѣна для обученія дѣтей женскаго пола.

УПРАВЛЕНІЕ ГРАЖДАНСКИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНІЯМИ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. Народныя учебныя заведенія въ Сибири, представляя тѣ же типы училищъ, какъ и въ европейской Россіи, относительно своего высшаго управленія отличаются нѣкоторыми особенностями. Состоя въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, главное управленіе всѣми городскими учебными заведеніями въ губерніяхъ и областяхъ западной Сибири по Высочайше утвержденному положенію 12 апрѣля 1859 года ввѣренно генералъ-губернатору, который и состоитъ главнымъ мѣстнымъ начальникомъ всѣхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній того края. Начальники губерній и областей западной Сибири имѣютъ надзоръ за соблюденіемъ въ учебныхъ заведеніяхъ должнаго порядка и о сдѣланныхъ при осмотрѣ учебныхъ заведеній своихъ замѣчаніяхъ доводятъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Для ближайшаго же надзора за гражданскими учебными заведеніями и за направленіемъ учебной части, соотвѣтственно видамъ правительства и пользамъ края въ особенности, утверждается должность главнаго инспектора училищъ западной Сибири. Главный инспекторъ, которому предоставляются всѣ преимущества, присвоенныя должности помощника по-

печителя учебнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ членъ совѣта главнаго управленія западной Сибири по дѣламъ до училищной части относящимся. Онъ есть ближайшій и непосредственный помощникъ генералъ-губернатора западной Сибири по управленію гражданскими учебными заведеніями. На немъ лежитъ завѣдываніе всѣми дѣлами по учебной части, онъ производитъ ревизію всѣмъ подвѣдомственнымъ ему учебнымъ заведеніямъ. Директора училищъ подъ начальствомъ главнаго инспектора, завѣдываютъ какъ подвѣдомственными имъ гимназіями, уѣздными и приходскими училищами Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и приходскими и сельскими училищами и школами вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, равно какъ и частными пансіонами и школами. Надзору штатныхъ смотрителей подчиняются всѣ означенныя училища, пансіоны и школы, состоящія въ чертѣ ввѣренныхъ имъ округовъ. По неимѣнію въ западной Сибири дворянъ-помѣщиковъ и вообще по малому числу лицъ, пользующихся по происхожденію правомъ на поступленіе въ гражданскую службу, которыя могли бы быть опредѣляемы въ должности почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, разрѣшено съ 1861 года опредѣлять при уѣздныхъ училищахъ почетныхъ блюстителей на основаніяхъ, устанавливаемыхъ для опредѣленія почетныхъ блюстителей при приходскихъ училищахъ.

УПРАВЛЕНІЕ ГРАЖДАНСКИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНІЯМИ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. По указу 8 декабря 1828 г. учебныя заведенія вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ восточной Сибири были подчинены мѣстнымъ губернаторамъ, которые состояли по сей части въ непосредственномъ отношеніи къ министру народнаго просвѣщенія, на томъ же основаніи, какъ попечители учебныхъ округовъ. Порядокъ этотъ, какъ показалъ опытъ, представлялъ много недостатковъ, препятствовавшихъ развитію образованія въ краѣ, изъ которыхъ самымъ главнымъ является тотъ, что всѣ предположенія по народному образованію носятъ на себѣ отпечатокъ личнаго взгляда начальника губерніи или области, почему дѣло народнаго образованія было лишено требуемой связи и единства. Главное же управленіе восточной Сибири, чрезъ посредство котораго объединяются мѣропріятія губернскихъ начальниковъ, было почти внѣ всякаго участія къ дѣлу народнаго образованія. Вслѣдствіе этого Высочайше утвержденное 12 апрѣля

1859 года положеніе объ управленіи гражданскими учебными заведеніями въ западной Сибири было распространено 18 декабря 1867 года и на восточную Сибирь, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, не нарушающими существеннаго строя организаціи управленій, и въ этомъ же году учреждена должность главнаго инспектора восточной Сибири. Въ 1871 году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предоставлено право опредѣлять вмѣсто почетныхъ смотрителей при уѣздныхъ училищахъ восточной Сибири почетныхъ блюстителей.

Такимъ образомъ, и въ восточной Сибири главное управленіе учебными заведеніями предоставлено генералъ-губернатору и главному инспектору училищъ восточной Сибири, состоявшему членомъ и новаго управленія восточной Сибири относительно всѣхъ вопросовъ по народному образованію. 17 же мая 1875 года управленіе по дѣламъ учебной части въ Туркестанскомъ краѣ было организовано по примѣру подобныхъ же учрежденій, существующихъ въ Сибири, съ опредѣленіемъ при генералъ-губернаторѣ главнаго инспектора училищъ. По утвержденіи же Западно-Сибирскаго учебнаго округа, управленіе гражданскими учебными заведеніями въ губерніи и областяхъ западной Сибири перешло въ вѣдѣніе Западно-Сибирскаго учебнаго округа на общихъ основаніяхъ, какъ и въ европейской Россіи. Такимъ образомъ, въ настоящее время гражданскія учебныя заведенія въ губерніяхъ и областяхъ западной Сибири находятся въ вѣдѣніи Западно-Сибирскаго учебнаго округа, учебныя заведенія восточной Сибири и Амурской области — генералъ-губернатора и главнаго инспектора училищъ, а также и училища Туркестанскаго края — генералъ - губернатора и главнаго инспектора училищъ.

Такая цѣлесоотвѣтственная организація высшаго управленія сибирскими училищами, равно и сознаніе потребности какъ со стороны правительства, такъ и сибирскаго населенія, въ открытіи новыхъ, вызвало въ послѣднее время открытіе цѣлаго ряда учебныхъ заведеній, увѣнчавшихся учрежденіемъ въ Томскѣ Сибирскаго университета въ 1888 году. До шестидесятыхъ годовъ въ Сибири было только три гимназіи—Тобольская (существующая съ 1789 года), Томская (съ 1838 года) и Иркутская (съ 1840 года). Начиная же съ шестидесятыхъ годовъ число сибирскихъ учебныхъ заведеній, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, мужскихъ и женскихъ, начинаетъ возрастать и удовлетворять требованіямъ какъ русскаго,

такъ и инородческаго населенія. Такъ, открываются гимназіи— Красноярская въ 1868 году, Омская, Вѣрненская въ 1876 году, Читинская въ 1884 году; прогимназіи—Благовѣщенская въ 1877 г., Владивостокская въ 1871 году, Енисейская въ 1876 году, Якутская въ 1869 г.; реальныя училища—Омское техническое (1882 г.), Томское Алексѣевское (1877 г.), Тюменское Александровское (1880 г.), Иркутское техническое (1874 г.), Троицко-Савское Алексѣевское (1876 г.); учительскія семинаріи—Омская въ 1872 г., Иркутская въ 1872 г., Красноярская въ 1873 г., Туркестанская въ 1879 г.; кромѣ того, многочисленныя уѣздныя и начальныя училища, удовлетворяющія требованіямъ какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія, и организованныя соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ.

Въ 1879 году вслѣдствіе затрудненій, встрѣчавшихся при замѣщеніи учительскихъ должностей въ заведеніяхъ Сибири, Министерство Народнаго Просвѣщенія приняло слѣдующую временную мѣру: въ случаѣ невозможности, допускать на эти должности по найму лицъ и съ низшимъ образовательнымъ цензомъ съ тѣмъ, чтобы таковыя лица, если они окажутся соотвѣтствующими, были утверждены министромъ народнаго просвѣщенія въ должности съ зачетомъ въ дѣйствительную по оной службѣ времени, въ теченіе котораго они занимали должность по найму.

МѢРЫ КЪ ОБРАЗОВАНІЮ НАСЕЛЯЮЩИХЪ РОССІЮ ИНОРОДЦЕВЪ. При описаніи инородческихъ учительскихъ семинарій, было указано на имѣвшуюся у правительства цѣль, чтобы путемъ этихъ заведеній содѣйствовать сближенію инородческаго населенія съ русскимъ и этимъ оказать на инородцевъ культурное вліяніе. Та же цѣль имѣлась въ виду и при учрежденіи инородческихъ начальныхъ училищъ. Для болѣе успѣшнаго достиженія этими училищами предназначенныхъ имъ цѣлей, Министерство Народнаго Просвѣщенія выработало въ 1870 году особыя мѣры къ образованію населяющихъ Россію инородцевъ. Для ознакомленія съ этими мѣрами приводимъ извлеченіе изъ журнала Совѣта министра народнаго просвѣщенія. А) **Относительно инородцевъ-христіанъ:** 1) начальныя школы для инородцевъ христіанъ должны имѣть цѣлью религіозно-нравственное ихъ образованіе и утвержденіе въ православной вѣрѣ и ознакомленіе съ русскимъ языкомъ. 2) Общимъ для всѣхъ инородцевъ-христіанъ въ системѣ образованія ихъ должно быть слѣдующее: а) орудіемъ первоначальнаго

обученія для каждаго племени должно быть народное нарѣчіе его, б) учители инородныхъ школъ должны быть изъ среды соотвѣтственнаго племени инородцевъ и притомъ хорошо знающіе русскій языкъ, или же русскіе, владѣющіе соотвѣтствующимъ инородческимъ нарѣчіемъ и в) должно быть обращено вниманіе на образованіе женщинъ, такъ какъ племенное нарѣчіе и наклонныя особенности инородцевъ преимущественно поддерживаются и сохраняются матерями. 3) Для дѣтей инородцевъ, весьма обрусѣлыхъ и почти не знающихъ русскаго языка, учреждаются особыя школы, въ которыхъ первоначальное преподаваніе совершается на инородческихъ нарѣчіяхъ, и дѣти обучаются на своемъ родномъ нарѣчіи и по учебнымъ книгамъ на томъ же нарѣчіи. Учебными книгами служатъ буквари, необходимыя молитвы, краткіе разсказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта и религіозно-нравственныя книги. Для облегченія перехода къ изученію русскаго языка всѣ эти книги печатаются на инородческомъ нарѣчіи русскими буквами. Въ то же время дѣти при помощи мѣстныхъ нарѣчій обучаются русскому разговорному языку посредствомъ нагляднаго обученія, и затѣмъ начинаютъ обучаться русской грамотѣ (чтенію и письму совмѣстно) продолжая въ то же время обученіе русскому разговорному языку. Счисленію дѣти обучаются также на своемъ инородческомъ нарѣчіи, а потомъ уже и на русскомъ. По достаточномъ усвоеніи дѣтьми русскаго языка, законъ Божій преподается на общихъ основаніяхъ, при чемъ повторяется на русскомъ языкѣ священная исторія, заучиваются молитвы по-русски и на церковно-славянскомъ языкѣ, и преподается краткій катехизисъ. Церковное пѣніе вводится во всѣхъ школахъ, при чемъ пѣніе исполняется какъ на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, такъ и на церковно-славянскомъ. Затѣмъ, установленіе учебнаго плана и опредѣленіе продолжительности времени предоставляется усмотрѣнію мѣстнаго училищнаго начальства. Въ инородческихъ школахъ съ выше означеннымъ порядкомъ обученія, устраиваются смѣны для обученія дѣвочекъ. б) Въ мѣстностяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ изъ природныхъ русскихъ и инородцевъ учреждаются общія для тѣхъ и другихъ начальныя училища, въ которыхъ все обученіе ведется на русскомъ языкѣ учителемъ, владѣющимъ какъ русскимъ языкомъ, такъ и мѣстнымъ инородческимъ нарѣчіемъ. Въ случаѣ же надобности, до времени усвоенія дѣтьми русскаго языка настолько, чтобы обучаться вмѣстѣ съ русскими дѣтьми, устраиваются при училищѣ особыя

мѣстныя отдѣленія. При такихъ училищахъ также учреждаются смѣны для дѣвочекъ. в) Наконецъ, для достаточно обрусѣлыхъ инородцевъ, живущихъ смѣшанно съ русскими или сплошными населеніями, учреждаются начальныя народныя училища на общихъ для русскихъ училищъ основаніяхъ. 4) Ближайшее завѣдываніе за училищами двухъ первыхъ категорій поручается священнику-законоучителю; если же мѣстный священникъ не знаетъ инородческаго нарѣчія, то завѣдываніе училищемъ возлагается на учителя; преподаваніе закона Божія можетъ быть поручено свѣтскому лицу. 5) Надзоръ за инородческими школами возлагается на инспекторовъ народныхъ училищъ.

Б. Относительно татаръ-магометанъ. Татары-магометане, населяющіе губерніи Казанскаго учебнаго округа и Крымскій полуостровъ, входящіе въ составъ Одесскаго учебнаго округа, составляютъ племя, фанатизируемое многочисленнымъ духовенствомъ, большими мечетями и магометанскими школами, и крѣпки въ своей вѣрѣ. Поэтому обрусеніе татаръ-магометанъ должно быть ведено лишь путемъ распространенія образованія и съ устраненіемъ всѣхъ такихъ мѣръ, которыя могли бы породить въ этомъ племени опасенія посяганія на отклоненіе дѣтей отъ ихъ вѣры. Надлежитъ принимать слѣдующія мѣры: 1) Въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ татарскимъ населеніемъ учреждать на счетъ казны начальныя сельскія и городскія училища. Учителями до того времени, пока между татарами не окажется достаточное число лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ, могутъ быть и русскіе, хорошо говорящіе по-татарски, а обученіе производится примѣнительно къ порядку, сказанному выше въ отношеніи инородцевъ христіанъ, мало или недостаточно обрусѣлыхъ. Татарамъ предоставляется приглашать въ эти училища на свой счетъ законоучителя своей вѣры. Татарскія мѣстныя общества избираютъ изъ своей среды почетнаго блюстителя для каждаго училища. Въ Одесскомъ округѣ учредить до 15 такихъ училищъ въ мѣстностяхъ, указанныхъ попечителемъ округа. 2) Облегчить дѣтямъ татаръ-магометанъ поступленіе въ общія училища, учрежденіемъ приготовительныхъ классовъ при общихъ начальныхъ инородныхъ училищахъ съ цѣлью наученія дѣтей русскому разговорному языку, а въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ для приготовленія ихъ къ поступленію въ первый классъ сихъ училищъ. Съ другой же стороны, облегчить дѣтямъ татаръ-магометанъ, инородцевъ и христіанъ вообще прохожденіе курса:

въ означенныхъ училищахъ—освободить ихъ отъ нѣкоторыхъ предметовъ, въ сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищахъ—отъ чтенія по церковно-славянски, въ уѣздныхъ—отъ изученія церковно-славянскаго языка, въ гимназіяхъ—отъ изученія церковно-славянскаго, греческаго и нѣмецкаго. 3) Располагать мѣстныя магометанскія общества къ учрежденію на собственныя средства классовъ русскаго языка при мектебе и медресе. Впредь до назначенія въ эти школы учителей татаръ-магометанъ назначать учителей изъ русскихъ, хорошо знающихъ татарское нарѣчіе, и возложить на нихъ обязанность обучать русскому языку (разговору), чтенію и письму и началамъ ариѳметики путемъ практическимъ. Посѣщеніе особыхъ классовъ, учрежденныхъ при мектебе, должно быть обязательно для всѣхъ учащихся и при медресе—для юношей до 16-тилѣтняго возраста. Лицамъ, завѣдующимъ мектебе и медресе или обучающимъ въ нихъ, не препятствуется присутствовать на урокахъ въ русскихъ классахъ. Въ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ будутъ начальныя училища, для татаръ-магометанъ устраивать при сихъ училищахъ смѣны для дѣвочекъ, а гдѣ будутъ русскіе классы при мектебе и медресе—устраивать на счетъ казны училища для дѣвочекъ. 5) Озаботиться составленіемъ и изученіемъ необходимыхъ для учащихся учебныхъ книгъ. 6) Главный надзоръ какъ за отдѣльными училищами для татаръ-магометанъ, такъ и за русскими классами при мектебе и медресе, возложить на инспекторовъ начальныхъ училищъ. 7) Съ цѣлью приготовленія учителей для училищъ татаръ-магометанъ — учредить двѣ учительскія школы, одну въ Уфѣ и другую въ Симферополѣ. Первая должна снабжать учителями училища для татаръ-магометанъ Казанскаго учебнаго округа, а вторая — училища для крымскихъ татаръ-магометанъ. Школы эти должны быть закрытыми, на 30-ть человѣкъ каждая.

Изъ главнѣйшихъ послѣдующихъ законоположеній объ инородческихъ училищахъ отмѣтимъ слѣдующія: въ 1874 году составлены и утверждены правила для испытанія на званія учителей и учительницъ инородческихъ начальныхъ училищъ. Существовавшія въ Оренбургскомъ краѣ начальныя народныя училища подъ разными наименованіями находились прежде въ завѣдываніи различныхъ управленій. Такъ, народныя школы въ селеніяхъ русскихъ крестьянъ подчинялись учебному начальству вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія; училища Горнаго Златоустовскаго округа состояли въ подчиненіи Горнаго вѣдомства; школы Оренбургскаго и

Уральскаго казачьихъ войскъ состояли въ Военномъ вѣдомствѣ; башкирскія и киргизскія школы—въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, равно какъ и школы общія для всѣхъ безъ различія народностей также находились въ ближайшемъ завѣдываніи мѣстныхъ управленій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; Министерству же Народнаго Просвѣщенія было предоставлено только имѣть высшее наблюденіе надъ школами послѣдняго рода.

Такимъ образомъ, эти начальныя училища, принадлежа къ разнымъ вѣдомствамъ, находясь подъ наблюденіемъ только мѣстнаго войскового и гражданскаго начальства, были лишены правильнаго надзора и руководства, обусловливаемаго спеціальнымъ знаніемъ дѣла и обученія и знакомствомъ съ современными требованіями педагогіи, отчего народное образованіе въ краѣ не могло имѣть желаемаго единства съ общепринятою системой образованія въ имперіи, ни успѣшнаго хода въ своемъ развитіи. Точно такъ же по отношенію къ магометанскимъ школамъ надзоръ правительства ограничивался лишь наблюденіемъ за преподаваніемъ русскаго языка въ училищахъ, все же остальное преподаваніе находилось въ исключительномъ завѣдываніи мусульманскаго духовенства. Предпринимая разныя мѣры къ водворенію между инородцами означенныхъ мѣстностей гражданственности, къ сближенію съ кореннымъ русскимъ народонаселеніемъ и къ развитію ихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, правительство убѣдилось, что могущественнѣйшимъ средствомъ для этого можетъ служить развитіе въ краѣ народнаго образованія на общепринятыхъ въ имперіи началахъ подъ руководствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ устраненіемъ существующей раздробленности въ завѣдываніи вышесказанными начальными школами, и опредѣлило подчинить башкирскія, киргизскія и татарскія школы разныхъ наименованій вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, что и было Высочайше повелѣно въ 1874 году.

Вмѣстѣ съ мѣрами къ распространенію образованія вообще, правительство обращаетъ вниманіе на средство для усиленія знанія русскаго языка между инородцами христіанами и инородцами магометанами, и съ этою цѣлью въ 1876 году: а) установленъ срокъ, съ котораго лица магометанскаго исповѣданія, желающія занять духовныя магометанскія должности по магометанскому духовному управленію, а равно общественныя должности (земскія, городскія и сельскія), не иначе были бы избираемы въ сіи должности и въ

нихъ утверждаемы, какъ по предъявленіи свидѣтельствъ объ удовлетворительномъ ими знаніи русскаго языка и первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики, и б) не дозволять открытія новыхъ магометанскихъ училищъ (мектебе и медресе) иначе, какъ съ обязательствомъ имѣть при нихъ учителей русскаго языка на счетъ магометанскихъ обществъ. Такъ какъ киргизы болѣе способны къ цивилизаціи и не такіе фанатики, какъ мусульмане, то, чтобы они не подверглись сліянію съ татарами, взамѣнъ татарскаго языка въ дѣловыхъ бумагахъ, опредѣлено употребленіе киргизскаго языка, и татарскіе переводчики въ степи замѣнены природными киргизами. Въ 1871 году при Казанскомъ учебномъ округѣ учреждена должность инспектора татарскихъ, киргизскихъ и башкирскихъ школъ.

ДВУХКЛАССНЫЯ И ОДНОКЛАССНЫЯ СЕЛЬСКІЯ УЧИЛИЩА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. Представляя свой всеподданнѣйшій докладъ 3-го іюля 1869 года министръ народнаго просвѣщенія говоритъ въ немъ: „Со времени назначенія меня, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію министромъ народнаго просвѣщенія, въ ряду предстоящихъ мнѣ къ выполненію обязанностей, я тогда же обратилъ особенное вниманіе на начальное народное образованіе, какъ на главную основу благоустроенія общественнаго и какъ на вѣрный и прочный залогъ славной будущности, приготовленной для нашего обширнаго отечества рядомъ безсмертныхъ преобразованій, совершенныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Руководимый Высочайшимъ указаніемъ Вашимъ, начертаннымъ 14 іюля 1864 г. въ Указѣ Правительствующему Сенату, „что хорошее устройство первоначальныхъ училищъ составляетъ весьма важный способъ къ религіозно-нравственному образованію народа“, я счелъ непремѣннымъ долгомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія показать примѣръ устройства такихъ первоначальныхъ училищъ. Съ этою цѣлью тогда же мною учреждено было, на средства Министерства, въ селеніяхъ разныхъ губерній, нѣсколько такихъ училищъ, которыя могли бы развиться впослѣдствіи въ составъ двухклассныхъ, гдѣ съ большею уже подробностью преподавался бы по преимуществу законъ Божій, затѣмъ русскій языкъ, далѣе необходимыя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, географіи, ариѳметики и письма.

Опытъ кратковременнаго существованія этихъ училищъ, вполнѣ обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, а также со стороны контроля надъ ними, подаетъ несомнѣнную надежду, что училища эти принесутъ не малую пользу, и по непосредственной своей дѣятельности, и какъ образцы для подражанія".

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ же докладѣ министръ испрашивалъ Высочайшаго соизволенія на изданіе инструкціи для такихъ образцовыхъ училищъ, чтобы впослѣдствіи, на основаніи положительныхъ указаній опыта, составить положеніе объ этихъ училищахъ. По послѣдовавшемъ на то Высочайшемъ повелѣніи, составленная инструкція для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ была утверждена министромъ народнаго просвѣщенія въ 1875 году 4 іюля.

Открытыя на основаніи инструкціи 1875 года министерскія училища являются новымъ типомъ элементарныхъ училищъ, которыя вмѣстѣ съ начальными училищами и церковно-приходскими школами удовлетворяютъ образовательнымъ потребностямъ сельскаго населенія обоего пола. Изъ нихъ одноклассныя училища подходятъ подъ типъ начальныхъ училищъ, а двухклассныя представляютъ высшую и вполнѣ законченную ступень элементарнаго образованія и открываются преимущественно въ многолюдныхъ селеніяхъ и посадахъ, отличающихся въ торговомъ или промышленномъ отношеніяхъ. Эти училища имѣютъ цѣль доставлять дѣтямъ сельскаго населенія возможность пріобрѣтать элементарное образованіе въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ, сравнительно съ другими сельскими начальными училищами, учрежденными по положенію 25 мая 1874 года и другимъ соотвѣтствующимъ сему положенію узаконеніямъ о начальныхъ училищахъ. Цѣль эта достигается, главнымъ образомъ, какъ болѣе расширенною программою учебнаго курса, такъ и строго методическимъ способомъ обученія. Благодаря этимъ училищамъ, особенно двухкласснымъ, дѣти сельскаго населенія могутъ получать такое элементарное образованіе, которое, не отрывая учениковъ отъ родной имъ сельской среды, значительно расширяетъ ихъ умственный кругозоръ, рѣзко выдѣляетъ ихъ по степени получаемаго образованія, надъ необразованною массой, сообщаетъ имъ прочныя познанія, пріучаетъ къ умственному труду и доставляетъ достаточную подготовку для поступленія въ другія учебныя заведенія, какъ то: въ желѣзнодорожныя, техническія училища, учительскія семинаріи и пр.

Такъ какъ такія же училища открываются отдѣльно и для дѣвочекъ, а если нѣтъ отдѣльныхъ такихъ женскихъ училищъ, то, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, допускается обученіе въ одномъ училищѣ дѣтей обоего пола; слѣдовательно и дѣвочки сельскаго населенія получаютъ возможность для пріобрѣтенія болѣе высшаго элементарнаго образованія.

Насколько подобныя училища имѣютъ цѣну для сельскаго населенія, видно уже изъ того, какъ охотно отдаютъ въ нихъ родители своихъ дѣтей—училища эти всегда отличаются многочисленностью учащихся, и во многихъ открыты параллельныя отдѣленія. Сами училища, какъ достаточно обезпеченныя средствами, имѣютъ еще и то преимущество, что помѣщаются въ хорошо устроенныхъ просторныхъ зданіяхъ, при которыхъ земли не менѣе десятины. На этой землѣ обыкновенно разведенъ садъ или огородъ, воздѣлываемый учителемъ съ учениками. Также нѣтъ недостатка ни въ книгахъ, ни въ учебныхъ пособіяхъ, ни въ классной мебели. Учителями въ эти училища назначаются изъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ или лучшіе изъ окончившихъ въ учительской семинаріи. Въ этихъ училищахъ преподаются обязательно слѣдущіе предметы: законъ Божій, русскій языкъ съ чистописаніемъ, ариѳметика, исторія, географія и естествовѣдѣніе, церковное пѣніе и черченіе. Кромѣ обязательныхъ предметовъ, по мѣрѣ средствъ и возможности вводятся: гимнастика, ремесла и мастерства для мальчиковъ и рукодѣліе для дѣвочекъ; сверхъ того, учащіеся могутъ заниматься при училищахъ, гдѣ это окажется возможнымъ, садоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ. Училища эти открываются министромъ народнаго просвѣщенія по его усмотрѣнію въ тѣхъ мѣстностяхъ всѣхъ городовъ, гдѣ земства, общества, учрежденія или лица примутъ на себя требуемое обязательство.

На содержаніе училищъ отпускается Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія опредѣленная сумма, размѣръ коей зависитъ отъ усмотрѣнія сего Министерства. На открытіе училищъ испрашивается разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія попечителемъ учебнаго округа по представленію директора народныхъ училищъ; открытіе же училищъ на мѣстныя средства, безъ всякаго пособія отъ казны разрѣшается попечителемъ учебнаго округа, о чемъ онъ и доводитъ своевременно до свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Училища эти, состоя въ вѣдѣніи попечителей учеб-

ныхъ округовъ, находятся подъ ближайшимъ наблюденіемъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, непосредственное же завѣдываніе каждымъ училищемъ поручается, по усмотрѣнію инспектора народныхъ училищъ, одному изъ преподавателей. Изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества и могущихъ оказать училищамъ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку, избираются почетные блюстители, изъ которыхъ оказавшіе особые заслуги, пріобрѣтаютъ право на вниманіе высшаго начальства.

Въ училища принимаются дѣти мѣстныхъ жителей безъ различія вѣроисповѣданій, не моложе семилѣтняго возраста и не старше двѣнадцати лѣтъ. Совмѣстное обученіе въ одномъ классѣ дѣтей обоего пола допускается лишь подъ условіемъ, чтобы мальчики были не старше 14, а дѣвочки не старше 12 лѣтъ, и чтобы мальчики и дѣвочки занимали мѣста на разныхъ скамьяхъ. Полный курсъ ученія продолжается въ двухклассныхъ училищахъ пять лѣтъ: 3 года въ 1 классѣ и 2 года во 2-мъ классѣ; въ одноклассныхъ же училищахъ—продолжается не менѣе трехъ лѣтъ. Дѣти, прошедшія полный курсъ, получаютъ о томъ свидѣтельства, по предварительномъ испытаніи, а лицамъ мужескаго пола выдаются также свидѣтельства на льготу по воинской повинности, опредѣленную § 4-мъ ст. 56 устава о воинской повинности. Изъ лучшихъ воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, которые изъявятъ согласіе поступить въ учительскую семинарію, приготовляются къ поступленію въ теченіе времени до достиженія ими возраста, установленнаго для пріема въ семинарію. Лица женскаго пола получаютъ, по окончаніи курса, свидѣтельства.

Для обученія означеннымъ предметамъ назначаются три преподавателя: учитель 1-го класса, учитель 2-го класса и законоучитель, въ одноклассныхъ же—одинъ учитель и законоучитель. Обученіе ремесламъ или мастерствамъ, гимнастикѣ и рукодѣлію возлагается на опытныхъ преподавателей, или же для этого приглашаются особыя лица. Для облегченія занятій учителя, могутъ быть назначаемы помощники; въ женскихъ училищахъ должности преподавателей могутъ быть замѣщены учительницами; по усмотрѣнію инспектора, учительницы могутъ быть допускаемы на мѣсто преподавателей и въ мужскія училища. Преподавателю и законоучителю полагается жалованіе по мѣрѣ мѣстныхъ средствъ. Занятія ремеслами или мастерствомъ, а также и рукодѣліемъ, производятся для желающихъ въ свободное отъ уроковъ время.

Училища эти, вызвавшія къ себѣ сочувствіе сельскаго населенія, отличаясь вполнѣ соотвѣтствующею обстановкою, надѣляющія своихъ учениковъ полезными для нихъ знаніями, открывающія для нихъ, какъ людямъ, по образованію выше стоящимъ своихъ односельчанъ, путь для различныхъ дѣятельностей и для поступленія въ другія болѣе высшія училища, соотвѣтствующія ихъ состоянію, стали быстро размножаться; въ наше время они встрѣчаются почти во всѣхъ выдающихся своею дѣятельностью или населенностью посадахъ и селахъ.

Для учителей двухклассныхъ сельскихъ училищъ, назначаемыхъ изъ учителей уѣздныхъ училищъ, предоставлены въ 1870 году права, присвоенныя этимъ послѣднимъ должностямъ. Въ 1872 году состоялось распоряженіе, чтобъ достойнѣйшіе ученики двухклассныхъ училищъ, желающіе поступить въ учительскую семинарію, оставались для приготовленія въ училищѣ отъ одного до двухъ лѣтъ, съ выдачею имъ стипендій отъ 3 до 5 рублей въ мѣсяцъ, при чемъ учителю выдается вознагражденіе отъ 15 до 20 рублей за каждаго ученика.

ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ. Воскресныя школы, возникшія по иниціативѣ лицъ изъ образованнаго общества, получили свое начало въ то время, когда общество увлеклось педагогическими вопросами и, свободно высказывая свои воззрѣнія на преобразованіе училищной системы, задумало на дѣлѣ принести пользу народному образованію. Первыя воскресныя школы были открыты въ Кіевѣ въ 1859 году, при содѣйствіи сочувствовавшаго имъ тогдашняго попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Н. И. Пирогова. Школа эта, которую посѣщали и дѣти и взрослые, вскорѣ снискала къ себѣ довѣріе, и по ея образцу стали устраиваться подобныя же школы и въ другихъ городахъ, а въ 1860 году онѣ открываются въ С. Петербургѣ и почти во всѣхъ городахъ Россіи. Ученики этихъ школъ обыкновенно дѣлились на три группы — совершенно незнающихъ грамоты, малограмотныхъ и грамотныхъ; учениковъ первыхъ двухъ группъ обучали чтенію и письму, а съ учениками третьей—занимались объяснительнымъ чтеніемъ, ариѳметикою и чистописаніемъ; во всѣхъ же трехъ группахъ преподавался законъ Божій съ чтеніемъ и объясненіемъ Евангелія. Обученіе производилось съ 11 до 2 часовъ или въ казенныхъ помѣщеніяхъ, или у частныхъ лицъ, при чемъ открытіе и содержаніе этихъ школъ зави-

сѣло только отъ одного общества. Учителями въ школахъ состояли лица изъ военной и университетской молодежи, нѣкоторыя лица изъ учительскаго персонала и даже свѣтскія дамы. Въ 1860 году эти школы, зависѣвшія сначала вполнѣ отъ ихъ учредителей, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, подчиняются контролю мѣстнаго учебнаго начальства.

Быстрое размноженіе воскресныхъ школъ какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ имперіи, обратило на нихъ Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора. Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ начальникамъ губерній о содѣйствіи съ ихъ стороны учебному вѣдомству въ наблюденіи за воскресными школами; подтвердить отъ имени Его Величества попечителямъ о неослабномъ наблюденіи за воскресными школами согласно сдѣланнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія указаніямъ и сообщить митрополитамъ въ обѣихъ столицахъ и оберъ - прокурору Святѣйшаго Синода для распоряженій по прочимъ губерніямъ, чтобы епархіальныя начальства сдѣлали распоряженіе о назначеніи въ каждую воскресную школу священника, который, сверхъ обязанностей преподаванія закона Божія, наблюдалъ бы вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ и при его содѣйствіи, чтобы въ школѣ не допускалось ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности. Въ 1861 году изданы „Правила для воскресныхъ школъ“, на основаніи которыхъ они отнесены къ одному разряду съ приходскими училищами, при чемъ наблюденіе за характеромъ и направленіемъ обученія въ нихъ возлагается на учебное вѣдомство: школы могли открываться только съ разрѣшенія начальства округа, находились въ вѣдѣніи директора, которому распорядитель школы обязанъ доносить о всѣхъ новопоступающихъ и выбывающихъ преподавателяхъ. Обученіе закону Божію поручалось священно - служителямъ и, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, студентамъ духовныхъ академій и воспитанникамъ семинарій; книги могли быть употребляемы лишь одобренныя для приходскихъ училищъ. Послѣдующими правительственными постановленіями усиленъ надзоръ за школами, а чтобы доставить возможность распорядителямъ и учредителямъ школъ пользоваться совѣтами и указаніями учебнаго вѣдомства, разрѣшено распорядителямъ школъ собираться разъ или два въ мѣсяцъ для обсужденія, въ присут-

ствіи лица отъ учебнаго вѣдомства, вопросовъ о школѣ. Такъ какъ общество вскорѣ охладѣло къ этимъ школамъ, то число ихъ стало быстро уменьшаться; когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались неправильности въ учебномъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ: преподаваніе такихъ предметовъ, которые не входятъ въ курсъ приходскихъ училищъ, даже распространеніе нѣкоторыми вредныхъ ученій—тогда было повелѣно закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы, а въ 1862 году, 10 іюня, Высочайше повелѣно: 1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ; 2) впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ закрыть всѣ существовавшіе воскресныя школы и читальни.

Правила эти не распространялись на Остзейскія губерніи, гдѣ эти школы существуютъ издавна, но на другихъ основаніяхъ, не представляющихъ поводовъ къ закрытію, они имѣли значеніе только для губерній великорусскихъ, западныхъ и южныхъ.

Воскресныя школы, открываемыя духовенствомъ. Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г. предоставлялось духовенству право открывать воскресныя школы для лицъ, не имѣющихъ возможность посѣщать школы ежедневно, и руководить занятіями въ нихъ. Первыя такія школы были открыты въ Самарской епархіи въ 1867 году для противодѣйствія вліянію раскольниковъ - начетчиковъ. Народъ отнесся къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ и собирался по воскресеньямъ для слушанія объясненій дневныхъ Евангелій, молитвъ, учился чтенію и церковному пѣнію. По примѣру Самарскаго духовенства, воскресныя школы стали открываться и въ другихъ епархіяхъ и значительно содѣйствовали своимъ вліяніемъ народному образованію. Мѣстомъ для занятій служила обыкновенно церковь, церковная сторожка, училищное зданіе, домъ самого священника; особой программы для нихъ не существовало, занятія состояли въ чтеніи и объясненіи Евангелія, молитвъ, житій святыхъ, а также въ изученіи церковнаго пѣнія, грамоты и счета. Дабы вліяніе духовенства на народное образованіе достигло еще болѣе успѣшныхъ результатовъ и для ознакомленія воспитанниковъ духовныхъ семинарій, какъ будущихъ пастырей и учителей народа, съ главными пріемами обученія, духовное начальство нашло полезнымъ взамѣнъ медицины, сельскаго хозяйства и естественной исторіи ввести въ дух. семинаріяхъ педагогику; для практическаго же ознакомленія воспитанниковъ духовной

семинаріи съ преподаваніемъ, въ 1866 — 1867 годахъ, при большинствѣ духовныхъ семинарій открываются воскресныя школы. Эти школы состояли подъ наблюденіемъ ректоровъ семинарій, а преподаваніе производилось воспитанниками старшаго класса, подъ руководствомъ преподавателя педагогики. Предметами обученія были тѣ же, что и въ начальныхъ училищахъ, особенное же вниманіе обращалось на уроки по закону Божію, при чемъ каждый урокъ начинался, сопровождался и оканчивался пѣніемъ употребительныхъ церковныхъ молитвъ, при участіи всѣхъ присутствовавшихъ. Хотя эти воскресныя школы и страдали отсутствіемъ средствъ, къ тому же и время для практическихъ занятій воспитанниковъ было такъ коротко, что они не успѣвали вполнѣ освоиться съ практикою преподаванія, тѣмъ не менѣе и эти школы принесли свою долю пользы народному образованію, такъ какъ доставляли возможность городскому населенію пользоваться безплатнымъ обученіемъ, безъ стѣсненія для своихъ недѣльныхъ занятій, а воспитанники духовныхъ семинарій все-таки отчасти уже знакомились въ семинаріи съ учительскою дѣятельностію.

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКІЯ ШКОЛЫ. Церковно-приходскою школою въ прежнее время называлось вообще начальное народное училище, въ которомъ дѣти, подъ руководствомъ священника или кого-либо изъ лицъ церковнаго причта, получали религіозно-нравственное воспитаніе и образованіе въ духѣ православной Церкви и русской народности. Училища такого типа возникли одновременно съ крещеніемъ Руси, и въ теченіе всей жизни русскаго государства, равно какъ и въ настоящее время, служатъ для русскаго народа самыми излюбленными его элементарными училищами, въ которыхъ онъ утверждается въ православномъ ученіи вѣры и христіанской нравственности и получаетъ первоначальныя полезныя знанія. Такія школы открывались при церквахъ, учителями въ нихъ состояли священники, главною цѣлью обученія было наставленіе учащихся въ истинахъ православной вѣры. Въ этихъ школахъ первое время обучались преимущественно тѣ изъ народа, которые готовились для священно-и церковно-служительской дѣятельности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такія училища были доступны и мірянамъ и вообще всѣмъ, желавшимъ быть грамотными или получить книжное образованіе. Такимъ образомъ, съ первыхъ временъ водворенія на Руси христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и школы, въ основу умственной

жизни русскаго народа легло религіозно-нравственное образованіе въ духѣ православной Церкви и русской народности. Находя въ этихъ школахъ полное удовлетвореніе потребностямъ и стремленіямъ своей новоозаренной христіанскою вѣрою духовной жизни, русскій народъ уже съ первыхъ эпохъ водворенія на Руси грамотности такъ освоился и сроднился съ этими школами, такъ проникся любовію и уваженіемъ къ нимъ, что послѣ церкви школа въ его глазахъ получила наивысшее для него значеніе. Всѣ возникавшія въ послѣдующее время школы учреждались также при церквахъ и монастыряхъ и во всемъ отражали тѣ свои самобытныя основы—православіе и русскую народность, на которыхъ впервые и создалась церковно-приходская школа. Хотя въ періодъ монгольскаго владычества дѣло русскаго образованія замедлилось, но и тогда школа продолжала свое существованіе въ монастыряхъ и въ мѣстностяхъ, до которыхъ не коснулись азіатскіе поработители. По сверженіи монгольскаго ига, первою заботою князей и святителей Церкви было возстановленіе русской школы въ прежнемъ ея видѣ. Первыя русскія училища, возникшія въ XVII столѣтіи организуются по типу церковно-приходской школы, и первое высшее въ Москвѣ училище—славяно-греко-латинская академія возникло изъ такой же школы. Такимъ же характеромъ отличались и всѣ братскія школы, служившія въ юго-западной Руси оплотомъ православія противъ латинства, и изъ такой же школы развилось высшее южно-русское училище — Кіево-Могилянская коллегія. Сами князья и цари, а также высшія лица духовной іерархіи, равно какъ и самъ народъ, сознавая пользу, доставляемую этими школами, заботились объ ихъ открытіи и дальнѣйшемъ ихъ существованіи. Что же касается какихъ-либо офиціальныхъ законоположеній относительно этихъ школъ, то таковыхъ совершенно не было, такъ какъ вся организація ихъ возникла и установилась сама собою и вытекала, какъ естественное слѣдствіе изъ самыхъ требованій русской жизни. Это были въ полномъ значеніи слова народныя начальныя училища; будучи доступны для всѣхъ, начинающихъ обученіе, онѣ предлагали то, что только наиболѣе соотвѣтствовало требованіямъ духовной жизни русскаго человѣка того времени—слово Божіе, истины православной вѣры и правила христіанскаго благочестія. Получая отъ школы то духовное достояніе, которое необходимо каждому православному русскому человѣку, высоко цѣня тѣ основы, на которыхъ создалась русская

школа—русскій человѣкъ смотрѣлъ на свою школу, какъ на единственную, которая только и можетъ удовлетворить его. Когда въ эпоху Петра Великаго возникли народныя школы другого типа, цыфирныя школы, то онѣ, какъ несоотвѣтствовавшія требованіямъ русскаго человѣка, вскорѣ прекратили свое существованіе. Хотя съ этого времени церковно-приходскія школы не пользовались еще особымъ вниманіемъ со стороны правительства, которое не заботилось ни объ ихъ учрежденіи, ни объ ихъ содержаніи, тѣмъ не менѣе и послѣ Петра Великаго онѣ продолжали существовать и служить на пользу народнаго образованія: русское духовенство продолжало открывать при церквахъ и монастыряхъ свои училища, многіе священники и члены причта заводили школы въ своихъ домахъ. Избѣгая правительственныхъ училищъ, несоотвѣтствовавшихъ его воззрѣніямъ, народъ охотно отдавалъ своихъ дѣтей въ училища, содержимыя духовенствомъ, гдѣ дѣти учились церковнославянской грамотѣ, чтенію книгъ божественныхъ и церковныхъ, гдѣ имъ поясняли истины православной вѣры и тѣ священнодѣйствія, которыя совершаются въ церкви.

Когда въ царствованіе Императора Александра I-го въ приходскихъ училищахъ по уставу 1804 года получили официальное значеніе свѣтскія науки, а учителями назначались священники, тогда послѣдніе стали дѣятельно открывать такія училища и часто даже на свои средства; но эти училища, по скудости своихъ средствъ, не могли долго существовать и вскорѣ закрывались; народъ же продолжалъ обучать своихъ дѣтей или въ частныхъ школахъ, заводимыхъ священниками, устроенныхъ по типу церковно-приходскихъ, или въ школахъ Духовнаго вѣдомства, или же отдавали дѣтей на выучку грамотнымъ людямъ. Лишь въ царствованіе Императора Николая Павловича правительство начинаетъ обращаться къ духовенству, офиціально обязывая и поощряя его къ заведенію училищъ для народа, а Святѣйшій Синодъ своими опредѣленіями, возлагая на духовенство заботы по начальному народному образованію, офиціально вызываетъ къ жизни церковно-приходскую школу. На церковно-приходскую школу, какъ и на школы, учреждаемыя въ это время разными правительственными вѣдомствами, возлагается дѣло народнаго образованія, и духовенство получаетъ офиціальное значеніе народныхъ учителей.

Особенно быстро стали распространяться церковно-приходскія школы отъ Духовнаго вѣдомства со времени изданія Указа Свя-

тѣйшаго Синода—о заведеніи училищъ при церквахъ для крестьянскихъ дѣтей. Благодаря заботамъ принявшаго въ этомъ дѣлѣ живое участіе кіевскаго митрополита Исидора, и послѣ него Арсенія, Кіевская епархія особенно содѣйствовала развитію церковно-приходскихъ школъ. Примѣру Кіевскаго духовенства послѣдовало духовенство и другихъ епархій и особенно на юго-западѣ Россіи, въ губерніяхъ—Волынской, Подольской, Черниговской, Виленской и Гродненской. Въ великороссійскихъ епархіяхъ учрежденіе церковно-приходскихъ школъ шло успѣшнѣе всего въ епархіяхъ Тверской, Рязанской, Орловской и Тульской.

Рядъ правительственныхъ мѣропріятій и распоряженій имѣлъ цѣлью привлечь духовенство къ дѣлу народнаго образованія; такъ, священники и діаконы, окончившіе курсъ въ духовной семинаріи, получали право безъ всякаго испытанія открывать школы, занимать мѣста учителей въ приходскихъ казенныхъ училищахъ, какъ-то: вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, Государственныхъ Имуществъ и друг.

Въ церковно - приходскихъ школахъ этого времени, сохранившихъ свое религіозно-нравственное направленіе, кромѣ церковнославянской грамоты, чтенія и изученія книгъ церковныхъ и божественныхъ — псалтири, часослова, житій святыхъ и церковнаго пѣнія, присоединяется еще изученіе катехизиса, чтеніе и письмо гражданской печати и начальныя понятія изъ ариѳметики. Хотя многія училища и не были обезпечены ни помѣщеніемъ, ни вкладами, ни учебными пособіями, тѣмъ не менѣе они стали постепенно заводиться, число ихъ годъ отъ году увеличивалось, и въ 1851 году общее число церковно-приходскихъ школъ было 4,713. Въ этомъ же году, съ Высочайшаго соизволенія, Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено было въ видѣ опыта ввести въ послѣднихъ классахъ Смоленской духовной семинаріи изученіе педагогики съ практическою ея частью—дидактикой, съ тою цѣлью, чтобы воспитанники семинаріи были научно подготовлены къ учительской дѣятельности и ознакомились бы съ различными пріемами преподаванія. Черезъ два года эта мѣра была распространена и на всѣ духовныя семинаріи, а черезъ нѣсколько лѣтъ въ нихъ заведены были воскресныя школы, гдѣ воспитанники занимались практически дѣломъ преподаванія. Въ 1864 году въ положеніи о приходскихъ попечительствахъ снова предоставлено духовнымъ лицамъ право устраивать школы для первоначальнаго обученія дѣтей въ предѣ-

лахъ прихода и завѣдывать ими; въ 1869 году особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ духовнымъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, предоставлены особыя права въ дѣлѣ учительства народа.

Особенно же поощряющее значеніе на открытіе духовенствомъ церковно-приходскихъ школъ имѣло благосклонное къ нимъ вниманіе Императора Александра II-го, выразившаго желаніе, чтобы ему доносилось два раза въ годъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ. Это царское слово возбудило такое соревнованіе въ духовенствѣ, что число школъ стало быстро возрастать во всѣхъ епархіяхъ, а въ нѣкоторыхъ онѣ учреждались при всѣхъ приходскихъ церквахъ, и въ 1865 году такихъ школъ во всей имперіи числилось уже 21,420 съ 413,524 учащимися.

Церковно-приходскія школы этого времени, находясь въ весьма разнообразныхъ условіяхъ относительно матеріальныхъ средствъ, помѣщенія, распредѣленія учебнаго времени, способовъ преподаванія и проч., имѣли одну общую цѣль—дать дѣтямъ простого народа начальное религіозно-нравственное образованіе въ духѣ православной Церкви и русской народности. Въ административномъ отношеніи онѣ были поставлены въ полную зависимость отъ духовенства, которое обязано было заботиться объ ихъ открытіи и содержаніи, о пріобрѣтеніи книгъ, распредѣленіи учебнаго времени; вообще вся жизнь школы лежала на его отвѣтственности, и оно ежемѣсячно должно было доносить о состояніи школы епархіальному начальству. Самымъ чувствительнымъ недостаткомъ была скудость матеріальныхъ средствъ, вслѣдствіе чего школы нерѣдко страдали относительно своей внѣшней обстановки, какъ-то: помѣщенія, содержанія училища, классной мебели, учебниковъ и пособій. Нерѣдко школа не имѣла вовсе отдѣльнаго помѣщенія, а устраивалась въ церковныхъ сторожкахъ, крестьянскихъ избахъ, въ домахъ священниковъ или причетниковъ. Въ лучшихъ условіяхъ были церковно-приходскія школы у государственныхъ крестьянъ или у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, когда для школы давалось особое помѣщеніе близъ церкви, состоявшее изъ двухъ половинъ: въ одной—классная комната, а въ другой—комната для пребыванія дѣтей, жившихъ далеко отъ церкви. Что касается классной мебели, учебниковъ, пособій, то въ этомъ отношеніи церковно-приходскія школы терпѣли крайнюю нужду: мебелью служило то, что случайно могло только исполнять назначеніе скамьи или

стола, а недостатокъ учебниковъ въ нѣкоторыхъ школахъ былъ такъ великъ, что приходилось раздѣлять учебники по листамъ или читать по-очереди. Хотя Святѣйшій Синодъ и отпускалъ книги въ консисторіи, откуда онѣ разсылались благочиннымъ и священникамъ, обязаннымъ раздавать крестьянамъ за плату, но послѣднее было тягостно крестьянамъ, почему священники нерѣдко пріобрѣтали ихъ на свои средства.

Въ нѣсколько лучшія условія относительно матеріальнаго своего положенія приходятъ церковно-приходскія школы съ 1864 г., когда при многихъ церквахъ открываются приходскія попечительства, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ принимаютъ на себя заботы о помѣщеніи церковно-приходскихъ школъ, о снабженіи ихъ книгами, учебными пособіями, мебелью, въ нѣкоторыхъ же приходахъ изыскиваются средства на содержаніе училищъ и даже на жалованье учителямъ. Но это улучшеніе школы было только въ тѣхъ приходахъ, гдѣ попечительство обращало вниманіе на эту сторону, тѣ же училища, которыя оставались на содержаніи открывавшихъ ихъ лицъ изъ духовенства, получали весьма скудное обезпеченіе со стороны прихожанъ или всецѣло падали на счетъ содержавшаго ихъ лица; эта же скудость средствъ мѣшала придать этимъ школамъ благоустроенный видъ.

Такъ какъ опредѣленной программы, обязательной для всѣхъ церковно-приходскихъ школъ, не было, то и въ преподаваніи не было единства и строгой системы. Впрочемъ, стремясь къ одной общей цѣли—дать дѣтямъ религіозно-нравственное образованіе на началахъ православной вѣры и народности, всѣ церковно-приходскія школы, несмотря на неимѣніе общей программы, достигали этой цѣли почти одинаковыми путями. Именно во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ обучали дѣтей чтенію книгъ церковной и гражданской печати, закону Божію, священной исторіи, краткому катехизису, чистописанію, начальнымъ правиламъ ариѳметики; по изученіи азбуки и усвоеніи механизма чтенія, затверживали молитвы, затѣмъ переходили къ часослову и псалтири, при чемъ учили читать и писать по-русски; дѣтей пріучали къ пѣнію на клиросѣ, къ чтенію положеннаго при богослуженіи и вообще къ церкви.

Такимъ образомъ, церковно-приходскія школы, удовлетворяя вполнѣ умственнымъ способностямъ народа, несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ, на недостатокъ книгъ и пособій, на от-

сутствіе правильной организаціи и несовершенство пріемовъ обученія, по своей цѣли и по содержанію учебнаго курса вполнѣ удовлетворяли народнымъ воззрѣніямъ на образованіе и грамотность; учившіяся въ нихъ дѣти освоивались съ истинами православной вѣры и правилами христіанской нравственности, выучивались главнѣйшимъ молитвамъ, освоивались со значеніемъ и видомъ церковныхъ службъ, научались чтенію, письму и начальнымъ знаніямъ ариѳметики; слѣдовательно, эти школы давали крестьянскому населенію все, что только можно требовать отъ начальнаго народнаго училища, при чемъ ни родители, ни дѣти не подвергались никакимъ офиціальнымъ стѣсненіямъ или требованіямъ; увеличивая число грамотныхъ людей, онѣ вносили въ общество сознаніе необходимости народнаго образованія, располагали народъ къ школѣ, пріучали его къ обученію своихъ дѣтей и вообще подготовляли грамотное населеніе, которое уже не боялось школы, а само спѣшило отдавать въ нее своихъ дѣтей.

Когда великія реформы, явившіяся послѣдствіемъ 19 февраля 1861 года, коснулись и народнаго образованія, когда къ этому дѣлу было привлечено земство, тогда стали заводиться начальныя народныя училища на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 1874 года; за ними стали открываться одноклассныя и двухклассныя сельскія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія, училища уже обезпеченныя и устроенныя въ матеріальномъ отношеніи, съ болѣе полнымъ курсомъ, съ извѣстными правами для учащихся,—все это было причиною того, что число церковно-приходскихъ школъ значительно сократилось, при чемъ многія изъ нихъ были преобразованы въ эти же начальныя училища на новыхъ положеніяхъ. Такимъ образомъ, число церковно-приходскихъ школъ стало значительно уменьшаться: въ 1866 году ихъ еще считалось 19,436, а въ 1878 году ихъ оставалось только 4,681 школа. При крайнемъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и при увеличеніи числа новыхъ школъ, пользовавшихся обезпеченіемъ, церковно-приходскія школы не могли уже развиваться далѣе; только приходскія попечительства, учрежденныя положеніемъ 1864 года по мѣстамъ оказывали имъ поддержку. Такое быстрое уменьшеніе церковно-приходскихъ школъ не могло остаться незамѣченнымъ для лицъ, поставленныхъ во главѣ надъ ними администраціею, и не могло не вызвать сожалѣнія въ крестьянскомъ населеніи. Въ высшихъ сферахъ управленія какъ въ гражданскихъ, такъ и въ

духовныхъ, продолжали сознавать, что церковно-приходская школа есть тотъ типъ русской народной школы, который имѣетъ свою чисто-русскую основу: возникнувъ на Руси вмѣстѣ съ первымъ лучомъ озарившаго ее христіанства, просуществовавъ въ тѣсной связи съ русскимъ народомъ во всѣ эпохи его жизни, она не оторвалась отъ него и въ эпоху Петра Великаго, когда возникавшія наши училища получили западно-европейскій характеръ. Будучи во всѣ вѣка источникомъ просвѣщенія русскаго народа, сокровищницею и хранительницею его религіозно-нравственнаго воспитанія, она всегда стояла на излюбленныхъ началахъ православной вѣры, преданности Царю и Отечеству. Съ другой стороны и крестьянское населеніе, воспитанное уже столько вѣковъ въ церковно-приходской школѣ, не всегда скоро свыкалось съ новыми школами и неоднократно высказывало желаніе обучать своихъ дѣтей по-прежнему на излюбленныхъ имъ божественныхъ книгахъ у своихъ духовныхъ пастырей; у многихъ изъ простого народа идеаломъ школы продолжала оставаться церковно-приходская школа, неразрывно связанная съ церковью и ученіемъ вѣры; съ открытіемъ новыхъ школъ народъ все продолжалъ цѣнить грамотность лишь какъ средство, связующее его съ церковью и содѣйствующее развитію и утвержденію въ немъ православной вѣры.

Вслѣдствіе такой потребности въ церковно-приходскихъ школахъ и приносимой ими великой пользы, оправдываемой всею исторіею русскаго просвѣщенія, въ высшихъ административныхъ сферахъ приняты были мѣры какъ для увеличенія числа этихъ школъ, такъ и для приданія имъ большей правильности и опредѣленности. Съ этою цѣлью въ 1882 году при Святѣйшемъ Синодѣ была учреждена особая комиссія для устройства этихъ школъ, а въ іюлѣ 1884 г. были Высочайше утверждены Императоромъ Александромъ III правила о церковно-приходскихъ школахъ. Высочайше дарованными правилами о церковно-приходскихъ школахъ, эти училища пріобрѣли опредѣленную организацію съ ясно установленною цѣлью и, щедро обезпеченныя въ средствахъ своего существованія, они получаютъ свое правительственное значеніе, которое еще болѣе вселяетъ въ народѣ любовь и уваженіе къ своей излюбленной школѣ. Послѣдовавшія затѣмъ законоположенія о церковно-приходскихъ школахъ для еще большаго ихъ преуспѣянія, а также ежегодно возрастающія щедрыя суммы, отпускаемыя на нихъ правительствомъ, равно какъ и пожертвованія частныхъ лицъ еще болѣе

содѣйствуютъ этимъ училищамъ въ пріобрѣтеніи всеобщаго довѣрія и уваженія.

Въ виду важнаго значенія, которое имѣетъ въ настоящее время церковно-приходская школа, и ея быстраго и широкаго распространенія, считаемъ полезнымъ познакомить читателей съ Высочайше утвержденными 13 іюня 1884 года правилами о церковно-приходскихъ школахъ всесторонне обнимающими внѣшнюю и внутреннюю жизнь этихъ училищъ, а также съ Высочайше утвержденными 4 мая 1891 года правилами о школахъ грамоты, которыя, какъ мы видѣли, въ предшествовавшія эпохи нерѣдко удовлетворяли нуждѣ въ обученіи всему сельскому населенію въ небольшихъ поселкахъ и малолюдныхъ селеніяхъ.

Правила о церковно-приходскихъ школахъ *) § 1. Церковно-приходскими школами именуются начальныя училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ. Школы сіи имѣютъ цѣлію утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія.

§ 2. Церковно-приходскія школы открываются приходскими священниками или, съ ихъ согласія, другими членами причтовъ, на мѣстныя средства прихода, безъ пособій или съ пособіемъ отъ сельскихъ и городскихъ обществъ, приходскихъ попечительствъ и братствъ, земскихъ и другихъ общественныхъ и частныхъ учрежденій и лицъ, епархіальнаго и высшаго духовнаго начальства, а равно и казны.

§ 3. Объ открытіи церковно-приходской школы приходскіе священники доносятъ чрезъ Благочинныхъ Епархіальному Архіерею, испрашивая его благословенія и утвержденія.

Примѣчаніе. О вновь открываемыхъ церковно-приходскихъ школахъ священники сообщаютъ чрезъ Благочинныхъ для свѣдѣнія Уѣзднымъ Училищнымъ Совѣтамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, должностнымъ лицамъ учебнаго вѣдомства, завѣдывающимъ народными школами.

§ 4. Закрытіе церковно-приходскихъ школъ, а равно и передача ихъ въ другое вѣдомство происходятъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея.

§ 5. Церковно-приходскія школы могутъ быть одноклассныя съ двухлѣтнимъ и двухклассныя съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Въ

---

*) Правила и программы для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Изданіе третье, исправленное. С.-Петербургъ, 1898 года.

нихъ преподаются: 1) Законъ Божій (и именно: а) изученіе молитвъ; б) Священная исторія и объясненіе Богослуженія; в) Краткій Катехизисъ); 2) церковное пѣніе; 3) чтеніе церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальныя ариѳметическія свѣдѣнія. Въ школахъ двухклассныхъ преподаются сверхъ сего начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви и отечества.

Примѣчаніе. Объемъ преподаванія сихъ предметовъ и распредѣленіе ихъ по тѣмъ и другимъ школамъ установляются особыми программами съ утвержденія Святѣйшаго Сѵнода. При семъ наблюдается, чтобъ въ одноклассныхъ школахъ составъ учебныхъ предметовъ былъ не менѣе опредѣленнаго въ Положеніи о нач. нар. учил. 25 мая 1874 г.

§ 6. Вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства подлежатъ и открываемыя по деревнямъ и поселкамъ, входящимъ въ составъ прихода, домашнія крестьянскія школы грамотности.

§ 7. По мѣрѣ надобности и средствъ дозволяется открывать, съ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея, при церковно-приходскихъ школахъ: а) дополнительные классы по предметамъ, преподаваемымъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ школахъ; б) ежедневные уроки для взрослыхъ; в) особыя ремесленныя отдѣленія и рукодѣльныя классы и г) воскресныя школы для лицъ, не имѣющихъ возмости пользоваться ученьемъ ежедневно.

Примѣчаніе. Уроки для взрослыхъ и воскресныя школы могутъ быть открываемы священниками и тамъ, гдѣ нѣтъ церковно-приходской школы.

§ 8. Преподаваніе въ церковно-приходскихъ и воскресныхъ школахъ на урокахъ для взрослыхъ и въ дополнительныхъ классахъ производится по руководствамъ, учебнымъ пособіямъ и вообще книгамъ, указаннымъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ. При названныхъ школахъ, по мѣрѣ средствъ, составляются учительскія и ученическія библіотеки.

§ 9. Приходскія школы нераздѣльно съ церковью должны внушать дѣтямъ любовь къ церкви и богослуженію, дабы посѣщеніе церкви и участіе въ богослуженіи содѣлалось навыкомъ и потребностію сердца учащихся. Въ воскресные и праздничные дни учащіеся должны присутствовать при богослуженіи, а способные, по надлежащей подготовкѣ, должны участвовать въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Ежедневныя учебныя занятія начинаются и оканчиваются молитвою.

§ 10. Обученіе въ церковно-приходскихъ школахъ производятъ

мѣстные священники или другіе, по соглашенію, члены причта, а равно особо назначаемые для того, съ утвержденія Епархіальнаго Архіерея, учители и учительницы, подъ наблюденіемъ священника.

§ 11. Наставленіе въ правилахъ вѣры и преподаваніе закона Божія относится къ прямой обязанности священника. Если въ составѣ причта есть діаконъ, то преподаваніе закона Божія можетъ быть предоставлено и ему. Въ особливыхъ случаяхъ, съ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея, преподаваніе закона Божія можетъ быть предоставлено членамъ клира или благонадежному учителю изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу клира.

§ 12. Учительскія должности въ церковно-приходскихъ школахъ замѣщаются преимущественно лицами, получившими образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства.

§ 13. Преподаватели церковно-приходскихъ школъ изъ свѣтскихъ лицъ, имѣющіе званіе учителя начальнаго народнаго училища, пользуются всѣми правами, сему званію предоставленными.

§ 14. Испытанія оканчивающихъ курсъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ для полученія свидѣтельствъ, дающихъ права на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности, производятся на основаніи общихъ установленныхъ для начальныхъ училищъ правилъ.

§ 15. Лицо, учредившее церковно-приходскую школу на собственныя средства, можетъ быть утверждено Епархіальнымъ Архіереемъ въ званіи попечителя сей школы.

§ 16. Лица, обнаружившія особую ревность о распространеніи народнаго образованія въ духѣ православной церкви, утверждаются Святѣйшимъ Сѵнодомъ въ званіи почетныхъ попечителей церковно-приходскихъ школъ одного или нѣсколькихъ благочиннических округовъ.

§ 17. Почетные попечители церковно-приходскихъ школъ оказываютъ всѣми возможными для нихъ способами поддержку благимъ начинаніямъ мѣстнаго духовенства въ дѣлѣ церковно-православнаго просвѣщенія народа. По званію своему, они состоятъ членами Епархіальнаго Совѣта церковно-приходскихь школъ и, кромѣ того, имѣютъ право непосредственно ходатайствовать о нуждахъ ввѣренныхъ ихъ попеченію церковно-приходскихъ школъ какъ предъ мѣстнымъ Епархіальнымъ Начальствомъ, такъ и въ высшемъ Духовномъ Управленіи.

§ 18. Почетные попечители, представители учрежденій, отъ коихъ церковно-приходскія школы пользуются пособіями, и частные благотворители, жертвующіе на ихъ содержаніе, а также предводители дворянства и члены учебной инспекціи могутъ посѣщать сіи школы, не дѣлая однако отъ себя никакихъ распоряженій или внушеній во время ихъ осмотра. О своихъ наблюденіяхъ они сообщаютъ руководящему школою лицу, а въ случаѣ надобности представляютъ Епархіальному Архіерею.

§ 19. Непосредственное и отвѣтственное завѣдываніе церковно-приходскими школами (см. § 7) возлагается на приходскихъ священниковъ, или же на тѣ лица, кои, въ исключительныхъ случаяхъ, будутъ назначены для сего Епархіальнымъ Архіереемъ, коему принадлежитъ общее завѣдываніе церковно-приходскими школами въ епархіи и попеченіе объ ихъ благоустройствѣ.

§ 20. Къ обязанностямъ Епархіальнаго Архіерея относится:

а) утвержденіе въ должности и увольненіе законоучителей, учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ;

б) поощреніе наиболѣе ревностныхъ священниковъ и учителей;

в) посѣщеніе школъ при обозрѣніи епархій

и г) представленіе Святѣйшему Сvноду ежегодно отчета о состояніи церковно-приходскихъ школъ епархіи.

§ 21. Для ближайшаго руководства церковно-приходскими школами Епархіальные Архіереи назначаютъ, по личному выбору, изъ наиболѣе способныхъ и благонадежныхъ священниковъ, наблюдателей, обязанныхъ ежегодно представлять Преосвященнымъ отчетъ о числѣ и состояніи школъ ввѣреннаго ихъ руководству училищнаго округа. Свѣдѣнія изъ сихъ отчетовъ печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

§ 22. Для обсужденія вопросовъ по церковно-приходскимъ школамъ въ каждой епархіи учреждается Епархіальный Училищный Совѣтъ. Предсѣдатель и члены Совѣта избираются Епархіальнымъ Архіереемъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, преданныхъ дѣлу народнаго образованія и близко знакомыхъ съ бытомъ и духовными потребностями населенія. Къ засѣданіямъ сего Совѣта приглашается на правахъ члена мѣстный Директоръ народныхъ училищъ. Училищный Совѣтъ разсматриваетъ отчеты священниковъ-наблюдателей и представляетъ Епархіальному Архіерею свои соображенія о мѣрахъ, кои могутъ способствовать распространенію въ народѣ просвѣщенія въ духѣ православной церкви.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ существуетъ Епархіальное Церковное Братство, завѣдывающее церковно-приходскими школами Совѣту таковаго Братства могутъ быть, по усмотрѣнію мѣстнаго Архіерея, предоставлены права Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

§ 23. Высшее управленіе всѣми церковно-приходскими школами и распоряженіе отпускаемыми на ихъ содержаніе суммами принадлежитъ Святѣйшему Сѵноду, который, въ развитіе настоящихъ правилъ, имѣетъ издавать особыя постановленія.

Правила о школахъ грамоты. § 1. Школы грамоты суть школы начальнаго обученія, открываемыя въ приходахъ городскихъ и сельскихъ, а равно и при монастыряхъ.

§ 2. Всѣ школы грамоты, какъ существующія уже, такъ и вновь открываемыя, подлежатъ исключительно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства. Попеченіе о школахъ грамоты въ приходахъ и руководство оными возлагается на мѣстныхъ священниковъ, или на тѣ лица, кои будутъ назначены для сего Епархіальнымъ Архіереемъ. Отвѣтственность за православно-церковное направленіе школы во всякомъ случаѣ возлагается на приходскаго священника.

§ 3. Школы грамоты могутъ быть учреждаемы членами причтовъ, монастырями, благотворительными учрежденіями, однимъ или нѣсколькими прихожанами, сельскими и городскими обществами и земствомъ.

§ 4. Мѣстные прихожане, желающіе открыть на свои средства школу грамоты, обращаются за совѣтомъ и указаніями къ приходскому священнику, на обязанность котораго возлагается прісканіе для открываемой школы благонадежныхъ учителя и попечителя и забота о снабженіи ея необходимыми руководствами и учебными пособіями. Всѣ могущія возникнуть между приходскимъ священникомъ и устроителями школы недоразумѣнія разрѣшаются уѣзднымъ отдѣленіемъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, по докладу мѣстнаго о. наблюдателя.

§ 5. Лица и учрежденія, не принадлежащія къ приходу, желающія открыть одну или нѣсколько школъ грамоты въ приходѣ, обращаются съ своимъ предложеніемъ или въ уѣздное отдѣленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, или къ мѣстному священнику, и сообщаютъ при этомъ, гдѣ и на какія средства предполагается открыть школу.

§ 6. Въ школахъ грамоты обучаютъ священники, діаконы и

другіе члены причта, а также свѣтскіе учители, избираемые изъ лицъ православнаго исповѣданія, благочестивой жизни и знакомыхъ съ предметами начальнаго обученія. Избраніе учителей для школъ грамоты предоставляется учредителямъ оныхъ, по соглашенію съ приходскимъ священникомъ.

§ 7. Лица, имѣющія свидѣтельство на званіе учителя, допускаются къ учительству въ школѣ грамоты по удостовѣреніи въ нравственной ихъ благонадежности, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія уѣзднаго отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

§ 8. Если избранное священникомъ или указанное учредителями школы лицо не имѣетъ свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или учителя церковно-приходскихъ школъ, то священникъ предварительно удостовѣряется въ знаніи имъ молитвъ, священной исторіи, краткаго катехизиса и прочихъ предметовъ обученія въ школѣ грамоты, и если избранное священникомъ или указанное учредителями школы лицо окажется достаточно свѣдущимъ въ законѣ Божіемъ и въ прочихъ предметахъ школы грамоты и нравственно благонадежнымъ, то приходскій священникъ даетъ такому лицу письменное разрѣшеніе на вступленіе въ должность учителя, о чемъ и доноситъ уѣздному отдѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Лица, допущенныя къ учительству въ школахъ грамоты на основаніи сего § правилъ, не пользуются льготою по 36 ст. Уст. о воинской повинности.

§ 9. Учители школъ грамоты, имѣющіе свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или учителя церковно-приходской школы, пользуются всѣми присвоенными симъ званіямъ правами и освобождаются отъ отбыванія воинской повинности по 63 ст. Уст. о сей повинности, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ со времени зачисленія ихъ въ запасъ уѣздныя отдѣленія Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ представляли о таковыхъ учителяхъ въ подлежащія по воинской повинности присутствія удостовѣренія въ томъ, что означенные учители школъ грамоты не оставили соотвѣтствующихъ ихъ званію занятій.

§ 10. Приходскіе священники ходатайствуютъ предъ уѣздными отдѣленіями объ утвержденіи въ званіи попечителей школъ грамоты тѣхъ лицъ, кои устроили таковыя школы, или оказываютъ имъ содѣйствіе своими матеріальными средствами, а общества и учрежденія, открывшія школы грамоты, сами избираютъ изъ своей среды попечителя школы. Попечители школъ грамоты утверждаются

въ семъ званіи Епархіальнымъ Архіереемъ, по представленіямъ уѣздныхъ отдѣленій Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

§ 11. Попечители школъ грамоты, вмѣстѣ съ приходскими священниками, заботятся: 1) объ устройствѣ удобнаго школьнаго помѣщенія и о доставленіи классныхъ принадлежностей, 2) о своевременномъ, по мѣстнымъ условіямъ, началѣ школьнаго ученія и о возможно-исправномъ посѣщеніи школы учащимися, 3) о своевременной и исправной выдачѣ учителю положеннаго вознагражденія и 4) о возможно-исправномъ посѣщеніи храма Божія учащимися, съ каковою цѣлію въ отдаленныхъ отъ церкви деревняхъ можетъ быть учрежденъ добровольный нарядъ очередныхъ подводъ.

§ 12. Попечители школъ грамоты изъ крестьянъ пользуются преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія (п. п. и 2 ст. 124 Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 года).

§ 13. Попечители школъ грамоты, оказавшіе особое матеріальное и нравственное содѣйствіе преуспѣянію означенныхъ школъ, по засвидѣтельствованію о семъ членовъ уѣздныхъ отдѣленій, лично обозрѣвавшихъ школы, и на основаніи журнальныхъ постановленій сихъ отдѣленій, могутъ быть предоставляемы Епархіальными Преосвященными къ почетнымъ наградамъ.

§ 14. Предметы курса школъ грамоты составляютъ: законъ Божій (краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта и краткій Катехизисъ), церковное пѣніе съ голоса, чтеніе церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисленіе.

§ 15. Преподаваніе въ школахъ грамоты производится по руководствамъ, учебнымъ пособіямъ и вообще книгамъ, указаннымъ Святѣйшимъ Сvнодомъ и Училищнымъ при Святѣйшемъ Сvнодѣ Совѣтомъ. При названныхъ школахъ, по мѣрѣ средствъ, составляются учительскія и ученическія библіотеки изъ книгъ, одобренныхъ и допущенныхъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Сvнодѣ.

§ 16. Въ каждой школѣ грамоты должна быть классная книга, въ которую учитель вноситъ имена и фамиліи учащихся, отмѣчаетъ пропущенные ими уроки, съ объясненіемъ причинъ таковыхъ пропусковъ, и ведетъ запись содержанія преподаваемыхъ уроковъ. Въ эту же книгу священникъ, попечитель и наблюдатель, отъ времени до времени, вносятъ свои замѣчанія объ успѣхахъ учащихся и вообще о ходѣ школьнаго обученія.

§ 17. Опредѣленіе учебнаго времени въ школахъ грамоты въ

теченіе года и составленіе расписанія недѣльныхъ уроковъ для сихъ школъ возлагается на уѣздныя отдѣленія Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ.

§ 18. По окончаніи учебнаго года, священникъ, совмѣстно съ учителемъ и попечителемъ школы и, по возможности, въ присутствіи сельскихъ властей и родителей учащихся, производитъ испытанія всѣмъ ученикамъ школы грамоты. Удовлетворительно выдержавшіе экзаменъ ученики и ученицы школъ грамоты получаютъ удостовѣреніе въ знаніи ими пройденнаго курса, за подписью приходскаго священника, попечителя и учителя школы, съ приложеніемъ церковной печати. Уѣздныя отдѣленія заблаговременно снабжаютъ приходскихъ священниковъ бланками означенныхъ удостовѣреній. Удостовѣренія сіи никакихъ правъ по отбыванію воинской повинности получившимъ ихъ ученикамъ не даютъ. Для полученія свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности ученики школъ грамоты могутъ подвергаться испытанію въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ духовнаго вѣдомства наравнѣ съ учениками церковно-приходскихъ школъ (Собр. Узак. и Расп. Прав. 1889 г. № 31, ст. 272).

§ 19. Для успѣшнаго хода учебно-воспитательной части въ школахъ грамоты, приходскимъ священникамъ вмѣняется въ обязанность возможно частое посѣщеніе ихъ.

§ 20. При посѣщеніи школы грамоты священникъ испытываетъ учащихся въ пройденномъ, наблюдаетъ за преподаваніемъ учителя и ведетъ бесѣды по предметамъ закона Божія. Особенное вниманіе со стороны священника должно быть обращено на церковно-воспитательную сторону школъ грамоты, какъ-то: благоговѣйное чтеніе молитвъ въ школѣ, посѣщеніе учащимися храма Божія въ воскресные и праздничные дни, внѣклассное чтеніе книгъ и брошюръ назидательнаго содержанія.

§ 21. Предъ началомъ и при окончаніи учебнаго года совершаются молебствія, на кои своевременно приглашаются сельскія власти и родители учащихся.

§ 22. Въ праздничные и воскресные дни предоставляется учителю устраивать вечернія чтенія въ школѣ для учащихся и ихъ родителей. Чтенія эти сопровождаются пѣніемъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній и производятся по указаніямъ и подъ руководствомъ приходскаго священника.

§ 23. Возлагаемыя сими правилами на уѣздныя отдѣленія Епар-

хіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ обязанности по завѣдыванію школами грамоты въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ таковыя отдѣленія еще не открыты, возложить временно, впредь до открытія сихъ отдѣленій, на Епархіальные Училищные Совѣты.

§ 24. Высшее управленіе всѣми школами грамоты и распоряженіе отпускаемыми на ихъ содержаніе суммами принадлежитъ Святѣйшему Сѵноду, который, въ развитіе настоящихъ правилъ, имѣетъ издавать особыя постановленія.

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ правиламъ, считаемъ полезнымъ также помѣстить здѣсь взятыя нами изъ введенія къ программамъ учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ *) статьи: „Устройство церковно-приходской школы“ и „Отношеніе церковно-приходской школы къ воспитанію семейному и къ домашнимъ школамъ грамоты“, содержащія въ себѣ, по нашему мнѣнію, цѣнныя указанія для домашняго воспитанія дѣтей всѣхъ сословій.

1. Устройство церковно-приходской школы. Послѣ домашняго приготовленія въ томъ или другомъ видѣ, церковно-приходская школа принимаетъ дѣтей подъ свой кровъ въ самое благопріятное время ихъ духовнаго развитія, когда съ одной стороны сердце ихъ сохраняетъ еще всю впечатлительность дѣтскаго возраста, съ другой—начинаютъ въ нихъ пробуждаться умственныя способности. Два года церковно-приходской одноклассной школы—это для большей части дѣтей время и начальнаго и вмѣстѣ окончательнаго образованія ихъ, и изъ нея прямо уже они вступятъ въ жизнь. Пройти двухклассную школу придется весьма немногимъ; но и она такъ кратковременна сравнительно съ другими подобными заведеніями. Какое же вниманіе и какая забота требуются отъ руководителей школы, чтобы это по истинѣ золотое время не прошло для дѣтей безплодно!

Въ наше время особенно заботятся объ установленіи твердыхъ основъ для педагогіи: ищутъ ихъ въ свойствахъ человѣческой природы, въ особенностяхъ народовъ, въ бытовыхъ и историческихъ условіяхъ, и ни одна, къ сожалѣнію, наука не представляетъ столько произвольныхъ и часто противорѣчивыхъ взглядовъ на свой предметъ, какъ наука о воспитаніи. Задача церковно-приходской школы значительно облегчается тѣмъ, что она имѣетъ прямое,

---

*) Правила и программы для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Изданіе третье, исправленное. С.-Петербургъ, 1898 года.

ясное и твердое руководство въ Церкви. Послушаніе матери Церкви — искреннее, въ простотѣ сердца, какъ это свойственно дѣтямъ — вотъ ея незыблемая опора и отличительный отъ всѣхъ иныхъ подобныхъ школъ характеръ.

Учебный день начинается чтеніемъ утреннихъ молитвъ по узаконенному правилу. Чинопослѣдованіе утренней молитвы, нѣсколько сокращенное именно для дѣтей, учащихся въ начальныхъ сельскихъ училищахъ, находится въ Учебномъ Часословѣ, изданномъ по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Училищнымъ при ономъ Совѣтомъ. Желательно, чтобы молитвы: „Царю Небесный“, „Святый Боже“, „Пресвятая Троице“, „Отче нашъ“ были не читаны, а пѣты хоромъ дѣтей. Въ видахъ сближенія дѣтей съ жизнію Церкви желательно также, чтобы послѣ тропарей Троичныхъ дѣтьми была пропѣта пѣснь, приличествующая дню (тропарь дня седмицы), также чтобы пѣты, а не читаны были пѣсни: „Спаси, Господи, люди Твоя“ и заключительное „Достойно есть“. Въ дни, слѣдующіе за великими праздниками, до окончанія церковнаго попразднества, поются вмѣсто пѣсней, приличествующихъ дню, тропари сихъ праздниковъ. За симъ каждый урокъ, какому бы предмету онъ ни былъ посвященъ, предваряется пѣніемъ: „Царю Небесный“ и оканчивается пѣніемъ: „Достойно есть“. Въ дни послѣ-пасхальные, до праздника Вознесенія Господня, въ началѣ урока поется: „Христосъ воскресе“, въ концѣ: „Свѣтися, свѣтися“; отъ сего праздника до окончанія попразднества въ началѣ урока: „Вознеслся еси во славѣ“ и пр., въ концѣ: „Тя паче ума и словесе Матерь Божію“. Послѣ праздника Пятидесятницы до окончанія попразднества въ концѣ уроковъ поется: „Радуйся, Царице, Матеродѣвственная славо“. Сообразное съ симъ измѣненіе должно быть дѣлаемо и въ утренней молитвѣ. За молитвой утренней непремѣнно присутствуетъ наставникъ; но желательно, чтобы и священникъ, по возможности чаще, посѣщалъ школу именно въ это время. При этомъ начальный возгласъ и отпускъ онъ долженъ сдѣлать самъ и вообще стараться о совершеніи молитвы въ духѣ церковнаго чиноположенія. Первый послѣ молитвы урокъ посвящается наставленію въ Законѣ Божіемъ. Во время молитвы и, если окажется возможнымъ, во все продолженіе этого перваго урока лампадка предъ класснымъ образомъ или восковая свѣчка должны быть возжены.

За симъ идутъ уроки другихъ предметовъ, указанныхъ въ Вы-

сочайше утвержденныхъ о церковно-приходскихъ школахъ правилахъ. Въ предлагаемыхъ подробныхъ программахъ сихъ предметовъ выяснены, по возможности, ихъ значеніе, объемъ и взаимное отношеніе, указаны воспитательныя ихъ цѣли, и даны нѣкоторыя руководственныя наставленія относительно самаго ихъ преподаванія. Эти программы, по указанію опыта, могутъ быть измѣняемы и дополняемы послѣдующими распоряженіями Святѣйшаго Сvнода. Но какъ бы точно ни старались эти программы и указанія опредѣлить потребности школы, много еще остается здѣсь собственному умѣнію и усердію добрыхъ дѣятелей. Была бы въ нихъ эта горящая любовь къ Церкви, сердце имъ всегда скажетъ, чего требуетъ она отъ нихъ для ввѣренныхъ имъ ея дѣтей, и Духъ Благій наставитъ ихъ на всякую истину.

Въ обращеніи наставниковъ съ дѣтьми долженъ господствовать духъ кротости. Пусть всегда они помнятъ и хранятъ слово Апостола отцамъ: не раздражайте чадъ своихъ, но воспитовайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни (Ефес. 6, 4). Первый митрополитъ нашъ святой Михаилъ призывалъ къ себѣ учителей и наставлялъ ихъ учить дѣтей не только грамотѣ, но и благонравію, дѣйствовать на нихъ не гнѣвомъ и не жестокостію, а ласковостію и страхомъ, растворенным любовію, и благоразумно приспособляться въ своихъ урокахъ къ силамъ и понятіямъ каждаго (Степ. кн. 1, 143). Бываютъ иногда нужны и особенныя строгія мѣры для вразумленія лѣнивыхъ и упорныхъ; но наставникъ въ примѣненіи ихъ долженъ всячески избѣгать униженія дѣтей и жестокости съ ними.

Между уроками должны быть перерывы: въ это время дается дѣтямъ свобода побѣгать и поиграть на воздухѣ, и классная комната должна быть освѣжена открытіемъ форточки. Но наставникъ долженъ не опускать ихъ изъ виду и во время свободы отъ классныхъ занятій, и всячески содѣйствовать облагороженію ихъ нравовъ, отучая ихъ отъ драчливыхъ игръ и грубыхъ словъ. Вообще онъ долженъ пріучать дѣтей къ порядку, точности, вѣжливости, благопристойности, воздержанію въ словахъ и поступкахъ, благодарности и строгому повиновенію.

Во всѣ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни дѣти обязаны быть въ церкви за всенощной, литургіей, вечерней и стоять вмѣстѣ рядами близъ солеи. Наиболѣе благонравные допускаются къ подаванію просфоръ и кадила и возжиганію свѣчъ; успѣвшіе — къ чтенію часовъ, шестопсалмія и канона; наиболѣе

искусные въ чтеніи допускаются и къ чтенію Апостола; умѣющіе пѣть поютъ на клиросѣ.

Было бы весьма желательно, чтобы и вечерняя молитва совершалась дѣтьми вмѣстѣ и также по указанному правилу. Чинопослѣдованіе вечерней молитвы, сокращенной для учащихся дѣтей, находится въ указанномъ выше „Учебномъ Часословѣ".

2. Отношеніе церковно-приходской школы къ воспитанію семейному и къ домашнимъ школамъ грамоты. Церковно-приходской школѣ предшествуетъ частное или предварительное наставленіе дѣтей въ семьяхъ и въ домашнихъ школахъ грамоты.

Воспитаніе христіанскаго ребенка начинается съ первыхъ дней его жизни. Еще онъ не навыкнетъ сознавать себя, а разнородныя вліянія многими незримыми путями успѣли уже проникнуть въ его душу. Искреннее благочестіе отца и матери, благоговѣйно совершаемая ими молитва, ихъ терпѣливая покорность волѣ Божіей въ тяжкихъ испытаніяхъ жизни, любовь къ труду, забота о младшихъ членахъ семьи — все это передается воспріимчивому сердцу ребенка въ доброй христіанской семьѣ, которой святый Апостолъ Павелъ даетъ многознаменательное наименованіе: *„домашняя церковь"* (1 Кор. 16, 19). Охраненіе этихъ добрыхъ началъ христіанской семьи должно составлять особенную заботу пастыря Церкви. Посѣщая своихъ прихожанъ *не нуждею, но волею и по Бозѣ*, онъ долженъ тщательно смотрѣть, среди какихъ вліяній возрастаютъ въ семьѣ дѣти, приводятъ ли ихъ въ храмъ, не оставляютъ ли на долгое время безъ пріобщенія святыхъ Таинъ, пріучаютъ ли ихъ къ молитвѣ и соблюденію постовъ, и внушать родителямъ важность и спасительность христіански-церковнаго воспитанія дѣтей.

Но уже и въ предѣлахъ этихъ малыхъ домашнихъ церквей скоро сказывается нужда въ общемъ и совмѣстномъ обученіи дѣтей. Не всѣ знаютъ грамоту, семейныя заботы такъ разнообразны и тяжелы, особенно въ бѣдной крестьянской семьѣ, дѣти охотнѣе учатся вмѣстѣ, нужны хотя нѣкоторыя классныя принадлежности: всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ необходимымъ учрежденіе домашнихъ школъ грамоты, и онѣ дѣйствительно, по требованію самой жизни, во множествѣ возникаютъ повсюду въ Россіи. Эти домашнія школы грамоты составляютъ переходную ступень отъ семьи къ правильно-устроенной церковно-приходской школѣ, подготовляютъ въ ней и служатъ для нея питомниками. Забота священника, руководителя этой послѣдней, должна быть направлена къ тому,

чтобы всячески поддерживать эти первые, частные опыты совмѣстнаго обученія дѣтей, дабы не дать заглохнуть ни одной искрѣ добра въ этомъ важномъ дѣлѣ ихъ воспитанія и самое слабое усердіе къ нему поддержать и оживить.

Но такъ какъ въ настоящее время широкаго распространенія грамотности и общаго стремленія къ обученію дѣтей является множество учителей разной подготовки и разнаго направленія, то слѣдуетъ точнѣе опредѣлить, чѣмъ должна быть школа грамоты, желательная для православной Церкви.

Слово грамота взято съ греческаго *γράμματα*, значитъ *писанія*. Какія именно писанія или какую грамоту надобно преподавать для просвѣщенія дѣтей, указываетъ святый Апостолъ Павелъ въ посланіи къ ученику своему Тимоѳею: Ӕкѡ и҆змлада, пишетъ онъ, сщ҃е́ннаѧ писа̑нїѧ *(τὰ ἱερὰ γράμματα)* оу҆мѣ́еши, могꙋ́щаѧ тѧ̀ оу҆мꙋдри́ти во спасе́нїе вѣ́рою, ꙗ҆́же ѡ҆ Хр҇тѣ̀ І҆и҃сѣ (2 Посл. 3, 15). По сему Апостольскому ученію, издревле въ Церкви съ именемъ грамоты соединялось понятіе грамоты священной, подобно тому, какъ съ словомъ *Библія* соединяется понятіе о книгахъ священныхъ. И въ нашемъ отечествѣ встарину обучали не инымъ, а именно священнымъ писаніямъ, священной грамотѣ. Это видно, между прочимъ, изъ заглавія молитвы предъ началомъ ученія въ требникѣ: „молитва егда приходитъ отроча учитися *священнымъ писаніемъ*". Наименьшій необходимый кругъ священныхъ писаній или грамоты составляли: послѣ азбуки часовникъ (часословъ) и псалтырь—книги по преимуществу богослужебныя и молитвенныя. Урокъ предварялся тремя земными поклонами, и дѣти оканчивали его *перекрестясь цѣлованіемъ* книги (въ подражаніе священнику, цѣлующему прочитанныя строки св. Евангелія).

Отсюда выясняется такъ называемый типъ истинной школы грамоты. Составляя прямое продолженіе домашняго воспитанія и имѣя болѣе характеръ семейный, начальная школа грамоты уживается во всякомъ, даже и самомъ тѣсномъ помѣщеніи, простой и бѣдной избѣ, и опредѣляется направленіемъ религіозно-воспитательнымъ и составомъ предметовъ по преимуществу священныхъ и церковно-богослужебныхъ. Необходимые предметы школы грамоты составляютъ: наученіе чтенію, часословъ, псалтырь, пѣніе молитвъ и главнѣйшихъ, болѣе употребительныхъ, церковныхъ пѣснопѣній. За симъ, по степени важности, слѣдуетъ чтеніе гражданской печати, письмо и начальное счисленіе. Поэтому и въ учи-

теляхъ и въ учительницахъ сихъ школъ главнымъ образомъ должно искать искренней набожности, православной церковности и сердечной мягкости, а въ научномъ отношенiи достаточно, если они умѣютъ вѣрно и толково читать по церковно-славянски и по-русски, и знаютъ то въ письмѣ и счисленiи, чему берутся дѣтей научить.

Особеннаго вниманiя со стороны пастырей требуютъ школы инородческiя. Если въ русскомъ православномъ населенiи школа грамоты продолжаетъ дѣло семьи, то въ населенiи инородческомъ она принимаетъ на себя все дѣло христiанскаго воспитанiя, ибо инородческая, даже крещеная, семья, за весьма рѣдкими исключенiями, не можетъ дать дѣтямъ христiанскихъ навыковъ, а, напротивъ, раститъ ихъ въ бытовыхъ и отчасти даже религiозныхъ навыкахъ и понятiяхъ языческихъ и иновѣрныхъ. Посему инородческой школѣ грамоты нужно дать наибольшую возможность религiозно-воспитательнаго воздѣйствiя на своихъ питомцевъ, предоставляя имъ въ этихъ школахъ, на первыхъ порахъ, обучаться на родномъ нарѣчiи.

Предоставляя возможную свободу учителю или учительницѣ грамоты, особенно въ школахъ инородческихъ, священникъ тѣмъ не менѣе долженъ не только слѣдить за ходомъ ученiя въ этихъ школахъ, но и стараться такъ поставить дѣло, чтобы оно шло подъ его руководствомъ. При каждомъ посѣщенiи школы онъ долженъ освѣдомляться, какъ ведется дѣло обученiя, сколько успѣли пройти дѣти со времени послѣдняго посѣщенiя, и провѣрять ихъ знанiя. При этомъ не долженъ уклоняться и отъ личныхъ наставленiй дѣтямъ: по усмотрѣнiю надобности, онъ можетъ, напримѣръ, объяснить имъ какую-либо молитву, или разсказать исторiю ближайшаго праздника. При посѣщенiи дѣтьми церкви священникъ долженъ имѣть ихъ въ особенномъ своемъ вниманiи и дозволять имъ, смотря по степени умѣнiя, чтенiе и пѣнiе на клиросѣ.

Тщательно наблюдая за школами грамоты, священникъ однакоже отнюдь не долженъ смотрѣть на себя, какъ на начальника этихъ школъ, а долженъ дѣйствовать, какъ пастырь и духовный отецъ, которому отъ Самого Господа-Пастыреначальника ввѣрены какъ учащiяся дѣти, такъ и родители ихъ, и сами учащiе ихъ наставники и наставницы.

ЧАСТНЫЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНIЯ. Открытiе частныхъ пансiоновъ и школъ въ обѣихъ столицахъ, прiостановленное въ 1833

году, было снова возстановленно въ 1857 году безъ ограниченія числа ихъ. Вмѣсто прежняго порядка для надзора за частными учебными заведеніями въ С.-Петербургѣ, Высочайше повелѣно имѣть одного инспектора частныхъ учебныхъ заведеній, не обязаннаго никакою другою должностью. Въ 1862 году управленіе учебными заведеніями въ С.-Петербургской дирекціи, а также наблюденіе за домашними наставниками, учителями и учительницами въ губерніи поручается особому директору училищъ С.-Петербургской губерніи, съ правами и званіемъ, предоставленными званію губернскихъ директоровъ. Также и въ Москвѣ и въ Московской губерніи завѣдываніе частными училищами передано особо назначенному въ 1863 году директору Московской губерніи. Въ 1857 году даровано позволеніе открывать частныя учебныя заведенія въ губерніяхъ Кіевскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ уроженкамъ западныхъ губерній, а равно разрѣшено преподавать польскій языкъ въ означенныхъ заведеніяхъ Кіевскаго учебнаго округа. Въ слѣдующемъ году это разрѣшеніе распространено и на частныя женскія учебныя заведенія Виленскаго учебнаго округа.

Чтобы привести существующія узаконенія о частныхъ училищахъ въ соотвѣтствующій видъ и согласовать главныя ихъ основанія съ общею училищною системою, были узаконены въ 1868 году слѣдующія главнѣйшія дополненія. Частныя учебныя заведенія раздѣляются на три разряда: училища высшаго или перваго разряда имѣютъ не менѣе шести классовъ, и второго разряда не менѣе трехъ классовъ; къ училищамъ третьяго разряда принадлежатъ остальныя двухклассныя и одноклассныя частныя училища. На учебный курсъ каждаго класса полагается не менѣе одного года. Учебный планъ каждаго частнаго училища долженъ быть утвержденъ попечителемъ учебнаго округа. Частнымъ училищамъ перваго разряда, приближающимся по учебному плану къ классическимъ гимназіямъ, можетъ быть присвоено, съ утвержденія Министерства Народнаго Просвѣщенія, названіе частныхъ классическихъ гимназій. Воспитанники такихъ гимназій, по выдержаніи испытанія, производимаго преподавателями сихъ гимназій при участіи и подъ надзоромъ учебнаго вѣдомства, имѣютъ право на поступленіе въ университетъ. Право на учрежденіе всякаго частнаго училища предоставляется лицамъ обоего пола, природнымъ русскимъ или принявшимъ русское подданство, по усмотрѣнію учебнаго начальства, которое обязано сперва удостовѣриться въ прав-

ственности и благонадежности лица, желающаго открыть училище. Лица мужского пола, для полученія права на учрежденіе частнаго училища перваго разряда, должны представить удостовѣреніе объ окончаніи курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи; для учрежденія же частнаго училища второго разряда, а также двухклассснаго училища третьяго разряда—свидѣтельство на званіе домашняго учителя.

Лица женскаго пола, для открытія частнаго училища перваго, второго или двухклассснаго третьяго разряда должны имѣть свидѣтельство домашней наставницы или учительницы. Отъ учредителей же или учредительницъ частныхъ одноклассныхъ училищъ третьяго разряда требуется только свидѣтельство на званіе начальнаго учителя или начальной учительницы. Ученые педагоги изъ иностранцевъ, окончившіе курсъ въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ и выдержавшіе по принятіи русскаго подданства особое испытаніе, пользуются правомъ открытія частныхъ училищъ перваго разряда.

Къ преподаванію въ высшихъ трехъ классахъ частныхъ училищъ перваго разряда допускаются только окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи; въ низшихъ же трехъ классахъ этихъ училищъ, а также въ училищахъ второго разряда допускаются и лица, имѣющія свидѣтельства на званіе домашняго учителя или домашней учительницы; въ частныхъ училищахъ третьяго разряда допускаются всѣ лица, имѣющія свидѣтельства на званіе начальнаго учителя или начальной учительницы. Для занятія мѣстъ воспитателей и воспитательницъ въ частныхъ училищахъ перваго разряда требуется званіе домашняго учителя или домашней учительницы, а въ частныхъ училищахъ второго и третьяго разрядовъ—званіе начальнаго учителя или начальной учительницы.

Хотя положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ 1 іюля 1834 г. и послѣдовавшія затѣмъ дополненія настолько полно обнимаютъ собою организацію домашняго ученія, что оно и теперь въ своихъ основаніяхъ служитъ руководствомъ, но съ теченіемъ времени потребовались нѣкоторыя измѣненія и дополненія, которыя и были узаконены въ 1868 году. Въ силу этихъ правилъ званіе домашняго наставника предоставляется только лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учителя гимназій и равныхъ имъ учебныхъ заведеній, не окончившіе полнаго

курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, а также вышедшіе въ отставку учителя уѣздныхъ училищъ, не получившіе образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ, обучая въ частныхъ домахъ, пользоваться правами только домашнихъ учителей. Званіе домашняго учителя предоставляется лицамъ, не окончившимъ курса ни въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи, но выдержавшихъ особо установленное для того испытаніе. Чрезъ установленные сроки домашніе наставники и домашніе учителя, по засвидѣтельствованію училищнымъ начальствомъ объ ихъ поведеніи, усердіи и способностяхъ, имѣютъ право на полученіе соотвѣтствующихъ имъ чиновъ и на награжденіе орденомъ.

Изъ послѣдующихъ законоположеній укажемъ на главнѣйшія: въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа съ 1869 года вводится преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, именно: физика, математика и историческіе предметы, при чемъ постановлено въ извѣстность содержателямъ и содержательницамъ этихъ заведеній, что русскій языкъ впослѣдствіи будетъ распространенъ и на другіе предметы преподаванія.

Въ 1874 г. обучающимся въ мужскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ предоставлена отсрочка по отбыванію воинской повинности; такъ какъ частныя учебныя заведенія раздѣляются на три разряда, то воспитанникамъ частныхъ учебныхъ заведеній перваго разряда вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія предоставлено право на отсрочку по отбыванію воинской повинности до 22 лѣтъ, для окончанія курса, согласно пункту 1 статьи 53 устава о сей повинности.

Въ 1879 году Высочайше повелѣно, чтобы земскія учрежденія, общества, сословія и частныя лица, получившія дозволеніе на открытіе какого-либо частнаго учебнаго заведенія допускали къ преподаванію и воспитанію въ нихъ лицъ не иначе, какъ по предварительному соглашенію въ училищахъ перваго и второго рязрядовъ съ попечителями учебныхъ округовъ, а въ училищахъ третьяго разряда—съ директорами народныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, всѣ описанныя мужскія училища, казенныя и частныя, высшія, среднія и низшія, подвергшіяся реформамъ и вновь учрежденныя въ царствованіе Императора Александра II-го, разсѣянныя по всему пространству нашего отечества, благодаря цѣлесоотвѣтственной своей постановкѣ и обезпеченному устройству, привлекаютъ къ себѣ многочисленныхъ учениковъ и воспитанни-

ковъ, стремящихся по окончаніи курса приносить пользу государству и обществу. Особенно же притокъ въ мужскія училища желающихъ получить образованіе увеличился съ тѣхъ поръ, какъ 1 января 1874 года былъ обнародованъ Высочайше утвержденный уставъ о воинской повинности и учащимся были дарованы льготы по отбыванію оной соотвѣтственно ихъ образованію.

ЖЕНСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ. **Женскіе институты вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.** Для удовлетворенія потребностямъ въ женскомъ образованіи въ предыдущую эпоху, кромѣ домашняго воспитанія, служили, главнымъ образомъ, женскіе институты, а также пансіоны и немногія женскія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія; дочери же лицъ духовнаго сословія обучались въ епархіальныхъ училищахъ. Большинство дѣвицъ привилегированныхъ сословій получали свое воспитаніе и образованіе въ институтахъ, дѣти достаточныхъ родителей обучались въ пансіонахъ и дома, дѣти же небогатыхъ семей средняго и низшаго сословій не имѣли соотвѣтствующихъ для себя заведеній. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II-го, институты получаютъ 30 августа 1855 года полный уставъ, всесторонне и съ подробностями обнимающій собою управленіе и учебно-воспитательную сторону этихъ женскихъ учебныхъ заведеній, число которыхъ со временемъ постоянно увеличивается. По уставу 1855 года институты имѣютъ счастіе состоять, какъ и прежде, подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ и находятся въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. Главное управленіе женскими учебными заведеніями ввѣрено Главному совѣту; непосредственное же управленіе каждымъ заведеніемъ возложено на совѣты мѣстные. Въ 1860 году по Высочайшему повелѣнію учреждена должность главноуправляющаго, а въ 1873 году—Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній слитъ съ С.-Петербургскимъ и Московскимъ опекунскими совѣтами подъ однимъ общимъ наименованіемъ: „Опекунскаго Совѣта Учрежденій Императрицы Маріи“, которому и подчинены всѣ учебныя заведенія вѣдомства. Мѣстныя управленія столичными женскими учебными заведеніями оставлены безъ измѣненія (начальницы, членъ по учебной части и членъ по хозяйственной части); совѣты же губернскихъ институтовъ подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника края или мѣстнаго начальника губерніи, образованы исключительно: изъ начальницы, инспек-

тора классовъ и управляющаго хозяйственной частью. Нѣкоторые мѣстные совѣты другихъ губернскихъ женскихъ институтовъ имѣютъ свои мѣстныя отличія.

Общая цѣль воспитанія дѣвицъ въ этихъ заведеніяхъ заключается въ приготовленіи ихъ къ добросовѣстному и строгому исполненію предстоящихъ имъ обязанностей, дабы онѣ, со временемъ, могли быть добрыми женами и полезными матерями семействъ. Для примѣненія воспитанія дѣвицъ къ состоянію ихъ семействъ и потребностямъ разныхъ сословій, женскія учебныя заведенія вѣдомства Императрицы Маріи раздѣлены на три разряда: I) высшій, II) средній и III) низшій. Заведенія I го разряда назначаются для дѣтей потомственныхъ дворянъ и лицъ, пріобрѣтшихъ военные и гражданскіе чины не ниже штабъ- и оберъ-офицерскаго; II-го разряда — для дѣтей личныхъ дворянъ военныхъ и гражданскихъ оберъ-офицеровъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ, а III-го разряда— для дѣвицъ прочихъ свободныхъ состояній. Въ 1865 году разрѣшено, за исключеніемъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и обоихъ училищъ ордена Св. Екатерины, также институтовъ: Патріотическаго, Николаевскихъ С.-Петербургскаго и Московскаго и Александринскаго сиротскаго дома, допускать во всѣ остальныя женскія закрытыя учебныя заведенія вѣдомства Императрицы Маріи своекоштными пансіонерками дочерей какъ русскихъ купцовъ и иностранцевъ, занимающихся промыслами въ Россіи, такъ и лицъ другихъ состояній, не обложенныхъ подушнымъ окладомъ.

Къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ I-го разряда принадлежатъ: 1) Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, 2 и 3) С.-Петербургское и Московское училища ордена Св. Екатерины, 4) Патріотическій институтъ, институты благородныхъ дѣвицъ: 5) Харьковскій, 6) Одесскій, 7) Кіевскій, 8) Казанскій Родіоновскій, 9) Бѣлостокскій, 10) Закавказскій, 11) Полтавскій, 12) Александровскій въ Тамбовѣ, 13) Александровскій въ Новой Александріи (нынѣ Варшавскій Александринско - Маріинскій дѣвичій Институтъ), 14) Нижегородскій Маріинскій, 15) Донской Маріинскій въ Новочеркасскѣ, 16) Могилевскій, 17) Саратовскій Маріинскій, 18) Сибирскій Маріинскій въ г. Томскѣ, 19) Орловскій Александрійскій, 20) Виленскій. Ко II-му разряду: 21) Павловскій институтъ, 22 и 23) С.-Петербургское и Московское Александровское училища, 24, 25 и 26) С.-Петербургское, Московское и Симбирское Елизаветинскія училища, 27) Пансіонъ при Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ въ Гатчинѣ, 28) Астраханскій, 29) Институтъ восточной Сибири, 30) Керченскій Кушниковскій институтъ, 31) Оренбургское училище, 32) Кіевское училище графини Левашевой, 33) Высшее или второе отдѣленіе Тобольской Маріинской школы, 34) Се-

вастопольское училище для дѣтей офицеровъ Черноморскаго флота. Къ III-му разряду: 35) Училище Александровскаго Сиротскаго дома, 36 и 37) Училища солдатскихъ дочерей Лейбъ-Гвардіи № 1 и 2, 38) Одесское городское училище, 39 и 40) Николаевское и Севастопольское училища для дочерей нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота и 41) Низшее или первое отдѣленіе Тобольской Маріинской школы.

Кромѣ поименованныхъ, существуютъ еще: А) спеціальныя: 1 и 2 Николаевскіе сиротскіе институты въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, 3 и 4) спеціальные классы при С.-Петербургскомъ и Московскомъ Александровскихъ училищахъ, для приготовленія домашнихъ наставницъ и учительницъ, 5) Училище глухо-нѣмыхъ (женское отдѣленіе), 6 и 7) С.-Петербургское и Московское Повивальныя училища. Б) Училища при особыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ (1—7).

На основаніи выданнаго при выпускѣ аттестата, воспитанницы, кончившія полный курсъ ученія въ заведеніяхъ I-го разряда, получаютъ, не подвергаясь особому испытанію, свидѣтельство на званіе домашней наставницы, а въ заведеніяхъ II-го разряда—на званіе домашнихъ учительницъ по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ оказали хорошіе успѣхи; воспитанницы заведеній двухъ первыхъ разрядовъ, отличившіяся передъ прочими благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ, Всемилостивѣйше жалуются при выпускѣ шифрами, медалями и книгами; воспитанницы, поступившія въ домашнія наставницы и учительницы, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ 1834 года, пользуются пенсіями и единовременными пособіями. Съ Высочайшаго соизволенія 1881 г. 14 февраля воспитанницамъ, получившимъ одобрительныя свидѣтельства въ четырехъ низшихъ классахъ семиклассныхъ институтовъ, равно и въ низшихъ двухъ классахъ трехклассныхъ институтовъ, предоставляется право на званіе первоначальныхъ учительницъ и учительницъ народныхъ училищъ, если онѣ, по достиженіи 16-тилѣтняго возраста, будутъ исполнять въ теченіе полугода обязанности помощницъ учителя или учительницы при какомъ-либо начальномъ училищѣ.

Ближайшее завѣдываніе отдѣльными частями института ввѣряется: по воспитанію дѣвицъ нравственному и физическому—начальницѣ, по умственному образованію—члену мѣстнаго совѣта по учебной части, по хозяйственному же управленію—члену по сей послѣдней части. Надлежащій надзоръ во всѣхъ отношеніяхъ за порядкомъ въ заведеніяхъ III-го разряда, кромѣ Александринскаго Сиротскаго Дома, ввѣряется смотрительницамъ. Число должностныхъ лицъ опредѣляется штатами.

Большая часть женскихъ учебныхъ заведеній—закрытыя, въ которыхъ дѣвицы въ теченіе круглаго года не пользуются правомъ отпуска изъ заведенія. Лишь съ Высочайшаго соизволенія 1864 и 1870 г., воспитанницъ разрѣшено увольнять на лѣтнія каникулы, а также въ отпускъ на праздники Св. Пасхи и Рождества Христова. Воспитанницы состоятъ въ заведеніяхъ или на казенномъ содержаніи или пансіонерками за установленную плату; все свое содержаніе воспитанницы получаютъ отъ института. Въ столичныя заведенія опредѣляются дѣвицы изъ всѣхъ частей имперіи; въ губернскія же—преимущественно принадлежащія къ сословіямъ тѣхъ же или ближайшихъ губерній. Пріемъ дѣвицъ производится въ особо опредѣляемый для каждаго заведенія срокъ. Возрастъ воспитанницъ для низшаго класса заведеній I-го и II-го разряда опредѣляется отъ 10 до 12 лѣтъ. Въ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ учебный курсъ продолжается 9 лѣтъ, казенныя воспитанницы принимаются отъ 8 до 10 лѣтъ. Всѣ дѣвицы, поступающія въ заведенія двухъ первыхъ разрядовъ, начиная съ 10 лѣтъ, должны знать необходимѣйшія молитвы, умѣть читать и писать на русскомъ и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ и считать до ста. Если число кандидатокъ превышаетъ число вакансій, то дѣвицамъ, документы которыхъ во всемъ согласны съ требованіями заведенія, производится баллотировка. Курсъ въ большей части институтовъ семилѣтній, по одному году въ классѣ, или шестилѣтній, по два года въ каждомъ классѣ. Предметы преподаванія въ женскихъ институтахъ слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ и словесность, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, математика, педагогика, чистописаніе, рисованіе, рукодѣліе; кромѣ того, въ свободное отъ классныхъ занятій время, дѣвицы обучаются музыкѣ, пѣнію, танцамъ и гимнастикѣ. Каждый урокъ продолжается 1 часъ, уроки начинаются въ 9 часовъ утра.

Женскія гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Хотя вслѣдствіе дарованнаго разрѣшенія нѣкоторымъ изъ институтовъ принимать своекоштными пансіонерками дочерей всѣхъ состояній, не обложенныхъ подушнымъ окладомъ, институты стали доступнѣе для общества, но во всякомъ случаѣ они, а также и пансіоны, остались заведеніями для дѣвицъ достаточнаго класса; къ тому же институты не представляли столько вакантныхъ мѣстъ, чтобы удовлетворить всѣхъ желающихъ поступить въ нихъ, и большая часть частныхъ пансіоновъ по цѣнѣ оставалась для многихъ

недоступною. Поэтому многіе родители средняго класса, желавшіе дать своимъ дочерямъ приличное образованіе, оставались относительно этого въ большомъ затрудненіи. Когда въ обществѣ и въ педагогическихъ журналахъ стали указывать на недостаточность образовательныхъ средствъ для дѣвицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на желанія родителей, чтобы дѣти ихъ для полученія образованія не отторгались отъ семьи, тогда извѣстный педагогъ А. П. Чумиковъ составилъ въ 1835 г. записку, въ которой, разобравъ всѣ недостатки институтскаго воспитанія, указалъ на преимущество открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Эта записка была представлена Императрицѣ Маріи Александровнѣ и послужила первымъ началомъ, вызвавшимъ вопросъ объ открытыхъ женскихъ училищахъ. Съ полною отзывчивостью къ этому вопросу впослѣдствіи отнесся бывшій въ то время инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ женскомъ институтѣ и профессоромъ педагогики въ Главномъ педагогическомъ институтѣ Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій, которому и принадлежитъ всецѣло разработка и осуществленіе этого вопроса. Составленный имъ проектъ, къ которому сочувственно отнесся попечитель всѣхъ женскихъ институтовъ, Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, былъ разсмотрѣнъ въ Главномъ совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Послѣдній, признавъ необходимость распространенія женскаго образованія для дѣтей и недостаточныхъ семействъ, живущихъ своимъ трудомъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не отторгать дѣтей отъ ихъ домашнихъ условій жизни, видѣлъ вѣрное къ тому средство въ учрежденіи такихъ открытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, въ которыхъ дѣвочки, не отрываясь отъ своихъ семействъ, получали бы основательныя познанія въ наукахъ и искусствахъ.

Вслѣдствіе этого было положено устроить для образца женское училище на слѣдующихъ основаніяхъ: оно будетъ состоять подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Александровны и подчиняться Главному совѣту. Училище будетъ именоваться именемъ Государыни Императрицы—Маріинское женское училище. Ближайшее завѣдываніе училищемъ ввѣряется особому попечителю по назначенію Государя, для непосредственнаго наблюденія за обученіемъ дѣвицъ назначается начальникъ и главная надзирательница съ утвержденія Государыни; назначеніе же прочаго педагогическаго персонала утверждается попечителемъ училища. Въ заведеніе допускаются дѣвицы всѣхъ свободныхъ состояній. Для полнаго курса

полагается семь классовъ. Предметы обученія обязательные: законъ Божій, отечественный языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, ариѳметика, чистописаніе, рисованіе, рукодѣлія; необязательные: языки французскій, нѣмецкій, музыка и танцы. Обучавшіяся всѣмъ предметамъ пользуются правами домашнихъ учительницъ. Государь Императоръ утвердилъ представленіе Главнаго совѣта 15 марта 1858 г., и 19 апрѣля того же года было открыто въ С.-Петербургѣ на изложенныхъ началахъ Маріинское женское училище, попечителемъ котораго былъ назначенъ предсѣдатель Главнаго совѣта, Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, а начальникомъ профессоръ Н. А. Вышнеградскій. Большой наплывъ дѣтей въ новооткрытое училище и сочувствіе къ нему населенія послужили основаніемъ къ открытію въ августѣ того же года еще новыхъ училищъ на тѣхъ же началахъ, и вскорѣ представилась необходимость учредить подобныя же училища не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ. Такимъ образомъ къ началу 1861 года въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи открыто еще 10 подобныхъ училищъ, а именно: въ С.-Петербургѣ— Коломенское, Васильевско - Островское, Петербургское, Вознесенское, и въ губерніяхъ—Вышневолоцкое, Саратовское, Кіево-Фундуклеевское, Гродненское, Виленское, Ковенское.

Въ 1859 году Н. А. Вышнеградскій составилъ для новоучрежденныхъ училищъ проектъ правилъ, обнаруживающихъ глубокое знаніе дѣтской природы и тѣхъ разумныхъ требованій общества, которыя оно должно желать отъ своихъ дочерей. Имя Н. А. Вышнеградскаго, останется всегда въ памяти педагогическаго міра, какъ русскаго талантливаго ученаго и энергичнаго педагога, такъ много потрудившагося на пользу русскихъ дѣвицъ и иниціатора въ дѣлѣ устройства женскихъ гимназій; настолько же цѣнится и имя другого просвѣщеннаго и гуманнаго педагога Гавріила Купріановича Виноградова, который, преслѣдуя тѣ же цѣли въ Москвѣ, столь успѣшно и прочно поставилъ дѣло Московскихъ женскихъ гимназій вѣдомства Императрицы Маріи, что число ихъ въ настоящее время возросло до шести.

Въ 1862 году 9 января былъ обнародованъ уставъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Въ общемъ онъ повторяетъ собой тѣ же положенія, какія приняты и для перваго открытаго Маріинскаго женскаго училища; уставъ этотъ и понынѣ служитъ руководствомъ для женскихъ гим-

назій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. По уставу 1862 г. эти училища имѣютъ цѣлью доставить возможность, не отлучая дѣтей отъ семейной жизни, давать имъ образованіе, соотвѣтствующее будущимъ ихъ потребностямъ. Обучающіяся въ нихъ дѣвицы живутъ у своихъ родителей или родственниковъ, или же у тѣхъ лицъ, которымъ отъ родителей или воспитателей будутъ поручены. Дѣвицы принимаются всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, начиная съ 9 лѣтъ. Эти училища, находясь въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, имѣютъ счастіе состоять подъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Высшее управленіе училищами сосредоточивается въ лицѣ главноуправляющаго вѣдомствомъ упомянутыхъ учрежденій; ближайшее же завѣдываніе ими ввѣряется попечителямъ, Монаршею волею назначеннымъ. Въ каждомъ училищѣ состоятъ: начальникъ, въ помощь которому при каждомъ училищѣ назначается инспекторъ классовъ, избираемый изъ среды преподаватей, главная надзирательница, классныя надзирательницы, наставники и наставницы, конференція и хозяйственный комитетъ. Учебный курсъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе предметы: законъ Божій, русскій языкъ и словесность, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ, исторію, географію, естествовѣдѣніе, ариѳметику и геометрію, начала педагогики, чистописаніе, рисованіе, пѣніе, женскія хозяйственныя рукодѣлія, танцованіе. Обученіе французскому и нѣмецкому языкамъ и танцамъ можетъ быть и необязательнымъ для всѣхъ ученицъ. Училища дѣлятся на семь классовъ съ годичными курсами. Сверхъ семи классовъ общаго курса, при училищахъ могутъ быть устраиваемы педагогическіе курсы для спеціальнаго педагогическаго образованія, а также и приготовительные классы для элементарнаго обученія тѣхъ дѣтей, которыя по развитію своему не могутъ быть приняты въ низшій классъ училища. Каждой ученицѣ, по окончаніи курса выдается аттестатъ, на основаніи котораго, не подвергаясь особому испытанію, онѣ получаютъ свидѣтельство на званіе домашнихъ учительницъ предметовъ, въ которыхъ оказали хорошіе успѣхи; тѣмъ же изъ ученицъ, которыя съ успѣхомъ пройдутъ спеціально педагогическій курсъ училища, присвоивается право на полученіе званія домашнихъ наставницъ, также безъ особаго испытанія. Дѣвицы, отличившіяся предъ прочими благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ, награждаются при выпускѣ медалями и книгами.

Эти открытыя женскія училища уже при своемъ учрежденіи

стали именоваться въ обществѣ женскими гимназіями, официально же они получили наименованіе женскихъ гимназій съ 1862 г. по ходатайству бывшаго попечителя училищъ Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго, генералъ-адъютанта Назимова, для отличія ихъ отъ низшихъ училищъ.

Въ 1882 году положено начало къ открытію Маріинскихъ женскихъ училищъ, составляющихъ ступень между начальными низшими школами и средними учебными заведеніями, на основаніяхъ, изложенныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи 2 сентября 1882 г. Первое такое училище открыто въ С.-Петербургѣ въ 1882 г., а второе въ 1883 г.

Общій взглядъ на женскія учебныя заведенія вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Преобразованные по уставу 1855 года женскіе институты, начало которымъ положено Императрицею Маріею Ѳеодоровною, и по Ея кончинѣ постоянно состояли подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ихъ Величествъ, равно какъ и открытыя въ царствованіе Императора Александра II-го женскія гимназіи учрежденій Императрицы Маріи. Эти учебно-воспитательныя женскія заведенія, организованныя на самобытныхъ русскихъ началахъ, согласно тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ русскимъ дѣвицамъ, какъ правительствомъ, такъ и семейною и общественною русскою жизнью, даютъ учащимся въ нихъ то воспитаніе, которое основано на религіозно-нравственныхъ началахъ, и то умственное развитіе и образованіе, которое необходимо для ожидающихъ ихъ обязанностей, какъ членовъ семьи и общества. Уставы этихъ заведеній какъ самобытные, взятые изъ жизни и опыта, настолько всесторонне и подробно обнимаютъ жизнь этихъ заведеній, обнаруживаютъ такое полное знаніе тѣхъ условій, въ которыхъ находятся учащіяся какъ въ заведеніяхъ, такъ и по окончаніи въ нихъ курса, что вполнѣ понятна та любовь, съ которою относятся ученицы къ воспитавшему ихъ заведенію, и тѣ чувства уваженія ихъ родителей, которыми они проникнуты къ этимъ учрежденіямъ, дающимъ имъ возможность воспитывать и образовывать своихъ дочерей.

Преобразованный уставъ институтовъ, сокративъ объемъ преподаванія нѣкоторыхъ наукъ, взамѣнъ того установилъ строгій педагогическій методъ и дополнилъ предметы преподаванія въ училищахъ I-го разряда практическою педагогикою, а въ заведеніяхъ II-го разряда—преподаваніемъ необходимыхъ свѣдѣній о произведе-

ніяхъ природы; устройствомъ приготовительныхъ классовъ дарована возможность дѣтямъ и съ недостаточными познаніями получать желаемое образованіе. Разрѣшеніе на увольненіе изъ институтовъ дѣвицъ на каникулярное время и на праздники Св. Пасхи и Рождественскіе отмѣнило прежнюю строго затворническую жизнь воспитанницъ и доставило имъ случай видѣть жизнь и внѣ стѣнъ заведенія, что не мало содѣйствовало ихъ знакомству съ дѣйствительнымъ міромъ и съ окружающимъ ихъ обществомъ. Строгое систематическое обученіе научнымъ предметамъ, не уступающее курсу мужскихъ гимназій, возбудило въ нихъ стремленіе къ основательному прочному усвоенію знаній и наглядно доказало, что умственныя пріобрѣтенія равно доступны для обоихъ половъ. Постановленное на разумныхъ началахъ женское воспитаніе, освобожденное отъ всякой искусственности и предвзятыхъ воззрѣній на женщину, стремится теперь выработать женщину - человѣка, воспріимчивую ко всему доброму, истинному и прекрасному, стремящуюся стать полезнымъ членомъ семьи и общества. Особенное вниманіе на женскія занятія—рукодѣлія и изящныя искусства, а также на новѣйшіе иностранные языки, дополненные педагогическою практикой по преподаванію всѣхъ предметовъ, широко открываютъ свои двери воспитанницамъ институтовъ и женскихъ гимназій на должность классныхъ дамъ и учительницъ, а въ частныхъ домахъ на должности гувернантокъ, воспитательницъ и учительницъ.

Поэтому и неудивительно, что русскія женскія учебныя заведенія получили свою извѣстность даже за границею и служатъ образцами для многихъ европейскихъ государствъ; бывшія ихъ воспитанницы имѣютъ такія прочныя знанія, побуждающія ихъ къ дальнѣйшему образованію, что нерѣдко мы встрѣчаемъ даже за границею высоко-уважаемыхъ русскихъ женщинъ-профессоровъ и женщинъ-докторовъ. Многія изъ воспитанницъ женскихъ институтовъ и гимназій обогащаютъ своими сочиненіями и изданіями нашу современную журнальную и педагогическую литературу или издаютъ самостоятельные сочиненія и журналы, пользующіеся сочувствіемъ современнаго общества и служащіе на пользу распространенія образованія и развитія молодого русскаго поколѣнія. Разумѣется, педагогическая дѣятельность, какъ это было и прежде, осталась главнымъ предметомъ занятій вышедшихъ изъ институтовъ и гимназій дѣвицъ, внушающихъ своею дѣятельностью обществу уваженіе и довѣріе къ тѣмъ женщинамъ - педагогамъ, кото-

рымъ вручается воспитаніе и образованіе дѣтей какъ въ школѣ, такъ и въ домашнемъ быту.

Такому успѣшному ходу нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній они прежде всего обязаны въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая, основавъ цѣлый рядъ женскихъ институтовъ, въ теченіе всей своей жизни относилась къ нимъ съ безпримѣрною материнскою заботливостію и всецѣло посвящала себя на пользу русскаго женскаго молодого поколѣнія. Оставаясь и послѣ кончины Императрицы подъ покровительствомъ Ихъ Величествъ, женскія учебныя заведенія свято хранятъ завѣты, данные имъ Императрицею, и продолжаютъ итти по тому же самому направленію, которое предначертано Августѣйшею ихъ первою учредительницею, и незыблемо хранятъ тотъ нравственный духъ и тотъ строй, который въ нихъ вложенъ съ перваго ихъ основанія. Русскіе женскіе институты и гимназіи вмѣстѣ съ тѣмъ всегда хранятъ благодарную память и къ почившему Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, неутомимо посвящавшему всю свою жизнь учрежденіямъ вѣдомства Императрицы Маріи.

Его Высочество родился въ Ярославлѣ въ 1812 году. Съ 8 лѣтъ Принцъ воспитывался въ Ольденбургѣ, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ находился при самыхъ лучшихъ условіяхъ для своего воспитанія и образованія. Вызванный Императоромъ Николаемъ I въ Петербургъ, Принцъ продолжалъ заниматься у опытныхъ и извѣстныхъ педагоговъ и ученыхъ. Въ 1830 году Принцъ былъ зачисленъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и устроилъ школу, которую принялъ подъ ближайшее свое руководство. Обращая вниманіе на грамотность солдатъ, Принцъ особенно заботился объ ихъ нравственномъ образованіи. Въ 1834 году Ему было Высочайше соизволено присутствовать въ Департаментѣ Правительствующаго Сената, и въ 1835 году Имъ открыто училище правовѣдѣнія, въ которомъ молодые люди посвящаютъ себя спеціальной подготовкѣ къ юридической дѣятельности. Въ 1839 году Его Высочество назначенъ почетнымъ опекуномъ и членомъ совѣта Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и училищъ Ордена Св. Екатерины и въ 1835 году назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній. Въ 1844 году Ему было предоставлено предсѣдательство въ С.-Петербургскомъ военномъ совѣтѣ, а вслѣдъ затѣмъ и предсѣдательство во вновь учрежденномъ совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній (въ 1845 году). Въ

1860 году Принцъ назначенъ главноуправляющимъ четвертаго отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, въ которой сосредоточивалось главное управленіе всѣми учрежденіями Императрицы Маріи. Вся многолѣтняя служба Принца поражаетъ неутомимостью, многосторонностью и разнообразіемъ Его дѣятельности; одинаково заботясь о всѣхъ ввѣренныхъ Ему учебныхъ заведеніяхъ, Онъ относился къ нимъ съ самою теплою отеческою заботливостью и принималъ всѣ мѣры для ихъ преуспѣянія и процвѣтанія. Въ дѣятельности Его Высочества наиболѣе выдающимися представляются Его труды по образованію въ Россіи, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшіе Его любвеобильному глубоко-религіозному сердцу и Его просвѣщенному взгляду на требованія своего отечества. Благодаря Его сочувствію въ 1858 году открывается въ С.-Петербургѣ первое въ Россіи семиклассное женское училище для приходящихъ дѣвицъ, а затѣмъ слѣдуетъ открытіе цѣлаго ряда такихъ же училищъ не только въ столицахъ, но и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. Эти училища, называемыя нынѣ женскими гимназіями, представляютъ теперь полную возможность и недостаточнымъ семьямъ давать своимъ дочерямъ соотвѣтствующее воспитаніе и образованіе и широко открываютъ двери для педагогической дѣятельности русской женщины. Почти одновременно съ этимъ труды Принца были устремлены на преобразованіе по учебнымъ и воспитательнымъ частямъ женскихъ институтовъ, которые обязаны Принцу дарованіемъ имъ новаго устава 1855 г. Всѣ статьи этого устава представляютъ многія существенныя преобразованія въ воспитательной и учебной жизни институтовъ, а тѣ, которыя касаются методики учебныхъ предметовъ и учебныхъ плановъ, составлены съ такимъ глубокимъ знаніемъ педагогическаго дѣла и дѣтской природы учащихся, что имѣютъ полное право занять почетное мѣсто въ лучшихъ педагогическихъ сочиненіяхъ. Не менѣе заслуживаютъ удивленія и неутомимые труды Принца на пользу художественнаго и профессіональнаго женскаго воспитанія; особенно въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе законоположенія и мѣропріятія для приготовленія женщинъ къ педагогической дѣятельности, выработанныя въ особомъ Комитетѣ въ 1844 году подъ предсѣдательствомъ Принца. Съ этою цѣлью были учреждены двухлѣтніе педагогическіе курсы при Александровскихъ женскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и преобразованы курсы кандидатокъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ Николаевскихъ

сиротскихъ институтахъ. Слѣдовательно, еще ранѣе, чѣмъ въ обществѣ и литературѣ стали говорить о необходимости женскихъ педагогическихъ курсовъ, они уже существовали въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Въ 1863 году были основаны педагогическіе курсы для Петербургскихъ женскихъ гимназій вѣдомства Императрицы Маріи, и допущенъ къ учрежденію въ гимназіяхъ особый классъ для практической педагогіи. Для приготовленія хорошихъ учительницъ французскаго языка, при Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ учреждается французскій классъ съ двухлѣтнимъ курсомъ. Общее художественное и особенно музыкальное образованіе дѣвицъ составляло также предметъ заботливости Принца, и при многихъ институтахъ учреждаются спеціальные музыкальные классы. Что касается профессіональнаго женскаго образованія, то, кромѣ преобразованія существовавшихъ и открытія рукодѣльныхъ и ремесленныхъ новыхъ школъ и курсовъ, по Его соизволенію учреждаются съ цѣлью профессіональнаго обученія особыя отдѣленія при многочисленныхъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ и школы для образованія повивальныхъ бабокъ, фельдшерицъ, сидѣлокъ и сестеръ милосердія. Въ 1869 году Принцъ основалъ при Контрольной Экспедиціи четвертаго отдѣленія практическіе курсы счетоводства и открылъ, такимъ образомъ, женщинамъ путь для новой практической дѣятельности. Принцъ заботился съ тою же неутомимостью и о начальномъ женскомъ образованіи, о судьбѣ воспитательныхъ домовъ и принималъ дѣятельное участіе въ области благотворительности; по Его распоряженію былъ совершенно преобразованъ учебный курсъ патріотическихъ школъ и дѣтскихъ пріютовъ. Имъ основанъ въ 1871 году пріютъ ъ память Екатерины, Маріи и Георгія, получившій свое наименованіе въ память утраченныхъ Его Высочествомъ дѣтей, а въ 1864 году устроенъ дѣтскій пріютъ и сельскія начальныя школы въ округахъ Воспитательнаго Дома и учреждены учительскія семинаріи при воспитательныхъ домахъ для приготовленія начальныхъ учителей. Имъ была основана въ 1844 году первая учрежденная въ Россіи Свято-Троицкая Община сестеръ милосердія и, кромѣ того, многія другія благотворительныя учрежденія. Такимъ образомъ, дѣятельность Принца обнимаетъ собою, какъ видно изъ этого краткаго и далеко неполнаго очерка, многочисленныя благотворительныя учебныя заведенія вѣдомства Императрицы Маріи, число которыхъ доходитъ до 500. Благодаря Его неутомимой слу-

жебной дѣятельности, Его просвѣщенному уму и великой любви къ своему отечеству, русскія женскія учебныя заведенія поставлены теперь на ту высоту, на которой они служатъ образцами и для заграничныхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Но и помимо своихъ высокихъ заслугъ, какъ государственнаго дѣятеля, Принцъ всегда привлекалъ къ себѣ сердца служащихъ и воспитанницъ, для которыхъ посѣщеніе учебнаго заведенія Августѣйшимъ Начальникомъ считалось радостнымъ событіемъ, оставлявшимъ по себѣ теплое воспоминаніе о любвеобильномъ начальникѣ, всегда такъ милостиво-ласково относившемся къ дѣтямъ и обращавшемъ свое вниманіе даже на мельчайшія обстоятельства, которыя могли служить на пользу ввѣренныхъ Ему заведеній. Память о немъ будетъ вѣчно жить въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, дорожащихъ благомъ своего отечества и своихъ дѣтей. Насколько высоко чтилъ Принца Августѣйшій Императоръ и съ какими чувствами относился къ Нему Его Величество, и вмѣстѣ съ тѣмъ и вся Россія, это видно изъ Высочайшаго рескрипта отъ 26 октября 1878 года, которымъ былъ удостоенъ Принцъ по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія существованія четвертаго отдѣленія. Высочайше пожалованный Принцу рескриптъ оканчивается слѣдующими словами: „Съ чувствомъ глубокой признательности обозрѣвая длинный рядъ заслугъ, оказанныхъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ Престолу и Отечеству, и съ сердечнымъ умиленіемъ вспоминая о неисчислимыхъ жертвахъ и трудахъ, понесенныхъ Вами на благо государства, Я почитаю священнымъ долгомъ, въ нынѣшній знаменательный для Васъ день, вновь повторить Вашему Высочеству Мое душевное уваженіе къ плодотворной дѣятельности Вашей, и какъ лично отъ Себя, такъ и отъ имени Россіи изъявить Вамъ живѣйшую благодарность за Ваше полувѣковое примѣрное и многополезное служеніе.

Да воздастъ Вамъ Всевышній за подъятыя и совершенныя Вами святыя дѣла любви и милосердія, и да продлитъ Его безконечная благость дни Вашей жизни, столь драгоцѣнной для Меня и полезной для Отечества“.

Женскія гимназіи министерства народнаго просвѣщенія. Въ то же самое время, когда учреждались женскія гимназіи вѣдомства Императрицы Маріи, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, представилъ Государю докладъ о мѣрахъ и предположеніяхъ по устройству народнаго об-

разованія, въ которомъ замѣчено, что существующая у насъ система народнаго образованія имѣетъ въ виду только одну половину народонаселенія—мужской полъ, а лица средняго сословія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ лишены средствъ давать своимъ дочерямъ необходимое образованіе; при этомъ министръ находилъ, что учрежденіе открытыхъ заведеній для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже въ большихъ селеніяхъ вывело бы многихъ родителей изъ большихъ затрудненій относительно воспитанія своихъ дочерей. Императоръ сочувственно отозвался на этотъ докладъ и приказалъ приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ на первый разъ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ мужскимъ гимназіямъ. Вслѣдствіе этого въ 1858 г. было обнародовано положеніе о женскихъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

На основаніи этого положенія учреждаются училища для дѣвицъ въ тѣхъ городахъ, жители которыхъ наиболѣе нуждаются въ средствахъ для образованія своихъ дочерей, и гдѣ представится возможность дать училищу необходимые для его открытія и обезпеченія существованія способы отъ правительства, отъ разныхъ вѣдомствъ и сословій или частныхъ жертвователей. Училища эти суть заведенія открытыя. По курсу преподаванія они раздѣляются на училища перваго разряда и училища второго разряда; они имѣютъ одну цѣль—сообщить учащимся то религіозное, нравственное и умственное образованіе, которое должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности же отъ будущей матери семейства. Въ училищахъ перваго разряда обязательные предметы суть: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и понятіе объ измѣреніяхъ, географія, исторія, свѣдѣнія по естественной исторіи, чистописаніе и рукодѣліе; къ необязательнымъ предметамъ относятся: французскій и нѣмецкій языки, рисованіе, музыка, пѣніе и танцы. Въ училищахъ второго разряда преподаются: законъ Божій, краткая русская грамматика, русская исторія и географія (сокращенно), первыя четыре правила ариѳметики надъ простыми и именованными числами, чистописаніе и рукодѣліе. Училища ввѣряются начальникамъ. При училищахъ состоятъ педагогическіе совѣты. Училища находятся подъ вѣдѣніемъ попечителя учебнаго округа. Попечительницею училища избирается одно изъ почетныхъ лицъ женскаго пола, живущее въ томъ городѣ, гдѣ учреждается училище, и принимающее въ процвѣтаніи его наибольшее участіе. Главнѣйшія измѣненія и дополне-

нія, сдѣланныя въ 1860 году—слѣдующія: при каждомъ училищѣ, сверхъ педагогическаго совѣта, учреждается попечительный совѣтъ, состоящій изъ пяти непремѣнныхъ и двухъ выборныхъ членовъ; онъ служитъ для ближайшаго содѣйствія успѣшнаго развитія училища со стороны общества. Попечительница училища избирается попечительнымъ совѣтомъ и представляется въ училищахъ перваго разряда на Высочайшее утвержденіе Ея Императорскаго Величества, а самыя училища состоятъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны. Женскимъ училищамъ, съ одной стороны, въ видахъ сбереженія ихъ выгодъ и облегченія способовъ къ ихъ открытію и, съ другой, для поощренія лицъ, содѣйствующихъ ихъ развитію, предоставляются нѣкоторыя права, присвоенныя другимъ училищамъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Также сдѣланы измѣненія въ нѣкоторыхъ пунктахъ по хозяйственной части, равно какъ и относительно нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ служащихъ. Учебная же часть осталась въ прежнемъ видѣ.

Училища эти, называвшіяся въ обществѣ также женскими гимназіями, представляя сходство съ гимназіями вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, имѣя цѣлью доставить возможность родителямъ среднихъ сословій образовывать своихъ дочерей, вскорѣ вызвали къ себѣ всеобщее сочувствіе родителей; многія дворянскія и городскія общества, а также и частныя лица, стали дѣлать значительныя пожертвованія, принимать мѣры для ихъ открытія, и въ короткое время число этихъ училищъ распространилось въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ имперіи. Такъ, учреждено въ Новочеркасскѣ дѣвичье училище перваго разряда для доставленія средствъ къ образованію дѣвицамъ всѣхъ сословій Войска Донского (1860 г.); женское училище перваго разряда во Владимирѣ на капиталъ, пожертвованный Владимирскимъ дворянствомъ въ 1861 году. Для распространенія женскаго образованія между казачьимъ сословіемъ учреждаются училища второго и третьяго разряда; изъ нихъ первыя по положенію женскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а училища третьяго разряда на правахъ приходскихъ училищъ, подчиняемыхъ непосредственному надзору надзирателя мѣстнаго приходскаго училища. Въ 1863 году учреждены училища перваго разряда въ городахъ Томскѣ и Омскѣ по примѣненію къ утвержденному въ 1860 году положенію о женскихъ училищахъ, съ тѣми измѣненіями, которыя окажутся необходимыми

по мѣстнымъ условіямъ. Въ зданіи Григоровскаго женскаго училища перваго разряда, въ Костромѣ, на капиталъ, собранный дворянствомъ Костромской губерніи, устроено особое отдѣленіе на 40 дѣвицъ, съ присвоеніемъ пансіонеркамъ и полупансіонеркамъ онаго наименованія „Романовскихъ“ въ честь царствующаго въ Россіи Августѣйшаго Дома (въ 1864 году). Женскія училища второго разряда учреждаются въ Сумахъ (въ 1863 г.), въ Рославлѣ (въ 1864 году), въ Ельцѣ (въ 1865 году), въ Лугѣ (въ 1868 году); также были учреждены Екатеринославское женское училище перваго разряда, женское училище въ Путивлѣ на иждивеніи потомственнаго почетнаго гражданина Томилина (1866 г.); двухклассное Виленское женское училище преобразовывается въ шестиклассное, учреждаются приходскія женскія училища въ городѣ Кеми, Кронштадтѣ, Гдовѣ, и въ Шлиссельбургѣ—одноклассное женское училище.

Само правительство, съ своей стороны, кромѣ употребляемыхъ на эти училища суммъ, принимаетъ всѣ мѣры для лучшаго ихъ развитія и издаетъ новыя дополненія къ ихъ положенію. Въ 1869 году постановлено награждать золотыми и серебряными медалями отличнѣйшихъ изъ окончившихъ курсъ въ училищахъ перваго разряда женскихъ учебныхъ заведеній. Для облегченія содержательницамъ частныхъ женскихъ пансіоновъ и школъ въ западныхъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ по Высочайшему повелѣнію 1864 и 1866 гг. отпускаются суммы въ ежегодное пособіе. Въ 1866 году утвержденъ уставъ женскихъ гимназій и прогимназій въ Царствѣ Польскомъ.

Опытъ предварительно учрежденныхъ женскихъ учебныхъ заведеній указалъ, къ чему должно стремиться правительство въ дѣлѣ постановки женскихъ училищъ; по мѣрѣ того, какъ эти училища получали предназначенное имъ устройство, вырабатывался и соотвѣтствующій имъ уставъ, послужившій основою для тѣхъ многочисленныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, которыя называются теперь женскими гимназіями Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такимъ образомъ 24 мая 1870 года было составлено положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Главнѣйшія узаконенія, извлеченныя изъ положенія, состоятъ въ слѣдующемъ. Женскія гимназіи вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣютъ счастіе состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Им-

ператрицы. Это суть заведенія открытыя, предназначенныя для ученицъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій; онѣ состоятъ въ главномъ вѣдѣніи попечителей учебныхъ округовъ и открываются съ ихъ разрѣшенія въ городахъ, гдѣ только представится возможность обезпечить ихъ существованіе посредствомъ общественныхъ или частныхъ пожертвованій. Женскія гимназіи состоятъ изъ семи классовъ съ годичнымъ для каждаго класса курсомъ, но для приготовляющихся къ педагогической дѣятельности можетъ быть учреждаемъ при женскихъ гимназіяхъ еще восьмой дополнительный классъ также съ годичнымъ, а гдѣ окажется возможность—двухгодичнымъ курсомъ ученія. Женскія прогимназіи образуются въ трехклассномъ при годичномъ курсѣ каждаго класса составѣ, но тамъ, гдѣ представляется къ тому возможность, могутъ заключать въ себѣ и большее число классовъ. Начальникъ губерніи по званію своему есть почетный попечитель всѣхъ находящихся въ губерніи гимназій и прогимназій. При каждой гимназіи находятся совѣты: а) попечительный для ближайшаго содѣйствія со стороны общества развитію гимназій или прогимназій; б) педагогическій—для разрѣшенія вопросовъ, касающихся до учебной или воспитательной части. Непосредственное управленіе гимназіей или прогимназіей ввѣряется начальницамъ. Попечительный совѣтъ состоитъ изъ лицъ обоего пола, избираемыхъ всѣми сословіями и обществами, которыя содержатъ на свой счетъ гимназію или прогимназію. Директоръ мужской гимназіи, а гдѣ нѣтъ гимназіи—смотритель училищъ и начальница женской гимназіи или прогимназіи суть по званію своему непремѣнные члены попечительнаго совѣта. Сверхъ того, къ числу членовъ попечительнаго совѣта принадлежитъ попечительница, избираемая изъ почетнѣйшихъ лицъ города. Педагогическій совѣтъ гимназіи или прогимназіи, подъ предсѣдательствомъ директора мужской гимназіи, а тамъ, гдѣ его нѣтъ—штатнаго смотрителя училищъ, состоитъ изъ начальницы женской гимназіи или прогимназіи и всѣхъ лицъ, служащихъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ученицы, награжденныя при окончаніи курса общаго ученія женскихъ гимназій медалями, золотою или серебряною, а сверхъ того и выслушавшія особый спеціальный курсъ дополнительнаго класса, пріобрѣтаютъ званіе домашнихъ наставницъ. Ученицы, не удостоенныя награды медалями, но получившія одобрительный аттестатъ объ окончаніи полнаго общаго курса въ гимназіи и по

выслушаніи особаго спеціальнаго курса въ дополнительномъ классѣ пользуются правами домашнихъ учительницъ. Ученицамъ, хотя не получившимъ медали, но окончившимъ общій курсъ гимназіи предоставляется право на званіе первоначальныхъ учительницъ и учительницъ народныхъ училищъ. Такимъ же правомъ пользуются ученицы, получившія одобрительное свидѣтельство объ окончаніи курса въ прогимназіи или въ низшихъ трехъ классахъ гимназіи, если по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста будутъ исполнять въ теченіе полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при какомъ-либо начальномъ училищѣ. Предметы преподаванія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ раздѣляются на обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ въ трехклассныхъ прогимназіяхъ относятся: законъ Божій, русскій языкъ, русская исторія и географія, ариѳметика, чистописаніе, рукодѣліе. Въ курсѣ женскихъ гимназій обязательны слѣдующіе предметы: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и основанія геометріи, географія, исторія, главнѣйшія понятія по естественной исторіи и физикѣ, съ присовокупленіемъ свѣдѣній, относящихся къ домашнему хозяйству и гигіенѣ, чистописаніе, рукодѣліе, гимнастика. Необязательные въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ: языки французскій и нѣмецкій, рисованіе и музыка, пѣніе и танцы.

Такимъ образомъ, по выясненіи взгляда на призваніе женщины въ обществѣ и семьѣ и на основаніи прежнихъ узаконеній о женскихъ училищахъ, было составлено положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, введенное въ дѣйствіе въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ, въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, также и въ губерніяхъ западной и восточной Сибири, не касаясь прибалтійскихъ губерній, гдѣ не потребовалось измѣненій въ дѣйствовавшихъ тамъ законоположеніяхъ, и губерній Виленскаго учебнаго округа, а именно губерній—Кіевской, Подольской и Волынской, гдѣ оставлены правительственныя женскія училища безъ всякаго участія мѣстнаго общества въ управленіи ими. Женскимъ училищамъ дано названіе: „женскія гимназіи и прогимназіи“—первое—для училищъ перваго разряда, а второе—для училищъ второго разряда; изъ нихъ первыя по постановкѣ своего учебнаго курса приближаются къ курсу мужскихъ гимназій, а вторыя—къ курсу уѣздныхъ училищъ. Сравнительно съ прежними женскими учебными заведеніями, вмѣсто ше-

сти классовъ прибавленъ седьмой классъ и, кромѣ того, еще дополнительный классъ. Училища эти имѣютъ исключительно характеръ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, содержаніе ихъ предоставлено мѣстнымъ властямъ, преимущественно мѣстнымъ земствамъ, сословіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ, съ назначеніемъ пособій по мѣрѣ возможности отъ правительства. Учителямъ и учительницамъ этихъ заведеній, равно какъ и окончившимъ въ нихъ курсъ, предоставлены новыя права.

Со времени положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія управленіе женскими гимназіями, естественно, раздѣлилось: однѣ изъ нихъ получаютъ свои средства отъ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и состоятъ въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, а учрежденныя и содержимыя на пожертвованія земствъ, обществъ и частныхъ лицъ и по мѣрѣ возможности на пособія отъ правительства — въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Затѣмъ, эти положенія соотвѣтственно потребностямъ, были дополняемы, и въ настоящее время въ каждомъ губернскомъ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, даже лежащихъ на окраинахъ, учреждены, гдѣ въ томъ представилась потребность, женскія гимназіи или прогимназіи, предоставляющія родителямъ полную возможность давать желаемое для своихъ дочерей образованіе. Если сравнить умственное развитіе, получаемое дѣвицами средняго сословія описываемаго времени съ тѣмъ, которое онѣ имѣли лѣтъ 25 тому назадъ, когда образовательныя заведенія для нихъ были довольно скудны, то, естественно, всякій убѣдится, насколько значительно оно подвинулось впередъ: такому быстрому подъему женскаго образованія мы обязаны какъ цѣлесообразной организаціи женскихъ учебныхъ заведеній, вполнѣ удовлетворяющей желаніямъ родителей, такъ и многочисленности этихъ училищъ, дающихъ полную возможность всѣмъ воспитывать и обучать своихъ дѣтей.

Изъ послѣдующихъ мѣропріятій, имѣющихъ отношеніе къ женскому образованію, укажемъ на слѣдующія: въ Высочайшемъ повелѣніи 14 января 1871 года, поименованы тѣ роды дѣятельности, на которыхъ женщины могутъ приносить пользу обществу и обезпечить себя въ жизни, для чего слѣдуетъ: 1) всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію правильно-устроенныхъ отдѣльно для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и привлеченію на оные какъ можно болѣе слушательницъ, для того, чтобы

дать возможность наибольшему числу женщинъ пріискивать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства, столь скудно еще надѣленныхъ представительницами этой необходимой отрасли. 2) Въ виду пользы, приносимой госпитальною дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшать женщинамъ занятія фельдшерскія и по оспоприививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ. 3) Поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ уже нынѣ занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ. 4) Допускать женщинъ: а) по телеграфному вѣдомству къ занятію мѣстъ сигналистовъ и телеграфистовъ въ опредѣленной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ пропорціи общаго числа этихъ дѣятельностей и б) по счетной части и въ женскихъ заведеніяхъ Вѣдомства Четвертаго Отдѣленія Его Императорскаго Величества Канцеляріи по непосредственному усмотрѣнію Его Высочества Главноуправляющаго симъ отдѣленіемъ. 5) Затѣмъ, воспретить пріемъ женщинъ даже и по найму на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ.

Въ 1871 году предоставлено сибирскимъ генералъ-губернаторамъ право утвержденія лицъ, избранныхъ въ должности попечительницъ женскихъ гимназій и прогимназій и начальницъ женскихъ гимназій.

Въ 1873 году предоставлено лицамъ, служащимъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ Юго-западномъ краѣ, а также и вообще лицамъ, служащимъ и служившимъ не менѣе десяти лѣтъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, право безплатнаго обученія ихъ дочерей въ этихъ заведеніяхъ. Въ 1874 году введено преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ и педагогики въ курсѣ женскихъ гимназій, какъ необязательныхъ предметовъ для желающихъ. Насколько успѣшно можетъ итти преподаваніе въ женскихъ гимназіяхъ древнихъ классическихъ языковъ, это доказываетъ классическая гимназія г-жи Фишеръ въ Москвѣ. Получивъ въ 1876 г. права женскихъ гимназій, по положенію 1870 г., г-ею Фишеръ были открыты затѣмъ два спеціальные дополнительные класса, предназначенные собственно на чтеніе классиковъ по греческому и латинскому языкамъ. Бывшій тогда

министромъ народнаго просвѣщенія графъ Толстой лично убѣдился, что познанія воспитанницъ этой гимназіи превышаютъ значительно уровень познаній, сообщаемыхъ учащимся въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ, и что попытка основательнаго обученія женщинъ по курсу и программамъ мужскихъ гимназій, сдѣланная г-жею Фишеръ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; въ виду этого министръ нашелъ справедливымъ испросить соизволенія Его Императорскаго Величества на предоставленіе въ видѣ опыта всѣмъ дѣвицамъ, успѣшно окончившимъ восемь классовъ женской классической гимназіи г-жи Фишеръ, права преподаванія учебныхъ предметовъ въ четырехъ низшихъ классахъ мужскихъ гимназій и прогимназій и во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ зачетомъ имъ времени такого преподаванія въ срокъ выслуги пенсіи по ихъ званію домашнихъ учительницъ и наставницъ.

Въ 1873 году въ курсъ женскихъ гимназій и прогимназій Варшавскаго учебнаго округа, въ виду явной конкуренціи мѣстныхъ женскихъ заведеній, въ которыхъ преподается французскій языкъ, чѣмъ отвлекаются ученицы отъ казенныхъ женскихъ училищъ, гдѣ обязателенъ только нѣмецкій языкъ, вводится обязательное преподаваніе двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ.

Въ 1874 году допущены къ предсѣдательству въ педагогическихъ и частью въ попечительныхъ совѣтахъ женскихъ гимназій и прогимназій директора и инспектора мужскихъ прогимназій, директора учительскихъ институтовъ и семинарій и начальницы гимназій. Упомянутыя обязанности по симъ учебнымъ заведеніямъ послѣ директоровъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ возлагаются на директоровъ и инспекторовъ классическихъ прогимназій и директоровъ учительскихъ институтовъ и семинарій, если послѣдніе назначены отъ правительства, и затѣмъ уже на штатныхъ смотрителей уѣздныхъ и учителей-инспекторовъ городскихъ училищъ; въ случаѣ открытія женской гимназіи или прогимназіи въ городѣ, гдѣ не существуетъ ни одного изъ поименованныхъ учебныхъ заведеній, исполненіе обязанностей по предсѣдательству въ педагогическомъ совѣтѣ гимназій и прогимназій поручается начальницамъ этихъ заведеній.

Въ своихъ заботахъ объ учрежденіи женскихъ гимназій и прогимназій Министерство не оставляетъ безъ вниманія и училища другихъ типовъ, а также низшія учебныя заведенія и содѣйствуетъ

тому, чтобы русскія женщины были обезпечены трудомъ и имѣли бы соотвѣтствующія имъ занятія всю свою жизнь. Такъ, въ 1874 г. оно утверждаетъ расходъ на содержаніе въ городѣ Острогѣ Волынской губерніи женскаго училища имени графа Блудова, которое не только имѣетъ цѣлью сообщить дѣвицамъ необходимыя свѣдѣнія въ наукахъ, знаніе рукодѣлій и веденіе домашняго хозяйства, но предпочтительно даетъ серьезное воспитаніе на началахъ русской народности: училище это имѣетъ въ виду распространеніе и поддержаніе истинно-русскаго образованія на Волыни между жителями мѣстнаго православнаго населенія всѣхъ сословій и преимущественно недостаточнаго состоянія. Съ этою цѣлью графиня выстроила на собственныя средства для училища церковь, зданіе со службами, стоимостью болѣе 50,000 рублей, и предоставила въ пользованіе училища большой садъ, а для сельскаго училища особо выстроенный домъ. Министерство вмѣстѣ съ дарованными постройками приняло въ свое вѣдѣніе и на себя содержаніе и преобразованіе самого училища. По уставу училища, изданнаго въ 1875 году, это заведеніе закрытое, состоитъ изъ четырехъ классовъ, курсъ ученія семилѣтній, въ первыхъ трехъ классахъ по два года въ классѣ, а въ старшемъ — одинъ годъ. При училищѣ состоитъ подготовительная братская школа. Всѣ служащіе въ училищѣ, даже прислуга — православные. Воспитанницы, окончившія общій курсъ ученія и одобрительно исполнявшія практическія занятія, получаютъ безъ особаго экзамена званіе домашней учительницы.

Чтобы пополнить недостатокъ такихъ заведеній съ средне-образовательнымъ курсомъ, который бы былъ срединою между начальными женскими училищами и женскими гимназіями и прогимназіями, дающими болѣе высшее образованіе, Министерство Народнаго Просвѣщенія въ 1880 г. учредило комиссію для составленія проекта положенія о таковыхъ женскихъ училищахъ. Въ это же время предоставлено право на званіе начальныхъ учительницъ и учительницъ народныхъ школъ воспитанницамъ прогимназій въ четырехъ низшихъ классахъ семиклассныхъ институтовъ, гимназій и низшихъ двухъ классахъ трехклассныхъ институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Одновременно съ заботами объ учрежденіи и распространеніи женскихъ учебныхъ заведеній въ государствѣ дарованы многочисленныя образовательныя средства и для дѣвочекъ низшаго сословія, какъ городского, такъ и сельскаго: многочисленныя начальныя училища, двухклассныя и одноклассныя сель-

скія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія и женскія приходскія училища, школы рукодѣльныя, ремесленныя, состоящія при фабрикахъ, городскія училища, пріюты, школы при попечительствахъ и пр. даютъ возможность и средства для начальнаго элементарнаго обученія дѣтей низшаго сословія.

Въ заключеніе очерка вновь открытыхъ и преобразованныхъ училищъ въ теченіе описываемой эпохи, упомянемъ о внѣшнемъ благоустройствѣ учебныхъ заведеній, удовлетворяющемъ какъ педагогическимъ, такъ и по-возможности гигіеническимъ условіямъ. Училища этого времени, построенныя по требованію архитектуры и современной техники, щедро обезпеченныя матеріальными средствами, какъ на содержаніе ихъ самихъ, такъ и на содержаніе учащихся и служащихъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ своимъ цѣлямъ. Такою правильною постановкою учебныхъ заведеній Россія обязана, прежде всего, милостивымъ щедротамъ своего Монарха. Эта заботливость о дарованіи для блага своихъ подданныхъ всѣхъ лучшихъ средствъ и способовъ образованія проходитъ во всѣхъ училищныхъ законоположеніяхъ, уставахъ и Высочайшихъ распоряженіяхъ. Уже съ первыхъ лѣтъ своего воцаренія. Императоръ Александръ II осчастливилъ училищную часть своей имперіи дарованіемъ новыхъ распоряженій, имѣющихъ цѣлью улучшеніе средствъ какъ учащихъ, такъ и учащихся. Для примѣра укажемъ на возстановленіе въ 1855 году права пользованія пенсіею послѣ 25-лѣтней службы, котораго были лишены учителя военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній указомъ 1852 года; о возстановленіи этого права Государь уже заботился въ бытность свою Наслѣдникомъ, когда Его Высокому покровительству было ввѣрено главное начальство надъ учебными заведеніями. Въ 1857 году, удостоивъ принять во Всемилостивѣйшее вниманіе стѣсненное положеніе учителей и училищъ вообще, Императоръ Александръ II Высочайше соизволилъ разрѣшить на повышеніе платы за ученіе во всѣхъ гимназіяхъ и на установленіе оной въ тѣхъ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ, по усмотрѣнію мѣстнаго училищнаго начальства, окажется это возможнымъ, что, „съ одной стороны, справедливо и не обременительно по незначительности этой платы, а съ другой — необходимо для улучшенія положенія учебныхъ заведеній и бѣдныхъ учениковъ, какъ пользующихся изъ сбора на ученіе наградами и единовременными вспомоществованіями“. Такъ какъ штаты гим-

назій и уѣздныхъ училищъ были еще изданы въ 1828 году, то естественно, что, по умѣренности штатовъ, они уже не удовлетворяли ни требованіямъ служащихъ лицъ, ни самимъ заведеніямъ описываемой эпохи въ самыхъ насущныхъ ихъ нуждахъ. Изъ хода дѣлъ и личныхъ осмотровъ само Министерство убѣдилось, что училища крайне требовали усиленія средствъ. Когда въ 1859 году министромъ народнаго просвѣщенія была представлена по этому предмету Всеподданнѣйшая записка и журналъ Главнаго Правленія Училищъ, Его Императорское Величество собственноручно изволилъ начертать на ней: „Весьма радъ, что благое это дѣло можно привести въ исполненіе“, и въ томъ же году, для улучшенія положенія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и усиленія строительныхъ средствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Высочайше разрѣшено отпускать ежегодно изъ Государственнаго Казначейства 720,000 рублей.

Уже эти отрывочные факты, взятые изъ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра II, ясно свидѣтельствуютъ о высокопросвѣщенномъ взглядѣ, гуманности и человѣколюбіи Императора, которыми проникнуты и всѣ совершенныя имъ великія реформы, неоднократно соединенныя съ усиленіемъ средствъ училищъ и служащихъ.

Что касается самыхъ реформъ, благотворными плодами которыхъ мы пользуемся и въ настоящее время, то они поставили русскія училища на ту высоту, на которой они находятся во всѣхъ образованныхъ государствахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, устроенныя на основахъ лучшихъ современныхъ педагогическихъ воззрѣній, съ полнымъ сохраненіемъ присущаго имъ православнаго и народнаго характера, наши училища, высшія, среднія и низшія, удовлетворяютъ образовательнымъ потребностямъ всего многомилліоннаго населенія нашего отечества.

Совершенная Императоромъ Александромъ II училищная реформа, по величію своего выполненія и обширности своей задачи, превосходитъ всѣ реформы предыдущихъ царствованій, которыя въ въ этомъ отношеніи даже не могутъ быть сравниваемы съ реформою царствованія Александра II, вызывающей чувство изумленія и высокаго благоговѣнія къ своему Царю-Освободителю, даровавшему всѣ средства для правильнаго и прочнаго образованія своихъ подданныхъ и для ихъ нравственной и умственной зрѣлости и преуспѣянія.

Реформа всѣхъ многочисленныхъ русскихъ учебныхъ заведеній полною своею успѣшностію и быстротою выполненія обязана, прежде всего, своему Государю, горячо любившему свое отечество и стремившемуся доставить благоденствіе своимъ подданнымъ. Въ важномъ дѣлѣ училищной реформы, собранія Государственнаго Совѣта происходили, большею частью, подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ самого Императора или кого-либо изъ Особъ Царствующаго Дома, при участіи высшихъ государственныхъ сановниковъ и высшихъ лицъ духовной іерархіи, а также извѣстныхъ русскихъ ученыхъ и педагоговъ. Всѣ законоположенія, выработанныя въ Государственномъ Совѣтѣ, объ имѣвшихъ послѣдовать измѣненіяхъ въ училищной части въ имперіи, благодаря гуманности Императора были доступны путемъ печати и для всего русскаго общества, а также разсылались для обсужденія извѣстнымъ заграничнымъ ученымъ и педагогамъ. Всѣ призванные Монархомъ къ труду по училищной реформѣ спѣшили въ этомъ высокомъ дѣлѣ доказать любовь къ своему Царю и къ отечеству, и всѣми своими силами споспѣшествовали его умственнымъ и нравственнымъ успѣхамъ. Всѣ бывшіе министры народнаго просвѣщенія неусыпно трудились надъ выработкой новыхъ уставовъ училищъ и надъ устройствомъ новыхъ учебныхъ заведеній на основахъ любви къ православной Церкви и преданности своему Царю и Отечеству. Изъ числа государственныхъ сановниковъ, на которыхъ въ то время лежала обязанность министра народнаго просвѣщенія, начиная со времени вступленія на престолъ Императора Александра II и до послѣдовавшей Его кончины, были слѣдующія лица: Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ (съ 7-го апрѣля 1853 года до 23 марта 1858 года) Евграфъ Петровичъ Ковалевскій (съ 23 марта 1858 года до 20 мая 1861 года), Евѳимій Васильевичъ Путятинъ (съ 20 мая 1861 года до 27 декабря того же года), Александръ Васильевичъ Головнинъ (съ 27 декабря 1861 года до 15 апрѣля 1866 года), графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой (съ 15 апрѣля 1866 года до 14 апрѣля 1880 года), Андрей Александровичъ Сабуровъ (съ 14 апрѣля 1880 г. до 24 марта 1881 года), баронъ Александръ Павловичъ Николаи (съ 24 марта 1881 г. до 16 марта 1882 года). Изъ этого перечня лицъ, состоявшихъ въ царствованіе Императора Александра II министрами народнаго просвѣщенія и исполнителями Его великихъ реформъ въ дѣлѣ народнаго образованія, мы видимъ, что долѣе всѣхъ занималъ этотъ постъ графъ Д. А. Толстой

(14 лѣтъ); на него и пало, главнымъ образомъ, осуществленіе училищной реформы и выполнено имъ съ такимъ безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ нашей исторіи училищнаго дѣла блестящимъ успѣхомъ.

Покойный министръ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой родился въ Москвѣ и получилъ воспитаніе въ Царско-Сельскомъ лицеѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1842 году. Свою службу графъ началъ въ слѣдующемъ году въ канцеляріи Императрицы Александры Өеодоровны по управленію учебными и благотворительными заведеніями. Въ 1847 году графъ поступилъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а затѣмъ занималъ должность директора канцеляріи Морского Министерства, при чемъ съ 1860 г. былъ назначенъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ 1861 году управляющимъ Департаментомъ того же Министерства съ оставленіемъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ. Съ 1862 года графъ продолжалъ свою службу въ Правительствующемъ Сенатѣ. Въ 1864 году графъ былъ назначенъ членомъ по учебной части совѣтовъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и Петербургскихъ училищъ: Александровскаго и ордена Св. Екатерины, а въ слѣдующемъ году ему повелѣно было быть оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода съ зачисленіемъ въ сенаторы. 14 апрѣля 1866 года графъ былъ призванъ на постъ министра народнаго просвѣщенія, на которомъ подвизался до 1880 года, и по его увольненіи по прошенію отъ должности министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ апрѣлѣ 1882 г. графъ былъ возведенъ на мѣсто президента Императорской Академіи Наукъ, а 30 мая того же года назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оставался въ этой должности до самой своей кончины, послѣдовавшей 25 апрѣля 1889 года.

Не говоря о великихъ заслугахъ графа Толстого, какъ прокурора Святѣйшаго Синода, на пользу дѣла образованія въ Духовномъ вѣдомствѣ и для православной Церкви и какъ великаго дѣятеля въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ, всегда стоявшаго за національныя начала, припомнимъ о нѣкоторыхъ его заслугахъ и трудахъ по введенію училищной реформы и учрежденію многихъ учебныхъ заведеній во время его управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Пересоздавъ русскія училища на чисто самобытныхъ началахъ

и удержавъ тѣ педагогическія основы, которыя составляютъ достояніе всего образованнаго міра, графъ Толстой улучшилъ весь строй учебныхъ заведеній, поднялъ въ русскихъ педагогическихъ дѣятеляхъ любовь и энергію къ своему дѣлу и вызвалъ къ жизни русскую учебно-педагогическую литературу. Улучшивъ бытъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, графъ Толстой возбудилъ въ учащихся стремленіе смотрѣть на свое обученіе, какъ на трудъ, требующій добросовѣстнаго и отчетливаго выполненія.

При графѣ Толстомъ были вновь открыты Варшавскій университетъ, два историко-филологическихъ института, три ветеринарныхъ института и нѣкоторые другіе изъ высшихъ учебныхъ заведеній; въ его же управленіе Министерствомъ составлялся новый уставъ для университетовъ. Изъ среднеучебныхъ заведеній при графѣ Толстомъ были учреждены множество мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій и реальныя училища; при немъ же были вновь составлены положенія для мужскихъ гимназій и прогимназій и реальныхъ училищъ, на основаніи которыхъ и совершались преобразованія сихъ училищъ. При графѣ Толстомъ открыты совершенно новыя педагогическія заведенія — учительскіе институты для приготовленія учителей во вновь открытыя городскія училища и учительскія семинаріи для приготовленія учителей въ начальныя училища. Наконецъ, цѣлый рядъ низшихъ учебныхъ заведеній — городскія училища, приходскія училища, начальныя училища, двухклассныя и одноклассныя сельскія училища и духовныя училища доставляютъ возможность дѣтямъ городского и сельскаго сословія получать правильное, соотвѣтствующее ихъ званію образованіе. Для инородцевъ открываются начальныя училища и многочисленныя инородческія учительскія семинаріи, служащія для приговленія учителей для инородческихъ школъ.

Та безграмотность простого сословія, такъ рѣзко отдѣлявшая его отъ образованнаго высшаго и средняго сословій, являвшаяся въ предшествовавшія эпохи какъ результатъ малочисленности начальныхъ училищъ, съ увеличеніемъ ихъ количества и съ правильною ихъ постановкой въ царствованіе Императора Александра II, стала замѣтно ослабляться: благодаря обилію начальныхъ училищъ и требуемой ихъ постановкѣ, школа открыла и для крестьянства путь къ утвержденію въ немъ религіозно-нравственныхъ понятій и распространенію среди него первоначальныхъ полезныхъ

свѣдѣній, и сословіе это получило всѣ средства для своего правильнаго образованія и воспитанія.

Благодаря свѣтлому уму графа Толстого и любви его къ своему отечеству, мы обязаны ему освобожденіемъ учебныхъ заведеній Остзейскаго и Западнаго края отъ вліянія иноземнаго языка и замѣною его русскимъ. Помимо своихъ важныхъ государственныхъ обязанностей, графъ Толстой заявилъ себя и какъ ученый высокаго ума, сочиненія котораго пользуются заслуженною извѣстностью не только въ Россіи, но и за границею („Іезуиты въ Москвѣ и Петербургѣ", „Римскій католицизмъ въ Россіи", „Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи"), а также какъ авторъ педагогическихъ сочиненій (Исторія Просвѣщенія въ Россіи", „Академическая гимназія и Академическій университетъ") и многочисленныхъ ученыхъ изысканій.

Всѣ сословія навѣки проникнутыя благоговѣйной святой признательностью къ своему высокопросвѣщенному, человѣколюбивому и гуманному Царю-Освободителю, даровавшему своему народу всѣ средства и способы для образованія и воспитанія, съ благодарностью и гордостью памятуютъ и великихъ сподвижниковъ Его царствованія, между которыми, по своимъ выдающимся педагогическимъ трудамъ, первое мѣсто занимаютъ Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій (см. стр. 551) и графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, понесшіе столь цѣнные и безпримѣрные труды для своего отечества на пользу образованія и воспитанія молодого женскаго и мужского поколѣній.

БИБЛІОТЕКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ И УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА, МУЗЕИ, СЪѢЗДЫ, ВЫСТАВКИ, ПРЕМІИ, ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Библіотеки. Кромѣ пополненія и приведенія въ требуемое современное устройство главнаго русскаго книгохранилища, Императорской Публичной библіотеки, и библіотекъ другихъ высшихъ учрежденій, какъ напримѣръ, библіотеки Румянцевскаго музея въ Москвѣ, дающихъ возможность посѣтителямъ пользоваться цѣнными и рѣдкими изданіями, правительствомъ устраиваются и пополняются библіотеки при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ высшихъ, такъ и среднихъ, общеобразовательныхъ и спеціальныхъ, мужскихъ и женскихъ, равно какъ и при каждомъ низшемъ училищѣ. Библіотеки высшихъ учебныхъ заведеній содержатъ въ себѣ такія цѣнныя книжныя сокровища, что вполнѣ и всесторонне удовлетворяютъ

требованіямъ людей науки и служатъ средствомъ для разработки высшихъ научныхъ вопросовъ, а для учащихся—дополненіемъ въ ихъ умственныхъ занятіяхъ. Изъ числа библіотекъ для высшихъ учебныхъ заведеній, между прочими, замѣчательна библіотека при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ, преобразованная изъ Варшавской главной библіотеки, переданной вмѣстѣ съ состоявшими при оной нумизматическимъ кабинетомъ и музеемъ древности въ Варшавскій университетъ; отношенія этой библіотеки къ университету установлены на общемъ основаніи правилъ для университетскихъ библіотекъ. Библіотека эта и прежде отличавшаяся богатствомъ и обиліемъ собранныхъ въ ней книгъ, со времени ея перехода въ университетъ, стала систематически пополняться сочиненіями, необходимыми для университетскаго преподаванія, а также для ученыхъ занятій преподавателей, и этимъ еще болѣе увеличивала составъ входящихъ въ нее книгъ.

Для лицъ, приготовляющихся къ профессорскому и учительскому званію, съ цѣлью ознакомленія съ сочиненіями, касающимися лучшаго метода преподаванія въ заграничныхъ университетахъ по избраннымъ ими спеціальностямъ, учреждена въ 1871 г. новая библіотека изъ книгъ, относящихся до вышеупомянутыхъ предметовъ, въ помѣщеніи историко-филологическаго института. Въ 1881 г. эта библіотека была переведена въ библіотеку, учрежденную при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія для стипендіатовъ, командируемыхъ за границу съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію.

Библіотеки другихъ педагогическихъ учебныхъ заведеній, историко-филологическихъ институтовъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій обогащаются преимущественно книгами своей спеціальности. Библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, раздѣляющіяся, какъ вообще всѣ библіотеки училищъ, на фундаментальныя, или основныя, и ученическія, служатъ для пользованія преподавателей и учащихся. Библіотеки двухклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ училищъ, кромѣ пользованія учителями и учениками начальныхъ училищъ, доступны и для всего мѣстнаго сельскаго населенія. Вмѣстѣ съ открытіемъ читаленъ для народа, такія народныя школьныя библіотеки существенно вліяютъ на умственное развитіе сельскаго населенія, въ которомъ уже пробудилось стремленіе къ чтенію и которое научилось цѣнить книгу, какъ средство для своего самообразованія. Народныя би-

бліотеки предлагаютъ простолюдину книги, по строгому выбору, дѣйствительно для него полезныя и занимательныя, расширяющія его свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ знаній, имѣющихъ приложеніе въ его жизни. Обиліе же такихъ полезныхъ для народа книгъ предлагаемыхъ сельскими библіотеками имѣло результатомъ то, что крестьянинъ перестаетъ обращаться къ коробейникамъ и лубочнымъ изданіямъ, а получаетъ вкусъ къ книгамъ религіозно-нравственнаго, литературно-историческаго, географическаго содержанія, по естествовѣдѣнію, сельскому хозяйству, законовѣдѣнію, гигіенѣ и вообще къ чтенію поучительному и занимательному.

Педагогическія и ученыя общества, музеи, съѣзды, выставки. Съ цѣлью выясненія и разработки различныхъ научныхъ и педагогическихъ вопросовъ учреждаются многочисленныя общества, выставки, съѣзды и музеи, оказывающіе существенное значеніе на образованіе народной массы и содѣйствующіе успѣхамъ по вопросамъ различныхъ областей науки, разработку которыхъ имѣютъ своей цѣлью эти учрежденія. Ученыя общества доступныя всякому, интересующемуся ихъ цѣлью, привлекаютъ къ себѣ многихъ, какъ людей науки, такъ и молодыхъ ученыхъ и дѣятелей, а равно и стороннюю публику, съ охотою посѣщающую эти собранія. Также и выставки, которыя служатъ нагляднымъ выраженіемъ современнаго состоянія извѣстной области науки, искусствъ, техники, оказываютъ свое образовательное значеніе на народную массу, возбуждаютъ соревнованіе, знакомятъ съ новѣйшими знаніями, лучшими пріемами и характеромъ выставленныхъ предметовъ. Ученые съѣзды, въ виду ихъ огромной научной пользы и быстрыхъ успѣховъ научной жизни нашего времени, повторяются періодически черезъ извѣстные краткіе сроки и этимъ даютъ возможность русскимъ ученымъ и дѣятелямъ одинаковой профессіи сближаться съ заграничными учеными и между собою и, въ свою очередь знакомить ихъ съ тѣми новостями науки, которыя добыты въ Россіи.

Педагогическія и ученыя общества. Изъ обществъ, получившихъ свое начало въ царствованіе Императора Александра II, укажемъ на учрежденное въ С.-Петербургѣ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; Русское Энтомологическое общество въ С.-Петербургѣ (1859); Общество распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ (1861) съ цѣлью развивать и укрѣплять въ читателяхъ здравыя нравственныя понятія; въ томъ же

году Рижское Общество литературы, Нарвское Археологическое общество (1863); въ томъ же году Общество любителей естествознанія въ Москвѣ, въ 1864 году Русское Энтомологическое общество; общество древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ музеумѣ (1864); Общество для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи въ Ярославлѣ; Тукумское Общество для взаимнаго образованія (1866); Русское Историческое Общество въ С.-Петербургѣ для обработки и распространенія матеріаловъ, до отечественной исторіи относящихся (1866); Московское Математическое общество (1867); С.-Петербургское Педагогическое общество (1869).

Послѣднее началось въ видѣ частныхъ педагогическихъ собраній, съ цѣлью изученія и ознакомленія съ вопросами, относящимися къ дѣлу воспитанія и обученія, сближенія между собою отечественныхъ педагоговъ и распространенія въ обществѣ здравыхъ педагогическихъ понятій и свѣдѣній. Съ 1860 г. эти собранія происходили въ залѣ С.-Петербургской 2-й гимназіи и продолжались до 1869 г., когда предсѣдатель этихъ собраній, профессоръ С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Рѣдкинъ, обратился къ министру съ ходатайствомъ объ учрежденіи С.-Петербургскаго Педагогическаго общества и представилъ составленный особою комиссіею уставъ онаго. Проектъ этотъ, нѣсколько разъ пересмотрѣнный и измѣненный въ нѣкоторыхъ существенныхъ частяхъ, былъ одобренъ Совѣтомъ министра народнаго просвѣщенія. По проекту устава, педагогическое общество имѣетъ цѣлью содѣйствовать развитію и усовершенствованію нашей учебно-воспитательной практики. Для достиженія этой цѣли, общество устраиваетъ въ своихъ собраніяхъ чтенія и бесѣды по вопросамъ, относящимся къ педагогикѣ, публикуетъ свои или одобренные обществомъ труды и печатаетъ годовые отчеты о своей дѣятельности, присылаетъ на конкурсъ задачи, открываетъ публичныя лекціи по предметамъ воспитанія и обученія, по программамъ, одобреннымъ совѣтомъ общества и съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія, установленнымъ порядкомъ, учреждаетъ училища.

Другое педагогическое общество, Фребелевское, было учреждено въ 1871 году. Нѣкоторые изъ проживающихъ въ С.-Петербургѣ медиковъ, педагоговъ и любителей отечественнаго просвѣщенія, сознавая всю важность воспитанія въ семействѣ и сочувствуя воспитательнымъ идеямъ извѣстнаго германскаго педагога

Фребеля, предположили, въ видахъ возбужденія и поддержанія въ семействахъ интереса къ раціональному воспитанію дѣтей, учредить общество для содѣйствія первоначальному семейному воспитанію: Общество это было Высочайше разрѣшено въ 1871 году и имѣло цѣлью: 1) учредить спеціальные курсы съ хорошо устроеннымъ дѣтскимъ садомъ для приготовленія свѣдующихъ нянекъ и дѣтскихъ садовницъ; содѣйствовать учрежденію новыхъ дѣтскихъ садовъ выдачею денегъ молодымъ дѣтскимъ садовницамъ, 2) открывать публичныя лекціи для матерей и гувернантокъ, 3) издавать журналъ, который будетъ знакомить публику съ дальнѣйшимъ развитіемъ и совершенствованіемъ дѣла первоначальнаго воспитанія въ Россіи, также и за границей, и для печатанія отчетовъ о дѣятельности общества. Фребелевскій методъ въ это время получилъ у насъ такое распространеніе, что многіе настолько увлекались имъ, что и самое обученіе, нерѣдко переходило въ игру и этимъ тормозилась серіозность дѣтскаго обученія. Поэтому учрежденіе такого общества, преслѣдующаго это дѣло на правильныхъ основахъ и знакомящаго съ его дѣйствительно полезною воспитательною стороною, было крайне желательно въ то время.

Въ 1888 году учреждено въ Псковѣ Археологическое общество. Въ 1872 году въ Кіевѣ Историческое общество Нестора лѣтописца. Въ 1874 году Общество классической филологіи и педагогики; Общество Исторіи и Литературы въ Ригѣ (1879 г.) и др.

Музеи. Кромѣ переведеннаго въ Москву въ 1861 году Румянцевскаго музея и устройства въ 1872 году въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній, имѣющихъ задачею содѣйствовать не только высшимъ научнымъ цѣлямъ, но и служить вообще образовательнымъ средствомъ для народной массы, учреждаются съ той же цѣлью какъ въ столицахъ, такъ и во многихъ губернскихъ городахъ особые музеи, знакомящіе посѣтителей съ предметомъ своей спеціальности или съ мѣстными произведеніями природы, техники или искусства своего края. Съ цѣлью собрать въ одно цѣлое древнія книги, акты, рукописи, монеты, медали, оружія, надписи и снимки съ нихъ, картины, статуи и прочіе предметы, относящіеся къ исторіи Западнаго края Россіи, учреждается въ 1855 году въ Вильно музеумъ древности и временная археологическая комиссія. Въ 1869 году устроенъ музей элементарныхъ учебныхъ пособій и при немъ особая библіотека Министерства Народнаго Просвѣщенія; при этомъ имѣлось въ виду, чтобы черезъ посѣщеніе музея на-

чальными народными учителями и чрезъ подробное ихъ ознакомленіе со всѣмъ, что появилось и появляется лучшаго и полезнѣйшаго по части учебныхъ пособій и принадлежностей, относящихся къ дѣлу народнаго образованія, принести пользу сдѣланными пріобрѣтеніями возможно большему числу народныхъ учителей. Въ 1863 году къ общему составу главнаго управленія военно-учебными заведеніями причисленъ и педагогическій музей, переведенный въ 1871 году вмѣстѣ съ библіотекою въ бывшее помѣщеніе Соляного городка, получившій въ 1889 году Высочайше утвержденное положеніе, по которому учрежденіе это имѣетъ главною цѣлью служить постоянною выставкою образцовъ учебныхъ пособій, снабжать таковыми для временнаго пользованія какъ военно-учебныя заведенія, такъ и войсковыя части, находящіяся въ Петербургѣ, и содѣйствовать изданію чтеній для солдатъ. Коллекціи педагогическаго музея содержатъ въ себѣ отдѣлы: а) обще-учебный и военно-учебный, б) обще-воспитательный и военно-воспитательный, в) школьной гигіены и г) справочный. Постоянно пополняясь новыми коллекціями, устроенный просвѣщенными педагогами, доступный для каждаго желающаго ознакомиться съ интересующимъ его отдѣломъ, музей этотъ скоро сдѣлался однимъ изъ лучшихъ нашихъ педагогическихъ учрежденій. Кромѣ обилія лучшихъ наглядныхъ научныхъ и учебныхъ пособій, въ музеѣ разрабатываются вопросы по улучшенію обстановки класснаго преподаванія, обсуждаются реформы по физическому воспитанію и школьной гигіенѣ; въ музеѣ устраиваются публичныя лекціи, производятся чтенія для солдатъ, и издаются для нихъ учебники грамоты; при музеѣ открыты общедоступные музыкальные классы, организованъ народный церковный хоръ, открыта безплатная библіотека духовно-нравственныхъ книгъ, и вообще музей сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ средства, содѣйствующія преуспѣянію не только военнаго, но и вообще народнаго образованія.

Съѣзды. Съ цѣлью обработки научныхъ и педагогическихъ вопросовъ учреждаются въ столицахъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ съѣзды какъ профессоровъ, учителей, такъ и вообще всѣхъ лицъ, интересующихся обсужденіями и разработкой вопросовъ той или другой спеціальности.

Когда, по введеніи новаго положенія о начальныхъ городскихъ училищахъ 1874 года и при недостаточномъ еще числѣ учительскихъ семинарій, многіе учителя начальныхъ городскихъ училищъ

не были еще вполнѣ знакомы съ лучшими способами обученія, то, для обновленія и пополненія свѣдѣній такихъ учителей въ преподаваемыхъ ими предметахъ и вообще для усовершенствованія ихъ въ дѣлѣ веденія начальнаго образованія, въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, устраиваются ежегодно учительскіе съѣзды или что тоже кратковременные педагогическіе курсы, открываемые обыкновенно по ходатайствамъ земствъ, городскихъ думъ, управъ или училищныхъ совѣтовъ. Такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія изъ отчетовъ объ устройствѣ названныхъ курсовъ замѣтилъ, что 1) на нихъ почти всегда бываетъ по одному только руководителю или преподавателю; 2) что срокъ курсовъ рѣдко продолжается свыше двухъ недѣль; 3) что они происходятъ при такихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ задачу которыхъ не входитъ приготовленіе учителей для начальныхъ училищъ, то вслѣдствіе этого циркулярнымъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія въ 1874 году было выражено желаніе, чтобы учительскіе съѣзды были, по мѣрѣ возможности, устраиваемы при учительскихъ семинаріяхъ, съ тѣмъ, чтобы на такихъ съѣздахъ руководителями или преподавателями состояли наставники семинарій и учителя начальныхъ при нихъ училищъ при участіи директоровъ оныхъ, и чтобы программы и распредѣленіе занятій были составляемы педагогическими совѣтами семинарій; самый срокъ занятій въ курсахъ былъ бы назначаемъ болѣе продолжительный—приблизительно отъ 4 до 6 недѣль. Чтобы временные педагогическіе курсы съ большимъ успѣхомъ служили для ознакомленія мало подготовленныхъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, а также для обновленія и пополненія ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ ими предметахъ и вообще для усовершенствованія ихъ въ дѣлѣ веденія начальнаго обученія, были составлены подробныя правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ народныхъ училищъ, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія. На основаніи этихъ правилъ, педагогическіе курсы устраиваются съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, преимущественно при учительскихъ семинаріяхъ и при другихъ учебныхъ заведеніяхъ, болѣе или менѣе обладающихъ необходимыми для курса учебными пособіями и руководствами, какъ-то: при городскихъ училищахъ, при двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, и такое заявленіе объ открытіи курсовъ дѣлается, по крайней мѣрѣ, за три мѣсяца до

открытія ихъ уѣздными училищными совѣтами, а также предоставляется земству или другимъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ— о своемъ желаніи устроить педагогическіе курсы—заявлять уѣздному училищному совѣту, о чемъ онъ и поручаетъ инспектору народныхъ училищъ, состоящему въ немъ членомъ, свои соображенія, который препровождаетъ ихъ къ директору народныхъ училищъ, и, въ случаѣ одобренія симъ послѣднимъ, они представляются на утвержденіе попечителя округа. Земство, желающее устроить курсы, заявивъ о томъ уѣздному совѣту, представляетъ о своемъ желаніи заявленіе начальнику губерніи, который сносится по этому предмету съ попечителемъ округа. Курсы открываются только въ лѣтнее вакаціонное время и продолжаются отъ четырехъ до шести недѣль. При курсахъ, на время ихъ продолженія, должна быть устроена образцовая школа, съ учениками, различно подготовленными, образующими три отдѣленія. Если педагогическіе курсы открываются при учительской семинаріи, то руководители курсовъ назначаются директоромъ семинаріи изъ ея преподавателей, съ ихъ согласія, а главное наблюденіе за курсами возлагается на директора. Если же курсы устраиваются при какомъ-либо другомъ заведеніи, то руководители приглашаются директоромъ народныхъ училищъ и представляются по утвержденіи попечителя; главное наблюденіе въ этомъ случаѣ возлагается на директора или инспектора народныхъ училищъ или на другое лицо учебнаго вѣдомства, по усмотрѣнію попечителя. Къ слушанію педагогическихъ курсовъ приглашаются учителя и учительницы начальныхъ народныхъ училищъ, а равно и кандидаты на учительскія должности, по усмотрѣнію инспектора народныхъ училищъ. Если количество ихъ будетъ простираться до 40 лицъ, то число руководителей должно быть не менѣе двухъ. Занятія руководителей и слушателей курсовъ продолжаются ежедневно, кромѣ праздниковъ, не менѣе шести часовъ, которые раздѣляются на утренніе и вечерніе: по утрамъ происходятъ практическія занятія въ образцовой школѣ, а по вечерамъ теоретическія въ зданіи того учебнаго заведенія, при которомъ состоятъ курсы. Въ началѣ курсовъ руководитель самъ даетъ нѣсколько уроковъ въ образцовой школѣ въ присутствіи учителей и учительницъ, а затѣмъ послѣдніе, каждый по очереди, занимаются преподаваніемъ въ школѣ подъ наблюденіемъ руководителей и въ присутствіи товарищей. Учителя и учительницы должны приготовлять для да-

ваемыхъ ими въ образцовой школѣ уроковъ письменные конспекты, которые предварительно обсуждаются руководителями при участіи товарищей, посѣтившихъ курсы; такому же обсужденію подлежитъ затѣмъ выполненіе даннаго урока. Какъ обсужденіе конспектовъ, такъ и выполненіе ихъ, дѣлается въ вечернее время. Теоретическія занятія ведутся не въ видѣ чтенія лекцій, рѣчей и т. п., а должны происходить въ видѣ бесѣдъ руководителей съ слушателями, при чемъ въ указанныхъ правилахъ обозначены и предметы этихъ бесѣдъ. По всѣмъ занятіямъ слушатели курсовъ должны составлять письменные отчеты и представлять ихъ руководителямъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ начальныхъ училищахъ законъ Божій преподается не духовными лицами, то желательно, чтобы на курсахъ давалось опытнымъ законоучителемъ нѣсколько образцовыхъ уроковъ изъ этого важнаго предмета, а также обращается вниманіе на церковное пѣніе и гимнастику. Каждый изъ слушавшихъ курсы, по окончаніи ихъ, получаетъ отъ педагогической комиссіи, состоящей изъ руководителей и главнаго наблюдателя, свидѣтельство съ аттестаціею о занятіяхъ его на курсахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ директора начальныхъ училищъ представляется подробный отчетъ, какъ попечителю учебнаго округа, такъ и земству или вообще учредителю курсовъ, о занятіяхъ на курсахъ и списокъ посѣщавшихъ ихъ лицъ, съ обозначеніемъ способности каждаго вести начальное обученіе. Вышеозначенный отчетъ препровождается также въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и печатается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Расходы по устройству курсовъ принимаютъ на себя земство или вообще тѣ мѣста и лица, по желанію которыхъ устраиваются курсы.

Еще въ 1860 году профессоръ Кіевскаго университета, К. Ф. Кесслеръ, въ виду перемѣнъ, имѣвшихъ произойти въ гимназическомъ преподаваніи по случаю введенія въ учебный курсъ естественной исторіи, представилъ попечителю Кіевскаго учебнаго округа, Н. И. Пирогову, проектъ мѣстнаго съѣзда естество-испытателей и преподавателей естественныхъ наукъ Кіевскаго учебнаго округа. Попечитель отнесся къ проекту съ полнымъ сочувствіемъ, и по его ходатайству о необходимости и пользѣ въ Кіевѣ съѣздовъ преподавателей естественныхъ наукъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа для научныхъ и педагогическихъ совѣщаній, какъ съ профессорами естественныхъ наукъ въ университетѣ Святого Владиміра, такъ и взаимно между собою, былъ открытъ въ Кіевѣ въ

1861 году первый съѣздъ естествоиспытателей и преподавателей естественной исторіи. Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1862 г. состоялся второй мѣстный съѣздъ естествоиспытателей и преподавателей естественной исторіи. Въ 1867 году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей. Съѣзды эти должны имѣть цѣлью споспѣшествовать ученой и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, направляя эту дѣятельность, главнымъ образомъ, на ближайшее изслѣдованіе Россіи и на пользу Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить и русскимъ естествоиспытателямъ случай лично знакомиться между собою. Съѣзды состоятъ подъ покровительствомъ министра народнаго просвѣщенія; они повторяются черезъ каждые два года и продолжаются не болѣе 10-ти дней во второй половинѣ августа. Въ этомъ же 1867 г. состоялся третій съѣздъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ, который былъ первымъ общимъ съѣздомъ естествоиспытателей. К. Ф. Кесслеръ въ своей рѣчи, которою онъ открылъ первое общее собраніе этого съѣзда, развивая мысль о необходимости сближенія русскихъ ученыхъ между собою, говоритъ:... „въ послѣднее время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ такъ стали умножаться разнообразныя общества, съѣзды, выставки. Всѣ эти учрежденія имѣютъ цѣлью познакомить и сблизить между собою людей, трудящихся на одномъ и томъ же поприщѣ, представить на ихъ усмотрѣніе результаты исполненныхъ работъ, указать имъ на задачи для дальнѣйшей дѣятельности и, буде возможно, на пути и способы къ легчайшему разрѣшенію этихъ задачъ. Но если потребность въ періодическихъ съѣздахъ ученыхъ есть потребность общая всѣмъ цивилизованнымъ странамъ, то особенно сильно она чувствуется у насъ на Руси, гдѣ разстояніе между лучшими городами такъ велико, гдѣ проводники науки и дѣятели на различныхъ поприщахъ такъ малочисленны“. Слѣдующіе съѣзды русскихъ естествоиспытателей состоялись черезъ опредѣленные для нихъ сроки, кромѣ обѣихъ столицъ, также и въ большихъ университетскихъ городахъ, напр., 4-й въ 1873 году въ Казани, 5-й въ Варшавѣ и др. *).

Въ 1868 году состоялся въ Москвѣ съѣздъ русскихъ археологовъ, имѣвшій цѣлью обсужденіе слѣдующихъ главныхъ вопросовъ: 1) состояніе русской археологической науки и средства къ даль-

---

*) Помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія о съѣздахъ русскихъ естествоиспытателей взяты изъ журнала „Естествознаніе и Географія“ М. П. Варавны.

нѣйшему болѣе успѣшному развитію оной; 2) сохраненіе и приведеніе въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи; 3) точнѣйшее опредѣленіе метода и пріемовъ въ изслѣдованіи памятниковъ, составленіе подробной инструкціи для археологическихъ изысканій; 4) составленіе археографическихъ картъ, чертежей и пр. Послѣдовавшіе затѣмъ археологическіе съѣзды состоялись въ 1870 году въ С.-Петербургѣ, въ 1873 году въ Кіевѣ, въ 1876 году въ Казани, въ 1880 году въ Тифлисѣ. Кромѣ того, назначались съѣзды и по разработкѣ вопросовъ изъ другихъ областей знанія; такъ, въ 1875 году, для обсужденія вопросовъ гражданскаго и торговаго права въ примѣненіи ихъ къ отечественному законодательству, былъ устроенъ въ Москвѣ первый съѣздъ юристовъ; для ознакомленія съ работами Востока, производимыми въ Россіи, состоялся въ С.-Петербургѣ международный конгрессъ оріенталистовъ и др.

Выставки. Изъ числа многихъ выставокъ, имѣвшихъ воспитательное и образовательное значеніе въ текущую эпоху состояли слѣдующія. Въ 1865 году было разрѣшено Обществу любителей естествознанія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ устроить этнографическую и краніологическую выставки въ 1867 г. Необходимыя на устройство выставки средства принялъ на себя помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа и директоръ Московскаго Публичнаго музея, церемоніймейстеръ Двора Его Величества, Василій Андреевичъ Дашковъ, высоко образованный ревнитель просвѣщенія, бывшій впослѣдствіи почетнымъ опекуномъ надъ женскими учебными заведеніями вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. По окончаніи выставки, согласно ходатайству онаго общества, этнографическая выставка должна была быть передана въ собственность Московскаго Публичнаго музея, а краніологическая коллекція—въ собственность университета. Эта выставка была организована по мысли и подъ руководствомъ покойнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, Анатолія Петровича Богданова, имя котораго останется навсегда памятнымъ въ ученомъ мірѣ и особенно въ московскомъ населеніи, какъ талантливаго и ревностнаго профессора, обогатившаго науку многими учеными трудами, иниціатора и учредителя многихъ московскихъ ученыхъ обществъ и музеевъ. Такъ, по иниціативѣ А. П. Богданова учрежденный Комитетъ акклиматизаціи при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства превращенъ въ само-

стоятельное Общество акклиматизацiи послѣ бывшей въ 1863 году акклиматизацiонной выставки; имъ же устроенъ Зоологическiй садъ въ Москвѣ на его теперешнемъ мѣстѣ, который и открытъ для публики въ 1864 году. Въ 1863 году осуществлено по мысли А. П. Богданова Общество любителей естествознанiя, нынѣ Императорское Общество любителей естествознанiя. Это общество встрѣтило къ себѣ такое сочувствiе во всѣхъ университетахъ, что отъ имени съѣзда русскихъ естествоиспытателей поступило къ министру народнаго просвѣщенiя ходатайство, чтобы при каждомъ изъ русскихъ университетовъ организовать Общество естествоиспытателей, подобно уже состоявшемуся и начавшему свою плодотворную дѣятельность Обществу любителей естествознанiя при Московскомъ университетѣ.

По мысли А. П. Богданова задумана и осуществлена въ Москвѣ первая въ Россiи антропологическая выставка (1879 г.), а также и вышеупомянутая этнографическая выставка, возбудившая интересъ не только въ Россiи, но и за границей. Эти выставки научно ознакомили насъ съ народностями и племенами, населяющими Россiю, съ ихъ бытомъ, одеждою и обстановкою, съ предметами обихода человѣка въ разныя эпохи его жизни—каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка; также мы имѣли здѣсь случай впервые ознакомиться съ антропологическими собранiями. Профессоръ Богдановъ былъ первымъ, создавшимъ при Московскомъ университетѣ каѳедру антропологiи и обогатившимъ науку капитальными сочиненiями по антропологiи, снискавшими ему извѣстность въ ученомъ мiрѣ и за границею. По окончанiи выставки, этнографическiй отдѣлъ ея перешелъ въ Московскiй публичный музей, а антропологическiя собранiя—въ Московскiй университетъ.

Въ 1872 году въ память двухсотлѣтiя со дня рожденiя Петра Великаго, Общество любителей естествознанiя почтило этотъ день устройствомъ въ Москвѣ политехнической выставки; эта выставка своею грандiозностью, обширностью, разнообразiемъ и поучительностью собранныхъ коллекцiй, привлекла къ себѣ посѣтителей не только изъ отдаленныхъ частей Россiи, но и изъ далекихъ заграничныхъ государствъ, и научно ознакомила насъ со всѣми отраслями прикладного естествознанiя. По закрытiи выставки, находившiеся въ ней предметы составили собой извѣстный въ Москвѣ Политехническiй музей, въ которомъ, кромѣ огромныхъ залъ, наполненныхъ инструментами и предметами прикладного естество-

знанія, помѣщаются въ наше время также залы для ученыхъ засѣданій и для народныхъ чтеній, привлекающихъ къ себѣ ежегодно сотни тысячъ посѣтителей. Политехническій музей навсегда останется памятникомъ неутомимой дѣятельности покойнаго профессора А. П. Богданова, трудамъ котораго русскій народъ такъ много обязанъ своимъ обогащеніемъ естественно-историческими прикладными знаніями. Не говоря уже про обиліе тѣхъ богатствъ, которыя собраны въ музеѣ по различнымъ отраслямъ прикладного естествознанія, вспомнимъ про тѣ массы, преимущественно простого народа, которыя сходятся въ музеѣ не только ознакомляться съ предметами въ немъ находящимися, но и поучаться во время народныхъ чтеній о различныхъ интересныхъ и поучительныхъ для него вопросахъ. Дѣятельность А. П. Богданова имѣетъ важное значеніе не только въ ученомъ мірѣ, но и въ средѣ простого народа, который поучается и послѣ смерти А. П. Богданова въ устроенныхъ имъ и по его идеѣ музеяхъ и садахъ, постоянно привлекающихъ къ себѣ посѣтителей изъ всѣхъ классовъ населенія, какъ образованныхъ людей, такъ и простой народъ, взрослыхъ и особенно дѣтей.

Устроенная на политехнической выставкѣ народная читальня, весьма охотно посѣщавшаяся грамотными простолюдинами, своими успѣхами навела на мысль, что подобныя читальни могутъ имѣть несомнѣнное значеніе въ ряду образовательныхъ средствъ, назначенныхъ для массы. По представленію въ 1873 г. попечителя Московскаго учебнаго округа о предоставленіи начальству округа учреждать въ Москвѣ при училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія народныя читальни, министръ полагалъ на первый разъ устроить читальню при первомъ Московскомъ уѣздномъ училищѣ и ближайшее завѣдываніе читальнею подъ главнымъ и постояннымъ надзоромъ Московскаго учебнаго округа поручить штатному смотрителю и учителямъ училища. Устроенная читальня открыта по будничнымъ днямъ въ вечернее время, а по праздничнымъ и воскреснымъ—въ послѣобѣденное; для чтенія вслухъ приглашаются законоучители и учителя мѣстныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также посторонніе священники. За право посѣщать читальню взималось съ каждаго посѣтителя по 1 коп. въ томъ соображеніи, что въ глазахъ народа каждый оплаченный предметъ имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ даровой. Такимъ образомъ и по закрытіи политехнической

выставки не прекратилась ея образовательная дѣятельность для народа: кромѣ образовательнаго значенія музея, устроенныя народныя читальни, число которыхъ стало возрастать, благодаря особенному къ нимъ сочувствію покойнаго почтъ-директора С. С. Подгорецкаго, и теперь служатъ для распространенія въ народной массѣ истинныхъ знаній, освобождающихъ его и отъ заблужденій и отъ ошибочныхъ и ложныхъ взглядовъ.

Кромѣ поименованныхъ, устраиваются и другія выставки, какъ въ столичныхъ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ, знакомящія посѣщающихъ ихъ во множествѣ лицъ всѣхъ званій съ мѣстными естественными произведеніями, или съ предметами промышленности, производства кустарнаго, фабричнаго, заводскаго, сельскаго хозяйства, садоводства и пр. Безъ сомнѣнія, такія выставки оказываютъ свое образовательное вліяніе на народныя массы, а художественныя выставки, какъ напримѣръ, выставки картинъ, содѣйствуютъ развитію чувства изящнаго.

Премiи. Императорская Академія Наукъ, а также и Министерство Народнаго Просвѣщенія, равно какъ и многія частныя лица—ревнители русскаго просвѣщенія, для поощренія русскихъ ученыхъ и для сохраненія въ потомствѣ памяти о русскихъ дѣятеляхъ, назначаютъ награды въ видѣ премій за сочиненія изъ той или другой области научныхъ знаній. Такъ, въ 1857 году камеръ-юнкеръ графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ въ память о бывшемъ президентѣ Императорской Академіи Наукъ, д. т. с. графѣ Сергѣе Семеновичѣ Уваровѣ, учреждаетъ на вѣчныя времена награды подъ названіемъ наградъ графа Уварова, для чего ежегодно имъ высылается въ Императорскую Академію Наукъ по 3.000 руб. Учрежденіемъ этихъ наградъ графъ Уваровъ имѣетъ цѣлью поощрить русскихъ писателей къ занятіямъ русскою и славянскою исторіею, въ обширномъ значеніи слова и драматическою словесностью. По случаю имѣвшагося совершиться 4 апрѣля 1865 г. празднованія столѣтія со времени смерти нашего знаменитаго поэта и ученаго Ломоносова учреждается въ Императорской Академіи Наукъ премія по тысячи рублей въ годъ подъ названіемъ Ломоносовской съ тѣмъ, чтобы она раздавалась ежегодно Академіею за особенно важныя изобрѣтенія и открытія, сдѣланныя въ Россіи въ области промышленныхъ и техническихъ наукъ, и за лучшее сочиненіе Въ 1867 году преосвященный Макарій, архіепископъ нарвскій и ахтырскій, пожертвовалъ собранный имъ отъ изданія его ученыхъ

сочиненій капиталъ 120.000 руб. для выдачи изъ процентовъ съ онаго послѣ смерти премій его имени за достойнѣйшее изъ русскихъ сочиненій по богословскимъ и свѣтскимъ наукамъ съ тѣмъ, чтобы въ одинъ годъ всѣ проценты отпускаемы были въ распоряженіе Святѣйшаго Синода для премій перваго рода, а въ другой поступали бы въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ—за сочиненія послѣдняго рода. Въ 1872 году одесскій негоціантъ А. Г. Вучина пожертвовалъ капиталъ въ 10,600 руб. для учрежденія одной преміи въ 500 руб. за лучшее драматическое произведеніе, предназначенное для русскаго народнаго театра. Въ 1873 г. въ память совершившагося 30 мая 1872 года двухсотлѣтія со дня рожденія Императора Петра Великаго учреждаются при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія преміи Императора Петра Великаго за лучшее руководство по курсамъ элементарному и среднихъ учебныхъ заведеній, а также за книги для народнаго чтенія. Преміи выдаются двухъ родовъ: большія въ 2,000 руб. и малыя въ 500 руб., при чемъ ежегодно выдается одна большая и одна малая премія за учебное руководство по гимназическому курсу, а остальныя двѣ по очереди—въ одномъ году за учебное руководство по курсу элементарному и реальныхъ училищъ, въ другомъ же году за книги для народнаго чтенія. Въ 1879 году по завѣщанію Н. П. Парначева представленъ въ Императорскій Московскій университетъ капиталъ 18,400 руб. на учрежденіе изъ процентовъ съ него преміи завѣщателя, выдаваемой черезъ каждые два года за лучшее сочиненіе по естественнымъ наукамъ, медицинѣ, сельскому хозяйству и проч., по присужденію совѣта означеннаго университета. Въ 1880 г. генералъ-майоръ Юшеновъ отказалъ въ Императорскую Академію Наукъ 25,000 руб. на учрежденіе на вѣчныя времена преміи за выдающіяся открытія и работы по наукамъ математическимъ, физическимъ и медицинскимъ. Въ 1880 г. д. с. с. Костомаровъ внесъ въ Императорскую Академію Наукъ 4.000 р. для выдачи ихъ въ видѣ премій за лучшій малороссійскій словарь. Для соисканія преміи назначается шестилѣтній срокъ. Въ память бывшаго статсъ-секретаря графа Сперанскаго по случаю столѣтія со дня его рожденія образованъ въ 1879 году особый капиталъ, имѣющій цѣлью содѣйствовать развитію отечественной литературы по уголовному праву увѣнчаніемъ лучшаго изъ выходящихъ сочиненій этого рода поощрительными наградами: для автора—денежная премія съ малою медалью, для рецензента—разсматри-

вающаго сочиненіе,— большая медаль. Присужденіе наградъ предоставляется юридическимъ факультетамъ всѣхъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ съ соблюденіемъ между ними очереди, установленной министромъ народнаго просвѣщенія.

Пожертвованія. Многія частныя лица и общества, сочувствуя образовательнымъ цѣлямъ своего государства и стремясь, съ своей стороны, содѣйствовать правительству въ дѣлѣ распространенія образованія въ своемъ отечествѣ, дѣлаютъ многочисленныя и часто значительныя пожертвованія. Эти пожертвованія назначаются на стипендіи для воспитывающихся и учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ или же опредѣляются на учрежденіе различныхъ учебныхъ заведеній, какъ высшихъ, такъ и среднихъ и низшихъ. Такое общее стремленіе во всѣхъ слояхъ общества оказать свое содѣйствіе правительству въ его заботахъ о распространеніи образованія способствовало въ короткое время учредить тѣ многочисленныя учебныя заведенія, которыя распространены въ настоящее время по всему обширному пространству нашего отечества, и поставить ихъ на ту высоту, на которой они должны находиться въ образованномъ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, служа выраженіемъ безпредѣльной любви къ своему Государю и своему отечеству, такое общее стремленіе всѣхъ слоевъ общества къ обезпеченію русскихъ дѣтей и юношей на время ихъ воспитанія и обученія показываетъ, насколько высоко общество цѣнитъ образованіе, какъ залогъ нравственнаго и матеріальнаго благоденствія.

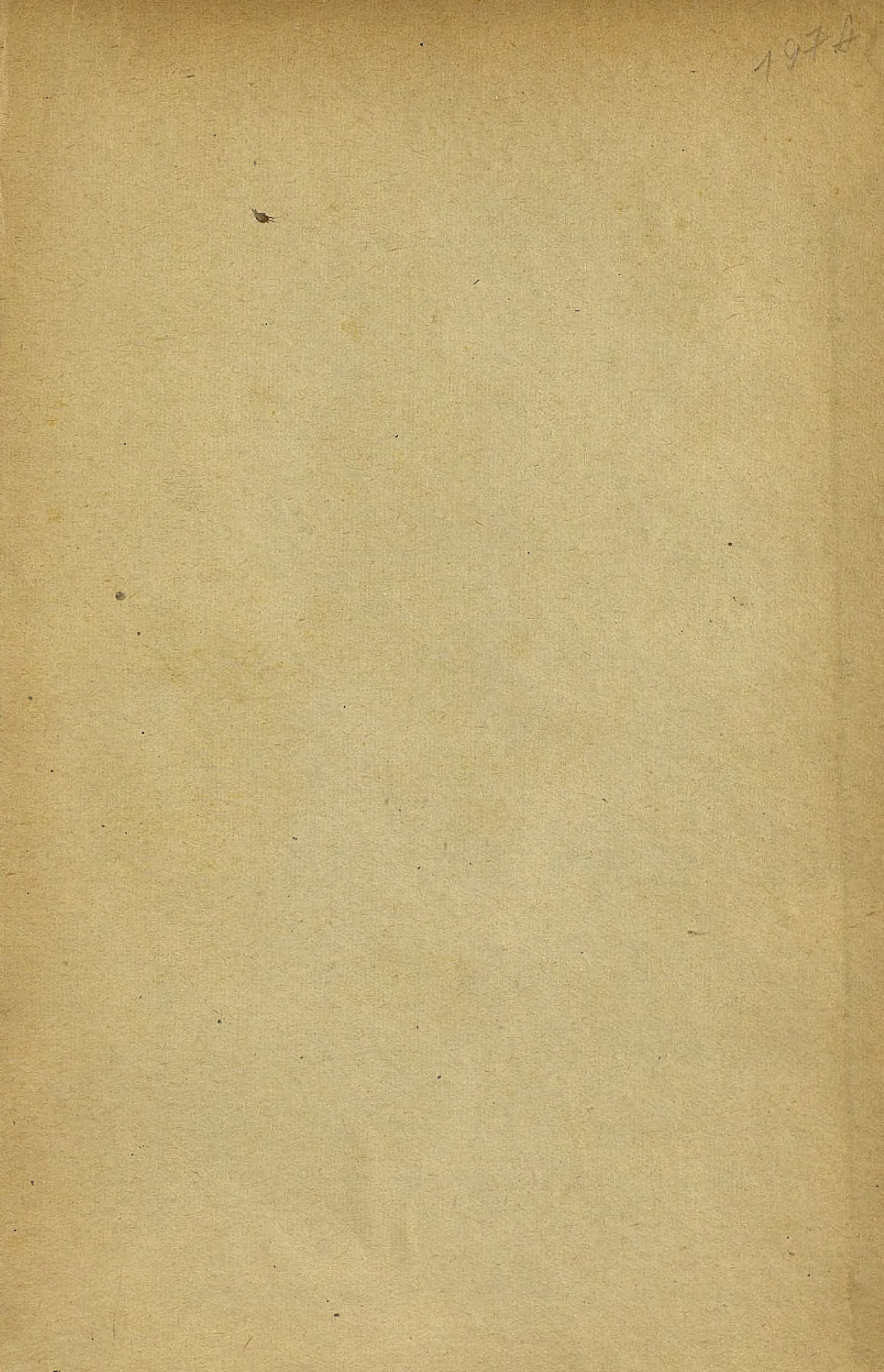
Не ставя себѣ задачею переименовать всѣ сдѣланныя съ этою цѣлью многочисленныя пожертвованія, укажемъ лишь на нѣкоторыя изъ нихъ, заимствованныя изъ Сборника Постановленій и Распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1857 году учреждены въ Московскомъ университетѣ на капиталъ въ 7010 рублей, пожертвованный разными лицами, стипендіи имени проф. Грановскаго: проценты съ капитала предоставляются окончившему курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, объявившему желаніе держать экзаменъ на дальнѣйшую ученую степень при Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету. Д. с. с., попечитель Лазаревскаго института, И. Лазаревъ, сверхъ прежнихъ суммъ, пожертвовалъ еще въ пользу института принадлежавшій ему домъ со всѣми строеніями и землею (2983½ квадратныхъ сажени) и по духовному завѣщанію своему съ тою же цѣлью 50,000 рублей. Братъ его, покойный д. с. с.

Х. Лазаревъ, пожертвовалъ также на содержаніе сего заведенія 10,000 рублей. Въ 1858 году дворянство Курской губерніи пожертвовало на содержаніе при благородномъ пансіонѣ тамошней гимназіи 40,000 рублей. Въ память заслугъ Василія Андреевича Жуковскаго на капиталъ 13,000 рублей, оставшійся отъ сдѣланныхъ почитателями его таланта добровольныхъ приношеній на сооруженіе ему надгробнаго памятника, учреждаются четыре стипендіи его имени, двѣ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ и двѣ въ Тульской гимназіи. Потомственный почетный гражданинъ московскій первой гильдіи купецъ К. Поповъ учредилъ на собственный счетъ въ посадѣ Большихъ Соляхъ Костромской губерніи приходское училище, пожертвовавъ на оное 35,000 рублей (въ 1863 году). Торгующіе на Апраксиномъ дворѣ шапочнымъ товаромъ ходатайствуютъ въ 1867 году о разрѣшеніи имъ сбора добровольныхъ пожертвованій на устройство въ Апраксиномъ переулкѣ близъ того мѣста, гдѣ жилъ Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ, безплатной школы для дѣтей бѣдныхъ мастеровъ съ наименованіемъ ея комиссаровскою Костромскою. Для скорѣйшаго же осуществленія открытія школы купеческій сынъ Е. Руссиновъ и петербургскіе второй гильдіи купцы Ивановъ и Павловъ жертвуютъ съ этою цѣлью, кромѣ собранныхъ ими 6,000 рублей, помѣщеніе со всѣмъ обзаведеніемъ, обязываясь сверхъ того жертвовать ежегодно каждый по 150 рублей. Въ 1868 году городское общество положило учредить въ Москвѣ на счетъ общественныхъ городскихъ суммъ центральное городское училище первоначальнаго обученія на сто мальчиковъ изъ семействъ московскихъ гражданъ, посвятивъ это училище имени Высоконоворожденнаго Великаго Князя, и ремесленное общество увеличило штатъ воспитанниковъ 25 воспитанниками изъ дѣтей наибѣднѣйшихъ ремесленниковъ съ платнымъ содержаніемъ и обученіемъ на счетъ сословной казны. Въ 1868 году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе въ имперіи подписки въ теченіе года на покупку въ Бѣлевѣ Тульской губерніи дома поэта Жуковскаго, съ цѣлью устройства въ немъ народнаго училища, и продолженіе подписки на Ломоносовскую школу въ селѣ Денисовкѣ. Въ память трехсотлѣтія печатника Ивана Өеодоровича, по случаю истеченія трехсотъ лѣтъ со дня отпечатанія имъ перваго Евангелія, Его Величеству благоугодно было соизволить въ 1870 году на открытіе по имперіи подписки съ цѣлью, смотря по возможности, устройства памятника на мѣстѣ погребенія Ивана Өеодоровича въ

городѣ Острогѣ Виленской губерніи или же для выбитія въ память его медали. Въ 1870 году д. с. с. Нарышкинъ передалъ въ распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія капиталъ въ 250,000 р. на содержаніе на проценты съ онаго института для приготовленія учителей въ начальныя народныя училища согласно съ выраженнымъ имъ условіемъ. Кромѣ того въ 1871 году жертвователь Нарышкинъ изъявилъ намѣреніе присоединить къ этому капиталу еще 150,000 рублей для расширенія заведенія и его преобразованія. Княгиня Италійская графиня Елизавета Ивановна Суворова-Рымникская, желая исполнить волю покойнаго ея мужа, графа Николая Алексѣевича Кушелева-Безбородко, увѣдомила Министерство Народнаго Просвѣщенія, что она приняла за лучшее назначенный на богоугодныя заведенія капиталъ 105,000 рублей присодинить къ капиталу лицея князя Безбородко, какъ заведенія, въ высшей степени полезнаго и богоугоднаго. Воронежскій первой гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ Нечаевъ, въ 1870 году пожертвовалъ 30,000 рублей на учрежденіе въ Воронежѣ двухклассной народной школы. Въ 1871 году коммерціи совѣтникъ Поповъ пожертвовалъ 12,000 рублей на пріобрѣтеніе усадьбы для учрежденія въ ней Новинской учительской семинаріи. Въ 1872 году графъ Тышкевичъ пожертвовалъ 25,000 рублей на устройство 2-ой Виленской реальной гимназіи. Въ 1873 году камеръ-юнкеръ Демидовъ князь Санъ-Донато въ пользу бѣдныхъ студентовъ университета Св. Владимира установилъ жертвовать по 2,000 рублей ежегодно. Глуховское земство Черниговской губерніи опредѣлило передать подъ помѣщеніе предполагаемаго къ открытію учительскаго института, зданіе, вмѣстѣ съ усадебною землею, цѣнностью болѣе 20,000 рублей. Вдова с. с. А. М. Быковская по порученію покойнаго ея мужа представила 200,000 рублей для учрежденія на счетъ процентовъ стипендій имени покойнаго ея мужа с. с. Г. Я. Быковскаго въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и третьей Харьковской гимназіи. Въ томъ же году она пожертвовала еще 100,000 рублей для учрежденія стипендій послѣ ея смерти имени покойнаго ея отца майора Подколзина. Коммерціи совѣтникъ Поляковъ пожертвовалъ 30,000 рублей на устройство частныхъ начальныхъ еврейскихъ училищъ. Дворяниномъ Н. Микуличемъ по завѣщанію пожертвовано 87,000 рублей и все движимое имущество на постройку дома при Одесской римско-католической церкви для призрѣнія дѣтей, обучающихся при той же церкви.

Въ 1880 году генералъ-лейтенантъ Максимовичъ отказалъ С.-Петербургскому университету на учрежденіе стипендій 23,000 рублей. Въ 1878 году полковникъ П. И. Бычковъ представилъ въ Московскій университетъ капиталъ въ 25,000 рублей для выдачи изъ процентовъ пособій нуждающимся студентамъ. Въ 1880 году умершій коллежскій совѣтникъ Николаевъ завѣщалъ въ пользу Владимирской женской гимназіи 25,000 рублей. Въ память двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Его Императорскаго Величества служащіе въ Одесскомъ учебномъ округѣ представили 13,200 рублей на стипендію. Вологодское губернское земское собраніе и городская дума пожертвовали по 30,000 рублей на пріобрѣтеніе дома для мѣстнаго реальнаго училища. Поляковъ пожертвовалъ 200,000 рублей на устройство коллегіи Императора Александра II. Хаминовъ въ 1880 году пожертвовалъ на устройство училища домъ и 50,000 рублей.

1978

